

В
ВГ

ОТЦЫ
ОСНОВАТЕЛИ

Василий
ГОЛОВАЧЕВ

ЛИК
БЕСА

ЭКСМО

Василий ГОЛОВАЧЕВ

ЛИК БЕСА

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ
РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ЭКСМО

Василий
ГОЛОВАЧЕВ

Василий

ГОЛОВАЧЕВ

ВТОРЖЕНИЕ В РЕАЛЬНОСТЬ
ПРАВИЛА БОЯ
СКАЗАНИЯ О ВЕЕРЕ МИРОВ
ГАСИТЕЛИ СОЛНЦ
ЛИК ВЕСА

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Васильев

ПОНОВАЧЕВ

ЛИК БЕСА

ПОГОВО ЗВЕРЯ
ИСХОД ЗВЕРЯ

Москва
ЭКСМО
2005

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Г 61

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2005 году

Головачев В. В.

Г 61

Лик Беса: Фантастические романы. — М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 672 с. — (Отцы-основатели: Русское пространство).

ISBN 5-699-13472-7

Мастер единоборств Антон Громов в этой жизни повидал всякое: и тюрьму, и войну. В нечистую силу не верил, и без нее слишком много грязи и боли на земле. Но именно воины преисподней, служители храма Морока, что уже тысячи лет стоит на берегу священного Ильмень-озера, стали его противниками. И победить черное воинство можно только уничтожив Лик Беса — магический камень, служащий Мороку вратами проникновения в наш мир.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-13472-7

© Головачев В. В., 2005
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2005

ЛОГОВО ЗВЕРЯ

Глава 1

ПОСЛЕДСТВИЯ ОШИБКИ

Ночь перед освобождением Громов спал плохо. Ему снилось все то же — бой в Бартангском ущелье, куда его забросили в составе группы рэксов ГРУ с заданием взять в плен или уничтожить полевого командира таджикской оппозиции Сулеймана, — память даже во сне возвращала Антона к истокам истории, в результате которой он оказался в Шантарской колонии особого режима под Нефтеюганском...

Старшего лейтенанта Романа Козырева перевели в группу откуда-то со стороны, говорили, что из подразделения анти-террора ФСБ. Антона сразу насторожили его манера держаться — грубовато-фамильярная, снисходительная, нетерпимость к чужому мнению и склонность к жестокости во время тренировок по рукопашному бою.

Антон к этому времени уже восемь лет работал в Главном разведуправлении инструктором по рукопашному бою, преподавал унибос и барс, одновременно накапливая и отрабатывая элементы русского стиля, получившего среди мастеров боевых искусств название — русбой. Первый учитель Громова, один из адептов русского стиля, владеющий, кроме всего прочего, да-цзе-шу, говорил:

— Сила бойца не в том, чтобы хорошо драться, а в том, чтобы не драться вообще.

Он имел в виду, что главное в искусстве пресечения боя — не показать свое мастерство, а не дать противнику провести прием. С тех пор Антон усвоил, что соперника надо бить, а не драться с ним, чем и руководствовался во всех ситуациях, какие бы ни случались в жизни. Но и он был против излишней агрессивности и жестокости в бою, учебном или реальном, применяя лишь то минимальное количество ударов или

приемов, которые позволяли быстро и без возни вывести противника из строя.

Козырев же буквально наслаждался процессом избияния, не обращая внимания на чувства окружающих, и нередко травмировал спарринг-партнеров, прекрасно владея унибо-сом. На третьем занятии Антон не выдержал и остановил поединок, жестом попросив очередного члена группы с рас-сеченной бровью зайти в медпункт. Исподлобья посмотрел на разгоряченного схваткой, улыбающегося Козырева (метр во-семьдесят пять, мускулистый, поджарый, можно сказать — красавец, если бы не нагло-презрительная складка губ и слишком глубоко и близко посаженные глаза):

— Молодой человек, боевые искусства не имеют ничего общего с тем садистским удовольствием, с каким вы работае-те в спарринге. Прошу вас учитывать, что перед вами не враг, а ваш коллега.

— К черту, — небрежно отмахнулся Роман, показывая бе-лые зубы. — Мы не в институте благородных девиц, пусть знает, что его ждет в реальном бою. Жизнь вообще надо рас-сматривать как бой. К тому же вы сами говорили, что про-тивника надо бить, а не гладить.

— Но перед вами ваш товарищ, с которым, возможно, придется идти на задание.

— Пусть больше времени уделяет отработке приемов, я же только показываю изъяны в его боевой подготовке, которой, кстати, занимались вы.

Члены группы, среди которых не было ни одного рядово-го или сержанта, только лейтенанты, старлеи и капитаны, за-роптали, но Антон поднял руку, и наступила тишина.

— Стало быть, я, по-вашему, плохой инструктор?

— Ну, не плохой, — засмеялся Роман, — но я знавал сэн-сэев и получше.

— Понятно. Становитесь.

— Что?!

— Покажите мне, на что вы способны. Разрешаю все приемы.

Роман недоверчиво сморщил нос, оглядывая лица сослу-живцев, посмотрел на невозмутимо стоящего напротив Ан-тона, глаза его сузились.

— А если я вас... уложу?

— Они свидетели: я беру ответственность на себя. Хотя предупреждаю: мой ответ вам не понравится. Но главное не в

этом. Если вы проиграете, извольте выполнять все мои приказания.

Роман осклабился.

— Идет. Только я не проиграю. Видимо, нам придется искать нового тренера.

Он прыгнул к Антону, и начался короткий, но очень сложный в техническом и психологическом плане бой, в котором каждый из соперников решал совершенно противоположные задачи. Роман хотел доказать во что бы то ни стало свое превосходство, Антон просто реализовывал свои возможности. Он знал, что убить человека очень легко, гораздо труднее — победить. Как говорил его учитель Владимир Васильев, уехавший, к сожалению, несколько лет назад в Канаду: искусство убивать — всего лишь одно из вспомогательных умений, необходимых для того, чтобы жизнь была долгой.

Козырев на самом деле был хорошим бойцом, может быть, лучшим из тех, с кем до этого встречался Антон. До армейских прикладных боевых систем он явно изучал карате и кунг-фу, а также знал приемы да-цзе-шу, позволявшие остановить противника сильнейшей болью или повредить его руки, ноги, голову, ребра. Роман, вероятно, мог не хуже тайских мастеров ударом ладони перебить бедренную кость человека. Однако по-настоящему владеть боевым искусством — это значит уметь не только без всяких ограничений бить и бросать, знать приемы нападения и защиты, не оставляя противнику ни малейшего шанса ответить, но и полностью контролировать ситуацию боя, превращая любое действие соперника в свое оружие.

Роман отлично владел телом и приемы менял весьма органично, не задумываясь над тем, что будет делать в последующий момент схватки. Он тоже умел контролировать процесс воздействия на противника, извлекая максимум пользы из каждой конкретной боевой ситуации. Но все же уровень Антона был выше.

Антон вряд ли физически был слабее Романа, однако готовность найти нестандартный выход из положения, сила воли и устойчивость психики в жизни, а тем более в бою оказываются необходимыми гораздо чаще, чем бычья сила и умение наносить мощные удары. Антон не просто дрался, используя богатейший арсенал приемов, он владел системой построения движения — своеобразной силовой паутиной возможных траекторий и способен был показать втрое боль-

ше приемов, чем Роман, который лишь выбирал — пусть и на подсознательном уровне — схемы ответов и движений, разработанных до него. И еще Антон владел биоэнергетикой тела, своего и соперника: часто обходясь даже без касания, заставлял его падать, отшатываться и промахиваться там, где, казалось бы, ничто не препятствовало проведению приема. Антон был человек-процесс, человек боя, мастер, и лишь такие самоуверенные, физически развитые, но недалекие в интеллектуальном плане люди, как Роман, не замечали его внутренней силы.

Русбой, как древнейшая система воинского искусства и самореализации человека, существовавшая задолго до кунг-фу и карате (это, по сути, его отголоски), позволял воздействовать на человека посредством магии движений, способных как убивать, так и излечивать от смертельных ран. Русбой, как современная система, заново открываемая собирателями и конструкторами праславянского воинского искусства, вобрав в себя лучшие методики разных школ, провозгласил девизом эффективность и универсальность, а целью — умение добиваться необратимого преимущества в любом бою, в любом месте и в любое время, находить нестандартное решение в любой ситуации и сохранять высокую боевую готовность при длительных перерывах в тренировках.

Многие приемы кунг-фу, айкидо, самбо, да-цзе-шу и тайдзюцу вошли в фонд возрождаемого русбоя органичными составляющими, ничуть не ломая его схем и базовых тактик, как бы подчеркивая то общее, что было когда-то разработано и внедрено предками. Были в арсенале русбоя и приемы смертельного касания дим-мак, и удары по «точкам смерти» на теле человека, и восемь ударов шаолиньских школ, позволявшие остановить противника сильной болью, но не причинявшие существенного вреда здоровью: удары в брови, переносицу, ногой в голень, в грудь, в спину между лопатками и так далее.

Роман тоже знал эти удары, хотя применить пытался в основном приводящие к серьезным повреждениям или к смерти, но Антон ни разу не открылся, защищенный «силовой паутиной» возможных ответов, и сам вынудил противника войти в азарт и раскрыться. Удар Антона последовал неожиданно и был малозаметен — костяшкой указательного пальца в точку над губой, но этого оказалось достаточно, чтобы умирить пыл Романа и разозлить его до степени потери внима-

тельности. Козырев взвыл от ярости и бросился в атаку со «строительством этажей», когда один кулак наносит два-три удара в разных направлениях, целя Анто́ну в висок, в горло и в пах, однако нарвался на еще один незаметный с виду удар — в ключицу и отскочил, держась рукой за пораженное место. Антон мог добить его одним выпадом или бросить на пол, но не стал этого делать. Сказал, глядя в расширившиеся от боли глаза парня:

— Боевое искусство должно применяться только там, где требуется, и ровно столько, сколько необходимо для решения конкретной задачи. Я мог сломать вам ключицу или выбить зубы, но не стал этого делать, потому что не демонстрировал свои возможности, а отстаивал честь школы. Это разные вещи. Вы поняли?

— Вам просто повезло... — буркнул Роман, в глазах которого горело желание отомстить победителю, но он уже проиграл и понимал это, а вдобавок боялся боли. Губа у него уже вспухла и полиловела.

— Возможно, — согласился Антон, оставаясь спокойным. — Тем не менее вам придется выполнять мои требования. В противном случае будете заниматься у другого инструктора. Договорились?

Остальные члены группы оживились, задвигались, с уважением поглядывая на своего учителя, подтвердившего свое реноме и марку школы, а самый веселый из них, капитан Юра Шохов, хлопнул Романа по плечу и со смехом произнес:

— Не удалось нашему теляти волка съисты, как говорят братья-хохлы.

Этот инцидент произошел во вторник двадцать первого сентября, а уже в четверг двадцать третьего группу забросили в Таджикистан. Причем вместе с ней отправили и Антона, что оказалось для него полнейшей неожиданностью: обычно инструкторов его класса на задания не посылали, они приносили больше пользы, работая в учебке.

Группу высадили из вертолетов у края Бартангского ущелья днем, совершенно не скрываясь от чужих и своих собственных наблюдателей, потому что, по официальным данным, это был отряд русских военных строителей, который должен был начать строить военный городок в зоне границы Таджикистана с Афганистаном для контингента миротворческих сил. Всего выгрузились двадцать пять человек, но из них лишь четырнадцать были строителями, остальные входили в

разведдиверсионную дружину под командованием подполковника Мамедова, уроженца здешних мест.

Оружия по понятным причинам с собой не брали, оружие и экипировку для выполнения задания должны были подвезти позже в заранее подготовленное место, откуда отряд собирался начать рейд в горы, к месту расположения лагеря Сулеймана.

Что случилось потом, спустя несколько часов после выгрузки, Антон так и не понял. То ли плохо сработала группа наблюдения и подготовки, пропустив к лагерю «строителей» таджикских боевиков, то ли произошла прямая утечка информации (о готовящемся захвате знали высокопоставленные лица в Душанбе и в Москве), то ли изменилась обстановка и группу решили сдать или подставить, чтобы скомпрометировать командование российского ГРУ. Факт оставался фактом: когда к ущелью подошел отряд Сулеймана численностью в сорок человек, «строители» оказались безоружными на открытой местности и не имели ни малейшего шанса на отступление или сопротивление. Этот шанс появился позже, когда опьяненные легкой победой боевики на какое-то время потеряли бдительность.

Антон, с руками на затылке, стоял крайним в группе, возле нагромождения камней, за которым начинался крутой спуск к реке. Слева на каменистой площадке, где еще до прибытия строителей стояли две юрты чабанов, лежали груда строительного снаряжения, контейнеры, бочки, доски, а за площадкой, к которой вела узкая каменистая дорога, стояли три джипа и БТР боевиков. Сами они по-хозяйски разбирали вещи прибывших, копались в рюкзаках, ржали, расхаживали по площадке со вскинутыми к плечам дулом вверх автоматами и на пленников не глядели.

Группу охраняли трое бородачей, лениво жующих жвачку, но лишь один из них держал разведчиков под прицелом автомата, двое других носили оружие на ремне за плечами. Антон поймал косой взгляд Юры Шохова и понял, что тот готов действовать. Надо было отвлечь бандитов и начать атаку, прежде чем Сулейман примет решение списать строителей в расход или же взять в плен заложниками, что было не намного лучше.

Юра Шохов осторожно переместился подальше от Антона, по пути перемигнувшись с Мамедовым и двумя другими членами группы захвата — Сашей Морданем и Костей Бо-

жичко. Но подходящего момента все не было, охранник с автоматом не спускал с пленников глаз, лишь изредка поглядывая на своих собратьев за спиной, а отвлечь его было нечем. И в это время появился командир боевиков в сопровождении трех телохранителей, бородатый, как и они, с зеленой лентой через лоб, вооруженный новейшим крупнокалиберным пистолетом-пулеметом «ингрэм» американского производства, одетый в пятнистый комбинезон десантника. На плече у него красовался погон с золотыми кистями и одной огромной звездой, что, наверное, должно было обозначать звание — не то генерал, не то маршал. Это и был тот самый Сулейман, не признающий ни официальной власти, ни вооруженной оппозиции, ни Бога, ни черта. Человек, объявивший джихад всем, кто хотел мира этой многострадальной земле. Именно его и надо было захватить группе Мамедова. Фортуна словно смеялась над разведчиками, повернув их судьбу на сто семьдесят градусов.

— Эй, разведка, выходы вперед, — сказал он с акцентом, оглядывая пленников нехорошим прицеливающимся взглядом. — Эсли нэ выдэш, расстреляю всех.

Солдаты-строители, не знавшие о принадлежности своих коллег к секретным спецподразделениям, начали недоуменно переглядываться, не понимая, чего от них хотят, разведчики же молчали, еще и еще раз прикидывая свои возможности и матерясь про себя в бессильной ярости.

— В последний раз гаварю. — Сулейман поднял пистолет-пулемет. — Я все про вас знаю, кто и зачѐм вас суда послал. Выходи па аднаму.

Антон понял, что если не начать сейчас, через мгновение будет поздно, их всех положат автоматными очередями, а против очереди в упор не поможет никакая школа рукопашного боя. Он сделал шаг к бородачу слева, преданно глядящему на своего командира, но в это время вперед выскочил Роман.

— Я скажу, только не убивайте! Здесь только одиннадцать человек — спецгруппа десанта, остальные — «нагрузка», лохи из стройбата, за них хорошего выкупа не дадут... — Козырев говорил торопливо, слова наскикивали одно на другое, застревали в горле, руки парня тряслись, и было видно, что он не играет.

— Маладэц, — засмеялся Сулейман, — мы тэбэ не убьем. Гавары.

И в этот момент Антон прыгнул к стерегущему их бородачу, одним движением пальца вырвал у него кадык и отобрал автомат. То же самое успел сделать Юра Шохов, начавший действовать одновременно с Антоном с другой стороны. Не дремали и Мордань с Божичко, бросаясь к двум другим охранникам, слишком поздно схватившимся за оружие.

Два автомата ударили точно и неожиданно, укладывая телохранителей Сулеймана и ближайших бандитов. Затем к ним присоединились автоматы Морданя и Божичко, а спустя несколько секунд заговорило оружие, снятое остальными разведчиками с убитых боевиков.

Бой длился около двух минут. Местность была открытая, и спрятаться боевикам было негде, поэтому профессионалы диверсионно-разведывательной группы тратили на каждого не больше двух патронов, а когда те наконец опомнились и открыли ответный огонь, было уже поздно. Последних «воинов Аллаха» добили дружным залпом с трех сторон, изрешетив джипы и подорвав из гранатомета (также трофейного) БТР. Однако Сулейман, зверь битый и опытный, среагировал на атаку разведчиков так быстро, что едва не ушел.

Он бросился бежать сразу же после первого выстрела Антона, прикрывшись своими подручными, как живым щитом, а потом метнулся за юрты, где начинался спуск в ущелье. Мамедов и Костя Божичко этого не заметили, занятые своим делом, но увидел Юра Шохов, и Антону пришлось скакать за ним вприпрыжку под огнем боевиков, чтобы вовремя образумить. Однако он не успел.

Сулейман оставил за собой гранату с выдернутой чекой, срабатывающей с десятисекундной задержкой, и весельчак Шохов погиб, буквально наспигованный тремя десятками осколков, налетев грудью на взрыв.

Антон не стал догонять командира боевиков по его следу. Он вспомнил, как вьется, спускаясь, тропа, и успел ужом скользнуть вниз, цепляясь за выступы скал, к повороту тропы как раз перед тем, как на ней показался Сулейман.

Вожаком бандформирования, промышляющего террором и похищением людей, тот был, наверное, хорошим, раз за ним люди шли на любой риск, мастером же рукопашного боя — никаким. Конечно, некоторые приемы он знал, но больше привык полагаться на силу, автомат и на мощных качков-охранников, способных дробить кулаками кирпичи. Кроме того, он курил «травку», не способствующую повыше-

нию тонуса, и медленно уходил в мир безумия, доказывая это на практике: говорили, что Сулейман не просто издевался над пленниками, но делал это с наслаждением, растягивая пытки на много дней.

Они увидели друг друга одновременно, но реакция у главаря боевиков была все же не столь быстрой, и пока он разворачивал пистолет-пулемет — бежал Сулейман боком, глядя больше назад, — Антон успел метнуть в него кинжал, который раздробил кисть руки на рукояти «ингрема», а потом достал Сулеймана в прыжке, отбрасывая к скальной стене. И тут же хладнокровно добавил петлевой удар ногой в лицо, заставивший противника отшатнуться на краю тропы и с криком рухнуть в пропасть. Гранату, которую он держал в левой руке, Сулейман так метнуть и не успел, и она взорвалась уже где-то на дне ущелья.

Горы вздрогнули, породив недолгое рокошующее эхо, и наступила тишина.

Когда Антон взобрался обратно на площадку перед спуском в ущелье, там уже подсчитывали потери. У разведчиков погибли двое — Шохов и Божичко, у строителей — трое, и еще пятеро были ранены. Боевики легли почти все, за исключением двоих-троих, которым посчастливилось скрыться в горах. Но компенсировать потери россиян это, конечно, не могло.

Роман, к удивлению Антона, уцелел, получив пулевое ранение в плечо. Самое смешное, что он на полном серьезе доказывал, что своим вмешательством пытался отвлечь бандитов, чтобы группа смогла начать атаку, а рана как бы служила доказательством его правоты, что впоследствии сыграло свою роль. Это именно его показания легли в основу уголовного разбирательства инцидента, якобы происшедшего по инициативе приданного спецгруппе захвата инструктора по рукопашному бою Антона Громова. Разбирательство длилось около двух недель, после чего Антон и получил срок — пять лет «за действия, повлекшие гибель членов спецгруппы «Рэкс» и солдат-строителей».

Оказывается, сопротивляться в условиях, в какие попала спецгруппа, было на самом высоком уровне признано нецелесообразным, а то, что командир боевиков Сулейман был убит, послужило дополнительным аргументом в пользу осуждения Антона. Как говорится, умом тебя не понять, российское правосудие, как не понять военное командование, по

сути сдавшее своего работника в угоду политике. Но давно известно: то, что может сделать один дурак, не под силу исправить и десятку мудрецов, а жизнь показывает, что там, наверху, где всегда была тьма власти, дураков гораздо больше, чем мудрецов...

Так говорил сам себе Антон в порядке успокоения, понимая, что никто ему не поможет, когда его этапировали под Нефтеюганск, так он утешал себя в течение четырех лет отсидки (его выпустили на год раньше за примерное поведение) в колонии особого режима, работая на нефтедобыче. Он не копил в душе обид, зла и ненависти к тем, кто осудил его практически ни за что на пять лет, но в душе дал клятву разобраться с этой историей до конца — кому было выгодно представить все в таком свете, что виноватым оказался «стрелочник» — инструктор спецподготовки разведчиков-диверсантов. Вторым пунктом его плана возвращения в большую жизнь была попытка найти свое место в новой России, раздираемой политиками и олигархами на удельные княжества...

— Громов — на выход! — раздался голос дежурного по барaku. — С вещами!

И Антон, ощущая спиной взгляды зеков, с которыми прожил четыре года в одном бараке, слыша их приглушенные голоса — его уважали и желали удачи, — вышел в мутное августовское утро начала века, не зная, что ждет его впереди.

До станции Потудань он добирался пешком, пьяный от свободы, чистого летнего воздуха, неистовой зелени по обе стороны дороги, цветочных ароматов и желания проснуться. Взял билет на электричку до Нефтеюганска и не заметил, как доехал, занятый больше не внутренним созерцанием, а разглядыванием пейзажей и лиц пассажиров электрички, вдруг понимая, что соскучился по обыкновенным человеческим лицам, на которых можно было прочесть не только усмешку, наглое превосходство или желание «оторваться» на том, кто послабей.

В родной Ярославль он прибыл в ночь на девятое августа, усталый от впечатлений и переживаний, жадно прислушиваясь к разговорам вокруг и формируя мнение, что жизнь в России пока к лучшему не изменилась. По-прежнему простой народ терпел задержки зарплаты и пенсии, хамство и

произвол чиновников, всесилье торговых людей, воровство и бандитизм. По-прежнему мафиози делили Россию на зоны контроля, а продажные политики в этом им способствовали. По-прежнему милиция боролась с бандитами, почти ничем от них не отличаясь. Но это как раз Антона не волновало. Он надеялся, что сможет избежать каких-либо конфликтов, устроиться на работу и вновь почувствовать себя человеком.

Такое настроение сохранялось у него несколько дней, пока он обжился в старой квартире родителей, за которой в течение уже многих лет со дня смерти мамы приглядывала ее сестра тетка Валя в надежде на то, что когда-нибудь в ней будет жить племянник. И вот надежды ее сбылись.

По истечении недели оптимизм Антона несколько приуныл, он понял, что действительность не столь радужна, как он себе ее рисовал, сидя за колючей проволокой. Денег у него было немного, а работу найти не удавалось, несмотря на давние связи и знакомства, даже в спортивно-прикладных секциях и клубах, не говоря уже о коммерческих структурах или спецорганах. Начальники отделов кадров данных организаций, увидев «ксиву» бывшего заключенного, только разводили руками, не желая брать на себя ответственность за человека с таким прошлым. Власть и чиновничья рать в Ярославле давно поменялись, и никто из ныне действующих спортивных и военных боссов не помнил бывшего чемпиона города по самбо и кикбоксингу, а как тренер, инструктор спецшколы Антон был известен лишь ограниченному числу лиц, да и то в Москве.

К концу недели он окончательно пришел к выводу, что в Ярославле работы не найдет. Надо было ехать в Москву, восстанавливать связи там и, если не получится, устраиваться на любую работу, может быть, даже никак не связанную с его квалификацией и возможностями.

Разыскав в записной книжке номера телефонов старых друзей и приятелей, Антон позвонил в Москву, но поговорить смог лишь с Серафимом Тымко, которого знал еще по пятнадцатилетней давности периоду обучения в школе спецназа, но ничего хорошего не услышал. Серафим был вежлив, однако ничего предложить Антону не мог, прямо сказав, что человеку с пятном в биографии рассчитывать особенно не на что. Звонил Антон и своему старинному другу Илье Пашину, но не дозвонился. Видимо, у Ильи сменился номер или он вообще уехал из Москвы.

Подавив разочарование, Антон отложил поиски друзей на другое время и стал собираться в столицу, привычно составляя план на неделю вперед. А в понедельник утром, когда он закончил ежеутренний тренинг и завтракал, к нему явились гости.

Их было двое: пожилой мужчина с неподвижным, испещренным морщинами, темным от северного загара лицом и молодой человек боксерского вида, со сломанным носом и расплюснутыми ушами, белобрысый, с прической ежиком. Когда Антон на звонок открыл дверь, они молча уставились на него, словно ожидали увидеть кого-то другого, и Антон, хладнокровно выждав несколько секунд, без слов дверь закрыл.

Через мгновение звонок раздался снова.

— Извините, — заторопился молодой боксер. — Вы Громов?

— А вы кто? — не совсем вежливо поинтересовался Антон.

— Мы от одного очень уважаемого и авторитетного человека, — глухим насморочным голосом произнес морщинистый гость. — По поводу работы. Разрешите войти? Разговаривать на лестничной площадке как-то неудобно.

Антон молча посторонился, но в гостиную гостей не повел, усадил на кухне.

— Чай, кофе?

— Благодарим, по утрам не принимаем, — без улыбки сказал пожилой; чем-то он напомнил Антону помощника пахана в зоне, державшего под контролем всю колонию. — Мы знаем, что вы ищете работу, и хотим предложить хороший заработок.

— Кто это — мы? И что значит — хороший заработок?

— Хороший — это две-три штуки баксов в месяц, в зависимости от условий, плюс гонорар за выполнение задания. Мы — это одна серьезная дисциплинированная контора, требующая безусловного подчинения по вертикали.

— Мафия, что ли?

— Я бы не стал формулировать столь категорично, — скривил губы пожилой наниматель. — У нас свои отношения с законом, зато мы всегда добиваемся того, чего хотим.

— Что мне надо будет делать?

Гости переглянулись.

— Ты создаешь впечатление умного мужика, командир, — сказал боксер. — Неужели не догадываешься?

— Нет.

— Мы специализируемся на устранении неугодных боссу лиц и участии в рейдах по сопредельным территориям. Каждый рейд оплачивается особо. Ты прошел Афган, Чечню, так что должен знать, что это такое. Ну, как? Согласен?

Антон молчал, прикидывая, сразу ли спустить гостей с лестницы, отпустить с миром или подождать продолжения?

— Что молчишь? Надеешься устроиться? С такой биографией, после Шантарского курорта, тебе нигде ничего не светит.

Осведомленность гостей о его положении наводила на определенные размышления. Либо за Антоном следили с самого начала, с момента освобождения, либо у группировки, пославшей «менеджеров»-вербовщиков к бывшему инструктору ГРУ, был доступ к совсекретной информации спецслужб. Существовал, однако, еще один вариант: его проверяли люди как раз одной из спецслужб.

— Ну? — раздвинул большие, как олады, губы молодой человек; по-видимому, он действительно занимался боксом и был профессионалом.

Антон молчал.

— Может быть, тебе мало? — нахмурился пожилой «менеджер», переходя на «ты». — Скажи, обсудим. Профессионалов мы не обижаем.

Антон молчал, все еще не зная, что делать.

— Сколько хочешь?

— Да что ты с ним... — возмутился боксер, окидывая хозяина пренебрежительным взглядом.

Антон исподлобья посмотрел на него, открыл дверь кухни.

— Прошу.

Гости снова переглянулись.

— Ты че, мужик? — сузил глаза боксер. — Крыша поехала? С тобой ведь по-хорошему...

— Пошел вон!

— Да я тебя!..

— Усохни, Кувалда, — негромко сказал пожилой вербовщик.

Но боксер не послушался.

— Что ты с ним цацкаешься, как с шеф-поваром ресторана! Он же фраер недорезанный, четыре срока отмотал на на-

рах, а еще кочевряжится, делового из себя строит. Может, он вообще на хрен не годится, а мы его обхаживаем? Я же его одним пальцем перешибу!

Боксер сделал выпад правой рукой, целя в нос Антону, и тому ничего не оставалось делать, как пропустить удар — габариты кухни не позволяли увернуться, — слегка ослабив его поворотом головы. Однако боксер не имел понятия о приемах боя в условиях ограниченного пространства, и Антон в течение долей секунды успел съездить ему по расплюснутым ушам (тот вскинул руки и открылся) и дважды поразить парня в нервные узлы выпадами «утиного клюва» — сложными определенным образом пальцами.

— Забирайте своего бугая, — невыразительным голосом сказал он. — Вы ко мне не заходили, я вас не видел.

Пожилой вербовщик неведомой криминальной конторы глянул на упавшего напарника, прошелся оценивающим взглядом по лицу Антона, но оружие доставать не стал, хотя, судя по всему, был вооружен.

— Не пожалеешь, мастер?

— Нет, — сухо отрезал Антон. — Вы ошиблись адресом.

— Босс не одобрит твоего поведения. Парень ты крутой, но не круче навозной кучи, как говорится. Оставлю я тебе телефончик на всякий случай, вдруг надумаешь.

— Не надумаю.

Антон помог пожилому привести в чувство боксера, проводил обоих до порога и закрыл за ними дверь. С минуту прислушивался к звукам на лестничной площадке, потом проследил, как помятые наниматели садятся в «БМВ» серебристого цвета с московскими номерами, и стал собираться в дорогу. В связи с возникшими обстоятельствами откладывать поездку в Москву не стоило.

Глава 2

НАКАЗАНИЕ ЗА ОТКАЗ

К последнему туру конкурса Ксения неожиданно успокоилась. Перед этим она волновалась ужасно, прошла предварительный этап «на автопилоте», потом стала следить за собой и реакцией окружающих и поняла, что есть шанс победить. Она была самой красивой из всех двенадцати претен-

денток на звание «Мисс Новгород», знала два языка, английский и французский, хорошо пела и танцевала, очень мило, без жеманства, отвечала на вопросы и чувствовала, как мнение жюри склоняется в ее пользу. И успокоилась. Несмотря на кое-какие досадные и порой огорчительные странные моменты. Так, вчера ей начало казаться, что за ней следят не только судьи конкурса и зрители, но и подозрительные личности с мрачными лицами, явно не соответствующими царящей на конкурсе атмосфере приподнятого настроения, праздничности и ожидания красивого зрелища. Они смотрели на нее из зала, провожали из костюмерной на сцену и обратно, сопровождали во время прогулок по городу и на теплоходе по Волхову и даже мелькали в гостинице «Великий Новгород», где жили все конкурсантки, несмотря на то, что гостиница охранялась секьюрити конкурса. Ксения, конечно, на всех поклонников мало обращала внимания, но двух мужчин и старуху с суровым, строгим, морщинистым лицом со следами былой красоты запомнила, принимая их за журналистов, хотя они и не пытались приблизиться к ней, взять интервью или просто поговорить, как другие корреспонденты местных и центральных газет.

И все же взгляды этой молчаливой троицы изредка вызывали у Ксении внутреннюю дрожь. Но что стояло за этим разглядыванием, представить было трудно, да и не до того было Ксении, занятой своими мыслями и надеждами.

Последний конкурс после боди-программы — непринужденная светская беседа и ответы на вопросы — она прошла, покорив всех естественностью манер и умом, как во сне, чувствуя удивительную легкость в теле и эйфорическое головокружение, и уже не удивилась, когда именно ей досталась корона «Мисс Новгорода», увенчанная настоящим бриллиантом в двенадцать карат. Опомнилась Ксения лишь поздним вечером в своем номере в гостинице, когда отрыдалась от счастья и осталась одна после процедуры награждения. Позади были аплодисменты, восторженные речи, похвалы, предложения известных модельеров Новгорода и Москвы, суэта вручения короны и банкет. Впереди девушку ждали восхитительные заботы с подготовкой к новым конкурсам — «Мисс Россия» и в перспективе «Мисс Вселенная», работа в одном из рекламных агентств, круиз по Средиземному морю и летний отдых. Впереди Ксению ждала жизнь, потому что исполнилось ей всего восемнадцать лет.

К ней пришли в первом часу ночи — те самые угрюмые личности во главе со старухой, властный взгляд которой выдавал в ней натуру целеустремленную, суровую и непреклонную. Перечить ей было боязно.

Ксения только что приняла душ, накинула пеньюар, прошла по комнате номера, еще вслушиваясь в звучащие в ушах аплодисменты и улыбаясь своим ощущениям, как вдруг обнаружила, что она в комнате не одна. Вскрикнула от страха и изумления, машинально запахивая прозрачный халатик под взглядами мужчин.

— В-вы кто?! Как вы здесь оказались?!

— Успокойся, — строго сказала старуха. — Поговорить надо.

— Ни о чем я с вами разговаривать не буду, уходите!

— Будешь, милая. — Глаза старухи вспыхнули, и слова протеста застыли у Ксении на губах. — Сядь!

Девушка села, вернее, почти упала на диван, с недоверием и страхом глядя на непрошенных гостей, вспомнила об охранниках конкурсанток, потянулась было к телефону, но под взглядом старухи замерла.

— Никто тебе не поможет, — усмехнулась та. — Да и не нужны тебе помощники.

— В чем дело? — пролепетала Ксения. — Кто вы такие? Зачем пришли ко мне... так поздно?

Старуха глянула на мужчин, похожих друг на друга застывшим выражением лиц; один был высокий, смуглолицый, черноволосый, второй на две головы ниже, но вдвое шире, с русыми волосами, бородатый и усатый, но тем не менее они действительно походили друг на друга, как братья, особой звероватой статью и походкой, скрытой силой и темными, ничего не выражающими взглядами. Повинуясь жесту старухи, оба бесшумно вышли из номера, закрыли за собой дверь. Старуха осталась стоять посреди комнаты, оглядывая ее убранство, перевела взгляд на Ксению.

— Меня зовут Пелагея, я жрица храма Бога Морока. Знаешь, кто это такой?

— Нет, — прошептала Ксения одними губами, борясь с головокружением.

— Скоро узнаешь. Это великий воинственный Бог, он может дать тебе все: здоровье, силу, богатство, славу, — но и требует за то особого служения. Тебе будет дана великая власть, и ты нам подходишь.

— Почему?

— Потому что тебе восемнадцать лет, ты красивая и сильная и еще девица. — Синеватые сухие губы старухи раздвинулись в усмешке. — Когда-то и я была такой же. Собирайся, нас ждут. Скоро Морок засобирается домой из нашего мира через Ильмень-озеро, и мы должны успеть провести обряд посвящения.

— Но я... не хочу! — растерялась Ксения.

— Ты не понимаешь, красавица. Став жрицей храма, будешь иметь гораздо больше, чем сейчас. Да, кое-чем придется пожертвовать, но эта жертва ни в какое сравнение не идет с тем, что ты получишь.

— Какая жертва... о чем вы говорите? — прошептала Ксения, чувствуя, как на нее надвигается что-то темное и страшное. — Ничего не понимаю...

— Говорю тебе — поспеши, по пути все узнаешь. Этот год лют для нас, жриц, три уже преставились, замена нужна. Кроме тебя, еще двух девах надо сыскать и подготовить к посвящению.

— Я не... — Ксения осеклась.

Зазвонил телефон. Женщины посмотрели на него с разными чувствами: Ксения с надеждой, старуха Пелагея с досадой и недоумением. Девушка потянулась к нему рукой, но жрица храма Морока оттолкнула ее руку, неодобрительно покачала головой.

— Твоему дружку не стоило бы звонить так поздно.

— Откуда вы знаете, что это он? — покраснела Ксения.

— Знаю, — отрезала Пелагея. — Ну, я долго буду тебя ждать?

— Я никуда не пойду, — тихо, но твердо проговорила Ксения, внезапно ощущая ледяной озноб. Показалось, в комнате повеяло зимней стужей. — Уходите немедленно! А то позову охрану. Никакой власти и ваших подарков мне не надо, и жрицей вашего Бога я становиться не собираюсь.

Брови старухи сдвинулись, глаза сверкнули. Ксения почувствовала толчок в голову, едва не упала на пол от нахлынувшей слабости. Присела на кровать, держась за сердце.

— Уходите, прошу вас...

— Нет уж, красавица, или ты пойдешь с нами добровольно, или... — Старуха не договорила, снова пронзительно зазвонил телефон.

Угрюмо глянув на него, жрица сняла трубку, лицо ее напрыглось и потемнело.

— Не суйся не в свое дело! — процедила она сквозь зубы. — Твое заступничество еще никому не принесло пользы. Ты знаешь, Закон жертвы — универсальный закон нашей жизни, которая есть топтание в болоте обыденности. Каждая ступень эволюции Вселенной достигается жертвой, за каждое деяние надо платить.

Что ответил Пелагее неизвестный абонент, Ксения не слышала. Лицо старухи исказила злобная гримаса.

— Ты все равно не успеешь, волхв, а мы найдем себе учеников, не здесь, так в другом месте. Россия велика. Неужели не устал бороться с неизбежностью творить так называемое «добро»? Нет никакого добра в мире, нет никакого зла, но те силы, которые создают одно, творят и другое. Если ты этого до сих пор не понял, мне тебя жаль.

Старуха бросила трубку на телефон, и тот стал оседать, расплываться лужицей черного желе, испаряться, таять.

— Жаль, красавица, что мне не удалось тебя убедить. К сожалению, я не могу силой заставить тебя... — Старуха остановилась, потом добавила: — Но защитник твой не успеет прийти на помощь, он слишком далеко.

— Кто... он?

— Зачем тебе знать? Есть один... колдун, Евстигнеем кличут, да только один в поле не воин, и помощников у него нету. Ну все, девица-красавица, прощай, не встретимся мы боле в этой жизни, может, в следующей только.

— Я не хочу вас видеть... — прошептала Ксения, чувствуя новый приступ слабости, еще сильнее прежнего.

— А и не увидишь уже.

Старуха повернулась и вышла из комнаты. Последнее, что успела Ксения охватить гаснущим сознанием, было странное видение: будто потолок над ее головой вдруг превратился в дрожащий слой жидкости, пробежала по нему круговая волна, как от падения камешка, потом с него сорвалась вниз огромная водяная капля и тяжело ударила в лоб девушке. Больше она ничего понять не успела.

Наутро ее нашли мертвой, лежащей на полу посреди комнаты с открытыми глазами, в которых застыло странное выражение недоумения и ужаса.

Друзья и подруги пророчили Ольге Кондаковой карьеру кинозвезды, абсолютно не лукавя при этом: девушка была стройна, красива и умна, однако сама она выбрала другой путь — фотомодели и манекенщицы, впервые в пятнадцать лет попав на показ мод «от кутюр», проходивший в Новгородском театре драмы. С тех пор она мечтала только о карьере топ-модели, тайком от всех начав брать уроки танцев и «благородных манер» в единственной на весь Новгород школе современного бального искусства. Закончив лицей, она пришла к одному из самых известных модельеров города Борису Лисицину и предложила себя в качестве манекенщицы.

Лисицин сразу оценил природные дарования девушки, а также смекнул, какую пользу может из этого извлечь. Именно поэтому он не стал разворачивать процедуру «стандартного знакомства» с явной претенденткой на титул «топ-модель салона» — через ресторан и постель, а сразу ввел ее в коллектив. Через месяц, впервые появившись на подиуме нового новгородского культурного центра «Россия», Ольга произвела фурор. Лисицин даже предположить не мог, каков истинный потенциал обаяния его новой модели, хотя и порадовался ее успеху и своей прозорливости.

Он начал появляться с Ольгой «в свете», на приемах и фуршетах, показал ее в Москве известным отечественным кутюрье и потерял голову окончательно, ибо Ольга была не просто девушкой строгих правил, но и вполне понимала, чего от нее хотят и чего она может достичь. Лисицин сделал ей предложение стать его женой (уже третьей по счету) в день рождения Ольги: двадцать первого августа ей исполнялось восемнадцать лет. Ольга не сказала ни да, ни нет, обещав подумать над предложением, хотя для себя уже решила, что Лисицин ей не пара и надо искать более подходящий альянс. Пора было переезжать в Москву, где работали такие мастера, как Юдашкин, Зайцев и Марина Вэй.

Ольга никогда не отличалась наблюдательностью, однако все же заметила необычное внимание к своей особе со стороны странной троицы: двух мужчин средних лет и старухи с властным и строгим лицом. Мужчины даже в летнюю жару не снимали темные костюмы и плотные рубашки, а старуха носила какое-то старинное фиолетовое платье с оборками, черный ажурный жакет и потерявший цвет темный платок.

Впервые они появились в демонстрационном зале салона вечером двадцать третьего августа, и Ольга сразу отметила

необычность поведения гостей, явно не желавших, чтобы их замечали. Это впечатление оказалось верным. Троица буквально терялась на фоне стен, словно призраки, стоило обратиться на них внимание, но самым интересным было то, что охрана салона действительно этих людей не видела. Будто их на белом свете не существовало вовсе.

Между тем Ольга не раз ловила взгляды старухи, заставлявшие ее чувствовать стеснение и неприятный холодок в груди, а когда поделилась своими впечатлениями с подругой, гости исчезли... чтобы появиться еще раз и еще, пока Ольга не занервничала всерьез, вдруг сообразив, что неведомые ценители моды приходят смотреть именно на нее. Она уже собралась рассказать о неприятных посетителях Лисицину, когда упомянутые три мрачные личности заявили в костюмерную, где к этому времени оставались всего две девушки — сама Ольга и ее напарница и подруга Светлана.

— Иди домой, милая, — сказала старуха, глянув на Светлану так, что та проглотила все свои возражения. — А ты останься! — Взгляд посетительницы уколол Ольгу.

— Почему это? — строптиво возмутилась она, преодолев секундное замешательство. — Мне тоже надо идти домой.

— Сначала поговорим.

— Да кто вы такие? — Ольга почувствовала страх, хотя и попыталась его скрыть. — Что вам от меня нужно?

Старуха кивнула своим молчаливым спутникам, и те вышли следом за Светланой.

— Меня зовут Пелагея. Я жрица храма Морока. А теперь молчи и слушай, вопросы будешь задавать потом.

И Ольга услышала удивительную историю, которую вполне можно было назвать сказкой, если бы не жутковатый ее подтекст и присутствие живой жрицы древнего арктического Бога Морока, слуги еще более древнего и сильного Бога Чернобога, о котором Ольга до сего дня ничего не знала.

Оказывается, Морок, Бог северного ветра, войны и хищников, всего того, что связано с насилием, существовал с Начала Начал Вселенной. Жил он сперва на Земле, на Арктическом материке, но когда тот погрузился в воду, а океан покрылся льдами, Морок нашел себе другое место обитания, в каком-то другом мире, в недоступной живым людям реальности, и лишь раз в двадцать пять лет выбирался через какую-то лазейку в земной мир, чтобы насладиться его красо-

тами и эмоциями. Эта лазейка в нынешние времена оказалась на месте озера Ильмень.

С течением времени она постепенно «зарастала», Богу все труднее становилось протискиваться через нее на Землю, и тогда он сформировал из людей касту служителей, жрецов и жриц храма Морока, которые хранили некий камень с его изображением на дне озера Ильмень, служащий маяком, указывающим место перехода, а заодно поддерживали неизменным состав касты и ритуал, необходимый для того, чтобы Морок нашел обратную дорогу в свою обитель.

Жрицами же храма могли стать только девственницы, достигшие зрелости, то есть восемнадцатилетнего возраста. Бог любил исключительно красивых и обаятельных девушек, якобы способных умерить его кровожадность и агрессивность. Зато и жрицы в ответ приобретали знания, силу и власть, недоступные другим людям.

— Собирайся, — заключила Пелагея. — Хотя ничего особенного брать с собой не надо, ты все получишь после посвящения.

— Но я вовсе не собираюсь становиться какой-то там... жрицей, — воскликнула девушка. — Меня это совсем не привлекает!

— Ты не понимаешь...

— И не хочу понимать! Уходите, я с вами никуда не пойду. И вообще все это сказки... про вашего Морока... — Ольга фыркнула. — Нашли имечко...

Глаза старухи вспыхнули угрозой, и у девушки перехватило дыхание.

— Или ты пойдешь с нами добровольно, или...

— Или что?

Портрет какого-то бородатого мужчины на стене костюмерной вдруг подмигнул Ольге, а по стене пробежала странная дрожь, будто она стала оживать.

— Я не могу тебя заставить, красавица, — усмехнулась старуха, заметив страх в глазах девушки, — ты должна сделать выбор сама. Но одно обещаю твердо: будешь иметь все, что захочешь, жить там, где захочешь, а самое главное — с к о л ь к о захочешь. Как думаешь, долго ли я живу на свете?

— Не знаю... — прошептала Ольга, потихоньку отступая к шкафу. — И знать не желаю. Уходите.

— А напрасно, милая. Мне уже полтораста годков набежа-

ло. И ты будешь жить так же долго, в довольствии и радости. Ну, идешь?

Ольга с ужасом посмотрела на вновь «ожившую» стену, отступила еще дальше, покачала головой.

— Не пойду...

— Ну и глупая, от счастья своего отказываешься... да и от жизни тоже. До чего же своенравная молодежь пошла, уговорами не возьмешь. Меня, например, не уговаривали, сказали — иди! — и я пошла. Последний раз предлагаю, дурочка, идем со мной. Не пожалеешь.

Глаза Ольги наполнились слезами, фигура старухи расплылась, стала исчезать. Дурнота подступала к горлу, сердце трепыхалось в груди испуганной птицей, ноги слабели, в глазах мерк свет. Но все же она смогла набрать сил, чтобы ответить:

— Не хочу!..

Когда ей удалось вытереть слезы, в комнате никого не было. Но от этого лучше не стало. Портрет на стене прекратил подмигивать, мужчина с трудом вылез из него в костюмерную, как сквозь узкое окно, направился к Ольге, буквально протискиваясь сквозь ставший густым, как кисель, воздух. Вздрагивающая стена превратилась в жидкое зеркало, по которому побежали волны, будто круги по глади озера от брошенного камня, и вдруг эти волны водопадом хлынули на пол, затопили всю комнату. Последнее, что увидела Ольга, теряя сознание, был жест отчаяния, который сделал спешивший к ней бородач: он не успевал прийти к ней на помощь. Потом наступила темнота...

Охранник салона, обходивший помещения в двенадцать часов ночи, обнаружил Ольгу лежащей на полу костюмерной с открытыми глазами, в которых застыли удивление и ужас. «Скорая помощь», приехавшая через полчаса, ничем помочь ей уже не могла.

Смерть Ольги Кондаковой осталась почти не замеченной журналистами и работниками следственных органов, потому что медики причиной смерти назвали остановку сердца от какого-то сильнейшего стресса. Врагов у девушки не было, с дурными компаниями она связи не имела, наркотиками не баловалась, и следователю в этом деле копать не захотелось. Да и ловить было некого. Все казалось очевидным: Ольга

Кондакова испугалась — чего или кого именно, выяснить не удалось, — и сердце ее не выдержало. Лишь один журналист, корреспондент новгородской газеты «НЛО», заметил сходство смерти Ольги с не менее загадочной смертью первой красавицы города Ксении Иваниченко, умершей при таинственных обстоятельствах сразу после победы в конкурсе «Мисс Новгород» и церемонии награждения. Эта смерть потрясла город месяц назад, и тогда следствие тоже не выявило виновников случившегося. Ксения, как утверждала экспертиза, умерла от спазма легких, от удушья, хотя никто ее, судя по отсутствию следов на теле, не душил.

Примерно в то же время, незадолго до начала нового учебного года, произошло еще одно событие, оставшееся практически не освещенным прессой: без вести пропала восемнадцатилетняя девушка, поступившая в Новгородский педагогический институт. Поскольку была она сиротой и воспитывалась в детдоме, никто ее не разыскивал, в том числе и милиция, ограничившись беседой с приятелями и подругами пропавшей — не собиралась ли она покончить жизнь самоубийством? Подруги утверждали, что Валентина была очень целеустремленной и оптимистичной натурой и ни о чем подобном не думала. Единственным ее недостатком, как считали те же подруги, было какое-то болезненное увлечение славянской мифологией, ради которой Валентина могла уехать хоть на край света.

Глава 3

НЕ ЗНАЕШЬ, ГДЕ НАЙДЕШЬ, ГДЕ ПОТЕРЯЕШЬ

Сон был тревожным и странным.

Он плутал по лесу в тумане, спотыкаясь о корни деревьев и внезапно появившиеся кочки и камни, ветви столетних дубов и кленов хлестали его по лицу, цеплялись за одежду, невидимые руки хватали за ноги, за рукава куртки, за волосы, ухал филин, бесшумно метались над головой нетопыри, чиркая крыльями по лицу, а издали звал его чистый, удивительно глубокий и печальный, дивной красоты девичий голос, и хотелось плакать в ответ, мчаться туда, теряя остатки разума, и отыскать ту, чья песня разносилась по лесам и полям, хватала за душу и выворачивала наизнанку...

Илья проснулся в тот момент, когда деревья перед ним расступились, впереди открылась поляна с изгибом реки, а в высокой траве стояла Она в струящемся и светящемся платье, с нимбом волос, необычайно красивая, но зыбкая, как отражение в воде, и тянула к нему руки, и звала к себе...

По обыкновению он полежал некоторое время неподвижно, глядя на узорчатый потолок и все еще слыша внутри себя зовущий голос, потом дотронулся до щеки и покачал головой: щека была мокрой, как будто он действительно плакал во сне.

Потолок над ним вдруг зыбко вздрогнул, на миг превратился в зеркало воды, по нему пробежала круговая волна, как по глади озера от брошенного камня, собралась в центре, и вниз сорвалась огромная водяная капля, целя Илье прямо в лицо. Не среагируй он, капля попала бы в лоб, а так — звучно шлепнулась в подушку и прожгла в ней дыру величиной с кулак. После этого потолок успокоился, стал потолком, твердым и гладким. Илья посмотрел на него подозрительно, готовый к действию, перевел взгляд на подушку и с минуту созерцал прожженную дыру в состоянии прострации. Потом сказал вслух глубокомысленно:

— Или я сплю, или одно из двух...

Еще не веря, что все это с ним произошло наяву, он провел рукой по подушке, ощутил отвердевшую, будто покрытую пластмассовой корочкой впадину, покачал головой и пошел умываться и медитировать. Через час он был в норме, сознательно не давая себе возможности задуматься над тайной пробуждения, однако подушка так и не приобрела за это время былой формы. Капля с потолка-«озера» прожгла-таки ее на самом деле. Тогда Илья принялся исследовать потолок, подушку, всю спальню, гостиную и кухню, ничего необычного не обнаружил и проговорил, глядя на себя в зеркало трюмо:

— Полтергейст, однако...

Отражение мрачно смотрело на него и молчало. Оно знало хозяина и не сомневалось в его трезвости.

Илья вообще по натуре был боец, он не комплексовал даже в тех случаях, когда сам Бог велел жаловаться на умопомрачение — такое случалось с солдатами в Афганистане и Чечне. Однако Илья попадал и в более жуткие передрыги — стоило вспомнить хотя бы чеченский плен, когда у него на глазах боевики отрезали у пленников, одного за другим, яй-

ца, — и выходил из них живым благодаря твердости характера и бойцовским качествам. Поэтому, наверное, он и смог стать «символом приключений и путешествий России», «фигурой номер один в мире путешествий», как писали газеты и утверждало телевидение, постоянно держа его под прицелом телекамер, в то время как журналисты изощрялись в подборе эпитетов. Его называли и «русским Рембо», и «московским Индианой Джонсом», и «человеком глобуса», и даже «самым народным дипломатом», потому что за свои сорок лет Илья исходил и изъездил весь мир в поисках приключений и его знали и принимали многие великие политики, президенты, цари, вожди племен. Потому что Илья Константинович Пашин, президент-основатель Российской школы выживания, был профессиональным путешественником, искателем приключений, поставившим целью оставить свой след в самых труднодоступных уголках планеты Земля, а если удастся, то и на других планетах.

Как писали все те же газеты, «даже строки его биографии читаются как фрагменты приключенческого романа, а количество званий, профессий и регалий заставляет подозревать в нем долгожителя, перешагнувшего столетний рубеж...» Но главное — газетчики не преувеличивали.

Илья был лидером-организатором и руководителем двух десятков научно-исследовательских, экстремальных и авантюрных экспедиций, действительным членом Русского географического общества, президентом Фонда русских экспедиций и путешествий, экспертом по комплексному выживанию в экстремальных условиях, академиком, действительным членом Международной академии проблем сохранения жизни, президентом Транснациональной ассоциации школ выживания «Vitalis», журналистом, инструктором по подводному плаванию, рукопашному бою, водителем-испытателем и прочая, и прочая... И, видимо, именно его образ жизни, постоянный поиск, полет, риск не дали ему возможности встретить подругу жизни, увлеченную приключениями так же, как он.

Это он организовал экспедицию по поиску погибших кораблей на Черном море, побывал у каннибалов Ириан-Джаи в Индонезии, в Папуа—Новой Гвинее, путешествовал к истокам Ориноко по джунглям Амазонки вместе с племенем индейцев Яномами, посетил необитаемые острова Белого моря, изучал быт хантов, чукчей, ненцев, эвенков на Крайнем

Севере, пересек пустыню Атакама в Чили, провел ночь на действующем вулкане на Камчатке, добрался до неизвестных миру монастырей и дзонгов в Непале, Бутане и Тибете, и так далее, и тому подобное. Остановить его в стремлении увидеть невиданное и узнать незнаемое не могло и стихийное бедствие. Хотя попытки остановить были. Например, такие, как задержание его спецслужбами некоторых стран, или убийство проводника в Непале, или поджоги палаток. Последней из таких попыток было письмо, полученное им вчера.

Илья заварил травяной чай и, потягивая обжигающе горячий напиток, зашел в гостиную, где на журнальном столике лежала корреспонденция, накопленная за неделю. Упомянутое письмо с конвертом без обратного адреса было среди других, еще не вскрытых писем.

Письмо, отпечатанное на плотной белой бумаге с тисненым золотым крокодилчиком, состояло всего из трех фраз: «Уважаемый Илья Константинович, не суйте свой нос куда не следует! К озерам вам путь заказан! Любая ваша попытка будет пресечена!»

Илья хмыкнул, отбрасывая листок с загадочной угрозой. Ни к каким озерам в ближайшее время он не собирался. Письмо было либо чьей-то не очень удачной шуткой, либо пришло к нему слишком рано. Хотя интересно, о каких таких озерах идет речь? И что за секреты прячут эти озера, если некто, владеющий компьютером и принтером (письмо явно отпечатано на принтере), заинтересовался планами знаменитого путешественника и решил принять превентивные меры воздействия?

Еще раз глянув на золотого крокодилчика в уголке листа (странная эмблемка, надо признаться), Илья вытащил из груды корреспонденции еще одно письмо, пришедшее откуда-то из Новгородской губернии, прочитал обратный адрес и фамилию адресата — Савостина Мария Емельяновна, вскрыл конверт.

Это письмо оказалось не менее загадочным, чем первое — с угрозой. Оно было настолько необычным, что Илья прочитал его дважды, прежде чем вник в суть проблемы, хотя и оценил ее одним словом: бред!

«Уважаемый Илья Константинович, — писала женщина (так же начиналось и письмо с предупреждением), — не раз читала в прессе статьи о ваших смелых и уникальных экспедициях и исследованиях, в том числе в так называемые «ано-

мальные зоны». Еще знаю, что Вы человек не только знающий, но и верующий, а таких сейчас очень и очень мало. Именно поэтому я не боюсь довериться Вам, потому что, наверное, только Вы сможете понять, поверить и помочь, другие сочтут мой рассказ выдумкой или отделаются пустыми словами.

Я родилась в тысяча девятьсот двадцать третьем году в Хабаровском крае. Родители в сороковом году переехали в Новгородскую губернию, село Парфино, но мама вскоре умерла от рака, отец в сорок первом году погиб на войне, точнее, пропал без вести подо Ржевом, а меня приютила тетка Лиза, двоюродная сестра мамы. Но в том же году меня нашли жрицы местного скита, поклонявшиеся одному странному Богу (об этом ниже), и в восемнадцать лет я стала послушницей скита. До этого мне приснился страшный сон: будто я на кухне ставлю чайник в печку и вдруг слышу в комнате нечеловеческий стон. Так стонут лоси, когда их добивают. Я кинулась в комнату. Дверь открыла не сразу, будто кто держал ее, а когда вбежала, увидела на полу бившуюся в конвульсиях тетку Лизу с почерневшим лицом. И еще увидела, что потолок над ней похож на лужу с бегущими по ней волнами. Потом потолок разгладился, тетка Лиза посмотрела на меня дико, протянула ко мне руки, крикнула: «Не дам ее!» — и умерла. Я закричала и проснулась в холодном поту.

Она действительно умерла через несколько дней, врач сказал — от удушья, но лишь много лет позже я узнала, что Лиза хотела спасти меня от участи жрицы, отвести от меня беду, однако так и не смогла помочь. А я тогда была молодая, несмышленная, робкая, всего боялась, и когда мне предложили пойти в скит — безропотно согласилась. У меня даже парней знакомых не было. Один завелся было — Игорем звали, да погиб перед появлением гонцов главной жрицы. К слову, глупо погиб и загадочно: спускался в погреб, поскользнулся на совершенно сухой ступеньке, упал вниз и сломал шею.

Теперь о главном.

Бог, о котором я говорила, имеет много имен. Здесь, на Новгородчине, его называют Мороком, хотя на самом деле это скорее всего псевдоним Чернобога, Правителя мертвых и стража несокрушимой Башни в царстве смерти, хранителя волков и собак Преисподней. Это злой северный Бог, Бог войны, хищников и всего того, что связано с насилием, хотя вернее было бы называть его демоном, а не Богом. Через ка-

ждые двадцать пять лет он на пять-шесть лет через озеро Ильмень выходит в наш мир, и тогда на Земле начинается полоса войн, конфликтов, вспышек терроризма и насилия. Все служители его храма, расположенного на берегу озера (хотя из простых людей его никто не может увидеть), должны выполнить на воде особый ритуал над лежащим на дне камнем с изображением Бога. Этот камень называется Лик Беса. Ритуал сложен и страшен: девственниц, избранных в гарем Бога, убивают прямо во время полового акта с главным жрецом, олицетворяющим самого Бога, чтобы они попали в царстве смерти именно в гарем Морока. И длится ритуал, пока Бог-жрец не насытится. Оставшиеся в живых послушницы пополняют гарем Бога на Земле. Бог появляется из камня в мужском обличе и пользуется своим гаремом на протяжении всего цикла появления, причем всегда делает это через насиливание, через боль и ужас.

Камень, или Врата, через которые он восходит из своего ада на Землю, боится воздуха и может менять свой вес. Перед самым прибытием Морока он почти ничего не весит, и его можно вытащить из озера. Его надо во что бы то ни стало уничтожить! Тогда Морок не найдет обратной дороги и больше не будет тревожить людей.

В тысяча девятьсот сорок первом году я впервые приняла участие в обряде посвящения в качестве послушницы гарема и до сих пор помню весь этот ужас. До полуночи нас насиловали жрецы храма и убивали, убивали... Описывать свое состояние и всю процедуру не буду, я осталась жива, но ужас и сейчас живет в моей душе. Потом я еще раз участвовала в обряде — жрицей, будучи уже в возрасте — в семьдесят первом году, и снова душа моя корчилась и плакала, видя мучения послушниц. Вот почему я не приняла веру храма и не стала верховной жрицей.

Это письмо я передам через деда Евстигнея, волхва, отдавшего всю жизнь борьбе с Мороком, только так оно имеет шанс дойти до вас.

Кстати, каждое появление Морока в озере сопровождается странными явлениями — ночной радугой и светящимися облаками, принимаемыми всеми за НЛО. Над Ильмень-озером их видели многие.

Прошу Вас поверить моему покаянию. Я ничего не придумала и не сочинила. Морок существует, как существует и система нижних и верхних миров (почитайте Андреева,

Трисмегиста, Шемшука, Успенского, других эзотериков), озеро тоже имеется в наличии, а камень с Ликом Беса покоится на его дне. Найдите его ради Бога, а если не сможете уничтожить, то хотя бы перенесите в другое место. Найти его, с одной стороны, легко — он лежит в трехстах метрах от берега на прямой линии, соединяющей мыс Стрекавин Нос на Ильмень-озере и село Пустошь на противоположном берегу, а с другой — очень трудно, потому что его стерегут жрецы храма и черные колдуны, пользующиеся силой Беса, умеющие отводить глаза и убивать людей чарами.

Поверьте, я уже старая и скоро умру, но Ваш подвиг позволит мне умереть прощенным человеком, да и не только мне, но и еще двум жрицам, лелеющим мечту уничтожить зло. Помогите нам, и Вы отведете страшную беду от многих и многих. Вы сможете, я уверена.

Последнее. Не доверяйте ученым, они захотят сохранить камень, изучить его, а это недопустимо. Да поможет Вам Бог!»

— Бред! — повторил Илья вслух, размышляя над письмом и над тем, что произошло с ним утром. Ни в какие рамки разумных объяснений это не укладывалось. Совпадение же было налицо: его предупреждали не зря, а это означало, что письмо Савостиной было утечкой информации из стана таинственной секты, обслуживающей храм Бога Морока, или Чернобога. И действовали жрецы решительно... если только они существовали.

Илья прислушался к себе. Конечно, сомнения в истинности истории у него оставались, но интуиция, подкрепленная утренним происшествием, подсказывала, что глубоко законспирированный храм Бога Морока-Чернобога существует на самом деле. И очень хотелось поискать камень, о котором говорилось в письме бабушки Савостиной, на озере Ильмень, тем более что Илья ни разу в тех краях не был.

А ведь у меня там родственники имеются, вдруг осенило его. По дедовой линии — дядька Федор Ломов, к примеру. И живет он аккуратно в Парфино, откуда послала письмо Мария Емельяновна Савостина.

Хмыкнув, Илья подивился такому совпадению и принялся собираться на работу. Звонок телефона застал его уже в дверях.

— Илья Константинович Пашин? — раздался в трубке тихий безликий мужской голос.

— Он, — коротко ответил Илья. — С кем имею честь?

— Это неважно. Хотелось бы вас предупредить. Вы уже получили письмо?

Илья подобрался.

— Я получаю много писем. О каком именно речь?

— О том, где вас просят найти один интересный камень якобы с изображением черта.

— Откуда вы знаете о нем? Кто вы?

— И это неважно. — Трубка донесла тихий безразличный смешок. — Может быть, я врач-психиатр. Написавшая вам женщина — психически ненормальна, поэтому не стоит относиться к ее писаниям серьезно. А вам я хочу дать совет...

— Милостивый государь, — проговорил Илья, сдерживаясь, — я вполне обойдусь без ваших анонимных советов. Хотите поговорить — приходите ко мне домой или в Школу, а советы по телефону — это для слабонервных.

— И тем не менее я хотел бы дать совет: держитесь подальше от озера Ильмень. Вы собирались с экспедицией на Тибет? Вот и отправляйтесь туда с друзьями, это гораздо более увлекательное дело, нежели поиск какого-то камня, которого к тому же не существует в природе.

— Все? — осведомился Илья.

— В общих чертах.

— Спасибо за добрые пожелания. — В голосе Ильи прозвучала ирония. — Я не забываю подобных советов.

Он положил трубку и вышел из квартиры, прокручивая в голове подробности разговора. Все сходилось к одному — сон, наваждение с потолком, письмо с угрозой, письмо бабушки Савостиной с рассказом о Боге Мороке, телефонный звонок — к единственно верному выводу: дыма без огня не бывает! Никто не станет предупреждать взрослого человека, известного путешественника, мастера единоборств, организовывать на него психологическое давление, советовать остерегаться того, чего нет. Пусть байка о Боге не более чем байка, но что-то здесь, во всей этой истории, есть берущее за душу. Во всяком случае, он ничего не потеряет, если возьмется за подготовку экспедиции на озеро Ильмень. Тибет подождет.

Подъезжая к трехэтажному зданию Школы в Тушино, на берегу Сходни, Илья окончательно утвердился в своем решении. События начавшегося понедельника разожгли в нем ин-

терес к проблеме, а когда он загорался — ничто не могло Илью остановить.

Серафим Тымко, друг и соратник, с которым Илья провел бок о бок почти двадцать лет, работавший инструктором по подводному плаванию и рукопашному бою в Школе выживания, уже возился с одной из групп, состоящей из молодых сотрудников муниципальной милиции; приходилось заниматься и с ними, и с ОМОНОм, чтобы иметь «крышу» на случай давления криминальных структур (а такие попытки имели место). Илья познакомился с Тымко лет восемнадцать назад, когда участвовал в чемпионатах Европы и мира по самбо и три года подряд был чемпионом Европы среди средневеков. С тех пор они не разлучались, даже в Афганистан попали в составе одной диверсионной группы, хотя иногда ссорились, отстаивая свои идеалы, и пару раз начинали самостоятельные пути, чтобы потом встретиться где-нибудь в совершенно неожиданном месте и затеять совместную работу.

Серафим Альбертович Тымко закончил Днепропетровский институт физкультуры, работал на Украине, в Белоруссии, России, увлекся туризмом, не забывая о «спецухе» — он занимался вольной борьбой, но потом ушел в армейскую боевую систему и стал мастером «барса». В Школе выживания, созданной Ильей, Тымко устроился инструктором по подводному плаванию, а потом и по рукопашному бою, и, глядя на этого могучего телом, бородатого великана, легко можно было поверить в то, что он кулаком мог свалить с ног быка. Илья, сам далеко не слабый с виду человек, не раз боролся с Серафимом и знал, как нелегко его победить. И убедить в чем-либо. Тымко имел нестигаемый характер и не только всегда и по любому поводу имел собственное мнение, но и отстаивал его, даже порой вопреки логике и фактам.

Выслушав историю Ильи с письмами и угрозами, Серафим почесал затылок и изрек одно слово, которым отреагировал на происходящее и сам Илья:

— Бред!

— Но мне действительно звонили!

— И ты поверил? Да от всего этого безобразия за версту пахнет розыгрышем.

— Кому это понадобилось меня разыгрывать? — удивился Илья. — И зачем? До первого апреля еще далеко.

— Не знаю, кому это понадобилось, но ни в каких Моро-

ков я не верю. Вообще отродясь не слыхивал о Богах с такими уродскими именами. Чушь это все, по-моему.

— Про Чернобога я читал.

— Все равно ерунда. Только правителя мертвых на Руси и не хватало, а так все есть: бесы и черти, русалки и водяные, колдуны и колдуньи. — Серафим фыркнул. — Ты как малый ребенок, Илья: поманили игрушкой, ты и загорелся.

— Ладно, иди работай, — сказал Илья, — вечером поговорим.

Пожав могучими покатыми плечами, Тымко вразвалочку удалился, похожий на очеловеченного медведя, настроенный скептически ко всему, что шло вразрез с его мировоззрением. Не сомневался он только в своем праве поступать так, как считал нужным.

День прошел в хлопотах и размышлениях.

Илья посетил Госдуму, где встретился с депутатом Савельевым, курирующим Российскую академию наук, на предмет финансирования новой экспедиции — на озеро Ильмень, но доказать ее необходимость не смог. Денег в казне не было даже на выдачу зарплаты бюджетникам, содержание институтов и научно-исследовательских лабораторий.

— Ищи спонсора, — посоветовал седоватый подтянутый Савельев, изредка посещавший Школу. — Хотя вряд ли кто-нибудь в нынешнее время рискнет дать тебе деньги на поиск неизвестно чего. Разве что какая-нибудь рекламная компания?

— Или криминальная структура, желающая отмыть «честно» заработанные деньги, — проворчал Илья.

— А что? Это мысль. Хочешь, свяжу тебя кое с кем? В Думе имеются представители теневого капитала.

Илья отрицательно покачал головой.

— Рекламная компания — еще куда ни шло, но с бандитами я не работаю.

— Тогда запиши телефон, позвонишь в рекламное агентство «Бествишез», может быть, тебе удастся уговорить его президента.

Илья снова качнул головой. Поиски камня с изображением Лика Морока требовали тишины, незаметности и конспирации, шумиха вокруг этого дела была Илье ни к чему.

Не дал положительного результата и визит Пашина к приятелю, президенту коммерческого банка «Каскадер», бывше-

го также еще и президентом Российской ассоциации каскадеров Виталию Шакункову. Лично поучаствовать в экспедиции он согласился, однако выделить необходимую для этого сумму отказался.

— Меня убеждать не надо, — сказал он, поправляя платиновый обруч на лбу, которым поддерживал длинные, падающие ниже плеч волосы; даже в свои пятьдесят с хвостиком Шакунков выглядел тридцатилетним атлетом, продолжая заниматься спортом. — Я согласен на все условия, но моих партнеров надо убедить в целесообразности риска, просто так, за красивые глаза, они тебе деньги не дадут. Докажи, что экспедиция будет иметь реальный коммерческий выход — через рекламу, телевидение, кино, тогда и поговорим. Ведь доказательств успеха у тебя нет?

Илья покачал головой. Письма с угрозой и информацией о выходе Бога Морока у него были, и уверенность в реальности происходящего, подкрепленная таинственным поведением потолка спальни и телефонным звонком, тоже, но говорить об этом Виталию не стоило, тот ни в полтергейст, ни в НЛО, ни в прочую мистику не верил.

Вечером Илья и Тымко встретились в зале Школы, около часа поработали в серьезном спарринге — не разрешалось лишь добивание противника и удары по семи «точкам смерти» — и мирно разошлись. Он лишь раз уронил Серафима на татами, применив умение создавать внутри себя «пустоту», и с трудом выскользнул из болевого захвата, богатым арсеналом которых владел бывший борец.

В девять вечера они зашли в кафе «Сокол» на Ленинградском проспекте и просидели два часа, беседуя обо всем, что волновало обоих. Кроме темы Ильмень-озера. Серафим не придавал значения утреннему разговору и совершенно искренне забыл о предложении начальника и друга, а Илья все никак не мог сформулировать идею экспедиции, понимая, что козырей у него на руках нет. Имей он необходимую сумму в своем фонде, с организацией похода не было бы проблем. Теперь же в этом было главное препятствие возникшей идее. Хотя в душе Илья уже решил, что если Серафим и Виталий откажутся, он поедет на озеро Ильмень один.

— Ну что, Фима, — сказал он, перебив разговарившегося о женщинах Тымко; Серафим, как и он, был холост, однако за свои тридцать восемь лет успел уже трижды жениться и

трижды развестись, — поедem в Новгородскую губернию искать пристанище Бога Морока?

Тымко поперхнулся пивом, изумленно глянул на собеседника.

— Опять за свое, елы-палы?! Ты же собиpался на Тибет, кино хотел снимать в Лхасе, с «Мосфильмом» договорился, актеров подобрал...

— Тибет подождет. Мы быстренько смотаемcя на Илмень, отыщем камень с мордой черта, взорвем его и вернемся.

— А деньги у тебя на это есть?

— Нет, — честно признался Илья. — Машину продам — будут.

— Совсем крыша поехала! — постучал себя по лбу Тымко. — Да что ты так присох к этому озеру? Часом, не пообещали чего за работу? Награду какую-нибудь? Если так, другое дело, тогда я согласен. Что пообещали-то?

Илья улыбнулся, вспоминая дивный женский голос и лицо девушки из сна. Она ждала его где-то там, на озере Илмень, и это была единственная награда, которую он желал бы получить в финале экспедиции, но говорить об этом Серафиму не хотелось.

— Если откажешься, я пойду один.

Серафим округлил рот, собираясь произнести язвительную реплику, посмотрел на спокойное и твердое лицо Ильи с жесткой складкой губ и передумал.

— Ты что же, действительно веришь, что этот чертов камень с Ликом Беса есть свернутый канал возвращения Дьявола на Землю?

— Красиво формулируешь. — Илья засмеялся. — Сразу видно эрудированного человека. Однако именно так я и думаю. Но даже если это всего лишь миф, легенда, будет весьма любопытно раскрыть тайну его происхождения.

— Только не для меня. Я человек сугубо материалистический, тайны возникновения фольклора меня не влекут.

— Значит, я тебя не убедил?

— К сожалению, нет, — покачал кудлатой головой Серафим. — Учить тебя, что делать, я не собираюсь...

— Кого учить? — четвертая судимость, — пошутил Илья, переживая приступ обиды.

— Но посоветовал бы поменьше увлекаться несбыточными проектами и чужими проблемами, — не обратил внима-

ния на реплику Тымко. — Пусть этим дурацким Богом занимаются те, кому положено.

— Это кому же? — поднял бровь Илья.

Серафим стушевался.

— Ну, не знаю... спецслужбы, наверное, которые должны исследовать аномальные явления.

— Может быть, — пробормотал Илья. — Может быть, ты и прав, Брут.

В кафе ввалилась компания юнцов в кожаных безрукавках, с белыми повязками на руках, на которых были нарисованы большие буквы «РНБ» и чуть ниже маленький паучок свастики. С шумом компания заняла угол зала, где сидели и Пашин с Тымко. Двое верзил с подбритыми затылками и чубчиками подошли к ним.

— Мужики, пересядьте за другой столик, у нас тут состоится съезд нашей партии.

Илья и Серафим переглянулись.

— Пошли по домам? — предложил Илья.

— Ты спешишь? — поинтересовался Серафим, не обращая внимания на парней. — Я нет. Давай посидим еще полчаса, чайку попьем.

— Эй, вам говорят, — нахмурился юный белобрысый атлет с огромным перстнем-печаткой на указательном пальце. — Причем пока вежливо. Мест много, пересаживайтесь пошустрей.

— Так в чем же дело? — удивился Серафим. — Столиков действительно хватает, садитесь за свободные и проводите свой съезд. А мы уж тут досидим.

— Ты че, горилла, с дуба рухнул? — озадаченно проговорил напарник белобрысого, носивший на шее массивную латунную цепь. — Здоровья много? Вали отсюда быстрее, пока цел.

Тымко прищурился, и по его затуманенному взгляду Илья понял, что тот закипает. Сказал миролюбиво:

— Ребята, мы же вас не трогаем, не трогайте и вы нас. Через полчаса уйдем, тогда и занимайте столик.

В кафе повисла тишина, обусловленная паузой в музыкальном сопровождении и реакцией посетителей кафе, наблюдавших за сценой. Примолкли и остальные мальчики в черном.

— Они не хотят! — с удивлением оглянулся на стаю во

главе с вожак — бритоголовым мускулистым молодым человеком белобрысый парень.

— Ты меня удивляешь, Болт, — сухо обронил вожак.

Заиграла музыка, белобрысый нацист сгреб Тымко за воротник рубашки, пытаясь оторвать его от стула, но лучше бы он этого не делал. Серафим перехватил его руку и одним движением сломал кисть. Парень взвыл, отскакивая. Его напарник замахнулся на Серафима и отлетел к столикам с рассеянными приятелями от незаметного со стороны удара, которым наградили его Илья.

Компания притихла, затем все повскакивали с мест, бросаясь к продолжавшим сидеть за столом друзьям, и в то же мгновение Серафим, проявляя неожиданные для его громоздкого тела ловкость и быстроту, прыгнул к вожаку молодчиков и локтем мгновенно зажал его горло, так что у того едва не выскочили из орбит глаза.

— Прикажи своим нукерам убратся из кафе!

— Хр-хр-р...э-э... р-ре-ббя...х-хр...

Серафим ослабил хватку.

— Р-ребя... ух-ходим... — прохрипел вожак нацистов.

Парни нерешительно начали переглядываться, кое-кто из них успел вытащить кастет или нож, и в действие вмешался Илья. Он изящно отобрал нож у неосторожно повернувшегося к нему спиной узкоплечего «атлета» и приставил к его же горлу.

— Мальчики, по домам. Съезд вашей партии закрывается. Во всяком случае, в этом кафе. Я понятно изъясняюсь?

Парни стали отступать, потянулись к выходу с понурым видом, хотя кое-кто сверкал глазами и бубнил под нос проклятия. Отступать они явно не привыкли. Последним ретировался вожак стаи, потирая горло. На пороге зала задержался.

— Мы вас подождем, мужики.

Илья метнул нож, который с треском вонзился в дверь, едва не пригвоздив к ней ухо парня, и тот исчез.

— Вызвать милицию? — подскочил к столу обрадованный метрдотель.

— Не надо, — буркнул Тымко. — Принесите чаю.

— Зря ты все это затеял, — хладнокровно сказал Илья. — Ушли бы себе спокойно, без эксцессов. Подраться захотелось?

— У меня к чернорубашечникам свои счета. Одно дело, если они просто играют в свои игры где-то в уединенных

местах, другое — когда превращаются в бандитов. Одна такая шобла избила до полусмерти мою сестру с мужем. Ребенок у нее потом так и не родился.

Илья помолчал, прихлебывая горячий, но невкусный чай, поднялся, спиной чувствуя заинтересованные взгляды посетителей кафе.

— Поехали, пора на покой. Завтра я отбываю в Новгород.

— Ну и дурак, — буркнул Серафим, настроение которого отнюдь не улучшилось после стычки. — Делать тебе нечего.

Они вышли из кафе, готовясь к встрече с молодчиками из организации так называемого Русского национального батальона, однако вопреки обещаниям те их не ждали. Стоянка машин напротив здания кафе была пуста.

— Жаль, — сказал Тымко, расслабляясь. — Я хотел немного размяться. Так ты все-таки решил рискнуть?

— Съезжу, проведу рекогносцировку местности, поговорю с местными жителями, благо ехать недалеко, и через пару дней вернусь.

— Что говорить, если тебя будут спрашивать?

— Что я взял небольшой отпуск и поехал на родину, отдыхать.

— Тогда ни пуха тебе!

— К черту!

Они пожали друг другу руки и разошлись по машинам. Крупногабаритный Тымко ездил на джипе «Шевроле», напоминающем танк, Илья же предпочитал оригинальные формы и год назад купил себе новенькую «Альфа-Ромео» серии «Нувола». Он уже включил мотор, когда к машине подошел Серафим.

— Забыл тебе сказать: Антон освободился.

— Когда? — обрадовался Илья.

— Пару дней назад. Звонил мне вчера вечером, хочет приехать в Москву, поискать работу.

— Это славно. Что ты ему сказал?

— Что я скажу? — отвернулся Серафим. — Кто сейчас возьмет на работу бывшего зэка? Даже если он профи боя...

— Ты так и сказал?

— Не так, но примерно...

Илья выжал сцепление и выехал со стоянки, оставив Тымко размышлять над своими словами.

Через полчаса он был дома, не заметив, что за ним следует в отдалении черный «Форд-Саетта» с погашенными фарами.

ИЛЬМЕНЬ-ОЗЕРО

В Парфино Илья приехал еще засветло, преодолев четыреста с лишним километров от Москвы за семь часов. В принципе он мог бы добраться и раньше, но не спешил, любуясь пейзажами и архитектурой попадавшихся на пути древних русских городов и городочков: Клина, Твери, Торжка, Вышнего Волочка, Валдая.

Чтобы не делать изрядный крюк через Новгород, Илья от Валдая поехал через Демянск и не пожалел об этом, хотя дороги здешние были старыми, разбитыми, узкими и пролегли в основном по болотистой местности. Зато несколько раз попадались удивительной красоты церквушки и колоколенки, а за поворотом на Залучье недалеко от дороги стояла старинная крепостца с уцелевшими зубцами и маковкой центральной колокольни. Илья полчаса бродил вокруг этих древних развалин, сожалея, что нет времени на исследование постройки предположительно семнадцатого или восемнадцатого веков, и решил при случае вернуться сюда с отрядом и аппаратурой, побродить по окрестным деревням и послушать местные легенды.

Парфино-город располагался на правом берегу Ловати, дом же родственника Ильи по маминой линии Федора Ломова стоял на левом, в деревне Парфино, и Илье пришлось пересекать реку по старому автодорожному мосту, на котором велись ремонтные работы. Поплутав по улицам деревни, Илья наконец отыскал дом Ломовых и вылез из машины, с интересом оглядывая соседние избы, утопающие в зелени садов, улицу, поросшую травой, играющих в траве ребятишек. Дом Ломова отличался от остальных. По сути, это был двухэтажный деревянный особняк с четырьмя спальнями, каминным залом, столовой, холлом и гаражом. Кроме того, на территории хозяйства стояла баня, за ней располагалась теплица, а за теплицей огород в восемнадцать соток и скотный двор, где обитали гуси, куры, лошадь и корова Красуля, дающая до тридцати литров молока в день.

До тысяча девятьсот девяносто второго года Федор Ломов был простым работягой на местном рыбзаводе. Потом страну, накренив, повели к капитализму, государственные предприятия Парфино, в том числе и рыбзавод, прекратили су-

ществование, и Ломову пришлось переквалифицироваться: он стал торговым человеком.

Сначала поставлял валдайскую клюкву и бруснику в новгородские и московские рестораны, возил одежду из Польши, перегонял и продавал иномарки, пока правительство не задрало таможенные пошлины до уровня удавки на шее, так что честный автобизнес стал невыгоден, и наконец занялся подсобным хозяйством, на заработанные деньги построив дом и купив машину — новую «Волгу» одиннадцатой модели.

Жена Федора Елена Кондратьевна работала в школе, учительствовала в начальных классах, а детей у них было трое: двое парней и девочка. Старший сын — двадцатилетний Никита учился в Новгороде в военном училище и жил там же, в общежитии, изредка навещая родителей. Шестнадцатилетняя Леночка мечтала поступить в Московский университет на исторический факультет, а двенадцатилетний Данила, серьезный молодой человек, занимался рисованием и учился восточным единоборствам под руководством школьного учителя физкультуры.

Все это Илья узнал, сидя за столом на веранде дома, где его потчевали ужином. Дядька Федор был на целых десять лет старше Ильи, но выглядел гораздо моложе: могучий, широкоплечий, с руками-лопатами, бородатый и усатый, с густой шевелюрой без единого седого волоска. Под стать ему выглядела и жена — крупнотелая, но не толстая, с тонкой талией, большой грудью и полными бедрами. У нее были роскошные льняные волосы, которые она заплетала в косу и укладывала короной на голове, и очень милое спокойное красивое лицо, с бровями вразлет и полными губами, в котором сказывалась исконно русская порода. Она была на два года моложе мужа, однако, как и он, выглядела тридцатилетней. Глядя, как они переглядываются, понимая друг друга с полуслова, Илья невольно позавидовал дядьке и впервые в жизни с грустью подумал, что жизнь проходит, а он до сих пор не женат.

— Сам-то я спортом никогда не занимался, — гудел в бороду хозяин, любовно погладив соломенную голову Данилы, — а он вот решил стать мастером воинских искусств. Я знаю, ты там в столице бойцовскую школу открыл, тоже занимаешься какой-то борьбой, не возьмешь мальчика, когда подрастет?

— Отчего же не взять? — улыбнулся Илья. — Закончит

среднюю школу и пусть приезжает. Хотя учиться надо не только воинским искусствам, но и искусству жить в современном мире, и другим практическим вещам. Ты уже наметил, чем будешь заниматься в жизни?

— В художественное училище пойду, — сказал Данила солидно, допивая брусничный компот. — Художником буду. Я побегу, пап? Ребята ждут.

— Стемнеет — сразу домой.

— Хорошо. — Данила убежал.

— Я тоже пойду, — поднялась Елена Кондратьевна, — хозяйство большое, хлопот требует. А вы посидите, мужчины, когда еще минутка спокойная выдастся.

Мужчины посмотрели ей вслед, переглянулись. Федор поднял рюмку, до краев наполненную водкой; пил он много, но никогда не пьянел. Илья же поднимал рюмку только за компанию, но вообще не пил, только пригубливал, помня поговорку отца: «Чай пиём — орёл летаем, водка пиём — дрова лежим».

— Чтоб мы жили-поживали да добра наживали, — произнес тост Федор, опрокидывая рюмку в рот.

Закусили грибочками и огурчиком.

— Пасеку хочу купить, — сказал Ломов, вытирая усы. — Со следующего лета займусь продажей меда. Если, конечно, к тому времени нас не раскулачат. Каждый год родное государство придумывает что-нибудь новенькое, чтобы жизнь медом не казалась. То новые налоги — скоро за воздух и воду будет брать, то новые комиссии по учету и контролю.

— Бог даст, не раскулачат, — успокоил Федора Илья, хотя сам далеко не был уверен в прогнозе. — А соседи как относятся к твоим успехам? Не завидуют?

— Соседи у меня хорошие, с понятием. Справа живет Шурик Теркин, участок у него поболее моего в полтора раза, а слева дед Евстигней. Очень любопытный дедок, скажу я тебе. Люди его волхвом кличут за целительство, тыщи больных от хвори избавил. Лет ему уже за сто будет, а с виду — ну, может, шесть десятков и дашь. У него не глаза, а рентген, право слово! Мой шурин Васька попал к нему два года назад — ни руки, ни ноги не двигались, в больницах врачи не знали, что с ним делать, какой диагноз ставить. А Евстигней посмотрел своим «рентгеном», прописал снадобье из только ему известных трав, поделал массаж с неделю, и теперь Васька не про-

сто ходит — летает, можно сказать, на работу устроился. Что смотришь вприщур? Аль не веришь?

— Почему не верю? Верю, — кивнул Илья, вспоминая письмо бабушки Савостиной, в котором она упоминала деда Евстигнея. — Действительно интересный у тебя сосед. По-знакомишь?

— О чем разговор? Прямо сейчас и пойдем, дед рано спать не ложится.

— Нет, не сегодня, — вздохнул Илья, — устал я маленько, не хочу выглядеть перед твоим целителем сонной тетерей.

— Хорошо, завтра к нему пойдем, — легко согласился Федор. — Сам увидишь, что это за человек. Знаешь, сколько он поднял на ноги, можно сказать, собрал по косточкам безнадежно покалеченных спортсменов, парашютистов, жертв автотрагедий? Человек двести на моей памяти! Любого с недугами насквозь видит. И вообще много чего знает, с духами общается, много историй помнит, тебе с ним будет о чем поговорить.

— Ну, а с другими сельчанами ты как живешь? — прервал Илья хвалебную оду деду Евстигнею.

— Да никак, — потускнел Федор. — Кругом одни пролетарии да люмпены. Многие из них остались не у дел и жутко бедствуют, а искать работу не хотят, да и не найдешь ее такую, чтобы платили копейку вовремя. Вот они и озлобились на весь мир. Еще немного, глядишь, и пойдут жечь, грабить, крушить и громить. Причем, заметь, не господина Березовского или всяких там господ Потаниных, Гусинских, Лисовских пойдут громить, а меня и таких, как я, потому что мы ближе и бежать нам некуда.

Илья с любопытством вгляделся в глаза Ломова, но злости или раздражения в них не увидел, только легкое огорчение и грусть. С ненавистью к богатым Федор в своем пролетарском районе Парфино сталкивался едва ли не каждый день, однако не озлобился в ответ и не закрыл наглухо окна и двери, не отгородился от остальных высоким забором.

— Давеча иду по улице, — продолжал рассказывать он с усмешкой, — а женщина у водоразборной колонки, приезжая, у Кольки Буденного живет, вдруг ни с того ни с сего мне в спину: «У-у, миллионер гребаный, буржуй недорезанный, придет время, всех постреляем!» Или вот плотник у меня работал, нормальный мужик вроде, заплатил я ему как положено, обедом накормил, а он так спокойненько заявляет: «На-

ша власть придет, мы в твоём доме детсад устроим, у тебя места много...» Ну, как после этого с людьми разговаривать? Нешто я украл у кого, с бандитами связался, клад нашёл? Своим горбом все заработал и построил! Поработай, как я, и у тебя все будет. Так нет, принцип один — отнять и разделить!

— Что ж ты будешь делать, если снова революция грянет?

— А уеду куда-нибудь к чертовой матери, — махнул рукой Федор. — Земли в России много, найду себе местечко, а огород при любом режиме прокормит, не ленись только. Руки-ноги целы, здоровье есть, не пропадем.

— И что, даже не попытаешься дом свой защитить?

— Бессмысленное это занятие, — отмахнулся Федор. — В семнадцатом году никому не помогла защита, кто пытался отстоять свою свободу и достоинство. Сейчас ситуация не лучше, не поймешь, чего ждать от родного государства. Телевизор смотришь? Помнишь, как Кириенко три года назад объявил НЭП? Новую экономическую политику, значит? Потом Черномырдин еще более новую, теперь вот еще один вундеркинд объявился. А что изменилось? Богатые как жирели, так и жиреют, бедные же и вовсе обнищали. Может, и вправду революция поможет тем, кто хочет работать честно, установит справедливые законы? Ты вот в столице обретаешься, поближе к власти, что там слышно про нынешний конфликт Думы и правительства?

Илья улыбнулся.

— Не занимаюсь я политикой, дядь Федь, но знаю, что ситуация далека от совершенства. Ты прав, богатые продолжают богатеть, делить Россию на кусочки, а бедные срывают злость друг на друге. Выхода же пока не видно.

— Да-а, дела-а... — Федор помолчал, шибко почесал затылок, махнул рукой. — Ладно, давай о другом, что это мы в самом деле, нешто других тем нету. Рассказал бы, как сам живешь, чем занимаешься, женат ли. Надолго к нам приехал?

— Дня на три-четыре. Отыскать мне кое-что надо на Ильмень-озере. Поможешь, Федор Петрович?

— Что ты меня по имени-отчеству величаешь? Федькой зови, по-простому, чай не намного меня моложе. Что именно ты хочешь отыскать?

— Слышал что-нибудь о Боге Мороке? Говорят, существует легенда о нем, давно сложена, тысячи лет назад. Кстати, может, твой дед Евстигней ее знает?

— Дед, возможно, и знает, я не слышал. Что за легенда?

— Потом расскажу, в другой раз, история долгая. А отыскать мне надо один необычный камень с изображением бесо́ва лица, который по легенде лежит где-то на дне озера Ильмень, неподалеку от мыса Стрекавин Нос. Не бывал в тех местах?

— Нет. Спроси у Васьки, он рыбак заядлый, может, и заплывал к Носу. Так что за камень, говоришь?

— Он так и называется — Лик Беса. Его надо найти и уничтожить.

— Лик Беса? — Федор хмыкнул, запуская пятерню в густую шевелюру. — Странное название. Никогда ни от кого не слыхивал, хотя живу здесь уже шестой десяток лет. Впрочем, легендами и сказками я никогда особо и не интересовался, баловством считал. Дед Евстигней же в этом деле, пожалуй, специалист — что твой академик. Поговори с ним, он должен был слышать легенду и о твоём Боге Морочнике.

— Мороке. Другое имя — Чернобог.

— Хрен редьки не слаще. А с камнем помогу, ежели, конечно, ты этим всерьёз собираешься заняться. Только вот завтра-послезавтра мне недосуг, уговорились с шурином в Новгород поехать по делам. Подождешь?

Илья подумал.

— А лодка у тебя есть?

— У меня только карбас старый, четырехвесельный, а у Васьки моторка, думаю, не откажет одолжить.

— Тогда я один пока смотаюсь к этому самому Стрекавину Носу, разведая, посмотрю, что за местность. Потом уже вместе пойдем, когда вернешься.

— Договорились. — Федор встал из-за стола. — Пойдем, покажу спальню. Совсем ты осоловел, гляжу. Хочешь посмотреть, что Данила малюет?

Илья подавил зевок и кивнул.

Они поднялись на второй этаж, где располагались все четыре спальни дома, и вошли в комнату Данилы, превращенную им в художественную галерею. Рисунки, выполненные карандашом, гуашью, акварелью, висели на стенах, стояли на подоконнике в рамках и лежали на столе, и первый же из них — портрет отца — заставил Илью забыть о том, что это всего-навсего рисунок двенадцатилетнего мальчишки.

Федор был изображен как живой, с косой в руке на фоне луга, и готов был сойти с картины прямо в комнату.

Хороши были и пейзажи, выполненные в стиле Константина Васильева: каждый из них был наполнен неким мистическим светом, прозрачной таинственной силой, заставляющей вновь и вновь всматриваться в пейзаж в поисках его загадочной притягательности.

— Ну, как? — поинтересовался Федор, улыбнувшись в бороду. Илья был не первый, кто реагировал на рисунки сына подобным образом.

— Фантастика! — очнулся замороженный Илья. — Твой парень настоящий художник! Ему действительно надо поступать в художественную школу. Если не возражаешь, я возьму с собой несколько рисунков, покажу кое-кому в Москве.

— Буду только признателен.

Федор проводил гостя в его спальню, показал туалет, душевую, остановился на пороге.

— Завтра баня будет, с утра топить начну. Может, еще что надо?

— Спасибо, — покачал головой Илья, чувствуя непреодолимое желание спать. — Я человек неизбалованный, а у тебя как на курорте. — Илья снова вспомнил письмо-просьбу Савостиной. — Федя, ты случайно не знаешь бабушку Савостинову Марию Емельяновну? В Парфино где-то живет.

— Лично знаком не был, но знал, где живет, — пожал плечами Федор. — Умерла она, два дня назад похоронили.

— Что?! — Сон слетел с Ильи, как от порыва ветра. — Умерла?! Почему, как?

— Должно быть, от старости. А может, болела, годков-то ей много было. Евстигней должен точно знать, он все тут знает, у него спросишь. Да что это ты так близко к сердцу принимаешь? Али она сродственница тебе, знакомая?

— Не родственница... — Илья не сразу пришел в себя, заставил себя успокоиться. — Письмо от нее мне пришло, потом расскажу.

— А-а... Ну, ладно, располагайся, пойду Данилу звать домой да жене пособлю по хозяйству. Захочешь есть или пить — смело иди на кухню и бери, чего хочешь.

— Я спать буду, — пробормотал Илья.

Федор ушел, пожелав ему спокойной ночи, однако вопреки своему заявлению уснул Илья не скоро, так и эдак поворачивая факт смерти бабушки Савостиной, сопоставляя его с тем, что было известно о деятельности жрецов храма Морoka. Было вполне вероятно, что Марию Емельяновну убили,

чтобы не допустить новой утечки информации. Но письмо послать она все же успела...

Уснул он только в два часа ночи, измяв подушку, и проспал без сновидений до самого утра. Лишь перед пробуждением ему приснился странный сон: поляна в лесу с высокой травой, над которой стлался слоистый туман, и череда темных фигур, проходящих через поляну по пояс в траве, с лицами зыбкими, смазанными, человеческими и звериными одновременно. Лицо предпоследней фигуры и вовсе напоминало волчью морду с горящими желтыми умными глазами, а последним в странной череде фигур шагал скелет в плаще с улыбающимся черепом и провалами глазниц, в глубине которых угольками тлели злобные огоньки...

Наутро он встал в начале десятого, поразившись тому, как организм, натренированный вставать рано, спокойно дал себе волю выпасться и даже понежиться в широкой, благоухающей чистым бельем постели. С другой стороны, это была реакция на естественную деревенскую тишину — с доносившимися издали криками петухов, квохтаньем кур и мычанием коров, и Илья с каким-то детским восторгом и абсолютно не детским сожалением подумал, что никакие удобства города не заменят этой тишины, чистого воздуха и доброго молчания природы — лесов, полей и рек, пронизывающего деревенское пространство и дающего людям, живущим на этой земле, силу и радость бытия.

Хозяева, естественно, давно встали, занимаясь каждодневными хлопотами по хозяйству. Поднялись и дети: Лена помогала матери убирать скотный двор, кормить скотину, а Данила убежал на реку с приятелями. Илья, таким образом, оказался предоставленным самому себе. Делать ничего не хотелось, но он заставил себя позаниматься медитацией и упражнениями, поднимающими тонус, умылся и сел на веранде завтракать, где ему уже был накрыт стол. И в это время на веранде появился гость — седой крепкий старик с пронизывающим взглядом прозрачно-серых глаз. «Рентген» — вспомнил Илья слова Федора, понимая, что это и есть таинственный сосед Ломовых, дед Евстигней.

— Здрав будь, молодец, — басом проговорил гость, оглядывая замершего Илью. — Узнал, что к Федьке родственник

приехал, вот и решил заглянуть. Вы уж не обижайтесь на старика за любопытство.

— Какие могут быть обиды? — развел руками Илья, кивнул на стулья. — Присаживайтесь, позавтракаем вместе.

— Спасибо, мил-человек, только я уже давно позавтракал, так посижу, да, может, за компанию чайку с медом похлебаю.

Дед присел напротив, все еще разглядывая Илью, и тому на мгновение стало неприятно: впечатление было такое, будто его разобрали по винтикам и вновь собрали, прошупав каждую косточку, каждую клеточку, прочитали мысли и определили, кто он есть и что может. Словно почувствовав перемену в настроении Пашина, дед отвел взгляд.

— Впервые в наших краях?

— Первый раз, — кивнул Илья. — Все никак не мог вырваться, хотя и живу, можно сказать, рядом.

— Надолго к нам?

— Поживу дня три, на озеро схожу, в Новгороде побываю. Город древний, красивый, а я, к стыду своему, в нем еще не бывал, хотя всю Россию-матушку исколесил.

— Да, Новгород город древний, — согласился дед Евстигней. — Еще за две с половиной тысячи лет до рождения Христа поставлен великим князем Словеном. Тогда о Москве слухом не слыхивали, хотя поселения в том месте уже были. А ты к нам по делу или отдохнуть прибыл, Илья Константинович?

Илья перехватил острый, с проблеском иронии, взгляд деду и понял, что тот знает не только его имя и отчество, но и то, зачем он появился в Парфино.

— Извините, не ведаю, как вас по батюшке величают...

— Евстигней Поликарпович. Да ты зови меня просто дедушкой, меня так все кличут.

— Дедушка, вы случайно не знаете... не знали Марию Емельяновну Савостину?

— Знал, — нахмурил седые брови старик. — Царствие ей небесное, мученице. Не смог я ей помочь.

— Чем?

— Дела давно минувших дней. А ты откуда ее знаешь, мил-человек?

Взгляд старого волхва действительно напоминал рентген, так что Илья с трудом удержал себя от признания. Ответил уклончиво:

— Да так, слышал кое-что. Говорят, она много лет провела в скиту на берегу озера Ильмень.

Старик пожевал губами, не сводя глаз с лица Ильи, нагнулся над столом.

— Много чего говорили о бабе Марье... А ты, часом, не получал от нее весточки?

Илья едва не поперхнулся чаем, медленно вытер лицо полотенцем, раздумывая, что сказать в ответ, и услышал виноватое:

— Это я надоумил старую написать тебе письмо, Илья Константинович. За то она и пострадала. И ты можешь пострадать, если возьмешься сделать то, что она просила. Так что подумай, прежде чем увязнешь по уши.

— Вы хотите, чтобы я отказался?

— Я не хочу, чтобы пострадал невинный человек.

Не вижу логики, хотел сказать Илья, зачем же тогда надо было писать письмо, вызывать сюда этого самого «невинного» человека? Но вслух ничего не сказал, задумался, разглядывая перед собой на деревянной столешнице сучок в форме солнышка с лучами трещин, чувствуя на себе изучающий взгляд старика. Наконец поднял голову.

— Думаю, что справлюсь с любой напастью. Хотя с чертовщиной еще не связывался. А Марию Емельяновну жрецы убили?

Дед Евстигней усмехнулся, откинулся на спинку стула, прикрыл глаза веками, прислушиваясь к чему-то, снова посмотрел на гостя Федора Ломова.

— Рассказывай, сынок.

— Что рассказывать? — слегка растерялся Илья. — Это вы должны мне все рассказать, что тут у вас творится. А я что... ну, получил письмо... прочитал о странном Боге по имени Морок...

— Морок не Бог — демон. Многое им сделано и успешно делается для того, чтобы забыли мы свои прежние Знания окончательно, чтобы не помнили ничего о Духовном Мире. Много на Земле религий, но нет главного — веры! А когда нет веры, приходит он — дьявол! Ты-то сам веруешь в Бога?

— Верую, — глухо ответил Илья, невольно ошупывая на груди крестик.

Дед Евстигней прищурился, загоняя в глубину глаз огонек иронического сочувствия, кивнул.

— Это хорошо. Марья не зря тебе поверила. Да и я вижу,

что могу доверить тебе *тропу Силы*, недоступную темной мощи Морока. Но тебе придется долго идти одному и добиваться посвящения в Витязи. Только тогда ты сможешь на равных тягаться с воинством Чернобога. Предупреждаю: придется воевать, хотя и не всегда с оружием в руках, возможны всяческие испытания, муки, боль и кровь, беды и поражения. Выдержишь — дойдешь до Врат, не выдержишь...

Илья проглотил ком в горле, не зная, как отнестись к речи деда. Тот усмехнулся в усы, огладил бороду рукой.

— Впрочем, я начал этот разговор слишком рано, ты не готов к нему. Я знаю, что ты собрался искать Лик Беса на озере Ильмень, так вот, прими совет: берегись лесных и болотных духов Ильмень-озера, почти все они на службе у жрецов. Не верь никому, верь только сердцу, тогда пройдешь и вернешься, хотя одному это сделать очень трудно, почти невозможно. Отговорить ведь не идти на Стрекавин Нос мне тебя не удастся?

Илья молча покачал головой.

— Я так и думал. Что ж, удачи тебе, сынок. У нас еще будет время поговорить обо всем. А это вот тебе оберег на всякий случай. — Старик протянул Илье круглый и плоский камешек с дыркой посередине и буквально растаял в воздухе.

Илья зажмурился, надавил пальцами на глазные яблоки, снова открыл глаза, однако деда Евстигнея не увидел. Тот действительно исчез словно привидение.

«Кажется, у меня что-то с головой, — подумал Илья, будучи уверенным в обратном. — А был ли мальчик, как говорится? То бишь старик волхв?..»

Тяжесть камня в руке вернула Илью на землю. Он поднес его к глазам. Камень был матово-белым, с вкраплениями прозрачных зерен, дырка в нем величиной с копейку была явно естественного происхождения, такие камни издавна на Руси называли «куриным богом» и почитали как чудодейственные амулеты. Дед Евстигней знал, что подарить племяннику Федора Ломова, чтобы тот почувствовал заботу и защиту. А исчезновение старца говорило о его магических возможностях, что также должно было вселять уверенность в его посланца. Интересно, что это за «тропа силы», о которой упоминал старик? Где она начинается и как ею воспользоваться? Или знаменитому путешественнику Пашину в самом деле рано говорить и мечтать о таких вещах?..

Размышляя над словами деда, Илья собрал со стола посуду, отнес на кухню, но тут появился Федор с женой, начались обычные утренние расспросы о том, как спалось, что снилось, как здоровье, и гостя оттеснили от мойки на кухне и увели в сад.

— Я договорился с Васькой, даст он тебе лодку, — сказал Федор. — Мы после обеда уедем, а ты бери моторку в любое время, Данила покажет, где она стоит.

— А вы берите мою машину, — великодушно предложил Илья. — Мне-то она пока не нужна. Я вам доверенность на право вождения напишу.

— Нет уж, спасибо, — засмеялся Федор, раздетый по пояс; мышцы так и играли на его мощной груди от каждого движения. — Больно красивая у тебя тачка-то, иностранная, не для наших дорог. Мы лучше на моей «Волге» отправимся. Ну, что, пойдем к деду Евстигнею? Познакомлю.

— Он только что тут был.

— Да? — Федор поднял удивленный взгляд, повел носом. — То-то я чую знакомые запахи. Силен старик, сам, значит, решил познакомиться, присмотреться к моему гостю. А он, между прочим, зря ничего не делает, видать, интересен ты ему. С ним недавно история приключилась. — Федор хохотнул. — Пошел он в магазин, а там мужик чуть ли не с кулаками на него: мол, что наделал, пень старый?! Оказывается, приезжал он к Евстигнею с женой, жаловался, что долго живут вместе, а ребеночка все нет и нет. Ну, дед дал им травяной настой, посмотрел бабу, пошептал что-то, а там вскорости баба и забеременела. Да не просто, а двойней! А потом еще раз через год, и снова двойней. Ну, мужик ейный и офигел: «Ты виноват! Чем детей кормить буду?»

Илья улыбнулся.

— Да, печальная история. Действительно, дед твой колдун. Дал вот оберег от всяких лесных духов. — Он протянул Федору камень с дыркой.

Ломов камень в руки брать не стал, посмотрел на него как-то странно, покачал головой, становясь задумчивым.

— Что-то чует старый... Не ехал бы ты, Илюха, один на Стрекавин Нос. Дождался бы меня.

— Да что вы все проблему из этого делаете? — удивился Илья. — Я просто хочу прогуляться по берегу озера, посмотреть на пейзажи. В чем тут криминал?

— Ну, может, ты и прав, — проворчал Федор, отворачива-

ясь. — Только на твоём месте я всё равно не ходил бы туда один. Понимаю, ты человек опытный, знаменитый, много чего повидал, однако места у нас здесь гиблые, болотистые, буреломные, не ровен час в трясину влезешь... не дай Бог, конечно! Да и ведьмины поляны встречаются, сам попадал.

Илья хотел обидеться, но понял, что за словами дядьки стоит лишь забота о нём, и успокоился. Сказал примирительно:

— Я одним глазком посмотрю на то место и сразу назад. Если найду что интересное, в следующий раз вместе сходим. А что это за ведьмины поляны, о которых ты вспомнил?

— Есть в здешних краях дьявольские места... — нехотя проговорил Федор. — В прошлом году мы с Васькой сено косили в Заклинских лугах. Нашли поляночку под Пустобородовом, меж двумя болотцами, скосили траву — сочная такая травушка, высокая, прямо загляденье, самому пожевать хочется. А на следующий день не можем на эту поляну выйти, да и все тут. Хоть плачь! Кажется — вот она впереди за березками виднеется, минуты две всего ходу до края, но сколько ни идешь, впереди встают все новые и новые деревья. Так мы полдня и прошастали вокруг да около, а на поляну ту не попали. Ведьминой оказалась...

Илья покрутил головой, но шутить не стал. Не то чтобы он не верил в лесных духов и чертовщину, однако не имел с ними встреч и доверять чужой информации не спешил. Ему тоже доводилось слышать легенды о колдовских полянах и глухих лесных уголках, где якобы еще ютилась древняя нежить в виде лесовиков, болотниц, шишиг и бабаев, однако он был склонен считать подобные случаи шутками природы и называл их аномальными окнами земной реальности.

— В общем, не броди по лесам долго, — закончил Федор. — Хочешь, я тебе свое ружье дам?

— Не надо, — отказался Илья. — Медведей я вряд ли встречу, а с остальными зверями и без оружия как-нибудь договорюсь.

— Как знаешь. Кроме зверей, можно еще на лихих людей нарваться, а они похуже зверья-то будут. Однако смотри, твоё дело.

Федор ушел мыться и вскоре уехал с шурином Васькой, лысоватым мужичком неприметной наружности с хитрыми карими глазками, погрузив в машину сумки и ящики с овощами и яблоками, собранными на собственном участке.

В Новгороде у него жил свекор, который реализовывал продукцию через магазины и базы города, не связываясь с рынками.

Собрался и Илья, прикинув, что вполне успеет дойти до Стрекавина Носа и вернуться обратно к ночи. От Парфино до озерного островка Войцы, частью которого и был Стрекавин Нос, насчитывалось не больше сорока километров, на моторке до него можно было добраться часа за три, а оставаться на мысу Илья не рассчитывал, хотел только осмотреться да найти место на озере, где, по рассказу бабушки Савостиной, лежал на дне камень с изображением беса.

Моторка шурина Васьки, стоявшая у пристани недалеко от дома Ломовых, оказалась быстроходным катером типа «Дельфин» с мощным стосильным мотором, способным разгоняться до скорости в двадцать пять километров в час (Илья проверил это, выйдя из устья Ловати на водный простор озера). Причина такой роскоши — катер стоил немалых денег — стала понятна после пояснения Данилы, указавшего место стоянки: шурин Федора Василий Семенович Антипов работал инспектором в рыбнадзоре и катер был его «рабочим инструментом».

Оделся Илья просто: джинсы, штормовка, зеленое кепи с надписью «Адидас», резиновые сапоги. Ружье Федора он все-таки взял с собой, хотя и решил не вынимать из чехла, положив гладкоствольный «демас» двадцатого калибра с вертикальным расположением стволов под сиденье. Через полтора часа он был уже на озере, напугав своим появлением на Ловати многих рыбаков: катер Васьки знали и звук его мотора ничего хорошего браконьерам не сулил.

Озеро Ильмень имеет в поперечнике около пятидесяти километров, так что противоположный его берег был не виден. Казалось, Илья выплыл в море без конца и края, удивительно тихое и мирное. День выдался жарким, и только ветер от движения катера помогал справляться с жарой, хотя так и подмывало снять с себя одежду и позагорать. А через несколько минут Илья вдруг понял, что чайки над озером расположились уж каким-то и вовсе необычным образом: часть их вытянулась в цепочку от катера до удалявшегося берега в устье Ловати, а часть образовала над катером этажерку, перемещающаяся вместе с ним. Одновременно у Ильи родилось ощущение, что за ним наблюдают внимательные глаза.

Это мог быть и эффект сопровождения птичьей стаи —

чайки наверняка следили за лодкой, но могли наблюдать и люди с берега, что сразу вызывало в памяти предупреждение деда Евстигнея. Илья сбросил сонливость, привел организм в боевое состояние и проверил по карте направление движения. До Стрекавина Носа выходило не так уж и много, километров десять по прямой, но сначала надо было найти ориентир — скалу под названием Синий Камень, от которой до острова Войцы было всего ничего — с версту вдоль правого берега Ильмень-озера. Однако сколько Илья ни вглядывался в берег и водную гладь, скалы не видел. Остановил катер, начиная ощущать раздражение. Еще раз внимательно прошелся окулярами бинокля по недалекому берегу, поросшему кустарником и кое-где смешанным лесом, ничего особенного не заметил и решил идти вдоль берега до тех пор, пока не появится протока, отделяющая основной материковый берег озера от острова Войцы, южный мыс которого называли когда-то в незапамятные времена Стрекавиным Носом. То ли у первооткрывателя острова действительно был выдающийся нос, то ли название мысу дали в насмешку над кем-то из первых жителей близлежащих деревень. Илья этого не знал, но в данный момент его это не интересовало. У него постепенно складывалось впечатление, что его намеренно уводят от мыса, не дают к нему приблизиться и что за ним в самом деле следят чьи-то недобрые глаза.

Чайки над головой стали пикировать на катер, крича почти по-человечески, в какой-то момент Илья отвлекся, отбиваясь от них — птицы норовили клюнуть его в лицо, и с удивлением обнаружил, что берег располагается слева от катера. Вместо того чтобы плыть на север, катер двигался назад!

Хмыкнув, Илья развернулся и снова двинулся вперед, на север, прикрывая голову рукой, пока не обозлился на чаек окончательно и не вытащил ружье. Как по команде чайки взлетели вверх, устраивая хоровод на большой высоте, а Илья снова обнаружил, что плывет назад, на юг!

— Елки-палки! — вслух произнес он, разворачивая катер. — Никак и на воде существуют «ведьмины поляны»!

Словно услышав его слова, чайки внезапно перестали кружить над головой и стайей помчались к берегу. Лишь один огромный белоснежный альбатрос продолжал кружение над озером, изредка пошевеливая крыльями, зорко всматриваясь в воду. Глядя на него, Илья почему-то подумал, что альбатрос принадлежит другому лагерю, дружественному, и окон-

чательно успокоился. Дед Евстигней со своей стороны не мог не приложить усилий, чтобы его посланец добрался до места, и альбатрос, наверное, служил ему наблюдателем.

Скала Синий Камень показалась слева внезапно и совсем рядом, словно выпрыгнула из-под воды. Формой она напоминала оплавленную свечу, а синей казалась только издали, вблизи же стало видно, что цвет ее дымчато-серый, с зеленым и черным налетом. Илья проводил ее взглядом: показалось, что скала с м о т р и т на него внимательно и строго, — и едва не прозевал протоку, отделявшую часть берега справа от мыса Стрекавин Нос. Сбросил скорость, выглядывая, где можно пристать к острову, не увидел в плавнях ни одного прохода и повел катер напрямик через тростник и камыш.

Через минуту катер уткнулся носом в огромное полузатопленное бревно. Дальше ходу не было. Илья дал задний ход, попробовал пройти в другом месте, в третьем, но безуспешно. Тогда он остановил катер перед тростниковой крепью и, вспомнив совет деда Евстигнея «верить сердцу», прислушался к тишине природы, стал медитировать, растворяться в этой тишине, пока не услышал знакомый, дивной красоты девичий голос. Где-то недалеко на берегу, за зеленой стеной кустарника, среди ив и берез пела девушка. Ее голос невозможно было спутать ни с чьим, именно этот удивительный, звучный и печальный голос и слышал Илья во сне перед получением письма от Марии Емельяновны Савостиной.

Влекомый какой-то странной сладостной силой, Илья вставил в уключины катера легкие алюминиевые весла и повел его к берегу сквозь тростник, наугад, почти не осознавая, что делает и куда плывет. И уже не удивился, когда заросли тростника расступились и впереди показался высокий зеленый берег, заросший ивой и ольхой.

Голос все еще звучал внутри Ильи эхом тайны, и, повинувшись мистическому зову, он поднялся по береговому склону наверх, миновал купы кустарника и вышел на луг с высокой травой, напомнивший ему поляну из сна. Не было только речки и тумана, все остальное казалось смутно знакомым и родным, будто он когда-то бродил по этим местам.

Девушку он увидел не сразу, сначала интуитивно почуял ее присутствие — толчком сердца, ощущением скрытого источника света. Она стояла под березой на краю луга в тридцати шагах и смотрела на него спокойно и внимательно, одетая в легкий цветастый сарафан, который почти не скрывал не-

большую, но упругую грудь и длинные ноги. Пушистые светлые волосы у нее были распущены по плечам, сияя, как платиновая корона, отчего она напоминала лесную нимфу, спустившуюся с дерева на землю. Назвать ее просто красивой не поворачивался язык. По ощущению Ильи она была прекрасной, и он стоял и смотрел на незнакомку, очень молодую, почти девочку, вбирая ее красоту не глазами, а сердцем, понимая, что внезапно нашел ту, которую ждал всю жизнь и за которой готов пойти хоть на край света.

— Кто ты? — хрипло спросил он, когда девушка пошевелилась, собираясь исчезнуть за деревьями. — Как тебя зовут?

— Слава, — оглянулась на него девушка. Голос ее был необычайного бархатного тембра, теплый и мягкий, как и весь ее облик, и сразу становилось понятно, что пела только что именно она.

— Интересное имя. А меня зовут Ильей. — Он шагнул к ней, не обращая внимания на влажную дернину под ногами, и остановился, заметив ее отталкивающий жест.

— Осторожнее, странник, здесь ходить опасно, кругом болото.

Он посмотрел себе под ноги.

— А как же ты ходишь, да еще босиком, не боишься?

— Может быть, я болотница, дочь водяного, внучка старика-болотняка, — лукаво усмехнулась девушка.

— Так и я, может быть, не простой человек, — в тон ей проговорил Илья, видя, как у незнакомки — теперь становилось очевидным, что она действительно очень молода, — поднялись густые брови с крутым «крыльчатым» изгибом. — Может, я тоже сын лешего, внук старика-боровика.

Девушка засмеялась — словно по кустам рассыпалась горсть сталкивающихся хрустальных шариков.

— Боровик не человек, на медведя смахивает, только без хвоста.

— Так и у меня хвоста нету.

Илья подошел ближе, чувствуя под ногами зыбкое вздрагивание торфяного пласта; здешний луг, похоже, действительно представлял собой верхний слой болота.

— Кто тебе такое имечко дал — Слава?

— Мама, — просто ответила девушка, с любопытством глядя на приближающегося Пашина. В глазах ее ни страха, ни тревоги не было, только огонек интереса и — на самом

дне — печали. — Слава — это уменьшительное, на самом деле я Владислава, Владислава Мироновна.

— И сколько же тебе лет, Владислава Мироновна? — Илья остановился в нескольких шагах от незнакомки, чувствуя, как гулко бьется сердце и кружится голова то ли от свежего воздуха, то ли от ее присутствия. Хотелось броситься к нимфе, прижать ее к себе, взять на руки и больше никогда не отпускать.

— Скоро будет восемнадцать, — повела плечиком Владислава. — Через три недели исполнится.

— Понятно, я так и думал. А не боишься одна гулять по болотам да чащобам? Где ты живешь? Или на рыбалку с отцом приехала?

— Ни с кем я не приехала, я живу тут недалеко, в деревне, в версте отсюда, Войцы называется. И вообще я не одна.

Послышался шорох, из-за ног девушки высунулась морда собаки, блеснули яркие желтые глаза, дернулся нос, вынюхивая запах пришедшего человека, разинулась пасть, обнажая острые белые клыки. Илья с оторопью понял, что это не собака, а волк! Посмотрел на улыбающуюся Владиславу, перевел взгляд на волка, встретил его умный горящий взгляд и вздрогнул: это был волк из его последнего сна. Сны его пока что не подводили, точно предсказывая настоящие реальные встречи и перемены в жизни.

— Хороша собачка, — кивнул на волка Илья и снова почувствовал оторопь: зверь... улыбнулся в ответ! Во всяком случае, его гримаса очень смахивала на улыбку.

— Это не собачка. — Владислава погладила лобастую волчью голову между ушами, и волк отступил, исчез в кустах. — Его зовут Огнеглазый. А вы не из Москвы случайно?

— Из Москвы, — кивнул Илья, решив больше ничему не удивляться. — Как ты догадалась?

— Такие фуражки в наших местах никто не носит. Зря вы сюда приехали, ничего не найдете.

— А почему ты решила, что я здесь что-то ищу?

Где-то в лесу за лугом раздался тихий свист, девушка вздрогнула, оглянулась. В глазах ее зажглась тревога.

— Уходите, странник, а то будет плохо. — Она упорно не хотела называть его по имени. — Вас не должны здесь видеть. Здешние места опасные, чужаков у нас не любят. Да они сюда и не добираются, вы первый. Даже странно, что вас пропустили.

— Кто? Уж не жрецы ли храма Морока?

Глаза Владиславы стали огромными.

— Вы знаете... о храме?

— Бабушка Мария Емельяновна рассказывала. — Илья вдруг не удержался и поведал девушке о письме Савостиной, многое упустив, оставив полностью лишь легенду о Боге-демоне Мороке.

— И вы приехали искать камень?! — Глаза девчонки выразили все ее недоверие, но наряду с ним в них плескались еще тревога и страх, уважение и странная надежда.

— Вот приехал, — пожал плечами Илья, чувствуя досаду и одновременно облегчение, будто покался перед кем-то неизмеримо высоким в своих грехах.

— Вы его никогда не найдете... — Голос незнакомки понизился до шепота. — Камень давно лежит в другом месте, на дне другого секретного озера. Уходите, пока не поздно.

Свист в лесу повторился, но уже гораздо ближе. Владислава заторопилась.

— Это они... если они вас здесь увидят, вы никогда отсюда не выберетесь, попадете в лесавин круг, и все, пропадете.

— Выберусь; не пропаду, — беспечно махнул рукой Илья, внезапно ощущая спиной холодное дыхание опасности. — Один не найду, вернусь с экспедицией. Ты мне поможешь?

— Не-е... — с сожалением покачала головой Владислава. — Мне нельзя, послушница я...

— Храма?! — вырвалось у Ильи.

Девушка кивнула, отступая за деревья, тень тоски пробежала по ее лицу, стирая живые краски, будто облако заслонило солнышко, так что Илья сам в ответ почувствовал тоску и обреченность.

— И ты знаешь, где этот храм расположен?

Еще один кивок. Девушка отступила еще дальше.

— А камень? Знаешь, где лежит камень с лицом черта?

— Не-е... — донеслось еле слышно. — Знают только старшие жрицы, я еще не посвящена.

— Постой, не уходи. А что, если я тебя увезу отсюда? В Москву? На свободу?

Свет, вспыхнувший в глазах Владиславы, нес в себе столько радости и надежды, что Илья невольно засмеялся в ответ, чувствуя прилив сил.

— Родители у тебя живы? Могу я с ними поговорить?

— Приходите... если сможете. Только вас не пустят в де-

ревню. — Она посмотрела ему за спину, и свет в ее глазах померк, сменившись прежней тоской и безнадежностью.

Илья оглянулся.

Сзади к нему подходили трое одетых в черное мужчин: двое молодых и один постарше, с черной бородой и усами, плотный и какой-то четырехугольный, как сейф.

— Онфим!.. — прошептала Владислава, бледнея.

— Иди домой, — густым голосом почти ласково проговорил бородач. — Опосля поговорим.

— Отпусти его, Онфим, он ничего дурного не делал.

— Иди! — Глаза бородача недобро сверкнули. — Мы только потолкуем с ним о том о сем и отпустим... на все четыре стороны.

— Не бойся за меня, — посмотрел на девушку Илья, чувствуя нарастающую веселую злость. — И жди, я обязательно вернусь.

Владислава несколько мгновений не сводила своих широко распахнутых глаз — они у нее были голубовато-зеленого цвета — с лица Ильи и вдруг исчезла за деревьями. Илья послал ей мысленно поцелуй, повернулся к не спеша подходившим мужчинам, сжал в кармане камень с дыркой — оберег деда Евстигнея и почувствовал исходящий от камня ток успокоения. Оберег работал.

— О чем вы хотите со мной потолковать? — миролюбиво произнес Илья, понимая, что перед ним жрецы храма Морoka или же их посланцы, сторожа Врат — камня с изображением беса, а также острова и удивительной девушки по имени Владислава, предназначенной стать жрицей храма. «Ну уж, это мы еще посмотрим! — подумал Илья, стискивая зубы. — Храм сожгу к чертовой бабушке, но не дам жрецам упрятать ее в подземелья на потеху демону!»

— А не о чем нам толковать, мил-человек, — равнодушно пробасил бородач. — Мы тебя только поучим маленько, чтобы неповадно было гулять, где не след. — Он остановился, в то время как молодые люди в плотных, несмотря на жаркий день, черных рубахах и таких же черных брюках продолжали приближаться к Пашину. — Намните ему бока, ребятки, не жалейте ребер, а потом отнесите в болотце, пусть полежит, подумает о жизни своей пустячной.

— Может быть, не стоит сразу-то в болото? — усмехнулся Илья, оценивая подходивших парней. — Разойдемся миром.

Ему не ответили, и он понял, что намерения у охраны ост-

рова самые житейские: избить и утопить пришельца в болоте. Хотя, может быть, они действительно получили задание лишь поучить чужака, припугнуть, чтобы никогда больше здесь не появлялся.

Первым к нему подошел могучий телом длинноволосый отрок с бледноватым застывшим лицом, которого, похоже, никогда не касались солнечные лучи. Он попытался сграбастать Илью за плечо, но поскользнулся и упал лицом вперед от несильного с виду, но точного тычка пальцем в сонную артерию.

Второй молодой человек, смуглолицый, с усиками, такой же длинноволосый, с косоватыми глазами, говорившими о примеси азиатской крови, в отличие от своего напарника знал приемы рукопашного боя и хватать Илью не стал. Не доходя до него двух шагов, он вдруг упал и в подкате достал Илью ногами, пытаясь сбить его на землю. Однако подобные приемы (странная манера, что-то похожее на славяно-горицкую борьбу) серьезной опасности для Ильи не представляли, поэтому он намеренно дал себя уронить, ожидая, что будет дальше.

Противник захватил рукой его ногу, попытался нанести еще один удар — ногой сверху в грудь, и уже по одному этому можно было судить о его подготовке: морской спецназ, школа «монастыря на воде», взявшая на вооружение многие приемы боевого самбо и кунг-фу. Илья опять же сознательно принял на себя удар, ослабив его резким выдохом, затем перехватил ногу парня и одним движением выкрутил голеностоп из сустава.

Боль от такого приема бывает дикая, Илья сам когда-то испытал ее во время схватки с мастером ша-фут-фань в Тибете, но этот парень даже не вскрикнул, только перекатился в сторону и встал на колено, схватившись руками за ногу и глядя на Илью горящими расширенными глазами.

— Может быть, хватит? — предложил Илья, гибко подхватываясь с земли, держа всех троих в поле зрения и вычисляя, нет ли у них огнестрельного оружия. — Человек я мирный, никому не мешаю, но очень не люблю, когда меня пытаются поучить вопреки моему желанию.

Бородач нахмурился, с некоторым недоумением глянул на своих помощников и двинулся на Илью, как танк, загребая траву огромными, не менее чем сорок шестого размера, сапо-

гами. Он был так уверен в себе, что Илья невольно почувствовал спиной холодок смутения. Поднял руку.

— Давайте не ссориться окончательно, уважаемый. Я сам сяду в лодку и уплыву. Договорились?

Бородач продолжал надвигаться как бульдозер, внезапно метнулся к Илье, демонстрируя неожиданную для его тела быстроту и ловкость, и едва не зацепил голову Пашина огромным кулаком. По шипению воздуха Илья оценил мощь удара, понял, что это противник посерьезней, что с ним шутить нельзя, и ответил болевым ударом из арсенала кэмпо — в бровь и «лапой тигра» в грудь в районе легких. Обычно этого хватало, чтобы пресечь бой в самом начале. Однако бородач не остановился, нанося еще два мощных удара, едва не задев Пашина. Впечатление было такое, будто удары самого Ильи не достигли цели! А ведь любым из них можно было заставить прекратить бой любого мастера, понимающего толк в приемах да-цзе-шу. И все же удары на Онфима не действовали никак, несмотря на то, что бровь над его левым глазом начала вспухать. Он шел и шел вперед как машина, и хотя арсеналом ударов владел не слишком разнообразным, менее опасным от этого не стал.

Где-то недалеко раздался знакомый свист.

Илья понял, что дело принимает нешуточный оборот: сторожа острова звали своих приятелей на помощь. Надо было срочно уходить, пока не прибыли специалисты другого плана — с оружием в руках. Шансов отбиться от них у Ильи почти не было.

Он сделал вид, что с трудом увертывается от ударов противника, поймал его «в перекрестье» приема и ударил в горло, поворачивая кулак таким образом, чтобы травмировать человека, а не убить. Бородатый Онфим отшатнулся, хватаясь рукой за горло, и упал навзничь, так что вздрогнул торфяной слой болота, на краю которого происходила схватка. Где-то в кустах послышался тихий вскрик, между берез показалась Владислава. Очевидно, она не послушалась приказа главного сторожа и наблюдала за поединком сквозь листву кустарника.

— Ты... его?..

— Здоровый, бугай! Очухается, будет жить. — Илья нагнулся над телом Онфима, выпрямился, вытягивая руку в сторону смуглолицего парня, попытавшегося было двинуться

к нему с ножом в руке. — Сиди, если здоровьем дорожишь! — Повернулся к девушке. — Идем со мной сейчас, Слава!

— Не могу, — замотала головой Владислава, на глаза которой навернулись слезы. — Нас убьют обоих... не выпустят... уходи быстрее, сейчас здесь будут навыи воины...

— Ничего, отобьемся. Эти тоже казались себе воинами.

— То совсем другое дело, ты не понимаешь, навыи воины заколдованы. — Владислава прижала кулачки к груди, слезы потекли по ее щекам. — Уходи, прошу тебя. Меня они не тронут, я здешняя...

Илья шагнул к ней, обнял, жадно оглядывая лицо девушки, поцеловал в соленые щеки, в глаза, в губы.

— Будешь ждать?

— Буду... — зажмурившись, едва слышно прошептала она.

Илья еще раз поцеловал ее в губы и, не оглядываясь, нырнул в кусты.

Катер стоял на месте в целости и сохранности. Илья прыгнул в него с разбега, достал весло, оттолкнулся от берега, начал грести, направляя корму в протоку, по которой подплыл к острову. Прежде чем стена тростника скрыла от него берег, он успел разглядеть вынырнувшие из кустов фигуры, потом раздались рычание, крики, стремительная серая тень бросилась к преследователям, заставляя их отступить, и Илья понял, что ему на помощь пришел волк Владиславы, посланный хозяйкой отвлечь внимание сторожей.

Катер выбрался из тростниковых зарослей на чистую воду, взревел мотором, набирая скорость. Илья ожидал встретить лодки или катера хозяев острова, перекрывающие ему дорогу, ничего и никого не увидел и направил свой катер в открытые просторы озера, с облегчением переводя дух. Однако, как оказалось, его приключения на этом не кончились.

Что случилось, он не понял, поначалу решив, что просто загляделся назад, на удаляющийся мыс Стрекавин Нос.

Скала Синий Камень вдруг выросла на пути катера буквально в полусотне метров, и ему стоило больших трудов вовремя снизить скорость и отвернуть, хотя руль почему-то не хотел поворачиваться, а мотор — сбавлять обороты. Чувствуя, как сердце готово выпрыгнуть из груди, Илья вытер кепкой пот со лба, оглянулся назад, и ему показалось, что над Стрекавиным Носом высится полупрозрачная дымная фигура, напоминающая сгорбленную старуху с клюкой. Старуха погрозила ему клюкой и растаяла.

Илья сплюнул через левое плечо, направляя катер прочь от скалы с осклизлым основанием, в которую едва не врезался на полном ходу, и через минуту обнаружил, что снова мчится к Синему Камню на всех парах. Столкновение казалось неминуемым, но в последний миг Илья вспомнил о подарке деда Евстигнея, дотронулся до оберега рукой и смог вывернуть штурвал так, что катер лишь чиркнул боком о скалу да скрежетнул днищем о камни.

Несколько минут Пашин отдыхал, ни о чем не думая, успокаивая дыхание и сердце. Потом нашел глазами в небе все так же неспешно кружащего альбатроса, послал ему мысленный призыв о помощи и дождался «ответа»: альбатрос вдруг спикировал вниз, внимательно разглядывая скалу и человека в катере, отвернул в сторону, стал удаляться. Не выпуская его из виду, Илья включил двигатель и повел катер следом. Через полчаса он почувствовал странное облегчение, дуновение свежего ветра, стал слышать звуки: посвисты ветерка, хлюпающие волн о борта катера, клочкотание воды над винтом. Алое солнце висело прямо над обрезом воды, готовясь нырнуть за горизонт, и дорожка на воде от него была также чисто алого цвета. Она не слепила глаза, казалась твердой, и по ней можно было идти, как по стеклу.

Альбатрос взлетел выше, сделал над катером круг, словно прощаясь с Ильей, и полетел назад. Он сделал свое дело, вывел беглеца из заколдованного места.

— Спасибо! — вслух поблагодарил его Илья, оглядываясь.

Скала Синий Камень была уже не видна, но ощущение того, что она вот-вот появится перед носом катера, оставалось еще долго, пока Илья не пересек Синецкий залив озера и не вошел в устье Ловати.

Через час стемнело, и катер он ставил на стоянку уже в полной темноте. На пристани его ждал дед Евстигней.

Глава 5

СЛУЧАЙНЫХ ВСТРЕЧ НЕ ВЫБАЕТ

В столицу Антон ехал на поезде Архангельск — Москва, с трудом достав билет в плацкартный вагон. Казалось, вернулись недоброй памяти советские времена, когда летом народ устремлялся в столицу из всех ближних и дальних городов и

весей, чтобы разжиться дефицитом, и очереди в кассах Ярославского вокзала стояли приличные.

Вместе с Грозовым в вагон села ватага крутоплечих парней с серьгами в ушах, как знак некой касты, одетых пестро и вызывающе, похожих то ли на цыган, то ли на цирковых артистов, то ли на металлистов, любителей канувшего в Лету хард-рока. Антон сел на указанное проводником место, поставил на верхнюю полку свою дорожную сумку, оглядел пассажиров и наткнулся на взгляд очень красивой молодой женщины, похожей на гречанку тонким резным профилем и смуглым лицом, но слегка скуластую и с бровями вразлет. Волосы у нее были цвета воронова крыла, длинные, собранные на затылке в тяжелый узел, а глаза — голубые, и этот контраст подействовал на Антона почему-то особенно сильно. Пробормотав приветствие всем сидящим, Антон снова посмотрел на красавицу-«гречанку», но та отвернулась, и он смог разглядеть ее чуть подробнее, оценив высокую грудь под туго натянутой блузкой, красивые ноги, которые она не прятала, закинув ногу на ногу, простой, но, вероятно, очень дорогой, судя по качеству, дорожный костюм. Словно почувствовав, что ее рассматривают, незнакомка глянула на Антона, сдвинув брови, и он поспешно отвел взгляд, досадуя на свою заторможенность. И в это время в проходе купе появилась компания парней, заполнив суетой и шумом, смехом и руганью весь вагон.

В купе оставалось всего два свободных места, и двое молодых людей с татуировкой на руках и плечах тут же заняли эти места у окна, но их было восемь человек, четверо разместились в соседнем купе, согнав с места какую-то женщину, остальные же решили расположиться рядом.

— Эй, дед, — хлопнул один из них по плечу пожилого мужчину в выдавшем виды пиджаке. — Вали в соседнее купе, здесь мы будем сидеть.

Мужчина посмотрел на парня-амбала под метр девяносто ростом, не с мускулистыми, а скорее с толстыми руками и ногами и выдающимся животиком, с подбритыми висками и затылком, покорно встал, вытаскивая из-под сиденья свою котомку.

— И ты тоже. — Грязный палец парня с обкусанными ногтями уперся в Антона. — Не заставляй ждать. Смотрите-ка, какой сюрприз нас ждет. — Глаза парня пробежались по фигуре красивой брюнетки с голубыми глазами. — А мы дума-

ли, скучать придется. — Он снова посмотрел на неподвижно сидевшего Антона. — Ты что, не понял? Ну-ка давай, двигай быстрее, девушка жаждет познакомиться с нами.

Антон поймал иронично-сочувственный взгляд незнакомки и решил остаться, хотя за мгновение до этого подумывал встать и перейти на другое место. Скандала затевать не хотелось, но еще больше не хотелось терпеть хамское обращение.

— Я посижу здесь, с вашего позволения, — ровным голосом сказал он.

Амбал озадаченно уставился на него, потом оглянулся на такого же толстомясого сытого напарника, ждущего, пока освободится место.

— Ты слышал, Есаул?

— Слышал, — лениво отозвался тот. Их приятели уже доставали из пакетов бутылки водки, еду и карты. — Покажи ему документ, может, очнется.

Парень с подбритыми висками достал складной нож, нажал кнопку и направил выскочившее лезвие на Антона.

— Как тебе нравится этот документ?

В то же время нож выскочил у него из руки и оказался у Ильи. В купе установилась тишина. Пассажиры поняли, что происходит нечто необычное, и с любопытством и тревогой ждали продолжения. Компания же хамоватых, уверенных в безнаказанности молодых людей, не ожидавших отпора, с удивлением разглядывала неприметного с виду мужика с бледноватым лицом и спокойным взглядом серых глаз, широкоплечего, но не выглядевшего суперменом.

Антон сложил нож, протянул отпрянувшему амбалу с бритыми висками.

— Не балуйся с острыми предметами, отрок, не ровен час, порежешься.

Парень с опаской взял нож, снова оглянулся на развеселившихся приятелей, и их скалившиеся рожи заставили его рассвирепеть. Он шагнул к Антону, замахнулся, ощерившись.

— Пошел отсюда, придурок! Дам в лоб — долго мозги со стен соскребать будешь!

Антон сделал мгновенный выпад пальцем в артерию под мышкой парня, и тот, ойкнув, присел в проходе с побелевшими от боли глазами, судорожно прижав локоть к боку. Удар этот заметила только незнакомка у окна, ни пассажиры,

ни остальные «повелители жизни» ничего не поняли, разглядывая своего ословевшего приятеля с веселым ржанием.

— Ты чо, Валет, — прохрипел Есаул, — на полу, что ль, решил посидеть?

— Г-гад! — еле выговорил подбритый.

— Кто, я?!

Валет посмотрел на Антона снизу вверх, в глазах его зажглась ненависть. Он сообразил, что мужик в серых брюках и такой же рубашке что-то сделал, отчего ему стало плохо.

— Мы же тебя... падла... в бараний рог...

Сидевший через проход татуированный парень тоже понял, что его друг сел на пол не зря, начал приподниматься, угрожающе наклоняясь к Антону, и тот сказал тихо, не меняя позы, но так, что его услышали не только в этом купе:

— Ребята, не трогали бы вы мирных граждан. На курорте не так хорошо, как рекламируют органы.

— Какой еще курорт... — начал было Есаул, норовя схватить Антона за воротник рубашки, но его остановил подошедший из соседнего купе здоровяк с наколками не только на руках и плечах, но и на шее.

— Не поднимай кипеж. Зэк, что ли? — осведомился он, внимательно посмотрев в глаза Антону.

— Бывший, — усмехнулся Антон.

— Понятно. Давно с дачи?

— Неделя.

— Понятно. За что чалился?

— За базар.

Здоровяк тоже усмехнулся.

— Понятно. Крутой ты, я гляжу, ничего не боишься. А ну как на беспредельщину нарвешься?

— Так ведь и я не бобик, — пожал плечами Антон.

— Волк, что ли?

— Олень.

Здоровяк еще раз внимательно оглядел Антона, покачал головой.

— Смотри, не лажанись, олень. Подхватишь где-нибудь бациллу вроде этой, — он кивнул на нож в кулаке Валета, — никакой эскулап не поможет.

— Я приму это к сведению, — кротко ответил Антон.

Вожак компании отошел, хотя было видно, что ему хочется по-своему разобраться со строптивым пассажиром. Антон

понял, что на вокзале следует ожидать продолжения разговора.

Пассажиры отреагировали на происшедшее почти одинаково, как на разборки бандитов, один из которых, судя по всему, недавно вышел из тюрьмы, что заставило Антона пожалеть о своем решении не подчиниться молодым хамам. Толстая тетка, сидевшая рядом, напротив незнакомки с голубыми глазами, опасливо отодвинулась, поджав губы, а интеллигентного вида пара, выглядывающая из соседнего купе, поспешно отвернулась. Антон покосился на голубоглазую незнакомку, мнение которой было ему небезразлично, встретил ее заинтересованно-осуждающий взгляд и виновато улыбнулся уголком рта. Женщина ответила такой же почти незаметной понимающей улыбкой, и между ними установился тонкий канал взаимопонимания. К сожалению, не надолго. Севший рядом с ней Валет напомнил о себе, тронув ее за колено и поинтересовавшись, как ее зовут.

«Гречанка» сбросила его руку, не собираясь отвечать, но Валет снова полез к ней, осклабясь, предлагая познакомиться, явно вызывая Антона вмешаться, и добился своего. Антон перехватил его руку, сжал особым образом, так что тот побледнел, боковым зрением увидел взмах руки татуированного молодца, сидевшего через проход, перехватил левой рукой его кулак с кастетом и вывернул. Сказал с нажимом, жестко и раздельно:

— Сидеть тихо, урки! Не борзейте, маслинами накормлю!

«Маслинами» на блатном жаргоне назывались пули, и хотя пистолета у Антона, естественно, не было, крутые мальчики ему поверили. В проходе снова появился вожак ватаги, держа руку в оттопыривающемся кармане брюк.

— Отпусти их, своячок, здесь я держу зону, как ты соображаешь. Или не соображаешь?

Антон понял, что здоровяк с наколкой на шее, изображавшей дракона, вооружен.

— Если держишь, так держи, — посмотрел он ему в глаза; под формулой «держат зону» подразумевалось быть паханом, лидером среди заключенных. — Пусть посилят тихо-мирно, никого не задевают.

— Боюсь, ты себя переоцениваешь, своячок... олень. Не избежать тебе облома на бану, будь готов. — Здоровяк посмотрел на своих подчиненных нехорошим взглядом и отошел.

Антон отпустил обоих, пересилил желание посмотреть на незнакомку, откинулся на перегородку купе, закрыл глаза и сделал вид, что собирается поспать. Сквозь неплотно сомкнутые веки он, конечно, видел каждое движение парней, так что застать врасплох они его не могли, однако ехать так долго было невозможно, и, промучившись таким образом полчаса, послушав переговоры немного притихших парней, Антон открыл глаза.

Красивая незнакомка читала книгу, не обращая ни на кого внимания, и Антону стало грустно. Момент, когда они могли познакомиться, прошел, «косить» под блатного уже не хотелось, а навязывать свое общество кому бы то ни было Громов не любил. Так они и доехали до Москвы под аккомпанемент громкого общения веселой компании, в зыбком равновесии вагона, делая вид, что заняты своими мыслями и делами, хотя чувствовалось, что блатные удерживаются от чересчур хамских выходов с трудом, давая зато волю языку. Однако Антон на это реагировать не желал, чтобы не усугублять взрывоопасную ситуацию.

Незнакомка вышла из вагона на перрон Ярославского вокзала первой. Оглянулась на идущего следом Антона и поспешила к спуску в метро. Антон с сожалением проводил ее взглядом, задавил желание незаметно проводить ее до дома и оглянулся на сиплый прокуренный голос:

— Ну что, своячок, побазарим?

Это был вожак ватаги с двумя здоровенными качками, подавшими Антона глазами. Остальные парни, в том числе обиженные Громовым Валет, Есаул и амбал с наколками на плечах, перегородили перрон с двух сторон, процеживая выходящих пассажиров, как сквозь гребень. Они ждали, они жаждали зрелища, будучи уверенными в своем превосходстве, но вряд ли предполагали, каким будет финал их «базара» с обидчиком.

Антон не стал ни заводить пустой разговор, ни предупреждать, он просто и наглядно показал шайке, ведомой «авторитетом», прибывшей в Москву по своим рэкетирским делам, а может быть, для разборок с братвой другой такой же шайки, что такое да-цзе-шу, то есть искусство пресечения боя.

Вожак не успел воспользоваться пистолетом в кармане, пропустив незаметный мгновенный удар костяшками пальцев в переносицу, и уже не видел, как легли на перрон его

быки-телохранители. Затем то же самое произошло с тройкой ватажников, загораживающих выход в город. Не оглядываясь больше и не обращая внимания на пассажиров, начавших собираться в толпу, Антон сбежал по ступенькам перехода вниз и вошел в метро, сожалея, что дал себе волю, позволил втянуть себя в конфликт. С другой стороны, хамы заслуживали адекватного ответа. Правда, если быть честным, вмешался Антон больше не ради восстановления справедливости, а под влиянием чар голубоглазой красавицы, так и не пожелавшей выразить бывшему эку благодарность за помощь.

Антон вздохнул: образ женщины не желал исчезать из памяти, продолжая будоражить воображение, заставляя испытывать досаду, сожаление и грусть.

Шел второй час дня, когда он вышел из метро на Пушкинской площади и начал обзванивать бывших друзей и сослуживцев по имеющимся у него телефонам. Однако смог дозвониться только до майора Мамедова, оказавшегося на службе. Майор за четыре года отсутствия Антона в столице успел получить звание подполковника и работал теперь заместителем начальника спецшколы ГРУ, располагавшейся на том же месте, что и прежде, — в Щелково. Звонку бывшего инструктора по рукопашному бою он не обрадовался, сухо сообщил, что времена к лучшему не изменились, что помочь Грому устроиться на работу в прежнем качестве он не может, и посоветовал обратиться в отдел кадров конторы.

Вежливо поблагодарив подполковника, Антон повесил трубку и с час гулял по Тверскому бульвару, приглядываясь к прохожим и потокам машин, заново переживая свое возвращение в большую жизнь, которая не спешила принять его обратно. Мир зоны — страшный мир, и, вспоминая его, Антон радовался обыкновенным человеческим лицам, каждому взрыву смеха и просто улыбке или жесту дружелюбия.

Пообедал он бульоном и пирожками в «Русском бистро», отметив сравнительно невысокие цены и вполне сносное качество продукции заведения. Снова начал звонить всем, кого знал по прежним встречам и связям, даже рэксам, бывшим ученикам группы десанта, но почти никого не застал дома. Все были на службе, в командировках или в отпусках, а кое-кто уже и не жил в Москве, переехав по месту нового назначения.

Тогда Антон взял билет в кинотеатр «Пушкинский» и поч-

ти с удовольствием посмотрел на большом экране новую версию «Хищника» с Арнольдом Шварценеггером в главной роли, недавно появившуюся в прокате. Наибольшее впечатление на него произвели не спецэффекты создателей фильма, а реакция зрителей, переживавших за героя на полном серьезе: женщины вскрикивали от ужаса, хватались за сердце и вытирали слезы, мужчины же от избытка чувств стискивали подлокотники кресел, а в некоторые моменты боя главного героя с хищным охотником, представителем иного разума, по мысли сценариста и режиссера, более агрессивного, чем человеческий, даже махали кулаками.

Антону же стало противно. Мастера Голливуда умело создавали образ врага, манипулировали сознанием и чувствами зрителей, внушая им нетерпимость и ненависть ко всем инакомыслящим, к тем, кто отличался от «нормальных» людей, к любым проявлениям свободы воли, даже к существам, которые просто не понимали людей в силу умственной ограниченности. Антон не был сентиментальным или чересчур чувствительным, жизнь постаралась выбить из него пары романтики и доброго отношения к ближним, однако вполне допускал возможность компромисса. По его мнению, с любым человеком или существом всегда можно договориться, исключение составляли только «отморозки», бандитствующие отбросы типа братвы из поезда или профессиональные киллеры, сознательно зарабатывающие на жизнь убийством людей. В американских же боевиках герои н и к о г д а не делали попыток договориться, следуя прямолинейной логике своих создателей, поделивших мир на белое и черное.

Третий цикл телефонных переговоров Антон завершил вечером, в начале десятого, когда над Москвой начали сгущаться тучи, предвещавшие дождь. Поговорить удалось только с врачом школы Теймуразом Какулия, с которым Антону приходилось контактировать в силу специфики подготовки: случалось, не только курсанты-первогодки, но и опытные мастера, профессионалы боя, ломали руки-ноги-пальцы-челюсти, ставили синяки, наносили друг другу травмы и нуждались в лечении. Теймураз знал историю Громова и тоже выслушал его с невеликой охотой, хотя отнесся к его проблеме с сочувствием. Однако приглашать к себе в гости не стал, да и дельного ничего не посоветовал. К его предложению создать свою школу единоборств всерьез относиться не стои-

ло. У Антона не было ни денег, ни возможностей, ни связей в спортивном и деловом мире Москвы.

Посидев на лавочке у памятника Пушкину, Антон скрепя сердце позвонил Серафиму Тымко и имел с ним минутную беседу, после чего решил больше никогда с ним не связываться. Тымко и раньше-то относился к нему не слишком дружески, считая его увлечение русбоем детским стремлением самоутвердиться, а после того, как Антон отмотал срок в зоне, и вовсе перестал питать к нему добрые чувства, судя по тону разговора. Может быть, он до сих пор не мог простить Громову то, что Илья Пашин, по его мнению, относился к Антону теплее, чем к нему, хотя Серафим проводил с Ильей времени больше и считал его «своим».

Начавшийся дождь разогнал толпу встречающихся и отдыхающих у памятника, лишь изредка у бронзовой фигуры великого поэта останавливались молодые люди, нетерпеливо высматривающие кого-то, дожидались подруг, целовались под зонтиками и убегали. Антон продолжал терпеливо сидеть на скамейке в одиночестве, накинув на себя плащ с капюшоном, и решать невеселую проблему, как жить дальше. Звонить больше никому не хотелось, мокнуть под дождем всю ночь тоже не казалось лучшим выходом из положения, надо было искать гостиницу и устраиваться, но он все сидел и сидел, глядя на дождевые фонтанчики на плитах тротуара, и медитировал.

Дождь приутих в начале двенадцатого. Антон очнулся, собираясь наконец двинуться на поиски сухого угла, и внезапно заметил возившиеся у памятника темные фигуры. Сначала не понял, что они делают, потом с удивлением разглядел, что трое парней в куртках рисуют на памятнике аэрозольными баллончиками свастику и какие-то надписи.

— Эй! — окликнул Антон неизвестных «художников». — Вы что это делаете?

Две куртки моментально прыснули в разные стороны, но тут же остановились, видя, что окликнувший их человек один. Третий продолжал быстро дорисовывать начатое. Антон двинулся к нему и наткнулся на еще двух парней в таких же одинаковых черных куртках и кепках с длинными козырьками, на которых вместо кокард красовались значки со свастикой.

— Иди отсюда, дядя! — с угрозой прошипел один из них; в свете фонаря блеснуло лезвие ножа. — Не мешай высказывать свое мнение свободным людям.

Антон ударил.

Нож, кувыркаясь, вылетел из руки «свободного человека» и зазвенел по асфальту. Парень ойкнул, отшатываясь, кепка слетела с него, обнажая бритую голову. Его напарник бросился на Антона с короткой дубинкой, оказавшейся электрошокером, пришлось «качать маятник» и ловить парня на замахе, в результате чего тот получил разряд собственного оружия пониже спины и с воплем бросился бежать. Раздался свист, крик:

— Смываемся!

Бритоголовые метнулись прочь от памятника, но Антон все же успел достать «художника», вывихнул ему руку с ножом и с удовольствием опорожнил баллончик с ядовито-зеленой краской на лицо и одежду парня. Превращенный в клоуна «художник» поскакал по аллее, как лось, мыча и отплевываясь, путая редких прохожих. Издалека донеслось:

— Мы тебя из-под земли!..

Антон бросил баллончик, приблизился к памятнику, возле которого уже стояли несколько человек, и прочитал: «Долой метисов и ж...» Остальное «художник» дорисовать не успел.

— Вот сволочи, хулиганье! — сказал какой-то мужчина с зонтом в руке. — Никакой управы на них нет. Это бандиты из «Батальона национального воспитания», они уже не один памятник осквернили таким образом.

Подошел милиционер, прочитал надпись и вызвал по радиации наряд. Антон поспешил отойти, не желая связываться с органами правопорядка. Они наверняка потребовали бы документы, а увидев «ксиву» Громова, свободно могли забрать в милицию для выяснения обстоятельств. Хотя это, может быть, было бы лучшим выходом из положения, подумал Антон, спускаясь в подземный переход. Не надо было бы гостиницу искать, провел бы ночь в КПЗ, а там разобрались бы и отпустили. Поколебавшись немного, он снял трубку телефона в тупичке у будки театральной кассы и позвонил Илье Пашину. Это был единственный человек, который мог ему помочь в данной ситуации. Но еще ни на один звонок он не ответил. Автоответчик сухо сообщал, что хозяин в отъезде и будет не скоро.

Подержав трубку возле уха и выслушав то же самое, Антон хотел уже отойти от телефона, как вдруг в трубке щелкнуло, раздался голос Ильи:

— Слушаю.

Антон сглотнул слюну, не сразу придумав, что сказать.

— Илья?

— Да. Кто это?

— Это я, Антон...

— Громов?! Как я рад тебя слышать! Серафим говорил, что ты звонил ему, но я был в рейде, только что приехал. Откуда звонишь?

— С Тверской. Шатаюсь по Москве целый день...

— Понятно. Адрес помнишь? Садись в такси и приезжай, жду. Хотя, может, я заберу тебя на машине?

— На метро я доберусь быстрее.

— О'кей. — Илья засмеялся. — До чего же я рад, дружище, что ты на свободе! Жми во всю прыть, не терпится тебя увидеть. Да, кстати, забеги в булочную по пути, купи хлеба, а то у меня хоть шаром покати.

— Что, не женился еще?

— Да никак, понимаешь, не встречу свою единственную, за которой хоть на край света. Хотя... по-моему, встретил. Приедешь, расскажу.

Антон повесил трубку и, улыбаясь, чувствуя огромное облегчение, направился ко входу в метро.

Знаменитый путешественник жил в Сокольниках, на краю Ширяева поля. Его дом стоял на пересечении Большой Тихоновской и Большой Ширяевской улиц и выходил окнами в парк. Антон в прежние времена не раз бывал в гостях у Пашина, превратившего квартиру в музей путешествий, и хорошо помнил, как добираться до этого приятного во всех отношениях уголка Москвы.

Илья встретил его у порога, обнял, они несколько мгновений постояли так, расчувствовавшись, хлопая друг друга по спинам. Потом хозяин повел гостя в ванную, дал полотенце и халат, а когда Антон вернулся в гостиную, красный, распаренный, чистый, благоухающий мылом, там уже был накрыт стол.

Гостиная большой четырехкомнатной квартиры Пашина, доставшейся ему по наследству от отчима, генерала КГБ в отставке, умершего десять лет назад, практически не изменилась за те четыре года, что Антон проторчал в зоне под Нефтеюганском. Только экспонатов добавилось, добытых Ильей в разных уголках земли. Все они были подарены вождями племен, президентами и королями тех стран, где Пашина

принимали по высшему разряду как почетного гостя, известного всему миру своими рисковыми экспедициями. Антон отметил появление нового меча на стене — кампилана и духового ружья, а также статуэтки из эбенового дерева: негр душил змея, обвинившегося вокруг его ног.

Ради встречи выпили по глотку водки (оба почти не употребляли алкоголя), потом ели китайскую лапшу под соевым соусом, очень вкусную, приготовленную Ильей в микроволновой печи, овощное рагу и бутерброды с икрой. Пашин ничего не спрашивал о житье-бытье в зоне, и Антон был ему благодарен за это, сам начав рассказывать невеселую историю, закончившуюся судом и колонией. Затем наступила очередь Ильи, явно жаждущего поделиться своими впечатлениями и открытиями, и Антон с удивлением и недоверием выслушал повествование о поездке в деревню Парфино, на берег озера Ильмень.

— Сказки... — пробормотал он, когда Илья закончил рассказ.

— Сидя здесь, на диване, и я почти не верю в эту историю, — улыбнулся хозяин, наливая гостю чаю. — Но подушка в спальне с дыркой — факт, и оберег деда Евстигнея — тоже факт, можешь пощупать его руками, он шелковистый и теплый, как живой котенок.

Антон взял в руки круглый белесый камень с отверстием посередине, подивился его тяжести. Однако вопреки словам Ильи камень был холодным как лед и шершавым.

— Странно... — пробормотал Илья, взвешивая его в руке и прислушиваясь к своим ощущениям. — А мне он кажется теплым и гладким. Может, не предназначен для передачи другим людям и отвечает только тому, кого бережет?

Антон пожал плечами. Он еще не знал, как отнестись к рассказу Пашина, но, зная его трезвый ум и не поддающийся внешнему влиянию характер, склонен был держать нейтральную позицию.

— А что ты там намекал о женщинах? Кого встретил, если не секрет, за кем мог бы пойти на край света?

Лицо Ильи разгладилось и посветлело. Антон с интересом увидел в глазах друга смущение и неуверенность.

— Да я уже рассказывал тебе о ней — девочка с острова. Не поверишь: влюбился — как мальчишка! — Илья дернул себя за вихор. — Сначала я увидел ее во сне. — Он рассказал сон-предзнаменование, в котором услышал удивительной

красоты голос и разглядел его обладательницу. — Потом встретил на Стрекавином Носу. Если бы ты ее видел, потерял бы голову, как и я.

— Но ей же, ты говорил, нет восемнадцати...

— Да я и сам понимаю, разница в возрасте между нами огромная, больше двадцати лет, но ничего не могу с собой поделать. А главное, не хочу! Может быть, ты и не веришь в такие совпадения, в мистику, но это — судьба. Кстати, она обещала меня ждать.

Антон с любопытством посмотрел на оживленно-взволнованное лицо Пашина, но вслух свои сомнения высказывать не стал. Не то чтобы он не верил в любовь с первого взгляда, просто не встречал тех, кому в этом смысле повезло.

— И что ты теперь намереваешься делать?

— Организую экспедицию на Стрекавин Нос. Пусть эти жрецы храма Морока попробуют завернуть целый отряд. Если камень с Ликом Беса действительно существует, мы его найдем и уничтожим.

— Ты сомневаешься?

— Как и всякий исследователь, не более того. Уж слишком явно оказывается давление, вплоть до угроз физического устранения, а дыма без огня не бывает. Кстати, почему бы тебе не пойти со мной? Чем ты предполагаешь заниматься в ближайшее время?

— Ничем, — кривовато улыбнулся Антон. — Я безработный и практически бомж. Попробовал устроиться на работу в Ярославле, однако с моими документами это оказалось невозможно. Заинтересовалась лишь какая-то криминальная контора, гонцов даже прислала.

— А ты что?

— Спустил их с лестницы.

— Тем более поехали с нами. Понимаешь, не идут у меня из головы слова Владиславы о «навях войнах». Что это еще за воинство такое, черт бы его побрал? Каковы его возможности? С кем мы столкнемся? Надеюсь, ты свои навыки мастера боя не потерял?

Вместо ответа Антон смахнул со стола фарфоровую чашку, поймал ее подъемом стопы и поставил обратно.

— Ух ты! — Илья вытянул губы трубочкой. — Я так не умею. Что ж, рад, что ты в форме. Как тебе мое предложение?

— Я подумаю.

— Только недолго, до завтра... — Илья посмотрел на ча-

сы. — Вернее, уже до сегодня, до полудня. В четыре я иду на день рождения к приятелям, там мы и обсудим состав экспедиции. Можешь пойти со мной.

— Неудобно, — засомневался Антон. — Меня же не приглашали.

— Я поговорю с Лерой, она не будет возражать, наоборот, обрадуется.

— Кто она?

— Лера, Валерия Никитична Гнедич, филолог, кандидат наук, знаток русской мифологии и фольклора. Что ты еще хочешь знать? К сожалению, замужем, но женщина очень красивая и умная. Она недавно приехала из командировки, позвонила и пригласила на свой день рождения. Сегодня ей исполняется двадцать восемь.

— Львица... — пробормотал Антон.

— Что? — не понял Илья. — А-а... да, по китайскому календарю она львица. Да ты сам это почувствуешь: она привыкла быть лидером, и вся компания всегда вращается вокруг нее. Муж у нее, между прочим, подполковник ФСБ. Неплохой мужик, умный, но, на мой взгляд, слишком флегматичен, погружен в себя.

— Эка формой не испугаешь, — усмехнулся Антон, вспоминая незнакомку из поезда. Судя по ее независимому поведению, она тоже была лидером.

Илья рассмеялся, встал из-за стола.

— Давай укладываться спать, а то уже утро скоро. Еще поговоримся.

Антон согласно кивнул, чувствуя приятную усталость. И тем не менее они проговорили еще полчаса, вспоминая старых друзей, прошлые встречи, совместные походы на лодках по Селигеру и реке Пре, бывшие праздники и будни. Спать легли только в начале пятого утра, когда небосвод на востоке начал светлеть. Спал Антон без сновидений, как младенец, впервые за последние несколько лет чувствуя на душе легкость и спокойствие.

Проснулся он в семь, но, вспомнив, что никуда спешить не надо, что сигналов пробудки не будет, с блаженным облегчением заснул снова и проснулся уже в начале одиннадцатого, обнаружив, что Илья давно убежал из дома по делам. На столе в кухне лежала записка: «Завтракай и отдыхай. Если хо-

чешь, погуляй по парку, съезди в центр, но в два часа будь дома как штык, поедem в гости. Ключи на тумбочке».

Антон сделал из листка записки бумажный самолетик, запустил его в окно, побродил по комнатам квартиры-«музея» Пашина, вдыхая непередаваемые запахи дальних стран, старины и чужеродности, потом сделал зарядку, воспользовавшись спортивным инвентарем Ильи в его спальне — много-руким идиолом для отработки ударов и блоков, макиварой и резиновыми тяжами. Кроме стандартного набора предметов для тренинга, здесь стоял еще и электронно-компьютерный тренажер для отработки реакции в нестандартных ситуациях, но Антон включать его не стал. Потрогал шлем с выпуклыми фасетчатыми очками и вышел из спальни. В его время такой аппаратуры не существовало, но вряд ли она давала существенный эффект. Рожденный воином и без нее становился воином, тому же, кто опирался лишь на практические занятия и качал мускулы, она помочь не могла.

День обещал быть жарким, по небу ползли редкие облачка, и Антон переоделся в летний костюм, захваченный из дома, который он не носил уже четыре года: белые брюки, футболка, туфли в дырочку. Захотелось не спеша побродить по центральным улицам столицы, посидеть на веранде какого-нибудь летнего кафе и просто отдохнуть, ни о чем серьезном не думая. Так он и поступил, закрыв за собой дверь пашинской квартиры, оборудованной специальной сигнализацией. Все же некоторые экспонаты «музея» имели солидную реальную ценность.

В метро он почувствовал на себе чей-то липкий прицеливающийся взгляд, насторожился и, выждав момент, оглянувшись, но того, кто смотрел на него, не засек. Пассажиров было много, однако все они имели деловой, сосредоточенный на поездке или внутренних переживаниях вид и на Антона не глядели. Сзади спиной к нему стоял какой-то здоровенный бугай со складчатым мясистым затылком и читал газету, он никак не мог смотреть на Громова, ни прямо, ни косо, ни тайком, но именно он порождает ощущение цепкого оценивающего взгляда, которое невозможно было спутать ни с чем. Ошибиться Антон не мог, слишком хорошо познав в зоне закон «моргал на спине»: его не раз пытались убить по заказу пахана: и Громов научился моментально реагировать на взгляд в спину.

Отвернувшись, он привычно сконцентрировал внимание на внутренней пустоте, отгородился этой пустотой от

всего мира, а затем осторожно выглянул оттуда в «щелочку» сверхчувственного восприятия. И буквально наткнулся на угрожающее «щупальце» чужого внимания к своей персоне. Мгновенно повернувшись, Антон снова увидел широкую спину бугая с газетой, но теперь ему показалось, что при этом он видит еще одну призрачную фигуру, вернее, только часть фигуры — плечи и голову, выглядывающие из спины здоровяка. Сверкнув белыми, без зрачков, глазами, привидение спряталось в спине пассажира с газетой, а потом вдруг отделилось от здоровяка и быстро засеменило прочь, свободно пронизывая тела других людей, избегая женщин, пока не исчезло в конце вагона.

Если бы Антон не знал пределов устойчивости своей психики, он бы запаниковал, посчитав происшедшее галлюцинацией или эффектом разыгравшегося воображения, однако психоэнергетика уже давно перестала для него быть только научным термином, и о паранормальных явлениях он знал не понаслышке. К тому же свеж был в памяти и рассказ Ильи о прожженной неизвестной субстанцией подушке и особенно о его попытках миновать скалу Синий Камень на озере Ильмень. Все эти чудеса имели вполне реальную основу и объяснялись воздействием на психику человека энергоинформационных, или, как сейчас модно было говорить, торсионных полей.

И все же факт слежки «привидения» за Антоном был тревожным, особенно в свете рассказанного Ильей. Вполне вероятно, что за всеми гостями Пашина началась слежка с использованием магических методов, и Антон подсадовал на себя за то, что не обратил внимания на свои ощущения еще ранним утром.

Прислушиваясь к себе и посматривая по сторонам, он вышел из метро на Пушкинской площади и, не торопясь, побрел по Тверскому бульвару. В течение получаса ничего необычного вокруг больше не происходило, никто за ним не следовал, не сверлил спину взглядом, и Антон успокоился, хотя продолжал держать себя в готовности к любому повороту событий. На пересечении бульвара с Большой Никитской он сел за столик открытого летнего бара и заказал бутылку пива «Миллер». Сидящая под соседним грибком красивая молоденькая девушка напомнила Антону рассказ Ильи о встрече на озере с восемнадцатилетней Владиславой, и мыс-

ли свернули в иное русло. Он вспомнил, как много лет назад, будучи таким же юным, встретил свою первую любовь.

Отец Антона был страстным поклонником байдарочных путешествий и, как только удавалось вырваться в отпуск летом, всегда собирал компанию таких же заядлых лодочников, приучив к этому виду отдыха и сына. Антон стал ходить с ним в походы по рекам и озерам Ярославской губернии с двенадцати лет и к восемнадцати греб не хуже признанных мастеров байдарки.

В то лето они спускались по реке Которосль от самого Ярославля, чтобы через Выксу пройти в озеро Неро, на берегу которого у одного из приятелей отца был собственный домик в заповеднике. На ночь остановились у слияния Которосли с рекой Устье и здесь встретили еще одну компанию любителей плавания на байдарках. Среди них была девушка Зоя, в которую и влюбился Антон с первого взгляда.

Этот вечер он запомнил на всю жизнь. Такого с ним не было ни до, ни после, хотя с девушками, которые ему нравились, он встречался не однажды. По всей видимости, и он пришелся Зое по душе, потому что на любое его предложение — после знакомства и совместного ужина — она отвечала согласием. Антон пригласил ее побродить у реки — она пошла. Стало темнеть, у него родилась безумная идея поиграть в бадминтон — Зоя согласилась, и они играли до тех пор, пока не растеряли в темноте все воланы. Потом они сидели у костра с компанией и слушали песни под гитару, в два часа ночи остались вдвоем и впервые поцеловались. В начале пятого купались в парящей реке и снова целовались, а затем пошел дождь и загнал их в палатку, где они читали стихи и целовались. Дождь шел все утро, чем несказанно обрадовал Антона, потому что у него появился шанс остаться здесь еще на один день, но отец настоял на отъезде, и они снялись со стоянки и пошли дальше. Зоя плакала, когда они прощались, а он обещал приехать к ней, как только завершится поход и они вернутся домой. Листок с ее адресом и телефоном он спрятал на груди в кармашек рубашки, собираясь выучить его наизусть на первой же стоянке на озере Неро, но дождь хлынул как из ведра, и рубашка намокла. Намок, естественно, и лист из блокнота с адресом Зои. Антон положил его сушить на борт байдарки, а когда тот высох — порыв ветра унес адрес, а с ним надежду на будущие встречи и любовь...

Антон помнил, что он буквально заболел от переживаний,

похудел, перестал разговаривать с родителями и друзьями, а потом тайком от всех поехал искать Зою в город, где она жила, — Гаврилов Ям. Но найти ее ему так и не удалось...

Девушка за столиком напротив закурила, закинула ногу на ногу и посмотрела на Антона с особым приглашающим прищуром, и он отвернулся. Она явно скучала и искала повод для знакомства. Знакомиться же ему не хотелось ни с кем. Мысли вернулись к происшествию в метро. От него за версту разило мистикой или шизофренией, но поскольку Антон был трезв, наркотиков не употреблял и психику имел устойчивую к воздействию извне, то причину его видений следовало искать в другом. Например: считать, что призрак, выглядывающий из спины читавшего газету мужчины, существовал реально и представлял собой сгусток какого-то психического поля, отмеченного сознанием Антона. Кто-то действительно следил за ним неким магическим образом, но не рассчитывал, что этот его «поток внимания» будет уловлен объектом слежки.

Посидев еще немного в состоянии эйфорической ослабленности, Антон встряхнулся, оставаясь с виду задумчивым и сонным, и отправился бродить по бульварам дальше, пока не добрался до Арбата, исчерпав запас времени, где взял такси и поехал восвояси, домой к Илье. Поймать за работой тех, кто за ним следил, если таковые имелись, ему не удалось. То ли они перестали за ним наблюдать, то ли применили другие методы, то ли существовали единственно в его воображении. Но уведомить Илью о своей встрече с призраком он все же счел за необходимость.

Пашин, вернувшийся домой точно в два часа дня, сначала отреагировал на сообщение легкомысленно, пошутив о влиянии столичного пива на «экологически чистый» организм бывшего зэка, но потом увидел сдвинутые брови Антона и посерьезнел.

— Не обижайся, мастер, я вполне допускаю и мистическое сопровождение собственной персоны, тем более что дед Евстигней меня предупредил об этом. За нами должны и будут следить, и никуда от этого не деться, пока мы будем заниматься Ликом Беса. Мало того, когда служба безопасности храма Морока убедится, что мы намерены довести дело до конца, за нас возьмутся всерьез, и тогда нам пригодятся все наши навыки. Я почти жалею, что втравил тебя в эту историю, но, боюсь, без тебя мне не обойтись.

— Я еду с тобой.

— Спасибо за ответ, хотя я не сомневался в тебе. Другое дело — комплектование экспедиции. Не хочется подвергать опасности других своих друзей, но, видимо, придется, потому что без них я тоже не смогу обойтись.

— Кого ты предполагаешь взять с собой?

— Еще трех-четырех человек, кроме тебя и Серафима.

— Он будет возражать.

— Переживет. Давай поговорим об этом чуть позже, пора ехать к Лере.

— А подарок?

— Я подарю ей от нас обоих только что вышедший трех-томник «Мифы народов мира», статуэтку древнеславянской Богини Лады и цветы.

— Я купил коробку конфет.

— Ну и отлично! Осталось только по пути купить цветы.

Они по очереди постояли под душем, переоделись и сели в машину Ильи, чтобы отправиться в гости, и почти одновременно засекли слежку: следом за ними со двора двинулся «Опель» серого цвета с затемненными стеклами и не отставал до тех пор, пока они не подъехали к дому по Старопанскому переулку в районе Китай-города, где жила приятельница Ильи Валерия Гнедич.

Общеизвестно, что Китай-город — один из древнейших районов Москвы, ведущий свою историю с начала двенадцатого века от торгового и ремесленного посада, разросшегося за несколько столетий под стенами первой укрепленной московской крепости на Боровицком холме по берегам реки Неглинной. Но, как выяснилось в результате раскопок китайгородского холма, поселения здесь существовали уже в начале тысячелетия, хотя деревянные постройки и тротуары и не сохранились, а может быть, сгорели еще до начала строительства собственно Кремля.

Старопанский переулок, выходящий в Богоявленский, назван в тысяча девятьсот двадцать втором году по местности Паны или Старые Паны, упоминавшейся еще в пятьсот восьмом году; возможно, здесь действительно селились выходцы из Польши. В довоенное время Старопанский переулок назывался Космодамианским — по имени церкви, остатки которой еще стоят в переулке. Дом, где жили Валерия Гнедич с мужем, был построен в шестидесятых годах и располагался рядом с особняком Аршинова, торговца сукном. Особняк

этот был возведен еще в тысяча восемьсот девяносто девятом году архитектором Шехтелем и представлял собой истинный шедевр архитектурного искусства. Антон, выходя из машины, невольно залюбовался огромным, в три этажа, окном, обрамленным с трех сторон эркерами.

Выяснить, кто же следил за машиной Ильи и с какой целью, не удалось. «Опель» преследователей, сопроводив «Альфа-Ромео» Пашина до Старопанского переулка, исчез, как только друзья вышли из машины.

— Что будем делать? — спросил Антон.

— Ничего, — пожал плечами Илья. — Возможно, они «засветились» намеренно, чтобы предупредить и поугаать. Вот когда начнут мешать по-настоящему, не на шутку, тогда и предпримем ответные меры. Я не сторонник превентивных действий.

— У тебя есть на кого опереться?

— Ты забываешь, что я директор, или, как принято говорить, сэнсэй Школы выживания, которую посещают четыре сотни учеников. Из них вполне можно будет организовать команду, не уступающую по возможностям любому спецназу.

Илья набрал код на замке домофона, они вошли в дом, поднялись по стершимся каменным ступенькам на третий этаж и позвонили в обитую деревянными планками дверь. Спустя несколько секунд дверь отворилась и на пороге возникла улыбающаяся красивая женщина в обтягивающем фигуру белом платье, в которой Антон с изумлением узнал незнакомку из поезда.

— Привет, — сказал Илья, подавая ей цветы. — С днем рождения, львица. — Он поцеловал ее в щеку. — Желаю оставаться такой же молодой и красивой еще сто лет! Знакомься, это Антон Громов, мой давний друг.

Валерия отстранила букет от лица, с не меньшим удивлением разглядывая Антона. Пауза затянулась. Илья заметил замешательство хозяйки и внимательно глянул на обоих.

— Вы что, знакомы?

— Споспешествовал Господь Бог.

— М-да! Когда же это вы успели?

— Потом расскажу. Проходите, почти все гости в сборе. — Валерия с заметным любопытством окинула Антона взглядом и пропустила в прихожую, где он вручил ей подарки и

поздравил с днем рождения, причем покраснел, чего с ним не случалось со времен босоногой юности.

Илья прошел в гостиную, где его встретил хор восклицаний, приветствий и смеха, а Валерия проводила туда же Антона.

— Друзья, позвольте представить вам моего спасителя из поезда, о котором я вам рассказывала.

Наступила тишина. Гости Валерии рассматривали Громова с недоверием и сомнением, как объект розыгрыша, потом разом задвигались, засмеялись, начали шутить и веселиться, но тут же перестали, когда хозяйка топнула ногой и сверкнула глазами.

— Я не шучу. Его зовут Антоном, и он справился в вагоне с целой кучей бандитов. Спросите Илью, если не верите.

— Подтверждаю, — кивнул Пашин, подталкивая Антона вперед и шепча ему на ухо: — Не стесняйся, здесь все свои. А когда это ты успел справиться с бандой? Почему я этого не знаю?

Антон встретил иронический взгляд Серафима Тымко, сидящего на диване между двух очаровательных девиц, и почувствовал мимолетное раздражение. Если Валерия, похоже, в самом деле была обрадована его появлением, то для Серафима эта встреча оказалась сюрпризом не из приятных, судя по кислому выражению его лица.

— Юрий, — подошел к Антону плотный мужчина с ежиком волос, с волевой складкой губ и пристальным взглядом; рукопожатие у него было твердым и сильным, что выдавало в нем такой же твердый характер. — Располагайтесь как дома.

— Это мой муж, — сказала Валерия, наблюдая за лицом Антона. — Подполковник федеральной безопасности.

— Не пугайтесь, — улыбнулся Гнедич. — Я всего лишь научно-техническая крыса, исследователь, а не спецназовец.

— Не прибедайся, — хлопнул его по плечу Илья. — Гаррисон мог бы писать образ своей стальной крысы с тебя. — Он повернулся к Антону. — Юрий Дмитриевич — заместитель начальника ИП-отдела, а это говорит о многом. Знаешь, что такое ИП-отдел?

Антон отрицательно качнул головой.

— Отдел по изучению паранормальных явлений типа полтергейста, НЛО и тому подобных феноменов. Очень интересной работой занимаются ребята. А Дмитрич очень полезный нам человек в связи с возникшими обстоятельствами.

— Все, господа-приятели, хватит петь друг другу дифирамбы, прошу за стол, — вмешалась Валерия. — Мишу ждать не будем, он если опаздывает, так уж опаздывает часа на два, не меньше.

Гостей было человек двенадцать, все начали рассаживаться вокруг составленных вместе двух столов с закусками и напитками, и Антон оказался сидящим между Валерией и каким-то молодым человеком приятной наружности, оказавшимся филологом, сотрудником института истории Академии наук, в котором работала и Валерия. Близость «гречанки» с голубыми глазами стесняла Антона, он не знал, как себя вести, пока не заметил, что и она чувствует себя не в своей тарелке, и это открытие внезапно сблизило их и привело Антона в состояние горестного восхищения. Он понял, что влюбился в замужнюю женщину, причем влюбился с первого взгляда, как это с ним уже бывало, и теперь ему предстояла долгая борьба с самим собой, чтобы не поддаться искушению и не стать углом тривиального любовного треугольника.

— Я за вами поухаживаю, — повернулась к нему Валерия. — Вы случайно не вегетарианец?

— Уже нет, — качнул головой Антон, намечая улыбку. — В колонии пришлось питаться тем, что дают, знаете ли.

Валерия посмотрела ему в глаза, но вместо безразличия или отвращения, каковое она должна была испытывать после его слов, в них явно читались интерес и понимание, и Антону вдруг стало легко на душе, будто его успокаивающе погладили по голове.

— Расскажите?

— Вообще-то не стоит. Зона — это странное и жуткое место, где ценится только сила и стойкость, все остальные человеческие качества там вырождаются и не работают.

— А как вы туда попали? — Валерия положила ему в тарелку салата, грибов, бутерброд с икрой.

Он хотел ответить, но не успел: начались тосты в честь именинницы, и компания стала пить, есть и веселиться, избавив Антона на какое-то время от необходимости копаться в своем прошлом.

Тосты шли косяком, гости хвалили хозяйку, ничуть не кривя душой, на взгляд Антона, и длилось это действие долго, пока тамада — какой-то громадный (в поперечнике) старик, оказавшийся свекром Валерии, не начал повторяться. Об-

ший разговор и смех разбились на несколько отдельных ручейков, общество стало шумнее и развязнее. К Антону подсел тот самый свекор, которого звали Апанасом Геннадиевичем, и углубился в воспоминания — как они справляли дни рождения сорок лет назад.

— Да, мы, русские, пьем много, — сказал он рыкающим басом, — но мы в этом не виноваты. Как бы ни утверждали кое-какие деятели, что это наша национальная особенность, — не верьте, молодой человек! Все это брехня, рассчитанная на невежество и глупость. Лерка правильно судачит: виной всему финны...

— Угрофинны, Апанас Геннадиевич, — отвлеклась Валерия на мгновение от беседы с Ильей. — Народ русский — не есть чисто славянский, это и славяне, и тюрко-степняки, и прибалты, а также мордва, мари, удмурты и так далее. Но из них лишь угрофинские народы не имели иммунитета против алкоголя. Поэтому и наш алкогольный «менталитет» лишь историческое угрофинское наследство, передавшее русскому народу четверть финских «пьяных» генов.

— Как ни говори, — махнул рукой свекор Валерии, — все одно выходит: нету над нами проклятия! Ты со мной согласен, молодой человек?

Антон был согласен. Где-то он читал подобные выводы, и они были ему по душе, хотя людей, терявших от водки человеческий облик, он встречал часто и все равно терпел с трудом.

— Говорят, за рубежом сейчас в моде водка черного цвета, — подошел к беседующим еще один пожилой мужчина, отец Валерии, сухошавый, с орлиным профилем, с шапкой красивых седых волос. — Не пробовали?

Антон отрицательно мотнул головой, а Апанас Геннадиевич с презрительной усмешкой махнул могучей ручищей:

— Лучшее русской медовухи напитка в мире нет! А черную водку я пробовал — самогон, да еще плохого качества. По рецепту ее изобретателя она состоит из каких-то натуральных ингредиентов, а по вкусу — самогон. И звучит, между прочим, очень красноречиво: «блевод».

— Ну, это ты загнул, Геннадиевич.

— Истинный крест! Сам по телевизору передачу видел.

— Так ты еще и телевизор смотришь? Не ожидал я от тебя. Если уж что и стоит смотреть по телевидению, так это лишь спектакли Госдумы и шоу политиков — обсмеяться можно.

А я вот перестал таращиться на экран. От рекламы у меня поднимается давление и хочется самому кого-нибудь убить.

— Ты прав, — признался несколько смущенный Апанас Геннадиевич. — Смотрю американские фильмы, и тоска берет: одни подонки у них там, убийцы, воры, насильники, зажавшиеся дегенераты, полицейские-идиоты и на весь этот конгломерат лишь пара нормальных парней. На всю Америку! И думаю: может, это хорошо, что у нас в Расее так плохо? Может, кто-то там на самом в е р х у просто не дает нашему народу зажаться так же, деградировать, как американцы? Да и европейцы тоже.

— Это ты, конечно, преувеличиваешь, Геннадиевич, — похлопал его по плечу отец Валерии. — Но кое в чем, наверное, прав. Лично я не люблю телевидение по другой причине. Уж слишком явно оно ведет наступление на наши души, прямо настоящее зомбирование, как сейчас модно говорить. Мораль усиленно переворачивается с ног на голову, уродство выдается за эталон красоты, глупость за сверхмудрость, этика извращается, истина скрывается, безобразие становится признанным и законным.

— Например?

— Да примеров хоть пруд пруди. Ты вот как считаешь, голубая любовь — это нормальное явление или нет?

— Ну, как тебе сказать, — поскреб макушку Апанас Геннадиевич. — Извращение, на мой взгляд. Но ведь мужики в этом не виноваты?

— Может быть, и не виноваты, хотя нормальными мужиками их назвать уже трудно, но ведь голубые полезли на телеэкран из всех щелей! И это теперь усиленно выдается за норму, буквально превозносится, пропагандируется! Это как понимать?

— Да не бери ты это так близко к сердцу, Никита Кириллович, все проходит, пройдет и мода на голубой экран. Человечество в целом не дурная структура, поймет, что от голубой любви дети не рождаются.

Собравшиеся вокруг разговаривавших глав двух породившихся семейств гости засмеялись, раздались шутки, восклицания, кто-то начал рассказывать анекдот, и Антон тихонько ретировался в более тихий уголок гостиной, где сидели Серафим Тымко, две девушки и уже знакомый молодой человек с заметной лысиной на макушке. Здесь разговор шел о войне. Серафим делился своим опытом спецназовца, про-

шедшего огни и воды в Приднестровье, Абхазии и Карабахе. Слушатели у него были благодарные, они охали, ахали, закрывали глаза и цеплялись друг за друга, так что Антон вполне понимал красноречие Тымко, равнодушного к слабому полу.

— И вот пошел он ночью во двор, по крупному делу, так сказать. Туалет, сами понимаете, какой там может быть. Ну, Петруха выбрал место за саманной хатой, сел, задумался. Вдруг чует — кто-то вроде как воздух нюхает. Петя голову поднял и видит — рожа из-под стрехи свешивается, синюшная такая, со светящимися белками. Нюхнула пару раз, плюнула на Петруху и исчезла. Тот натурально об...ся, побелел, вскочил в избу, как заорет: тревога! Ну, мы, понятное дело, повыскакивали все с оружием, подумали — духи атакуют. А тут такое дело...

Девицы захихикали, засмеялся и сам Тымко, подмигнул Антону.

— А вот еще случай был, в Карабахе. Двое наших же контрактников сбежали, оказались потом бывшими зэками, и стали караваны армянские грабить...

Это был камешек в огород Антона, и он, правильно оценив жест Серафима, пересел к телевизору, где его минуту спустя нашла Валерия.

— Как вам у нас? Не скучаете?

— Нормально, — чуть смущенно улыбнулся Антон. — Много чего поучительного можно услышать. Давно я так не расслаблялся.

— Правда? — обрадовалась именинница. — А то я за вас переживаю почему-то. Вы хоть ели что-нибудь?

— Спасибо, все очень вкусно и здорово. Не думал, что встречу вас здесь.

— Ну, это не повод для радости, мне кажется.

— Почему же? — запротестовал Антон. — Повод для радости должен быть простым и чистым, как природа, и сейчас как раз такой случай.

— Спасибо. — Валерия задумчиво посмотрела на спокойное лицо Громова. — Вы еще в вагоне показались мне неординарным человеком.

— Конечно, ведь я бывший зэк.

— Нет, я не о том. Вы глубже, чем обычный зэк, и мне хочется вас понять. Не расскажете, как вы попали в лагерь?

Антон подумал и неожиданно для себя самого рассказал Валерии свою историю. Ее реакция его потрясла.

— Бедный... — тихо проговорила она, погладив пальцами его локоть; он сидел, сцепив ладони на колене. — Нет в этом мире справедливости и, наверное, не будет. А как отнеслась к вашему заключению жена?

Вопрос был с подковыркой, и Антон его оценил. Ответил с легкой усмешкой:

— Если бы она у меня была, она бы поняла.

— Антон всегда славился своей принципиальностью, — вмешался в разговор подошедший Тымко. — У него была одна подруга, да почему-то бросила, ушла к одному полковнику.

— Почему? — подняла брови Валерия.

— Пусть сам расскажет.

Валерия глянула на Антона, оставшегося спокойным, но задавать вопросы больше не стала, внутренним чутьем понимая его состояние. Ехидно бросила в сторону Тымко:

— У тебя, Симочка, богатый опыт по части свадеб и разводов, поделился бы, как тебе удастся вешать лапшу на уши бедным женщинам.

— Никому я ничего не вешал, — отмахнулся Серафим. — Они сами на меня вешались, а когда наши взгляды начинали существенно расходиться... короче, по-моему, у Киплинга есть такие строки:

Что мужчине нужна подруга,
Этого женщине не понять.
Тех же, кто с этим согласен,
Не принято в жены брать.

Ну, или что-то в таком роде.

Валерия захлопала в ладоши, девицы засмеялись, заржал и сам знаток Киплинга, довольный произведенным эффектом. Антон ему тоже мысленно поаплодировал, он не предполагал, что слонокожий Тымко может читать вслух стихи.

— В дополнение к разговору о женах, — сказал Серафим. — Есть анекдот про «новых русских». Один нанимает адвоката для развода с женой и спрашивает: «Сколько возьмешь за услуги?» Тот отвечает: «Три тысячи долларов». «Да ты че, с дуба рухнул?! Мне за штуку баксов ее пристрелить берутся!»

В гостиной снова раздался взрыв хохота. Антон встретил взгляд Валерии, в котором можно было прочесть иронию и

вопрос, относящийся скорее всего к его реакции на речь Тымко, и слегка кивнул. Было приятно осознавать, что их точки зрения совпадают.

— А вы не воевали в Карабахе, Антон? — спросила Валерия. — Или в Чечне?

— Приходилось, — коротко проговорил Громов, не желая распространяться на эту тему.

— Расскажите, пожалуйста.

Антон отрицательно качнул головой.

— Да нечего рассказывать, все происходило как-то буднично и просто. В нас стреляли, мы стреляли...

— Неужели так-таки ничего интересного не вспомните? — добавила одна из девиц, брюнетка с ярко накрашенными губами.

— Я могу рассказать, — подошел к разговаривающим Илья. — Антон у нас красноречием не отличается, он только в деле хорош. А я с ним в такие переплеты попадал, что романы писать можно. Однако пугать никого не буду, лучше расскажу пару необычных эпизодов, участником которых был и Гром. Так его с детства прозвали. Можете мне не верить, но все происходило на самом деле. Помнишь встречу в Ачхой-Мартане?

Антон кивнул. Забыть этот странный случай было невозможно.

— Мы с Антоном тогда охраняли одного деятеля из МИДа, пытавшегося договориться со старейшинами чеченских кланов, — продолжал Илья, — хотя переговоры в основном вел я, меня там многие знали, оружие до войны дарили, а один тейп даже старинный пулемет предлагал — «гочкис». В общем, поселили нас на окраине Ачхой-Мартана, мы устроились, а ночью вышли вдвоем побродить вокруг дувала. И вот, не поверите: сам до сих пор думаю — не привиделось ли? — тень на крыше зашевелилась. А крыши домов там плоские, без скатов. Я за автомат, а Антон меня удерживает: тише, мол, гляди. Я присмотрелся, и мурашки по коже — натуральный черт сидит, как его описывают в книгах: рожки, глаза в полморды светящиеся, хвост, ноги как у козла. Сидит, за трубу держится, на нас смотрит, а мы на него. Тихо так кругом, только где-то собаки лают. Я уже хотел рывкнуть: пшел вон! А черт вдруг сделал жест — мол, уходите отсюда, и исчез. На что у нас с Антоном нервы железные, а струхнули мы порядочно.

— И что потом было? — спросила заинтригованная Валерия.

— Мы растолкали своего вельможного босса, уговорили его перейти в другую хату, а на рассвете в тот дом, где нас поселили первоначально, кто-то выстрелил из гранатомета.

Слушатели ахнули, удивленные рассказом. Лишь Тымко отнесся к нему скептически.

— Что-то не слышал я о том, чтобы черти предупреждали людей о нападении.

— То, наверное, наш, русский черт был, — засмеялся подполковник Гнедич, подходя и обнимая жену за плечи. — Интересные истории вы рассказываете, Илья Константинович. Вам бы на эстраде выступать или рассказы писать.

— Когда-нибудь напишу мемуары, если доживу до этого времени.

— Еще, еще, — раздались голоса.

— Ты обещал две истории, — напомнила Валерия, высвобождаясь из объятий мужа и кидая на Антона косой взгляд.

Тому на миг стало тоскливо: показалось, что он здесь совершенно лишний, — и Антон осторожно спрятался за спины сгрудившихся вокруг Ильи гостей дома.

— А еще мы с Громом видели домового, — засмеялся Илья. — Но было это уже в России, под Рязанью. Попали мы как-то, путешествуя на лодках по краю, в деревню Чернава, нашли старушку, которая нас приютила в своей избушке...

— Бабу Ягу, что ли? — проворчал Серафим.

— Вроде того. Расположились на ночлег в комнатухе, зажгли свечу — поздно уже было, за полночь, начали консервы вскрывать и тушенку есть и вдруг чувствуем взгляд. Оглянулись и обомлели: сидит в уголке гном не гном, гриб не гриб, пенек не пенек — в общем, что-то странное, просвечивающее, как туманный кустик в форме карикатурного человечка, но живое, и смотрит на нас. Да так укоризненно смотрит: мол, сами едите, а мне ничего не даете? Ну, мы переглянулись, положили на тарелочку хлебца, сыра, картошки вареной, что бабка нам сготовила, и так с ним и поужинали.

— И он с вами ел? — наивно спросило одно из юных созданий, которую наиболее рьяно обхаживал Тымко.

— Ну что вы, нет, конечно, — снова засмеялся Илья. — Домовой нам только показался и исчез, он не любит, когда люди рядом, а тут, видать, оголодал маленько, вот и вылез.

Помнится, мы тогда бабуле половину своего походного НЗ оставили, пенсия-то у нее была крохотная.

Разговор перекинулся в русло бытовых проблем и отношений, потом свернул к моде, поговорили об искусстве, об отечественном кино, в кризисе которого наметился некий перелом — народ наконец опять пошел в кинотеатры, гости разбились на группы, и Антон остался в одиночестве. Но не надолго, к нему вскоре снова подошла Валерия, не забывающая о своей роли радушной хозяйки.

— О чем задумались, Антон? Все-таки скучаете?

— Нет, что вы, — не совсем искренне ответил Антон. — У вас хорошо думается.

— О чем?

— Обо всем понемногу. О человечестве, о нашем обществе, о своем месте в этом обществе.

— Да вы философ, я гляжу, Антон... э-э...

— Андреевич. Можно просто Антон.

— Давайте выпьем на брудершафт и перейдем на «ты», не возражаете? А меня называйте просто Лерой.

— Идет.

Они выпили по глотку вина, поцеловались, что подействовало на Антона подобно удару грома, аж в ушах зазвенело.

— Так что ты там говорил о своем месте в обществе?

Антон с трудом пришел в себя, ощущая, как горят губы, украдкой огляделся, но на них никто не смотрел, и он успокоился.

— Честно говоря, я его еще не нашел. После заключения это будет трудно сделать. Я особенно не увлекался анализом нынешней российской реальности, но отечество, судя по всему, изменилось. Не знаю только, в худшую или в лучшую сторону. Ваш отец в чем-то прав: может быть, действительно России, всем нам, живущим здесь, повезло, что у нас все так плохо?

— Нет, не повезло, — серьезно ответила Валерия. — Россию хотят раздробить на части, исказить ее историю, изменить ее будущее, уничтожить наконец, превратив в «рай потребления» наподобие американского. Общество, целью которого является материальный прогресс, улучшение качества материальной жизни без духовного ее развития, обречено на деградацию и вымирание. Что мы и наблюдаем в Европе и Америке.

— У нас начинается то же самое.

— Не совсем, но власть в России сосредоточена в настоящее время в руках региональной элиты, являющейся верхушкой уголовно-мафиозных структур, а они ориентированы на Запад и, конечно же, пытаются превратить народ страны в быдло. Только это им вряд ли удастся сделать.

Антон заглянул в сияющие голубым светом глаза собеседницы, сказал с уважением:

— Вы говорите...

— Ты.

— Ты говоришь, как заправский политик.

Валерия засмеялась.

— Я всего лишь историк, а это значит — политик вдвойне. Однако не будем о грустном. Что ты собираешься делать дальше? Пробовал искать работу?

— Пробовал, — нехотя признался он.

— И что же?

— Пока ничего. Человека с такими документами, как у меня, никто не рискнет взять на работу без рекомендаций, а их у меня нет. Вот Илья предложил пойти с ним в экспедицию, я согласился.

— Правда? — обрадовалась она. — Мне он тоже предложил участвовать в походе за камнем Лик Беса, хотя не уточнил, что это такое и с чем его едят. Сегодня, после того, как все разойдутся, он собирается сообщить подробности. А вообще здорово все складывается. Не унывай, после экспедиции найдем мы тебе работу, муж поможет. Он хоть и в научном отделе работает, но знает многих шишек и в других управлениях ФСБ.

Словно услышав, что речь идет о нем, к ним подошел Юрий Дмитриевич и увлек жену танцевать. К Антону приблизился Серафим, захмелевший, довольный жизнью и собой.

— Коньки подбиваешь, мастер?

Антон промолчал, размышляя о том, что ему будет трудно в отряде, если с ними пойдет Тымко.

— Да, Лерка баба эффектная, — продолжал Серафим. — Только зря на нее заглядываться не надо, Юрка заметит — рога поотшибает. Мужик он крутой, хотя и ученый.

Антон снова не ответил, сосредоточенно потягивая через соломинку молочный коктейль.

— Оглох, мастер? — Тымко попытался выхватить у Антона соломинку, причем очень быстро, его движение почти не-

возможно было заметить со стороны, но, как бы ни был мгновенен взмах его руки, Антон оказался быстрее. Он уклонился, выхватил соломинку из стакана и вставил ее Серафиму в рот, так что тот отпрянул и выпучил глаза.

— Ты что, охренел, Гром?!

Вероятно, он мог бы и драку затеять, не владея собой так, как владел Антон, однако в этот момент к ним подошел Илья и не дал разгореться конфликту.

— Что тут у вас происходит?

— Твой дружок-зэк фокусы показывает, — криво улыбнулся Серафим. — Не будь мы в гостях, показал бы я ему фокус...

Илья нахмурился, посмотрел на Антона, и тот со вздохом сказал:

— Пойду я, пожалуй, командир, а то действительно по заправке получу ни за что ни про что. Да и скучно здесь становится.

— Погоди, ты мне нужен. Через полчаса лишний народ разбежится по домам и мы соберем сход.

Антон пересилил раздражение, подумал, кивнул.

— Ладно, пойду на кухне посижу, заодно посуду помою.

Он вышел из гостиной.

Илья резко повернулся к ухмылявшемуся Тымко.

— Какая муха тебя укусила?!

— А пусть не выпендривается, — беззаботно отмахнулся Серафим. — Молчит с умным видом, будто не из колонии вернулся, а из Кремля, и Лерку глазами раздевает.

— Дурак ты, Сима, и уши у тебя холодные. Я Антона знаю лучше, чем ты, и верю ему, как себе. Заруби это на носу. Что ты против него вызверился? Человек в беду попал не по своей вине, а ты пытаешься представить это в другом свете. Что тебе от него надо?

— Обузой он будет в походе, зуб даю. Да и веры у меня к нему никакой, зэк — он зэк и есть.

Глаза Ильи похолодели.

— Ну вот что, друг ситный, не тебе судить, обуза он или нет, но если придется решать, то выбор между вами я сделаю не в твою пользу, понял?

Серафим оторопело посмотрел на Пашина, открыл рот, собираясь что-то сказать в свое оправдание, но Илья уже отошел к зовущим его женщинам. Проводив его мрачным

взглядом, Тымко вполголоса выругался, взял со стола рюмку водки и залпом выпил.

Гости разошлись в начале одиннадцатого, и в гостиной Гнедичей остались только те, кого Илья хотел приобщить к своему делу. Кроме Тымко, Валерии и ее мужа, Антон с удивлением обнаружил и одну из девиц с короткой стрижкой, возле которой крутился Серафим. Звали ее Анжеликой, и оказалась она спортивным врачом с пятилетним стажем, обслуживающим женскую команду России по баскетболу.

— Ну вот, поисковый отряд в полном составе, — сказал Илья, оглядывая свою «гвардию», наполовину не догадывавшуюся, что ей предстоит делать. — Не хватает только проводника, но его мы найдем уже на месте, дед Евстигней поможет. Итак, друзья мои, слушайте вводную.

Илья принялся рассказывать о своих приключениях на озере Ильмень, начиная с получения им странного письма. Его рассказ длился полчаса, а когда закончился, в гостиной установилась тишина, которую первым нарушил Серафим:

— Неужели вы верите в эту дребедень? В потусторонние силы, в богов и демонов, чертей и прочую нечисть?

— Я верю, — тихо проговорила Анжелика, оказавшаяся не такой уж и юной по возрасту. Она была единственным участником группы, кто курил.

— И я тоже, — добавила Валерия. — Мне приходилось встречаться со столь удивительными проявлениями странных сил, что не верить в них нельзя. Уверена, Земля когда-то действительно была под завязку населена всякими духами, чертями, полубогами, колдунами и магами, ушедшими в тень после захвата власти человечеством.

— Что-то не слышал я ничего о культе Морока, — сказал Юрий Дмитриевич. — О культе египетского бога Сета читал, в него действительно входил обряд принесения в жертву девственности юных девушек, которых лишал непорочности храмовый козёл, а вот чтобы этим же занимался какой-то там Морок...

— Ерунда все это, фольклор, — упорствовал Тымко. — Мифология. Илье просто померещилось все, а подушку он сам прожег или облил кислотой. — Серафим фыркнул. — Лесавин круг, навьи воины... чушь собачья!

— Но ведь он действительно кружил вокруг этой Синей скалы, — робко возразила Анжелика.

— Задумался или заснул, вот и кружил.

— А что такое лесавин круг? — заинтересованно спросил Юрий Гнедич. Было видно, что подполковник и в самом деле заинтригован рассказом, прикидывая, нет ли резона подключить к этому делу его гэбэшное подразделение.

— Возможно, эта девочка...

— Владислава.

— Возможно, Владислава имела в виду лесавок, злых духов леса, деда и бабушку лешего, способных сбить путника с дороги. Но на воде их сила не действует.

— А навьи воины?

— Вообще Навь — одно из главных понятий древней русской мифологии, так же как Славь, Правь и Явь. Навь — это зыбкая подземная сфера, мир теней, предков, духов, смутных предчувствий — короче, мир смерти. Но Владислава скорее всего имела в виду другое. Есть такой термин — навьи, как имя существительное, означающее духов мертвых, враждебных человеку.

— Все равно это все чепуха, — безапелляционно начал было Серафим, но его перебил Илья:

— Ты сам себе противоречишь, Симсим. Только что ведь рассказывал о встрече с чертом твоего сослуживца Петра.

— Это не значит, что я ему поверил, просто пересказал, что он наплел с испугу. Я вообще атеист и не верю ни в богов, ни в дьявола, ни в вашего демона Морока...

В то же мгновение стол, освобожденный от посуды, вокруг которого сидела компания, с громким деревянным треском лопнул пополам, заставив всех вздрогнуть. Серафим застыл, глядя на зигзаг трещины, пересекавший столешницу, потом перевел взгляд на Илью и с кривой усмешкой покачал головой.

— Надо же, совпадение...

— Таких совпадений не бывает, — задумчиво проговорил Илья. — Я теперь не уверен, что нас не подслушивают.

— Ерунда...

— Помолчи! Я не все вам рассказал. Антон выезжал в город по делам и заметил за собой слежку, причем слежку особую, очень необычную, чтобы не сказать больше. Поделись, Гром.

Антон встретил насмешливый взгляд Тымко, выражавший еще какое-то чувство — то ли пренебрежение, то ли предупреждение, но сделал вид, что его это не волнует. После его короткого сообщения в комнате стало тихо. Гости и хо-

зьева переглядывались, не зная, как относиться к рассказу, и даже Тымко промолчал, хотя скорее всего просто отреагировал на предупреждающий взгляд Ильи.

— М-да, ребята, — со смешком прервал молчание муж Валерии, — я вам не завидую. Если за вас возьмется нечистая сила, никакого камня вам найти не удастся.

— А ты присоединяйся к нам, — предложил Илья. — Заинтересуй свое ведомство, глядишь, и выйдем общими усилиями на храм Морока. Вы же изучаете всякие там паранормальные фокусы, вроде НЛО, почему бы не поучаствовать в изучении Нави? Наверняка это будет полезно для вашей конторы.

— Умеешь ты уговаривать, Константинович, — прищурился Гнедич. — Конечно, я попробую убедить начальство в целесообразности поиска, но далеко не уверен, что у меня получится. Однако давайте-ка... — Он не закончил.

С громким треском столешницу пересекла еще одна трещина, поперек первой, образуя странный изломанный крест. Затаив дыхание, все смотрели на этот крест, похожий на старинный символ — свастику, символ демонических сил, зла, заката, гибели, и молчали.

Глава 6

УИБ

Юрий Дмитриевич Гнедич работал в Федеральной службе безопасности уже восемь лет, начав карьеру лейтенантом, младшим научным сотрудником научно-исследовательского управления еще в те времена, когда главная служба безопасности страны называлась КГБ. Вскоре ее переименовали в ФСК — в службу контрразведки, потом в ФСБ, хотя на положении Гнедича это не сказалось никак. До службы он закончил физфак Ростовского госуниверситета, аспирантуру, защитил диссертацию по теме «Влияние спин-торсионных полей на психику человека» — стал кандидатом физико-математических наук и не отказался от предложения поработать на благо Родины в одной из секретных лабораторий.

К тридцати пяти годам он получил звание подполковника, стал одним из ведущих экспертов управления по проблемам псионики, однако почувствовал, что в научно-исследо-

вательской области исчерпал свои возможности, и перешел в другой департамент ФСБ — Управление информационной безопасности, где уже через полгода занял кресло заместителя начальника УИБ, продолжая говорить всем знакомым и родственникам, в том числе и жене, что все так же «пашет» в ИП-отделе, как обыкновенный «яйцеголовый», то есть рядовой научный сотрудник.

УИБ было образовано в ФСБ недавно, а его задачей было определено охранять секретность научно-технических разработок всей сети институтов и лабораторий страны, работающих на оборону и безопасность, а также изучать возможность применения психофизических феноменов в военной области. Кроме того, уибовцы занимались негласной охраной ученых-одиночек, энтузиастов, способных сделать важные открытия, и курировали историко-археологические исследования, также имеющие перспективу ценных для военной и политической науки находок.

За время работы в УИБ Юрию Дмитриевичу приходилось заниматься не только чисто прикладными проблемами охраны тайны, но и решать научные задачи по определению подлинности найденных эзотерических документов, в чем ему в немалой степени помогала жена, успевшая к моменту их знакомства стать кандидатом исторических наук и ведущим специалистом Института истории и археологии Академии наук. Это в принципе от нее, а не от начальства он узнал, что самая секретная информация, наиболее тщательно скрываемая от народа, не военная или научная, как он считал, и даже не политическая или дипломатическая, но археологическая! И что тот, кто владеет информацией о прошлом, и является истинным властителем настоящего. От Валерии Юрий Дмитриевич узнал также и о том, что в древних эзотерических текстах и других свидетельствах невыдуманной человеческой истории хранится главное сокровище человечества — информация об изначальном, истинном строении и объективных законах Мироздания, которая может как принести неоценимую пользу земной цивилизации, так и способствовать ее разрушению.

С такой постановкой проблемы можно было спорить, что подполковник и делал, провоцируя жену на дискуссии, а потом записывал ее доводы в свой рабочий кондуит, но, с другой стороны, почитав труды академика Фоменко и других современных исследователей прошлого, он понял, что просто

так отмахиваться от возникающих вопросов нельзя, доложил об исследованиях жены начальнику УИБ и получил «добро» на негласное патронирование ее разработок в этом направлении, хотя сам Юрий Дмитриевич относился к увлечению жены скептически: она занималась древнеславянским фольклором, мифологией и проблемами древнерусского языка.

В существование потусторонних сил, в богов и демонов он не верил, будучи убежденным материалистом, однако происшествие дома во время празднования дня рождения Валерии, когда совершенно новый и прочный деревянный стол вдруг дал две трещины, заставило Юрия Дмитриевича призадуматься. Если раньше к деятельности ИП-отдела, изучающего всяческие паранормальные явления природы вроде полтергейста и НЛО, он относился с известной долей скептицизма (взрослые мужи на полном серьезе занимались поисками привидений, призраков и духов), то теперь вдруг осознал, что работа специалистов отдела вполне может иметь реальное обоснование. Во всяком случае объяснить поведение стола с точки зрения ортодоксальной науки было нельзя. А если принять во внимание и другие странные происшествия, описанные Ильей Пашиным, предшествующие возникновению трещины в форме свастики, то вывод получался интересный: на территории России, в районе озера Ильмень существовал тайный храм или секта, о деятельности которой до сего дня не было известно ничего и никому. И секьюрити этого храма (имечко у его основателя довольно впечатляющее, надо признаться, — Морок!), допустив утечку информации, начали в спешном порядке, судорожно ликвидировать эту утечку, не заботясь о последствиях. Правда, действовали они пока не очень агрессивно, однако вполне могли пойти и на крайние меры. Недаром Илья решил привлечь к походу таких крутых мужиков, как Антон Громов и Серафим Тымко. В какой-то степени он себя обезопасил.

Размышляя над всеми этими вещами, Юрий Дмитриевич прибыл в понедельник утром на работу в здание на Трифоновской улице, где располагалось Управление информационной безопасности, и в хорошем расположении духа — было с чем показаться начальству на глаза — начал рабочий день с изучения донесений. Однако тут же убедился, что нынешний понедельник — день тяжелый и начинается он с неприятностей.

Во-первых, снова не вышел на работу один из ведущих

специалистов ИП-отдела, капитан Висковатый, не подававший никаких вестей всю прошлую неделю. В отделе он работал всего полгода, переведенный приказом Директора из другого ведомства, и был «птицей свободного полета», то есть мог выбирать тему исследований, не согласовывая ее с руководством отдела, привлекать к ней специалистов и работать по собственным планам и графикам. Как правило, он пользовался этим достаточно часто, раз в две недели исчезая на несколько дней в неизвестном направлении. Но вот прошло уже восемь дней, а он так и не дал о себе знать.

Юрий Дмитриевич вызвал в кабинет своего помощника лейтенанта Валю Сидорова, которого когда-то сам отобрал среди курсантов высшей школы ФСБ, и приказал ему найти Висковатого, где бы тот ни находился и чем бы ни занимался.

— Если он дома — вытащи его сюда, ко мне, — добавил подполковник. — Если в отъезде — найди, созвонись или же поезжай туда лично, однако привези его. Пора этот бардак с исчезновениями прекращать.

Лейтенант козырнул и удалился, вежливый, подтянутый, внимательный, исполнительный. Ему нравилась работа, это чувствовалось во всем его поведении, и по иерархической лестнице службы он должен был подниматься быстро.

Вторая неприятность, ожидавшая подполковника с утра, была покрупней. Исчезла группа сотрудников ИП-отдела, направленная в район восточного побережья озера Ильмень для изучения аномальной зоны, которую местные жители знали под названием «ведьмина поляна».

Сами жители относились к этому феномену абсолютно спокойно, как к естественному явлению природы, многие из них даже бывали на поляне, но рассказывать об этом не любили.

К счастью, группа ИП-отдела исчезла не полностью, но из трех ее членов вернулся только один человек, начальник группы Анатолий Смышляев, да и тот, судя по всему, находился до сих пор в шоке.

По его рассказу выходило следующее.

Высадилась группа в деревне Гостцы, где взяла в проводники местного лесничего Акима Петрова, после долгих уговоров согласившегося указать дорогу. По глухому лесу между болот лесничий вывел группу к поляне, о которой были сложены легенды. С виду она казалась идеально круглой, поросшей высокой травой без единого цветка. Палатку разбили в

ее центре, по кругу вдоль опушки леса установили привезенную с собой аппаратуру: датчики полей и частиц, телекамеры, фотоизмерители, звукозаписывающие приборы. Потом Смышляев остался у палатки, развертывая зонд с телекамерой для визуального наблюдения за поляной сверху, и его помощники, младшие научные сотрудники отдела Кравцов и Севрюгин, отправились в лес для рекогносцировки. И не вернулись. Смышляев звал их, стрелял в воздух из карабина, наутро отправился на их поиски, не нашел и... не смог вернуться обратно на поляну! Ни через час, ни через два, ни через сутки.

По его словам, поляна с палаткой и дымившимся костром была видна хорошо, казалось, до ее края можно идти быстрыми шагами за две минуты, но, сколько бы он ни шел, перед ним возникали все новые и новые деревья, бочажины с водой и закраины болота. Смышляев утверждал, что предпринял с полусотни попыток выйти на поляну, становился к ней лицом и упорно шел по прямой линии на дымный столб или ярко-синюю пирамиду палатки, но до поляны так и не добрался. Лесничий обнаружил его, вконец обессиленного, на краю болота в километре от проклятой «ведьминой поляны» и вывел обратно в деревню только ему известными тропами. На просьбу вернуться к поляне за аппаратурой он ответил категорическим отказом, буркнув, что исследователю и так повезло, что жив остался. Искать пропавших его товарищей он тоже отказался, сказав, что их скорее всего «забрала к себе болотница».

Таким образом Смышляев потерял людей и не мог ничего сказать о характере феномена, кроме того, что поляна является источником какой-то силы, заставляющей людей воспринимать реальность искаженно.

Поговорив с ученым, выглядевшим разбитым и больным, Гнедич отправил его в клинику конторы в Гнездиновском переулке, встретился с лейтенантом Сидоровым, имевшим довольно обескураженный вид, и после беседы с ним отправился с докладом к начальнику УИБ.

Генерал Сколотов встретил его кивком, разговаривая с кем-то по «красному» телефону, то есть не с «кем-то», а, естественно, с Директором, рукой указал на стул. Сказал дважды «да» и «так точно!», добавил: «Сделаем, Глеб Иванович», — и положил трубку. Глянул на подполковника поверх очков.

— Ну, Юрий Дмитриевич, чем порадуете?

— Ничем, — со вздохом признался Гнедич. — Со всех сторон провалы. Вернулся Смышляев с Ильмень-озера...

— Это я уже знаю. Пошли туда вторую группу, с усилением. Поляночка эта очень перспективная, есть за что зацепиться нашим парасихам, чтобы выйти на новые технологии психотроники. Ты как полагаешь?

— Но прежде надо найти пропавших без вести парней.

— Это уже не наша забота. Я доложил «папе» о случившемся, он обещал подключить к поиску сидящих в том районе контрразведчиков.

«Папой» негласно звали Директора ФСБ, хотя был он еще молод и опытом работы в организации такого уровня не обладал. Возможно, старые чекисты дали это прозвище в насмешку.

— Что-то случилось?

— В Новгороде и вокруг всего Ильмень-озера стали исчезать молоденькие девушки в возрасте восемнадцати лет. Три внезапно умерли, не исключено — убиты, еще восемь исчезли, пропали без вести.

— Это еще что за напасть такая? Да еще именно там, где мы обнаружили аномальные зоны.

— Вот именно, Юрий Дмитриевич, меня это совпадение тоже озадачило, хотя связи я никакой не вижу. Тем не менее «папа» посоветовал нам пока свернуть все работы в Новгородской губернии. Как ты думаешь, в связи с чем? Ведь не из-за пропажи девиц на самом-то деле.

— Не знаю, — пробормотал Гнедич. — Но вокруг Ильмень-озера началась какая-то странная свистопляска. Об исчезновении девиц я не знал, но этот факт укладывается в цепь необычных происшествий, одним из которых стала пропажа сотрудников ИП-отдела. Кстати, и с ИП-отделом тоже не все ясно, такое впечатление, будто кого-то вдруг заинтересовала его деятельность.

— Что ты имеешь в виду?

— Совершенно случайно я оказался посвященным в планы известного нам великого путешественника и авантюриста...

— Ильи Пашина. При чем тут он?

— Моя жена пригласила его вчера на день рождения, они знакомы много лет, и вот что рассказал Пашин. — Юрий Дмитриевич поведал генералу историю с поездкой Ильи на озеро Ильмень. — Что скажете?

— М-да! — крикнул Сколотов, помяв мясистый загривок мощной ладонью. — Час от часу не легче. Ни о Мороке, ни о камне с мордой черта я никогда прежде не слышал.

— Я тоже.

— А твоя жена что говорит? Она же специалист по славянской мифологии.

— Она говорит, что Морок — древний демон смерти, слуга Чернобога, страж какой-то подземной Башни, повелитель преисподней. Но и она не слышала, чтобы когда-нибудь на Руси создавали храмы Морока.

— Вот видишь, ерунда какая-то получается. А с другой стороны, надо бы все проверить, вдруг найдется рациональное зерно. Да и камень этот интересен. Что предлагаешь делать?

— Я думаю, лучше всего не мешать Пашину, отдать инициативу в его руки. Пусть действует, ищет, а мы будем наблюдать за поисками и подключимся в нужный момент, когда увидим результат.

— Хитро... хотя в принципе решение, наверное, близко к оптимальному. Только я бы все же дал ему нашего сопровождающего, для прямого контроля.

— Зачем? Если разрешите, я сам с ними пойду, подозрений будет меньше, да и Пашин просил содействия. Скажу, что разрешения на материальную поддержку мне не дали, но в отпуск отпустили.

— Хорошо, — подумав, кивнул генерал. — Однако группу сопровождения за вами я все же пошлю. Если камень обладает хотя бы долей тех свойств, что ему приписал Пашин, ему цены нет. Нельзя пускать на самотек ни одну попытку его поисков.

— Он открывает вход в иные реальности, поэтому его еще называют Вратами.

— Ну, в «другие реальности» я не очень-то верю, но если он действительно обладает энергоинформационным воздействием на человека, то мы разом решим все наши проблемы по разработке «психонавигатора», над которым с остервенением бьется наш ИП-отдел. И все-таки мне непонятно, каким образом у жрецов храма произошла утечка информации? Откуда ваш знаменитый авантюрист-путешественник узнал о Лике Беса?

— Вы прослушали, Михаил Юльевич, я говорил. Ему прислали письмо. — Гнедич еще раз рассказал о получении Па-

шиним письма от Марии Емельяновны Савостиной. — Мы только что проверили, такая бабка действительно жила в Парфино, но несколько дней назад умерла.

— Почему?

— Судя по всему, ей кто-то помог уйти в мир иной. Видимо, охрана камня все же существует... вопреки нашему скепсису, и боюсь, на ее нейтрализацию сил у Пашина не хватит. Нам придется взять в команду кого-нибудь из оперов высокого класса.

— Твой Сидоров справится?

— Он еще молод и слишком впечатлителен. — Гнедич нахмурился, нервно побарабанил пальцами по столу, поднял на генерала глаза. — Михаил Юльевич, у нас еще одно ЧП. Исчез старший научный сотрудник ИП-отдела капитан Висковатый.

— Это маленький такой, серенький, незаметный?

— Протеже «папы».

— Что значит — исчез? Уехал, сбежал за границу, умер?

— Ни то, ни другое, ни третье. Он и раньше не появлялся на работе по три-четыре дня, а тут прошла неделя...

— Поищите его дома, у друзей, у родственников.

— Поискали, — тихо проговорил Гнедич. — Его нигде нет! И дома, в котором он якобы жил на Таганке, тоже нет. Не существует! Не только квартиры — целого дома! Хотя я лично проходил мимо него не один раз.

Генерал посмотрел на Юрия Дмитриевича, которого знал давно, как на больного.

— Что ты такое говоришь, подполковник? Как может исчезнуть целый дом?

— Это еще не все. — Гнедич закурил; пальцы его вздрагивали. — В журнале регистрации исчезли все его росписи! Там теперь пробелы.

— Что?! — не поверил ушам начальник управления.

Юрий Дмитриевич криво улыбнулся.

— Мало того, в кадровом компьютере исчезли все данные на него. Мы не можем найти ни одной ссылки на капитана, ни одной строчки информации, а главное — такого человека по рекомендации «папы» ни один наш институт не присылал.

Генерал с шумом выдохнул воздух, откинулся на спинку стула, снял и протер очки, разглядывая хмурого Гнедича, подумал и налил себе в стакан воды из сифона, залпом выпил.

— Ты понимаешь, что говоришь, Юрий Дмитриевич?

— Понимаю, — усмехнулся Гнедич. — У нас в конторе работал чей-то шпион, хотя не могу себе представить, кому под силу внедрить его к нам таким способом, а потом забрать обратно. Это скорее похоже на мистическое вторжение, инспирированное дьяволом, а не реальной конторой типа нашей. Либо... — подполковник раздавил сигарету в пепельнице, — либо наш противник применял генератор подавления психики вроде того, над которым работает ИП-отдел.

— Этого не может быть! По части разработки «психонавигатора» мы впереди планеты всей, как говорится.

— Я тоже так считаю. И все же у нас работал человек, о котором мы ничего не знаем. Никаких следов он не оставил. Поговорите с «папой», это же его ставленник.

Генерал потер затылок ладонью, сморщился.

— Боюсь, «папа» об этом ничего не знает. Если этот «капитан» обладал такими возможностями, он мог организовать любой «звонок сверху», любое документальное подтверждение. — Михаил Юльевич встрепенулся. — А ты, часом, не разыгрываешь начальника, подполковник? Ведь это же черт знает что! В святая святых конторы — в сверхсекретную лабораторию по изучению паранормальных явлений с целью их применения проникает человек, спокойно работает там полгода, выкачивает информацию, а потом внезапно исчезает! Ты представляешь, чем это грозит нам с тобой, если дознаются секретчики?

— Представляю.

— Нет, не представляешь! Нас даже расстреливать не станут, просто испытают на нас какой-нибудь «глушак» и превратят в идиотов. Немедленно разберись с этим капитаном, брось на его поиски волкодавов Барина, поставь на голову кадровиков, пусть тоже помучаются, доказывая, что не принимали на работу капитана Висковатого. Стертый файл — не фунт изюму.

— Я уже подключил всех, кого следует, — сказал Гнедич, вставая. — О результатах доложу к вечеру. Но сдается мне, капитана Висковатого никогда не существовало в природе. Это или легенда разведчика, или... вообще не человек.

— Ага, — кивнул с обманчивым добродушием генерал, — это был леший, а может, агент Бабы Яги. Наслушался ты баек от своей благоверной, Юрий Дмитриевич, да и начал верить в чертовщину. Я же материалист и привык опираться на

логику и факты и, между прочим, еще ни разу не пожалел об этом. Ты же бывший физик, теоретик и практик, тебе по долгу службы положено разгадывать мифы, а не городить новые. Если человек работал, он должен был оставить след, вот и ищи этот след.

— Есть искать след! — подчеркнуто лихо ответил Гнедич, выходя из кабинета. На пороге задержался. — Про агента Бабы Яги я еще не думал, но теперь поразмышляю обязательно. ИП-отдел влез в такие мистические дебри, раскопал такие бездонные глубины эзотерической информации, что хранители этой информации не могли не встревожиться. Они могли и черта послать на разведку. Кстати, Баба Яга изначально — прародительница, хранительница рода, традиций, быта, детей и лесного хозяйства, то есть положительное существо, это уже в наше время, лет сто назад, исказили ее облик и характер, превратили в злобную старуху, питающуюся мясом детей. Впрочем, в русской истории много чего искажено, вы-то, наверное, читали кое-какую летописную литературу в спецхране.

— Иди, подполковник, — махнул рукой Сколотов. — Не наше дело восстанавливать истину, наше дело хранить тайну.

— От кого? — усмехнулся Гнедич. — Или для кого?

Генерал недовольно глянул на него исподлобья, и Юрий Дмитриевич вышел из кабинета начальника УИБ. В своем кабинете он включил компьютер и долго копался в сайтах всех доступных сетей в поисках информации о капитане Висковатом. Через час сдался, вызвал Сидорова, выслушал его сбивчивый доклад и слегка успокоил лейтенанта, поделившись с ним своим предположением о возможности «коллективной галлюцинации», наведенной на сотрудников управления с целью отработки психотронных генераторов типа «психонавигатор». Лейтенант в «галлюцинацию» капитана Висковатого не поверил, но понял начальника хорошо и ушел с целеустремленным видом человека, увидевшего свет в конце туннеля.

До конца дня Юрий Дмитриевич провел еще несколько совещаний и встреч со своими подчиненными, потом вернулся к компьютеру и вывел на экран досье на бывшего инструктора по спецподготовке и рукопашному бою Антона Громова.

История Громова его не потрясла, он знал судебные ошибки и похлеще этой. Парня явно сдали в качестве «стре-

лочника» за просчеты и ошибки начальства ГРУ, допустившего нестыковку взаимоисключающих заданий двух групп одновременно. Главарь таджикских боевиков Сулейман должен был выдать координаты базы и перевалочного пункта наркотиков на территории Таджикистана, причем сделать это достаточно тонко, после захвата отряда «строителей», составленного из двух разных спецподразделений. Не вмешаясь в это дело Громов, все так, наверное, и произошло бы, но он не был посвящен в планы командования и начал бой. Гибель Сулеймана и потерю многих миллионов долларов ему, конечно, простить не могли, хотя парень, по сути, ни в чем виноват не был.

Гнедич еще раз внимательно взгляделся в спокойное, волевое и решительное лицо Громова с прозрачно-серыми глазами и подумал, что недооценивать его нельзя. Парень не опустился в тюрьме, не скурвился, не стал «петухом», не дал себя подчинить, что говорило о его возможностях больше, чем послужной список. И еще он должен нравиться женщинам, пришла невольная мысль. Бабы инстинктивно чувствуют силу таких мужиков. То-то Лерка обхаживала его, как самого дорогого гостя.

Юрий Дмитриевич усмехнулся. Ревновать жену ему еще не приходилось, хотя ее окружение никогда ему не нравилось. А вот похолодание в их отношениях в последнее время усилилось. Он называл это состояние «вторым семейно-ледниковым периодом», первый случился год назад, когда Валерия вернулась из командировки на два дня раньше и застала дома Людмилу Болтак, лейтенанта из «амазон-гвардии» УИБ. К счастью, тогда ему удалось доказать, что лейтенанта Болтак он просто вызвал для выдачи секретного задания.

— Что ж, Антон Андреевич, — вслух сказал подполковник, выключая компьютер. — Поживем — увидим, какой ты мне соперник.

Вечером он подвел итоги дня.

Капитана Висковатого отыскать не удалось. Вероятнее всего, он действительно не существовал в природе, потому что человека с такой фамилией и послужным списком не знал никто, даже «папа», Директор службы, который якобы и «порекомендовал» принять Висковатого в ИП-отдел из лаборатории Арзамаса-16.

Не улучшилась ситуация и с поиском пропавших возле Ильмень-озера сотрудников ИП-отдела, отправленных туда

для изучения феномена «ведьминой поляны». Группа следопытов из Управления контрразведки, посланная в этот район самим «папой», радировала о полном провале своей миссии, едва самым натуральным образом не провалившись в полном составе в болото.

Из этих двух неудач Юрий Дмитриевич сделал два далеко идущих вывода, хотя сам еще не понял всей глубины проблемы.

Вывод первый: ИП-отдел попал под пристальное наблюдение какой-то структуры, использующей нетрадиционные методы слежки и контроля.

Вывод второй: вокруг озера Ильмень началась странная суэта, обусловленная действием каких-то странных, опять же чуть ли не мистических сил.

А вот третий вывод Гнедич сделать не сумел, прозорливости ему еще не хватало, хотя вывод напрашивался сам собой: между деятельностью ИП-отдела и ситуацией вокруг Ильмень-озера существовала связь.

Глава 7

ТЕМНАЯ СИЛА

Они встретились на шестом этаже нового корпуса здания Государственной Думы, в кабинете без номера, о существовании которого никто из нынешних владельцев здания не знал. Считалось, что эта дверь ведет в комнату для уборщиков, хотя никто никогда не видел, чтобы она хоть раз открывалась. Так было и на сей раз: этих двоих не заметили даже те, кто смотрел на них в упор.

Сначала в кабинет вошел его настоящий хозяин, потом, спустя полчаса, тот, кого сотрудники УИБ знали под именем капитана Висковатого: неприметный с виду, тихий, несуетливый, с мелкими незапоминающимися чертами лица. Одет он был в серый костюмчик с таким же серым галстуком и нес с собой небольшой «дипломат», пройдя с ним через пост контроля Думы со стороны Георгиевского переулка, не предвзялая его секьюрити.

Хозяин кабинета встретил гостя сверкнувшим, как молния, взглядом. Был он массивен, даже скорее тучен, имел три подбородка и угловатую голову с короткими, не седыми, а

какими-то пепельными волосами, переходившими на затылке в редкий пушок. В политическом мире России он был известен как председатель партии «Единовластие» Виктор Иванович Клементьев, однако «капитан Висковатый» знал этого человека и под другими именами, а главное, подчинялся ему беспрекословно.

— Садитесь, Безымень, — глухим голосом, без интонаций, проговорил хозяин кабинета, имеющего кроме компьютера еще и комплекс спутниковой связи.

«Капитан» тенью пересек кабинет и устроился на уголке стула, показывая всем своим видом безусловную преданность и покорность, хотя выражение его лица совершенно не изменилось.

— Вы начинаете терять квалификацию, — продолжал Клементьев, перебирая на столе бумаги с тисненым золотым крокодилчиком на каждом листе. — Ваше увольнение из ИП-отдела ФСБ зафиксировано службой информационной безопасности. Почему я должен вмешиваться, выходить на Директора и закрывать дыру?

— Виноват, — прошелестел Безымень-Висковатый равнодушным голосом. — Я запущу чистильщика.

— Я уже запустил, — брюзгливо парировал Клементьев, не глядя на съездившегося гостя. — Но впредь подчищать хвосты за вами не буду, придется отчитываться перед Хозяином самому.

Безымень втянул голову в плечи, но промолчал.

— Итак, у нас возникли проблемы. — Клементьев наконец перестал копаться в папках и бумагах, прихлопнул их ладонью и тяжело посмотрел на собеседника. — Угроза наша не сработала. Пашин съездил на озеро и вернулся, чтобы организовать экспедицию. А это значит, что он получил еще какие-то сведения от Савостиной и этого проклятого волхва Евстигнея.

— Савостину мы... убрали до его приезда, — возразил Безымень.

— Ну, не важно. Он вернулся и уже комплектует группу. Почему его пропустили хранители Врат, я еще выясню, а ваша задача теперь — не допустить новой утечки информации. В связи с этим необходимо сделать следующее. Первое: внедрить в отряд Пашина своего агента. Можете попробовать войти туда сами. Не удастся — запрограммируйте кого-нибудь из тех, кому Пашин доверяет больше всего.

Безымень кивнул, сжимая обеими руками «дипломат» на коленях.

— Второе: подготовьте ложный след в окрестностях Стрекавина Носа, чтобы отряд надолго застрял там в поисках Врат, до того момента, когда появится Хозяин. Можете подсунуть Пашину какой-нибудь камень с похожим изображением, пусть потешится, уничтожая. Если на этом он успокоится, вашу миссию можно будет считать законченной.

— Вокруг Ильмеры сейчас развертывается блокада... — несмело проговорил «капитан».

— Это моя забота, я заставлю Директора снять эту блокаду, хотя эта идиотка Пелагея, главная жрица храма, подняла слишком много шума, рекрутируя послушниц. И третье: подготовьте до отправки Пашина команду сопровождения, пусть пощупает его группу пару раз, выяснит возможности защиты экспедиции. Не нравится мне, что Пашин привлекает в свой отряд профессионалов спецподготовки.

— Ни один профессионал не устоит против навья-воина.

— Громов — потенциальный Витязь, да и сам Пашин тоже, и справиться с ними будет непросто. Возможно, придется выпустить на них одну из Стай зачистки.

— Хорошо, — выдохнул Безымень. — Почему бы нам не попытаться нейтрализовать волхва? Он становится опасен.

— Вы не смогли даже без шума уничтожить группу ИП-отдела, попытавшуюся исследовать выход Сил, то есть «ведьмину поляну». Мне пришлось гнать туда контролера. Идите, Безымень, работайте и помните, что я сказал. Еще один прокол, и мне придется отдать вас на переподготовку с понижением в чине.

Глаза «капитана Висковатого» блеснули, но он покорно кивнул, поклонился и бесшумно просеменил по ковру кабинета к выходу. Исчез. И только за дверью, в коридоре, выпрямился, приобрел осанку, значительный вид и стал похож на одного из шатающихся по коридорам Думы клерков. В тот же момент потолок над ним вдруг превратился в зеркало, потом в пленку воды с мелкой рябью, с него сорвалась вниз тяжелая водяная капля и упала на «дипломат» в руке «капитана», превращая его в дымное облачко.

Безымень отдернул руку, но тут же сделал движение, будто гладил шар, и облако дыма снова превратилось в «дипломат», только уже несколько иной формы и цвета.

— Извините, — прошептал бывший капитан неизвестно

кому и торопливо зашагал по коридору прочь от двери кабинета, на котором на мгновение проступили бронзовые цифры номера: 666.

Глава 8

БЫЛИ СВОРЫ НЕДОЛГИ

Илье снова снилась Владислава, чудился ее зовущий печальный голос, потом он бродил по болотам с черными змеями, тонул в зелено-бурой топи и проснулся в тревоге и смятении, понимая, что такие сны являются лишь отражением реальной действительности и что Владиславе угрожает опасность.

— Жди, моя девочка, — пробормотал Илья, глядя на потолок комнаты, с которого несколько дней назад упала на подушку капля неизвестной субстанции и прожгла в ней дыру. — Скоро приеду, заберу тебя оттуда...

Антон уже встал и занимался в гостинной медитацией, сидя в позе лотоса.

— Тебе сон плохой снился? — встретил он Илью вопросом.

— Да, не очень веселый, — признался Пашин. — Как узнал? По физиономии?

— Почувствовал, когда ты еще спал. Мне тоже какая-то абракадабра снилась: болото, змей, горящие стога сена...

— Значит, мы оба реагируем на мир одинаково. Я вот все думаю: зачем Мороку, если он нас каким-то образом подслушивал у Валерии, предупреждать нас? Или это была угроза? Мол, я вас слышу, берегитесь!

— Вряд ли, — покачал головой Антон. — Стол, конечно, треснул не зря, но предупредил нас скорее кто-то другой, не Морок или его слуга, а наш союзник. Чтобы мы не расслабились и держались настороже.

— Может быть, ты и прав, — помолчав, изрек Илья. — Было бы здорово, если бы нам действительно помогал кто-нибудь из «положительных» героев магического круга. Ты уже завтракал?

— Нет.

— Тогда давай разомнемся, попьем кофейку и помчимся

по делам. Сегодня у нас день комплектации, а вечером мы встретимся всей группой у Валерии и родим план действий.

— Почему у нее?

Илья улыбнулся, глянув на порозовевшее лицо Антона.

— Неужто и вправду запала девица в сердце?

— Не пори ерунды, — буркнул Громов. — Она замужем...

— Разве это обстоятельство когда-нибудь служило препятствием для настоящего мужчины? Шучу, не дуйся. А встречаемся мы у нее потому, что ее муж изъявил желание пойти с нами. Что весьма и весьма кстати. Он хороший ученый, физик, по крайней мере был им, неплохой спортсмен — альпинист, хотя в болотах Ильмени его выучка и не пригодится, а главное, он поможет нам с экипировкой. Да и сопровождение экспедиции сотрудником ФСБ позволит нам избежать многих вопросов на месте. Ты не встречался с чиновниками местных хозяйственных структур и не знаешь пределов их властных амбиций. Каждый — чуть ли не президент!

— Это я уже знаю.

— Тогда я за тебя спокоен. — Илья прыгнул к Антону, по-турецки сидящему на диване, и круговым ударом ноги попытался сбить его на пол.

Антон ускользнул, буквально стекая струей воды с дивана, в ответ нанес такой же сбивающий удар по ноге противника, и они несколько минут демонстрировали чудеса ловкости и знание приемов боя в тесном помещении, ежесекундно рискуя наткнуться на стулья, стол, шкафы, статуэтки и вазы, сбить со стен походные реликвии Пашина, разбить его сувениры и «царские» подарки со всех краев света. Угломонились оба, только свалив-таки одну из керамических фигурок Будды, но Антон успел в падении подхватить статуэтку в сантиметре от пола, а Илья задержал накренившегося над Антоном двухметрового идола в древнерусских доспехах.

— Молодец! — в один голос похвалили они друг друга, рассмеялись и пошли умываться.

После завтрака Илья позвонил по нескольким номерам, договорился о встрече, и они поехали по Москве, попадая в самые неожиданные, по мнению Антона, места, вроде речного пароходства или очистных сооружений Северо-Западного округа, находя там взаимопонимание и поддержку.

До обеда им удалось посетить около десятка адресов, где Илью ждали его снабженцы и друзья, потом оба пообедали в итальянском кафе на Ленинградском проспекте и после двух

часов встретились в спортзале Школы выживания с Серафимом Тымко.

— А-а, не разлей вода, — встретил их инструктор, необычно хмурый для этого времени дня. — Что-то долго вы спите. Не «поголубели», часом?

— Дурак, — беззлобно ругнулся Илья. — Мы с семи утра на ногах. А вот ты явно недоспал. В чем дело? Или кошелек с тремя рублями потерял? Вместе со штанами?

— Не нравится мне твоя затея с озером, — проворчал Тымко, выходя из зала в тренерскую комнату. — Я так и не понял, что мы собираемся искать.

— Камень, — терпеливо ответил Илья.

— Я и сам понял, что не град Китеж. Не верю я в бесовские талисманы, колдовские чары и магические заклинания.

— А треснувший свастикой стол в Леркиной квартире тебя ни в чем не убедил?

— Случайность. Он был такой старый, что даже удивительно, почему до сих пор не развалился.

Илья и Антон переглянулись.

— Зело сердит сей отрок ныне, — сказал Илья. — Наверное, Анжелика отказалась пойти с ним в сауну. Что ты еще скажешь плохого?

— И вообще мне не нравится, когда меня держат за шестерку, — продолжал Серафим, косясь на Антона. — Тебе не кажется, что штаты экспедиции раздуты?

— Не кажется, — хмыкнул Илья. — Весь отряд состоит всего из шести человек плюс проводник, которого даст дед Евстигней. Я сам не хочу вовлекать в это предприятие много народу. Даже телевизионщиков не возьму, сам буду работать с телекамерой.

— Все равно... шесть человек — это слишком много. Идти надо было вдвоем, в крайнем случае втроем. И вообще нет там никакого камня с мордой беса, шиза это все...

Илья засмеялся.

— Ты неисправим, медведь. Знаешь, кого ты мне напоминаешь? Дегустатора, который пытается определить вкус вина взглядом сквозь стекло бутылки.

— Ладно, мне работать пора, — отвернулся Серафим. — Чего надо? — Он вдруг оживился, оглядываясь на Антона. — Не хочешь потанцевать в спарринге, мастер, показать класс моим молокососам?

— Мы спешим, — остудил его желание Илья. — А к тебе

заглянули, чтобы сообщить приятное известие: речники дают нам акваланги и «Газель» для перевозки оборудования к озеру. Тебе надо будет заехать к ним после шести вечера и забрать машину с документами. В семь встречаемся у Гнедичей.

Тымко снова помрачнел, снял со стены боккэн, повертел его в руках со свистом, кивнул на Антона.

— А он чем занимается? Взял бы и съездил к твоим речникам, а у меня сегодня важная встреча в шесть часов.

— Пошли, — сказал Илья Громову, направился к двери, добавил, не оглядываясь: — Не опаздывай.

В свой президентский кабинет на втором этаже здания Школы Илья сначала заходить не хотел, но, вспомнив о кое-каких нерешенных проблемах, свернул к лестнице.

Антон, ни разу не видевший апартаменты Пашина, стал разглядывать интерьер кабинета, напоминавший музей оружия, а Илья прошел к столу и набрал номер телефона одного из конструкторских бюро Минобороны, с начальником которого был дружен, чтобы заранее заказать пропуск на себя и на спутника. Потом позвонил Валерии:

— Не забыла, что мы вечером едем к тебе?

— Амнезией не страдаю, — сухо ответила Валерия, потом слегка смягчилась: — Кто будет?

— Те же, — пожал плечами Илья. — Или тебе кто-то нужен конкретно? Если Антон, то могу передать ему трубку.

— Зловредный ты человек, Пашин. — В голосе женщины прозвучала виноватая нотка. — Я вообще спрашиваю. А он что, с тобой?

— А с кем же ему быть? — Илья встретил взгляд оглянувшегося Антона, подмигнул. — Ну, так дать ему трубку?

— Не надо, я вас всех вечером увижу. Зачем звонишь?

— Как специалисту. Интересно стало. Серафим тут упомянул в разговоре град Китеж, ты слышала о таком?

— «Слышала». — Валерия возмущенно фыркнула. — Я в архивах год просидела, разыскивая информацию по Китежу и другим древнерусским городам.

— Я думал, это легенда, что он не существует.

— По легенде Боги сделали его невидимым и рассмотреть можно только его отражение в воде озера, на берегу которого он стоит.

— Не на берегу ли озера Ильмень?

— Нет. Что еще тебя интересует?

— Вечером поговорим. Но уж очень интересный поворот получается. Ведь храм Морока тоже никто не видел, а он между тем существует, действует, стоит где-то. Может, его тоже можно будет увидеть через отражение?

— Ты гений, Пашин! — озадаченно, с недоверием и в то же время с восхищением сказала Валерия.

— Я знаю, — скромно ответил Илья, вешая трубку. Прищурясь, посмотрел на глядящего на него Антона. — По-мому, она имела все-таки в виду тебя.

— Ты о чем?

— Так... мысли вслух. Ну что, поехали?

Антон не успел ответить, зазвонил телефон.

Илья снял трубку и услышал медленный, глуховатый, уробный голос, лишенный каких-либо интонаций:

— Мы еще раз настоятельно советуем вам, Илья Константинович, не направлять экспедицию к Ильмень-озеру, она может закончиться трагически.

— Кто вы? — нахмурился Илья, вдавливая на панели стола кнопку компьютерного определителя номера.

— Доброжелатель.

— Почему я не должен ехать на озеро? Чьи интересы я задеваю?

— Прислушайтесь к нашим словам и будете жить долго.

— Да кто вы такой, черт побери?! — вскипел Илья, однако в трубке уже раздавались гудки отбоя.

— Кто это? — подошел ближе Антон.

— Хрен его знает! — Илья прошелся пальцами по клавиатуре компьютера, на экране монитора возникла карта Москвы с координатной сеткой, по которой блуждал зеленый огонек. — Вряд ли определитель успел вычислить координаты, слишком мало времени дал нам «доброжелатель».

— Это он тебе звонил еще до поездки?

— Голос другой, а вот акцент и манера говорить прежние. Огонек остановился в центре города, Илья присвистнул.

— Ну и ну!

— Что?

— Кажется, звонили из Госдумы!

Антон невольно улыбнулся.

— Ошибся твой определитель.

— Не может быть. Знаешь, какая у меня аппаратура? Знакомый полковник из ФАПСИ установил, только у них такая стоит. Номер телефона она засечь не успела, но координаты

объекта вычислила точно. Неужели слуги Морока даже в Думу пробрались?

Антон промолчал, не желая возражать.

Илья еще несколько минут поколдовал над клавиатурой, потом сдался и выключил компьютер.

— Черт с ним, еще не раз позвонит, поехали.

— Снова угрожал?

— Настоятельно советовал не ехать на озеро.

— Тебе не кажется странным, что он позвонил именно в тот момент, когда ты зашел в кабинет?

Илья остановился на пороге комнаты, озадаченно почесал бровь.

— А ведь ты прав, Гром. За нами, кажется, следят. Вот вцепились, собаки, проходу не дают. Придется предпринять кое-какие ответные меры.

— Какие?

— Увидишь.

Они вышли из здания Школы, пустырь за которой был превращен в полигон, сели в машину.

— Я договорился встретиться с тем самым полковником, Михайлов его фамилия, хотя он теперь генерал. Он нам поможет. Но сначала заедем в КБ «Точмаш», нас там ждут.

Через час они прошли через турникет проходной конструкторского бюро по выписанным пропускам, причем никто не попросил у них удостоверений личности: Пашина здесь знали и уважали. За воротами их ждал лысый грузный мужчина с висячими козацкими усами и грустными воловьими глазами, выдающими его «холяцкую» национальность; правда, по-русски он говорил чисто, лишь изредка вставляя украинские слова и обороты. Звали его Петром Афанасьевичем Ладыженским.

Он пожал гостям руки и повел их через площадь к двухэтажному зданию с окнами, закрытыми изнутри жалюзи. Потом вдруг свернул к небольшому ангару из гофрированного белого материала, напоминающего шифер.

— Сначала я вам кое-что покажу.

Ангар охранялся молодцами в пятнистой форме, а его ворота и двери запирались кодовыми замками. Внутри него было тихо, светло — свет лился сквозь стеклянный потолок — и прохладно. На чистом полу из керамической плитки стояли какие-то аппараты, окруженные конструкциями и мостиками, контейнеры, трубы, штабеля ящиков. Ангар делился на

две части перегородкой из полупрозрачной пленки, сквозь которую виднелись очертания еще каких-то машин и аппаратов. Проводник отогнул край пленки, Илья и Антон последовали за ним и увидели странный аппарат с крыльями, поворотным соплом и восемью ножками-трубочками, оседлавший металлический бак блинообразной формы.

— Наша гордость, — сказал Ладыженский без особой радости в голосе. — Знаете, что это такое?

— Похож на «Малахит», нет? — быстро сориентировался Илья.

— Точно, — кивнул Петр Афанасьевич. — Но только похож. «Малахит» делал Соколов на «Сибобщемаше», а мы пошли дальше. Это беспилотный разведывательный комплекс «Ястреб» с дистанционно пилотируемым аппаратом «Махаон». Предназначен для поиска движущихся групповых и одиночных объектов днем и ночью при любых погодных условиях. Может быть использован для радиационной, химической, инженерной разведки, патрулирования местности, контроля дорог и газопроводов, ну и, естественно, для нужд военной разведки. Запас хода — восемьсот километров.

— Здорово! — с искренним восхищением сказал Илья, обходя аппарат, оглянулся на Антона. — Вот нам бы такой аппаратик, а? Живо нашли бы наш камешек на дне озера.

— Какой камешек?

— Да это я так. Под водой он видит?

— Смотря какую аппаратуру поставишь. В принципе он может быть использован и для изучения рельефа дна озер, морей и рек, а также для поиска затонувших кораблей и действующих подводных лодок.

— Отличная машина! Были бы деньги, я бы у вас приобрел такую.

Ладыженский засмеялся.

— Раньше тебя за одни такие слова тут же посадили бы лет на десять. Сейчас, конечно, строгости поменьше, но, как у нас шутят, за нашими разработками следят в три глаза: два своих и телекамера. Управление информационной безопасности ФСБ, слышал про такое?

— Как не слышать, — сказал Илья, — у меня там знакомый работает. Ну, так как, Афанасьевич, продашь аппарат? А может быть, я его возьму как бы для испытаний в боевых условиях? Я тут собрался на озеро Ильмень с экспедицией, аппарат нам очень бы пригодился. Не уговоришь начальство?

— Вряд ли, — с сомнением покачал головой Ладыженский, подергал себя за ус. — Этот у нас уже не сегодня завтра заберут, а второй еще не готов.

— Жаль. А кто будет забирать?

— Чекисты, само собой. Заказ пришел с Лубянки. Пошли ко мне, чаем угошу да отдам тебе, что обещал.

Они вышли из ангара, по диагонали пересекли площадь с автокарами и трейлером и вошли в здание КБ, где сидели разработчики «Точмаша».

Ладыженский поднялся на второй этаж, открыл дверь с табличкой «Главный конструктор», сказал встрепенувшейся немолодой секретарше:

— Чаю нам, Татьяна Силовна.

Кабинет главного конструктора одного из многочисленных конструкторских бюро, работающих на военную промышленность, Антона не поразил: обыкновенная, средних размеров комната со шкафами и столами, ничем не отличающаяся от других чиновничьих кабинетов, кроме цветных фотографий по стенам и макетов изделий КБ, расставленных где только можно. Секретарша Ладыженского принесла чай, варенье и рулет с маком. Пока Антон с чашкой в руке разглядывал фотографии и макеты, Илья вертел в пальцах серебристый гладкий цилиндр толщиной с пачку сигарет и длиной в два пальца.

— Запускается из обычной ракетницы, — сказал Ладыженский, наблюдая за ним. — Взлетает на высоту до двухсот метров, раскрывается и начинает передавать сигнал.

— Что это? — поинтересовался Антон.

— Одна из наших разработок, — с готовностью пояснил хозяин кабинета. — Элемент системы для поиска и спасения людей. Называется «кузнечик». Работает через спутниковую систему «Интелсат». Точность обнаружения до десяти метров.

Антон посмотрел на Илью.

— Зачем нам этот «кузнечик»?

— Кто знает? — задумчиво пробормотал Илья. — Вдруг пригодится. Спасибо, Афанасич. Передавай привет жене и детишкам. Вот вернусь из похода и приглашу в гости, давно вы у меня не сидели. Нас на выходе не тормознут твои охранники?

— Я провожу.

Поговорив еще несколько минут о жизни, о разного рода

проблемах, Пашин и Громов покинули территорию секретного КБ, продолжавшего и в нынешние тяжелые времена выдавать продукцию, не имеющую аналогов в мире.

— Знаешь, сколько он зарабатывает? — спросил Илья, когда они уже садились в машину. — Тысячу пятьсот рублей в месяц. Да изредка премии в размере месячного оклада. А ведь он — генконструктор КБ! И ведь работает, пашет как вол, не жалуется. Это же охренеть надо, как наше государство ненавидит творческие кадры! В любой другой стране мира он получал бы в сто раз больше! И после этого мы хотим, чтобы наши ученые и конструкторы не бежали за границу?..

Антон молчал. Он думал так же, но говорить об этом не любил. Помочь Ладыженскому, как и тысячам других таких работяг, он не мог.

Уже в пятом часу дня они посетили еще один секретный объект на территории столицы, принадлежащий Федеральному агентству правительственной связи. Объект — ветхое четырехэтажное здание начала века снаружи и суперсовременное внутри, — располагался в Крылатском и представлял собой комплекс лабораторий и один из компьютерных центров ФАПСИ, разбросанных по всей России. Какие задачи он решал, Илья не интересовался, хотя догадывался, конечно, однако его это не слишком волновало. Начальник центра генерал Михайлов был его давним приятелем, когда-то посещал Школу, занимался рукопашным боем, потом повредил ногу и тренировки прекратил, зато двух сыновей отдал под присмотр Пашина, в Школе которого работала и детско-юношеская секция.

Проблем с пропусками и здесь не возникло, их пропустили без звука, опять не спросив паспортов или других удостоверений личности. Был ли Антон этим обстоятельством ошеломлен или нет, Илья не уточнял, держался Громов абсолютно бесстрастно, однако по его взгляду можно было судить, о чем он думает, и Илья сказал извиняющимся тоном:

— Меня во всех спецконторах знают. Это сейчас заужавали, когда я практически весь земной шарик обскакал, разрешают делать все, что душа пожелает, кроме, конечно, шпионской деятельности, а раньше я такого натерпелся — чуть не в изменники Родины попал. Да и за рубежом не сразу признали. Если бы ты видел, какой процент самого настоящего быдла из наших соотечественников путешествует за границей! Однажды в Дрездене, на Софиенштрассе, напротив зна-

менитого Цвингера слышу трехэтажный русский мат — так наш новый русский турист, весь в золотых цепях, восхищался красотами архитектуры. Хорошо, что я путешествую в основном там, где бандиты и хамы еще не появились. Но вообще-то мнение о русских за рубежом создают в основном именно хамы.

— И спортсмены, — добавил Антон.

— И спортсмены, — согласился Илья. — Только с приставкой «великие». Как музыканты, артисты, писатели и другие выдающиеся личности. Но я говорил не о них.

Генерал Сергей Артурович Михайлов принял их в своем кабинете, напоминающем компьютерный цех. Антон насчитал по крайней мере десяток мониторов разных размеров и несколько стенных экранов с лазерными проекторами да еще столько же стоек с аппаратурой, но больше всего его заинтересовала объемная полусфера с картой России, пульсирующая сотнями разноцветных огней. Илья уже знал, что это такое — «пространство оперативного контроля потоков информации», поэтому сразу прошел к столу генерала и пожал ему руку. Антона он представил как начальника охраны экспедиции, добавив, что тот мастер единоборств.

Сергей Артурович Михайлов, черноволосый крепыш с умными пронизательными глазами и обаятельной улыбкой, чуть прихрамывая, вышел из-за стола, поздоровался с Антоном и указал на стулья.

— Присаживайтесь, дорогие гости, рад вас видеть. Хотите, угощу редкостным напитком?

Он открыл замаскированный картиной бар и вытащил пугающую бутылку темно-зеленого стекла с черным горлышком.

— Знаете, что это такое? Шампанское. Только ему уже больше восьмидесяти лет. Коллеги презентовали две бутылки по случаю. Кстати, одна такая бутылка стоит около трех тысяч долларов.

— Может, не надо, Артурыч? — нерешительно сказал Илья. — Случай больно неподходящий, не праздничный, да и мы с Антоном не особенные ценители вина, а стоит оно царские деньги.

— Царю и предназначалось, — засмеялся Михайлов, ловко откупоривая бутылку. — Ну, если не царю, то командованию российской армии во время Первой мировой войны. В тысяча девятьсот шестнадцатом году немцы потопили шведский парусник «Йонкопинг» с рельсами для России,

бочками с коньяком розлива девятьсот седьмого года, а также с четырьмя тысячами с лишним бутылок шампанского.

— Ты хочешь сказать, что это шампанское с того парусника? Как же оно оказалось в России, если парусник затонул?

— Его недавно подняли со дна Ботнического залива, а у меня друг в команде шведских ныряльщиков «Старси».

Пригубили шампанское, оказавшееся приличного качества, хотя на вкус Ильи отечественное московского розлива было не хуже. Потом генерал выгрузил на стол какие-то коробки и открыл каждую. В первой было упаковано подслушивающее устройство с лазерным сканером, способное уловить писк комара на расстоянии в километр, во второй — прибор ночного видения, представляющий собой телескопические очки с элементами питания.

— Наши, отечественные, — с гордостью сказал Михайлов, — используются только в особых случаях и по спецразрешению. У меня такое разрешение есть, а для вас я состреплю соответствующую ксиву, чтобы комар носа не подточил. Но я так и не понял, куда ты собрался на этот раз. Что-то проямлил по телефону и трубку бросил.

— Да, понимаешь, не хотел я по телефону ничего говорить, — сказал Пашин. — Даже твои телефоны можно прослушать, несмотря на защиту, а уж мои точно.

Михайлов усмехнулся, смакуя вино.

— Мои вряд ли. Темнишь ты что-то, путешественник.

— Честное слово, Артурыч, бояться в последнее время стал, чую слежку, а обнаружить не могу.

— Да кому ты нужен, чтобы за тобой следить?

— Значит, кому-то нужен. А еду я на озеро Ильмень, Сергей, в район деревни Войцы, искать один интересный камень, по древней легенде служащий Вратами дьяволу.

Генерал крикнул, pokrutil головой, с интересом разглядывая серьезное лицо гостя.

— Ты в это веришь?

— В легенду?

— В то, что камень существует.

— Почти поверил. Одно то, что мне начали мешать с подготовкой экспедиции, звонить и угрожать, говорит в пользу существования камня.

— Даже так? Тебе угрожали?

— Не один раз. А последний звонок был — не поверишь! — из Государственной Думы. Твоя аппаратура, к сожа-

лению, не успела определить номер, но координаты объекта засекла.

Михайлов перестал улыбаться.

— Тогда это действительно серьезно. Помощь нужна?

— Пока нет. — Илья встал. — Справляемся сами. Но, может быть, еще придется к тебе обратиться. Хотя постой... Смог бы ты выяснить, кто из депутатов Думы пользуется почтовой бумагой с тисненым в уголке золотым крокодилчиком?

— Попробую. Готов привлечь наших оперов, если понадобится. Звони, когда вернешься, интересно все же, что там отыщешь на озере. Пойдемте, я вас провожу. — Генерал повел гостей из кабинета, с ухмылкой оглянулся. — Знаете старую поговорку? Гостя всегда надо проводить за порог: богатого — как бы не упал, бедного — как бы не украл.

Эта фраза покорила Антона, показалось, будто она предназначена именно ему, однако он постарался не показывать своего отношения к сказанному. Генерал не должен был знать о тюремном прошлом неизвестного ему ранее приятеля Пашина.

Возвращались домой они уже в начале седьмого вечера, безуспешно пытаясь вычислить за собой «хвост». Ощущение постороннего взгляда не покидало обоих, это злило и заставляло держаться в напряжении, но вели их так умело, с такой профессиональной уверенностью, что этим можно было даже восхищаться, если бы не неприятный подтекст факта слежки: наблюдали именно за ними.

Они выгрузили из машины сумки с экипировкой, в квартире Илья разложили вещи по кучкам: отдельно — дорогостоящую аппаратуру, видеокамеру, фотоаппараты, отдельно — палатки, спальные мешки, надувные матрасы, принадлежности для костра, веревки, крючья, приспособление для подъема, инструмент и одежду, отдельно — концентраты и консервы. Потом Илья сделал несколько звонков, в том числе и на фирму охраны, следившую за квартирой, чтобы не теряли бдительности, Антон переоделся, и они поехали к Валерии, снова пытаясь определить, кто и каким способом их ведет. В конце концов сошлись на мнении, что за ними следует кто-то из «призраков» наподобие того, что Антон встретил в метро. Правда, оставалось непонятным, где он находится, в какой из машин, потому что ни одна из них за «Альфа-Ромео» Илья долго не следовала.

Группа уже была в сборе. Тымко любезничал с Анжеликой, сидя в гостиной на диване, Валерия хлопотала на кухне, Юрий Дмитриевич разговаривал с кем-то по телефону и гостей встретил взмахом руки: проходите, мол.

Валерия прибежала в гостиную с подносом, поздоровалась со всеми, подставила щеку Илье и снова умчалась на кухню, из которой волнами наплывали вкусные запахи. Появился озабоченный Гнедич.

— Мне надо срочно уехать, начальству понадобился. Что мы будем решать?

— Да ничего особенного, — сказал Илья. — Выезжаем завтра в шесть утра. Все готово. Соберите рюкзаки в соответствии с климатом и особенностями рельефа, не забудьте сапоги и репеллент от комаров. Поедем на двух машинах: четверо со мной, двое на «Газели».

— Понятно. Что ж, мы с Лерой готовы. Но у меня есть предложение взять с собой еще одного человека.

— Зачем?

— Начальство рекомендует как крупного специалиста по озерам, в том числе по озеру Ильмень.

Илья и Антон переглянулись.

— У нас будет проводник, более крупный специалист экспедиции не требуется.

— Генерал утверждает, что этот специалист сослужит нам хорошую службу и в качестве охранника, и в качестве ныряльщика, и как профессионал по тактике.

Илья покачал головой.

— У нас уже есть такие профессионалы, третий будет лишним. А что, генерал твой настаивает на своей кандидатуре?

— Да не очень, советует пока.

— Ну, а коли советует, то передай ему, что мы обойдемся. Кстати, Юрий Дмитриевич, не мог бы ты достать крупномасштабную карту восточного побережья озера Ильмень?

— Попытаюсь, но вы все-таки подумайте над предложением генерала. Все, я побежал. Если возникнут вопросы, созовемся ближе к ночи.

В дверях появилась Валерия с еще одним подносом.

— Ты куда?

— На службу, начальник вызывает.

— Когда ждать?

— Не знаю, часа через два. Ужинайте без меня. Думаю, ты тут справишься. — Гнедич поцеловал жену в щеку и вскоре

исчез. Компания осталась без главы дома, размышляя над срочностью его вызова. Настроение у всех было какое-то не слишком оптимистичное, но все скрывали это, и даже Серафим пытался казаться веселее, чем обычно, один за другим рассказывая анекдоты.

— А вот еще один о «новых русских», — подвинулся он поближе к врачу экспедиции. — Заявляется один «новый русский» в синдикат киллеров и делает заказ: «Надо убрать компаньона, адрес — третья улица Строителей, дом сорок два, подъезд три, этаж...» «Погоди, не спеши, — перебивает его глава синдиката, — скажи сначала, сколько платишь». «Миллион». «Ну, тогда этаж можешь не называть...»

Тымко не выдержал и засмеялся первый, но никто его не поддержал, все ожидали, что скажет Илья. Тот оглядел свою гвардию и признался:

— Братцы, муторно мне чой-то на душе. Чую, втравил вас в такую халепу... Может, откажетесь, пока не поздно?

— Ну вот, — пробормотал Серафим, косясь на Анжелику. — Висело мочало, ветерком его качало — начинай сначала. Ты что, командир, шутишь или всерьез? Не я ли тебе говорил, что нечего нам там делать, на озере?

— Помолчи, Сима, — сказала Валерия. — Ты чего-то не договариваешь, Илья. Что-то случилось?

— Ничего пока не случилось, но может случиться. Мне угрожали уже несколько раз, советовали не совать нос не в свои дела. За моей машиной ведется слежка, за нами с Антоном все время кто-то наблюдает... Короче, дело оказалось серьезней, чем я думал.

— И что ты решил?

— Я-то еду.

— Тогда и мы едем.

— Но я думал не о себе...

— Не знаю, как другие, — Валерия с вызовом посмотрела на Серафима, — но я с Ильей.

— Я тоже, — негромко сказала Анжелика, поглощенная какими-то своими мыслями.

— Что мне остается? — буркнул Тымко. — Конечно, я вас не брошу. Вы ведь без меня дня не проживете.

— Что ж, так тому и быть. — Илья улыбнулся. — Хотя ухо придется держать остро. Выпьем за удачу, храбрецы.

Все пятеро выпили по глотку вина, принялись ужинать, уплетая приготовленные Валерией салаты, тушеные и соле-

ные грибы, плов из овощей — для тех, кто предпочитал вегетарианскую пищу, и плов из баранины — для мясоедов. Разговаривали мало, проникаясь важностью предстоящего путешествия, даже словоохотливый Тымко потерял интерес к балагурству и лишь изредка обращался к соседке, пытаясь ее расшевелить. Они и ушли первыми, договорившись об утренней встрече с остальными.

— Аптечку я возьму, — сказала Анжелика; серьезное выражение лица сразу добавило ей возраста, и юной девочкой она уже не казалась. — Какие-то особые лекарства нужны? Может, у кого аллергия, сердце пошаливает, давление скачет?

— Спасибо, Анжела, — покачал головой Илья. — Мы все абсолютно здоровые люди... если не считать моей поехавшей крыши. — Он рассмеялся. — Но это, насколько я понимаю, не излечивается.

Анжелика кивнула, все такая же серьезная и чем-то озабоченная, и вышла. Тымко последовал за ней, вернулся.

— Машину я подгоню в полшестого, чтобы все погрузить. Оружие какое-нибудь берем? У меня есть старенький, оставшийся по наследству от отца «макаров».

— Не надо, — качнул головой Илья. — У нас будут два карабина и арбалет, да у Юры штатное оружие, этого достаточно. Не на войну едем.

— Я бы все-таки взял. — Тымко исчез.

В квартире остались хозяйка и двое гостей, допивающих чай.

— Кто эта девица? — поинтересовался Антон, за вечер не произнесший ни одного слова.

— Наш врач, — очнулся от раздумий Илья. — А что? Не понравилась?

— Да нет, я так. — Антон покосился на Валерию, ответившую ему задумчивым взглядом. — Просто она не создает впечатления опытного специалиста.

— Ну, это ты зря. Ей уже двадцать девять, она шесть лет ездила с баскетбольной командой «Спартака» по разным странам, спасла множество рук и ног, лечит травмы не глядя, да и экстрасенс неплохой, владеет энергетикой. Неужели не заметил?

Антон промолчал.

— Я ее знаю чуть ли не с пеленок, — добавила Валерия. — Она в детстве была очень самостоятельной. В шесть лет сама

стирала и гладила свои платья, поливала цветы, готовила. Зато терпеть не любила застилать по утрам кровать. — Валерия улыбнулась. — Кстати, я тоже. Папа у нее кинорежиссер, подолгу пропадал и до сих пор пропадает в командировках, на съемках фильмов, вот ей и приходилось компенсировать его отсутствие воспитанием мужского характера. Она очень упрямая и сильная и всегда добивается того, чего хочет.

— Не замужем?

— Нет, не сложилось. Был муж — спортсмен, но недолго.

— Между прочим, она сама хорошая спортсменка, ныряльщица и пловчиха, — вставил Илья. — Отлично дерется и стреляет из арбалета. Ну что, поехали? — Он встал из-за стола.

Антон молча поднялся, хотя было видно, что никуда ему идти не хочется.

— Может быть, я с вами? — предложила вдруг Валерия робким, не свойственным ей тоном.

Илья прицеливающимся взглядом посмотрел на Антона, потом на Валерию.

— Могу подвезти вас в район Зубовского бульвара, мне туда по делу нужно завернуть на часок. Вы погуляете по бульвару, по набережной, а потом я вас подберу. Идет?

Антон и Валерия посмотрели друг на друга, потом с немым вопросом на Илью, но взгляд Пашина был бесхитростен, как у ребенка, и они оба кивнули.

— А убирать я буду потом, — решила Валерия.

— Не знаешь, зачем Юрку вызвали в контору? — полюбопытствовал Илья, когда они садились в машину.

— У него какие-то неприятности на работе. Слышала краем уха, что пропал какой-то их работник, капитан Висковатый. Не могут найти.

— Не понял!

Валерия положила руку на плечо Ильи.

— Поехали, мон шер. Я мало что знаю. Сотрудник отдела по фамилии Висковатый не появляется на работе больше недели, а теперь оказывается, что он исчез. И вообще как бы не существовал.

— Как это может быть?

— Да не знаю я. Спросишь завтра у Юры.

Илья оглянулся на молчащего Антона, пощупал в кармане брюк талисман деда Евстигнея — круглый камень с дыркой посередине и вывел машину со двора.

Глава 9

ХОРОШЕЕ НАЧАЛО

Илья высадил их у китайского ресторанчика под названием «Династия» и уехал, пообещав вернуться ровно через час.

Антон посмотрел на Валерию, встретил ее изучающий и в то же время загадочный, вопрошающий взгляд, и ему вдруг стало весело и спокойно, будто он знал эту женщину очень давно и только с лучшей стороны.

— В ресторан пойдем?

— Мы могли бы и дома посидеть с таким же успехом. Не хочу. Давай лучше погуляем. — Валерия улыбнулась, угадав его настроение. — Тут у моста есть спуск на набережную и остановка речного трамвая, можем прокатиться по реке, если пожелаешь.

— Конечно, пожелаю.

— Тогда вперед. — Валерия подставила локоть, и они медленно побрели по тротуару к метро «Парк культуры», чтобы пересечь Комсомольский проспект и у Крымского моста спуститься на набережную Москвы-реки.

— Расскажи, как ты попал в тюрьму. Или тебе неприятно об этом вспоминать?

И Антон вспомнил.

В России существует всего четыре места, где за колючей проволокой в робе арестанта мотают срок бывшие милиционеры, судьи, прокуроры и сотрудники спецслужб. Громов отбывал наказание за не совершенное им преступление в Шантарской колонии особого режима под Нефтеюганском. Вчерашние стражи порядка сидели здесь за тяжкие и особо тяжкие преступления.

Никаких специальных удобств и пайков для бывших правоохранителей и «двойных» специалистов, как называли тех, кто одновременно работал на государство и на мафию, на бандитов, не было. Никаких дополнительных вольностей. Никаких разрешений на встречи с родственниками. Тысяча триста эков занимали здесь пространство, рассчитанное всего на восемьсот человек. Одним из них стал бывший инструктор спецназа Антон Громов тридцати пяти лет от роду.

Самый многочисленный отряд осужденных в Шантарской колонии представлен был гаишниками, или, как их теперь принято было называть, губдовцами. Вслед за ними шли

разночинные сотрудники милиции и РОВД, сидевшие за превышение служебных полномочий. Попадали в эту зону и разведчики, осужденные по статье 276 — за шпионаж, и спецназовцы, и чекисты. Их было меньше всего, но от этого Антону не становилось легче. Он знал, что сидит ни за что.

Жесткой иерархии в зоне не было. Уважения добивались только те, у кого срок был больше. Но пахан существовал — бывший майор спецназа, воевавший еще в Афганистане, а потом организовавший банду, грабившую автомашины на дорогах. Взяли его в Туле и дали срок — двадцать лет за два убийства, изнасилование и грабежи. Мужик он был действительно крутой и очень сильный, мог пальцем вдавить гвоздь в деревянный стол, а потом пальцами же его вытащить, и его боялись не только заключенные, но и охранники зоны. Однако прославился он не гигантской силой, а тем, что установил железный порядок в зоне, который неукоснительно должны были соблюдать все зэки, старые и новые. Тех же, кто пытался бороться, превращали в «петухов» шестерки майора, получившего кликуху Мамонт. Он и в самом деле смахивал на древнего родственника слона — такой же могучий, грубый, дубовокожий, с густо заросшими волосами спиной и грудью.

На Антона в первый же день его появления была предпринята атака с целью «объяснить» новичку его место в бараке. Трое бывших спецназовцев из Ставропольского, Ростовского и Томского ОМОНа попытались «опустить» новичка сразу же после отбоя. Двое из них получили переломы рук и челюсти, а третий очнулся только наутро в лазарете, так и не поняв, что произошло. Антона за это посадили в ШИЗО, потом перевели в «строгач», где его снова попытались «обжать», но и там он дал отпор и воевал еще два десятка раз, пока пахан самолично не пришел к нему в барак и не предложил работать в его команде. Антон отказался. Тогда бывший майор предложил ему посоревноваться в метании ножей, сам он считал себя непревзойденным мастером метания, и когда Антон с расстояния в полста метров расщепил черенок швабры, а также отбил рукой пущенный ему в спину специально заточенный напильник, принадлежащий одному из прихлебателей пахана, — расчет строился на том, что во время соревнования должен был произойти «несчастный случай», — Мамонт пожал Антону руку и во всеуслышание объявил, что отныне Гром находится под его покровительством.

Правда, покушались на жизнь Громова еще дважды, но все же беспредела уже не было. Вышел он почти в тот же день, когда Мамонт сбежал из Шантарской колонии. Как выяснилось, бывший майор выехал из зоны на пустых лотках хлебовозки: помог начальник караула, которого потом убили, чтобы следствие по этому делу зашло в тупик.

Всего этого Антон рассказывать Валерии не мог, да и не хотел, поэтому отделался шуткой:

— Когда легковерен и молод я был,
Младую гречанку я страстно любил.

Валерия его поняла, она помнила это стихотворение Пушкина, заканчивающееся смертью гречанки и ее любовника. Теснее прижала руку Антона локтем, погладила по пальцам.

— Извини за дурацкое любопытство, больше не буду спрашивать. Илья говорил, что ты был мастером рукопашного боя...

— Почему был?

— Я неправильно выразилась. Наверное, с детства занимаешься воинскими искусствами?

— С девяти лет. Я тогда гостил у бабушки в деревне под Ярославлем, и к нам приехал мой дядя по материнской линии, который тогда работал в китайском посольстве. Вот с него все и началось. — Антон невольно улыбнулся, вспомнив забавный эпизод в деревне.

Валерия заметила его улыбку.

— Расскажи.

— Странно, что именно это врезалось в память... Мы с дядей по утрам занимались на траве возле дома, а у бабушки кот был, Васькой звали, такой огромный, матерый, черно-белый, ну вылитый котяра из мультфильма «Котенок по имени Гав». Мы возимся, а он обычно сидит у забора и внимательно за нами наблюдает.

— Как тренер? — улыбнулась Валерия.

— Точно, как наставник. У соседей бабушки собака была, дворняга по кличке Керим, уж и не помню, за что ее так прозвали. И вот этот Керим с лаем мчится на кота, вроде как собираясь дать ему трепку. Ну, думаю, сейчас тот прыгнет на забор и инцидент будет исчерпан. Не тут-то было! Кот даже ухом не повел! Лениво так повернул голову к дворняге, и мы не поверили глазам: Керим понял, что попал в переплет, перестал лаять и метров за десять до кота начал тормозить. Ос-

тановился в двух шагах от кота, который так и не сдвинулся с места, завилял хвостом, как бы говоря: извини, друг, я пошутил, — и побежал в другую сторону. Кот проводил Керима светящимся взглядом и снова стал смотреть на нас. Ох и смеялись же мы!

— Да, — рассмеялась и Валерия, — представляю. Железное самообладание было у вашего Васьки.

— Кот был умнейший, все огни и воды прошел, его самого можно было вместо сторожевой собаки держать. До сих пор помню его снисходительно-предупреждающий взгляд.

— А правда, что за вами с Ильей кто-то наблюдал? — перевела вдруг разговор Валерия.

Антон невольно оглянулся. Показалось, будто спину мазнул знакомый липкий взгляд. Хорошее настроение дало трещину.

— Правда. Я никогда особенно не интересовался оккультными науками и мистикой, если не считать старинные философские трактаты, но готов поверить во что угодно. Своими глазами видел, как из спины читающего в метро газету мужика на меня смотрел странный, полупрозрачный, как кисея, человек.

Валерия с любопытством посмотрела на профиль Антона. Тот усмехнулся в ответ.

— Психическими отклонениями не страдал и в роду шизиков не имел. Да и в колонии ничего такого не происходило, от чего бы могла поехать крыша.

— Нет, я верю. Просто у тебя, очевидно, задатки видящего суть вещей, экстрасенса. Ты видишь энергоинформационных двойников тех людей, которые обращают на тебя пристальное внимание. К сожалению, я в меньшей степени чувствительный человек, но в своей работе постоянно сталкиваюсь с теми, кто видит мир глубже, ярче, правильнее, таким, каков он есть на самом деле. Илья прав. Проблема, которую ему подкинули с поиском камня, гораздо более серьезна, чем кажется на первый взгляд, но... тем интереснее с ней работать. Или ты иного мнения?

Они остановились под мостом у спуска на набережную.

— Я того же мнения, — пробормотал Антон, чувствуя легкое головокружение от близости женщины, которая становилась все понятнее и желаннее, но вместе с тем недоступнее и дальше.

Валерия повернулась к нему, глядя испытующе и строго,

положила руку на плечо, но тут же быстро отвернулась и сказала, глядя вниз с преувеличенной озабоченностью:

— Ой, кажется, катер уже отходит, не успеем...

Но они успели, сбежав по лестнице вниз и махая руками рулевому трамвая, выглядывающему из рубки. Однако лучше бы они этого не делали.

На набережной, возле каменной лестницы к молу вдруг остановились шикарная иномарка — черный «Мерседес» с темными стеклами и такая же черная отечественная «Волга». Из той и другой машины выскочили широкоплечие парни в черных костюмах с короткой стрижкой, похожие друг на друга как кегли, вывели босса — одутловатого, с рыжеватой порослью на лице, долженствующей означать бороду и усы, но больше придающей лицу неряшливый небритый вид, мужчину в костюме редкого канареечного цвета. Трое здоровяков сбежали вниз, к пристани, один из них подошел к капитану катера, второй взобрался на его борт и повелительным тоном бросил пассажирам:

— Выходите! Трамвай дальше не идет. Подождете следующего.

Антон готов был сойти, не вникая в суть происходящего, но внезапно взбунтовалась Валерия.

— Это еще почему? — вызывающим тоном сказала она. — В чем дело?

Молодец в черном посмотрел на нее как сквозь стену.

— Повторить? Проваливайте и побыстрее, шеф ждать не любит.

— Пойдем, — тихо сказал Антон, сдерживаясь. — Какой-то пахан решил покататься по реке, ну и черт с ним.

Охранник неведомого шефа подошел к ним ближе, оглядел Антона, процедил сквозь зубы с кривой ухмылкой:

— Земеля, забирай свою телку и сваливай и скажи спасибо, что я сегодня добрый. А ты, красавица, быстренько ножками топ-топ отсюда, без лишнего базара, а то ведь упадешь ненароком, ногу сломаешь...

— Вижу, добрый ты фраер, — усмехнулся Антон, — да на беду я сегодня злой. Иди-ка искупайся.

Он сделал одно по-змеиному гибкое движение, как бы обтекая верзилу слева, сгибом локтя захватил его шею и рывком бросил через перила верхней палубы трамвая. Раздался тяжелый всплеск.

Охранники подъехавшего на «мерсе» босса оглянулись,

никто из них не понял, что случилось, и лишь организатор охраны, смотревший на катер сверху через парапет набережной, успел заметить летящую в воду тушу своего подручного.

— Эй! — крикнул он вниз скорее с недоверием, чем с тревогой. — Что там у вас происходит?

— Упал кто-то, — доходчиво объяснил ему Антон, жалея, что не сдержался. — В воду.

Охранник между тем выплыл и заорал, будто его режут:

— Он меня скинул! Держите гада! Убью! Пидорюга! Вытащите меня!.. Задержите того длинного!..

Двое приятелей «утопленника» двинулись на верхнюю палубу, расталкивая спускавшихся на берег пассажиров, как танки, и Антон попытался предотвратить назревающий конфликт. С поднятыми на уровень плеч руками он шагнул на встречу парням, проговорил извиняющимся тоном:

— Ребята, он оскорбил даму, и я прописал ему водные процедуры. Ну, переусердствовал немного, каюсь, с кем не бывает. Мы сейчас уйдем тихо-мирно, а вы катайтесь сколько влезет. Договорились?

— Искушайте обоих, — коротко бросил одутловатый шеф своим холопам. — Вода теплая, не утонут.

— А чьи вы будете? — продолжал тем же тоном Антон, обращая внимание на оттопыривающиеся борта пиджаков; они явно были экипированы наплечными кобурами. — Хотя знать буду, с кем судьба свела.

— С депутатом Козловым тебя судьба свела, — угрюмо бросил первый громила, приближаясь. — Знать надо таких людей. За борт сам прыгнешь или помочь?

Ответ Антона был коротким — мгновенный выпад пальцем в переносицу, толчок в плечо, и гигант шумно ухнул в воду между причалом и бортом катера. Его напарник не сразу осознал, что произошло, сунул было руку под мышку, и Антон ударил его сильнее — ладонью в ухо, отобрал пистолет и лишь после этого ударом в голову отправил за борт. Навел пистолет («глок-17», где они только умудряются доставать такие шикарные игрушки) на замерших с руками под отворотами пиджаков телохранителей «известного депутата Думы Козлового».

— Отзови своих щенков, господин депутат. Попадание одной такой маслины в брюхо не способствует пищеварению, а свидетелей тут много, которые подтвердят, что я всего лишь защищался.

— Разреши, Кеша, я его... — начал было зеленый от злости командир охраны, но депутат остановил его взмахом руки, оглядел Антона и стоявшую сзади с решительным видом Валерию, кисло улыбнулся.

— Ох и нажил ты себе неприятностей, гений дзюдо. — Голос у депутата был жиденский, тенорочком, но злой. — Ведь я тебя везде найду. — Он повернулся к своим телохранителям. — Поехали, мальчики.

Крупногабаритные «мальчики» засуетились, вытащили из воды своих собратьев, стали рассаживаться по машинам.

— Пистолет отдай, — хмуро сказал их вожак.

— Какой пистолет? — удивился Антон, роняя «глок» в воду.

— Ах ты б...! — выругался охранник. — Я ж тебя за это удавлю!

— Хозяин ждет, — качнул головой Антон, ощущая досаду, внутреннюю неуютность и опустошенность: его отпор телохранителям «крутого» депутата, действующим как откровенные бандиты, уже не казался единственно правильным вариантом поведения.

Кортеж укатил.

Пассажиры трамвая стали возвращаться на катер, капитан которого закрыл рот и дал сигнал к отправлению.

— Пойдем отсюда, — тихо, с грустью сказала Валерия, поглядывающая на спутника с убитым видом и в то же время с восхищением. — Это я во всем виновата. Не затеяли бы ссору, все было бы спокойно.

— Я виноват больше, — вздохнул Антон. — Обычно в таких случаях я сдерживаюсь, а тут нашло что-то... не переношу хамства. Да и купаться в грязной воде не очень хотелось.

— Мне тоже. Хотя с хамами я сталкиваюсь почти каждый день. На меня тоже что-то нашло, какое-то затмение. И не хочу ругаться, и не могу себе в этом отказать.

Они поднялись наверх, медленно двинулись вдоль набережной под мост, переживая неожиданный момент неловкости и единения, глядя на садившееся над Садовым кольцом солнце. Вечер был чудесный, тихий и нежаркий, и было жаль, что он так некрасиво начался. Антон украдкой посмотрел на часы, собираясь предложить спутнице посидеть где-нибудь в кафе, но оказалось, что их заключение еще не кончились.

Дискомфорт, неуютное ощущение чужеродности он почувствовал давно, но отнес его к душевному состоянию после

инцидента на катере. А когда рядом с ними с визгом затормозили два милицейских микроавтобуса и оттуда стали выскакивать плотные парни в камуфляже, с вязаными шапочками-чеченками на головах, вооруженные «калашниковыми» (десантный вариант), Антон понял, что дело принимает серьезный оборот.

Он мгновенно загородил Валерию спиной, выставил вперед руки, намереваясь мирно поговорить с представителями закона и все им объяснить, но ему не дали сказать ни слова. Первый же омовец в маске с прорезями для глаз перепрыгнул бордюр тротуара, подскочил к нему и с криком: «Лечь, падла! Руки за голову!» — саданул прикладом автомата в живот. Второй же в этот момент рванул Громова к себе, нанося ему еще один удар в лицо, а третий попытался повалить на тротуар взвизгнувшую Валерию. И этот ее крик освободил Антона от благородных желаний разрешить конфликт мирным путем.

Ни первый, ни второй удары омовцев цели, конечно, не достигли. Антон ослабил движением мышц живота удар прикладом, а от второго — в лицо — просто ушел и тут же нанес два ответных удара: локтем в горло первого противника и пальцами в глаза второго. После этого наступила очередь того, кто заламывал руку Валерии и валил ее на тротуар. Антон рубящим ударом ладони перебил бицепс парня, готового начать стрельбу, увидел расширенные, испуганно-ненавидящие глаза, но не пожалел: счет шел на доли секунды, а эти мастера «бычьей» атаки были настроены на жесткое и жестокое подавление сопротивления объекта л ю б ы м способом, вплоть до открытия огня на поражение.

Четвертого омовца он не увидел, зато почувствовал спиной и сделал кувырок назад через голову, уже в полете находя противника и нанося ему слепящий удар ладонью по лицу в маске. Приземлился на пальцы ног, ввинтился в поворот, как бы обходя парня слева, и зацепил его коленом левой ноги, чтобы тут же отбить кисть руки, вцепившуюся в рукоять автомата, и мощно, на выдохе, ударом в голову переброшил тело противника через бордюр набережной.

Обычно инструкторы рукопашного боя спецподразделений обучают своих подопечных использовать все приемы, которые с наибольшей эффективностью выводят противника из строя. Если в спортивных школах запрещается наносить удары в висок, в горло, по ключицам и ребрам, по почкам и

легким, по ушам, в пах, в спину между лопатками и так далее, то есть запрещается поражение жизненно важных точек во избежание травм, то в центрах спецподготовки на это делается основной упор. Противник должен быть выведен из строя как можно быстрее, а что будет с ним потом, никого особенно не волнует: выживет — хорошо, не выживет — на войне как на войне.

Этих парней учили действовать именно так, а виноват ли объект в чем-то или нет, их не заботило: приказ был — обезвредить опасного бандита любым способом, — а приказы положено выполнять и лишь потом задумываться о степени вины подозреваемого человека. Но и Антон хорошо знал особенности организации подобных мероприятий, нередко заканчивающихся гибелью ни в чем не повинных людей, поэтому ответил в той манере, которая была наиболее эффективна и эффективна и на какое-то время обеспечивала ему преимущество. Сдаться же «на милость» ОМОНа в данном случае означало быть зверски избитым или покалеченным, а главное, что Валерию тоже не пощадили бы, и Антон нырнул в «пустоту» боевого транса без колебаний и сомнений.

Омоновец, выворачивавший руку Валерии и уже собиравшийся ударить ее по лицу, вдруг взмыл в воздух и перелетел через парашют набережной вслед за своим напарником. Мордоворот в камуфляже, с трудом поднявшийся после удара по горлу, нарвался на еще один жестокий удар снизу вверх в промежность, а двое верзил, подбегавших с двух сторон к Антону, попали в «петлю турникета», столкнулись друг с другом, и были последовательно добиты ударами ребром ладони по затылку, вылетая из «кучи-малы» боя с тротуара на проезжую часть. Таким образом, из десяти омоновцев, десантировавшихся из машин для захвата «опасного преступника», семеро были повержены и не могли продолжить бой уже в течение первой минуты операции, оставшиеся же трое, хотя и соображали туго, все-таки поняли, что происходит нечто не предусмотренное планом, и попытались изменить ход событий. Двое из них набросились на Антона, пустив в дело ножи, а двое зашли ему в тыл, снова угрожая захватить Валерию. Вмешался в схватку и командир группы ОМОНа, сообразивший вызвать подмогу и доставший пистолет.

И в это время в бой вступил Илья Пашин, вывернувшийся из-за спин собравшихся на противоположной стороне улицы зевак.

Он на ходу вырубил шофера «Форда», выцеливающего Антона на манер американских шерифов — с двух рук, пригнувшись, затем отобрал пистолет у командира группы и отшвырнул от Валерии одного из бойцов ОМОНа, так что тот завертелся волчком и грохнулся боком на бордюр. Второй боец, ошалевший от неожиданности, направил на Пашина автомат, но на спусковой крючок нажать не успел: Валерия сняла туфлю и ударила парня в лицо, попав каблуком прямо в прорезь маски. С воплем тот схватился за глаз, направил ствол автомата в ее сторону, и Антон, освободившийся в этот момент, ударил его по руке и одним движением перебросил через парапет в воду.

На мгновение все замерли.

Шестеро представителей закона в пятнистых комбинезонах лежали на тротуаре и на дороге возле мигающих синими проблесковыми маячками милицеских машин. Трое плавали в реке. Один полз в сторону на четвереньках, скуля от боли. Командир группы захвата тянул из-под ремня еще один пистолет. И, открыв рот, глазели на происходящее с моста и по обе стороны набережной проходившие мимо люди, среди которых Антон вдруг заметил парней в черном, прикрывающих своего босса, депутата Козлового. Правда, он тут же отступил за спины, спрятался в машине, однако его одутловатую, поросшую рыжей щетиной физиономию невозможно было спутать ни с чьей. Антон понял, что депутат исполнил-таки свою угрозу, сообщив в милицию о нападении на «особо важную персону» и обрисовав портрет Громова. Вероятно, депутат имел в ОМОНе друзей, ничем другим объяснить нападение на Антона и Валерию было невозможно.

— Стоять! — сказал Илья, направляя на побелевшего командира группы отобранный у омовца автомат. — Еще раз повторяю: произошла ошибка. Я Илья Пашин, президент Международной ассоциации школ выживания. Это мой сотрудник Громов. Давайте разберемся, в чем дело.

— Разбираться будем в другом месте. — Старший лейтенант ожил, воодушевленный звуками сирен: по Крымскому мосту мчалась кавалькада машин с подмогой. — Положите оружие и сдавайтесь!

Илья посмотрел на Антона, на Валерию, придерживающую рукой разорванное платье, кивнул.

— Хорошо, мы согласны. Едем в участок. Только я предварительно позвоню. — Он достал сотовый телефон, набрал

номер, подождал ответа и коротко обрисовал кому-то ситуацию. Потом положил автомат на асфальт и взял под руку Валерию.

— Мы готовы.

Командир группы ОМОНа кивнул своим подчиненным, и те окружили троих драчунов, направив на них оружие, но не приближаясь ближе чем на метр. Они еще опасались Антона, способного превращаться в тихий ураган и ломать руки и челюсти. Примчавшимся на помощь товарищам побитых спецназовцев пришлось лишь наблюдать за погрузкой и отправкой пленных, и о том, что здесь произошло, они узнали позже.

Когда Илья понял, что везти их собираются в разных машинах, он оглянулся на командира группы, уже пришедшего в себя и напустившего лихой вид.

— Прошу вас, отправьте нас вместе.

И получил ответ — толчок в спину стволом автомата и ругательство.

— Топаи молча, президент! Сейчас ты у нас в отделении кровью умоешься за нападение, еще не то запоешь!

Антон, которого вели под руки двое верзил в камуфляже, услышал фразу главного омовца, оглянулся было, но получил удар в спину и едва не упал. Покорно шагнул дальше и услышал тихий вскрик Валерии:

— Не трогайте меня, я сама!

Затем послышались мат, возня, сдавленный стон, и Громов, которого уже согнули пополам, чтобы втолкнуть в кабину «Форда», снова вошел в состояние боевого транса с его внутренней «пустотой» — полным отключением от посторонних мыслей и эмоций.

На сей раз он «работал» с гораздо большей скоростью и силой, на пределе возможностей, полностью задействовав весь психофизический резерв и весь арсенал приемов пресечения боя, в том числе предельно жестких, потому что вдруг понял, что останавливаться нельзя: темная сила продолжала влиять на события, контролировала сознание омовцев и готовила ловушку. Следовало как можно быстрее перехватить инициативу, выявить «контролера» — не господин ли Козловой? — и заставить его отступить. В противном случае ничто не гарантировало пленникам не только умного и справедливого разбирательства инцидента, но и свободы, а возможно, и жизни.

Илья вступил в схватку мгновением позже, но Антон о

нем не беспокоился, ощущая его частью себя и зная, что Пашин не подведет. Уровень этого знания превышал возможности нормального человека, однако лишь много времени спустя эффект синхронной оценки ситуации и одинакового понимания плана атаки стал понятен обоим.

В данный же момент они начали обычную по их понятиям воинскую работу в реальных боевых условиях, и остановить их не смогло бы, наверное, и более подготовленное подразделение спецназа.

Антон сам нырнул в кабину головой вперед, выбивая ударом кулака сажающегося с другой стороны омоновца, вторым движением вывернулся из кабины, «насаживая» на прием еще одного спецназовца, отобрал у него в падении автомат и перекатился через капот машины, сшибая с ног третьего.

Парней, впихивающих в соседний «Форд» Валерию, он буквально «зарубил»: одного — ударом приклада по стриженному мясистому загривку (войка был без шапочки-маски), другого — «клювом орла» в висок. Выдернул Валерию из машины обратно, заметив ее прикушенную губу и слезы в глазах; она была потрясена обращением стражей порядка чуть ли не до шокового состояния.

В этот момент к ним подскочил Илья — тоже с автоматом в одной руке и ножом в другой. Вдвоем они отбили атаку четверки ОМОНа, отбили жестоко, ломая кисти рук, разбивая носы и челюсти, затем Илья дал очередь в воздух (растущая толпа на прилегающих к месту событий площадках шарахнулась прочь) и, в то время как Антон захватил командира отряда, приставляя к его виску ствол автомата, заорал:

— Всем лечь! Оружие на землю! Командир группы поддержки — ко мне для переговоров!

Среди окруживших их спецназовцев прибывшего отряда произошло замешательство. Стрелять они не могли, рискуя попасть в своих товарищей, а ствол автомата Пашина смотрел на них уверенно и веско. Затем меж пятнистых фигур появилась еще одна, ниже ростом, с майорскими звездочками на плечах. Лицо командира подъехавшей на помощь группы ОМОНа было коричнево-красноватым от загара, светлые глаза смотрели настороженно и внимательно, и думать этот молодой еще мужик умел.

— Возьмите мое удостоверение, — протянул ему зеленую книжечку Илья. — Произошло недоразумение. Думаю, в ближайшем будущем кое-кто из ваших коллег заплатит за это

нападение погонами и карьерой. Сейчас сюда приедет начальство, оно и разберется, кто прав, кто виноват. А пока что уберите своих людей, чтобы ни у кого не возникло желания отличиться, мы же с вашим коллегой, — Илья кивнул на бледного до синевы старшего лейтенанта, которого держал Антон, — постоим тут в сторонке, тихонько, никому не мешая.

Майор остро глянул на Пашина, оценивающе — на Громова, на Валерию и подозвал одного из своих подчиненных:

— Дерюгин, оцепление — десять метров. Очистить проезжую часть, зевак в шею! — Майор отвернулся, достал рацию, что-то сказал и повесил обратно на ремень.

Омоновцы быстро выполнили приказание, часть из них направилась рассеивать растущую толпу, остальные окружили группу Ильи, сверля их глазами, готовые, если придется, применить оружие. Антон ослабил хватку, продолжая удерживать старлея-омоновца в заложниках, посмотрел на Илью и встретил его взгляд, красноречиво говоривший: ну и влипли мы с тобой, мастер! Ответил таким же красноречивым взглядом: мы ни в чем не виноваты!

Солнце село, стало быстро темнеть, зажглись фонари.

Валерия держалась молодцом, но было видно, что она вот-вот разрыдается. Тогда Антон передал старшего лейтенанта Илье и обнял женщину за плечи, чувствуя, как она вздрагивает от нервного озноба. Шепнул:

— Все будет в порядке, потерпи немного.

— Обидно, — прошептала Валерия, немного расслабляясь. — За что они нас так? Что мы сделали?

Антон хотел сказать, что все это похоже на засаду или, скорее, на месть господина Козлового, обиженного тем, что ему, такому известному среди депутатской братвы, не дали прокатиться на речном трамвае, поискал его глазами, и ему вдруг показалось, что неподалеку мелькнула знакомая тень — призрак из метро. Антон напрягся, усилием воли подводя организм к состоянию медитативной «пустоты», и явственно увидел голову призрака и плечо, высовывающиеся из тела широкоплечего омоновца, оттеснявшего толпу зевак с проезжей части набережной на тротуар.

В то же мгновение призрак словно почувствовал, что его засекли, быстро перебежал в тело прохожего и нырнул в толпу. Еще несколько раз мелькнула его прозрачно-кисейная, как клуб тумана, голова, исчезла. И сразу же возбуждение

толпы, а вместе с ней и омовцев чудесным образом спало, люди стали расходиться, а спецназовцы перестали стискивать потными руками автоматы и опустили стволы, будто внезапно поняли, что произошла ошибка и перед ними не бандиты, а нормальные люди.

Илья отпустил старшего лейтенанта, ошалевшего от всего пережитого, вернул ему автомат, и тот было открыл рот, чтобы отдать приказание своим подчиненным, но майор вновь прибывшего отряда опередил его, подозревая к себе. Лицо омовца приобрело кислый вид, но все же он послушался, и ситуация разрядилась окончательно. Наваждение прошло.

Помощь прибыла через полчаса, когда уже совсем стемнело.

Сначала подъехал на белой «Волге» со спецномером Юрий Дмитриевич Гнедич, предъявил майору ОМОНа свое удостоверение, поговорил с ним и подошел к задержанным.

— Что тут у вас произошло?

— Потом объясню, — сказал Илья. — Ты им можешь приказывать? Нас отпускают?

— Приказывать им я не имею права, но могу позвонить начальству, оно что-нибудь придумает. Как вы здесь оказались? Почему подняли кипеж?

— Потом, потом. Просто поехали прогуляться по Москве. Подождем немного. Кроме тебя, я позвонил еще кое-кому, если он не придет, свяжешься с начальством.

Гнедич покачал головой, с сомнением оглядел всех троих, отвел в сторонку жену и заговорил с ней. Антон встал рядом с Ильей, оперся спиной о парапет.

— Хорошо у нас поход начинается... хотя, похоже, это я во всем виноват.

— А я вот думаю, что это не случайно. Нам действительно начинают активно мешать, не брезгуя ничем. Ты ничего странного не углядел?

Антон помолчал и, все еще находясь под впечатлением встречи с призраком, рассказал Пашину о своих «видениях». Тот хмыкнул:

— То-то я заметил перемену в поведении этих лоботрясов, словно дышать стало легче. А ведь нам, кажется, придется вести войну не с обычными людьми, а с колдунами, с черной магией. Тебя это не пугает, мастер?

— Меня нет. — Антон подумал. — Но с нами в поход идут женщины...

— То-то и оно. — Илья вздохнул, отворачиваясь.

Гнедич перестал допрашивать жену, подошел к друзьям, с неопределенным интересом оглядел Громова.

— Я сейчас вернусь, ничего не предпринимайте самостоятельно.

— Да мы и не собирались ничего предпринимать, — усмехнулся Илья. — Все, что могли, уже сделали.

Юрий Дмитриевич хмуро посмотрел на него, еще раз на Антона, отошел, но уехать не успел. Прибыла еще одна «группа поддержки» во главе с генералом Михайловым. Сергей Артурович прикатил с целой бригадой оперативников и был одет по всей форме — в генеральский мундир и брюки с лампасами, что сразу повысило его статус в глазах омовцев. Он подошел к майору, командиру отряда, отозвал его в сторонку и несколько минут что-то говорил. Что именно он говорил, какие доводы привел, осталось неизвестным, но на майора ОМОНа это произвело впечатление. Он козырнул, отошел к своим подчиненным, отдал приказ, и через минуту отряд милиции особого назначения расселся по машинам и уехал.

Генерал, прихрамывая, подошел к смущенно улыбнувшемуся Пашину, поздоровался с Гнедичем.

— Конфликтовать с ОМОНам последнее дело, Илья Константинович. Что вы не поделили?

— ОМОН вызвал депутат Козловой, знаешь такого деятеля в Думе?

— Кто ж его не знает, достойный преемник Жириновского и Марычева, такие спектакли устраивает, что любо-дорого посмотреть. В малиновых пиджаках часто разъезжает либо в лимонного цвета костюмах и в золотых цепях. Значит, тебе посчастливилось с ним познакомиться?

— Не мне, вот им. — Илья кивнул на Антона и бледную Валерию. — Депутату захотелось покататься на речном трамвае, а так как он мужик желания, то тут же начал высаживать пассажиров.

— Дальше можешь не рассказывать, все понятно. Твой друг дал отлуп, господин Козловой зело обиделся и вызвал подкрепление. Ладно, поехали отсюда, мне надо быть в другом месте.

— Я лучше к тебе потом заскочу.

— Подбросить?

— У меня машина.

— Тогда до встречи. Не переходи дорогу больше депутатам типа Коленьки Козлового.

Михайлов пожал мужчинам руки и уехал в сопровождении трех неразговорчивых парней в штатском.

— Большой человек, — неопределенным тоном сказал Гнедич, глядя ему вслед. — Меня ОМОН не послушался. Интересно, что он им сказал, чем пригрозил? — Подполковник оглянулся. — Ну что, поехали и мы? А то народ глазееет, как на сбежавших из зоопарка шимпанзе.

— Езжайте, — отозвался Илья. — Мы на своем транспорте.

— Может, отложим поход? Перенесем отправление на день-два? Ты как, Лерочка?

— Я не хочу оставаться в Москве, — твердо заявила Валерия и пошла по тротуару к машине Гнедича, оглянувшись через несколько шагов. — До свидания, Илья, Антон, утром я вас жду.

Гнедич посмотрел ей вслед, перевел взгляд на друзей, покачал головой.

— Отличное начало экспедиции получается, господа путешественники. Не нравится мне это. Ну, бывайте, до завтра.

Он догнал жену, усадил в машину и уехал.

Антон поглядел на Илью, и тот, похлопав его по плечу, сказал:

— Не бери в голову, мастер. На твоём месте я поступил бы точно так же. Нельзя допускать, чтобы хамы и бандиты садились нам на голову. Мы не рабы, как писали когда-то в школьных учебниках.

Антон с грустью согласился. Валерия уехала, и мир вокруг опустел. И еще оставались сомнения: стоило ли такой ценой доказывать, что «мы не рабы»?..

Глава 10

ВПЕРЕД И С ПЕСНЕЙ

Ежась от свежего ветерка — утро выдалось холодным и хмурым, под стать настроению, — они погрузили в машины все экспедиционное добро, добытое Ильей за два дня сборов, и заскочили к нему домой попить горячего чаю и кофе.

Тымко был мрачен и неразговорчив, он ничего не знал о событиях прошлого вечера, а Илья сам начинать рассказ не

хотел. Антон же и вовсе не собирался общаться с Серафимом без крайней нужды. Так, молча, обмениваясь междометиями и взглядами, они позавтракали и спустились во двор к машинам.

— Едем за Гнедичами, — сказал Илья, залезая в свою красивую «Альфа-Ромео». — Потом за Анжеликой, она ближе всех к Ленинградскому шоссе живет.

— Я могу сразу за ней поехать, — буркнул Серафим. — Встретимся за кольцевой, у заправки.

Илья подумал и кивнул.

— Давай.

Тымко уехал.

Антон посмотрел вслед «Газели», на серое небо, и ему вдруг снова показалось, что кто-то наблюдает за ними исподтишка, словно сквозь занавеску на окне.

— У меня нехорошее предчувствие, — сказал он, залезая в кабину машины.

— У меня тоже, — невесело отозвался Илья. — Но ехать надо, раз собрались. К тому же меня ждут.

Антон понял, что он имеет в виду Владиславу.

Они выехали со двора на Большую Тихоновскую улицу, слышали какой-то тяжкий всхлип и удар, подбросивший машину на амортизаторах, и почти сразу же наткнулись на «Газель», перед которой во всю ширину улицы зиял огромный, еще парящий провал глубиной в метр. Впечатление было такое, будто часть улицы с тротуарами просела в пустоту, асфальт лишь потрескался да пошел буграми и ямами.

На краю образовавшегося котлована уже стояли люди, вышедшие из домов по своим делам в такую рань. Серафим тоже находился здесь, оглянулся, когда подъехала машина Ильи. Лицо его блестело от пота, глаза были круглые, и стыло в них суеверное изумление.

— Я еле успел затормозить, — сообщил он радостно и громко, размахивая руками. — Вспомнил, что забыл у тебя свой ножик, начал останавливаться, чтобы развернуться, а впереди как ухнет! Я по тормозам!..

Илья и Антон переглянулись, подошли к «Газели», передние колеса которой остановились буквально в нескольких сантиметрах от края провала.

— Еще одно предупреждение, — хмыкнул Илья.

Антон кивнул.

— Если и дальше все будет происходить в таком же духе...

— Им меня все равно не остановить!

— О чем вы? — неприязненно спросил Серафим. Возбуждение его прошло, лицо приобрело прежнее мрачное выражение.

— Эта ямка возникла не случайно, — кивнул на провал Илья. — Если бы ты не притормозил заранее, машина лежала бы сейчас там и экспедицию пришлось бы отложить. Нас пытаются остановить любым способом, поэтому придется держаться вместе и реагировать на опасность по-боевому, мгновенно.

— Как такое возможно? Асфальт провалился, наверное, от старости... или от того, что там раньше пустоты были, подземные коммуникации...

— Так ровно он просесть не мог, ему помогли. Ладно, поехали. Будешь следовать за нами. Вместе заедем за Гнедичами и Анжеликой.

Ошеломленный Тымко почесал в затылке, оглянулся на котлован, и до него, очевидно, дошло, какой опасности он избежал. Изменившись в лице, Серафим забрался в кабину и дал задний ход.

На пути к дому Валерии больше никаких сюрпризов не случилось. Тымко держался сзади как привязанный и вел «Газель» дисциплинированно, без обычного ухарства, ошарашенный не тем, что перед его машиной внезапно провалился асфальт, а отсутствием последствий, то есть тем, что катастрофы не произошло.

На Гнедича рассказ путешественников особого впечатления не произвел, он всегда готов был объяснить любое чудо комбинацией естественных факторов. Таково было кредо службы. Валерия же восприняла случившееся серьезно.

— Никаких случайностей не бывает, это хорошо организованная кем-то цепь событий. Может быть, возьмем с собой журналистов, телерепортеров? Тогда нашим преследователям трудно будет замять это дело, заставить нас отказаться от намерений.

— Я не хочу поднимать шум вокруг экспедиции, — покачал головой Илья. — Чем меньше людей знает, куда мы направляемся и зачем, тем лучше. А телерепортаж я сделаю сам.

— Тогда пошли пить кофе. И будем предельно бдительны, господа искатели приключений.

— Мы уже завтракали.

— Может быть, вы, Антон?

Валерия как бы провела между ними черту, снова переходя на «вы», и Антон не сразу понял, что говорится это в присутствии мужа.

— Спасибо, я, пожалуй, выпью чашечку.

Немного поколебавшись, Илья тоже остался пить кофе, и лишь Тымко, все еще находившийся под впечатлением недавнего обвала дороги на Большой Тихоновской, остался у машины, то и дело принимаясь обходить ее кругом, толкать, гладить и пинать колеса ногой.

Процесс кофепития длился недолго, почти в полном молчании, и вскоре они уже ехали за Анжеликой, внимательно глядя на дорогу. Антон сидел рядом с Валерией на заднем сиденье пашинской машины, и от этого у него слегка кружилась голова (сказывалось четырехлетнее отсутствие связей с женщинами). Валерию же, похоже, совсем не смущала близость Громова, потому что она ни разу не отодвинулась, даже когда инерция поворота прижимала ее к спутнику. Юрий Дмитриевич этого не замечал. Он был спокоен, сосредоточен, изредка перекидывался с Ильей малозначащими фразами, но больше молчал.

Врач экспедиции ждала их возле своего дома на Беломорской улице, одетая по-походному в ветровку, джинсы и кроссовки. Весь ее багаж состоял из небольшого рюкзака ядовито-зеленого цвета и черной сумки с красным крестом и оранжевым кругом на кармане — комплектом скорой помощи для спортсменов. После недолгих переговоров она, к радости Серафима, села к нему в кабину, и кортеж из двух машин выехал за пределы Москвы. А уже на четвертом километре от МКАД они заметили слежку. Вернее, на следовавшую за ними черную новую «Волгу» обратил внимание Тымко и тут же сообщил по рации Илье, спрашивая, что делать.

— Ты уверен, что «Волга» идет именно за нами? — уточнил Пашин.

— Как привязанная.

Сидящие в салоне «Альфа-Ромео» обменялись взглядами.

— Что предпримем?

— Может, попробуем оторваться? — неуверенно предложила Валерия.

— На своей мы бы оторвались, но «Газель» с такой скоростью не ходит.

— Можно попытаться взять их в «коробочку», — проговорил Антон. — Давайте обгоним «Газель», спрячемся, пропус-

тим «Волгу» и пристроимся сзади. Потом Серафим тормозит...

Только внимательный глаз мог бы заметить внезапное волнение Юрия Дмитриевича. Подполковник изменился в лице, но тут же сделал вид, что просто растирает щеку.

— Хорошая идея. Только я предложил бы не пороть горячку. Может быть, Серафиму показалось, что «Волга» следует за нами. Проедем пару десятков километров, остановимся у какого-нибудь кафе и посмотрим на поведение «Волги». Если седоки следят за нами, они тоже остановятся либо перехватят нас дальше.

— Так и сделаем, — согласился Илья после недолгих размышлений.

Однако разоблачать преследователей не пришлось. Уже через четверть часа «Волга» обогнала машины экспедиции и ушла вперед.

— Я же говорил, — с некоторым облегчением проворчал Гнедич. — Серафим просто перебдил.

— Это он после провала дороги стал такой внимательный, — засмеялась Валерия. — Да и перед Анжеликой хочется покрасоваться.

Илья промолчал. Несмотря на то что «Волга» оказалась вне подозрений, ощущение скрытого преследования у него осталось. Такое же ощущение сложилось и у Антона, и лишь присутствие Валерии мешало ему перейти в состояние медитационной «пустоты» и определить, направлены на них «потoki внимания» со стороны или нет.

Впрочем, вскоре все успокоились: погода была прекрасная, дорога ровная, транспорт шел редко, и стало казаться, что все неприятности остались позади.

За Тверью остановились у придорожного кафе, перекусили и двинулись дальше. Проехали Торжок, Вышний Волочек, Выпolzовo, любуясь старинными церквями и кремлями древних русских городов, а у Валдая путешественников остановил пост ДПС. Шоссе здесь было перекрыто двумя «Фордами» с мигалками на крышах, и губдовцы (бывшие гайшники) с автоматами останавливали идущие в сторону Валдая автомашины, досматривали их и поворачивали обратно.

Илья пристроился в хвост образовавшейся очереди, окликнул шофера проезжавшего мимо «Фиата-Пунто»:

— В чем дело, коллега? Что там происходит?

— Да хрен их знает! — в сердцах отозвался немолодой се-

доватый водитель. — Говорят, город закрыт, а причин не называют, теперь вот придется ехать проселком.

— А объездная тоже закрыта?

— Не знаю, я из Вышнего Волочка ехал.

«Фиат» укатил, ведомый расстроенным мужичком.

Илья посмотрел на своих спутников, хмыкнул.

— Сдается мне, это по наши души. Не получилось задержать в Москве, пытаются здесь, на перегоне. Хотя в толк не возьму, какой в этом прок, ведь мы все равно проедем, часом раньше или часом позже.

— Значит, этот час тоже имеет значение, — проговорила притихшая Валерия.

Антон был того же мнения, но по обыкновению промолчал.

— Мне кажется, вы слишком серьезно относитесь к таким вещам, — сказал Гнедич. — Все происходящее вполне укладывается в обычные реалии жизни, в том числе и провал дороги. Никакие мистические силы нас не преследуют. Вот сейчас спросим у гаишников, и все выяснится.

— Что нам остается...

Через десять минут «Альфа-Ромео» и «Газель» экспедиции добрались до передвижного поста, и Пашин, подавая офицеру ГУБДД права, поинтересовался:

— Что случилось, командир? Нам в Валдай не надо, мы едем в Парфино, по объездной.

— Откройте багажник, — бросил губдовец, не возвращая права.

— Что происходит? — перестал излучать добродушие Илья. — Кого-то убили, ограбили, у вас есть документ, разрешающий обыскивать машины?

Серые, какие-то осоловелые и тусклые глаза капитана ГУБДД на мгновение прояснились, в их глубине всплыла угроза. Он отступил назад, берясь за рукоять пистолета, выглядывающую из кобуры на ремне.

— Выходите!

Двое подчиненных капитана навели на пассажиров «Альфы-Ромео» автоматы, и в начинающийся инцидент вмешался Юрий Дмитриевич. Он достал удостоверение офицера ФСБ, вылез из машины и показал губдовцу, не отдавая в руки. Понизил голос:

— В чем все-таки дело, капитан? Мы едем по важному заданию, и времени у нас в обрез. Кстати, представьтесь.

Капитан нехотя козырнул.

— Спецбатальон губернской ГУБДД, капитан Кузьмин. Нам приказано никого не пускать в город...

— Почему?

— Да черт их знает! — со злостью бросил офицер. — Слышал краем уха, что по Валдаю якобы президент катается, отдыхает он в своей резиденции в здешних местах.

— Ну и что? Я же говорю, мы в Валдай заворачивать не собираемся. Дай машину, пусть проводит нас до объездной трассы.

— Не могу, — с сожалением развел руками капитан, глаза его снова стали тусклыми и сонными. — Придется вам ехать другим путем, по деревням, если спешите.

— Да мы тут дорог не знаем.

Офицер махнул рукой одному из губдовцев.

— Лыркин, проводи людей через Добывалово, Каменку и Бор. Дальше они сами выберутся.

Губдовец сел за руль крайнего «Форда», включил мигалку и повернул в сторону от Валдая. Юрий Дмитриевич сел на место, Илья взял свои права и направился вслед за машиной ГУБДД, махнув рукой Тымко, чтобы тот следовал за ним. Антон вдруг почувствовал знакомый липкий взгляд, оглянувшись, но пост ГУБДД уже скрылся за машинами, и определить, кому принадлежит взгляд, было невозможно.

Километров десять они петляли по лесным и проселочным дорогам за милицейским «Фордом», пока тот наконец не остановился на развилке дорог и не махнул рукой вправо:

— Езжайте мимо деревни, проедете еще две деревеньки, Гагрино и Середю, потом выедете на дорогу под Угрино, а там уже и Яжелбицы недалеко.

— Спасибо, — поблагодарил Илья мальчишку-губдовца, вылез из машины.

«Форд» развернулся и, вздувая за собой хвост пыли, помчался обратно.

Подъехал Тымко, тоже вылез из кабины «Газели», а вслед за ним вышли и все члены экспедиции.

— Не нравится мне это, — признался Гнедич, оглядывая лес по сторонам.

— Нам тоже, — отозвался Пашин. — Давайте-ка приведем себя в порядок, раз уж остановились, попьем чайку и обсудим положение. Мужчины направо, дамы налево.

Все разошлись, переговариваясь. Тымко допытывался у Ильи, что случилось, почему они поперлись таким маршру-

том, их голоса были слышны из-за деревьев, и Антон отстал. На дорогу он выбрался первым и сразу же снова почувствовал тот же нехороший взгляд, от которого холодела спина и в затылке появлялось ощущение вбитого гвоздя.

Прислушиваясь к доносящимся с двух сторон дороги голосам, Антон прошелся по дороге туда-сюда, настраивая организм к переходу в «пустоту», и явственно увидел под ногами растущее, наливающееся чернотой темное пятно. Испугавшись, отпрыгнул назад. Однако ничего не случилось, дорога была как дорога: колеи от машин, следы копыт, песок, глина, мелкий гравий, пыль. И тем не менее стоило ему сосредоточиться и направить взгляд вниз, под поверхность дороги становилось видно расширяющееся, будто в него извне вливалась черная, как мазут, жидкость, пятно.

Антон сошел с дороги на обочину и оглянулся.

Впереди, перед стоящими машинами, лес расступался, открывая справа вид на крыши небольшой деревушки, в том же месте, где стоял Громов, дорога сужалась, ныряя в неглубокий овраг с топкими болотистыми берегами. Вывод напрашивался сам собой: стоит здесь соорудить какое-нибудь препятствие, и назад проехать будет уже невозможно. Антон хотел крикнуть Илье, чтобы тот возвращался, но почувствовал, что счет идет на секунды, и бросился к машинам.

«Газель» он отогнал за овраг задним ходом, потому что разворачиваться здесь было негде, «Альфа-Ромео» с трудом, по кустам и буграм, но развернул, не обращая внимания на крики и жесты выскочивших из леса спутников, и приткнул к грузовичку. И, еще не успев выбраться из кабины, почувствовал странный тяжкий всхлип, гул и удар, подбросивший машины на рессорах. Выскочил наконец, поворачиваясь лицом к оврагу, и точно посреди оврага, в том месте, где он видел черное пятно, рассмотрел громадную, метров двадцати в диаметре и двух метров глубиной воронку, в которую уже устремились ручейки воды с болотистых поверхностей низины. Подбежавшие к воронке с другой стороны члены экспедиции молча смотрели вниз, в провал, заполняющийся черной и серовато-зеленой жижей.

Привал Илья сделал, отъехав от места неожиданного катаклизма на несколько километров. Двигались медленно, все время ожидая новых каверз со стороны неизвестных сил, однако больше ничего странного не происходило, если не счи-

тать сопровождение колонны низко летящим ястребом. И, выехав на асфальтовую дорогу, Пашин остановил «Альфа-Ромео». Все снова повывлезали из кабин и собрались у борта «Газели», поглядывая то на небо, то на почти пустое шоссе, то друг на друга.

— Кажется, нас хотели задержать, — высказал свое мнение Юрий Дмитриевич, выглядевший непривычно озабоченным и хмурым. — Или направить туда, откуда мы уже не смогли бы выбраться без посторонней помощи.

— Вы же не верите в мистику, — усмехнулся Илья.

— В мистику не верю, — отрезал Гнедич. — В то, что за нами следят и искусно устраивают препятствия, верю.

— А как вы объясните образование котлована на дороге? Причем не одного — двух, в Москве и здесь?

— Очень просто — сработали взрывные устройства определенного типа. Вряд ли ваша магия, которую вы воспринимаете всерьез, способна работать, как мина с часовым механизмом.

— Почему с часовым? Возможен и дистанционный взрыватель, так сказать, радиовзрыватель. Только если наши преследователи — обыкновенные люди, то они и не профессионалы вовсе, потому что взрывают свои мины не там, где нужно. Чтобы нас остановить, достаточно взорвать мину под любой из машин, а они безнадежно промахиваются. Нет, я уверен, Антон действительно видел образование магической ловушки, стекание черных сил.

— Тогда зачем этим силам делать дырку в дороге?

— Чтобы мы не могли вернуться назад тем же путем. Думаю, впереди нас ждала еще одна такая ловушка, где-нибудь на узком месте посреди болот или на мосту, и уж тогда мы бы застряли здесь надолго.

— Что предлагаешь делать?

— Ехать по шоссе дальше.

— Нас же снова гаишники тормознут, — буркнул Тымко.

— Тогда и будем думать, как выходить из положения. Но сдается мне... — Илья не договорил.

Гнедич покусал сорванную травинку, размышляя над предложением, потом махнул рукой и полез в кабину.

— Тронулись.

Антон почувствовал легкое прикосновение к локтю пальцев Валерии, поглядел на нее вопросительно.

— Ты молодец, — шепнула женщина с улыбкой.

— Да что там... — смущенно пробормотал он, удивленный и обрадованный похвалой.

Расселись по машинам, поехали дальше, общим счетом потеряв полтора часа времени на объезд и возвращение, и с недоверчивым изумлением обнаружили, что пост ДПС на подъезде к Валдаю снят.

— Он сделал свое дело, — сказал Илья, проезжая место, где стояли милицейские «Форды», — послал нас туда, где Макар телят не пас, и был таков. — Пашин поглядел на Юрия Дмитриевича. — Ну, полковник, теперь поверишь в нечистую силу или снова будешь талдычить о случайных совпадениях и о научной логике?

Гнедич промолчал.

Валдай они объехали стороной по окружной трассе, нигде больше не встретив постов ГУБДД. Так же спокойно, без инцидентов и остановок добрались до Демьянска и во втором часу дня были уже в Парфино. И первый, кто встретил их на пороге дома Федора Ломова, дядьки Ильи по материнской линии, был дед Евстигней.

— Уж не чаял увидеть тебя снова, сынок, — сказал он, пожимая руку Ильи своей сильной, отнюдь не старческой рукой. — Заждался тебя кое-кто.

— Владислава? — воскликнул, не сдержавшись, Илья, оглянувшись на подходивших следом товарищей, понизил голос. — Что с ней? Вы знаете? Как там она?

— Все так же, — усмехнулся в усы старик. — Батрачит на родственников, песни поет, тебя ждет, вот только не выпускают ее гулять одну, сторожей приставили.

— Сейчас же едем туда! — дернулся Илья, но дед Евстигней остановил его, нахмутив седые брови.

— Не торопись, сынок, все обмозговать надо, прежде чем идти на Стрекавин Нос. Твоя красуня никуда не денется, а если будешь торопиться и ошибки плодить, упрячут ее так, что и не найдешь никогда.

Илья опомнился, смущенно проговорил:

— Прости, дедушка, погорячился. Нам проводник нужен, поможешь?

— И о проводнике погутаим вечером, и о других делах. А это кто с тобой приехал?

Илья представил всех членов экспедиции и был немного озадачен реакцией старика. Волхв довольно равнодушно поздоровался со всеми, а вот руку Антона держал в своей долъ-

ше и произнес загадочную фразу, смысл которой стал понятен Пашину, да и самому Антону чуть позже:

— Ну, коли су-дарш ратибор с нами, есть надежда. Двое вас теперь, а где двое — там орда.

Дед Евстигней отпустил руку Антона и ушел, пообещав заявиться в гости вечером. Настала очередь хозяев встречать гостей. На крыльцо вышел могучий Федор Ломов, появились его жена с доброй улыбкой на лице и дочь Леночка, не было видно только Данилы, но он, как выяснилось, еще с утра умчался с друзьями на рыбалку.

Познакомившись со всеми, гости гурьбой направились в дом, где уже суетилась хозяйка, накрывая на стол. Федор повел приехавших показывать свое хозяйство, женщины остались было в доме помогать Елене Кондратьевне, но потом Валерия с Анжеликой тоже вышли во двор и присоединились к мужчинам.

Улучив момент, Антон негромко спросил у Ильи:

— Не знаешь, что имел в виду твой старик-волхв? Что такое су-дарш? Ратибор, как я понимаю, это воин. А при чем тут орда?

Валерия, оказавшаяся в этот момент поблизости, услышала вопрос.

— Су-дарш — это санскритское слово, а точнее, древнерусское, и означает оно «прекрасно смотрящийся». Отсюда наше старинное обращение «сударь», «сударыня». А орда — также древнерусское слово и означает оно — «войско», «армия».

— Орда — армия? — не сдержал удивления Антон.

Валерия с сожалением посмотрела на него.

— Ты не читал исследований академика Фоменко?

Антон хотел напомнить ей, что просидел в тюрьме четыре года, но вместо этого пробормотал:

— Нет.

— Ничего, этот пласт информации от него не уйдет, — заметил Илья, догоняя ушедших вперед Федора, Серафима с Анжеликой и Гнедича. — Я тоже только недавно удосужился изучить материалы о заговоре против подлинной русской истории.

Антон задумчиво посмотрел ему вслед. Валерия взяла его за руку, повлекла за остальными.

— Я тебе как-нибудь в свободное время лекцию прочитаю об этом, хотя вряд ли ты обрадуешься открывшейся исторической бездне.

— О каком заговоре все-таки идет речь?

— Илья назвал его точно: заговор против истинной русской истории существовал и действует до сих пор, а речь идет о гнуснейшем искажении истории нашего отечества в угоду тем, кто заинтересован в сокрытии тайн восшествия на престол династии Романовых, а главное — в уничтожении рода русского, якобы рода рабов, стонавших под непосильным бременем трехсотлетнего татаро-монгольского ига, не имевших своей культуры.

— А разве не было ига?

— Не было, Антон Андреевич, в том-то и дело. Была великая Русско-Ордынская империя, управляемая казачьим атаманом — батькой, — отсюда, кстати, и имя-кличка — Батый, — раскинувшаяся на территории большей, чем бывший СССР. Это ли не повод для фарисеев, живших в Америке и Европе, представить, что все было наоборот, что не они занимали главенствующее положение, а славяне?

— Но тогда... — пробормотал Антон, силясь найти возражение. — А как же монголы? Татары? Они же...

— Монгол — не национальность, это название, данное западными историками представителю Русско-Ордынской империи, и обозначает оно — «великий». Из школьной истории ты должен был помнить словосочетание «Великие Моголы». Это тавтология. Могол и так в переводе — великий, монголом он стал позже, когда русский язык исказили при Рюриковичах, когда заменили праславянское письмо — глаголицу на кириллицу. А «татарин» в переводе с древнерусского, называемого до сих пор санскритом, всего лишь искаженное «татарох» — царский всадник. Не отставай, Антон, потом поговорим, не то еще узнаешь.

Валерия поспешила вперед, Антон отстал, обдумывая услышанное. Мысли бежали взъерошенные и в ряд становиться не хотели, не хватало информации, и он дал зарок в душе выведать все о русской истории, что знает Валерия, а также прочитать материалы неизвестного ему до этого момента академика Фоменко.

Через полчаса они обедали, разместившись в просторной кухне ломовского особняка. Федор делился новостями, рассказывал о своих заботах, спрашивал о московских новостях, и беседовал с ним в основном разговарившийся, несколько повеселевший Тымко. Он балагурил, шутил, хвалил хозяйку и ел за троих, поглощая все, что ему клали на тарелку.

— А комаров у вас тут много? — спросил он, обрабатывая зубами кроличью лопатку. — Если нету, я согласен сюда переехать, хорошо тут у вас кормят.

— Комары есть, но к нам в дом не залетают, — отвечал Федор, — моя женушка слово против них знает, они боятся.

— А мне это слово не скажете? Замучили, супостаты, проникают в квартиру сквозь любую сетку, даже хваленый «Раптор» не помогает.

— Кстати, слово «комары» происходит от санскритского «камаари», — заметила Валерия, — то есть «враги Бога любви Камы», юного Купидона, который часто сидел в кустах голеньким с луком и стрелами в руках.

Это сообщение развеселило обедающих, посыпались шутки, раздался смех, и даже озабоченный Юрий Дмитриевич позволил себе улыбнуться и вставить слово о забавах Купидона. Антона же так и подмывало попросить Валерию продолжить ее лекцию о тайнах истории, но сидел он не рядом с ней, поэтому терпел и ждал момента.

После обеда Илья собрал мужскую часть экспедиции за домом Ломова, на природе, чтобы изложить свой план. Начало похода на Стрекавин Нос откладывалось до утра, поэтому предполагалось заняться подготовкой двух моторных лодок, одну из которых давал Васька, шурин Федора, а вторую Ломов обещал занять у знакомого артельщика, собиравшегося в отпуск.

Прикинув варианты погрузки оборудования экспедиции на лодки, обсудив и утвердив схему посадки и следования по реке Ловать и дальше, по озеру, мужчины принялись за дело. Илья с Федором направились за лодками, чтобы подогнать их к месту на реке, где погрузка будет наименее заметна, остальные же, в том числе и Антон, начали перетаскивать груз из «Газели» на берег Ловати.

Этот процесс длился до вечера. К семи часам весь груз был перенесен, уложен в лодки, а по сути — катера с хорошим запасом хода и скоростными характеристиками, сами лодки осмотрены, а моторы проверены. Был пополнен и запас бензина, позволявший путешественникам добраться до острова Войцы с южным мысом Стрекавин Нос и вернуться обратно.

В восемь часов поужинали, ожидая появления деда Евстигнея, однако он не пришел ни в девять, ни в десять, отчего Илья, и без того возбужденный, занервничал и решил сам

сходить к волхву. Вернулся он быстро, оглядел свою гвардию, ждавшую его в гостиной Ломова.

— Дед занят.

— Чем же? — брюзгливо осведомился Серафим. — Готовит волшебное варево для колдовства?

Илья не отреагировал на реплику.

— Проводник подойдет к нам завтра, в шесть утра, прямо к пристани. Дед тоже придет утром, даст ЦУ. Нам же он посоветовал сторожить лодки.

— Здесь водятся воры?

— Здесь водятся слуги Морока, верим мы в них или нет. Предлагаю дежурить по двое. Сейчас там Федор с шурином, в двенадцать их сменим мы с Серафимом, часа в три нас сменият Антон и вы, Юрий Дмитриевич. Принципиальные возражения есть?

— Это дискриминация женщин, — заявила сердито Валерия. — Мы с Анжеликой такие же члены экспедиции, как и остальные, и могли бы дежурить не хуже мужчин.

— Я имел в виду принципиальные возражения, — отрезал Илья. — Раз их нет, то предлагаю разойтись и отдыхать. Времени мало, отход назначаю на шесть утра с минутами.

Все зашевелились, направляясь к заранее определенным местам ночлега. Валерии и Юрию Дмитриевичу досталась одна из спален Ломовых на втором этаже, Анжелика согласилась спать на раскладушке на веранде, мужчинам отводилась вторая спальня, где стояли две кровати. Предполагалось, что один из них ляжет на полу, где был постелен матрас, и Антон согласился занять это место.

Спать легли без особых разговоров. Все было обговорено и сомнений не вызывало. Лишь Тымко, отлучившийся куда-то на полчаса и вернувшийся не в лучшем расположении духа, начал что-то ворчать под нос, но после окрика Ильи перестал и, поворочавшись немного, затих. Через минуту он уже храпел.

Антон же уснуть никак не мог, но не из-за храпа, — он привык засыпать при любом шуме. В голову лезла всякая чертовщина, чудились чьи-то крадущиеся шаги, таинственные тени шевелились по углам комнаты, в окно заглядывали чьи-то светящиеся глаза, и сердце сжималось от предчувствия беды.

Уснул он незаметно для себя и проснулся от какого-то

странного звука: показалось, что где-то рядом трещат и рвутся обои на стене.

В комнате было темно и тихо, дыхания спящих не было слышно. Не раздавался и храп Серафима. Антон прислушался к своим ощущениям, и ему показалось, что на него смотрит сразу весь потолок. Чувствуя, как спина покрывается холодным потом, Антон бесшумно встал, приблизился к постели Ильи, но она была пуста. Отсутствовал и Серафим. Тогда Антон посмотрел на часы — шел первый час ночи — и успокоился, вспомнив, что в двенадцать они должны были менять возле лодок Федора Ломова. Улегся на полу опять, однако что-то мешало лежать спокойно, словно соринка в глазу, по углам комнаты ползало какое-то шуршание, сон не приходил, и, промаявшись какое-то время, Антон встал и включил свет. И тотчас же знакомый звук раздираемых обоев заставил его вздрогнуть.

Он оглянулся и обомлел.

Все полосы обоев на стене, возле которой он спал, лопнули посередине, а одна из них продолжала рваться прямо на глазах: по цветастому полотну ползла трещина, обои лопались и загибались, будто их снизу вверх раздирал чей-то острый коготь.

— Изыди, Сатана! — произнес Антон первое, что пришло в голову.

«Сатана» послушался. Обои перестали трещать и рваться, в комнате стало тихо, «взгляд» потолка потускнел, стал как бы мутнеть, отдаляться, пропал. Интерьер комнаты окончательно успокоился, колдовские чары развеялись.

Антон еще некоторое время прислушивался к тишине, склонив голову к плечу, услышал какую-то возню за дверью, быстро оделся и вышел. В коридоре со свечой в руке стояла бледная Валерия в накинутом наспех плаще и с испугом смотрела на него.

— Ты?..

— Что случилось? — встревожился Антон.

— Там... там... — Валерия оглянулась, и Антон заметил, что она дрожит. — Юры нет, а в спальне...

— Что в спальне? Обои рвутся?

— Нет, — с удивлением посмотрела на него женщина. — Почему ты спросил про обои?

— У меня обои полопались.

— А у нас портрет на стене... смотрит и... плачет!

Антон невольно улыбнулся.

— Пойдем посмотрим. Где Юрий Дмитриевич?

— Не знаю, я уснула, проснулась, его нет... не пойду я туда.

— Ничего страшного не произойдет. — Антон взял ее под локоть и повел, слегка сопротивлявшуюся, в соседнюю спальню. — Это просто колдовские штучки. Слуги Морока решили нас немного попугать.

В комнате Валерии горел свет, сияла белизной простыней разворошенная кровать, шевелилась от ветра сквозь приоткрытое окно занавеска. На стене спальни висела картина, написанная маслом: проселочная дорога, поле ржи, могучие сосны, голубое небо.

Антон обернулся на нерешительно заглянувшую в комнату Валерию.

— Ты же говорила, что портрет плачет, а тут поленовский пейзаж.

Глаза женщины стали круглыми.

— Портрет был! Честное слово! Старик какой-то седой, с усами и бородой, смотрел неодобрительно, а из глаз слезы текли... Я не вру, — жалобно добавила Валерия.

Антон подошел к картине, внимательно оглядел пейзаж и увидел две влажные, еще не высохшие дорожки.

— Что? — выдохнула ему в спину приблизившаяся Валерия.

— Похоже, кто-то действительно плакал. Хотя, с другой стороны, это чистой воды наваждение. Ложись спать, все уже успокоилось, концертов колдовских больше не предвидится.

— Нет! — испуганно ухватила за его плечо Валерия, когда Антон двинулся к двери. — Я боюсь! Не уходи, побудь со мной.

Антон представил, что может подумать муж Валерии, вернись он в этот момент, и отрицательно покачал головой.

— Если хочешь, пойдем вниз, в столовую, чаю попьем и остальных подождем.

— Хочу. Отвернись, я оденусь.

Антон вышел из комнаты, на мгновение увидев в зеркале трюмо совершенно голую Валерию — она успела сбросить плащ и взялась за одежду на стуле, — и лишь за дверью у него потемнело в глазах и захватило дух. Женщина была ослепительно, божественно красива, и ее красота подействовала на него как удар молнии. А затем пришли гнев, ненависть, боль и тоска. Эта зрелая сильная женщина была чужой, ее

ласкали чужие руки и целовали чужие губы, и прошло время, прежде чем Антон справился с неожиданной вспышкой ревности и с другими своими чувствами. Когда Валерия в джинсах и куртке вышла из спальни, он был уже холоден и спокоен.

Искоса поглядывая на него, она спустилась на первый этаж уже более сдержанно, на глазах приобретая былую уверенность и независимость. В столовой они зажгли свет, посмотрели друг на друга, ловя в глазах насмешливые искорки понимания ситуации, и Валерия приснула, зажимая рот рукой.

— Ничего себе ночка! И мы хороши — трусили, как малолетки от страшной сказки.

Антон не мог сказать о себе, что трусил, но все же кивнул, соглашаясь.

— Было от чего. Я вот теперь думаю, рассказывать нашим об этом или нет.

— Конечно, расскажем. И с дедом Евстигнеем поговорим, он должен знать, что это означает. Скорее всего ты прав: кто-то нас пугает, насылает колдовские чары, испытывает нашу решимость. Чай будем пить?

Антон кивнул, Валерия включила на кухне электрический чайник. Вскоре они сидели в пустой столовой Ломова и пили чай с вареньем, поглядывая друг на друга с интересом и ожиданием. Происшествие снова сблизило их, позволило услышать стук сердца, и Антону приходилось все время усмирять свою фантазию и контролировать каждый свой жест, чтобы ненароком не дать понять собеседнице, о чем он мечтает. Вспомнив недавние высказывания Валерии об искажении русской истории, он хотел было попросить ее поделиться своими знаниями, но она начала первой:

— Серафим говорил, что ты был женат. Она ушла, потому что тебя осудили?

Антон помрачнел, не ожидая подобного вопроса от женщины, которая нравилась ему все больше и больше. Ответил нехотя:

— Нет, мы не были женаты. И она ушла раньше.

— К полковнику?

Антон вспомнил последнюю встречу с Татьяной, ее наигранное спокойствие и решимость, глаза, в которых все еще вопреки уверенности тлели растерянность и робкая надежда на возвращение. Татьяна так до конца и не осознала, что,

уходя к полковнику Невельскому, обещавшему золотые горы, обеспеченную жизнь и шикарный выход в свет, она предавала прежде всего себя, свою любовь. А Громов мог предложить ей в то время лишь рай в шалаше.

— Если тебе неприятно об этом вспоминать, то и не надо, — пожалела его Валерия. — Просто я думала, что Серафим, как всегда, преувеличивает. Хочешь, расскажу, как я вышла за Юру?

Антон отрицательно покачал головой, продолжая прислушиваться к долетавшим со двора и из дома звукам. Валерия тоже прислушалась, посмотрела на него, приподняв брови.

— Все тихо?

— Кажется, да. Во всяком случае, обои больше не рвутся. Хотя это все так странно... Я никогда прежде не задумывался над вторжением беса в реальную жизнь, пока не приехал в Москву. Да и не верил в проявление потусторонних сил.

— Илья же рассказывал, как вы встречались с чертом, были свидетелями еще каких-то загадочных явлений.

— Я не отказываюсь, все так и происходило, но я тогда был моложе и относился ко всему сверхъестественному со здоровым скептицизмом.

— А потом?

— Потом была практика спецназа... тюрьма... школа жизни, так сказать. Я много читал и много думал.

— И стал верить?

— Дело не в вере — во внутреннем мироощущении, в изменении мировоззрения. Я вдруг понял, что мир намного сложнее, чем кажется из окна поезда или квартиры... не говоря о камере. Наверное, мифы и легенды доносят до нас дым эпох, когда волшебство в самом деле правило миром, а потом что-то произошло, и мир изменился. И люди в большинстве своем потеряли свои магические способности.

— Ты об этом читал или сам сделал вывод?

— Читал, — смутился Антон. — Но и выводы тоже делал. Да и отец, когда был жив, много рассказывал удивительного. Он пятнадцать лет жил в Маньчжурии, на границе с Китаем, и видел немало загадочных явлений природы, с шаманами дружил, в обрядах инициации участвовал.

— Значит, дед Евстигней не зря обратил на тебя внимание, почуял твою глубину. А отец твой случайно знахарем или целителем не был?

— Учителем он был, русский язык преподавал. Часто го-

ворил, что наш язык намеренно обедняется, хотя и остается самым гибким и мудрым языком мира.

— Он был прав. Ну, а мать?

— Мама всю жизнь машинисткой проработала, на машинке печатала до самой пенсии, даже когда компьютеры появились.

— А деды, бабушки, родственники?

Антон подумал, отрицательно качнул головой.

— Да нет вроде, все нормальные люди...

Валерия засмеялась.

— А вот моя родня — сплошь ненормальная. Мамина родная сестра Катя — целительница, травами лечит, заговорами, народными средствами. Отцов брат Алексей — доктор медицинских наук, занимается нейролингвистическим программированием, неврозы лечит, психические расстройства. Но по маминской линии больше необычных людей уродилось. Кто целительство, кто экзорцизмом занимался, дьявола изгонял, кто травы собирал, а прапрадед мой Порфирий Корнеевич до ста трех лет дожил, известным во всей округе костоправом и знахарем был.

Антон с интересом заглянул в ставшие задумчивыми глаза Валерии.

— А ты сама не переняла у них опыт, не получила по наследству нужные гены?

— Не знаю, может, и получила, изредка вдруг проявляется во мне что-то этакое... — Она пошевелила пальцами. — Угадывать будущее начинаю, погоду предсказывать, вести плохие. В общем, экстрасенсом становлюсь на короткое время. Например, что тебя в поезде встречу, я еще за два дня до поездки знала, даже смешно стало, когда ты появился и банду ту утихомирил. Но это все баловство, хотя и помогает в жизни. А вот мои тетки — это да, настоящие умелицы. Однажды я потеряла зрение, а тетка Матрена меня вылечила.

— Как? Или это тайна?

— Никакая не тайна. Доктора диагноз поставили: «воспаление глазного нерва», — лечили всякими каплями, микстурами, уколами, ничего не помогло. В этих случаях человек вообще зрение потерять может.

— Как же это произошло?

— Да я и сама не поняла, в чем дело. Может, осложнение было после гриппа, а может, на нервной почве, у нас тогда в институте увольнения начались. В общем, стала я умываться

утром, плеснула в лицо воды, открыла глаза и чувствую: будто попало в них что-то, песок не песок, больше на вазелин похоже, тру глаза, тру, а никак протереть не могу, все в тумане. Сначала мы смеялись с Юрой, потом стали думать, как я на работу ходить буду, чтобы никто не заметил, что я почти ничего не вижу. День прошел, второй, через неделю я психовать стала, отца вызвала, он и повез меня к тетке Матрене во Владимир. Та обычные куриные яйца покатила, в миску с водой их положила, пошептала что-то и дала мне выпить.

Валерия улыбнулась, вспоминая этот эпизод своей жизни.

— Что потом было!.. Привезли меня домой в Москву, и тетка с нами поехала, говорит: закройте дверь и не открывайте, никого не впускайте, как бы ни умоляли. А через час в дверь буквально ломиться начали, хорошо, что дверь у нас металлическая, а то снесли бы, наверное.

— Кто?

— Муж в глазок смотрел, узнал одну мою сослуживицу, вместе в институте работали. Уж она билась в дверь, билась, кричала, умоляла: «Валера, открой! Валера, открой!» Я бы, наверное, сжалась, да тетка Матрена не пустила. А наутро я видеть стала. С тех пор верю и в чертовщину, и в сглаз, и в наговоры, и в светлые силы, способные эту чертовщину изгнать.

Помолчали.

— И что с той женщиной стало, которая к тебе стучалась? — спросил Антон.

— Заболела она, потом уволилась. Больше я ее не видела. Получила то, что мне хотела сделать, не смогла пробить Матренину защиту. — Валерия оживилась. — Хочешь, фокус покажу? Только карты найти надо. У тебя нет?

Антон покачал головой.

— У меня тоже, хотя я и играю в азартные игры, в бридж, в преферанс. А жаль, а то бы я тебе показала свои способности: могу безошибочно угадать цвет карты и масть.

Антон улыбнулся.

— Это и я могу.

— Правда?! — округлила глаза Валерия. — А говоришь, что в роду нормальные люди были.

Они посмотрели друг другу в глаза и засмеялись. И в это время во дворе слышались голоса, шаги, скрип ворот, дверь распахнулась и в дом вошли Федор Ломов и Юрий Дмитриевич Гнедич.

— Не спится? — заглянул в столовую Федор. — Чай пьете? Это правильно, сейчас и я к вам присоединюсь.

Появился Гнедич.

— Что это вы полуночничаете, как заговорщики?

Антон и Валерия переглянулись.

— Где ты был?

— Водку пил, — с заминкой пошутил Юрий Дмитриевич. — Помнишь стишок? Чижик-пыжик, где ты был? На Фонтанке водку пил. На самом деле я ходил на пристань.

— Мог бы предупредить. У нас тут чудеса творятся. — Валерия пересказала происшедшие за это время события. — С лодками ничего не случилось?

Гнедич хотел еще раз пошутить, но глянул на Антона и передумал.

— Нет вроде, все в порядке. Пойдемте посмотрим на ваши рваные обои.

Они поднялись на второй этаж, распахнули дверь в спальню, где располагались Илья, Серафим и Антон. Юрий Дмитриевич шагнул вперед, собираясь с выражением произнести заранее заготовленную шутку, увидел неровные борозды трещин на обоях и остановился как вкопанный.

— Что стали? — появился в коридоре Федор. — Али привидение увидели?

Стоявшие в дверях Антон и Валерия посторонились, пропуская хозяина, тот разглядел исполосованные неведомыми когтями обои на стене и сказал без особой тревоги:

— Ах, чтоб тебя! Опять жихарь накуролесил. Видать, кто-то из вас ему не понравился.

— Какой жихарь? — тупо спросил Гнедич.

— Он, наверное, имеет в виду родственника домового, — тихо обронила Валерия. — Жихарь — злой домашний дух, бьет посуду, крадет детей... вот и обои изорвал.

— У нас это называется полтергейст, — опомнился Юрий Дмитриевич.

— А как хотите, так и называйте, — махнул рукой Федор. — Ничего страшного, обои придется переклеить, конечно, а с жихарем я потом побеседую. Он меня боится. Хотя странно, с чего это он буяннить вздумал? У нас с ним договор.

«Какой договор?» — хотел спросить Антон, но хозяин уже ушел в свою спальню, где разместились жена и дети.

— Все, ложимся спать, — решил Гнедич, подталкивая жену к выходу. — Завтра будем искать объяснения этому слу-

чаю, на свежую голову. Вставать рано, поэтому надо хоть пару часов поспать.

Валерия оглянулась на пороге, и Антон прочитал в ее глазах такое красноречивое сожаление, что не удержался и послал ей воздушный поцелуй. Она улыбнулась и исчезла. Их безмолвный диалог был понятен обоим без слов, он как бы ставил многоточие в их отношениях. Антон не понял, стал ли он счастливее от этого открытия, зато уснул мгновенно, и никакие колдовские чары не смогли бы его разбудить до без четверти три ночи, когда настал его черед идти на дежурство к лодкам.

Глава 11

ЧЕРНАЯ «ВОЛГА»

Они встретились в двух километрах от дома Федора Ломова, за пристанью, под мостом через Ловать: Юрий Дмитриевич Гнедич и трое оперов — сотрудников УИБ плюс водитель черной «Волги» с подмосковными номерами. Одним из оперов был лейтенант Валя Сидоров, которого Гнедич решил проверить в деле, двое других — из оперативного отдела агенты по особым поручениям: капитан Константин Заев и старший лейтенант Аркадий Мухин. Они всегда работали в паре, и про них даже складывали анекдоты. Кто-нибудь из сослуживцев спрашивал у других, когда появлялись Заев и Мухин: «Кто этот рыжий?» Ему отвечали: «Это Костя». «А кто рядом с ним с умными глазами?» «А это его Костный мозг». Имелось в виду, что в этой паре идеи подавал Мухин, закончивший Томский политехнический институт, а претворял их в жизнь бывший десантник Заев, физически одаренный, хороший спортсмен и стрелок.

Искать Гнедичу их не пришлось, у него была рация, и, дождавшись момента, он оставил спящую жену, связался с группой поддержки и узнал, где она остановилась.

— Черт бы вас побрал! — вместо приветствия сказал Юрий Дмитриевич, залезая в машину. — Вас чуть было не раскрыли. Тымко, Пашин и этот его дружок Громов вычислили вас сразу же, как только выехали за город. Хорошо, что вы догадались уйти вперед.

— Это Валя молодец, — покровительственным тоном про-

изнес Заев, похлопав Сидорова по плечу; в другой руке он держал банку с пивом. — Мы немного отвлеклись, и он посоветовал обогнать ваш кортеж. Как доехали, командир? Мы ждали вас здесь часа три, уж думали, что вы решили где-то заночевать по пути.

— Разве вас под Валдаем не тормознули гаишники?

Оперативники переглянулись.

— Нет, нормально проехали.

Гнедич хмыкнул.

— Странно... А в дороге ничего необычного не примечали?

Молчаливый обмен взглядами, смущение на лице Сидорова, выражение растерянности на лице Заева. Капитан поскреб затылок, побряхтел, потом все-таки выдавил из себя признание:

— Чертовщина какая-то происходит, товарищ подполковник. До Демянска доехали — все нормально, погода хорошая, видимость отличная, прямо сердце радуется. А как только стали подъезжать к Парфино, почували слезку.

Гнедич перевел взгляд на Сидорова, тот кивнул.

— Если бы у одного меня появилось это ощущение, — продолжал Заев, — я бы еще засомневался, а то у всех троих. Смотрит какая-то зараза в затылок, и все тут! Что уж мы не делали, чтобы определить, кто за нами следит: и гнали под сто семьдесят, и сворачивали в лес, и аппаратуру использовали, — никого и ничего! Но впечатление так и не пропало, и сейчас оно есть, только ослабло немного. Мухин то и дело проверяется, бродит вокруг как тень, но никого не видит и не слышит. А вы ничего такого не чувствуете?

Юрий Дмитриевич прислушался к своим ощущениям, покачал головой.

— Ничего.

— Тогда мы все шишанулись. Мало того, что в спине булыжник чужого взгляда торчит, так еще и оружие греется.

— Что?!

Заев криво улыбнулся, допил пиво, выбросил банку в боковое окно «Волги», поднял стекло.

— Подъезжаем к Парфино, дорога вдоль болота вьется, и чуем, что в карманах и под мышками тепло становится, будто там уюги греются. Не придали значения, едем дальше, а когда совсем горячо стало, сообразили: до ножей и пистолетов дотронуться нельзя, такие они горячие!словно в костре ле-

жали. Пришлось вытащить, вон они, под ногами на коврик веляются.

Гнедич нагнулся, нащупал кобуру с пистолетом, поднял с коврика.

— Шутите? Он же холодный.

— А вы подержите в руке с минуту.

Юрий Дмитриевич достал из кобуры штатный «макаров», взвесил в руке, некоторое время держал на ладони и сунул обратно в кобуру.

— Что вы мне мозги компостируете? Никакой он не горячий.

— Не может быть! — Заев взял пистолет, подержал на весу, выругался шепотом в ответ на взгляды товарищей. — Сволочиизм какой-то! Действительно, холодный. Но ведь он был горячий! Честное слово!..

Обменявшись взглядами, ошеломленные оперативники разобрали свое оружие, попрятали под полами курток.

— Ничего не понимаю... — пробормотал Заев. — Не сошли же мы все трое с ума в самом деле?

— Бывает, — промышчал Гнедич, вспоминая провал дороги в лесу у деревни, где они едва не застряли. — Что еще с вами происходило?

— С нами ничего, а вот мост через небольшую речушку, не помню названия...

— Старовская Рось, — подсказал Сидоров.

— Мост через эту самую Рось позади нас рухнул. Мы на развилке свернули налево, к Залучью, хотели в сельмаге сигарет купить и заправиться, только мост проехали, он и обвалился в момент. Еле назад потом перебрались, бревна держали.

В кабине «Волги» повисло молчание.

— Похоже, недооценивал я серьезность утверждений Пашина о мистическом вторжении, — пробормотал наконец Гнедич. — С одной стороны, я уверен, что это просто психологические явления, эффекты нашей расторможенной психики, с другой — нельзя сбрасывать со счетов и неизученные области знания. Ладно, посмотрим, что будет дальше. Ваша задача — незаметно добраться до деревни Войцы на Стрекавином Носу, подготовить аппаратуру и установить со мной связь. Дальнейшие планы будут зависеть от действий Пашина. Все понятно?

— Кроме одного, — ухмыльнулся Заев. — Где мы будем встречаться? Вы уже наметили координаты чата?

Юрий Дмитриевич с удивлением посмотрел на капитана. Он не ожидал от профессионала-разведчика, мастера пистолета и кинжала, услышать термин профессионала-компьютерщика. Еще свежа была в памяти острота Заева, известного своими многочисленными амурными похождениями: новое знакомство с очередной женщиной он грубо, но образно называл «освоением места рождения».

— Место встречи изменить нельзя, — брюзгливо заметил Гнедич. — Остров Войцы, южный мыс Стрекавин Нос. Где именно — я сообщу.

Он вылез из «Волги».

Где-то совсем близко, буквально над головой, каркнул ворон, захлопали сильные крылья, и снова стало тихо.

Юрий Дмитриевич, стиснувший было рукоять пистолета в кармане куртки, разжал пальцы, выругался сквозь зубы. Под мостом через Ловать было темно, свет фонарей сюда не достигал, но ему показалось, что от опоры моста отделилась черная тень и бесшумно сгнула на фоне черной пропасти реки.

Глава 12

СТАЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Утро занялось тихое, безмятежное, солнечное. Над рекой стлался туман, такие же туманы стояли над лугами на противоположном берегу Ловати, и казалось, что лес и крыши домов деревни Конюхово над туманами нарисованы акварелью на фоне густо-синего неба.

Поеживаясь от холода, все толкались на песчаном пятачке у обреза воды небольшой бухточки, где стояли нагруженные имуществом экспедиции моторные лодки, и ждали деда Евстигнея. Происшедшие в доме Ломова события — лопнувшие сами собой обои, плачущий портрет неизвестного старика на стене — уже обсудили, однако отношение к ним у каждого члена экспедиции осталось разным.

Гнедич высказал мнение о своем любимом полтергейсте как о проявлении каких-то физических полей. Серафим в полтергейст и колдовство не верил, поэтому заявил, что портрет старика Валерии приснился, а обои треснули потому, что были плохо приклеены. Анжелика свое мнение сооб-

шить отказалась, Илья же с Антоном совершенно точно знали, что произошло вторжение темных сил, напомнившее путешественникам о том, что они находятся «под колпаком».

Еще Антон впервые видел, как нервничает и с нетерпением посматривает на часы всегда уравновешенный и невозмутимый Пашин, хотя объяснялось это, очевидно, просто: Илья жаждал достичь Стрекавина Носа и пуститься на поиски Владиславы. Он был уверен, что девочка-ведунья из деревни Войцы, дружившая с волком, ждет его возвращения.

Дед Евстигней объявился на берегу незаметно и беззвучно, словно привидение, напугав Анжелику. Он был один.

— А где проводник? — спросил Илья, поздоровавшись со стариком, с надеждой посмотрел ему в глаза. — Или с нами пойдете вы?

— Нет, сынок, — покачал седой головой волхв. — Мне туда нельзя. Хотя я буду помогать вам и там. Проводник найдет вас, когда лодки выйдут в озеро. Поглядывайте по сторонам да на небо.

— Как мы узнаем, что это проводник?

— Узнаете, — усмехнулся Евстигней. — Однако хочу предупредить вас, судари мои. Озеро Ильмера — не простое озеро, ему миллионы лет, и на его берегах в разные времена жили разные существа, и добрые, и злые. По сути, вам придется преодолеть минное поле черной магии, будьте очень осторожны, выверяйте каждый свой шаг. Многие на моей памяти пытались пройти вдоль берега Ильмеры, но мало кто из них вернулся.

— Минное поле магии? — фыркнул скептически настроенный с утра Тымко. — Что еще за фигня?

Старик кротко посмотрел на Серафима, но отвечать ему не стал, поклонился всем, отступил назад.

— Желаю вам удачи! Пусть будет с вами Заступник!

— Спасибо, — тихо ответил Илья, кланяясь в ответ. — Обещаю вам, дедушка, мы будем осторожны. И мы обязательно пройдем!

— Возвращайтесь.

Евстигней отступил еще дальше, фигура его стала расплываться, таять.

— А если ему предложить хороший куш? — буркнул Серафим. — Или награду? Неужели откажется пойти проводником?

Волхв исчез, но голос его прилетел из тумана, будто он стоял рядом:

— Мы безразличны к материальным благам, сынок, а тем более к титулам и наградам. Наша награда — не в этом мире.

Стало тихо. Первые лучи встающего солнца за лесом на противоположном берегу Ловати вызолотили шапку тумана на реке, ближайшие кусты. Илье показалось, что он видит тонкую девичью фигурку, скользящую над туманом, потряс головой: наваждение прошло.

— Бессребреник... — проворчал Тымко, хотел что-то добавить, но его остановила Валерия:

— Ты невыносим, Серафим! Если не уважаешь седины, так хоть молчи!

— А что я сказал? Только спросил... Темнит старик, это ясно. Где мы будем искать проводника? И зачем он вообще к хренам нужен, если и без него известно, куда идти?

— Садимся, — сказал Илья. — В первой лодке пойду я, Антон и Анжелика, остальные следом. И прошу тебя, мастер, — он посмотрел на Тымко прицеливающимся взглядом. — Во-первых, в дальнейшем если захочется почесать язык, предупреди прежде меня. Во-вторых, пока мы будем в экспедиции, уберегись от ругани. Во всяком случае, чтобы я больше не слышал твоих излюбленных словечек.

— Это еще почему? — удивился Серафим.

— Объясни ему на досуге, — кивнул Илья Валерии.

Все стали рассаживаться по лодкам. Треск моторов разнес утреннюю тишину на куски, и очарование мирного и красивого пейзажа померкло. Первая моторка — катер свояка Васьки, на котором Илья уже плавал по озеру, отошла от берега, окунулась в быстро тающий под лучами солнца туман. Вторая последовала за ней, пристроилась в кильватере; за руль встал Гнедич.

— Чего это он взбеленился? — повысил голос Тымко, чтобы перекричать треск мотора. — Я же не матерюсь, как сапожник.

Валерия не была настроена разговаривать с ним, но перебила себя.

— В переводе с санскрита «дура» — отвернувшийся от Бога, «мудак» или первоначальное «мудхах» — впавший в иллюзию, а «кретин» или «критина» — настойчиво добивающийся цели человек, не обладающий истинным знанием. Как говорили мудрецы: нет ничего страшнее деятельного невежества.

Серафим хмыкнул.

— Подумаешь... матерные ругательства, по-моему, гораздо злее, чернее и отвратительней.

— Ругательствами они стали только в двадцатом веке, при большевиках, когда начала претворяться в жизнь программа искажения истинных знаний и значений древних терминов, до этого практически все так называемые «матерные» слова имели другой смысл. Кстати, слово «хам» переводится как отрицающий Бога, то есть атеист.

Серафим не нашелся, что ответить, ибо сам никогда в Бога не верил, и в лодке, следовавшей за катером Пашина, некоторое время не разговаривали.

Туман почти рассеялся. Пейзаж по обоим берегам Ловати был так прекрасен, что хотелось раствориться в природе, стать ее частью, смотреть на бегущую воду и слушать, как поют птицы. Правда, слушать птиц и тишину мешал рев мотора.

— А почему дед назвал озеро Ильмень по-другому, Ильмерой? — снова завелся Серафим.

Валерия с трудом вышла из оцепенения.

— Это озеро прежде звалось Ирмерой, по имени сестры князей Словена и Руса, основавших град Словенск, который потом стал Новгородом. Слушай, Сима, давай помолчим, а?

Тымко хотел задать еще один вопрос — откуда Валерия знает так много? — но посмотрел на ее сдвинутые брови и передумал.

В другой лодке разговаривали еще меньше. Лишь однажды Илья, замороженный сонным покоем земли и воды, проговорил как бы про себя: «Много повидал я красивых пейзажей, но все-таки прекрасней нашей русской природы ничего в мире нет!» — и снова замолчал. Река продолжала разматывать свои многочисленные повороты, журчала и плескалась в борта катера вода, звук мотора уносился назад вместе с усами волн, то слева, то справа открывались изумительной красоты поляны, и хотелось разглядывать их вечно...

Антон первый уловил изменения внешней полевой обстановки. Очнулся от приятной полудремы-полусозерцания. Показалось, будто на него сверху посмотрел кто-то неживой, чужой и холодный, как объектив фотоаппарата. Встрепенулся, начиная озираться, Илья, показал пальцем в небо, останавливая катер. Подошла вторая лодка, Гнедич заглушил мотор, и они стали рассматривать кружащий над ними серебристый крестик.

Илья достал бинокль, посмотрел, передал Антону.

Над ними кружил самолет, но звук от него практически не доходил до поверхности земли, хотя было видно, что кружит он не очень высоко.

— «Ястреб», — сказал Илья, оглядываясь на Антона. — Убей меня гром, это «Ястреб»!

— Какой же это ястреб? — робко возразила Анжелика, разглядывающая самолетик из-под козырька ладони.

Но Антон понял Пашина. В небе над ними действительно кружил летающий элемент системы «Ястреб», беспилотный самолет-разведчик «Махаон», который Пашин и Громов видели сутки назад в ангаре КБ «Точмаш». Гнедич тоже знал, что это такое, поэтому молчал, ломая голову, кому и с какой целью понадобилось запускать над дельтой Ловати секретный аппарат.

— Неужели это та самая машинка Ладыженского? — проговорил Илья, обращаясь к Антону. Тот промолчал, понимая, что аппараты типа «Ястреб» не появляются над местностью случайно. Однако следил ли он за ними или выполнял другие задачи, определить было трудно. Покружив над лодками четверть часа, маленький самолетик двинулся в сторону озера Ильмень и вскоре затерялся в синеве неба. Илья сориентировался по карте Гнедича, где они находятся — лодки миновали Юрьево и подходили к водному перекрестку: Ловать уходила влево, соединяясь с реками Полой и Верготью, — включил мотор. Слева и справа поплыли низкие топкие берега, стены камыша и тростника; начинались обширные болота дельты Ловати, впадающей в Ильмень-озеро.

И опять Антон первым ощутил новое изменение внешних полей. На этот раз оно означало нападение тучи комаров и мошек и началось сразу, быстро, словно где-то повернули выключатель.

Река в этих местах разбилась на несколько узких протоков, скорость движения резко упала, и комариная туча, насевшая на лодки, успевала атаковать сидящих в них людей. Не помогали ни яростные отмахивания и удары, ни репелленты, ни специальные мази. Казалось, лодки плывут в сером тумане, такой мощной была комариная армада. С противным звоном насекомые лезли во все щели одежды, в глаза, уши, рот, и кусали, кусали, кусали, и длилось это до тех пор, пока лодки не вышли в более широкий рукав Ловати и увеличили скорость.

Через минуту путешественники добились сидевших на них кровопийц, остальных сдул ветер, и атака прекратилась.

Меньше всего пострадала в первой лодке Анжелика. Она сразу же накрылась полиэтиленовой пленкой, опустилась на корточки на дно катера и так переждала нападение. Антон сделал то же самое с небольшим опозданием и получил около двух десятков укусов, в основном в области шеи и под глазами. Илья же вел катер, и ему досталось изрядно, пока он не вспомнил о камне с дыркой — обереге деда Евстигнея и не попросил у него защиты. То, что комары мгновенно перестали его есть, Пашина уже не удивило, он только жалел, что вспомнил о подарке волхва слишком поздно.

— Да-а-а, хорош! — протянули одновременно Илья и Антон, поглядев друг на друга, рассмеялись невесело.

— Ничего себе видик! — добавил Илья, посерьезнев. — Я все ждал, что же предпримут наши недоброжелатели, а они вот, значит, каким образом нас встречают. Интересно, что будет в следующий раз?

Подплыла лодка с Гнедичами и Тымко.

Валерия держалась за нос и сердито сверкнула глазами в ответ на комплимент Ильи, что выглядит она прекрасно. У Юрия Дмитриевича распухли от укусов руки и шея, голову он успел обмотать эластичным бинтом. Серафим же был искусан весь с ног до головы, потому что плыл в одной клетчатой рубашке, бравировав своей нечувствительностью к холоду и ветру. У него распухли щеки, нос, губы и даже веки, которые чесались так, что хотелось содрать с них кожу. Ругаясь шепотом, Тымко чесался, мазал себя какой-то мазью, протирали укушенные места спиртом и шипел сквозь зубы. Он был так смешон, что все расхохотались, не удержался от улыбки и Антон, отчего Серафим разобиделся и пообещал всем это припомнить.

— Поздравляю, гвардейцы, с первым боевым крещением, — сказал Илья. — Нас встречают на дальних подступах к цели. Что припрятано в запасе у хранителей камня с Ликом Беса, можно представить, поэтому предлагаю удвоить внимание и двигаться, как по минному полю. Юрий Дмитриевич, на всякий случай держи карабин поближе к себе.

— Знал бы, что нам придется сражаться с комарами, я бы кое-какую аппаратуру взял.

— Комары — это еще не мина, а только хлопушка, так сказать, взрывпакет. Настоящие магические мины наверняка

ждут нас впереди. Или ты до сих пор не веришь в их существование, мастер? — обратился Илья к Серафиму.

Тот в ответ лишь красноречиво оскалился.

Илья достал термос с горячим чаем, разлил по пластмассовым стаканчикам, и путешественники с удовольствием попили сладкого, с кислинкой шиповника, чаю. Через несколько минут заработали моторы, и лодки направились дальше, держась посредине главного русла реки. Однако двигались недолго. Уже на выходе к озеру, за последней на этом берегу Ильмени деревушкой Взвад, где Ловать снова начинала петлять и делиться на протоки, русло реки перегородили два катера современных стреловидных зализанных очертаний. На борту одного красовалось имя «Дельфин», второй имел только номер: 23.

Сердце сжалось в недобром предчувствии.

Илья примерился проскочить между катерами и низким берегом с великолепным зеленым лугом и купами кустарника, но вынужден был притормозить, заметив маневр второго катера, сдавшего кормой назад к берегу. Как по волшебству на палубах катеров объявились люди в зеленоватых плащ-накидках и штормовках. Один из них взмахнул рукой и приказал:

— Глуши моторы! Давай к берегу!

Илья оглянулся на Антона, тот еле заметно покачал головой.

— Я ничего необычного не чувствую.

— Я тоже, и это странно. Какого лешего им от нас нужно?

Он сложил ладони рупором, крикнул в сторону катеров:

— Нам необходимо пройти в озеро, дайте дорогу.

— К берегу, я сказал! — ответил мужик в плаще и в низко нахлобученной кепке с длинным козырьком. Плащ-накидка его распахнулась, и стал виден ствол пистолета-пулемета, навешенный на лодку Пашина.

— Вот гадство! — с удивлением и недоверием проговорил Илья, направляя катер к берегу. — Только бандитов нам не хватало...

Но это были не бандиты.

Как только нос катера ткнулся в низкий берег, представлявший, по сути, толстый, многометровый слой торфа, поросший травой и тростником, к нему тотчас же из-за кустов вышли пять человек в штормовках с накинутыми на головы капюшонами. Оружия у них в руках не было, но оттопыри-

вающиеся карманы и полы курток красноречиво говорили о наличии такового.

— Выходите, — буркнул один из них хмуро.

— А в чем, собственно, дело? — поинтересовался Илья, делая Антону знак рукой: жди команды.

Рядом пристал катер Гнедича. Юрий Дмитриевич тоже не спешил выполнять команду.

— Кто вы такие?

— Ломтев, высади всех, осмотри лодки и груз, — распорядился старший группы, пропуская вопросы Пашина и Гнедича мимо ушей.

— А не послать ли вас, ребята, подальше? — подал голос медленно закипавший Тымко. — Куда Макар телят не гонял?

Двое мужчин на берегу словно ждали этого момента, достали пистолеты-пулеметы с рубчатыми насадками бесшумного боя. Это были новейшие отечественные машинки «кипарис-МГ», и использовались они только спецподразделениями ФСБ и ГРУ.

— Сходим, — коротко сказал Илья. Спрыгнул с носа катера на пружинящий под ногами берег, подал руку Анжелике.

Сошли и остальные, подталкиваемые в спины стволами «кипарисов». Юрий Дмитриевич остановился напротив старшего группы, присматриваясь к нему.

— Капитан Шомберг?

Бледнолицый предводитель хорошо вооруженного «пиратского» отряда откинул капюшон куртки, брови его приподнялись.

— Разве мы знакомы?

— Я подполковник Гнедич, замначальника УИБ. — Юрий Дмитриевич достал удостоверение. — Видел вас однажды на оперативке у «папы».

Капитан взглянул на удостоверение, вернул Гнедичу, кисло улыбнулся.

— Ну и дела-а... Отойдем-ка.

Они прошлишь по берегу до первых кустов ольхи, закурили.

— Что происходит? — любопытствовал Юрий Дмитриевич. — Зачем вас сюда направили?

— Стоим... — неопределенно ответил Шомберг, потер щеку на подбородке. — Ждем.

— Нас, что ли?

Капитан не ответил, посмотрел на солнце, достал рацию.

— Ломтев, что там у вас, проверили?

— Так точно, — донесся голос подчиненного. — Здесь груза на целую экспедицию.

— Мы и есть экспедиция, — пожал плечами Гнедич. — Я имею предписание исследовать аномальную зону в районе озера Ильмень.

— А я имею предписание никого к озеру не подпускать, — безрадостно сообщил капитан с бледной улыбкой. — Так что поворачивайте назад, подполковник, и попробуйте пройти в другом месте, раз уж вам приспичило.

— Нам некогда искать другие проходы.

— Ничем помочь не могу. — Капитан ссутулился, какой-то болезненно бледный, с выпуклыми блеклыми глазами; его знобило, и было видно, что держится он через силу, отчего Юрий Дмитриевич даже пожалел коллегу.

— Давай договоримся по-мирному, капитан. Ты меня не видел, я тебя, и каждый сделает свое дело.

— Не могу, подполковник. С меня Дергач голову снимет... или погоны, а я этого не хочу. Поворачивайте назад и побыстрей, а то мои ребята уже озверели от комаров и болотных удобств, ждут не дождутся замены. Здесь, между прочим, не комары, а летающие крокодилы!

Гнедич невольно дотронулся до своего опухшего лица.

— Сочувствую. А если мы не подчинимся?

На лице Шомберга появилась кривоватая улыбка.

— У меня пятнадцать человек, подполковник, асы разведки и боя.

— У меня только трое, капитан, но смею тебя уверить, что они пройдут весь твой спецназ. Об Илье Пашине слышал что-нибудь? Ничего? Жаль. Тогда топай вперед с руками на затылке.

Гнедич достал пистолет, ткнул стволом в живот Шомбергу. Тот перевел взгляд с лица подполковника на пистолет и обратно, скривился.

— Кончай шутить, подполковник. Неужели не понимаешь, что будет, если мои ребята начнут меня освобождать?

— Ничего не будет, капитан. Сейчас ты сядешь с нами в катер, дашь команду своим асам отойти и прокатишься с нами пару километров до озера. Потом по рации вызовешь катер.

Шомберг подумал, прикинул что-то про себя и повернулся спиной к Гнедичу. Юрий Дмитриевич воткнул ему под лопатку ствол пистолета и таким манером подвел капитана к

ожидавшим их оперативникам. Но, не будучи сам профессионалом спецопераций, с тактикой действий команды Шомберга в создавшейся ситуации знаком не был и предупредить своих спутников не успел. Зато Антон и Илья очень хорошо поняли замысел командира группы чекистов и начали действовать на несколько мгновений раньше, чем профи капитана.

— Ребята, спокойно, — сказал Шомберг, опередив Гнедича. — Меня взяли в плен и просят прокатиться по реке к озеру.

Это была, по сути, вводная спецназовцам и команда к атаке, но Громов и Пашин успели просчитать варианты и начали действовать сразу же после речи капитана, мгновенно разгадав ее смысл.

Антон прыгнул к плечистому парню слева от себя, державшему руку под мышкой, «лапой тигра» едва не сломал ему плечо, бросая на спружинивший слой торфа. Почти то же самое проделал Илья, ударом ноги снизу подбивая колено стоящего справа спецназовца и добавляя ему удар ребром ладони вдоль уха.

Отреагировал на атаку товарищей и Серафим. Когда те уже отправили первых «асов» Шомберга в нокаут, он заметил движение третьего спецназовца, выхватившего пистолет-пулемет, в течение долей секунды преодолел несколько метров, разделявшие их, и продемонстрировал технику «неожиданной радости» из арсенала самбо: дернул парня за ухо, чуть не оторвав его напрочь, перехватил руку с оружием, дернул, едва не отделив от туловища вместе с плечом, отобрал пистолет-пулемет и отшвырнул потерявшего сознание от боли оперативника на его коллегу.

— Стоять, засранцы! Руки за голову! Перестреляю, как куropаток!

Все замерли. Потом Антон нагнулся, вынул из подмышечной кобуры у своего противника его «кипарис», подошел к Илье. Гнедич, ошеломленный схваткой не меньше своего сослуживца, опомнился и подтолкнул его к лодкам.

— Шагай, капитан, и не шибуршись. Я тебя предупреждал, мои ребята не чета твоим и злить их не стоит.

Шомберг сглотнул, расширенными глазами глядя на своих поверженных «асов», с трудом приходящих в себя, сгорбил и покорно полез в катер Пашина.

— Ты еще пожалеешь, подполковник...

Лодки отошли от берега, направились к неподвижным ка-

терам посреди реки. Приблизившись к ним, Антон и Тымко направили на катера отобранные «кипарисы», а Илья покопился на стоявшем рядом капитана.

— Командуй, земляк, мы опаздываем.

Державшийся сзади Гнедич на виду у пассажиров катеров поднес к виску Шомберга пистолет, и тот крикнул, сложив руки рупором:

— Пропустите лодки, Титаренко! Это особая группа. Через полчаса заберете меня на северном мысу.

— Помощь нужна? — мрачно прокричал в ответ старший группы чекистов на катере.

— Нет, все в порядке.

Катера заворчали моторами, снялись с якорей и сдвинулись к берегам Ловати.

Илья увеличил обороты двигателя, катер резво побежал по фарватеру реки, за ним устремилась лодка, управляемая Серафимом. Оперативники Шомберга провожали их нехорошими взглядами, пока лодки не скрылись за поворотом реки, и лишь тогда Илья с облегчением перевел дух. Он опасался, что крутые парни капитана все же попытаются освободить своего командира, а шанс у них был — внезапный маневр, поворот и удар в борта лодок экспедиции носами более тяжелых катеров. Вряд ли путешественники открыли бы по катерам огонь.

Капитана высадили на правом берегу реки в ста метрах от выхода в озеро.

— Может, наш врач осмолит вас? — предложил Илья, заметив состояние пленника. — У нас есть лекарства на все случаи жизни.

— Оружие верните, — хмуро пробормотал он, не глядя ни на кого.

— Как знаете.

Антон бросил на берег свой «кипарис».

— Я свой оставлю, — возразил Серафим, — пригодится.

— Верни.

Тымко поколебался немного, но все же кинул пистолет-пулемет под ноги капитану. Гнедич молча перебрался в свою лодку, встал к штурвалу, и они отплыли, не раз оглянувшись на несчастного командира спецгруппы ФСБ, который в принципе ни в чем виноват не был. Но и себя виноватыми в превышении мер защиты ни Илья, ни Юрий Дмитриевич не считали. Секретных зон, требующих особых мер

охраны, в здешних местах не было, и задерживать мирных граждан, обыскивать их, не пропускать дальше чекисты не имели права.

За северным мысом, в полусотне метров от берега Илья остановил катер. Достал бинокль и начал рассматривать береговую линию, изрезанную выходами Ловати в озеро и мелкими бухточками. Дед Евстигней говорил, что именно здесь их должен был ждать проводник. Однако, как ни напрягал зрение Илья, ни одного человека на берегу не увидел. Передал бинокль Антону.

— Может, у тебя зрение получше.

Но и Громов не разглядел таинственного проводника, обещанного старым волхвом, зато он заметил в небе над озером огромного альбатроса и показал на него Илье. Тот взял бинокль, с минуту рассматривал кружащую над ними птицу, глаза его заблестели.

— Разрази меня гром! Я понял... — Он оглянулся на Антона. — Это же тот самый альбатрос, что помог мне выбраться из лесавина круга. Он и есть проводник!

Антон с любопытством посмотрел на порозовевшее лицо друга, потом на белоснежную птицу в небе, прислушался к себе и протянул:

— Может быть, ты и прав. Птица необычная. Но как ты будешь с ней общаться, я не знаю.

Словно в ответ на его слова альбатрос вдруг спикировал с высоты прямо к лодкам, сделал над ними круг и повернул на север, медленно взмахивая метровыми крыльями.

— За ним! — решил Илья, включая двигатель.

— Вы что, всерьез думаете, что эта чайка — и есть проводник? — на ухо Антону проговорила Анжелика.

— Больше некому, — отозвался Громов, на всякий случай пройдясь окулярами бинокля по удаляющемуся берегу.

Альбатрос летел неровно, зигзагами, то приближаясь к восточному берегу озера, то удаляясь от него, и точно так же, зигзагами, вел катер Илья. Гнедич догнал их, попытался уговорить Пашина плыть без выкрутасов, но Илья не согласился, и обе лодки продолжали плыть за огромной красивой птицей, подчинявшейся то ли своему чутью, то ли чьему-то приказу.

До скалы Синий Камень, возле которой Илья когда-то слепо выписывал вензеля в колдовском лесавином кругу, ос-

тавалось уже немногим больше километра, скала уже была видна не только в бинокль, но и невооруженным глазом, когда произошли сразу два необычных события.

Сначала в небе появилась темная точка, превратилась в ястреба, и тот напал на альбатроса. А спустя несколько секунд заглохли сразу оба мотора лодок экспедиции. Увлеченные воздушным боем путешественники не сразу поняли, в чем дело, и лишь Илья, стоявший у штурвала, озабоченно глянул на приборную доску, недоумевая по поводу внезапной остановки двигателя.

Ястреб был по размерам меньше альбатроса, но маневреннее и злее и раз за разом таранил гордую птицу, увертываясь от ее крыльев и клюва. Ему, конечно, тоже доставалось в бою, но было видно, что он побеждает. И тогда Илья достал карабин, долго выцеливал хищника над водой и наконец спустил курок. Грохот выстрела разнес тишину озера на стеклянные осколки, вернулся с берега многократным эхом, пока не наступила прежняя первозданная тишина. Только эта тишина стала теперь казаться зловещей.

Ястреб кучей перьев нырнул вниз, упал в воду.

Альбатрос сделал круг над местом его падения, затем пролетел над лодками, неровно махая крыльями — он был серьезно ранен, — и полетел к берегу. Не долетев буквально двух десятков метров, он упал в воду, поплыл и скрылся в камышах.

Пассажиры в лодках, замороженные схваткой, очнулись, обратили внимание на свое положение, и тут выяснилось, что двигатели лодок заглохли намертво.

Илья проверил двигатель на своей, Серафим с Юрием Дмитриевичем на своей, но ничего не обнаружили. Бензина было, что называется, «под завязку», аккумуляторы стояли хоть и не новые, но искру давали, проводка нарушена не была, но движки не заводились.

Начался вечер. Солнце скрылось за стремительно приближающейся пеленой туч. Краски лета и осени, смешавшиеся в конце августа, словно выпцвели. Стемнело.

Илья перестал копаться в моторе, оглядел горизонт, вытер руки ветошью.

— Кажется, приплыли. Природа решила показать свой нрав. И идти-то нам всего ничего...

— Пока не поздно, пошли на веслах, — предложил Антон.

— Что будем делать, капитан? — прокричал Гнедич. — Волна поднимается.

Илья еще раз оглядел горизонт, близкий берег, скалу Синий Камень впереди и вытащил из-под сидений весла.

Глава 13

ЖРИЦА

Этот храм на берегу озера Нильского, представлявшего собой часть озера Ильмень, которую отгораживал остров Войцы с южным мысом под названием Стрекавин Нос, стоял здесь уже более тысячи лет, однако никто из жителей близлежащих деревень и вообще никто из людей, не посвященных в тайну храма, не только никогда не видели его стен, но и не знали о его существовании. Слухи о якобы находившемся в болотах между Гостцами и берегом Ильмени ските староворов ходили, и находились даже старики, утверждавшие, что видели скит собственными глазами, однако, во-первых, слухам никто не верил, а во-вторых, это мало кого волновало в нынешнее время. Канули в Лету времена крещения Руси, долгой борьбы православия с верой в богов Крышень и Свентовит, уничтожения святынь русского народа, возрождения и умирания старообрядческих общин и скитов. Исчезли князи, цари, вожди пролетариата, вожди народов, тираны и благодетели земли русской, предававшие и продававшие ее, пришли новые вожди с демократическими лозунгами «борьбы за права человека», а глубинка Руси-России продолжала жить по-старому, так, как и раньше, — по совести, по добрым отношениям, сохраняя веру в лучшее, справедливое будущее, и никакие политические потрясения не могли лишить народ этой веры.

Но храм Морока, один из трех сохранившихся на земле стоял на берегу Ильмени! И его хранители продолжали свое черное дело, встречая и провожая своего Господина, каждое появление которого означало для Руси, да и не только для нее одной, новые потрясения, революции, катаклизмы, голод, болезни, вспышки насилия и войны.

Масонские ложи, о которых так много писали исследователи-историки, появились гораздо позже храмов Морока, в условиях борьбы религий деятельность их была покрыта за-

весой тайны, а списки членов были засекречены так, что лишь спустя столетия становились достоянием того или иного исследователя, но — не достоянием масс. И тем не менее о деятельности «вольных каменщиков» были наслышаны многие. О деятельности же служителей храмов Морока не знал никто из живущих на земле практически во все времена. Такой мощной была система охраны храмов, обеспечивающая полное сокрытие тайны их существования, поддерживающая легенды, которые служили «доказательством от противного», то есть заставляли людей не верить в наличие на планете тайных сил, контролирующих человеческое общество, или стадо — как о нем с презрением отзывались пастыри душ человеческих, лидеры партий, движений, религий, государственных структур, а также эмиссары магических сил.

Храм Морока на Ильмени перестраивался за свою историю шесть раз и теперь представлял собой каменное здание, напоминающее мавзолей Ленина на Красной площади, увенчанное кудом, ритуальным святилищем в форме фаллоса. Высота храма достигала двадцати пяти метров, и вписывался он в круг диаметром пятьдесят метров. Всего храм имел девять этажей, три надземных и шесть подземных, где жили молодые послушницы, составлявшие основную массу служителей храма. Жрицы первой касты, достигшие возраста пятидесяти лет, располагались на первом надземном этаже здания. Их было мало, они занимались с послушницами, отбирали самых красивых для Господина, служили ему и храму верой и правдой, и только они могли покидать стены храма и появляться на людях, да и то с высочайшего соизволения верховной жрицы.

Послушниц же возрастом от двадцати пяти до пятидесяти лет в храме почти не было. Большинство девочек умирали в первую же ночь Посвящения в момент выхода Морока, не выдержав многократного насилования жрецами. Остальные работали на благо храма до изнеможения и умирали позже, к двадцати пяти — тридцати годам. Жрицами становились единицы, самые сильные и выносливые, истово отдававшие себя Мороку.

О судьбе же тех, кого отбирали для улады самого Господина, не знал никто, кроме верховной жрицы, ибо она была одной из тех, кто смог пройти ад любви ненасытного Бога Морока.

Каста жрецов храма, то есть мужской части его населения,

была немногочисленной. Это были хранители храма — хха, они обеспечивали его охрану, безопасность, маскировку, скрытность, тайну жизнедеятельности, быта и местоположения, хотя практически и не пользовались современными средствами, новейшими достижениями науки и техники для своих целей. Они имели свои методы удержания секретов, проверенные тысячелетиями, опиравшиеся на знания и силы, которые современной наукой просто отвергались как несуществующие. Численность хха российского храма Морока не достигала и ста человек.

Но жриц и послушниц год от года оставалось все меньше и меньше. Все труднее становилось охотникам храма — охам находить красивых девушек, не достигших восемнадцатилетия, все труднее жрицам удавалось уговорить их стать послушницами, и все больше приходилось хха прилагать усилий для охраны красавиц, многие из которых вдруг пытались бунтовать по достижении совершеннолетия и бежать из храма. До сих пор этого сделать не удавалось ни одной послушнице, но свобода манила всех, даже тех, кто согласился стать прислужницами храма по своей воле, и даже жриц первой касты. Именно они и явились источником утечки информации, несмотря на применение изощренных способов магической защиты и всеведение хха. Две жрицы, выйдя на волю якобы для работы с потенциальными послушницами, передали часть своих знаний людям.

Обеих жриц хха потом устранили, как и тех, с кем они смогли побеседовать, но одна из них все же успела написать письмо в Москву, а поскольку контактировала она не с простым человеком, а с волхвом, это письмо дошло до адресата. Последствий же данной утечки не могла предвидеть даже верховная жрица, вынужденная выходить в свет как обыкновенный охха, охотник за юными красотками, так как послушниц катастрофически не хватало, а появление Господина было уже не за горами. С тысяча девятьсот девяностого года он уже бродил по земле, забавляясь разжиганием конфликтов и войн, но больше всего он поработал в России, добившись едва ли не полного разрушения некогда великой державы. Правда, повторить успех шестисотлетней давности, когда в четырнадцатом веке Морок и его подручные смогли развалить Великую Русско-Ордынскую империю, ему не удалось, но он был близок к успеху. А поскольку родина народа-богоносца должна была быть разрушена, он собирался по-

кинуть землю раньше пятилетнего срока для того, чтобы призвать на помощь своего Господина — Чернобога, который скопил достаточно мощи для уничтожения последнего оплота сопротивления черным силам на земле — Руси-России.

Верховная жрица храма Морока на Руси Пелагея знала этот замысел и готовилась к нему, понимая, что если он сойдет, ее тело и душа навсегда уйдут в глубины адов Нави, чтобы служить Господину в царстве мертвых. А это было худшее из зол. Именно поэтому она делала все, чтобы Господин остался доволен ее деятельностью, и девушек для его гарема отбирала лично.

В храме у верховной жрицы были три кельи, соответствующие трем уровням бытия: отшельнически-покаянному, монашескому — для работы с послушниками и жрицами, уровню го-стхи, то есть уровню общения с теми, кого желала видеть Пелагея, и уровню недоступности даже для посвященных; в этой келье, больше напоминавшей номер люкс в «Президент-отеле», верховная жрица отдыхала. Здесь же она принимала понравившихся ей мужчин, сбрасывая груз своих лет и превращаясь в восемнадцатилетнюю красавицу. Правда, это удавалось ей делать все реже и реже, запас юаньшэньши — духовной энергии, позволявшей преобразовывать плоть на короткое время, почти истощился, а комната Ю, наполненная дыханием Морока и используемая для подзарядки, была пуста. Пелагея неистово ждала его возвращения еще и из-за этого, ибо желание мучило ее хуже физической боли.

В этот вечер Пелагея принимала в келье го-стхи повелителя хха, или сотника, как она его называла. Сотнику исполнилось пятьдесят лет, был он могуч телом, черноволос, имел буйную шевелюру, усы и бороду и роскошную поросль на груди. Когда-то и он устаивался чести быть принятым верховной жрицей у нее в келье. Звали сотника Потапом Лиховским, и был он до службы в храме подающим надежды ученым-математиком. Охотники за душами не прогадали, предложив ему заработок, силу и власть, когда он в девяностом году собирался продать кое-какие секреты своего института на Запад, чтобы выжить.

Пелагея сидела на резном деревянном стуле посреди квадратной комнаты без единого окна. Стены комнаты были обиты деревянными планками и покрыты специальным лаком.

Когда в келье загорались искусно спрятанные светильники, стены как бы сами начинали сочиться изнутри рубиновым свечением и становились прозрачными и глубокими.

Потолок кельи всегда был черным, пол же покрыт каменными плитами серого, белого и черного цвета. По углам кельи стояли высокие керамические чаши в форме фаллоса, обвитые чешуйчатыми змеиными телами, которые заканчивались не обыкновенными змеиными головами, а, скорее, крокодильими — с двумя рядами острых зубов. Головы эти могли поворачиваться и шипеть, а глаза их — светиться, что всегда оказывало сильное впечатление на жриц и гостей храма, но еще большее впечатление вызывало появление из пасти змей-крокодилов живых змей, крыс и птиц. Правда, из птиц у Пелагеи к настоящему моменту остались только ворон и ястреб, да и тот куда-то запропастился, не вернувшись из разведывательного полета на озеро.

Вдоль стен комнаты го-стхи стояли простые деревянные табуреты, предназначенные для почетных гостей жрицы, но они в последнее время на протяжении многих лет пустовали. С появлением в Яви Морока гости из других приходов перестали появляться в храме, а своих советников жрица всегда принимала стоя.

Одетая в строгий темно-фиолетовый клобук, повязанная черной шалью с малиновой шестилучевой звездой над лбом, она смотрела, как приближается сотник: мягко, будто крадучись, бесшумно и гибко. На миг в груди шевельнулось желание, но тут же сменилось раздражением. Этот человек сделал так много ошибок, что стал почти ненавистен. Следовало искать ему замену.

Подойдя к стулу, напоминавшему трон, Лиховский поклонился, сверкнув прозрачными ледяными глазами, прижал руку к сердцу.

— Ты звала, Хозяйка, я пришел. — Голос у сотника был хрипловатый, тяжелый, грудной, почти бас.

— Докладывай, — сурово приказала Пелагея.

— С чего начать, госпожа?

— С охоты.

— Гарем Господина почти полон, не хватает двух послушниц, но одна из них, по сообщениям охха, нашлась в Твери, а другая...

— Вторую лелеют и пестуют в Войцах мои родственнички. Что еще?

— Послушниц для мистерии Очищения Врат все равно не хватает, но мы не можем сейчас заниматься их поиском свободно. Вокруг озера рыщут чекисты, милиция, мешают нам готовиться. Они встревожены пропажей девиц и смертью тех, кто...

— Я знаю, — оборвала сотника Пелагея, — работайте! К сроку гарем Врат должен быть полон! В случае чего разрешаю брать всех, кто не так молод, но более или менее красив. Кстати, в группе Пашина, насколько я осведомлена, есть две женщины, посмотри на них. Ты понял?

— Но Господин может...

— Ты понял? Да придет Тот, чье имя будет произнесено!

— Понял, Хозяйка. Да придет Тот... — забормотал Лиховский, сгибаясь в поклоне.

— Теперь докладывай о волхве и его помощниках.

— За волхвом проследить невозможно...

— Возможно! — с гневом ударила себя по колену Пелагея. — Скажи лучше, что вы не смогли этого сделать. Пошли за ним стаю зрячих, используй технику, как я приказывала, сегодня уже неважно, как вы это сделаете, но я должна знать о каждом его шаге!

— Слушаюсь, Хозяйка. — Сотник снова поклонился, лоб его заблестел от пота. — Но не лучше ли волхва просто уничтожить? Я могу застрелить его из снайперской винтовки. Он слишком глуп, чтобы жить так долго.

— Он не глуп и не чета тебе. Он бывший Витязь и может играючи справиться с дюжиной таких, как ты. Да и не застрелишь ты его, он тебя за пять верст учует и ответит так, что костей не соберешь.

Лиховский оскалился.

— Мы тоже кое-чему обучены...

— С волхвом я разберусь сама, — отрезала верховная жрица. — Делай свое дело, разберись с этой проклятой экспедицией. Ты не смог их задержать, насколько я понимаю.

Сотник опустил голову.

— Их не смог задержать даже хваленый Безымень, я же отвечаю за...

— С Безыменя спрос невелик, он слуга чужих господ, да и опустил давно, потерял способности, ты же не должен допустить экспедицию под стены храма. Задержи их на несколько дней, отвлеки до возвращения Господина, он сам придумает, что с ними делать.

— Не проще ли их убить и похоронить в болотах так, чтобы никто не нашел?

— Чтобы сюда слетелось все воронье ФСБ? Дурак! Делай, что говорят. — Пелагея достала из-под стула бутылку темно-красного стекла с двумя горлышками, отпила по очереди из одного, из другого, глаза ее заблестели молодо и воинственно.

Лиховский невольно сглотнул. Среди жриц храма ходили легенды, что это не простая бутылка и содержит она мертвую и живую воду, но никто, кроме самой верховной жрицы, еще не пил из этой бутылки.

— Приведи в боеготовность все силы Нави, — продолжала Пелагея. — В том числе наввхх воинов, они должны быть готовы к выступлению в любой момент. Если бабы экспедиции Пашина не сгодятся в качестве послушниц, укради одну из них, выбери сам какую. Если же и это не поможет остановить этого авантюриста, выпусти на них вторую стаю.

— Слушаюсь, госпожа.

— На всякий случай я разомкну вход в обитель Древнего на озере у Врат, направим экспедицию туда. Может быть, Древний очнется от спячки и отправит всех в свой ад.

Лиховский побледнел, усмехнулся.

— Не круто ли, Хозяйка? Кстати, что нам делать с чекистами, прибывшими к озеру на черной «Волге»? Они встречались с одним из членов экспедиции...

— Знаю. Пока что замысел их мне темен, но если они приехали для поддержки группы Пашина, всех надо будет уничтожить! Следите за ними, но не спугните.

— Слушаюсь, госпожа.

— И еще два дела сделаешь, сотник. У Евстигнея есть Волхварь, надо его украсть и доставить сюда.

— Что это такое, Хозяйка? Сосуд с питием, зелье с ядом, магический предмет, талисман? Опасно ли брать его в руки, не заговорен ли он?

— Это древняя книга, — усмехнулась Пелагея, понимая страх сотника, — одна из священных книг Весты. В ней описаны древние обряды, иерархия богов и деяний. Она не опасна. Подозреваю, что у волхва хранятся и другие книги Весты, но меня больше интересует одна из них — Ягарь. Вот она может быть очень опасна.

— Что же входит в этот Ягарь, заклинания?

— Деяния веры, способы совершенствования людей. Но до нее ты вряд ли доберешься, добудь мне хотя бы Волхварь.

— Как мы его найдем?

Пелагея сняла с указательного пальца правой руки перстень в форме змеи с головой крокодила, протянула собеседнику.

— Глаза этой королевы змей начнут светиться при приближении к книге. Не потеряй перстень, голову сниму!

— Как можно, — растянул в улыбке узкие губы Лиховский. — А второе дело какого свойства?

— Мокрого, — серьезно ответила верховная жрица. — Надо разлучить мою подопечную Владиславу с ее наставницей бабой Марьей. Слишком большую силу взяла старая колдунья. Она может встретить мое предложение неласково, тогда... убей ее!

— Слушаюсь, госпожа, — низко поклонился сотник.

Снова желание шевельнулось в груди жрицы. Она задумчиво ощупала взглядом крутоплечую фигуру сотника, его склоненную голову без единого седого волоска, нехотя прощедила сквозь зубы:

— Иди и помни, что я сказала. Да придет Тот, чье имя будет произнесено.

— Да придет Тот... — отозвался сотник, склонился еще ниже, попятился к выходу и исчез за дверью.

Пелагея посидела еще немного в отрешенной задумчивости, играя тяжелым чешуйчатым крестом на груди из серого металла, со слегка загнутыми концами, так что крест слегка напоминал свастику, с трудом встала со стула, и в этот момент крест в ее руке издал тонкий прерывистый стон, похожий на сигнал сотового телефона. Впрочем, это и был своеобразный «телефон», только не сотовый, работающий совсем на других принципах.

Верхний конец креста, напоминавший когтистую лапу, засветился, над ним маревом задрожал воздух, затем в этом дрожащем облачке протаяла полупрозрачная мужская голова с тяжелым сильным лицом, на котором выделялись мясистые губы, такой же мясистый нос и набрякшие веки. Это был эмиссар Морока, депутат Государственной Думы Виктор Иванович Клементьев.

— Выражаю мое почтение, Хозяйка, — шелестящим голосом произнесла голова Клементьева, разглядывая Пелагею глубоко посаженными черными глазами. — Плохие новости.

— Я вся внимание, Черный Вей.

— Ваша торопливая инициатива вокруг озера возымела негативные последствия. Волхвы начали готовить инициацию вызова Белобога.

Верховная жрица нахмурилась.

— Каким образом это стало тебе известно?

— Я чую шевеление творящего эгрегора волхвов.

— Это не доказательство. — Пелагея растянула в презрительной усмешке бледные старческие губы. — Как говорил один известный ученый, все доказательства того факта, что один плюс один равняется двум, не принимают во внимание скорость ветра.

— Я не знаю такого ученого, — отрезал Вей-Клементьев. — Зато я знаю другого, который рекомендовал: чтобы царствовать — надо молчать!

Верховная жрица сжала губы в узкую синеватую полоску, глаза ее на мгновение вспыхнули угрозой.

— Ты тоже, господин депутат, допустил немало промахов, о коих наш Господин еще ничего не знает. Появление группы Пашина недалеко от храма — целиком и полностью твоя вина.

— Безымень не справился с...

— Безымень всего лишь тень человека, зомби, он исполнитель и свое получит, главный спрос не с него. Да и твое чутье стало тебя подводить. Какие доказательства ты приберег, избобличающие волхвов в намерениях вызвать Белобога? Кого именно они собираются призвать?

Клементьев с видимым усилием справился с собой, погасил недобрый огонек в черных омутах глаз, нехотя проговорил:

— Вероятнее всего, Хорса.

— Не Ярилу, точно? Хорс не опасен, он любитель застолий и веселья и давно не воевал.

— Но его ипостаси Гор и Георгий когда-то победили Змиев, к тому же он покровительствует Витязям.

— Почему волхвы решили вызвать его, а не Ярилу или Перуна? В крайнем случае Стрибога?

— Это их решение, не мое. Кудесники на Руси издревле служили требы и приносили жертвоприношения Богам, покровительствовавшим славянам. По моим данным, волхвы сначала хотели обратиться напрямую к Свентовиту, но по-

считали ситуацию не столь серьезной. Тем не менее прошу заняться вашим извечным недругом Евстигнеем. Его необходимо убрать или в крайнем случае заставить переселиться подальше от храма. Я пришлю вам в помощь Безыменя.

Пелагея хотела отказаться, но подумала и согласилась.

— Однако работать он будет под моим началом.

— Разумеется, Хозяйка.

— И еще: убери отсюда, с берегов Ильмеры, службу безопасности, с милицией я сама справлюсь. Мои люди натываются на чекистов чуть ли не в каждой деревне.

— Суггеренд ФСБ мне неподвластен, — посмурнел Клементьев, — там сменился Директор, но я попробую повлиять на него. Он молод и имеет достаточное количество врагов. Теперь о наших непосредственных проблемах. Мне стало известно, что в экспедиции Пашина есть Витязь.

Брови старухи сдвинулись, нос заострился, лицо на миг стало молодым и грозным.

— Как тебе удалось это узнать?!

Клементьев усмехнулся.

— Я заслал в группу шпиона.

— Безыменя, что ли?

— Нет, пришлось кое-кого заморочить, или, как сейчас принято говорить, запрограммировать. Теперь я буду знать все, что затевает этот авантюрист.

— Это славно, — задумчиво проговорила Пелагея. — Кто же этот шпион?

Вей-Клементьев засмеялся перхающим смехом, покачал перед лицом толстым пальцем.

— Пусть это останется моей тайной, Хозяйка. Главное, что он есть.

— Кто же Витязь?

— Вероятнее всего, бывший зэк Антон Громов. Он появился в отряде не случайно, его вели волхвы. Кстати, возможно, и сам Пашин — Витязь, хотя еще не посвящен. Короче, позаботься, чтобы экспедиция не увидела того, что не имеет права видеть. Да придет Тот, чье имя будет произнесено!

Видение головы Клементьева пропало. Крест перестал светиться. Верховная жрица отпустила крест, подняла руку ладонью кверху и уставилась на нее, пока в горсти не образовался белесый дымный шарик величиной с грецкий орех. То-

гда Пелагея с силой метнула этот шарик в стену кельи, и тот с грохотом взорвался, выплеснув языки ядовито-зеленого огня, проделав в стене глубокую дыру в форме шестилучевой звезды.

Глава 14

ПОСЛУШНИЦА

Владислава сидела на корточках в траве и наблюдала, как на приземистый боровик забирается слизень. Двигался он медленно, с достоинством, но целеустремленно и в конце концов покорил вершину гриба, чтобы тут же спуститься под его шляпку с другой стороны.

Потом привлекла ее внимание оса, поедавшая спелую ягоду малины над головой. Работала она долго, пока не улетела, отяжелевшая, нагруженная нектаром. Слегка зашуршали первые опавшие с клена листья справа от девушки — это выглянула мышь, внимательно осмотрелась по сторонам брусинами глаз и, не обращая никакого внимания на Владиславу, побежала к норке под пнем.

Владислава подняла голову и залюбовалась поляной изумрудного бархатного мха, расцвеченной по краям зарослями брусники. Хрустнула ветка, на перину мха упали две птицы с фиолетово-сизо-черно-рыжим оперением — самец-глухарь и молодой петух, еще не научившийся распознавать опасность в неподвижно сидящем человеке. Владислава могла бы легко поймать глухарей, но не стала этого делать, продолжая наблюдать за жизнью любимого уголка леса. Она не раз сиживала так в кустах, неподвижно и тихо, и природа вокруг становилась частью ее души, в то время как она сама становилась продолжением природы. Они дышали друг другом, улыбались и пели друг другу и не могли жить друг без друга. Правда, в последнее время кое-что изменилось в жизни девушки, она уже не могла всецело принадлежать ни себе, ни миру вокруг и думала об этом непрестанно, понимая, что скоро он ей станет недоступен. По рассказам бабы Марьи, послушницы Морока не имели права на личную жизнь, на ожидание счастья и желание лучшей доли, не могли они рассчитывать и на выход в свет и даже мечтать о появлении сказочного принца, который унес бы их в дальние страны. Но

Владислава мечтала. Образ высокого чернобрового мужчины с лицом святого, сильного и решительного, не побоявшегося вступить в схватку с хранителями храма, все еще стоял перед глазами девушки, а в ушах постоянно звучали его слова: «Будешь ждать? Я приду!...»

Владислава ждала. Верила и не верила, что он придет, грезила с открытыми глазами, постоянно видела сны, в которых он то прилетал птицей, то приплывал рыбой и каждый раз обращался в добра молодца, подхватывал на руки, прижимал к груди и жадно целовал...

И сердце замирало...

— Илья... — прошептала она, забывшись.

Глухари сорвались с поляны, захлопали крыльями, улетели. Послышался треск валежника, шелест шагов, и на краю поляны выросла фигура человека в серо-зеленом зипуне поверх черной рубахи, бородатого и усатого, с густой черной шевелюрой.

— Иди домой, — сказал он скрипучим деревянным голосом.

Это был дядька Дормидонт, которого она звала Черномором, сторож, приставленный к Владиславе теткой Алевтиной. Он сопровождал девушку всюду как тень, таскался следом, и уйти от него она не могла, хотя много раз пробовала это сделать, используя свои чары. Лишь однажды ей удалось убежать от него на берег озера, к Стрекавину Носу, где ей повстречался человек другого мира по имени Илья, — помогла баба Марья, но с тех пор Дормидонт не отставал, бродил за спиной, как леший, и смотреть на него было тошно и противно.

— Иду, — с презрением бросила Владислава и понеслась во всю прыть сквозь кусты, расступавшиеся перед ней, траву и лесные заросли, по кочкам болотца, по тонким жердям, перекинутым через ручьи, стремительная, легкая и светлая, как ветер.

Дормидонт не побежал следом, но оказался у околицы деревни почти одновременно с Владиславой, погрозил ей корявым пальцем, и девушка сбавила бег, пошла шагом, перестав обращать на него внимание. Не все сторожа храма владели легкоступом, то есть умением быстро преодолевать пространство, но Дормидонт умел. Ему было уже за шестьдесят, и ходили слухи, что он учился всяким колдовским премудро-

стям у самой Хозяйки, поэтому Владислава его побаивалась и не любила.

Дом, где жила семья тетки Алевтины, больше похожий на длинный бревенчатый барак, выходил огородами на берег озера Нильского, и к нему можно было пройти тропинкой вдоль деревни, но Владислава выбрала другой путь, через старую конюшню и скотный двор давно умершего колхозного хозяйства, возле которого в небольшой избенке жила баба Марья, ведунья и знахарка, известная далеко за пределами Войцев, единственная женщина, которой Владислава верила больше чем себе. Она знала ее с раннего детства, когда осталась без родителей и была вынуждена жить в семье двоюродной маминой сестры тетки Алевтины. Не суровая и властная Алевтина, о которой говорили, что она якобы является родной сестрой Хозяйки, воспитывала Владиславу, не ее такой же угрюмый муж Спиридон, и не их многочисленная родня, а именно баба Марья.

Для всех она находила доброе слово, никогда ничего не жалела, заботилась о больных, приходивших к ней из соседних деревень, лечила их травами да заговорами, кормила и поила, и редко кто из гостей уходил от нее обиженным или неизлеченным. Во всяком случае, такого на памяти Владиславы еще не было.

Баба Марья копалась в огороде, собирала выкопанную картошку в ведра и относила в голбец. Земля на ее огороде была как пух, об нее невозможно было вымазаться — стрянул с колен и с рук, и все. Владислава очень любила возиться на огороде своей наставницы, хотя и дома всегда было работы невпроворот. Тетка Алевтина никогда не бывала довольна приемной дочерью и не давала ей ни одной свободной минуты. Владислава из-за нее и учиться дальше не стала, закончив местную восьмилетку, и лишь мечтала когда-нибудь вырваться за пределы деревни, закончить где-нибудь одиннадцатилетнюю школу и поступить в институт. В последнее время ей дали больше свободы, заставляя лишь убираться в доме, но объяснялось это просто: приближался день рождения Владиславы, после которого ее должны были забрать в послушницы бога Морока, и девушку старались беречь и даже вовремя кормить, чтобы она выглядела получше. Хотя она и так была красавицей, коих не так уж и много рожала русская земля.

Баба Марья была маленькой, седой и сухонькой старушкой с добрым морщинистым лицом и неожиданно молодыми, голубоватыми, ничуть не выцветшими озорными глазами. Про таких говорят — божий одуванчик, и определить их возраст подчас очень трудно. Владислава тоже не знала, сколько лет ее ангелу-хранителю, а на вопросы о возрасте баба Марья всегда говорила одно и то же: мой век долог, доченька...

— Можно, я помогу, бабушка? — кинулась к лопате Владислава и обрадовалась, не услышав возражений. Было видно, что сегодня баба Марья какая-то не такая, без внутренней улыбки, и это сразу бросалось в глаза. Владислава встретила.

— Что случилось, бабушка?

— Пока ничего, милая, — ответила ведунья, улыбнулась тихо, собрав морщинки у глаз. — Умру я скоро.

— Как это — умру?! Что ты такое говоришь?! — изумилась и испугалась Владислава, вонзая лопату в землю и выпрямляясь. — Почему умрешь? Ты же... — она хотела сказать «вечная» — но постеснялась.

— Мешать я многим стала, — продолжала старушка, — да ты не переживай, Слава, я и так пожила на белом свете больше положенного. А ты живи, жди своего суженого и иди за ним на край света, коли позовет.

Владислава смутилась, легкая краска легла на ее щеки.

— Ты думаешь, он придет?

Баба Марья снова улыбнулась, кротко и мудро.

— Знаю. Уже плывет сюда, не сегодня завтра будет на острове.

У Владиславы потемнело в глазах, перехватило дыхание.

— Ой, правда?! Ой, прости... его же встретить надо... а меня не пустят... что же делать? Как мне его встретить, подскажи?

— Встретишь, доченька, не бойся, он сам объявится, жди его дома. Потерпи, не выдавай себя раньше времени, не то слуги Морока заберут тебя отсюда, упрячут в застенки храма, не выберешься. Ведь ты не хочешь быть послушницей?

На глаза Владиславы навернулись слезы.

— Не хочу, — прошептала она, заметила какое-то движение за спиной бабы Марьи и увидела мелькнувший зипун Дормидонта: сторож маялся поблизости, но на огород бабы Марьи заходить не стал, прятался в соседнем саду.

— Он подслушивает...

— Не бойся, — усмехнулась старушка, бросая пронзительный взгляд на яблони соседа, — ничего он не услышит.

Из сада донеслось ворчание, залаяла собака, послышались тяжелые шаги, потом все стихло. Дормидонт ушел.

Владислава, возбужденная и обрадованная известием о скором появлении ее принца и в то же время огорченная и напуганная намеками наставницы о скорой ее смерти, принялась копать картошку, и некоторое время женщины не разговаривали, думая о своем. Потом баба Марья искоса взглянула на девушку, улыбнулась, украдкой сделала рукой странный жест — будто вытягивала что-то из воздуха, завивала в спираль и отбрасывала прочь. И тотчас же настроение Владиславы изменилось, она повеселела, стала дышать спокойнее, на лицо ее легла печать задумчивости. Она посмотрела на бабу Марью и вдруг сказала, вздохнув с какой-то завистью:

— Какая же ты красивая, бабушка!

Старуха засмеялась.

— Красивая, как кобыла сивая.

— Да нет, я не то хотела... ты внутри светишься... и так... — Владислава сбилась, покраснела, беспомощно пожала плечами и... засмеялась вместе со старушкой.

— Была и я когда-то красавицей, — добавила баба Марья. — Прошли те годы, но не о том жалею. Терзают нашу землю черные силы, и все меньше красивых и сильных людей она пестует, все больше больные и равнодушные плодятся. И Витязи почти перевелись.

— А кто они такие, Витязи, бабушка? Воины?

— Не только воины, а все те, кто в равной мере заботится о каждом человеке, включая души, обретшие в нынешнем своем воплощении тела животных, птиц и растений. Витязь и должен беспокоиться, чтобы никто не был голоден, чтобы каждый имел кров, крышу над головой, чтобы никого не обижали, не притесняли или, Боже упаси, не убили! Наши русские Витязи всегда отстаивали свободу и справедливость, да мало их осталось, оттого и почернело вокруг.

— Где же они сейчас? Почему не вмешаются во власть, чтобы всем хорошо было жить? Почему допустили такое положение, что мы все бедствуем?

— Непростые вопросы ты задаешь, девонька, — разогнулась баба Марья, — и непростые ответы на них требуются. Витязи еще не перевелись окончательно на нашей земле, но

их мало, и учителей их, волхвов, почти не осталось. Я на своем веку с двоими встречалась, теперь вот один он остался в здешних краях, да и тот связан по рукам и ногам.

— Как связан? — округлила глаза Владислава.

— Это я иносказательно. Здесь он живет, возле Ильмеры, в деревне Парфино, а сделать ничего не может, опереться ему не на кого. Вот разве твой суженый поможет?

— Он разве Витязь?

— Он пока только хороший воин, но может стать и Витязем, если учиться станет. Дед Евстигней поможет, ты тож, да и я, ежели успею. А там, глядишь, и другие Витязи услышат, прискачут на помощь. Да, вспомнила. — Баба Марья ловко высыпала ведро картошки в мешок. — Предупредить надо деда Евстигнея: задумали недруги обитель его испоганить, дом заколдовать и священные книги украсть. Пошли к нему своего Огнеглазого.

Владислава недоверчиво посмотрела на старушку, на ее легкие сухие руки, сноровисто подбиравшие клубни картофеля. Речь шла о ее волке.

— Огнеглазый же не умеет разговаривать...

— А ты нашепчи ему в ухо, что я тебе сказала, дед сам разберется, как с волком-то побеседовать.

— Хорошо, нынче же пошлю.

— И суженому своему скажи: есть подземный ход к храму со стороны Боровского болота, у старого кладбища, ему тыща лет, почитай, исполнилось. А храм в воде озера отражается. Сам-то он так простому глазу не виден, под колдовским колпаком спрятан, а в воде отражается, увидеть можно.

— Почему же я его не видела? Все озера кругом исходила, везде с Огнеглазым была...

— Это озеро ты не знаешь, оно от Стрекавина Носа на восток начинается, через протоку от Нильского. Но протока та заклята, да и охраняется, а вот о подземном ходе мало кто знает, может, хха и не сторожат его уже.

— Кто-кто?

— Хранители храма, главная жрица их называет коротко — хха.

— Откуда ты все это знаешь, бабушка?

— Я тоже когда-то послушницей была. — Старушка усмехнулась, поднимая на девушку ясный взгляд. — Да убежала. Спрятали меня добрые люди, другое имя дали, обличье

поменяли... — Баба Марья мелко засмеялась, заметив, как широко раскрываются глаза Владиславы.

— Так все и было, давно только, лет сто назад.

— Сто лет?! Ой-ой-ой!.. Никогда б не поверила... прости, бабушка.

— Ничего, я и сама уже не верю.

— И как же тебя звали тогда?

— Радой меня звали, дочка, только не говори об этом никому. Кто мое имя узнает, тот враз может меня жизни лишиться.

Что-то прошумело в кустах малины у соседей. На ветку яблони тяжело взобрался черный ворон, клюнул яблоко, посмотрел на замерших женщин и взлетел. Хриплый его карк донесся с неба, и все стихло.

— Иди-ка ты домой, милая, — заторопилась баба Марья, покопалась под фуфачкой на груди, достала что-то и протянула Владиславе. — Держи вот оберег, он тебя оборонит от зла всяческого, не даст темным силам в душу твою проникнуть.

На ладошке ведуньи лежал тускло блеснувший золотой кружок с выбитой на нем девятилучевой звездой.

— Это амулет Духа Святого, — добавила баба Марья, — символ чистоты и непорочности. Береги его, никому не показывай, в руки не давай и всюду с собой носи. Мне его еще моя бабушка дала, а ей — ее.

— Спасибо, — прошептала Владислава, бережно принимая тяжелый и холодный, но затем вдруг ставший теплым и легким, шелковистым на ощупь, оберег. Перевела удивленный взгляд на старушку. — Он... стал...

— Он тебя принял, — улыбнулась баба Марья. — Понравилась ты ему. А теперь беги. Бог даст, вечером свидимся.

Владислава бросилась бежать, длинноногая, легкая и стремительная, как лань, и внезапно вернулась, смущенная, с румянцем во всю щеку.

— Бабушка, только не смейся... Что такое любовь?

Баба Марья без удивления, но с веселыми искрами в глазах посмотрела на девушку, прочла в ее душе затаенное желание быть счастливой, у з н а т ь жизнь и покачала головой.

— Любо-овь, говоришь, девонька? О, это душой надо почувствовать и загореться и ничего потом не бояться. Любовь на земле нашей всегда только попытка полета, всегда только взмах крыльев. — Голос ведуньи на мгновение пресекся, стал

грустным. — Любовь, Славушка, всегда голос будущего в настоящем. А еще это слияние с природой, ожидание счастья, исполнение неведомых никому предначертаний Правы. Любовь, милая моя, глубоко мистическое чувство, и подвластно оно не каждому смертному.

— Значит, я люблю... — выдохнула Владислава, вспыхнула от какого-то внутреннего порыва и убежала.

Старая ведунья осталась стоять в огороде, опираясь обеими руками на лопату, и лицо у нее стало старым и несчастным.

— Беги, беги, звезда моя, — проговорила она едва слышно, — беги навстречу своему счастью, не выпускай его из рук, может быть, ты сумеешь его удержать...

Глава 15

СТРЕКАВИН НОС

Вопреки опасениям Ильи до южного мыса острова Войцы экспедиция добралась быстро без каких-либо конфликтов и эксцессов, на веслах преодолев расстояние в четыре с лишним километра от точки, где заглохли моторы, до берега, опередив на полчаса начавшуюся бурю.

В камышах ни ветер, ни волны, поднявшиеся на озере, лодкам были уже не страшны, и, переждав шквал, путешественники высадились наконец на Стрекавином Носу, разве что не в том месте, где приставал Илья, а чуть восточнее, где заканчивалась протока, соединявшая Ильмень с озером Нильским.

Берег в открывшейся взору путешественников бухточке был песчаный, с крутым откосом, и поднимался вверх метров на пять, переходя в ровную площадку, заросшую травой, но почти свободную от кустарника и деревьев. Точно посреди поляны стояла сухая береза с обгоревшим внизу стволом — видимо, под ней когда-то разжигали костер. Здесь же и решили разбить свой лагерь начальники экспедиции в лице Ильи и Юрия Дмитриевича.

Палатки ставили в спешке, по кругу, центром которого стала высохшая береза. Ветер немного стих, зато начался дождь, поэтому с разведением костра решили подождать, надеясь на скорый конец непогоды. Однако груз в лодках решили не оставлять даже на короткое время, поставили спе-

циальную хозяйственную палатку и перенесли в нее все добро экспедиции. Затем разместились в палатках по двое: женщины отдельно, Тымко с Гнедичем и Антон с Ильей.

Дежурным вызвался быть Юрий Дмитриевич, но топливо для костра должны были заготавливать все, чем путешественники и занялись, когда дождь слегка стих. Вскоре они свалили две сухие елки, распилили двуручной пилой, и опытный в таких делах Пашин разжег костер. Бивуак сразу приобрел законченный вид.

— Поиски камня начнем завтра, — решил Илья; было видно, что он возбужден, хотя и пытается скрыть это. — Дежурить у костра будем по очереди. Юрий Дмитриевич — до двенадцати ночи, в полночь поддерживать огонь будет Серафим, в четыре утра его сменю я. А ты, — опередил вопрос Антона Илья, — начнешь дежурство через сутки. Мы сюда приехали не на один день.

С этими словами Илья нырнул в свою палатку и вернулся уже переодетый в мягкую серебристую непромокаемую куртку и сапоги. Все молча смотрели, как он укрепляет на ремне чехол с ножом.

— Куда ты собрался? — спросил наконец Серафим.

— За кудыкины горы, — усмехнулся Илья. — До темноты вернусь. Отдыхайте пока, рыбку половите.

Антон и Валерия переглянулись, понимая чувства Пашина. Юрий Дмитриевич неодобрительно покачал головой.

— Одному я бы тебе не советовал бродить по здешним болотам, незнакомые места — опасные места.

— Я бродил один по джунглям Мадагаскара, — отмахнулся Илья, — а этот лес — не джунгли.

— Тогда хоть карабин возьми, дашь сигнал в случае чего.

— Ничего со мной не случится, и сюда я пришел не воевать и не охотиться. Антон, отойдем-ка.

Они удалились на два десятка шагов на берег озера. Противоположный берег — сплошная стена тростника и кустарника — был близко, но из-за пелены морозящего дождя казался размытым и далеким.

— Ты ничего не чувствуешь? — понизил голос Илья.

— Давно прислушиваюсь. Ничего.

— Вот и я тоже. И это меня тревожит больше всего. Не могли же сторожа храма оставить нас в покое. Готовят очередную пакость?

— Не исключено. Юрий Дмитриевич прав, не надо бы тебе никуда ходить.

— Я и сам знаю, — сквозь зубы проговорил Илья. — Мне бы только Владиславу найти, поговорить с ней, в глаза заглянуть... понять, ждала или нет.

— Будь осторожен.

— Какая к дьяволу осторожность, когда влюблен! — Илья криво улыбнулся. — Давно не ощущал себя мальчиком, как сегодня, и знаешь, — он снова улыбнулся, — это даже приятно.

— Если понадобится помощь — позови вслух, крикни: «Антон!» — я услышу.

— Надеюсь, ничья помощь мне не понадобится.

В кустах за спиной разговаривающих раздался шорох. Они оглянулись и увидели волчью морду с горящими желтыми глазами, выглядывающую из-под лап молодой ели. Антон искоса посмотрел на Илью, но тот остался спокоен, внимательно разглядывая зверя, и вдруг шагнул к нему, присел на корточки, сказал негромко:

— Привет, старина. Ты не за мной ли послан случайно?

Волк молча показал зубы — это была настоящая улыбка! — попятился, не сводя горящих глаз с Ильи, как бы приглашая его за собой. Тот разогнулся, с торжеством и волнением посмотрел на Антона.

— Она прислала его за мной, понимаешь? А это значит, что меня здесь ждут. Чао, мастер. К ночи буду.

Илья нырнул в кусты за отступившим зверем и исчез за деревьями. Антон некоторое время прислушивался, улавливая чавкающие звуки шагов, пробормотал про себя: «Восток — дело топкое», — потом задумчиво побрел вдоль берега, глядя под ноги, и через десяток шагов вдруг понял, что идет по кладбищу. Нога едва не наступила на каменную плиту, утонувшую в земле, с выбитым на ней крестиком и какой-то полустершейся надписью. Еще одна такая же плита виднелась поодаль, а между деревьями кое-где открылись взору и покосившиеся каменные кресты.

Вспомнился анекдот Серафима, рассказанный им во время перехода на веслах от Синего Камня к острову.

Матрос вбегает на капитанский мостик:

— Капитан! Смотрите, якорь всплыл!

— Да-а-а... — задумчиво поскреб затылок капитан, — плохая примета...

— Да, — вслух пробормотал Антон, — плохая примета. Только кладбищ под боком нам не хватало.

Он побродил между плит и крестов старого кладбища, попросшего малинником и брусничником, попробовал прочитывать надписи на надгробных плитах, но смог только установить год захоронения одного из умерших: тысяча семьсот девяносто второй. Подивился столь древнему возрасту кладбища и его богатству: такие плиты и кресты могли устанавливать своим родственникам только зажиточные люди в городах либо священнослужители. На острове же по идее никогда не было ни города, ни церкви, и каким образом здесь образовалось целое кладбище, приходилось только гадать.

Дождь прекратился совсем, тучи стали расходиться, по-свежело.

Насчитав два десятка плит и столько же крестов, Антон повернул в глубь острова и наткнулся на странную поляну с поваленными по кругу, засохшими, почерневшими от времени деревьями, вершины которых указывали на центр поляны. Трава на ней не росла, а почва была необычного ржавого цвета, будто пропитанная кровью. И веяло от поляны застарелой бедой и угрозой.

Обойдя поляну стороной, размышляя над тем, как она могла образоваться, — Антон повернул назад к лагерю и рассказал о своей находке гревшимся у костра членам экспедиции.

Особого интереса, однако, его сообщение не вызвало, но Серафим все же уговорил Анжелику посмотреть на кладбище вблизи, и они ушли. Юрий Дмитриевич спустя минуту тоже куда-то исчез, не предупредив по обыкновению никого, и у костра остались сидеть Валерия и Антон, которому стало казаться, что за ними наблюдают чьи-то внимательные, но не человеческие и не звериные глаза.

Он попробовал определить направление взгляда, переведя себя в состояние пустоты, однако выходило, что взгляд этот рассеянный, слагающийся из сотен крошечных взглядов из травы, кустов и листвы деревьев, так что в конце концов у Антона сформировалась догадка, что он чувствует внимание местного сообщества насекомых. Чтобы отстраниться от этого ощущения, он завел разговор о найденном кладбище, а также поведал Валерии о поляне, превращенной упавшими к ее центру деревьями в необычную многолучевую звезду.

— Я тоже видела такое явление, — отозвалась женщина, замороженно глядя на язычки огня, лизавшие поленья и ветки. — Ты слышал что-нибудь о сети Хартмана? Это сетка геомагнитных излучений, она делит земную поверхность на аномальные и пустые зоны. В местах ее узлов, пересечений линий, образуются геопатогенные зоны. Старики называют такие зоны «выходами сил». Ты видел, очевидно, «выход черной силы», а есть «выходы белой», где наблюдается буйное цветение трав, а деревья лежат вершинами от центра зоны и при этом зеленеют, не сохнут. Как правило, в центрах таких зон располагаются родники или озера чистой воды.

— Занятно, — сказал заинтересованный Антон. — Я подумал: уж не бомба ли магическая там взорвалась?

— Выходы черных сил иногда называют «чертовой свадьбой». По легенде в таких местах собирается нечистая сила и «гуляет свадьбу», то есть подпитывается черной энергией.

— А ты чертей или бесов видела?

— Нет, — покачала головой женщина, очнувшись, оторвала затуманенный взгляд от костра и посмотрела на Антона. — Бес и черт — не одно и то же. Бес, у египтян он назывался через «э» — бэс, был богом похоти и чужих стран, да и у нас, на Руси, он имел такое же значение, а этимология слова «черт» имеет по крайней мере два значения. Первое: черт — это проклятый ангел, преступивший черту, границу. Второе: черт — это искаженное четр или чатр, то есть человек, достигший уровня бога. Чатры были учителями наших предков, а когда Русь крестили, христиане отождествили чатра-чёрта с бесом для искажения наших божественных Пантеонов. А ведь если ты помнишь, все рассказы о чертях имеют комедийный, шуточный характер. Нет ни одного, где бы черт кого-то загрыз, зарезал, выпил кровь, как вампир, или живьем закопал в землю.

— Здорово, — сказал Антон искренне. — Никогда об этом не думал и нигде не читал. Ты все это в архивах выкопала или услышала от дедов?

Валерия не успела ответить. Где-то далеко за островом слышался стрекот лодочного мотора, стих. Но вскоре раздался снова, уже ближе, а через несколько минут к берегу, возле которого стояли лодки экспедиции, пристала еще одна. Пылались голоса, чавкающие звуки шагов, и к костру вышли трое мужчин в брезентовых плащах с капюшонами. Старший на голове носил милицейскую фуражку, а сопровождали его два молодых человека под два метра ростом со

стандартными квадратными сонными лицами типичных шестерок.

— Кто такие? — властно спросил милиционер, останавливаясь напротив вставших с бревна Антона и Валерии.

— А вы кто? — почти вежливо поинтересовался Громов.

Прибывшие переглянулись. Старший нахмурился. Внешность у него была никакая, неприметная: мелкие черты лица, маленькие глазки, утиный носик, острый подбородок, — но держался он будто генерал на плацу.

— Ты не умничай, турист, документы покажи.

— А это еще зачем? — агрессивно вмешалась в разговор Валерия. — Вы что, у всех приезжих документы проверяете? У вас здесь паспортный контроль, таможня? Или вы нас за бандитов принимаете?

— Синицин! — бросил милиционер за спину. — Поройсь-ка в палатках.

Один из сопровождавших его амбалов двинулся к палаткам, второй шагнул к Валерии. Плащ у него распахнулся, и стала видна дубинка в руках с металлическим набалдашником. Антон сразу узнал электрошокер «павиан» отечественного производства.

— Эй, командир, — окликнул он вожака группы, — может, скажете, что вы ищете? Водки у нас нет.

— Умник, — скривил губы милиционер. — Сюткин, дай ему в зубы, чтоб замолчал.

Амбал с электрошокером ткнул дубинкой в лицо Антону и грохнулся на спину от удара ногой, роняя дубинку, пролетев три метра по воздуху. Наступила удивленная тишина. Второй амбал, распахнувший полог палатки с оборудованием экспедиции, оглянулся, выпрямился и пошагал обратно к костру. Его начальник изумленно выругался, сунул руку в карман и достал пистолет.

— Вот вы, значит, как! Соппротивление властям?! А ну лечь! Быстро! Я кому говорю?!

— Что за шум, а драки нет? — послышался сзади насмешливый голос, и на поляну вышли Серафим с Анжеликой. В руках Тымко держал карабин. — Ну, господин хороший, посоревнуемся в стрельбе? Или ты сам отдашь свою пукалку?

Милиционер побледнел, нервно облизнул губы, оглянулся на замерших помощников. Тот, кого Антон угостил добротным хидари гедан уширо гери кааге — так длинно назывался этот удар в карате, в русбое он назывался проще — сте-

нобит, — зашевелился, вытащил второй пистолет, и Антон, подхватив с земли электрошокер, легонько дотронулся до ноги парня.

Голубая змейка разряда сползла с клеммы дубинки на мокрую штанину, раздался вскрик, и парень выронил оружие.

— Не советую, — сказал Антон, покачав головой, заметив движение — рука в карман — второго амбала.

— Ой, — обрадованно проговорил Тымко, — он явно хочет подраться! Давай, давай, малыш, не бойся, больно не будет. Ты кладешь пистолетик или что там у тебя, я ружье, и мы попрыгаем в спарринге. Победишь ты — мы сдаемся, побежу... или как там — победу? — я — вы тихо уберетесь отсюда. Идет?

На поляну из леса вышел озабоченный Гнедич.

— Что тут у вас происходит?

— Вот прибыли гости, — осклабился Серафим, — хотят устроить турнир по борьбе.

— Помолчи, Сима, — недовольно сказала Валерия. — Я не знаю, кто они такие, но ведут они себя по-хамски. Документы требуют, в палатках обыск решили учинить.

Гнедич подошел к мужчине в фуражке.

— Кто вы?

— Лейтенант Даргомыжский, — засуетился тот, доставая удостоверение офицера милиции. — Пролетарское отделение внутренних дел. Увидели ваши лодки на озере и решили проверить, что за люди. Знаете, сейчас начался сезон сбора грибов, и мы уже третий лагерь грибников накрываем.

— Разве грибная охота под запретом? — поднял бровь Юрий Дмитриевич. — В чем криминал? Или наша Дума издала закон, запрещающий собирать грибы?

— Вы не поняли. Запрещается собирать грибы-псилюбцизны, от них у людей сильные «глюки», потому как это наркотик.

— Речь, видимо, идет о грибах-псилобицинах, — усмехнулась Валерия. — Они галлюциногены и действительно вызывают сильные наркотические галлюцинации.

— Точно так, гражданка, — шаркнул ногой лейтенант Даргомыжский. — Вот мы, это, значит, и колесим по краю.

— Колесите дальше. — Гнедич вернул милиционеру удостоверение. — Я подполковник Федеральной службы безопасности. — Он издала показал офицеру свою малиновую

книжечку. — Начальник экспедиции. Это мои подчиненные. Вопросы есть?

Милиционер открыл рот и закрыл.

— Извините, нет. Простите, я не знал... сейчас мы уйдем... всех вам благ... извините... — Он стал подталкивать своих помощников в спины. — Мы уже уходим. До свидания...

— Ну вот, — разочарованно протянул Серафим. — Не дали размяться. Прямо эйдиотизм какой-то!

Валерия с любопытством посмотрела на Тымко, по ее губам промелькнула улыбка.

Доблестные стражи порядка ушли. Заработал двигатель моторки, звук его резко усилился и стал удаляться, пока не стих где-то за островом со стороны Ильмень-озера.

— На минуту оставить нельзя, — с неопределенным упреком сказал Юрий Дмитриевич, покосившись на Антона. — Как маленькие дети. Неужели нельзя было уладить конфликт мирным путем?

— Конфликты мирным путем не разрешаются, — окрысилась на мужа Валерия. — Конфликт он и есть конфликт, то есть ссора, столкновение интересов. — Она повернулась к Серафиму. — А что ты имел в виду, произнося слово «эйдиотизм»? Что-то я такого термина не знаю. Есть слово «эйдети́зм» — способность сохранять яркие образы, есть идиотизм, что объяснять не требуется. Какой вариант тебе ближе?

— Ну, я... это... — пробормотал Серафим, — хотел сказать... Да что ты ко мне прицепилась? Знаешь, что мы обнаружили на кладбище?

Он оглянулся на державшуюся отчужденно и тихо Анжелику.

— Странное кладбище, — сказала женщина равнодушным тоном. — Все кресты, которые там стоят, их верхние концы...

— Имеют форму мужского члена! — закончил Серафим. — Представляете?

Все посмотрели почему-то на Антона, потом на Анжелику.

— Да, это ярко выраженная фаллическая форма, — подтвердила та. — Так странно... никогда не видела подобных кладбищ.

— Я не приглядывался, — пробормотал Антон, краснея, в ответ на взгляд Валерии.

— Действительно, странно, — сделался задумчивым Гнедич. — Кого же здесь хоронили? Пойду-ка посмотрю.

Он исчез в кустах.

— Пошли, посмотрим и мы, — предложила Антону Валерия. — Пока не стемнело.

— Идите, идите, — осклабился Тымко, добавил двусмысленно: — Вам это будет полезно. А мы тут с Анжелой посидим у костра, погреемся.

Валерия пододела под штормовку свитер, и они направились в ту сторону, где скрылся Юрий Дмитриевич. Вышли к кладбищу, кресты которого в самом деле заканчивались фаллосами, причем не только верхние концы, но и горизонтальные, что было видно не всегда: камень крестов выщербился, осыпался, потрескался, скрывая былые очертания.

— Анжелка права, — тихо сказала Валерия, осматривая один из покосившихся крестов, — таких кладбищ на земле мало и видеть их не положено. Зачем нам позволили его увидеть, это вопрос.

— Ты думаешь, оно связано... с камнем Ильи?

— Камень с Ликом Беса и эти кресты — звенья одной цепи — культа демона Морока. Здесь наверняка хоронили жрецов храма. Удивительно, что мы остановились именно в этом месте.

Антон напрягся. Опять показалось, что на него со всех сторон смотрит множество маленьких глаз, принадлежащих всем местным насекомым. Взгляд этот не был угрожающим, но и приятного в нем было мало.

— Откуда ты так много знаешь? — проговорил Антон, чтобы перевести разговор на другую тему.

— О чем? — удивленно посмотрела на него спутница.

— Об эйдетизме, например.

Она улыбнулась.

— Я же филолог, специалист по славяно-тюркским диалектам, училась, много читала, изучала архивы, да и по стране поездила немало в поисках народного фольклора. Ты даже представить не можешь, сколько разных преданий хранит память народа, не вошедших ни в один учебник, не отраженных ни в одном эпосе и документе. Я лишь сама недавно поняла, насколько же велик и могуч русский язык!

Они медленно двинулись в обход кладбища, стараясь не касаться мокрых кустов и ветвей деревьев. Трава в лесу тоже была мокрая от дождя, но не очень высокая, и сапоги пока вырубали.

— Русскому языку на самом деле более ста тысяч лет, — продолжала Валерия. — Я имею в виду корневую систему.

Именно от древнерусского спустя тысячелетия образовались санскрит, протославянские и протоиндийские диалекты, а многие другие языки испытали на себе его влияние. Вот нам всю жизнь твердили: татаро-монгольское иго, татаро-монгольское иго, подразумевая, что Русь пребывала в многосотлетнем рабстве, не имея своей культуры, своей письменности. Какая чушь! Не было никакого татаро-монгольского ига! Иго вообще с древнеславянского — «правление»! Понимаешь? Слова «войско» и «воин» не являются исконно русскими, они церковнославянские и введены в обиход в семнадцатом веке вместо слов «орда» и «ордынец». До насильственного крещения Русь была не языческой, а ведической или, скорее, вестической, она жила согласно традициям Весты, не религии, а древнейшей системы универсального знания. Русь была Великой империей, а нам навязали взгляды немецких историков о якобы рабском прошлом России, о рабских душах ее народа.

Валерия возмущенно фыркнула.

Они вышли к поляне с поваленными к центру деревьями. Валерия кинула беглый взгляд на поляну, но мысли ее были далеко отсюда.

— Знаешь, каким образом легче всего уничтожить истинную память о прошлом? Надо просто изменить письменность. Важнейшим диверсионным актом Рюриковичей, этой банды варягов, сумевших захватить трон русско-ордынской власти, было изменение древнерусской письменности. На смену глаголице, праславянскому письму пришла кириллица, и уже через два поколения никто не смог прочитать правду о прошлом Руси, кроме единиц, ученых-историков, знавших древние языки. Только кто их слушал? Массам было внушено то, что они д о л ж н ы были помнить.

— Но кириллица... я считал, что...

— Что у нас до Кирилла и Мефодия не было своей письменности? Была! Древнерусская Всесвятская грамота имела сто сорок семь букв! А глаголица сохранила лишь тридцать девять, из которых складывались всего лишь обычные слова, касающиеся повседневной жизни.

— Я не знал...

— Вот видишь, и ты человек массы, в подсознание которого загнана искаженная информация о нашем прошлом. Как оказалось, изменение письменности и сокращение числа букв — надежнейший инструмент стирания исторической

памяти любого народа, примитивизации языка и мировоззрения. А ведь русский язык — это естественный язык природы, язык, которым мы творили этот мир. Он старше всех языков, в том числе греческого и финикийского, этрусского и санскрита, арабского и критского, и стоит на уровне первооснов бытия. Вообще русская азбука древнейшая из возможных и по большому счету шире, чем азбука. Это учение о целостности Мироздания!

Антон пытливо взглянул на раздумывавшееся лицо Валерии, заинтересованный ее горячностью и увлеченностью. Она заметила взгляд, виновато улыбнулась.

— Извини, я привыкла спорить с ортодоксами и спокойно о нашем прошлом говорить не могу. — Валерия ковырнула носком сапога рыже-черный дерн поляны, почти сухой, несмотря на прошедший дождь. — Странное все же место, верно?

— Правда, — согласился Антон. — Здесь все странное: земля, вода, воздух... кладбище... Я все время ощущаю на себе чей-то взгляд и никак не могу определить, кому он принадлежит. Одно знаю точно: это взгляд не человека и не зверя.

Валерия оглянулась по сторонам, зябко передернула плечами.

— Да, мне тоже чудится какой-то странный ток воздуха, будто вокруг танцуют электрические привидения. Может, вокруг поляны, где когда-то нечистая сила справляла «свадьбу», до сих пор нарушен естественный природный фон? Пошли обратно в лагерь.

Они повернули назад, в лес, где стало значительно темнее: неотвратимо наступал вечер, хотя небо уже почти очистилось от туч. Еще больше похолодало.

— Как ты думаешь, — негромко сказала Валерия, стараясь держаться поближе к Антону, — случайно или нет появление милиции в такой глуши?

— Уверен, что не случайно, — отозвался Антон, беря женщину за руку. — Она не контролирует все побережье озера, никаких сил не хватит, милиционерам кто-то сообщил о нашем появлении, но они не знали, что с нами Юрий Дмитриевич, то есть представитель спецслужбы, иначе действовали бы по-другому.

— Как?

— По-другому, — уклонился от ответа Антон, зная, как

действуют спецназовцы при малейшем сопротивлении силам правопорядка.

Они пересекли кладбище, остановились у почерневшего от времени креста с выщербленными полуотбитыми концами, верхний из которых действительно имел форму фаллоса.

— Понимаешь, я... — начала Валерия и вдруг отшатнулась с тихим вскриком: — Змея!..

Антон увидел пресмыкающееся чуть позже, застыл, глядя на выглядывающую из травы голову гигантской змеи, похожей на голову щитомордника с бусинами глаз. Но у этой твари голова была гораздо длиннее и в миниатюре очень смахивала на крокодиля.

— Тише! Замри! Не двигайся, что бы ни происходило!..

Змея стала вырастать, подниматься над травой, будто из земли ее выталкивал поршень, медленно повернула голову к Антону и снова обратила свой взор на Валерию. Громко так же медленно достал из чехла на поясе нож, приготовился метнуть его в крокодиловидного щитомордника и внезапно заметил слева головы еще двух змей. Ощущение взгляда в спину усилилось, обострившийся слух уловил шуршание змеиных тел не только слева, но и сзади, со всех сторон, и Антон понял, что его интуиция не зря давно подавала сигналы, уловив изменение биоэнергетических потенциалов леса. Вывод был ясен: сработала еще одна «магическая мина» здешних мест, инициировав нападение змей на пришельцев.

— Спокойно! — быстро сказал Антон одними губами. — Это герпетоатака! Как только я расправлюсь с этой королевской гадюкой, беги что есть сил к лагерю. Я за тобой.

Он подождал несколько мгновений, настраивая организм на переход в пустоту, и резко махнул левой рукой перед мордой змеи, а когда она нырнула вперед, реагируя на движение, одним ударом ножа отсек ей голову.

— Беги!

Валерия сорвалась с места, вскрикнула, наступив на упругое змеиное тело, продралась сквозь кусты и исчезла. Антон метнулся за ней, но вынужден был задержаться. Во-первых, для того, чтобы отбить атаку еще двух пятнисто-пестрых тварей, а во-вторых, он случайно задел тот самый крест, у которого затаилась великанская змея с крокодиловидной мордой, и тот со скрипом отъехал в сторону, открыв зев какой-то пещеры в земле.

Антон увидел ступеньки, уходившие в темноту, нагнулся. В нос шибануло странными запахами, среди которых присут-

ствовали и знакомые: запахи тления, ржавого железа, сторевавшего пороха и пластика. Это явно был вход в подземный склеп какого-то древнего властителя либо монашеский схрон, его следовало разведать, но змеи продолжали ползти со всех сторон, и Антон поспешил покинуть это змеиное гнездо.

В лагерь он прибежал всего на полминуты позже Валерии, вокруг которой уже собрались встревоженные члены экспедиции.

— Вы можете толком рассказать, что у вас опять случилось? — хмуро обратился к нему Гнедич. — Где вы умудрились найти змей?

— Их там десятка три, если не больше, — сухо ответил Антон, понимая взгляд подполковника и его подчеркнутое «у вас». — И все они ползут сюда. Скорее всего это спровоцированное кем-то нападение, надо либо садиться в лодки и пережидать на воде, пока оно не закончится, либо забираться в палатки. Но я не уверен, что палатки выдержат.

— Что за чушь, Гром? — недовольно-скептически пробурчал Серафим. — Откуда на острове столько змей?

И в этот момент Анжелика взвизгнула:

— Вот они!

Гнедич и Тымко вздрогнули, оглядываясь, и попятились. Из-за стены кустарника на поляну выползали змеи, и было их столько, что за телами не было видно земли. Этот шипяще-скрипучий вал покатился к палаткам и костру, сметая все на своем пути, и остановить его не смог бы, наверное, и напалм.

— К лодкам! — бросил Юрий Дмитриевич.

— Но у нас есть ружья... — заколебался Тымко, — отстреляемся.

— Не стоит поднимать шум на всю округу, переполошим все близлежащие деревни. К тому же на всех змей не хватит боеприпасов.

Они отступили к воде, где тоже появились змеи, сбросили с лодок две-три заползших туда гадюки и отплыли, глядя, как на берег вываливается пестрая груда змеиных тел.

— Ужас! — прошептала Анжелика, хватаясь за Валерию.

— Ничего, они нас уже не достанут, — успокоила та испуганную подругу.

Однако змеи умели плавать, они лезли в воду и плыли, извиваясь, за лодками, поэтому пришлось братья за весла и отплывать все дальше и дальше, сначала к противоположно-

му берегу бухточки, потом в протоку и еще дальше, в озеро Ильмень.

Атака змей закончилась лишь через час, когда окончательно стемнело, но и после этого ошеломленные проявлением столь откровенной змеиной агрессии путешественники не сразу двинулись назад. В лагерь они попали в одиннадцатом часу, обнаружив потухший костер, поваленные палатки и разбросанные вещи. Хозяйство экспедиции, к счастью, оказалось нетронутым.

Разожгли костер, заготовили факелы, молча принялись наводить порядок, пугливо вглядываясь в темноту, тыкая факелами в каждую подозрительную тень. Однако змеи ушли, и в конце концов путешественники успокоились. Женщины начали готовить ужин, мужчины вооружились и тоже подошли к костру. Илья все не возвращался, и это уже начинало всех тревожить, особенно Антона, давно прислушивавшегося к пустоте и ощущавшего какие-то подозрительные энергетические «шорохи».

Рассказав о находке подземного склепа на кладбище, он предупредил Юрия Дмитриевича, что прогуляется по лесу в направлении деревни Войцы, куда ушел Илья, и растворился в темноте леса, не пожелав выслушать возражения семьи Гнедичей.

Подполковник отговаривал его по той причине, что был городским человеком, леса не знал и подспудно ему не доверял. Валерия же, естественно, опасалась отпускать Громова по другим причинам, переживая за его жизнь. Антон ее понял и был благодарен за те чувства, которые просматривались за ее словами, но руководствовался всегда не внешними, а внутренними установками и не жалел об этом. К тому же он был человеком природы, лес знал и любил, чувствовал его биополя и не боялся темноты.

Глава 16

ТЫ ВСЕ-ТАКИ ПРИШЕЛ!

Вдохновение руководило им, вдохновение, интуиция, ожидание встречи и окрыленность. Боги смотрели на него с небес, добродушно улыбаясь, и поэтому Илья пронизал весь остров, как дух леса, нигде не заплутав, обходя препятствия и ловушки и не обращая внимания на сгушавшуюся темноту.

Он дважды останавливался, чтобы прислушаться к тишине природы и определить местоположение, но интуиция и обострившееся чутье вели его в правильном направлении, он ни разу не сбился. И все же силы, контролирующие остров Войцы со всеми его обитателями и тайнами, были достаточно серьезными, чтобы позволить чужому человеку беспрепятственно достичь цели. Даже в своем нынешнем состоянии, в состоянии «вибрирующей струны», как Илья себя осознавал, он чувствовал нарастающее сопротивление Среды, пока оно наконец не проявилось на физическом плане.

Остров Войцы с его южным мысом Стрекавин Нос был невелик. От места разбивки лагеря до деревни Войцы, где жила Владислава, по карте насчитывалось всего два с половиной километра. Первый километр Илья преодолел за десять минут и остановился на краю одной из попавшихся на пути полян, пораженный ее видом.

Поляна была довольно большой и заросла высокой травой с метельчатыми кистями, а также цветами всех форм и расцветок. Но не это привлекло внимание Пашина. Деревья вокруг поляны казались гигантами, а первый их ряд весь был повален таким образом, что все вершины указывали от центра поляны. Получилась как бы огромная многолучевая звезда с центром — поляной, буйно поросшей цветущими травами. Упавшие же деревья при этом не засохли, а продолжали зеленеть, пускать новые ветви и листья.

Илья прислушался и услышал тихое журчание. Пошел на звук и точно в центре поляны обнаружил родник. Напился холодной — аж зубы заломило! — очень вкусной воды, повернулся и увидел какую-то огромную мохнатую тень между комлями поваленных берез. Невольно сжал в кармане делов оберэг — тень растаяла. Шерстнатый, вспомнились рассказы Валерии о нечистой силе. Не рано ли выбрался? Или вызвали специально?..

Затем мелькнула другая мысль: «Идите вы все к дьяволу! Не задержите, меня ждут!»

Не обращая больше внимания на игру теней, походивших на тающие среди древесных стволов силуэты людей, он углубился в лес и ускорил шаг, избегая болотистых низин и открытых мест. И уже недалеко от деревни, открывающейся путнику пением петухов, наткнулся на странный шевелящийся полутораметровый столбик в форме сигары. Невольно остановился, привлеченный поведением столбика, и вдруг

понял, что перед ним скопище муравьев, сцепившихся друг с другом, переползающих с места на место, но не теряющих форму сигары, а вернее, фаллоса, скопированного насекомыми с величайшей точностью.

— Мать честная! — пробормотал изумленный Илья.

Ему вдруг почудилось, что столбик-фаллос очнулся, посмотрел на него и с ехидной угрозой мысленно произнес: «Уходи-ка ты отсюда подобру-поздорову!»

В ту же секунду муравьи рассыпались, образовали живой язык, и тот устремился к замершему человеку с отчетливым топотком тысяч крошечных ног.

Илья опомнился, отскочил, вынул из кармана камень с дыркой и сунул навстречу неумолимо приближавшемуся потоку насекомых. Пахнуло странным холодом, будто на живой ручей дохнул Дед Мороз, и тотчас же муравьи бросились врассыпную, перестали быть единым целым, превратились в озабоченных своими повседневными делами насекомых.

— То-то! — пробормотал Илья, добавив про себя: «Спасибо, дедушка! Твой оберег работает как часы».

Двинувшись дальше, он обнаружил вытоптанную тропинку и зашагал по ней, ведущей в деревню. Сердце заколотилось в предвкушении встречи, но Илья заставил его успокоиться. Препятствия еще только начинались, он это чувствовал и не хотел быть застигнутым врасплох.

Тропинка вывела его на опушку леса, за которой начинался овраг. За оврагом шло небольшое поле убранной ржи, судя по стожкам соломы, а за ним виднелись крыши первых изб деревни. Илья подошел к оврагу и остановился, ощутив, как оберег в кармане буквально зашевелился и превратился в кусок льда.

Тропинка впереди ныряла в овраг, поднималась по его склону наверх, ничего опасного видно не было, и тем не менее сторожевая система Ильи тихо «зарычала», уловив дуновение угрозы. Он внимательно осмотрел поле, кустарник и траву по обочинам тропинки и заметил надломленные, связанные хитрым образом стеблями травы ветки, завитки и пучки травы, образующие какой-то странный узор до самого оврага.

«Приплыли!» — озадаченно проговорил внутренний голос. Никак это те самые завитки и закрутки, о которых предупреждала Валерия! То есть заговоренное место. Инструмент порчи. Если я пойду туда, поди потом определи, отчего

помер! Кто же это приготовил и для кого? Неужели лично для меня? Ай да жрецы, ай да мудрецы! Мина будь здоров!..

— Эй, путник, — раздался вдруг чей-то скрипучий голос, и по ту сторону оврага из-за кустов вышел широкий крепкий мужик, бородатый и черноволосый, одетый в зеленую фуфайку без рукавов поверх черной рубахи и такие же черные штаны, заправленные в сапоги. — Ты кто будешь?

— Папа турок, мама грек, а я русский человек, — со смешком сообщил Илья, разглядывая незнакомца и чувствуя исходящую от него угрозу. — А вы кто?

— Иди сюда, поговорим.

— Сам иди.

Мужик сверкнул глазами, мрачно уставился на Пашина, в руках у него появилась деревянная суковатая палка.

— А коли не хочешь, поворачивай обратно. Мы тут пришлых не любим и не ждем.

— Как же не ждете, если ты тут в дозоре сидишь? — насмешливо обронил Илья. — Али боитесь нашествия татар? А ежели мне в деревню надо? Кое-кто здесь меня уж точно ждет не дождется.

— Ступай, ступай, нечего тебе тут делать, — буркнул мужик, взмахивая палкой, отчего близлежащие кусты и трава вдруг легли будто под лезвием косы. — Не доводи до греха.

— Понятно, — вздохнул Илья, утихомиривая вспыхнувшую в душе злость. — Видать, ты местный сторож, овраг охраняешь. Что ж, придется зайти с другой стороны.

Он обошел по траве заговоренную полосу земли с тропинкой, боковым зрением отметил оставшегося на месте мрачного «сторожа оврага» и сделал быстрый рывок, преодолевая овраг там, где он был не слишком глубок.

К его удивлению, угрюмый охранник деревни успел за это время преодолеть полсотни метров (буквально за две секунды, пока Илья пересекал овраг!) и ждал его наверху, поигрывая своей палкой.

— Ты, паря, плохо слышишь? В деревню тебе путь заказан. Это я тебе как профессионал профессионалу говорю. Вертайся взад, к своим артельщикам. Вообще советую садиться в лодки и сваливать отсюда, места тут у нас глухие, опасные.

— Какой гостеприимный народ здесь обитает, — восхитился Илья, отметив в лексике мужика соединение совершенно разнородных языковых клише — от старорусского до

современного с элементами «фени», бандитского жаргона; учитель у этого аборигена, судя по всему, хаживал в свет.

— Вот что, дядя. — Илья стал серьезным, глянул на могучего противника исподлобья, оценивая его силу. — Я имею полное право гулять где хочу, когда хочу и с кем хочу. Это раз. В деревне меня знают и ждут, я не лихоимец и не вор. Это два. И три: очень не советую разговаривать со мной с позиций «вали отсюда», я тогда зверею и отвечаю тем же. Уяснил? Или повторить помедленнее? А теперь пропусти меня, я спешу.

— Я предупредил, — сквозь зубы процедил мужик, сверкнув желтыми волчьими глазами, и взмахнул своей палкой, целя в грудь Илье. Но тот был готов к такому обороту событий, мгновенно нырнул вниз, пропуская свистнувшую палку над собой, и ударом ноги в колено мужика сбоку сбил того на землю. Вскочил разгибом вперед, еще раз ушел от палки — каждое ее движение рождало смертельный свист стали и выкашивало траву и кусты вокруг, — на сей раз прыжком в высоту и от души вlepил противнику толчковый «рыльник» (в кунг-фу удар назывался синьи-цюань — «кулак направленной воли») пятерней в лицо, едва не ломая ему нос.

Мужик взвился вверх, дрыгнув ногами, плашмя упал на спину, но тут же вскочил, очумело тряся головой, хотя другой на его месте от такого удара надолго бы потерял сознание.

— Вопросы еще есть? — сказал Илья, состязательный пыл которого угас, а нетерпение увеличилось: ему вдруг послышался зовущий, чистый и нежный голос Владиславы. — Если вопросов нет, то предлагаю разойтись по-хорошему.

— Ты теперь мертвяк! — прохрипел мужик, направляя острый конец своего оружия на Илью.

В то же мгновение с острия палки сорвалась змеистая ядовито-зеленая молния, и если бы Пашин не извернулся и не отпрыгнул в сторону, молния прошила бы его насквозь.

Бешеный высверк глаз мужика, не уступавший в яркости молнии, показал Илье, что тот в ярости и от своего не отступится. Надо было включаться в бой на поражение. С другой стороны, страшно не хотелось начинать визит в деревню с убийства ее странного «привратника».

Снова сверкнула молния неизвестного разряда, едва не задев плечо Ильи, вонзилась в березку на краю обрыва и срезала ее, как топором. Мужик зарычал, стал страшен, как ле-

ший. Волосы на его косматой голове встали дыбом, глаза загорелись мрачным огнем и жадой убийства. Илья понял, что выбора у него нет, одной рукой поднял перед собой оберег деда Евстигнея, а второй достал нож.

Они «выстрелили» одновременно.

Молния из магического жезла ударила прямо в камень с дырой, который взорвался, как граната, оглушив Илью, а его нож вонзился в кулак мужика, державший палку. Даже в эту секунду смертельной опасности Илья не смог метнуть нож в лицо или в сердце незнакомца, не желая его убивать.

Пожалеть об этом он не успел.

Мужик выдернул из раздробленного кулака нож, поднял выпавшую палку другой рукой, направил ее на Пашина. Лицо стража исказила злобно-торжествующая гримаса.

— Молись своим богам, паря! Ты теперя труп!

И в это время из оврага донесся тихий, но отчетливо слышимый, дребезжащий старческий голос:

— Дормидонт! Остынь!

Над краем оврага показалась голова старушки в пестреньком платочке, затем и вся она, легонькая, светлая, сухонькая, с удивительно мягким лицом и лукаво-грустными глазами. Правда, лукаво-грустными они были, когда старушка смотрела на Илью, когда же бросала взгляд на звероватого Дормидонта, глаза ее становились беспощадно строгими.

— Не вмешивайся, ведьма! — грубо бросил мужик, продолжая держать Пашина «под прицелом» своей колдовской дубины. — Иди отсюда, пока цела!

Он слегка опустил палку, и Илья тотчас же воспользовался этим обстоятельством, понимая, что другого удобного момента может уже не представиться. Он метнулся к противнику, прыгнул влево, уходя от острия палки, потом вправо, снова влево, «качая маятник» в состоянии боевого транса так быстро, что Дормидонт не успевал отслеживать его движения, и хотя палка дважды кашлянула молнией — разряды прошли рядом с телом Ильи, — приблизился и достал-таки колдуна, вкладывая в удар всю силу и гнев.

Дормидонт отлетел на несколько шагов назад, выронил палку, не удержался на краю оврага и свалился вниз. Было слышно, как тело его катится по склону оврага, трещат кусты и сыплются камешки, потом раздался сочный шлепок, и все стихло.

— Силен, Витязь! — проговорила старушка, расцветая улыбкой. — Давно Дормидонта так не обхаживали.

Улыбнулся и Пашин, выходя из пустоты, чувствуя, как ноют натруженные мышцы ног и рук.

— Спасибо за помощь, бабушка. Вовремя вы его отвлекли, а то б лежать мне, наверное, на его месте. Но уж больно мощное у него оружие.

Илья подобрал палку мужика, осмотрел ее внимательно, убеждаясь, что это самый обыкновенный, крученный, сучковатый, тонкий и длинный дубовый сук.

— Надо же, мать честная! Обычная палка, даже не электрошокер! Как же он из него стрелял?

— Это всего лишь заговоренный остряк, — заметила старушка, разглядывая Пашина. — Можно сказать, проводник. Дормидонт знает слово, дающее ему силу.

Илья нахмурился, отбросил ставшую тяжелой и холодной палку, оглянулся на овраг, но старушка, легко ступая по траве, подошла к нему и уперлась в грудь ладошкой.

— Не бойся, он больше тебя не тронет. Иди, куда собрался, время уже позднее. Забирай свою невесту и уводи отсюда. Ее изба вторая с краю, за гумном.

— Откуда вы знаете?..

— Знаю. — В голосе старушки прозвучали печаль и сочувствие. — Владислава моя ученица, почти что дочка, ждет она тебя. Только не задерживайся в деревне, иначе вам не выбраться живыми.

— Ну уж теперь им меня не остановить! — Илья шагнул прочь, оглянулся. — Как тебя звать, бабушка?

— Баба Марья, — ответила старушка и перекрестила его, когда Илья повернулся и побежал к деревне.

Она могла бы и не говорить, где располагается дом Владиславы, сердце само вывело бы Илью куда надо. Вихрем пролетев деревню, не обращая внимания на останавливающих и глядящих вслед стариков и старух, он перевел дух только у покосившегося деревянного забора, за которым стоял длинный, серый, угрюмый и какой-то неуютный дом Владиславы. Смеркалось, кое-где в окнах соседних изб уже загорелся свет, но окна этого дома были темными, слепыми, неприветливыми. Дом словно приник к земле в ожидании беды и не желал впускать гостя.

Илья открыл калитку, поискал кнопку звонка вокруг давно не крашенной входной двери, не нашел и хотел уже посту-

чать в нее кулаком, удивляясь своей робости и страху, но не успел. Дверь внезапно распахнулась сама, и на пороге возникло ослепительное видение в тонком ситцевом сарафанчике: бледное трагическое лицо, пунцовые полуоткрытые губы, огромные, светящиеся, полные слез глаза...

Владислава!

— Ты все-таки пришел!.. — выдохнула она.

И разом лопнули оковы страха и сомнения, сжимавшие сердце, пьянящая волна радости, изумления, невыразимого блаженства ударила в голову. Илья подхватил девушку на руки, закружил, прижал к груди горячее, упругое, пахнущее васильками и ромашками тело, внес в сени и жадно поцеловал ее горячие, неумело отвечающие губы — словно припал к живительному источнику и все никак не мог напиться. Потом ее руки обвили его шею, сжали так, что стало трудно дышать. Он засмеялся, поставил ее на пол, снова стал целовать и опомнился лишь тогда, когда открылась дверь из сеней в избу и из темноты раздался чей-то неприятный грозно-раздраженный голос:

— Сейчас же марш на полати, бесстыжая!

Голос был женский, но по-мужски суровый и хриплый.

— А ты убирайся отсюда, шуликун городской! Не то кликну братьёв, они живо с тебя шкуру спустят! Зачем в деревню заявился?

Илья хотел ответить, посмотрел на Владиславу, ясно видя ее лицо в темноте, встретил взгляд девушки, взял ее за руку.

— Пойдешь со мной?

— Пойду!

— В доме есть, что тебе дорого, чтобы взять с собой в дорогу?

— Нету, — помотала она головой.

— Тогда бежим?

— Бежим!

И они, не обращая внимания на ругань, крики, раздавшийся в избе шум и грохот, бросились из сеней вон, выбежали на улицу и понеслись во всю прыть к околице деревни, за которой их ждала свобода и независимость. И неизвестность.

Они не успели добежать до опушки леса всего двух десятков шагов. Навстречу беглецам неторопливо вышли четверо мужчин в черных рубахах навыпуск, подпоясанные красными витыми веревками с кистями на концах, в черных штанах, заправленных в высокие сапоги. Двое из них, помогутнее и

постарше, заросшие бородами до глаз, носили на головах странные шапки телесного цвета, по форме напоминавшие мужское естество. Двое других, с бородами поаккуратнее, имели волосы до плеч. Все четверо загородили беглецам дорогу и остановились, расставив широко ноги и заложив большие пальцы рук за веревочные пояса.

— Хха! — побледнев, прошептала Владислава. — От них нам не уйти!

— Ну, это мы еще посмотрим, — пробормотал Илья, разглядывая шапки на головах мужиков. Культ фаллоса, мелькнула мысль. Это стражи храма Морока или жрецы. Интересно, как далеко они могут зайти в попытке задержать будущую послушницу?

— Пропустите, — сказал он, чувствуя волну тепла и дрожи в мышцах тела: заработала паразнергетика организма, переводящая его в состояние физической неуязвимости. Илья редко пользовался переходом в это состояние по причине его энергоемкости и напряжения: оно съедало энергозапасы сердца и мозга так быстро, что человек мог состариться буквально за минуты, мог стать инвалидом на всю жизнь или вообще умереть от разрыва сосудов мозга. Но, похоже, приближался именно тот случай, когда надо было защищать не только свою жизнь, но и жизнь любимой девушки любой ценой.

— Не торопись, малый, — раздался густой насморочный голос, и за спинами «черносотенцев» возник еще один мужчина, высокий, широкоплечий, ошутимо опасный, одетый в серо-зеленый кафтан с черным поясом. Он вышел вперед, так же широко расставил ноги и заложил руки за спину.

— Вообще-то ты нам не нужен, малый, а вот девка — другое дело. Девку ты оставь. Конечно, следовало бы тебя проучить за воровство, пришел, никого не спросясь, увел немышленную... Да уж иди, добрый я сегодня.

— А если я не соглашусь? — поинтересовался Илья.

— Да кто ж тебя спросит? — ухмыльнулся в бороду мужик, взмахивая вдруг невесть как оказавшейся в руке плеткой.

Затем улыбка сползла с его губ, он посмотрел куда-то за спины беглецов и нахмурился.

Илья оглянулся.

Через поле к ним легко скользила хрупкая маленькая фигурка, кажущаяся ослепительно белой в сгущающихся сумерках. Это была наставница Владиславы баба Марья.

— Не вставай на пути молодых, Потап, — сказала она

кротким певучим голосом, в котором неожиданно прорезалась внутренняя сила. — Они любят друг друга. Пропусти их.

— Шла бы ты, старая, домой, — тяжело проговорил мужик с плеткой. — Вечно ты вмешиваешься не в свои дела.

— Ошибаешься, сотник, — тем же кротким, звенящим, чистым голосом сказала баба Марья. — Это моя земля, я живу на ней поболее твоего, и все, что здесь деется, касается и меня. Еще раз прошу: пропусти молодых, это тебе зачтется в будущем.

Чернобородый Потап, имеющий необычное для современности звание — сотник, показал крупные белые зубы.

— Мое будущее тебе не подвластно, ведьма. Уходи отсюда, пока я не рассердился, потом поговорим на разные философские темы.

Баба Марья приблизилась, остановилась между угрюмой командой сотника и молодой парой, глаза ее засияли так, что в них невозможно было смотреть. Сотник заслонился ладонью, выругался, поднял плеть, собираясь пустить ее в ход, и в ту же секунду какая-то стремительная тень пронеслась через лес, превратилась в сокола, который спикировал на сотника и выхватил у него из руки плеть, взмыл в воздух. Но улетел недалеко.

Плеть вдруг превратилась в змею, обвилась вокруг лап сокола, сдавила шею, ударила хвостом по крыльям. Полет огромной птицы прервался, хлопая крыльями, она стала падать, отбиваясь клювом от выпадов змеи, и, не долетев до леса, рухнула в траву, где еще некоторое время продолжала борьбу. Затем все стихло.

— Плохие у тебя помощники, — осклабился Потап. — Мои-то посильнее будут. — Он повернул голову к своим подчиненным, неподвижным, как истуканы. — Взять их!

И тотчас же из леса вынеслась еще одна бесшумная тень, превратилась в волка с горящими глазами, подбежала к бабе Марье и оскалила пасть в сторону приближавшихся мужчин.

— Бегите, мои милые, — оглянулась ведунья на Илью и Владиславу. — Я их задержу. Только не останавливайтесь, и лес вас пропустит.

— Беги! — подтолкнул Илья девушку к лесу. — Я помогу бабушке. Жди за деревьями, не высовывайся.

Он прыгнул навстречу снисходительно улыбнувшемуся Потапу, в руке которого опять появилась плетка, прикинул

схему боя: ему приходилось сражаться и с большим количеством людей, — но баба Марья остановила его:

— Этого оставь мне, сынок, отбейся от его халдеев, слава Богу, они живые.

Илья не понял последних слов старухи, однако послушно перенес вектор атаки на четверку «халдеев» сотника, надвигавшихся с неумолимой целенаправленностью роботов.

Первым на пути попался мужик в шапочке, напоминавшей мужской член. Вероятно, он был очень силен и крепок, однако понятия не имел о каких-либо воинских искусствах. Его Илья свалил прямым ударом кулака в голову, когда тот расставил длинные руки, чтобы схватить противника.

Это послужило хорошим уроком для остальных, и они резко изменили тактику, показав свои возможности, о которых теперь уже Илья не знал ничего.

Во-первых, несмотря на габариты и массу, они стали перемещаться с такой скоростью, что порой выпадали из поля зрения Ильи, хотя в нынешнем своем состоянии он имел реакцию, на порядок превышающую реакцию нормального человека. Во-вторых, их пальцы словно были выкованы из железа и легко рвали одежду, располосовав куртку Пашина на лоскутья в первые же секунды схватки. И, в-третьих, они очень быстро приходили в себя от ударов, каждого из которых вполне хватило бы любому боксеру, чтобы отправиться в нокаут по крайней мере на полчаса.

Если бы не своевременный переход Ильи в состояние «железной рубашки», то есть физической неуязвимости, положение его стало бы совсем незавидным. Но время шло, энергия расходовалась им щедро, и наступал момент, когда надо было либо бежать с поля боя, либо бить противника, которого Владислава назвала странным словечком — хха, напал.

Тогда Илья сделал вид, что отступает, оглядел опушку леса, удивившись, что сотник и баба Марья все еще стоят неподвижно друг против друга, хотел было сделать маневр для отвлечения внимания мрачной четверки, и вдруг услышал в лесу захлебнувшийся крик Владиславы:

— Они сза!..

И сразу мир вокруг сделался иным, полупрозрачным, текучим, медленным, почти нематериальным. Илья понял, что может потерять любимую, и нырнул в транс смертельного боя, как в воду.

Мужику в шапке, подкравшемуся сзади, он едва не снес голову ударом ноги. Второго, помоложе и порезвей, взял «на спираль скручивания», ломая ему руку и сдавливая надпочечники до потери сознания. Третий успел зайти ему в тыл и вонзить в спину железные пальцы, но кожу пробить не смог, лишь разорвал куртку и рубашку, и Пашин, извернувшись, осатанев от боли, воткнул ему в глаз палец.

Оставался еще четвертый член команды сотника, вынуженный из кармана какой-то металлический предмет: то ли кистень, то ли ступку, нападать он не торопился, возникая то справа от Ильи, то слева, и Пашин, чувствуя, как уходит время (Владиславу уже тащили, наверное, прочь!), туго «натянул» на себя воздух, нагнал парня и на энергетическом выдохе пробил ему фуфайку, рубаху и грудь «лепестком лотоса» — сложенными вместе пальцами.

Остановился, оглядываясь на пару сотник — баба Марья, и услышал ее отчетливый голос:

— Догоняй Славу, Витязь...

Не раздумывая более, он метнулся в лес, интуитивно-звериным чутьем определив направление, куда слуги сотника поволокли сопротивлявшуюся Владиславу. Если бы он оглянулся, то увидел бы тонкую змейку пламени, обегавшую вокруг бабы Марьи, и почувствовал бы волну холода, внезапно вылившуюся с небес на опушку леса. Но Илья не оглянулся.

Неизвестно, догнал бы он их, владеющих способом быстрого передвижения, или нет, если бы не подоспевшая девушка помощи.

Сначала примчался волк, которого отпустила баба Марья, потом сокол, сумевший-таки победить змею-плетку сотника. Они с ходу напали на двух пожилых хха и задержали их до прибытия Ильи, который услышал соколиный клекот, хлопанье крыльев и рычание волка. Остальное было делом техники. В состоянии холодной ярости Илья переломал ребра одному и сломал челюсть второму, не успевшему воспользоваться ножом.

Еще с минуту после этого Илья находился в энергетическом резонансе, прекрасно разбираясь в обстановке, метров двадцать пронес Владиславу на руках, пока она не зашевелилась, приходя в себя, хотел было вернуться на поле, где оставалась их спасительница баба Марья, но организм вдруг отключился, и Пашин потерял сознание, успев лишь заметить

появление Антона. Как его несли в лагерь Громов и Владислава, он уже не чувствовал.

Владислава ослабела, выйдя на поляну с костром. Упала на колени, подняла голову к небу и, прошептав: «Бабушка!» — заплакала.

Подбежавшие к ним Валерия, Юрий Дмитриевич и Серафим молча смотрели на тело Ильи в искромсанной на полосы куртке, на Антона и на девушку поразительной красоты, по щекам которой текли слезы.

Глава 17

МИННОЕ ПОЛЕ

Машину им пришлось оставить в деревне Наволок и добираться до острова Войцы на лодке местного жителя, соблазнившегося довезти «рыбаков», как представил всех четверых капитан Заев, за две бутылки водки. В принципе они действительно были похожи на городских рыбаков, выбравшихся на природу с целью «культурно» провести время. Кроме набора спецаппаратуры, замаскированной под рюкзаки, походные сумки и сундучки, у них имелись чехлы с удочками и две палатки.

Поскольку их появление на острове должно было быть легальным, решили пройтись по деревне у всех на виду, зайти в местный магазин и поговорить с местными жителями, поспрашивать, где лучше всего ловится рыба. Однако все сразу пошло не так, как они рассчитывали, ни о каком гостеприимстве жителей деревни речь не шла, никто с ними разговаривать и советовать «рыбакам», где им сделать ночевку, не стал. Первая же пожилая женщина в темном платке, встретившаяся оперативникам Гнедича на деревянном раздрыганном причале, просто шарахнулась прочь, когда Заев обратился к ней с вопросом:

— Извините, вы не скажете?..

— Не скажет, — констатировал Аркаша Мухин, флегматично глядя, как женщина торопливо семенит вдоль причала к первым избам деревни.

Точно так же повела себя и другая женщина, помоложе, но одетая примерно в такой же наряд, что и первая: кофта,

длинная юбка неопределенного цвета и темно-вишневый платок.

— Пошли поищем магазин сами, — предложил Валя Сидоров. — У них все село состоит из одной улицы и переулка.

Так они и сделали, с любопытством разглядывая роскошные сады и невзрачные домики селения, тонувшие в зелени, а также бани и сараи. День был в разгаре, теплый летний день конца августа, и народ по деревне не бродил, все работали на огородах да у хозяйственных пристроек, лишь изредка кто-нибудь из жителей Войцев выглядывал из-за забора и тут же прятался обратно, словно в деревню входили не приезжие люди, а немецкие оккупанты.

— Неуютная деревня какая-то, — со смешком заметил капитан Заев. — Неприветливая. А вот в баньку я бы сходил с удовольствием. Ты как, Аркан?

— Давно ли мылись в бане, а год уже прошел, — ответил старший лейтенант поговоркой; натура у него была философская, и большую часть времени суток он пребывал в состоянии легкой флегмы.

Магазин они обнаружили посреди деревни, похожий на небольшой кирпичный сарайчик с одним окном. Купили сигарет, водки, хлеба, попытались разговорить худую и высокую, как жердь, продавщицу, но не смогли. На вопросы, не касающиеся ее непосредственных обязанностей, она не отвечала.

— Ну и черт с ними, — махнул рукой Заев, когда они вышли из магазина. — Не хотят знаться и не надо, не больно-то и расстроимся. Пошли искать место для лагеря.

Сопровождаемые взглядами двух старух и одного мрачно го на вид бородатого мужика во всем черном, они направились вдоль берега озера в обход деревни и вскоре углубились в редколесье, предшествующее, как оказалось, зеленомошному, заросшему брусникой и морошкой, болоту. Пришлось сворачивать и обходить болото стороной, заходя в тыл деревне, хорошо видимой за небольшим полем. Однако через несколько сот метров снова началось болото, и Заев остановил отряд, сплунув под ноги.

— Это вам не казахские степи, господа чекисты. Это родные российские болота. И все же сколько ни бывал за границей, а все равно не устаю поражаться богатству нашей родной природы. В других странах она беднее. В Канаде, например, все стерильно, обесцвечено, упорядочено, нет тех запа-

хов, нет глубины, нет впечатления жизни. Не то что здесь. Что прикажете делать?

— Надо было все-таки расспросить аборигенов, — тихо сказал Валя Сидоров. — На карте этих болот нет.

— Пройдем как-нибудь. Во всем острове от берега до берега — не больше трех километров. Не нарваться бы только на лагерь экспедиции. Кто знает, где им вздумается пристать.

Потоптавшись у края болота, оперативники взяли левее и вскоре вышли к берегу другого озера — Нильского, отгораживающего остров от материка с востока. Посовещались, осматривая песчаную отмель и довольно высокий берег, заросший кустарником, и решили разбить стоянку здесь, примерно посреди острова. Затем начали обустройство лагеря.

Срубили несколько мешающих кустов ракитника, расчистили площадку, запалили костер, поставили палатки, и к вечеру лагерь приобрел вполне жилой вид.

Водителя «Волги» сержанта Витю Сикачева усадили на берегу с удочками для поддержания рыбацкого имиджа, а сами отправились на разведку острова, обнаружив, что в самом узком месте его ширина не превышает трехсот метров. На Стрекавин Нос заходить не стали, там уже хозяйничали прибывшие на три часа позже экспедиторы Пашина. Заев послал по рации условный сигнал, и через полчаса Гнедич нашел своих подчиненных за бухточкой, отделявшей южный мыс от остальной части острова.

— Как добрались? — Подполковник был хмур и озабочен, что заставило посерьезнеть и капитана, склонного к балагурству.

— Нормально, без приключений. Стали в километре от вас, на восточном берегу. Тут особого выбора-то нет, болота кругом да буреломы.

— Что-то я болот здесь не заметил, — буркнул Гнедич. — По острову не бродите, наткнетесь на жителей — попадете под подозрение. Если понадобится, я вас сам вызову. И будьте начеку.

— Что-то случилось, Юрий Дмитриевич? — спросил внимательный Сидоров.

— Много чего случилось... поневоле начнешь верить в магию и чертовщину. Дай Бог, чтоб вас это не коснулось.

— Вы на себя не похожи, товарищ подполковник, — с любопытством посмотрел на Гнедича Заев. — Расскажите.

— Потом как-нибудь. Вам ничего странного или подозрительного на пути больше не встречалось?

Оперативники переглянулись.

— Вот. — Мухин протянул Юрию Дмитриевичу какой-то камень, похожий на обломок толстой свечи. — Нашли в лесу.

Юрий Дмитриевич повертел камень в руках и хмыкнул. Один конец «свечи» был закруглен и сильно смахивал на мужской член. Гнедич положил камень в карман, оглядел ждущие лица подчиненных.

— Начинаю верить, что в здешних местах действительно прячется храм какой-то древней секты, поддерживающей культ фаллоса. Мы разбили лагерь возле кладбища, так вот кресты этого кладбища как две капли воды похожи на вашу находку. В общем, смотрите в оба.

— Да ведь здесь ни одного человека нет, кроме нас.

— Может быть, вы просто никого не видите. Может быть, Пашин прав и остров — минное поле. Короче, будьте внимательны и осторожны. До связи.

Гнедич ушел.

Заев посмотрел на сослуживцев, скорчил гримасу.

— Вам не кажется, коллеги, что у подполковника поехала крыша? О каком таком минном поле он говорил? Если здесь с войны мины лежат, то почему местные жители на них не подрываются? И почему в таком случае нас не предупредили, чтобы мы взяли миноискатели?

— Спроси чего-нибудь полегче, — пожал плечами Мухин. — Но сдается мне, он имел в виду какое-то другое минное поле. Предлагаю распаковать и проверить спецуху да лечь спать. Наше дело — ждать приказа.

— Но мы еще не закончили рекогносцировку. Надо определить точки залегания, откуда мы будем следить за работой экспедиции.

— Полковник приказал сидеть на месте, вот и давайте сидеть. Завтра все выясним.

Заев сплюнул на комара, усевшегося ему на штанину, промазал и убил насекомое мощным ударом.

— Не комары здесь, а звери! В общем, я вас понял, коллеги. Как хотите, можете спать, можете рыбу ловить, а я все-таки пошастаю вокруг. — Он хохотнул. — Грибков поищу. Потом жаренку сделаем.

Капитан залез в палатку, пододел под ветровку свитер, взял с собой пистолет, нож, целлофановый пакет и, махнув

рукой наблюдавшим за его действиями оперативникам, исчез за деревьями.

— Что будем делать? — оглянулся на меланхоличного Мухина лейтенант. — Спать вроде как рано. Может, позовем Виктора и в карты сыграем?

— Давай, — равнодушно согласился Аркадий. — Все равно делать больше нечего, а рыбу ловить я с детства не приучен. Зови сержанта, я сейчас приду, только в кустики схожу. И начнем.

Он шагнул в лес, обошел колючие заросли боярышника, хотел было присесть под сосной на янтарно светящийся слой прошлогодних иголок и внезапно увидел высокий и непривычно тонкий муравейник невдалеке. Он весь был облеплен рыжими муравьями и по форме напоминал колоколенку в миниатюре с круглой шапочкой крыши. Заинтересовавшись, Мухин подошел ближе и с изумлением и ужасом понял, что это не муравейник. Это был живой шевелящийся столб из насекомых, странным образом сцепившихся друг с другом!

— Черт возьми! — вполголоса проговорил старший лейтенант, подходя и наклоняясь к столбу, чтобы получше рассмотреть муравьиное творение, и в то же мгновение на голову его обрушился тяжелый удар.

Этот удар не был физическим, он поразил не только голову с внешней стороны, но как бы проник и внутрь, сплющивая мозг, сдавливая сосуды, останавливая кровоток.

В глазах Мухина потемнело. Он отшатнулся, оглядываясь, пытаясь определить, кто напал на него, никого не увидел и свалился в траву. Он уже не видел, как муравьиная «колокольня» рухнула, распалась, и муравьи бросились на потерявшего сознание человека...

Валя Сидоров подложил в костер пару зеленых сосновых веток, чтобы дым отогнал комаров, но это не помогло. Пришлось доставать репеллент и обливать себя резко пахнущей жидкостью, убивающей, если верить рекламе, насекомых на лету. Он это делал уже третий раз, однако результатом доволен не был. Репеллент отпугивал комаров недолго, в течение получаса, потом они все равно начинали пикировать на лицо, норовя залезть в рот, в ноздри или в глаза.

Подошел молчаливый Витя Сикачев, отмахивающийся от крылатых разбойников еловой веткой.

— У меня только лов начался. Где Аркан?

— В кусты пошел, поразмышлять над смыслом жизни.

Слушай, как ты справляешься с кровопийцами? Над тобой всего с десяток кружит, а надо мной сотня!

— Я слово знаю, — серьезно сказал сержант.

— Какое? — вытаращился на него Сидоров.

— Хожу и гипнотизирую всех: я ядовитый, сдохнешь, дурак!

Лейтенант засмеялся, махнул рукой.

— Я уж думал, ты взаправду слово знаешь. Говорят, старики, живущие в болотистой местности, действительно могут отгонять комаров заговорами. Найти б такого деда. Много рыбы-то наловил?

— На уху хватит. Пойду еще посижу, пока вы тут готовитесь. Позовете, когда придет Аркан.

Витя ушел. Сидоров разложил на траве у костра плащ, достал карты, тетрадь, карандаш и стал ждать, глядя на пляшущие на углях синеватые язычки огня. Потом почувствовал смутную тревогу, посмотрел на часы. Мухин отсутствовал уже двадцать минут.

— Аркадий! — позвал он старшего лейтенанта. — Ты что там застрял?

Мухин не ответил.

— Аркан, кончай шутить, выходи!

Снова молчание в ответ. А у Сидорова появилось ощущение, что лес вокруг встрепенулся и посмотрел на него с угрозой и вожделением. Валя взмок, достал пистолет, еще раз позвал старшего лейтенанта и нырнул в лес, ставший в сгущающихся сумерках таинственным и жутким. Но больше чем на полтора десятка шагов углубиться в заросли не удалось.

Пистолет вдруг стал тяжелым и таким горячим, что Сидоров выронил его в траву, дуя на обожженную ладонь. Наклонился, поднял, чувствуя, как по руке побежали невесть откуда взявшиеся муравьи, сунул в карман.

— Аркан, ты где, черт бы тебя подрал! Что за шутки?!

Впереди в просветах между деревьями засветились чьи-то глаза, погасли. В голове Валентина поплыл звон, будто от выпитого на голодный желудок бокала шампанского. Вдобавок начали кусаться заползшие под одежду муравьи. Задавив несколько, он, приплясывая, сделал несколько шагов вперед, снова берясь за рукоять пистолета, и наткнулся на шевелящуюся кучу муравьев, облепившую чье-то тело.

— Мухин?! — вырвалось у него. — Что с тобой?!

И в ту же секунду под ним со всхлипом просела земля. Ва-

ля провалился по грудь, попытался было ухватиться за края образовавшейся ямы, но провалился еще глубже, по горло, чувствуя, что становится нечем дышать. Хотел крикнуть, но не смог: хлынувшая в лицо волна муравьев накрыла голову, ослепила, забила уши и рот. До пистолета лейтенант уже не дотянулся...

Сикачев слышал, как Валентин зовет Мухина, но не встревожился, занятый вытаскиванием из воды крупного окуня. Выволок наконец на берег, перевел дух, любовно похлопал рыбину по крутому боку с красными плавниками, снова закинул удочку с наживкой. И вдруг увидел в воде чье-то бледное, зыбкое, женское лицо. Сначала подумал, что женщина подошла сзади и ее лицо отразилось в воде, оглянулся — никого. Еще раз поглядел на гладь озера, и волосы зашевелились на голове. Лицо смотрело на него как живое, внимательно и строго, похожее на лицо матери, потом улыбнулось, раздвигая губы, и сержант услышал тихий грудной голос:

— Не узнаешь меня, сынок? Иди ко мне, поговорим.

Словно сомнамбула Сикачев шагнул в воду, увидел тянущуюся к нему из воды бледную руку и протянул навстречу свою...

Заев чувствовал себя в лесу, как рыба в воде. Родился он в деревне Ховылино Пермской губернии, располагавшейся в тайге, и за восемнадцать лет, то есть до призыва в армию, исходил все окрестные леса и болота как грибник и охотник. В тайге, известное дело, не бывает не грибных сезонов, а в иные годы боровики да подосиновики хоть лопатой гребь, естественно, будущий оперативник-спецназовец научился их собирать и различать, хотя и отдавал предпочтение охоте.

В здешних новгородских лесах капитан еще не бывал, и ему стало интересно, найдет он что-нибудь съедобное или нет. Отойдя от лагеря метров на сто, он достал нож, стал присматриваться к подозрительным бугорочкам и вскоре набрел на несколько черных груздей, крепких, молодых, сочных. Брать, однако, не стал, черный груздь для жарки не годился, требуя длительного замачивания, его следовало только мариновать.

Впереди показалась полянка, Заев свернул и вдруг увидел идущую на него сгорбленную дряхлую старуху с распущенными седыми волосами под черной косынкой, в длинной черной юбке, в черной кофте в белый горошек. Старуха шла босиком, бесшумно, а глаза у нее были молодые, озорные, с

усмешечкой, и губы тонкие — тоже раздвинуты в улыбочке. В гаденькой такой улыбочке, презрительной. Остановилась она в пяти шагах от замершего капитана, оценивающе оглядела с ног до головы, кивнула, будто старому знакомому.

— Что, касатик, грибочков захотел покушать?

— А тебе что, старая? — опомнился Заев. — Не холодно босиком-то по лесу в такую погоду ходить?

— Ничего, я кровушки твоей напьюсь, теплее станет, — ответила старуха спокойно, сверкнув глазами, в которых так и плясали бесенята. — А не хочешь ли со мной любовью побаловаться, касатик? Тогда я, глядишь, и помилую тебя.

Заев от неожиданности едва нож не выронил.

— Ты что, бабуля, белены объелась?! Годков-то тебе сколько? Небось под сто, если не больше?

— Да молодая я еще, — кокетливо поправила космы старуха. — Аль слепой?

Черты ее вдруг поплыли, исказились, и сквозь старушечье лицо с ввалившимися щеками и кривыми зубами проступило прекрасное девичье личико с яркими зелеными глазами, пухлыми алыми губами, тонким носиком и белоснежными зубами.

— Ну, как я тебе в таком обличье, воин? — бархатным голосом произнесла красавица, расстегивая пуговицы на кофе. — Такая подхожу?

— Чур меня! — пробормотал Заев, которого взяла оторопь. — Сгинь, нечистая сила!

Девушка рассмеялась, снова превратилась в старуху.

— Даю тебе времечко подумать, касатик. Надумаешь, вспомни Феофанию, я и появлюсь. А чтоб не зря по лесу шастал, вот тебе подарочек.

У ноги старухи засветился участок земли, и Заев увидел целую семью боровиков. Грибы стояли так гордо и красиво, что рука с ножом сама потянулась к ним.

— Собирай, касатик, грибочки, тут их много.

Старуха сгинула, будто ее и не было вовсе. Только за кустами прошумело да кто-то тихонько хихикнул на дереве.

— Спасибо... — буркнул Заев, оглядываясь, — чтоб тебя скосило да не выпрямило! Вот бесовское наваждение! Неужели померещилось? Вроде не пил сегодня...

Он шагнул вперед, нагнулся и увидел те самые белые грибы: один большой — хозяин, два поменьше и три совсем крохотные. Грибы оказались настоящими.

Заев подумал, покрутил головой, вслушиваясь в лесные шорохи, потом все-таки не удержался и срезал семейство боровиков, упругих и чистых, без единого червя. А глянув вперед, увидел еще несколько боровичков, почему-то ясно видневшихся в траве, несмотря на сумерки. Затем пошли подосяновики, пара крепеньких подберезовиков, лисички, снова белые. Заев вошел в азарт, не обращая внимания на комариные атаки, и опомнился лишь тогда, когда наткнулся на ту же старуху, поджидавшую его возле громадного замшелого пня. Вздрыгнул, рука потянулась к пистолету за пазухой.

— Азартный ты человек, воин, — насмешливо прошамкала старуха, — ничего не боишься. Мне такие нравятся. Ну, как, надумал?

— Да отстань ты, ведьма! — рявкнул капитан. — Совсем с ума сошла! Лучше скажи, где тут храм стоит?

— Какой такой храм, касатик? — Глаза старухи заледенели, улыбка сползла с губ. — Откуда ты знаешь про храм?

Заев понял, что проговорился, но отступать не стал.

— Так есть или нет? Говорят, он где-то здесь стоит. Может, покажешь?

— Может, и покажу. А кто говорит, что здесь стоит храм?

— Не твое дело. Показывай дорогу.

— А не боишься?

— Вот еще, — подбоченился капитан, — тебя-то? Веди!

Голова слегка закружилась, когда он шагнул вслед за оглядывающейся старухой, мелькнула и пропала мысль связаться по рации с Мухиным, на душе стало отчего-то весело и приятно, будто от стакана водки, мир вокруг перестал быть темным, как бы раздвинулся, деревья отступили, впереди появилась удивительно ровная поляна, посреди которой установилась старуха.

— Иди сюда, касатик, сейчас и храм увидишь. Скажи только, кто тебе сказывал про него?

— Леший, — засмеялся Заев. — По совместительству работает подполковником службы безопасности. Ну, где твой храм?

Заев, улыбаясь от переполнявшей душу беспричинной радости, подошел к старухе, протянул руку, собираясь уцепить ее за руку, и вдруг почувствовал, что проваливается в холодную густую зеленую жижу. Хотел крикнуть и не успел.

Старуха постояла в задумчивости на краю твани, как тут называли болотную трясиину, глядя на черное пятно в центре

продавленного телом капитана окна, в котором лопались пузыри, сказала коротко:

— Дурак!

За ее спиной возник угрюмый черноволосый и чернородый мужик в зипуне, глянул на булькающие в трясине пузыри.

— Хозяйка будет недовольна.

— Переживет, — махнула сухой костлявой рукой старуха. — Это люди военные, замороженные командирами, никакого от них проку не было бы. Вот те, что на мысу, — другое дело, те опасны.

С этими словами она сгнула. Бесшумно канул в лес и мужик.

Из глубины трясины на поверхность поднялись несколько больших пузырей, лопнули, всколыхнув черно-зеленую жижу, и все успокоилось, болотом овладела тишина и неподвижность.

Глава 18

ВОЛХВ

Деду Евстигнею исполнилось сто сорок лет, хотя знали об этом лишь коллеги из Собора волхвов, измельчавшего, но сохранившего свой ареал на Руси.

Волхвы, духовные Учителя и Хранители Вестических знаний, не являлись, а точнее, не рождались колдунами и магами, это люди, стремящиеся к з н а н и я м о Духовном Мире, в совершенстве овладевшие знанием одной из областей материального мира и прошедшие Посвящение, то есть подключение к творящему эгрегору одного из родовых богов. Евстигней был посвящен пантеону бога Силича, или Сильнобога, ответственного за нравственные качества людей, такие, как честность и порядочность. До этого Евстигней, беззаветно служа богам: безупречности — Миличу, ответственности — Наде, скромности — Апису и смелости — Даре, — получил звание Б о г а т ы р ь, то есть человек, наделенный божественной силой. В современном русском языке значение этого слова выхолощено до понятия — обладатель огромной физической силы, в прошлом же главной силой такого человека считалась сила духовная.

Духовность вообще, как принцип, всего лишь уровень сознания человека, вместившего в себя систему понятий, законов и знаний о своем духовном божественном происхождении. Слепое поклонение полубогам, дающим материальные блага, оккультные знания, упражнения мистиков и стремление тех, кто достиг низших Посвящений ритуальной магии, направленных на усиление личного могущества, исключительности в материальном мире, ничего общего с духовностью не имеют. Ни один русский волхв никогда не стремился стать наместником Бога, а самые чистые из них полностью отрешаются от всего материального, земного. Вся их жизнь проходит на виду, и все они постоянно окружены учениками. Однако волхвы уровня Силича имеют другое предназначение — сохранение Вестических знаний о Мироздании и поддержание творящего эгрегора, от которого зависит судьба народа того или иного государства. Дед Евстигней, Богатырь и волхв, бывший Витязь, заботился о сохранении Руси.

Вероятно, последняя фраза для жителя нашей страны, привыкшего не верить в чудеса, но с удовольствием верящего в рекламу по телевизору, звучит выпендренно и нарочито, однако если хотя бы немногим из нас удалось бы хоть краешком сознания проникнуть в общее энергоинформационное поле Земли, называемое в разных странах по-разному: астрал, ментал, пассионарное информационное поле, асат, эфир, Хроники Акаши и так далее, — он убедился бы, что каждый человек ответствен за создание той обстановки и образа жизни мира, в котором мы живем.

Каждый из нас!

Дед Евстигней достиг большего. Он мог «читать», то есть проникать в некоторые слои Хроник Акаши — особого информационно-голографического пространства, в котором фиксируются все события во Вселенной, в том числе все будущие изменения мира и нереализованные возможности, — и влиять на некоторые события до их реализации. Именно поэтому ему удалось сохранить свой консуетал — сферу свободы выбора, свободного в неких пределах поведения, имеющую пространственный ареал с центром в деревне Парфино. Он был единственным из оставшихся на Руси волхвов, живущим в непосредственной зоне влияния храма Морока, вблизи от Врат — входа-выхода этого демона в земной мир. Но его силы постепенно таяли, ареал сужался, и ему уже недос-

тупен становился г р а т у а л, переход на иерархически более высокий уровень существования и Посвящения, дающий возможность прямого общения с Богом Пантеона. Он уже не мог вызвать Создателя судьбы, чтобы попросить у него помощи для противостояния Чернобогу, появление которого на Земле вызвало бы всемирную катастрофу сродни потопу. И даже Собор волхвов не мог справиться с этой задачей, с трудом удерживая равновесие Сил, не давая миру покончить с собой, как было задумано Мороком и его слугами. Слишком силен был натиск черных энергий, возбужденных пирующим на Земле Повелителем мертвых, который сумел почти разрушить последний оплот светлых Сил — Россию...

Почти...

Надежда на отражение демона еще оставалась.

Для этого дед Евстигней и расходовал себя, отдавая энергию тем, кто мог бороться. А еще он искал комбинацию рун, способную вызвать Владыку Глуби, Создателя и Творца Мироздания, даже имя которого было забыто за сотни тысяч лет и которого люди называли то Вышень, то Крышень, Рама, Ра или Свентовит, не понимая, что блокируют этим доступ к Создателю другим людям.

Как говорит старая китайская поговорка: «Человек не настолько велик, чтобы обозреть весь Космос». Но если он вооружен системой божественного языка, творящего мир, он может подсоединиться и к Космосу, стать его частью и воспринять целое. Руны были системой описания первооснов — смысловых элементов бытия Природы, утерянной впоследствии, а вернее, скрытой от людей слугами Морока. Кроме того, они являлись схемами телодвижений, служащих человеку для синхронизации с региональными, планетарными и галактическими процессами. Система рун, по сути, являлась составной частью магии движений, изменяющей реальность.

Дед Евстигней знал эту мощную мантическую систему, прародителями которой были аркты, или борейцы, предки древних славян и скандинавских народов. Именно руны когда-то легли в основу Священных писаний и стали ядром Весты — системы знаний об истинном устройстве Вселенной.

Руна со скандинавского — тайна, рунический язык и письмо — древнейший жреческий язык и алфавит древних скандинавов, позаимствованный ими у арктово-борейцев, имеющих «древо мыслено» — древнерусскую азбуку. Созда-

ние комбинаций рун — коротких символических заклинаний, сакральных слов и формул, является разновидностью древних обрядов, связанных с вызовом сверхъестественных сил, когда прямая связь с ними стала уже невозможной. Руническая магия — сложное искусство, потому что действие магических символов неаддитивно: две руны, вырезанные вместе, имеют действие, отличное от суммарного действия тех же рун, вырезанных отдельно. Еще большая сложность состоит в том, что не любая комбинация рун является сакральной формулой, заклинанием, вызывающим необходимое действие. Руны либо работают непредсказуемо, либо вообще гасят друг друга. В то же время можно при желании, умении и терпении подобрать такую комбинацию рун, которая может оказать любое необходимое воздействие на материальный мир.

У деда Евстигнея имелось в наличии и желание, и терпение, и умение, а главное — ключ для истолкования рун — Волхварь, и он находился в конце длинного пути конструирования рунического заклинания, способного дать ему канал связи с Творцом. Осталось составить последний атт — группу знаков из восьми рун, заканчивающих формулу, и если бы не постоянная борьба волхва за выживание, помощь тем, кто в ней нуждался, поддержка отряда Пашина, он давно вызвал бы Создателя, чтобы предупредить его об опасности выхода Чернобога в мир Земли. Была, конечно, надежда, что дружина Пашина справится со своим делом и уничтожит Врата — свернутый канал перехода Морока из Яви в Навь и обратно, замаскированный под камень с его портретом, но Евстигней чувствовал, что без посторонней помощи не обойтись. Надо было вызывать других Витязей на озеро Ильмень, а все они и без того были загружены до предела, воюя на своих участках «фронта», который назывался Россией.

Проводив группу Пашина, дед не вернулся домой, а поспешил в Старую Руссу, где у него были дела в местном архиве, и просидел там целый день в поисках сензара — тайного языка древнеславянских мистерий, используемого жрецами во всем мире, в том числе и на Руси. Оторвался он от этого занятия, только почувствовав тревогу: дом в Парфино подавал сигнал о проникновении на его территорию чужих людей. И хотя он надежно был закрыт заклинаниями, оберегающими еще лучше любого замка, волхв поспешил домой, ломая голову, кому понадобилось нарушать табу и забираться в

хорошо защищенное святыми помещение. На месте избы деда полторы тысячи лет назад стоял храм Свентовита — «Обитающего в свете», он был разрушен слугами Морока, но под ним обнаружился выход светлых Сил Свентовита, разрушающих черные души, и лакеи Морока жить там не могли. Волхвы же изначально селились в этом месте, упорно отстраивая свои жилища. Так же поступил и Евстигней, построив здесь себе дом на месте сгоревшего жилища деда в тысяча восемьсот девяностом году. С тех пор он жил в Парфино, лишь изредка покидая деревню под натиском обстоятельств.

Дед вспомнил, как возвращался домой после трехлетнего отсутствия в тысяча девятьсот первом году — он учился тогда в Сорбонне под другим именем — и застал избу в плачевном состоянии. Она, конечно, сохранилась, подпитываемая энергией выхода Сил и кое-какими заклинаниями, которые знал молодой Евстигней Порфирьев, но была заселена мышами и тараканами, так что пришлось их выгонять. А так как волхвом Евстигней в те годы был неопытным, первый опыт изгнания насекомых и грызунов оказался для него неожиданным: откликнулся весь «соборный» тараканий «разум» деревни, тараканы, крысы и мыши бежали «толпами», как саранча, пугая людей до умопомрачения, и успокоилась природа не сразу, только через три дня, послужив предзнаменованием многих последующих негативных событий. Именно после этого «эксперимента» деда засекали жрецы храма Морока и началась его долгая война с ними.

Дед усмехнулся, глядя на свой дом под обновленной недавно черепичной крышей, но усмешка сбежала с его губ, и рука невольно погладила цату — знак волхва на груди, представляющий собой медный кругляш с выдавленной восьмилучевой звездой — символом бога Ра. Цату вручил ему в конце девятнадцатого века Собор волхвов после Посвящения Пантеону бога Свентовита. Даже отсюда, с улицы, было заметно, что усадьбу кто-то посещал, хотя калитку явно не открывали, она была заговорена.

Гостей, конечно, уже и след простыл.

Евстигней вошел в сени, внимательно огляделся, не зажигая света: он хорошо видел в полной темноте. Вещи, которых касались руки пришлых людей, светились иначе, их легко можно было отличить от остальных.

Было видно, что непрошеные гости отодвигали бочки, лохани, ларь у стены, снимали с крюков конскую сбрую, хому-

ты, футляры с пилами и топорами. Шкаф в углу сеней для горшков и братин был опрокинут и разбит, крышка люка в подпол поднята, тайный гость явно спешил и не смог ее закрыть. А может быть, нарвался на заклятие и бежал, не зная, как с ним справиться.

Дед усмехнулся, представляя, как в темных сенях из подвала появляется призрачная фигура с головой без лица, протягивает к чужакам светящиеся руки-крылья, глаза ее начинают сиять, как фонари...

Подумалось: интересно, это обычные воры или разведчики хха? Что они искали, что предполагали найти?

Он еще раз прошелся по дощатому полу сеней, отметил пропажу запасов бересты из короба под лестницей на чердак и покачал головой. Обычным ворам береста в нынешние времена не требуется, они украли бы что-нибудь поценней, те же топоры, к примеру, пилы да рабочий инструмент, что можно продать на рынке. В доме явно хозяйничали люди не случайные, и искали они скорее всего вещи магического плана.

Внимательно осмотрев дверь из сеней в светлицу и не обнаружив на ней никаких следов — заклятие замка сработало и не пропустило чужаков, — старый волхв вошел в избу и сразу насторожился. Хотя ничего в светлице на первый взгляд потревожено не было, впечатление чужого духа рождалось без всяких усилий. Все-таки гости побывали и здесь, несмотря на запоры и заговоренное пространство избы, обычно не пропускающее за порог никого.

Дед, прищурясь, оглядел древнерусскую печь с изразцовым подпечком посреди избы, лавки вдоль стен, полати, сундук слева от печи, массивный стол с выскобленной добела деревянной столешницей, табуреты, посудник, поставцы с чугунками, мисками и глиняной посудой, качнул зыбку, подвешенную на оцепе под потолком, подошел к сундуку и сразу понял, что в нем недавно рылись. Крышка сундука еще хранила холод заклинанья, сломавшего печать хозяина, и одно это говорило о том, что один из гостей был не просто вором, а колдуном довольно высокого уровня.

«Волхварь!» — мелькнула мысль. Вот за чем они приходили! Им были нужны Священные писания, а это означает одно: верховная жрица храма Морока знает, что Волхварь находится у Евстигнея, и, посылая воров, как бы бросает ему прямой вызов, не заботясь о последствиях. Что ж, ей тоже доступны некоторые «страницы» Хроник Акаши, и она так

же может черпать оттуда информацию. Интересно, удалось ли ей узнать, что ее противник составляет рунную формулу вызова Свентовита?..

Евстигней вышел в сени, спустился под пол, снял заклятие «тройного замка» с тайной дверцы в стене подвала и вытащил из ниши ясеневую доску с вырезанными на ней рунами. Полюбовался на странный, сложный, красивый и в то же время пугающий чем-то узор иероглифического письма, положил доску обратно, потрогал рукой тяжелый свиток бересты — Волхварь и закрыл дверцу. За этот тайник он был спокоен. Защищенный Силами Свентовита, тайник был недоступен ни одному магу, даже ученику Морока, владеющему заклинаниями Нави.

И в этот момент Евстигней почувствовал, что в дом вошли какие-то люди. Надо было запереть двери, мелькнула запоздалая мысль. Затем волхв осенил себя крестом и исчез, переместившись за пределы избы, под стену сарая. Там он шепнул слово и стал слышать любой звук, раздававшийся в доме.

Гостей было трое, и они точно знали, что волхв находится дома. Евстигней услышал звуки осторожных шагов, позвякивание, шорохи одежды, скрип половиц и мужские голоса:

— Его нигде нет!

— Ищите! Он никуда не мог деться, сидит где-нибудь в подвале, там у него должен быть схрон.

— Да никого там нет, я же не слепой.

— Значит, ищи потайную дверь, он как раз там и сидит.

Снова шаги, скрип лестницы, глухие стуки, удар.

— Черт! Фонарь погас.

— Спичку зажги.

— Не зажигается...

— Оставайтесь здесь, ждите, я покопаюсь в горнице.

— А если он начнет выходить?

— Стреляйте. Убить вы его вряд ли убьете, зато заставите защищаться, да и я подоспею.

— Мы уже стреляли давеча... у Кирюхи до сих пор рука скрючена.

— То был заговоренный навья, а тут живой старик.

Голоса стихли.

Дед Евстигней улыбнулся, погладил бороду и оказался в подвале, не видимый прятавшимися там разбойниками. Сказал грозным голосом, образуя объемный, идущий со всех сторон звук:

— Зачем пришли, тати?!

Раздалось два вскрика, ругательство, темноту подвала прорезала вспышка выстрела, и тотчас же стрелявший то-ненько завопил:

— Ой-ой, рука! Больно! Ой, лишеньки! Тикаем отседова, Кирюха!

— Я ничего не вижу...

— У меня рука отсохла! Аж до сердца достало! Ну его к лешему, этого колдуна! Ой, лишеньки, как болит!..

Послышались возня, удары, стоны — это дед добавил обоим лихоимцам по оплеухе, и те в тесноте полезли наверх, толкаясь и отпихивая друг друга.

— Что там у вас?! — раздался голос их вожака. И над квадратом люка показалась его голова.

Дед Евстигней узнал этого человека: он был сотником храма, главным охранником и руководителем хха, и еще он владел кое-какими магическими приемами. Договариваться с ним о чем-либо, задавать вопросы не имело смысла, он все равно не ответил бы или соврал. Надо было выгонять налетчиков из дома.

Дед сделал движение рукой, будто подбрасывал мяч, и сотник, склонившийся над люком в подпол, получил невидимой ладонью мощный удар в лицо, отбросивший его назад. Реакция у него, однако, была хорошая, он сразу загородился заклинанием «зеркала» и вытащил пистолет. Кроме того, у него был магический жезл — заговоренный дубовый сук, проводник черной Силы, которым он мог парализовать или убить любого человека, и чтобы сотник не наломал дров и не сжег избу, Евстигней нанес ему еще один ментальный удар — по разуму, заставляя опасного гостя бежать из дома под натиском жутких видений, вполне реальных для его дезориентированного сознания.

С воплем сотник выронил сук, метнулся к выходу из сеней, зацепился за ларь и рухнул на пол, теряя пистолет и еще что-то яркое, как тлеющий уголек. Вскочил и с новым воплем выбежал из хаты. За ним с криками ужаса вынеслись помощники, заросшие бородами до глаз крупнотелые мужики во всем черном. Оба придерживали левыми руками повисшие безжизненно правые, и оба были недалеко от помешательства. Их убогому воображению достаточно было показать трехголового дракона-Дыя, — дед владел тульпагенезом, — чтобы надолго отбить охоту рыться в чужих избах.

Послушав, как стихают в лесу вопли неудачливых воров, дед успокоил подошедшего Федора Ломова, встревоженного шумом у соседа, разделся догола и залез в бочку с водой, которую наполнил еще утром. Он купался в холодной воде дважды в день, утром и вечером, и ритуал омовения соблюдал неукоснительно вот уже сто с лишним лет. В этот ритуал входила еще прогулка по лесу босиком по воскресеньям, дыхательная гимнастика, медитация в двенадцать часов дня — связь с Духовным Миром, обязательное голодание каждую неделю с пятницы по утро воскресенья, хороший обед после этого — праздник желудка и вкуса. Зимой он ходил босиком по снегу, изредка купался в проруби после бани, летом же подсоединялся к эгрегору леса и дышал его покоем и тишиной.

Данный ритуал входил составной частью в особую систему психофизической тренировки волхва для выхода на высокий духовный уровень восприятия и познания реальности, но дед уже не мог, как в молодости, отдавать себя всего процессу познания и вхождения. Надо было участвовать в более важном процессе поддержания равновесия Сил вместе с волхвами Собора, помогать идущим по Пути самореализации и делать Дело, то есть по мере возможностей не давать расширяться ареалу Морока.

Искупавшись, Евстигней обошел избу, расставляя по местам потревоженные вторжением хха вещи, обыскал сени и, кроме пистолета, обнаружил под лавкой перстень в виде змеи, кусающей себя за хвост. Голова у змеи была необычно длинная, с рядами зубов, и более походила на голову крокодила, а глазами ей служили два рубина, внутри которых еще мерцали алые искры.

Перстень «шипел и плевался» в ментальном плане и в руки не давался, пока Евстигней не заговорил его, накинув «намордник» заклатья. Задумчиво повертел в руках и спрятал в карман. Перстень был магическим предметом и мог использоваться для черного колдовства или для поиска Священных писаний.

Дед посидел в полной темноте, достигая состояния саматвы — спокойствия, ясности ума и полного отсутствия раздражения, и протянул мостик ментальной связи с настоятелем Собора отцом Елифаном, проживающим на Урале, под Екатеринбургом.

Разговор двух патриархов русского Рода, если так можно

было назвать их мысленный контакт, продолжался недолго. Оба были в курсе событий и советовались, лишь меняя стратегию или тактику своих Дел.

«У меня были гости из храма», — сказал Евстигней.

«Этого следовало ожидать, — ответил Епифан. — Зачем приходили?»

«Искали Священные писания. Мне все труднее становится обороняться от чар и слуг Морока, и я боюсь, что к его возвращению на озеро не успею вырезать формулу Свентовита».

«Мы близки к созданию своего божественного эгрегора, не хватает буквально трех-четырех Личностей с мощным духовным потенциалом. Но ты все равно продолжай вязать руны».

«Я слишком много истратил энергии для коррекции мирских дел и поддержки Витязей. Однако Дело, конечно, не брошу. Кстати, можно попробовать подключить к эгрегору моих растущих Витязей Илью Пашина и Антона Громова».

«Рано. Души их неустойчивы, мирские желания все еще довлеют над ними и для вхождения в эгрегор необходимо Посвящение в Витязи. Если они справятся со своим Делом, повернут Морока кружным путем, тогда и будем решать. Помогай им, как можешь».

«Они уже на острове и готовы начать поиски Врат. Я закрыл их от чар, как мог, и буду поддерживать и дальше. Может быть, сказать им правду? Что их задача — отвлечь силы храма на себя?»

«А если это их разочарует до такой степени, что они откажутся от выполнения Замысла? Я бы посоветовал вообще сделать их основными исполнителями Замысла, но так, чтобы об этом не узнали слуги Морока».

«Это хорошая мысль. Я подумаю. Мне понадобится помощь Витязя для исполнения Дела».

«Возьми Егора, он твой ученик и согласится пойти на риск. Но будь осторожен. Есть опасения, что храм охраняется одним из Древних, которые все еще доживают свой век кое-где в подземельях и туннелях асуров. Если он проснется, возможна корректировка реальности, вплоть до массовых моров среди населения местных деревень».

«Жрица не посмеет его инициировать».

«Посмеет, если поймет, что теряет власть».

«О каком виде Древних идет речь?»

«Об извергах».

«Да, психотронные копии Морока — это серьезно! Чем мы можем их нейтрализовать?»

«Только разверткой сценарной матрицы их смерти, через жертвоприношение, хотя это крайний случай. Возможно, он согласится добровольно отправиться в Навь, к душам своих предков, живущим у подножия Башни смерти. Заодно он сожжет канал перехода, и Мороку придется искать другие Врата».

«Вряд ли это достижимо без помощи богов».

«Мы попробуем задействовать эгрегор, пусть и недостроенный. Действуй, волхв. С нами Свет!»

Связь прекратилась.

Дед Евстигней посидел еще немного с закрытыми глазами, видя тем не менее, что творится за стенами избы, и вызвал посредника. Сокол объявился в горнице спустя мгновение, взлетел под потолок, сделал вираж, так что ветром снесло рушник с крюка на стене, и сел на плечо хозяина, сверкнув янтарно-прозрачными глазами.

— Рассказывай, — велел дед, погладив сильную птицу.

Сокол почистил перья клювом, что-то проскрипел, снова покопался клювом в перьях, пошипел и затих.

— Ясно, — кивнул волхв. — Что ж, придется поговорить кое с кем на острове, хотя видит Бог, как мне этого не хочется.

Он преодолел нежелание двигаться, делать что-либо вообще и перенесся на остров Войцы, к лагерю экспедиции Пашина, который охранялся невидимым магическим кругом, отпугивающим птиц и насекомых.

Шел первый час ночи, но посреди поляны горел костер, у которого грелись двое: Илья и молодая девушка с удивительно красивым л е т я щ и м лицом, прижавшаяся к его плечу. На берегу озера кто-то разговаривал, потом слышались всплеск, шаги, и к костру вышла еще одна пара: громадный мужчина, косолапый, как медведь, и женщина с бледным и каким-то застывшим лицом, которую мужчина назвал Анжелой. Она бросила странный взгляд на лес, где за кустами крушины прятался Евстигней, и дед почувствовал укол смутной тревоги. Женщина сразу отвернулась, ушла в палатку, но взгляд ее все еще горел перед мысленным взором старика и будил нехорошие ассоциации.

Потоптавшись у костра, ушел спать и спутник Анжелы. Илья и Владислава остались сидеть, о чем-то тихо беседуя.

Евстигней окинул весь остров сверхчувственным ментальным взглядом, отметил колебания пси-полей в деревне — там совещались хха, уловил поток внимания к лагерю — слуги Морока тоже использовали птиц, зверей и насекомых в качестве наблюдателей и посредников колдовских чар, — и мысленно окликнул Пашина.

Начальник экспедиции замер, оглянулся в недоумении, радуя этим волхва: задатки Витязя давали о себе знать, Илья все-таки почуял телепатический сигнал. Бесшумно ступая, старик приблизился к костру, разглядывая девушку, в глазах которой читалась тревога. Илья тоже посмотрел на нее, легонько прижал к себе и успокоил:

— Не бойся, Слава, это свои. Присаживайтесь, дедушка. Как вам удалось добраться до острова?

Они подвинулись, и волхв сел рядом с Пашиным на чурбак, кинув косой взгляд на палатку, в которой скрылась Анжела-Анжелика. Подумав, он сделал так, чтобы с этой стороны их разговор был не слышен.

— Я гляжу, ты все же добился своего.

Илья смущенно глянул на Владиславу, одетую в джинсы и куртку Валерии, пробормотал:

— Я не мог иначе.

— Мог, мог, сынок, да только не захотел. А тебе следовало бы знать, что увлечение чувствованием останавливает познание. Для Витязя это недопустимо.

— Вы меня осуждаете?

Евстигней вздохнул, с легкой усмешкой покачал головой.

— Если честно, то не очень. Когда-то и я был молодым и тоже не всегда слушался наставников. Может быть, ты поступил наилучшим образом...

— Ее могли упрятать в храм... я мог опоздать...

— Но, возможно, — продолжал старик размеренно, — твое самоуправство заставит сторожей храма предпринять ответные меры. Во всяком случае, с этого момента вы все время будете под ударом, а я не зря говорил, что здешние места — минное поле. Кое-кто уже испытал это на себе.

— Мы же отбились, — не понял Илья.

— Я не о вас. В километре от вашего лагеря стоят две палатки, люди, поставившие их, погибли. Не знаешь, кто это был?

— Понятия не имею, — сказал озадаченный Илья. — Мы никого не видели. — Он помолчал. — Но Владиславу я жрецам не отдам!

— Отпусти ее со мной, некоторое время она поживет у меня, пока вы будете находиться на острове, а потом ты ее забереешь.

— Нет! — испуганно отозвалась девушка, теснее прижимаясь к Пашину. — Никуда я отсюда не пойду, буду с ним.

Евстигней неодобрительно покачал головой, но настаивать не стал.

— Спешись, сынок, а я не всегда могу успеть на помощь, да и силы мои уже не те.

— Мы сами справимся.

— Боюсь, это будет очень не просто. Ты не представляешь, какой мощью обладают слуги Морока. До сих пор они не принимали вас в расчет, считая обыкновенными искателями приключений, не более того. Но если они почувствуют угрозу их планам и самому существованию храма, вполне могут решиться на прямую атаку, не считаясь ни с чем, даже с риском раскрыться.

— По-моему, они и так действуют открыто. У меня сложилось впечатление, что вся деревня знает о Мороке и о храме, а все ее жители являются его слугами. Я вообще поражен: в наше время — и такое махровое средневековье! Тайный храм служителей демона! И где — в центре России!

— Когда-нибудь ты узнаешь, сколько тайн хранит наша многострадальная земля. Что же касается открытости действий слуг Морока, то она мнимая. Одна деревня — не вся Россия. Да и кто из нынешних ученых или правителей поверит в существование демона зла, служителя смерти, даже если кто-нибудь из свидетелей Посвящения расскажет им всю правду? Даже ты не сразу поверил, что уж говорить о заскоружлых чиновниках. Ведь мы послали тринадцать писем многим выдающимся деятелям культуры, науки, искусства и православной религии об угрозе появления Морока, а откликнулся ты один.

Илья недоверчиво посмотрел в глаза волхва, отражающие пламя костра.

— Вы посылали письма... другим людям?

— Вот в чем сила Морока, — не отреагировал на реплику Евстигней. — Он заморочил все человечество, заставил нас забыть своих древних богов, поверить в то, что он не существует, чтобы продолжать безнаказанно творить черные дела, превращать Землю в Навь, в Ад.

Помолчали, глядя на языки огня, бегущие по углям. Илья

почувствовал, как вздрагивает плечо Владиславы, успокаивающе коснулся губами ее щеки.

— Вы говорите о древних богах... но я верю в единого Бога...

— Создатель Вселенной действительно один, но богов, достигших тех или иных духовных высот и возможностей, способных на изменение реальности, было много: Свентовит или Святых, Перун, Хорс, Дажьбог, Ра, Род, Лада, боги помельче — Семаргл, Таня, Троян, Силич, Милич... Они и сейчас существуют, только в другой реальности. Нынешние поводыри человечества, не те, которые составляют правительства, а тайные, дергающие за ниточки марионеток-президентов, перекрыли все источники информации о нашем истинном прошлом, а кто контролирует прошлое, тому принадлежит будущее.

— Я не знал... не задумывался... — пробормотал Илья. — Неужели все так плохо?

— Возможно, будет еще хуже. Идет подготовка выхода из Нави в наш мир, в Явь, Правителя мертвых — Чернобога, а его появление будет означать гибель цивилизации.

— Вы же говорили, что Правитель... э-э... мертвых — Морок!

— Морок — демон, страж Башни в царстве мертвых, он только слуга Чернобога, хотя и сам обладает большим могуществом. Сумел же он заморочить Европу и Америку, превратить жителей этих континентов в демонов потребления. Но ему нужны «свежие» души, новые слуги, и храм на озере — один из пунктов его питания и отдыха, если не считать, что здесь же находятся Врата, через которые он навещает наш мир, как свою вотчину.

Илья помолчал, перегруженный впечатлениями.

— Почему никто не борется с Мороком, кроме вас?

— Вывод неверный, — улыбнулся старик. — С демоном борются многие, в том числе волхвы и Витязи, каждый на своем месте, просто я ближе всех нахожусь к храму. Конечно, мы тоже готовимся к выходу Чернобога, и если вы сделаете то, ради чего пришли на остров, нам будет легче.

— Вы говорили, что Морок — страж какой-то Башни... что это за Башня?

Волхв нахмурился, проговорил с неохотой:

— В духовном плане это Башня древней веры, в физическом — заблокированный черными Силами выход в Правь и

Славь, то есть в божественные реальности, куда после битвы с воинством Чернобога ушли древние боги, когда Земля перестала быть Ирием-Раем, колыбелью и матерью Управителей Вселенной. Тебе еще предстоит узнать истинный порядок вещей, сынок, в двух словах об этом не расскажешь. А сейчас давай перейдем к делу, у меня мало времени.

Евстигней достал из кармана перстень в форме змеи, протянул Илье.

— Возьми этот сувенир. Он заговорен, но может сослужить добрую службу, если придется отступать. Бросишь его за спину.

Пашин невольно улыбнулся, принимая перстень и взвешивая его в руке.

— В сказках обычно герою дарили волшебный гребень, платок и огниво.

— Сказка — ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок, — проворчал дед Евстигней. — Этот перстень я отобрал у хха, а принадлежит он скорее всего верховной жрице храма, это ее знак власти.

— Странная змея... я таких прежде не видел.

— Это драконовидный полоз, давно исчезнувший вид, его ареал сохранился только здесь, на острове. Может, еще доведется встретить. А этот напиток тебе придется пить регулярно, по глотку утром и вечером. — Старик подал Илье плоскую стеклянную флягу с бурой жидкостью, в которой изредка вспыхивали изумрудные искры.

— Что это?

— Настой из одолень-травы, по-научному — из эспарцета полевого. Он обладает магической силой против демонических чар. Вот она знает, что это такое.

Владислава, прислушивающаяся к разговору, кивнула.

— Баба Марья тоже готовила такой настой.

— Он поможет тебе входить в состояние «зеркала» для отражения магических атак. В состояние «железной рубашки» ты научился входить самостоятельно, я научу тебя и другим приемам.

— Спасибо, — сказал Илья, принимая подарок.

— Кончится настой, наберешь в бутылку воды из родника. Здесь есть неподалеку выход светлых Сил...

— Кажется, я знаю, где это, проходил мимо и даже пил из этого родника. Очень вкусная вода.

— И последнее, — добавил Евстигней. — По лесу не рас-

хаживайте без нужды, здесь полно ловушек. Даже я знаю не все. Могу предупредить лишь о тех, с какими сталкивался сам. Сказочная нечисть: лешие, кикиморы, черти, болотницы — абсолютно реальна, только встречается она редко, доживая последние столетия в угнетенном состоянии в глухих чащобах. Однако некоторые из них соблазняются идти в прислужники черным колдунам, и здесь, на острове, живет с десяток этих странных созданий. Это и болибошка — дух леса, подстерегающий людей в ягодных местах, и болотняк — дух болота, имеющий вид седого старика с желтым лицом, и дрема — ночной дух в виде старушки с мягким убаюкивающим голосом, и мор — огромная женщина с распущенными волосами, в белой одежде, с костлявыми руками, одной из которых она держит огненный платок. И госпожа русалок, принимающая облик матерей и сестер тех, кого она хочет утопить. Верховная жрица храма Морока иногда в качестве развлечения принимает облик русалки или моровой девы и пугает население деревень в глухих лесах. Любит она превращаться и в Летавицу, разновидность Дикой бабы, летает в сапогах-легкоступах над лесами и лугами, хохочет, упивается людским страхом, нелюдь! — Дед сплюнул. — Ну, о лесавках я не говорю, ты уже сталкивался с их колдовством, когда крутился около Синего Камня.

— Да уж, — кивнул Илья, — было дело. Но и о Летавице я слышал, Валерия рассказывала, она знаток русских мифов и легенд.

Евстигней поднялся.

— Береги девку, воин. Такая святая красота и простота должна быть надежно защищена.

Встал и Илья, нахмурился, покосившись на вскочившую Владиславу. Старик понял его чувства, усмехнулся.

— Не серчай, что я ее девкой обозвал. С древнерусского девка — «веселая богиня», а девица — «подобная богине». Береги свою богиню пуще глаза, плохо будет всем, если хха ее у тебя отнимут.

— Не отнимут! — твердо пообещал Илья. — Пусть только попробуют!

— Дедушка, — вдруг сказала Владислава, — ты не знаешь, что с моей бабой Марьей?

Илья и Евстигней посмотрели на нее, обменялись взглядами.

— Заболела она, — хмуро ответил волхв. — Не успел я ей помочь, уж очень... — Старик хотел сказать: уж очень быст-

рым оказался твой жених! — но закончил иначе: — Уж очень быстро все произошло.

— Она... умрет?!

— Не знаю, — впервые в жизни соврал старик. — Будем надеяться, что выздоровеет. Пройдемся, — кивнул он Илье. — А ты посиди здесь, милая, подожди его.

Мужчины пересекли поляну, вышли к песчаной отмели на берегу озера. Волхв оглянулся.

— Ты давно знаешь эту женщину, врачуху?

— Анжелику? Лет восемь. А что?

— Прячет она что-то в душе, надлом у нее какой-то и мысли закрыты, не могу я ее понять. Впрочем, устал я, наверное, вот и мерещится всякая чертовщина. А тебе я все же должен сказать. Морок — страшный противник! Никогда мы не добьемся стратегической победы над ним, имеющим трехтысячелетний опыт, невиданные по масштабам ресурсы, финансы и разветвленную сеть структур, управляемых его эмиссарами, если будем действовать его методами, полученным от него же оружием, на его поле и по его правилам, которые он сам к тому же не соблюдает.

— Зачем вы мне это говорите? — настороженно пробормотал Илья, подождав продолжения.

— Потому что ты начал играть именно по его правилам. Не надо было похищать девку, ты тем самым обнаружил себя, выдал свои возможности и заставил жрицу с ее псами обратить на экспедицию пристальное внимание. Если хочешь стать Витязем — меняйся! Анализируй, просчитывай каждый шаг, действуй смело, но тихо! Все хотят изменить мир, не меняя себя. Всем кажется, что стоит только изгнать предателей, уничтожить мучителей и все изменится, победа обеспечена, настанет тишь да гладь да Божья благодать. Но это самое большое заблуждение человека! Пока каждый из нас не изменит себя, свою жизнь, свои привычки, сознание, пока мы не изменим идеологию народа, мы обречены на поражение!

Старик замолчал. Молчал и Илья, глядя на зеркало воды, в котором отражались звезды. Потом волхв положил тяжелую руку на плечо собеседнику, сказал с грустью:

— Не сердчай, сынок, коли я резок. Ты не ищешь несметных богатств и власти, я знаю, да и не стоит она ничего в материальном мире. Как сказал философ: единственно стоящая власть — это власть духа над духом. Не давайся никому, кто захочет покорить твой дух, но и сам не стремись к этому. Твоя стезя — восстановление справедливости в нашем мире.

— Я понял, дедушка, — тихо промолвил Илья.

— Вот и хорошо, сынок. А теперь прощай. Я приду, если вам уж совсем станет невмоготу.

— Подождите, мы тут, оказывается, расположились возле кладбища...

— Это старый погост жриц и послушниц храма, теперь они их хоронят в другом месте.

— Мы нашли там подземный склеп...

Старик сжал плечо Ильи до боли, глухо проговорил:

— Склеп, говоришь? По слухам, у какого-то из погостов храма находится вход в тоннель, ведущий к храму. Мне туда нельзя идти, срабатывает демоническая сигнализация, а вот вам можно, если будете осторожны. Сможете проверить, склеп это или на самом деле подземный ход?

— Попробуем.

— Мои посредники будут рядом, как только что узнаешь — шепни им слово.

— Альбатрос? — прищурился Илья.

— И он тоже. Рядом с вами будет сокол, да и вот этот зверь.

Только теперь Илья заметил неподалеку за кустами два горящих глаза — это был Огнеглазый, волк Владиславы.

— А как я?.. — Илья повернулся, и слова застыли у него на губах.

Старика рядом не было. Но Пашина это не слишком удивило, он начинал привыкать к чудесам, демонстрируемым волхвом. Пробормотав: «Мне б так научиться...» — он вернулся к костру, где его ждала Владислава.

Дед услышал его последние слова, он стоял неподалеку, невидимый, и мысленно пообещал: «Еще научишься... если уцелеешь, Витязь...»

Глава 19

КАМЕНЬ КОДИРОВАНИЯ

Утро выдалось таким тихим, солнечным и ласковым, что не хотелось верить ни в какие злые силы, подстерегающие путешественников на каждом шагу.

Антон встал рано, вместе с солнцем, однако, к своему удивлению, обнаружил, что Илья и Владислава уже на ногах и возятся у костра.

— Доброе утро, — сказал он, оценивая светящиеся изнутри лица Пашина и его юной подруги, и невольно позавидовал им обоим. — Вы что, вообще спать не ложились?

Девушка смутилась, кидая на Илью косой взгляд, тот улыбнулся ей в ответ.

— Поспали маленько. Серафим, как джентльмен, уступил Славе палатку в час ночи и сменил меня на дежурстве.

— Где он?

— Не слышишь? Дрыхнет без задних ног.

Из крайней палатки послышался храп.

Все трое переглянулись и рассмеялись.

— Отличное утро, — сказал Антон и побежал купаться.

— Это твой друг? — тихо спросила Владислава, сидя на корточках над разгоравшимся костром.

— Друг, а что?

— Он сильный... и хороший, я чувствую.

— Я тоже. Ему досталось в жизни, парень ни за что в тюрьме отсидел четыре года, но остался человеком. И он действительно очень сильный боец, мастер боевых искусств.

— Как ты?

— Лучше, чем я. Кстати, я забыл у тебя спросить, как тебе спалось.

— Хорошо, — покраснела Владислава, отчего ее лицо вмиг преобразилось, переворачивая душу Ильи, так что у того перехватило дыхание и сердце прыгнуло к горлу. — Лучше, чем дома.

— Не боялась, что твои родственнички придут за тобой?

— Не-а. — Улыбка девушки погасла. — Ты ведь не отдашь меня им?!

— Нет! — пообещал Илья, и Владислава снова расцвела улыбкой, детской, радостной, полной безграничного доверия и любви.

Зашевелилась палатка Гнедичей, откинулся полог, и оттуда вылез Юрий Дмитриевич, голый по пояс. Поежился от утренней прохлады, хмуро глянул на пару у костра, буркнул: «С добрым утром», — и побежал на берег озера, откуда доносился плеск воды.

Илья взял ведра, направился туда же.

— Сейчас воды принесу, чай готовить умеешь?

Владислава поняла шутку.

— Я все умею готовить.

— Тогда я за себя спокоен.

Антон уже стоял на берегу, вытирая полотенцем мокрые волосы. Гнедич, склонившись над водой, чистил зубы. Заметив Илью, набравшего с лодки воду в ведра, он сполоснул лицо и подошел, оглядываясь на стену кустарника, скрывавшего лагерь.

— Ты с ума не сошел, Илья Константинович? Вчера я не стал тебе говорить при всех. Ты понимаешь, что натворил?! Украл девчонку у родителей!

— У нее нет родителей.

— Все равно есть родственники, они заявят в милицию, и у нас начнутся неприятности! Мало нам своих?хлопот не оберешься, доказывая, что ты не занимаешься киднеппингом.

— Никуда они не заявят, — отмахнулся Илья. — У них у всех рыльце в пушку, все ее родственники работают на храм и шума поднимать не станут. Единственное, что они могут предпринять, так это сделать попытку отбить Владиславу.

— И ты так спокойно говоришь об этом? Неужели собираешься сопротивляться?

— Еще как собираюсь! — сверкнул глазами Илья, унося полные ведра воды.

— Сумасшедший! — в сердцах бросил Юрий Дмитриевич, повернулся к Антону. — А вы как думаете?

Тот посмотрел вслед Пашину, вызвал в уме образ Валерии и проговорил:

— Я его понимаю.

— Вы оба законченные романтики! — только и нашел что сказать оторопевший подполковник.

В половине восьмого завтрак был готов: овсяная каша и чай с бутербродами. Позже всех встал Серафим, которого пришлось будить дважды. Он выполз из палатки, как медведь из берлоги, заспанный, небритый, со всклоченной головой, посмотрел на разглядывающих его коллег и добродушно проворчал:

— Чего уставились? Жрать давайте! В жизни каждому человеку надо не забыть сделать три вещи: позавтракать, победать и поужинать.

Все засмеялись, улыбнулся даже Антон, не питавший к Тымко недобрых чувств, воспринимавший его таким, каким он был. Не улыбнулась только Владислава, еще не освоившаяся со своим положением и не отходившая от Ильи ни на шаг.

Позавтракали в хорошем настроении, под шутки Серафима, не думая о плохом и не вспоминая, что происходило с ними вчера. Все события прошедшего дня как бы отделились, подернулись дымкой времени и уже не воспринимались всерьез. Антон несколько раз ловил на себе взгляды Валерии, но не отвечал, чувствуя себя не слишком уютно. Еще свеж был в памяти взгляд Юрия Дмитриевича, понимавшего, что между его женой и Грозовым что-то происходит, но бесильного изменить ситуацию.

После завтрака Илья утвердил экипажи лодок, отправлявшихся в поход на озеро, и дело чуть не дошло до конфликта. В лагере была очередь дежурить семье Гнедичей, но Валерия наотрез отказалась оставаться, и Анжелика согласилась остаться вместо нее. Таким образом, в первую лодку сели Илья, Антон и Владислава, во вторую Серафим и Валерия. Разобрали и уложили в лодках акваланги и в начале девятого отчалили от берега, держа курс на протоку, ведущую в озеро Ильмень.

Илья остановил лодки недалеко от Стрекавина Носа и полчаса определял направление, по которому, следуя под сказке бабушки Савостиной, надо было проплыть несколько сот метров в поисках места залегания камня с Ликом Беса. Наконец курс был рассчитан, и лодки отправились дальше, чтобы стать на якорь в двухстах метрах от берега.

Прозрачность воды была такой, что просматривались каждый камешек или водоросль на дне, даже на пяти-шестиметровой глубине. И уже через четверть часа кружения над определенной точкой поис커ы обнаружили лежащую на дне продолговатую каменную плиту в окружении десятка других камней преимущественно круглой формы. Отличилась Владислава, первой увидевшая скопление камней на глубине четырех с половиной метров.

Возбужденные искатели приключений (на свою голову) принялись разглядывать камни, потом Серафим начал натягивать на себя акваланг, но Илья остановил его, раздумывая над чем-то.

— Ты чего? — не понял Серафим. — У нас же два акваланга.

— Ничего не понимаю, — признался Илья, продолжая прислушиваться к себе. — Подозрительно это все... Если камень лежит здесь, почему никто не мешает нам его искать? Вчера было две попытки надавить на нас, заставить уйти с мыса, сегодня — полная тишина...

— Значит, они поняли, что с нами им не справиться, — хохотнул Серафим, продолжая надевать гидрокостюм. — Может, это и не тот вовсе камень, который мы ищем.

— Резонно. — Илья еще раз оглядел береговую линию, уловил стеклянный блик в камышах на острове и толкнул в бок Антона. — А ведь за нами наблюдают, мастер. Левее протоки, в тростнике, видишь?

Вместо ответа Антон поднял вверх палец, Илья запрокинул голову и увидел высоко в небе серебристый крестик. Сказал сквозь зубы:

— Ах ты, мать честная, «Махаон»! Кажется, за нами следят сразу со всех сторон. Ждут. Чего ждут, спрашивается?

— Когда мы начнем поднимать камень, — предположила Валерия, демонстративно отвернувшись от Антона.

— Н-да, резонно... И все же интересно, кому принадлежит аппарат? Неужели жрецам храма удалось достать себе «Махаон» и приспособить для своих нужд?

— Вряд ли, — покачал головой Антон. — Он их больше демаскирует, чем приносит пользу. Это за нами следит какая-то спецконтора.

— Резонно.

— Ну, я пошел. — Серафим сунул в рот загубник и перевалялся через борт лодки спиной в воду.

— Мне страшно! — прошептала Владислава на ухо Илье. — Я чувствую, что на нас смотрят очень плохие люди...

— Ничего, все будет хорошо, — похлопал ее по руке Илья. — Антон, я, пожалуй, тоже опущусь вниз, посмотрю на камни поближе. Не нравится мне, что мы так быстро нашли Лик Беса.

Он надел акваланг и нырнул следом за Тымко, раскорячившимся над россыпью камней на дне озера.

— Странные камни... — проговорил Антон, свесившись над водой. — Может быть, это обломки бетонных столбов?

— Не похоже, — задумчиво отозвалась Валерия, забыв, что сердится на Громова за невнимание. — Хотя скорее всего они искусственного происхождения. Вообще слово «камни» происходит от двух санскритских слов «ка» — небесный, что всегда было эпитетом богов, и «мени» — сосуд. Можно понимать это слово как «метательные снаряды Бога».

— Метеориты, что ли?

— Нечто в этом роде.

Два аквалангиста под лодками о чем-то посовещались,

разговаривая жестами, и Серафим, захватив самый маленький из сигаровидных камней, вынес его на поверхность, бросил в лодку. Только теперь стала понятной его форма, и Антон обменялся с Валерией понимающим взглядом. Камень имел форму фаллоса, что говорило о его принадлежности культовому хозяйству храма.

— Изучайте, — хихикнул Тымко, вытолкнув загубник. — Там внизу целый джентльменский набор этих, с позволения сказать, «скульптур».

— А плита? — с жадным интересом спросила Валерия. — Это он, Лик Беса?

— Хрен его разберет. Что-то нацарапано, а что — не видеть, чистить надо. Сейчас попробуем. Дайте-ка мне скребок.

Антон протянул ему металлическую щетку, и Серафим нырнул обратно на дно, где Илья, поднимая облачка мути, пытался соскрести с поверхности плиты слой грязи. Они занялись этим вдвоем, и вскоре изнемогавшим от любопытства пассажирам лодок стал виден рисунок на камне, действительно напоминавший голову какого-то существа с рогами: наполовину человека, наполовину дракона. Все принялись разглядывать рисунок, в том числе и аквалангисты, и через минуту у тех, кто сидел в лодках, закружилась голова, в ушах поплыл звон, в теле появилась эйфорическая легкость, отошли на второй план другие чувства, цели и задачи, планы и устремления. Хотелось только смотреть на плиту под водой и ни о чем не думать, предаваясь радостно-возвышенному чувству погружения в эстетическое созерцание бесформенных видений.

Первой справилась со своей зачарованностью Владислава. С криком: «Не смотрите!» — она схватила Антона за плечо и дернула назад. Громов очнулся, с удивлением осознавая себя сидящим в лодке, глянул на часы и ужаснулся. Они просидели над водой сорок минут, не ощущая течения времени, и точно так же провисели в воде над плитой аквалангисты.

— Валера, очнись! — позвал женщину Антон, ответа не дождался и перепрыгнул в ее лодку, чтобы силой усадить на дно.

Затуманенные глаза женщины стали проясняться, она глубоко вздохнула, с недоумением оглянулась по сторонам.

— Что со мной? Голова — как пустая стеклянная банка...

— Объясни ей, — бросил Антон Владиславе и прыгнул в воду.

Илью ему удалось привести в чувство быстро, а вот с Серафимом пришлось повозиться. Здоровый как бык, инструктор не хотел отрываться от созерцания, начал отбиваться, и друзьям с большим трудом удалось вытолкнуть его на поверхность.

Забравшись в лодки, они с полчаса приходили в себя, стараясь не глядеть вниз, на дно озера. Потом Тымко, уязвленный случившимся, угрюмо проворчал:

— Может, кто-нибудь объяснит мне, что происходит?

— Мне надо было догадаться, — сквозь зубы проговорил Илья. Его голова лежала на коленях Владиславы, ее невесомая теплая ладошка поглаживала виски и лоб, и лежать было очень приятно.

— Ну, в чем дело?

— Это темная зовуша, — тихо сказала Владислава. — Заговоренный камень. Чем больше на него смотришь, тем больше хочется смотреть. Баба Марья сказывала, что многие люди умирали даже от голода, не в силах оторваться от зовуши.

— Похоже, он действительно обладает сильным биоэнергoinформационным воздействием. Мы могли самостоятельно не выйти из транса, развязав тем самым руки тем, кто за нами следит в три глаза.

— Так это Лик Беса или нет?

— Не знаю, — поморщился Илья. — В письме бабушки Савостиной говорилось, что камень по мере приближения даты выхода демона становится все легче и легче, я попробовал его пошевелить, но никакой легкости не почувствовал. Он весит по крайней мере килограммов двести, еще придется повозиться, поднимая его в лодку.

— Когда начнем поднимать?

Илья посмотрел на солнце, на часы, начал надевать акваланг.

— Вероятно, после обеда. Я попробую его сфотографировать во всех ракурсах, а вы снимайте все мои маневры видеокамерой.

Он нырнул, и Антон включил камеру, запечатлев на пленку лодки, недалекий берег и небо с крестиком «Махаона» и десятком кружащих над водой чаек.

— Давай лучше я поснимаю, — предложил Серафим, — а то ты все испортишь.

Антон хладнокровно протянул ему видеокамеру, и в этот момент вдоль борта лодки взметнулась на воде очередь дымных фонтанчиков. Это было так похоже на очередь крупнокалиберных пуль, ударившую с неба, что Антон едва не закричал: ложись! — но вовремя прикусил язык. Настоящие пули шлепались в воду не так, со звучным бульканьем, дымные же фонтанчики возникали абсолютно беззвучно и вели себя самостоятельно. Они образовали окружность вокруг лодок и исчезли так же таинственно, как и появились.

— Ёлы-палы! — выдохнул Серафим, успевший заметить фонтанчики. — Эт-то еще что за фигия?!

— Похоже на явление «снайпера-призрака»... — начала Валерия.

— Это эхо заклинания! — быстро проговорила побледневшая Владислава, умоляюще посмотрела на Антона. — Позовите Илью, сейчас что-нибудь случится!

— Смотрите! — воскликнула Валерия, вытянув вперед руку.

В воде со стороны озера появилось быстро приближающееся темное, отливающее металлом пятно. Оно в течение нескольких секунд достигло лодок, и тогда стало видно, что это гигантский косяк рыбы!

— Илья, назад! — рывкнул Серафим, поднося руки рупором ко рту, но Пашин и сам заметил летящий на него рыбный поток, заработал ластами, пытаясь увернуться и всплыть, но был сбит, как кегля, ударом живого молота.

Вскрикнула Владислава. Лодка содрогнулась от удара рыбьего косяка. Наклонившаяся над водой Валерия не удержалась, взмахнула руками и с криком упала в воду, и тотчас же Антон прыгнул следом за ней, чувствуя, как ошалевшая рыба: окуни, плотва, верховодка, лещи, карпы, лини и щуки, — царапает тело плавниками, бьет в лицо, в голову, живот и спину, мешает плыть и затягивает в глубину. И все же он успел вытащить Валерию на поверхность и буквально выбросил ее из воды в лодку, где женщину подхватил обалдевший, не знающий, что делать, Тымко.

— Заводите моторы! — крикнул Антон, поворачивая в ту сторону, где под водой боролся с рыбным потоком Илья.

Поток этот оказался таким плотным, что по нему можно было, наверное, идти пешком, как по твердому, хотя и скользкому, грунту. Антону приходилось напрягать все силы, чтобы продвигаться вперед, пока он наконец не перевел организм в состояние пустоты, позволившее работать ин-

стинкам без участия сознания, и сразу же его положение изменилось. Он заскользил, извиваясь, как угорь, по поверхности рыбьего косяка, достиг точки, где Илья пытался всплыть из-под живого покрывала, и нырнул.

Вдвоем отбиваться от бешеной рыбьей метели было легче, и, несмотря на вязко-упругое сопротивление косяка, им удалось-таки пробиться сквозь него на поверхность озера, где их подхватили сильные руки Тымко и Владиславы.

И сразу же ихтиоатака озерных обитателей пошла на убыль, косяк рыбы перестал быть единым целым, рассыпался, стал редеть, таять, рассасываться. Катаклизм, вызванный, по словам Владиславы, темным заклинанием, закончился.

Некоторое время они отдыхали, приходили в себя, поглядывая на воду и вокруг, ожидая еще каких-либо необычных явлений природы. Все понимали, что впереди их ждут новые испытания. Не приходилось сомневаться, что колдуны храма для того, чтобы не допустить раскрытия тайны, способны соорудить немало опасных препятствий на пути искателей Лика Беса. Не унывал в связи с этим лишь Серафим.

— Если наш противник горазд только натравливать на нас животный мир, — пренебрежительным тоном произнес он, — то ничего серьезного нам не грозит.

Илья посмотрел на Антона, к спине которого прижалась благодарная за спасение Валерия, встретил его сосредоточенный взгляд и признался:

— У меня тоже складывается впечатление, что масштаб воздействия на нас довольно низок.

— Ну, и о чем это говорит? — выпятил челюсть Серафим.

— О том, что кто-то пытается создать в и д и м о с т ь сопротивления нашим попыткам найти камень с изображением беса. Мне поэтому не очень-то хочется возиться с подъемом этой плиты. — Илья ткнул рукой за борт лодки.

— Мне вообще-то сразу не понравилась твоя затея. У тебя есть другие предложения?

— Нет, — вздохнул Илья. — Будем действовать, как наметили, посмотрим, как на наши действия отреагируют хранители храма. Но для очистки совести предлагаю поискать другой камень. Может быть, их тут много разбросано. — Он поднял со дна лодки розоватый, величиной с локоть, камень в форме фаллоса и бросил за борт.

— Эти камни лежат здесь недавно, — несмело проговорила Владислава.

— Почему ты так решила? — повернулся к ней Илья.

— Я чую...

— Слышите? Вот вам лишнее свидетельство того, что нам специально подбросили плиту с печатью Морока, обладающую гипнотической силой. Владислава — ученица ведуньи и многое в и д и т сама.

В кармане куртки Пашина сверчком залилась рация. Он вытащил цилиндрик величиной с палец, нажал на торец.

— Илья Константинович, — раздался голос Гнедича, — отзовитесь.

— Слушаю, Юрий Дмитриевич.

— Анжелика исчезла. Я в палатке с аппаратурой возился, потом за дровами ходил, вернулся — ее нет. Думал, пошла по житейским надобностям, но вот уж час прошел, ее до сих пор не видать. Звал, искал, все напрасно.

— Едем, — коротко отозвался Илья, кивнул Серафиму. — Разворачивайся.

Заворчали моторы лодок, направляя их к протоке, отделявшей Стрекавин Нос от материкового берега. До острова было недалеко, и уже через четверть часа лодки пристали возле лагеря, где их ждал расстроенный подполковник.

Они искали Анжелику два часа, заглянув буквально под каждый куст на южном мысу острова, пока не наткнулись на открытый Антоном и Валерией подземный склеп и не догадались заглянуть внутрь. Врач экспедиции оказалась там. Она безмятежно спала, когда ее разбудили голоса спутников. Во всяком случае объяснила она свое исчезновение и долгое отсутствие именно тем, что пошла прогуляться, набрела на вход в пещеру со ступеньками, долго обследовала ее и, притомленная, прикорнула в уголке. Как она уснула, Анжелика уже не помнила.

На бедного Гнедича больно было смотреть, так он радовался и одновременно страстно желал высказать женщине свое мнение о ней, но подполковник все же удержался от объяснений и первым ушел в лагерь. Илья понимающе глянул ему вслед, полез в темноту подземелья, подсвечивая себе фонариком.

— Хорошо то, что хорошо кончается, — буркнул Серафим, не зная, как себя вести с виновницей происшествия. — А если бы ты нарвалась на хищников? На волка, например?

— Не нарвалась же, — улыбнулась Анжелика, кокетливо поправляя волосы, заметила внимание к своей особе Владиславы и подмигнула ей. — Что уставилась, девочка? Первый раз увидела?

Владислава, ни слова не говоря, нырнула вниз, в яму подземелья, где мелькали отсветы фонаря Ильи.

— Что это с ней? — удивилась Валерия.

— Дикарка, — небрежно пожала плечами Анжелика. — Деревенская дурочка. Илья в конце концов ее бросит, она не для него.

Из лаза раздался голос Ильи:

— Гром, спустись-ка...

Антон с готовностью полез вниз и продолжения разговора подруг не услышал. Ступенек он насчитал двенадцать, двигаясь на ощупь, потом привык к полумраку и с любопытством огляделся.

Открытый ими с Валерией подземный склеп скорее всего таковым не был. Он имел обвалившийся портал и напоминал длинный погреб высотой в два и шириной в полтора метра, с каменными стенами, полом и потолком. Блоки, из которых он был сложен, имели следы обработки, но все же не казались грубыми, хотя технологию их изготовления — по предположениям Валерии, их возраст превышал как минимум две сотни лет — было трудно представить. Еще трудней было представить, как эти блоки, весом в полтонны каждый, везли сюда через болота и леса, чтобы соорудить всего лишь подземную усыпальницу для какой-то жрицы.

Илья и Владислава стояли в конце подземелья у груды камней и земли, обозначающей тупик. Луч фонаря освещал то один, то другой камень, пока не уперся в потолок.

— Смотри, Гром, — сказал Илья. — Обвал-то совсем свежий. Тебе не кажется, что перед нами не склеп, а начало тоннеля? Вот и Слава говорит, что баба Марья предупреждала ее о подземном ходе, якобы ведущем к храму Морока.

— Почему бы и нет? — пожал плечами Антон, прикидывая что-то в уме. — Если бы это был склеп, усыпальница, то здесь стояли бы гробы или по крайней мере постаменты для них. И воздух здесь не затхлый.

— Я того же мнения. А завал странный, согласись, прямо-таки образцово-ювелирный: рухнула только часть потолка и закупирила проход.

— Там дальше — пустота... — тихо проговорила Владислава, пугливо оглядываясь.

Илья заметил ее взгляд, тоже оглянулся.

— Ты что, Слава?

— Там эта женщина...

— Валерия, Анжелика?

— Анжелика. Она... странная... чужая... и глаза у нее неживые...

Илья посмотрел на Антона, покачал головой.

— М-да, меня это начинает тревожить. Вот и дед Евстигней спрашивал, давно ли я ее знаю.

— Ты ее в чем-то подозреваешь?

— Не подозреваю, но дыма без огня, сам знаешь...

Сзади слышались голоса, звуки шагов, через весь коридор протянулся луч фонаря, в подземелье спускались Тымко и Валерия.

— Что вы тут нашли ценного? — поинтересовался Серафим. Голос его напомнил лязганье доспехов; звуки внутри подземного помещения глохли, поглощаясь толщей стен.

— По-моему, это не крипт, — сказала Валерия, подходя ближе.

— Как ты сказала?

— Крипт — это тайный подземный склеп, — буркнул Илья. — Валерия права, скорее всего перед нами подземный ход, но, чтобы проверить это, надо разобрать завал.

— Ты же говорил, что мы после обеда будем поднимать камень из озера. Или передумал?

— И он прав, — вздохнул Илья в ответ на вопросительный взгляд Антона. — Пошли наверх, братья и сестры. Отдохнем немного, подкрепимся и отправимся на озеро доводить дело до конца. Если это подземный ход, никуда он от нас не денется.

— Идите, я вас догоню, — сказал Антон. — Оставь только фонарь.

Илья, Владислава и Серафим побрели к выходу. Валерия направилась было за ними, но вернулась.

— Что ты задумал?

— Ничего. — Антон поднял луч фонаря вверх, на его лицо упал бледный сероватый отсвет. — Это не тот склеп, что мы с тобой нашли.

— Как не тот? — удивилась Валерия. — Крест, ступеньки...

— Крест, да не тот. Я еще наверху обратил внимание, что

здесь что-то не так, а когда осмотрелся, понял окончательно. Длина этого коридора метров двадцать пять, так? Глубина залегания — метра четыре, и тянется он на восток, а если бы склеп этот был расположен там, где мы его нашли, то он уперся бы в озеро. Понимаешь?

— Ты уверен? — задумалась Валерия. — Честно говоря, я не помню. Но как же Анжелика... почему она уверяет... и как она нашла этот крипт?

— Вопрос не ко мне. Возможно, на острове полно подземных выработок или гробниц. Анжелика же действительно ведет себя необычно и, насколько я понял, не любит Владиславу.

— Не то чтобы не любит, но относится как к забаве, которую позволил себе Илья.

— Ты хорошо его знаешь? Он когда-нибудь относился к женщине, как к забаве? А тем более к неопытной девочке?

— Н-нет.

— Он влюбился в девчонку, это видно невооруженным глазом. А Владислава, между прочим, ведунья...

— Юная ведьма, — улыбнулась Валерия. — Но какая же красивая!

— И хорошо чувствует людей, — закончил Антон. — Анжелику она почему-то боится.

— Ерунда, — отмахнулась Валерия. — Владислава всего боится, она действительно дикарка.

Антон еще раз осветил склеп с обрушенным в торце сводом и направился к выходу.

— Пошли.

— Куда?

— Поищем тот крест, где мы обнаружили спуск под землю, я его запомнил. Там была еще плита с отколотым краем и молодая елочка.

— Подожди. — Валерия подошла к Антону вплотную, закинула руки ему на шею и поцеловала. — Спасибо тебе.

— За что? — пробормотал потрясенный Антон.

— За то, что ты прыгнул за мной в озеро. За то, что ты есть. — Она пошла вперед, оглянулась. — Ну, что стоишь? Не отставай.

— Подожди, — опомнился он, догнал ее, повернул к себе, медленно провел рукой по волосам, обнял и прижался губами к ее полуоткрытым горячим губам. Фонарь выпал из его руки, погас. Поцелуй длился долго, но оба не считали минут

и очнулись лишь после того, как снаружи раздался голос Гнедича:

— Эй, молодежь, что вы там застряли? Я вас долго ждать буду?

Антон с трудом оторвался от женщины, внутренне пожегся, хотя никакого сожаления или стыда не испытывал. Поднял фонарь.

— Иди, я выйду чуть позже.

— Выйдем вместе, — твердо сказала Валерия. — Он давно уже обо всем догадался.

— О чем? — хотел спросить Антон, но вместо этого подхватил женщину на руки, еще раз поцеловал — сильно, почти до боли, поставил на ноги, и только тогда она отреагировала, толкнула его в грудь, взъерошила волосы и засмеялась. И он засмеялся в ответ. Такими — веселыми, смеющимися — они и выбрались из подземелья на поверхность, где их ждал озадаченный поведением обоих Юрий Дмитриевич.

— Что это вас развеселило? — с кривой улыбкой спросил он.

— Я упала, — отозвалась беззаботно раскрасневшаяся, с пунцовыми губами, Валерия, — а он меня удержал. Кстати, Антон утверждает, что это не тот склеп, который мы с ним обнаружили, когда бежали от змей.

Гнедич перевел взгляд на Громова.

Антон кивнул.

— Попробую поискать.

Он сориентировался и взял курс к берегу озера Нильского, разглядывая кресты и плиты кладбища, останавливаясь ненадолго у каждого креста. Валерия и скептически настроенный Юрий Дмитриевич последовали за ним. Вид у подполковника был такой, будто его мучила зубная боль.

Антон остановился у очередного покосившегося креста в окружении кустов ольхи и лещины, возле которого росла небольшая елка, обошел крест кругом и вдруг ударил кулаком по перекладине. И произошло чудо: крест повернулся вокруг своей оси, открывая вход под землю с ясно видимыми ступеньками.

— Я же говорил, — спокойно сказал Антон, в то время как Валерия радостно захлопала в ладоши. — Пойду посмотрю, что это такое.

Он включил фонарь, нагнулся над дырой в земле, но Гнедич остановил его, тронув за плечо. Посмотрел на жену.

— Иди в лагерь.

Валерия пристально посмотрела на мужа, свела брови.

— Что ты надумал?

— Иди в лагерь, — резко повторил Юрий Дмитриевич, потом смягчил тон: — Извини. Мне надо поговорить с Громовым.

— При мне нельзя?

— Пока нет. Позже ты обо всем узнаешь. Иди к нашим, скажи Илье, что мы скоро подойдем.

Валерия еще раз пристально заглянула в глаза подполковника, бросила взгляд на Антона, повернулась и быстро пошла в ту сторону, откуда слышались звуки походной жизни: удары топора — это Серафим заготавливал поленья для костра, и звон ложек, ножей и вилок — кто-то из женщин разворачивал импровизированный стол для обеда.

Антон приготовился выслушать упреки и угрозы Гнедича по поводу его отношений с Валерией, но Юрий Дмитриевич неожиданно завел речь о другом:

— Вы никого подозрительного на острове не видели во время своих... прогулок?

Антон удивился, но не подал виду.

— Если бы видел, то уже сказал бы. Кого вы имеете в виду?

— Пойдемте. — Гнедич повернулся к нему спиной и углубился в чащу леса.

Они вышли на берег озера, направились вдоль него на север, изредка срезая петли береговой линии, обходя заливчики и топкие места. Через пятнадцать минут впереди сквозь заросли осин и кленов замелькали какие-то яркие пятна, и вскоре стало ясно, что это палатки.

Палаток оказалось три: одна большая, зеленая, брезентовая, армейского типа, две другие — желтая и синяя — поменьше, из особой ткани с припрессовкой пленки, не пропускающей воду.

«Что за туристы здесь объявились?» — хотел спросить Антон, однако Гнедич не остановился, пересек чужую стоянку и снова нырнул в лес.

Пройдя еще полста метров, он затормозил, сделал еще два шага, присел на корточки и тут же выпрямился, отступил в сторону. Антон подошел ближе и увидел лежащее навзничь тело. Точнее — скелет, одетый в джинсы, сапоги и ветровку. Череп скелета, белый, чистый, словно специально отполиро-

ванный до блеска, весело скалился, глядя на людей пустыми глазами.

— Кто это? — глухо спросил Антон, переживая болезненную встряску перехода в состояние готовности к бою. Показалось, что лес вокруг со всеми его обитателями вот-вот бросится на них, чтобы смять, оглушить, убить и сожрать, превратить в такие же скелеты, как тот, что лежал перед ними.

Юрий Дмитриевич ничего этого не чувствовал, он был занят собой, своими мыслями и переживаниями.

— Это Аркадий Мухин, старший лейтенант службы безопасности. — Подполковник с треском отломал сухой сучок на стволе сосны, посмотрел на свою руку и достал сигареты. — Пойдемте, еще кое-что покажу.

Буквально в десяти метрах от скелета старшего лейтенанта располагалась неглубокая яма диаметром в полтора метра, в центре которой торчал еще один череп, также обглоданный некими существами, скорее всего муравьями, до фарфорового блеска.

— А это лейтенант Валя Сидоров, мой помощник.

Антон молчал, с содроганием разглядывая череп утонувшего в земле по шею человека, оглянувшись на Гнедича, глубоко затянувшегося дымом.

— Значит, это ваши люди?

— Группа поддержки. — Юрий Дмитриевич еще раз затянулся, выбросил сигарету. — Меня заставили взять ее в качестве...

— Секретного подразделения для охраны тайны, — закончил Антон. — Если бы мы действительно обнаружили камень с необычными свойствами, а тем более целый храм неизвестной секты, нас тотчас же отстранили бы от изучения феномена. Так? Или ваши полномочия шире? Вплоть до ликвидации?

Гнедич криво улыбнулся, провел ладонью по лицу, глубоко вздохнул.

— Не порите чепухи! Речь сейчас идет о другом. Проблема храма перестала быть частной исследовательской проблемой, теперь она превращается в государственную со всеми вытекающими отсюда последствиями. Я вынужден доложить обо всем моему непосредственному начальству. Как оно решит, так и будет.

— Почему вы говорите об этом именно мне? Почему не скажете Илье?

— Пашин человек заинтересованный... и непредсказуемый, неизвестно, как он себя поведет, узнав о моих... инициативах.

— Но ведь вы все равно обязаны будете ему все рассказать, особенно когда сюда примчатся ваши коллеги.

— Поймите, погибли четверо классных оперативников! О каких исследованиях может идти речь?! Надо немедленно свертывать лагерь, сниматься и уходить отсюда. Пусть всеми загадками острова занимаются специалисты.

Антон покачал головой, подумал, все еще прислушиваясь к зловещей тишине вокруг, повернулся и зашагал к лагерю чекистов. Бросил через плечо:

— Что вы хотите от меня?

— Уговорите Илью отказаться от подъема камня. — Гнедич поспешил за Громовым, сконфуженный его реакцией. — И вообще от всей затеи. Здесь гиблое место!

— Для этого придется ему все рассказать.

Они постояли у осиротевших палаток, не тронутых ни зверем, ни человеком, Антон заглянул в большую палатку, увидел чехлы каких-то приборов, окуляры, антенны, кейсы и пошел, не оглядываясь, к берегу озера.

— Вы поможете? — с надеждой спросил его догнавший подполковник.

— Сделаю, что смогу, — отозвался Антон.

Глава 20

БЕС В ХРАМЕ

Сеть храмов Морока на Земле была создана в течение столетия после Армагеддона — битвы небесного воинства с адским воинством Нави, изменившей структуру Вселенной. Храмы создавались для контроля за человечеством, для своевременного выявления и уничтожения творческих божественных эгрегоров, способных вывести земную цивилизацию из тупика. В течение тысячелетий эрозия морали коснулась и служителей храмов, в результате чего появились жуткие формы служения богу Тьмы, пронизанные бесовскими идеалами «равенства и братства» всех перед Одним. Изменилась религия Морока, появились культы и мистерии жертвоприношений, духовных и физических мук, жестокого насилия над

личностью, жертвами которых становились не только лучшие представители человечества, но и наиболее уязвимые, например, дети.

К началу первого тысячелетия новой эры окончательно сформировалась адская система поддержания на Земле непрерывных войн и страданий на физическом и духовном планах, подпитывающих уже не только Морока и его прямых слуг, но и касту жрецов, превратившихся в полулюдей-полудемонов. Храмы Морока трансформировались в самые настоящие духовные живодерни, где проводились службы Мороку и его покровителю Чернобогу. Теперь назначением храмов, число которых резко сократилось вследствие тех же самых войн, стал отбор психической энергии у людей и передача ее служителям храмов, а через них — Мороку. Работая, как доильный аппарат, храм откачивал у жертв все виды энергии, отбирал у них жизнерадостность, удачливость, дружелюбие, доброжелательность и божественное будущее и превращал в своих рабов.

Скрывая за ложью свои истинные намерения, настоятели храмов стали занимать троны королей и президентов, руководителей правительств Земли, проводя в жизнь планы подрыва идеологий и экономик тех стран, что еще могли противостоять разрушительной силе Морока, контролю над собой со стороны его слуг. Прямая связь с «князем Тьмы» нужна была жрецам храмов для обретения ими сверхчеловеческих способностей, силы, долголетия и богатства. Многие растеряв в процессе борьбы за власть в течение последних тысячелетий, жречество храмов создало новые культы Посвящений в свой тайный орден, но лишь два храма — в России и в Иране — разработали и сотни лет исповедовали культ фаллоса, лишив этот древний эзотерический культ, зародившийся в Китае, всего божественного и духовного, что связывало детородный человеческий орган с продолжением рода. Подлинной целью служителей этих храмов стало превращение последователей их идей и вообще всех людей в слепой инструмент их воли, в инструмент удовлетворения похоти и самых низменных желаний, создание такого института власти с извращенной религией и моралью, который был бы доступен только их Хозяину — Мороку.

Храмов Морока на Земле оставалось немного. Знали об их существовании только чародеи и волхвы, безуспешно пытавшиеся уничтожить эту скверну на Земле, но добившиеся

только зыбкого равновесия Сил. С появлением Чернобога на Земле это равновесие должно было быть нарушено в пользу Тьмы, и уже ничто не спасло бы человечество, превращенное, по сути, в стадо доноров, переставшее мечтать о светлом будущем, заботящееся лишь о выживании, о хлебе насущном, о сытой жизни и все более полном удовлетворении потребностей.

Храм Морока возле озера Ильмень уже две тысячи лет имел особый статус среди оставшихся храмов, потому что именно он охранял Врата — путь выхода Морока в земную реальность. Духовной живодерней он стал позже, в четырнадцатом веке, после развала Мороком Великой Русско-Ордынской империи, когда были освобождены силы зла и агрессии, поставившие целью дальнейшее разрушение Руси как родины Освободителей человечества и источника Светлых энергий. Именно жрецы этого храма предложили Мороку «наслаждение плотью девственниц», чтобы он мог не просто питаться темными энергиями страданий и мук, но и наслаждаться при этом, поддерживая демонический эгрегор своих слуг. Морок согласился, и с тех пор Врата располагались во владениях храма у озера Ильмень, где с его появлением начинался чудовищный ритуал «посвящений» молодых девушек-послушниц в жрицы храма, сопровождавшийся их насиланием и жестокими издевательствами.

Системой охраны тайны храма занималась особая служба хха — хранителей храма, опиравшаяся на знания и силу черных колдунов и магов, слуг Морока. Однако каждая система, зависящая от обычных людей, стремящихся возвыситься за счет других, всегда в конце концов саморазрушается. Дала трещину и система хха Ильменского храма. К концу двадцатого столетия в распоряжении верховной жрицы остался только один черный маг, способный служить ей, да и то не в полную силу из-за своих склонностей к бродяжничеству и увлечению старинными рецептами превращения людей в монстров. На просьбы верховной жрицы он откликался все реже и неохотней, что привело к ослаблению магической защиты храма и в конечном итоге к утечке информации о его деятельности. Но приказать ему переключить все внимание на дела храма верховная жрица не могла, колдун давно перестал быть человеком и мог в припадке ярости нанести немалый вред владениям Морока, а сил справиться с ним у Пелагеи уже не хватало.

Еще большую злобу у нее возбуждала деятельность сотника, ответственного за охрану владений, переставшего выполнять свои обязанности в полной мере и вынашивающего планы захвата власти. Он не понимал, что им не суждено сбыться, однако не становился от этого менее опасным. Однако без него Пелагея обойтись пока не могла, сотник много знал и окружил себя замороченными охранниками, подчиняющимися только ему, среди которых была и дружина наварных воинов, уже умерших однажды и потому не боящихся смерти. Если бы не гипертрофированное самомнение сотника, амбиции и мечты захватить власть, его можно было бы терпеть и выводить на новый уровень — черного мага, но с течением времени верховная жрица все больше убеждалась, что ее надежды напрасны. Потап Лиховский не желал подчиняться и продолжал плодить ошибки, чреватые полной демаскировкой храма. Пора было нейтрализовать деятельность вольнолюбца, для чего Пелагея и попросила у эмиссара Морока в Москве дать ей в услужение агента по особым поручениям. То, что агент этот тоже проштрафился перед своим господином, она узнала по своим каналам.

Безымень появился в храме в тот же день, когда на острове Войцы, всего в четырех километрах от храма, высадилась экспедиция Пашина. Сотник не смог воспрепятствовать высадке, у экспедиции обнаружилась магическая защита, что послужило дополнительным фактором раздражения Пелагеи. Ее не успокоило даже сообщение жрицы Феофании об уничтожении отряда чекистов, прибывших на остров под видом рыбаков, а также успешная операция по дезориентации Пашина, клюнувшего на приманку — камень с затемняющей сознание руной — обессиливающим заклятием.

Перед тем как вызвать сотника, Пелагея самолично полистала досье на него, хранимое в магическом «сейфе» — специальной нише в стене кельи, вспомнила законы службы хха и прикинула линию поведения с главным хранителем храма. Ошибаться ей было нельзя, силы таяли с каждым днем, а келья «Ю» — комната подзарядки черной энергией практически погасла, оставшиеся крохи энергии Пелагея держала на крайний случай в специальном сосуде, на черный день.

Служба хха имела пять отделов: собственно охраны, разведки и контрразведки, карательный, обеспечения и спецназначения. Основным считался отдел охраны, подчиненный непосредственно верховной жрице, на самом деле в послед-

нее время главным стал отдел спецназначения, которым командовал сотник. Это была ударная сила хха, набранная сотником из молодых и тренированных бойцов спецподразделений «Альфа» и «Вымпел», дважды претерпевших «реорганизацию», то есть почти полное уничтожение, а также уволенных по причине сокращения штатов работников антитеррористических подразделений ФСБ, Министерства внутренних дел и Минобороны. В свое время с формированием отдела сотнику очень помог эмиссар Клементьев, и тогда Пелагея не придавала этому факту особого значения, теперь же приходилось пожинать плоды своей невнимательности. Лиховский считал, что заручился прямой поддержкой эмиссара и может проводить собственную политику.

Прочитав предобеденную молитву вместе со жрицами храма, Пелагея вызвала сотника в келью «гостхи», приказав зажечь свечи с благовониями на специальных подставках в форме фаллоса. Благовония эти приводили людей в эйфорическое состояние и служили одним из инструментов подавления воли.

Сотник вопреки правилам храма явился не один, с ним были двое бородачей-колдунов невысокого уровня, демонстративно поддерживающих своего хозяина. Пелагея нахмурилась.

— Я приглашала тебя одного, хранитель. Или ты забыл закон?

— Не забыл, — усмехнулся Лиховский, слегка склонив голову, что должно было означать поклон. — Но времена нынче скверные, тяжелые, того и гляди объявятся непрошеные гости, и мне необходимо иметь при себе фельдъегерей и адъютантов.

Верховная жрица уперлась тяжелым взглядом в колдунов, которых когда-то сама обучала колдовскому ремеслу.

— Выйдите!

Те переглянулись, низко поклонились, но не тронулись с места.

— Они слушаются только меня, — самодовольно ухмыльнулся Лиховский.

— Выйдите! — прошипела старуха, грозно сверкнув глазами. — В пыль сотру! Ну?!

— Не пугай, Хозяйка... — начал сотник и умолк.

Пелагея выпростала из-под скуфьи руку, раскрыла ладонь, где крутился и стрелял искорками дымный шарик, и

вдруг метнула этот шарик в бородачей. Один из них увернулся, второй попытался отбить его рукой, и в то же мгновение полумрак кельи разорвала сине-зеленая вспышка света. На месте мужика образовался дымный смерч, во все стороны полетели лоскутья, обрывки одежды, а сам он исчез. Порыв ветра погасил свечи, которые тут же зажглись снова сами собой. Побледневшие сотник и его «адъютант» посмотрели на то место, где только что стоял их спутник, перевели взгляды на верховную жрицу. Потом бородач-колдун упал на колени, стукнулся лбом об пол и опрометью выскочил из кельи.

— Прости, Хозяйка! — Сотник смиренно поклонился. Лицо его заблестело от пота. Он был потрясен, не предполагая наличия такой мощи у древней старухи, она же с горечью подумала, что энергии у нее осталось всего на пару-тройку таких демонстраций.

— Назови хотя бы одну причину, — с холодной яростью проговорила она, — по которой я не должна тебя убивать!

Сотник быстро поднял голову, снова опустил, встал на колени.

— Прости, Хозяйка! Я глуп и слаб, но исправлюсь. Сделаю все, что прикажешь.

— Ты не смог справиться даже с бабой Марьей и упустил девчонку! Как я могу на тебя рассчитывать?!

— Я возьму команду и отберу ее...

— Молчи! Ты не смог остановить экспедицию Пашина на озере, ты не воспрепятствовал их высадке, ты пропустил Пашина в деревню и не задержал его с девкой! Все твои ловушки не сработали! Если бы не мой агент в экспедиции, Пашин нашел бы подземный ход! Где Волхварь, за которым я послала тебя к Евстигнею? Где мой змиев амулет-перстень?!

Сотник склонил голову еще ниже.

— В доме волхва была засада...

— Лжешь! Евстигней живет один, если бы он позвал на помощь Витязя, ты бы живым оттуда не ушел. Что за игры ты устраиваешь со своими слугами из отдела спецназначения? Какие задания ты им даешь?

— Это обычные тренировки...

— Зачем ты ведешь с жрицами пустопорожние разговоры? Что ты им внушаешь? Зачем запечатал свою келью заклятием «двойного замка»? Что ты там прячешь?!

— Ничего, Хозяйка, только старинные манускрипты.

— Ступай и подумай, что ты будешь делать дальше. Или ты прекратишь самовольство и станешь слушаться, или...

— Я понял, Хозяйка. Приказывай.

-- В группе Пашина есть человек, Антон Громов. Вымани его в лес, делай, что хочешь, но доставь его мне. Живого! Понял?

— Сделаю, Хозяйка.

— Попробуй завалить подземный ход со стороны старого кладбища, желательно — вместе со всеми друзьями Пашина. Мой агент тебе поможет.

— Постараюсь, Хозяйка.

— Ступай. Да придет Тот, чье имя будет произнесено!

Сотник пробормотал ритуальную фразу и бесшумно исчез за порогом. Пелагея некоторое время смотрела на кучу лохмотьев — все, что осталось от человека, чье имя она уже позабыла, и велела послушнице убрать все следы н и р г у н ы. После этого она вызвала Безыменя.

Агент Клементьева, бывший резидент Морока, проживший на свете три с лишним сотни лет, убитый во времена Октябрьской революции в Архангельске своими же друзьями-чекистами, но оживленный Мороком, превратившийся, по сути, в хлопотуна из русских легенд, появился в келье тихо и незаметно, как бесплотный призрак. Он действительно мог становиться невидимым, менять облик, превращаться в любого зверя, мог проникать в любое отверстие или щель, исчезать и появляться в другом месте за считанные секунды, и диапазон его возможностей был весьма широк. Даже имя — Безымень было ему дано не зря, лицо этого человека-оборотня, сыгравшего роль «капитана Висковатого», запомнить было невозможно. Боялся он только своего Господина, хотя даже сам Клементьев признавался, что толком не знает, как его уничтожить. Если мифологического хлопотуна можно было убить плеткой от нехолощенного коня или тележной осью, причем наотмашь, с первого удара, второй удар его оживлял, то смерть Безыменя лежала где-то в глубинах колдовских заклятий, опасных даже для магов, владеющих гримуаром.

— Пахнет ниргуной, — повел он носом, подходя к трону верховной жрицы, сгибаясь в низком поклоне. Одет Безымень был в мирскую одежду: серый кургузый пиджачок, серые, в полоску, брюки, туфли с пряжками, рубашку цвета дыни и галстук в горошек, который изредка менял рисунок и цвет. Все в облике этого человечка казалось серым, непри-

метным, пыльным и невыразительным, но таким и должен был быть облик беса, служителя черного мага, описанный наиболее точно в «Книге небытия» Шалиостро и в романе «Отягощенные злом» известных писателей двадцатого века братьев Стругацких.

— Добро пожаловать в обитель Хозяина, — приветствовала гостя Пелагея, с любопытством разглядывая его фигуру и сероватое лицо с редкой щетиной. — Давненько мы не встречались, господин Терновой.

— Давно, — равнодушно согласился Безымень, не реагируя на то, что верховная жрица назвала его настоящую фамилию. — Меня послали помочь тебе, настоятельница. Что прикажешь делать? Может быть, убрать с острова нежелательных свидетелей?

Пелагея нахмурилась. Она не любила, когда инициативой завладевал собеседник.

— Люди Пашина мне не страшны, я хочу сама поиграть с ними в кошки-мышки, победить их изнутри, чтобы досадить волхву. Гораздо опаснее те силы, которые стоят за самим Евстигнеем. Тебе надо постараться выйти на них, обозначить контуры противостояния. Это поможет нашему Господину справиться с ними, а нам даст возможность пожить спокойно еще лет сто.

— Много от меня хочешь, Хозяйка, — бледно улыбнулся Терновой-Безымень. — Я человек маленький, слабый, мой удел — тихая разведка в пределах деревни, работа с простыми смертными. С волхвами мне не сдюжить.

— Не прибедняйся, Безымень, мне известен твой послужной список. Правда, говорят, в последнее время ты приувыл немного, наделал ошибок, не справился кое с чем, но это дело поправимое. Скоро настанет день Посвящения, где и ты улучшишь здоровье, насытишься на какое-то время.

— Мне необходим жуцзин, Хозяйка, я действительно устал. Попроси Господина сделать милость, дать мне покой. Я все для тебя сделаю.

— Все будет зависеть от тебя, от твоих действий и успехов. Выведи меня на сеть волхва, измени его план бытия, и я помогу тебе.

Безымень сверкнул острыми глазками, поклонился. Верховная жрица почувствовала его недоверие, но повторять обещание не стала.

— К сожалению, вынуждена пожаловаться на службу хра-

нителй храма. Сотник не справляется со своими обязанностями и допустил немало проколов. Единственная его заслуга — он дезинформировал жриц о месте положения Врат, и даже этот старый дурак — волхв клюнул на эту удачную выдумку. На этом удачи сотника исчерпываются. Мне надоело подчищать за ним хвосты, исправлять ошибки, еще один неверный шаг — и нами заинтересуются силовые ведомства, а этого допускать нельзя. Тебе придется убрать сотника.

Безымень снова молча поклонился.

— Еще тебе предстоит допросить Марью-ведунью, наставницу моей послушницы. Она вот-вот преставится, а я должна еще узнать от нее, что она передала Владиславе, какие знания и умения. Девку украдешь, мне она нужна для жертвоприношения, хочу пожить в ее теле.

— Что делать с теми, кто станет ее защищать?

— Их судьба меня не волнует. Помоги сотнику захватить и доставить в храм живым только одного — Антона Громова. Мне нравится такой тип мужчин. — Старуха растянула в улыбке фиолетовые губы. — Хочется позабавиться. Давно я этим не занималась. Попробуй также взять в заложники женщину, Валерию Гнедич, на всякий случай. Вдруг я неправильно оценила возможности Пашина? Будет с чем торговаться.

Безымень попятился, не поднимая глаз от пола. Тихо и невыразительно проговорил:

— А что твой личный врач? Уже не помогает тебе?

Пелагея сжала губы в бледную полоску, полыхнула гневом, но сдержала готовое сорваться с губ крепкое словцо. Безымень знал о неучастии колдуна в делах храма и подчеркивал свое положение. На миг у жрицы даже мелькнула безумная мысль поменять их местами.

— Ступай, Терновой, докажи свою полезность. Может, судьба и к тебе будет более милостива в будущем. Кстати, ты случайно не имел доступа к Древним?

— Я знал одного из них, сенмурва.

— Врата охраняет изверг Ягья.

Безымень изменился в лице, попятился.

— Нет, Хозяйка, уволь, с извергами я не общался и в нижние ады Нави не спешу.

— Иди, — усмехнулась Пелагея.

Слуга Клементьева исчез. В келье будто враз посветлело, и верховная жрица с облегчением перевела дух. Всех глубин

этого человека она не знала, но чувствовала, что он гораздо сильнее, чем кажется с виду.

— Да придет Тот, чье имя будет произнесено! — прошептала Пелагея, берясь за крест на груди обеими руками.

Глава 21

ЗАБОТЫ ЭМИССАРА

Если система храмов Морока играла для него самого роль духовной живодерни и своеобразного «общепита» в соединении с «центрами удовольствий», то сеть его эмиссаров служила для решения более ответственных задач: разведки общественного мнения и контроля за проведением в жизнь идеологических установок и программ, для воплощения идеала Морока, который состоял в превращении Земли в Навь, в царство «живых мертвецов», зомби, послушно выполняющих любой его каприз.

Виктор Иванович Клементьев, депутат Государственной Думы России, бывший генерал, не всегда был депутатом и даже Виктором Ивановичем. В годы строительства социализма он был полковником, генералом, секретарем обкома, членом Политбюро, в Отечественную войну возглавлял отдел НКВД, при Ленине работал советником, в начале века получил чин титулярного советника и был приближенным царя Николая II. Но решал он во все времена одну задачу: реализовывал программу самоуничтожения России, известную под кодовым названием «Откровение». Ему удалось вместе с помощниками разбудить в народе подсознательные агрессивные устремления, вывести их на уровень сознания и воспитать такой мощный эгрегор чиновников, заботившихся только о личном благе, о богатстве и власти, что любые позитивные преобразования в стране стали почти невозможными. Кризисы власти в России конца двадцатого века были инспирированы именно Клементьевым и семьёю другими черными магами, резидентами Морока, поделившими страну на зоны влияния. Зоной влияния Виктора Ивановича была Москва и ее ближайшие окрестности, в том числе озеро Ильмень с единственным на всю страну храмом Морока и Вратами, через которые Хозяин мертвых, страж Башни Веры в царстве смерти, выходил в земную реальность для поддержа-

ния своей формы, получения целого букета удовольствий и подпитывания энергией человеческих страданий.

По сути, Клементьев был фарварши, то есть как бы тенью, темной стороной демона или более темной подосновой Морока, его вторым или третьим «Я». Уничтожить его было очень трудно, ибо он владел почти всеми магическими приемами и был практически неуязвим, лишь Собор волхвов мог ограничить его власть и поле деятельности и принудить к отступлению в тех или иных областях влияния, но удавалось это волхвам крайне редко. Их ареал сокращался, зона действия эмиссара расширялась. Да и противостоял волхвам не один Клементьев, но черный эгрегор магов и сам Морок, способный перевоплощаться в любое живое существо и воздействовать на большие человеческие коллективы, заставляя их служить ему во вред себе. Помогали Мороку и военно-исследовательские институты страны, управляемые его слугами и успешно разрабатывающие психотронное оружие и методы манипулирования психикой отдельного человека и даже целых народов. Исламский мир первым ощутил псипрограммирование, создав внутри себя разрушительный эгрегор фундаментализма и фанатизма. Вторым государством, подпавшим под влияние эгрегора черных магов, стали Соединенные Штаты Америки, проводящие политику исключительности и вмешательства в дела других государств. Когда-нибудь в будущем эти две доктрины должны были схлестнуться в войне с разрушительными последствиями для всей цивилизации.

Занимался Клементьев и проблемами истории, культуры и языка, естественно — с деструктивными целями, для сокрытия истин и развала культурных традиций страны. Он отлично знал, что нельзя допустить утечки информации о том, что русская азбука — древнейшая из всех азбук мира, что она шире, чем азбука, — учение о целостности Мироздания! Если бы эта истина стала достоянием народа России, попытки ее уничтожения стали бы невозможными. То же самое касалось и подлинной истории Руси как Великой империи, никогда не знавшей рабства, тысячи лет консолидирующей вокруг себя другие народы, вобравшей в свою культуру все лучшее, что мог создать человеческий дух.

Однако в последнее время Виктору Ивановичу все чаще приходилось отвлекаться от глобальных задач геополитики для решения мелких частных вопросов, помощники его все

больше ошибались, это злило и заставляло эмиссара тратить время и силы на исправление положения. Так, проблема с утечкой информации о деятельности Ильменского храма Морока, кажущаяся поначалу пустяковой, вдруг обрела другой статус и превратилась в головную боль, потому что люди, ответственные за «зачистку» ситуации, не восприняли проблему всерьез, в результате чего волхвам удалось организовать «поток внимания» к храму, послать в район его расположения исследовательский отряд под руководством потенциального Витязя и создать хоть и слабую, но угрозу существующему положению, а главное — планам Хозяина. Его же реакция на такие провалы подчиненных была известна.

Клементьев поежился. Морок был беспощаден к нерадивым слугам и вполне мог загнать любого в нижние уровни Нави, что было равносильно а б с о л ю т н о й смерти провинившегося.

— Старая дура! — выругался Виктор Иванович, переживая приступ острой злобы к верховной жрице храма, которая недооценила опасность. — Давно надо было нейтрализовать волхва! Сто лет жить с миной за пазухой и ничего не сделать для своей безопасности! Теперь и эту проблему придется решать самому.

Клементьев злился на Пелагею напрасно, он сам был виноват в создавшемся положении не меньше, однако всегда исповедовал формулу социалистического хозяйствования: я начальник — ты дурак! — и в своих выводах не сомневался. Старуха за последние несколько дней трижды обращалась к нему по линии ментальной связи, и каждый раз Виктор Иванович убеждался, что она не владеет ситуацией.

Придя утром во вторник на работу в Госдуму, он решил посоветоваться с другим эмиссаром, занимающим пост екатеринбургского губернатора, и протянул к нему канал вынужденности — «струну» тонкоматериального общения. Объемное изображение абонента возникло в дисплее выключенного компьютера, хотя могло проявиться где угодно, в том числе и перед мысленным взором эмиссара.

— Прошу прощения за беспокойство. Второй, — сказал Виктор Иванович. — Возникла необходимость послушать ваше мнение, высокочтимый Илья Абросимович.

— Снова Пелагея заставляет работать не по профилю? — добродушно улыбнулся губернатор, полный, щекастый, обманчиво простой и добрый.

— Она недооценила упорство известного нашего путешественника и ученого...

— Пашина.

— А точнее, его связь с волхвами, и мне теперь придется вмешиваться, чтобы ситуация окончательно не вышла из-под контроля. Собираюсь проинспектировать службу хха в ближайшее время и подготовку жриц к отбытию Господина в свою вотчину. Но звоню я по другому поводу. Посоветуйте, Илья Абросимович, как мне воздействовать на директора ФСБ, чтобы он прекратил суету своих людей вокруг озера. Я его почти не знаю, на уговоры он не поддается, взятки не берет, любовниц не имеет. Чем его можно взять?

— Он азартный игрок в преферанс и бридж, — снова улыбнулся Илья Абросимович. — Играет по-крупному, причем довольно часто. Выясни компанию, убери кого-нибудь из партнеров под удобным предлогом и займи его место.

— Спасибо за идею, — сразу оценил совет Клементьев. — Возможно, это оптимальный выход. В преферанс особо много не проиграешь, а вот бридж — другое дело. Пожалуй, я с ним сыграю. И еще одна проблемка, на этот раз общая: волхв Евстигней. Надо резко ограничить его возможности влиять на события возле озера, а главное — отвлечь его от руноскладывания. Кто знает, чем чревато это занятие.

— Попробуй перекосить его бинер сопротивления и повиновения в сторону последнего.

— Каким образом?

— Просчитай геосетку Хартмана и по одной из линий выведи к его дому выход симпатизирующих нам Сил, создай геопатогенную зону. Он будет вынужден тратить свою энергию на нейтрализацию зоны, это даст тебе время.

— Вы почти гений, Второй.

— Я знаю, Первый.

— Как ваши успехи в деле освоения человеческих пространств? Скоро отделите свою Уральскую республику от России?

— Работаем в этом направлении. Возникли сложности. Но проблема в принципе разрешима. Очень здорово помогает новый губернатор Красноярья, у него тоже возникла идея создать Сибирскую республику и отделиться. Даром что он не один из нас. Правда, в его команде много моих людей. — Илья Абросимович рассмеялся. — Глядишь, скоро и растащим по кусочкам этот монолит — Русь.

— Хозяин будет доволен. Ну, бывайте. Жду в середине сентября в столице, будем создавать прайд воздействия на суггеренд Думы, надо провести кое-какие нужные нам дестабилизирующие законы.

— А возня Пашина вокруг озера вас не беспокоит?

— Это мелкая проблема, мы справимся.

Изображение екатеринбургского губернатора в дисплее исчезло.

Задумчиво поковырявшись в бумагах на столе, Клементьев вызвал Безыменя. Агент по спецпоручениям отозвался через минуту, и сразу стало видно, что он озабочен.

— В чем дело? — осведомился Виктор Иванович. — Что еще тебе оказалось не под силу?

— Старуха потеряла ощущение реальности, — еле слышно ответил Безымень. — Она хочет поиграть с Пашиным, как кошка с мышью, не понимая, чем рискует.

— Рискует не она — все мы.

— Да придет Тот... — закивал человечек, пряча глаза. — Еще она швыряется ниргуной и хочет разбудить Древнего, изверга Ягью, сына Чернобога и Мары.

Клементьев на мгновение стал страшным, похожим на дракона: лицо его почернело, глаза превратились в горящие угли, рот растянулся до ушей и наполнился двумя рядами острых зубов, волосы свились в зеленоватые чешуи. Правда, на Безыменя это не произвело особого впечатления, он уже был свидетелем метаморфоз своего хозяина.

— Разве она не понимает, что разбуженный Древний одинаково опасен и объекту воздействия, и оператору?

— Я ее не спрашивал.

— Впрочем, пусть занимается, чем хочет. Возможно, Древний окажется единственным препятствием, способным остановить команду Пашина. Ты встречался с моим резидентом в его отряде?

— Да, мой господин. Они нашли вход в тоннель к храму, пришлось открывать ложный тоннель, чтобы заставить Пашина пойти в другую сторону.

— Это не ложный тоннель, это дверь в систему тоннелей, построенных еще асурами сотни тысяч лет назад, по ней тоже можно выйти к храму.

— Но это потребует времени.

— Хорошо, пусть помучаются, каким тоннелем идти на встречу своей гибели. Объясни моему человеку его задачу:

надо заминировать тоннель и заставить Пашина спуститься в тоннель со всеми людьми. Остальное сделаешь ты.

— Я понял, господин.

— Так, значит, говоришь, у старухи есть запасы ниргуны?

— Могу дать палец на отсечение!

— Почему не голову? — Клементьев рассмеялся, словно закаркал. — Шутка. Пальцы сечь я тебе не буду, вместо одного ты отрастишь два. Работай и жди. Через два-три дня я навещу храм.

Колеблющееся в толще стекла на столе изображение Безыменя растаяло. Виктор Иванович брезгливо сплюнул на стол, сдвинул брови, и слюна, ядовито зашипев, превратилась в струйку зеленого дыма, по форме напоминающую змею.

Глава 22

ОДНА ПУЛЯ ДЛЯ ДВУХ СЕРДЕЦ

После обеда решено было оставить в лагере двух женщин, Валерию и Анжелику (Владислава наотрез отказалась остаться без Ильи), и одного из мужчин — для усиления. Жребий пал на Серафима, и, таким образом, на озеро отправились четверо: Илья, Антон, Юрий Дмитриевич и Владислава.

После возвращения Антона и Гнедича в лагерь Валерия нашла момент поинтересоваться у Громова, что было нужно ее супругу от него. Было видно, что она волнуется и переживает, не зная, чем закончилось выяснение отношений, и Антон попал в неловкое положение, не имея возможности сказать правду. Он пообещал подполковнику, что о гибели группы поддержки не расскажет никому, чтобы не нагнетать обстановки.

— Что он тебе сказал? — спросила Валерия. — Выяснял, что мы делали вместе? Грозил? Предлагал по-хорошему обходить меня стороной?

— Предлагал стреляться, — пошутил Антон.

— Я серьезно, — рассердилась Валерия.

— Разговор шел о храме, — сказал Антон почти правду. — Твой муж убежден, что проблема камня с Ликом Беса вышла на уровень государственной важности. Он просил, чтобы я уговорил Илью отказаться от попыток разобраться с камнем, и готов вызвать специалистов из своего департамента.

Валерия с подозрением посмотрела на невозмутимое лицо Антона.

— Не врешь? Почему же вы так долго отсутствовали?

— Осматривали подземный ход. Вообще интересная вещь получается. Мы имеем целых два подземелья, и ни одно не охраняется. Почему?

Озадаченная Валерия не успела ответить, Илья дал команду садиться в лодки.

— Ни пуха ни пера! — пожелал им Серафим, довольный тем, что не придется возиться с подъемом камня; несмотря на бычью силу, тяжелой работы он не любил. — То есть наоборот, пусть камень будет легче пуха. Понадобится помощь профессионала, зовите.

— Отдыхай, профессионал, — проворчал Илья.

Лодки отчалили от берега. Антон оглянулся, заметил жест Валерии, предназначавшийся только ему: пальцы к губам, — и ответил тем же. Гнедич их молчаливого диалога не заметил. Он был мрачен, рассеян и задумчив, ломая голову над проблемой, как ему выбраться из создавшегося положения.

Никто не препятствовал выходу лодок в озеро, хотя все чувствовали, что за ними наблюдают. Определить местонахождение наблюдателей не удалось, они могли находиться в любой точке на берегу озера, а могли использовать для своих целей и чаек, постоянно круживших над водой. Одно утешало Илью: альбатрос, не раз спасавший его в критических ситуациях, тоже кружил неподалеку, как бы давая понять, что ниточка связи экспедиции с дедом Евстигнеем не порвалась.

В половине четвертого приступили к подъему камня, продолжавшего оказывать на людей гипнотическое влияние. Юрий Дмитриевич, пожелавший поплавать под водой с аквалангом, не знал этой особенности каменной плиты с изображением демона, и его пришлось отрывать от созерцания камня насильно.

Однако ни с первой, ни со второй попытки поднять камень на поверхность озера не удалось. Он был слишком тяжел. И хотя у Юрия Дмитриевича родилась неплохая идея использовать для подъема надувные резиновые матрасы, Илья решил вообще отказаться от этой затеи, окончательно придя к выводу, что камень с рисунком демонической морды не является Ликом Беса. Того же мнения была и Владислава, помогавшая мужчинам по мере сил. И глядя, как она не сводит сияющих глаз с Ильи, реагирует на каждое его движение

и взгляд, Антон позавидовал другу, встретившему наконец в середине жизни свое счастье.

Полчаса они отдыхали, поглядывая на россыпь мирно лежащих на дне озера камней. Гнедич курил одну сигарету за другой, и Пашин наконец обратил внимание на его состояние:

— Что с вами, Юрий Дмитриевич? Вы, по-моему, нервничаете. Что-то случилось?

Подполковник покосился на Антона, докурил сигарету, выбросил в воду.

— Случилось.

— Так поделитесь с нами своими заботами.

— Антон уже знает.

— Да? — Илья посмотрел на Громова, переживающего неприятное чувство обмана. — О чем же вы там сговорились?

— Расскажите, Антон, — буркнул Гнедич.

— Нет уж, вы сами, — отрезал Антон. — Это ваши дела.

Гнедич снова закурил и медленно, хотя и лаконично, сообщил Илье о замысле начальства сопровождать экспедицию группой поддержки и о ее гибели. Пашин выслушал исповедь подполковника молча, посмотрел на Владиславу, в глазах которой протаял испуг, и бросился к штурвалу.

— Поехали!

— Куда? — растерялся Гнедич.

— В лагерь. Кто даст гарантию, что то же самое не повторится с нашими ребятами? Эх, подполковник, подполковник, как вы все усложняете!..

Лодка, ведомая Ильей, с Владиславой на борту сделала вираж, набрала скорость, устремилась к острову. Антон, видя, что Гнедич все еще в ступоре, завел мотор второй лодки и поспешил следом.

Попытки Серафима развеселить женщин в лагере не увенчались успехом. Обе заняты были своими мыслями и не реагировали на анекдоты и рассказы инструктора Школы выживания о своей жизни. Лишь однажды Валерия отметила удачный афоризм Серафима, вряд ли ему принадлежавший, о том, какой женщине Тымко отдаст предпочтение.

— Женщина, которая умеет готовить и не готовит, — сказал он с умным видом, — намного лучше той, которая не умеет готовить, но готовит.

Анжелика на эту сентенцию ничего не сказала, а Валерия заметила, что критерий отбора претенденток на сердце Серафима столь узок, что объяснить три его развода никак не может. Почувствовав дружеский совет не трогать женскую половину экспедиции, обиженный Тымко залез в палатку и вскоре захрапел. Женщины оказались предоставленными сами себе.

Приготовив ужин, они искупались, пользуясь свободой, и решили сходить на кладбище, посмотреть на подземный ход, обнаруженный Антоном.

— Давай возьмем с собой Серафима, — предложила осторожная Валерия. — Он, конечно, болтун, зато хороший боец.

— Пусть спит, — махнула рукой Анжелика. — Во-первых, тут недалеко, успеет прибежать, если что случится, а во-вторых, мы не собираемся исследовать, куда ведет ход. Любопытно все же, зачем столько склепов здесь наготовили, кого собирались хоронить?

Женщины брызнули на себя репеллентом от комаров, Валерия взяла фонарь и нож, Анжелика один из карабинов, с которым умела обращаться, и они не спеша побрели через лес к старому кладбищу, разговаривая о камне с изображением беса, о подруге Ильи, об Антоне, незаметно превратившемся в соперника мужу Валерии. О своих чувствах Валерия говорить не стеснялась, она была так давно знакома с Анжеликой, что могла говорить с ней о чем угодно, не боясь, что их беседы станут достоянием чужих ушей.

В лесу женщины немного приутихли, сумрачная таинственная атмосфера здешних мест заставляла их оглядываться и прислушиваться ко всем шорохам. Валерии даже показалось, что она видит тающий в стволе дерева силуэт человека. Пожалев, что согласилась на авантюрную вылазку, не предупредив Серафима, она уже хотела предложить Анжелике вернуться, но в это время они вышли к кладбищу и наткнулись на крест, под которым начинался спуск в подземелье.

— Не нравится мне здесь, — вполголоса проговорила Валерия. — Неуютное место, правда? Удивляюсь, как ты могла уснуть в склепе? Я бы, наверное, от страха померла, хотя трусихой никогда себя не считала.

— А я в детстве всегда с ребятами по всем подвалам и канализациям лазила, — рассмеялась Анжелика. — У меня иммунитет к подземельям. Давай фонарь, я первая спущусь.

Она включила фонарь и стала спускаться по ступенькам

вниз, в темноту отверстия в могильном холме, полускрытого травой и дерном. Скрылась из глаз, только звуки ее осторожных шагов долетали наверх да шорох осыпающихся камешков. Потом раздался тихий голос:

— Спускайся, я посвечу.

Валерия нервно оглянулась — ей снова показалось, что на фоне деревьев мелькнула призрачная фигура человека, — и быстро полезла в темноту подземного хода, стараясь не касаться руками его выщербленных, в паутине травяных корней, стен.

Ступеньки лестницы вели глубоко вниз, метров на пятнадцать, по оценке Валерии, никуда не сворачивая и не петляя, только дважды переходя в площадки метровой ширины. Высота подземного спуска позволяла идти, не сгибаясь, но Валерия инстинктивно наклоняла голову, чувствуя, как каменная твердь давит и заставляет сдерживать дыхание.

Запахи здесь витали самые обычные, запахи сырости, земли, гниения, болота, старой каменной кладки, но дышалось легко, что говорило о скрытой вентиляции хода.

Ангелика стояла внизу, в начале коридора шириной в полтора метра и рассматривала каменный пол под ногами. Луч фонаря высвечивал какие-то полуистлевшие лохмотья, сгнившие палки и россыпь круглых камешков, похожих на лесные орехи.

— Как интересно! — с дрожью в голосе проговорила Валерия. — Похоже, по этому ходу давно никто не ходил. Как ты думаешь, куда он ведет?

Ангелика подняла фонарь, луч света отразился от какого-то тусклого зеркального листа, перегородившего коридор в десяти шагах от того места, где стояли женщины.

— Зеркало? — удивилась Валерия, разглядывая карикатурно искаженные в зеркальном слое фигуры. Шагнула вперед. — Давай подойдем поближе.

Под ногами захрустели, лопаясь, превращаясь в пыль, коричнево-серые «орехи». В то же мгновение свет фонаря погас. Валерия тихо вскрикнула, остановилась.

— Анжела, ты что?! Включи фонарь.

Послышался тихий треск. Ангелика отступила, продолжая молчать.

— Анжел, в чем дело? Что за шутки? Зачем ты меня пугаешь? — Валерия двинулась назад, с треском давя шарики, но успела сделать только два шага. Потом ей показалось, что на

нее накинули плотное упругое одеяло, заглушающее звуки, ударили по голове, и она потеряла сознание, не успев позвать подругу на помощь.

Воткнув носы лодок в песок берега, мужчины бросились к лагерю и увидели идиллическую картину мирной туристической жизни: из палатки доносился храп спящего Серафима, у костра сидела и читала книгу Анжелика, пошевеливая угли длинной веткой.

— Ф-фу! — выдохнул Илья, останавливаясь и с облегчением расслабляясь. — Слава Богу, все тихо! Если не считать храпа нашего славного охранника. — Он обернулся к Владиславе. — Ну вот, зря ты беспокоилась.

Владислава не ответила, во все глаза рассматривая врача экспедиции, потом отступила за спину Ильи и тихо прошептала:

— Что-то случилось...

— Если Серафим дрыхнет без задних ног, значит, все в порядке. — Илья подошел к костру. — А где Валерия?

— В лес пошла, — пожала плечами Анжелика. — Взяла фонарь, нож и ушла. — Женщина улыбнулась. — Я ее спрашиваю: ты не за грибами случайно? А она только рукой помахала.

Улыбка сбежала с губ Ильи, он оглянулся на поджавшегося Антона, снова посмотрел на спокойно сидевшую Анжелику.

— Когда она ушла?!

— Да недавно, минут двадцать назад.

— И ты ее отпустила одну?! — Илья сложил ладони рупором и крикнул: — Валерия!

Эхо принесло из леса недолгое «лерия-лерия-лерия», и все стихло. Валерия не откликнулась. Закричал Гнедич, за ним снова Илья, выскочил из палатки очумелый Серафим, потом кричали все вместе, но лес молчал. Валерия не отзывалась. Испуганная паникой Анжелика тоже пыталась звать подругу, однако получалось это неискренне, она просто суетилась и делала вид, что переживает. Это заметил Антон, это понял Илья, но времени на разбирательство инцидента у них не было, надо было искать исчезнувшую в неизвестном направлении жену Гнедича, расстроенного свалившимися на него бедами и неприятностями, и путешественники стали прочесывать лес, начиная от берега и дойдя до кладбища.

Валерию найти не удалось, а на прочесывание всего острова у экспедиции не было ни средств, ни сил, ни времени: шел уже девятый час вечера, солнце опустилось за лес, быстро темнело.

— Давайте рассуждать, — сказал Илья, созвав стоячее собрание. — Она не могла уйти далеко. Если, по словам Анжелики, Валерия взяла фонарь, то пойти она могла только на кладбище, поглядеть на открытые нами крипты. Давайте обйдем их.

— Может, она тоже спит в одном из них? — оживился Серафим, чувствуя свою вину за происходящее.

Они разделились. Илья, Владислава и Юрий Дмитриевич направились к подземелью, в котором недавно спала Анжелика, Антон и Серафим повернули к восточному краю кладбища, где под крестом располагался подземный ход, обнаруженный Антоном. У могилы с плитой, возле которой торчал покосившийся каменный крест, Антон остановил Серафима, присел на корточки.

— Она была здесь!

Тымко тоже присел рядом, вглядываясь в слой опавших листьев и прилегающую траву.

— Ничего не вижу.

— Брусника раздавлена, сучок сломан, трава примята — это ее следы. Она пошла вниз!

— Почему ты считаешь, что это именно ее следы?

— Чувствую.

Тымко хмыкнул, разогнулся.

— Тебе, конечно, виднее, но у этой могилы куча следов, мы все тут шатались, в том числе и Валерия. А ход, между прочим, закрыт.

Антон подошел к кресту, осмотрел его со всех сторон. Крест стоял не так, как они его оставили когда-то, скрывая отверстие в земле. Кто-то был здесь недавно и по-хозяйски закрыл вход в склеп.

— Пошли отсюда, — посоветовал Тымко. — Если бы Лерка спускалась под землю, вход был бы открыт. Не могла же она закрыть его за собой изнутри.

«Значит, ей помогли», — хотел сказать Антон, но передумал. Повернул крест, стал спускаться вниз, подсвечивая под ноги фонарем. Серафим, пожав плечами, обошел могилу с

плитой вокруг, подумал и стал спускаться следом, желая только одного: чтобы Валерия в конце концов нашлась. Он уже не увидел, как из-за кустов лещины бесшумно выглянул волк, подбежал к отверстию входа, внимательно поглядел в дыру, оскалится и нырнул вниз. А через минуту из дыры подземелья донеслись гулкий удар, поколебавший крест над могилой, грохот и вопль Серафима, который вскоре выбрался обратно, перемазанный землей и глиной. Глаза у него были круглые и дикие, словно он увидел нечто ужасное, во что разум отказывался верить. Впрочем, причина его испуга стала понятна спустя несколько минут, когда к подземному ходу прибежали Илья и Юрий Дмитриевич.

— Антона завалило! — хрипло проговорил Серафим, массируя горло. — Он шел впереди, там коридор начинается внизу и зеркало посередине, он дотронулся до зеркала, и потолок рухнул. Меня тоже чуть не задавило, еле выбрался. И холодина там — жуткая!

Переглянувшись, Пашин и Гнедич спустились один за другим вниз, но вскоре выбрались обратно, отряхиваясь и вытирая ладони.

— Завал, — коротко сказал Юрий Дмитриевич, ни на кого не глядя. — Если Лера тоже решила обследовать этот ход...

Он не закончил, но и так все было понятно без слов.

— Действительно, там очень холодно, — хмуро сказал Илья. — Как в морозильнике на хладокомбинате. Странно...

— Ничего странного, — покачала головой Владислава. — Там, где срабатывает заклинание «черного замка», всегда становится холодно.

— Ты хочешь сказать, что Антон наткнулся... на магическую мину?

Владислава кивнула, и некоторое время все молчали, глядя на нее, как на вестницу несчастья. Потом Илья встрепенулся, оглядываясь по сторонам.

— А где Анжелика? Разве она пошла не с вами?

— Я думал, она осталась с тобой, — буркнул Серафим.

Илья посмотрел на Владиславу, девушка тихо сказала:

— Она говорила неправду...

— Что ж, пришла пора поговорить с ней начистоту. Что-то она скрывает от нас. Разберем завал и выясним, что произошло на самом деле. Чую, она знает, куда пропала Лера.

— Чушь! — махнул рукой Серафим. — Они подруги...

Гнедич, ни слова не говоря, полез обратно в дыру подзе-

мелья. За ним начали спускаться Илья с Владиславой, и последним, с неохотой и опаской, спустился Тымко, не веривший, что заваленный обломками потолка и землей коридор удастся расчистить своими силами.

Антон почувствовал опасность за несколько мгновений до того, как рухнул потолок, и прыгнул вперед изо всех сил, успев проскочить несколько метров, спасших его от гибели.

С глубоким вскриком и гулом потолок коридора вдруг просел за спиной, сбивая его на пол воздушной волной, рокочущее рычание прокатилось по подземному ходу, втягиваясь в толщу стен, и все стихло.

Полежав немного, прислушиваясь к утихавшему треску оседавших камней в образовавшейся пробке и ощущая волну холода, Антон поднял упавший фонарь, включил. Луч света выхватил из темноты стены коридора, искрящиеся инеем, сводчатый потолок, неровный каменный пол в потеках застывшей смолы и вделанный в стену каменный штырь в форме фаллоса. При ближайшем рассмотрении он оказался подсвечником.

— Коридор уходил в бесконечное море мрака, луча фонаря хватало всего метров на двадцать пять, и идти вперед не хотелось. Но и оставаться на месте не имело смысла. Даже если товарищи примутся разбирать завал, на это им потребуется, судя по длине рухнувшей кровли, как минимум сутки. Сидеть же у стены камней и ждать освобождения было не в характере Антона.

Воздух в тоннеле, несмотря на затхлость и запахи тления, вполне годился для дыхания — вероятно, он каким-то образом вентилировался, и это вселяло надежду когда-нибудь выбраться на поверхность.

Сначала Антон шел по коридору с включенным фонарем, стараясь обходить черные натеки на полу, похожие на пролитую смолу или гудрон, потом заметил, что луч света быстро тускнеет, и начал включать фонарь периодически, а потом и вовсе погасил, переходя на интуитивное «зрение», вслушиваясь в дребезжащие, отскакивающие от стен звуки шагов и чувствуя приближение опасности.

Таким образом он прошагал около трехсот метров, пока ощущение тревоги не стало столь сильным, что пришлось остановиться. Антон включил фонарь, и тусклый красноватый

луч высветил все те же стены, сочащиеся сыростью, мокрый потолок, сырой пол и светильник на стене с металлическим кольцом под ним. Здесь было уже не так холодно, как в самом начале коридора, а наличие сырости говорило скорее всего о том, что тоннель пролегал под дном озера, все так же уходя в глухую темноту. И все же, несмотря на тишину и отсутствие какого-либо движения, Антон чувствовал явное присутствие невидимых живых существ, следящих за ним из мрака. Тогда он погасил фонарь, перешел в состояние п у с т о т ы и ощутил готовую сорваться на голову тяжелую каменную глыбу. Посветил вверх, никакой глыбы не обнаружил, зато увидел пленку воды, зеркально отразившую его фигуру и камни пола. По этой пленке побежали круговые волны, собрались в большую каплю, и та сорвалась вниз, норовя попасть в глаз человеку, но за мгновение до этого Антон отшатнулся к стене, и капля звучно шлепнулась в камень пола, с шипением проделав в нем порядочную выемку.

— Спасибо за предупреждение, — прошептал Антон. — Было бы странно, если бы строители не предусмотрели таких сюрпризов.

В то же мгновение кольцо под светильником повернулось, с гулом справа и слева от него отодвинулись плиты стен, открывая темные проходы, и в коридор ворвались мужчины в черном одеянии, бородатые, усатые, в странных круглых шапочках, вооруженные дубинками. Ни слова не говоря, они бросились на Антона, и тому ничего не оставалось делать, как только принимать бой в предлагаемых условиях.

Он отпрыгнул назад, положил фонарь на пол таким образом, чтобы тот светил под ноги бородачам, и как только первый из них бросился к нему, поднимая дубинку (уж не электрошокер ли?), встретил его ударом стопой в грудь, отбрасывая на остальных.

Ему в известной мере повезло: коридор был слишком тесен для группового боя, и бородачи могли нападать на него только по одному. Они попробовали атаковать вдвоем, но только помешали друг другу, потом сделали попытку просочиться в тыл Антону, но он быстро пресек попытку, сбивая бородачей на пол, как кегли, ударами в стиле муайтай, и бой на какое-то время прекратился. Бородачи — их было шестеро — посоветовались и снова полезли в драку, на сей раз действуя по-другому. Один из них метнул дубинку в Антона, а второй одновременно с ним — в фонарь. Тот погас, и борода-

тые обладатели шапочек, превращавших их в лысых монахов, бросились на Антона всем скопом, рубя дубинками воздух перед собой.

В принципе, своими палками они владели неплохо, однако драться по-современному не умели, и Антон в состоянии боевого транса мог отражать их атаки даже в полной темноте, не желая никого травмировать, а тем более убивать, но вскоре понял, что долго не продержится. Мужики работали, как машины, не уставая и не прекращая наступать, и точно так же, как роботы, сбитые на пол, тут же вскакивали и бросались вперед, не чувствуя боли и не реагируя на удары по корпусу.

Тогда Антон начал отступать, обдумывая дальнейшие свои действия, получил несколько довольно чувствительных ударов дубинками по плечам и ребрам, осерчал и вдруг стал видеть в инфракрасном свете: лица и руки мужиков налились слабым темно-бордовым свечением, чуть слабее засветилась их одежда, а потолок и стены коридора обозначились тоненькими коричневыми прожилками, будто кто-то специально включил световоды для ориентации Громова.

С удвоенной энергией он начал отбиваться, отобрал дубинку у одного из противников, уложил ею троих, хотел было предложить остальным прекратить драку и попытаться договориться, но в это время сзади на него накиннули какую-то плотную упругую ткань — так ему показалось в первое мгновение, — ударили чем-то тяжелым и холодным по голове, и, теряя сознание, он упал на спину, внезапно осознавая, что сзади н и к о г о н е т и что никакой ткани тоже н е т! Это сработало заклинание «черного сна».

В коридор из темноты открывшегося у светильника прохода вышел еще один бородач со слабо светящимся перстнем на пальце, за ним тенью выскользнул человек небольшого роста в сером костюме, просеменил вперед, поднял одну из дубинок на полу, и та засветилась бледно-зеленым светом. Мрак в коридоре раздвинулся, стал виден лежащий, вытянувшийся в струну человек.

— Это он? — спросил густым басовитым голосом бородач.

— Антон Громов, — прошелестел человечек почти неслышно.

— Я не предполагал, что он так хорошо дерется. Мне бы такого в гвардию. Надо было побороться с ним один на один.

— Тебе с ним не справиться, — тем же шелестящим голосом произнес человечек. — Он Витязь.

Бородач хмыкнул.

— Видал я Витязей... в белых тапках! Забирайте его.

Помятые бойцы воинства хха взялись за руки и ноги Громова, но он вдруг ожил, неуловимо быстрым и гибким движением вывернулся из рук бородачей, сбил троих, перекинул через голову четвертого и снова упал навзничь, получив удар дубинкой по голове от вожака хха.

— Я же говорил, — усмехнулся человечек со светящейся дубинкой; это был Безымень. — На него даже заклинание второй степени мало действует. Он бы тебе шею свернул. Несите, он больше не очнется.

Бородачи с опаской приблизились к Громову, подхватили на руки и понесли в темноту коридора. Безымень и Лиховский молча двинулись за ними, затем агент Клементьева остановился и погасил дубинку.

— Ты чего? — окликнул его сотник.

Безымень долго не отвечал, прислушиваясь к чему-то, проворчал: «Показалось...» — и снова зашагал за ушедшими вперед хха.

На полу коридора осталась лежать пуговица, оторванная от куртки Антона. Через некоторое время над ней остановилась невидимая в темноте фигура зверя, мигнули и погасли янтарно-желтые глаза. Постояв немного, волк понюхал пуговицу, воздух, пол и бесшумно потрусил по коридору в ту же сторону, что и удалившиеся люди.

Глава 23

Я ВУДУ СКОРО

Игра в бридж превзошла все ожидания Клементьева — Директор Федеральной службы безопасности Николай Вячеславович Пигосов, которого сотрудники конторы за глаза называли «папой», проиграл более десяти тысяч долларов и согласился встретиться с Виктором Ивановичем на следующее утро в здании Государственной Думы, чтобы обговорить условия выплаты долга.

В тот же вечер, вернее, уже ночью в контакт с Клементьевым вошел сам Господин, использующий для этого весьма экзотические способы связи. Для беседы с эмиссаром он на сей раз избрал посредником его собственную руку.

Виктор Иванович и сам был магом высокого класса, изучившим в свое время известный свод заклинаний и магических операций «Черный туман», однако состязаться с Господином во владении магией не мог. Его правая рука, которой он собирался взять чашку с чернорябиновым соком, вдруг перестала слушаться и поднялась вверх, изображая зонтик. Клементьев прислушался к своим ощущениям: похолодало, стеклянные предметы в гостиной покрылись инеем — и услышал низкий, потрясающий кости всего тела г о л о с, исходящий волнами от поднятой вверх руки:

— Привет, фарварши.

— Да будет вечен Тот, кто зовет! — отозвался Клементьев, сдерживая желание выругаться. — Я весь внимание, Господин!

Рука Виктора Ивановича п о с м о т р е л а на него снисходительно и строго, сделала кукиш, покрутила пальцами, порождая волну мышечно-костяного смеха, потрясшего эмиссара изнутри.

— Ты не очень-то радуешься моему появлению, фарварши. Устал — скажи, я освобожу тебя от работы.

— Я недоволен собой, Господин, — поспешно проговорил Клементьев, с трудом выдерживая о с л е п и т е л ь н о черный взгляд собственной руки. — К сожалению, кое-каких неудач избежать не удалось. Но к вашему выходу мы будем готовы.

— Надеюсь, ты справишься со своими проблемами. — Рука сделала «пистолетик», указательный палец-ствол глянул Клементьеву в лоб и оттуда вылетела очередь дымных шариков, пронзивших голову эмиссара и взорвавшихся на стене комнаты. Обои в местах попаданий шариков обуглились, так что стало казаться, будто по стене кто-то выпустил очередь крупнокалиберных пуль.

— Мне начинают мешать активно, — гулко возвестила рука Клементьева, на миг превращаясь в огромный рот. — Это начинает меня раздражать. Готовьте Врата, я буду скоро. Возможно, не один.

— Нам тоже мешают, — кисло признался Виктор Иванович. — В основном наши старинные недруги волхвы. Сила их растет. Я просил бы вас нейтрализовать хотя бы одного из их круга.

— Волхвы — ваша забота, фарварши, я создал вас именно для войны с ними. Вы должны были нейтрализовать волхвов сами. Вас столько же, сколько их.

— Они усиленно создают свое психополе, эгрегор божественных Сил.

— Это не оправдание! В вашем распоряжении гримуар, психотронные генераторы, эппингконтроль, программы зомбирования, компьютерные технологии, спецслужбы, наконец! Действуйте! Уничтожьте Священные писания, своды рун! Почему я должен напоминать вам об этом?!

Боль горячей раскаленной иглой вонзилась в плечо, прокатилась волной по всему телу, но Виктор Иванович выдержал ее, не дрогнув лицом.

— Мы постараемся сделать все, что в наших силах, Господин. Но нам хотелось бы получить кое-какое специальное оружие, например ниргуну.

Руку Виктора Ивановича охватило пламя, но жара он не почувствовал, огонь был холодным.

— Ниргуна разъедает ткань реальности, с ней надо обращаться осторожно. Это оружие не для смертных.

— Я имею сведения, что запасы ниргуны есть у Хозяйки Врат и она их расходует не по назначению. Если ниргуной завладеют волхвы...

— Хозяйка Врат служит мне верой и правдой сто лет! Хочешь заменить ее?

— Ни в коей мере, — поспешно заверил собеседника Клементьев. — Заменить ее пока нечем. Но она стала неосторожной, что создает дополнительные проблемы.

— Вы мне надоели, фарварши, мне надоела ваша непредсказуемая ашраф-уль-маклукат, ваши несовершенные методы ведения дел, ваша постоянная борьба за власть и готовность сожрать друг друга, даже во вред делу. Хотя, с другой стороны, не будь человек таким агрессивным, трусливым и злобным, управлять им и прибрать к рукам этот вкусный мир я бы не смог. Разберись со старухой, фарварши, но не трогай ее, я сам решу, что с ней делать, если она перестала справляться с обязанностями.

Рука похлопала Виктора Ивановича по щеке, перестала жить отдельно от тела, по ней побежали мурашки возобновленного кровообращения. Тень Морока исчезла.

— Да придет Тот, чье имя будет... — по привычке забормotal Клементьев, опомнился. — Что ж, мы имеем то, что имеем, — именно ашраф-уль-маклукат, другого материала на Земле нет, да и тот сопротивляется. Если уж тебе не под силу изменить реальность прямым волевым усилием...

С тонким стеклянным звоном лопнул бокал в серванте.

— Слышу, слышу, — ворчливо отозвался Виктор Иванович: вещи в его квартире были заговорены и предупреждали хозяина о вторжении чужой воли или «потока внимания». В данном случае бокал напомнил хозяину, что по комнате плавают «дымок присутствия» Господина, щупальце его внечувственного видения.

Клементьев вытянул ладони вперед и толкнул ими воздух. В комнате заметно похолодало, вспыхнули и погасли острые углы всех вещей, сероватое кисейное облачко, похожее на очень разреженный туман, поднялось к потолку и всосалось в него с тихим отчетливым хрустом. Это Морок втянул свое «щупальце сверхслуха» в астрал.

И еще одно облачко, бледное, как туман, растаяло в воздухе, уничтоженное заклятием «жаровни».

Клементьев попытался остановить его, зафиксировать, но не смог и грубо выругался. Облачко «тумана» означало, что разговор эмиссара с Господином был кем-то подслушан, и этим кем-то мог быть только неизвестный разведке Клементьева белый маг, владеющий «небесным ухом» — способностью слышать любой звук на любом расстоянии.

— Кто ты?! — ударил Виктор Иванович пространство вокруг себя кнутом трансцендентного звука.

Заклинание отразилось от чего-то огромного и твердого, как скала, и Клементьев впервые в жизни почувствовал нечто вроде страха. Ощущение скалы было вызвано тем, что он наткнулся на чье-то коллективное психополе большой мощности, контролирующее свои границы. А это, в свою очередь, означало, что эгрегор волхвов перешел в иное качество, стал реальной Силой...

Глава 24

СТАЯ ОПТИМАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

К ночи они выдохлись окончательно, успев пройти около трех метров завала и вынести на поверхность около тонны каменных блоков, просто камней и земли. По оценке Владиславы и самого Ильи, толщина обрушившейся кровли подземного хода достигала восьми-девяти метров, что никому из отряда оптимизма не прибавляло, однако надежда на благо-

получный исход поисков все же теплилась в душах путешественников, поддерживаемая тем, что тела Антона найти пока не удалось.

В начале двенадцатого Илья решил дать своей команде отдых, а заодно и поговорить с Анжеликой, молча принимавшей участие в расчистке завала. На Владиславу, избегавшую находиться поблизости от нее, врач экспедиции внимания не обращала.

— Перекур! — объявил Илья, вынося на поверхность очередной каменный блок весом около тридцати килограммов. — Идем в лагерь. Ужин, чай. Полчаса на поддержание тонуса.

— А потом? — осведомился Серафим, без сил рухнувший на траву у креста. Рассеянный свет фонаря, укрепленного на могильной плите таким образом, чтобы он освещал отверстие подземного входа, упал на его чумазое лицо.

— Потом снова сюда, — сказал Илья, поднимая фонарь.

— И сколько суток мы будем работать в качестве экскаваторов?

— Пока не разберем завал.

— Звучит заманчиво. А если Грома там не окажется?

Вместо ответа Илья подошел к безучастно опустившей руки Анжелике, взял ее под локоть и повел к лагерю. Остальные участники раскопок, еле ворочая ногами, последовали за ними, перемазанные глиной с головы до ног.

— Анжел, что случилось на самом деле? Куда ушла Валерия? — спросил Пашин.

Анжелика попыталась высвободить локоть, но Илья держал крепко.

— Я уже говорила.

— Я слышал. Это полуправда, и у меня есть все основания полагать, что ты нас обманываешь. Расскажи все, что с тобой происходит, и я обещаю помочь и никому об этом не говорить.

Анжелика остановилась, оглянулась на идущую сзади Владиславу, помолчала несколько секунд и проговорила глухо, сквозь зубы:

— Ничего я не знаю... не могу... Валерия ушла... и все мы здесь умрем! — Она выдернула руку и быстро пошла вперед, почти побежала, натываясь на деревья. Илья не стал ее догонять, лишь проводил взглядом, дожидаясь Владиславу.

— Она призналась?

— Нет, — покачал головой Илья, — но то, что она скрывает от нас правду, факт.

Подошел недовольный Тымко.

— Что ты к ней пристаешь, начальник? В чем подозреваешь? Я разговаривал с ней, ничего она не знает, кроме того, что уже рассказала. И переживает очень. Чего ты от нее хочешь?

— Мастер, ты к ней равнодушен и потому слеп. Неужели не замечаешь, что она изменилась? В Москве это была веселая женщина, любящая пошутить, мило улыбнуться, покетничать, поговорить о том о сем, а как только мы выехали за пределы столицы, ее словно подменили. Ты за эти несколько дней хоть раз видел, как она улыбается?

— Видел, — неуверенно проговорил Серафим.

— А я нет. — Илья зашагал дальше, взяв за руку Владиславу. Уже на поляне его догнал Гнедич, остановил, красноречиво глянув на девушку. Илья подтолкнул ее к костру.

— Приводи себя в порядок, я сейчас подойду.

Подполковник проводил Владиславу взглядом, торопливо сказал:

— Я доложил начальству о наших проблемах, завтра на остров прибудет спецгруппа для расследования.

Илья помолчал, размышляя, кивнул.

— Может быть, это лучший выход из положения. Правда, нас, наверное, попрут отсюда, но для того, чтобы найти Леру и Антона, я готов на любые жертвы.

— Извини, что все так получилось...

Илья усмехнулся.

— В глубине души я был готов к такому повороту событий, твоя служба не могла упустить шанс выйти на тайну храма, пустив нас вперед в качестве тарана. Жаль только, что ты об этом мне не рассказал с самого начала, тогда, может быть, удалось бы обойтись без жертв.

— Я человек службы...

— Что мне всегда нравилось в чекистах, так это их готовность списать все неудачи на приказы начальства. Свои головы, к сожалению, есть далеко не у всех.

Уязвленный Юрий Дмитриевич скрипнул зубами, переживая обиду, стыд и злость, проговорил с кривой ухмылкой:

— Вы тоже хороши: один за моей женой ухаживает втихомолку, а второй его прикрывает.

Илья задумчиво посмотрел на подполковника, хмыкнул, покачал головой.

— Вот так жен и теряют, Юрий Дмитриевич, когда мужья начинают искать внешние причины происходящего, — сказал он и пошел к палаткам.

Гнедич остался стоять с опущенной головой. Подумалось: «Плунуть на все и уехать! Пусть сами во всем разбираются...» Потом пришла другая мысль: «А ведь символично, что они пропали вместе! Может, это судьба?...» Мысль окончательно испортила настроение, и Юрий Дмитриевич нехотя побрел на берег озера, где уже умывались остальные члены экспедиции.

По озеру ходили крупные волны, шумел под напором ветра тростник, где-то над лесами западного побережья гремел гром, начиналась буря. Дождь хлынул как из ведра, когда они устроились у костра пить чай. Пришлось пережидать непогоду, сидя в палатках при свете свечи, а когда ливень приутих и Пашин дал команду двигаться на кладбище, на лагерь обрушилась самая настоящая живая атака.

Сначала на людей напали птицы.

Их было несметное количество, и видели они в темноте — костер погас под дождем — гораздо лучше людей. Они налетали сверху, вцеплялись в волосы, клевали голову, норовя попасть в глаза, таранили, били крыльями по лицу, и увернуться от них было очень трудно. Первым побуждением путешественников было укрыться в палатках и переждать нападение, но птицы так яростно таранили палатки, что пробили брезент одной и повалили две другие. Прошло несколько минут, прежде чем ошеломленные члены экспедиции пришли в себя и начали отбиваться в полную силу.

Нападение птиц закончилось так же внезапно, как и началось, в тот момент, когда Серафим разрядил в темноту карабин, а Илья зажег импровизированный факел и отбил им выпад вороньей стаи.

Однако это было еще не все.

Как только волна птиц, хлопая крыльями, черной метелью взметнулась вверх, на поляну выкатилась другая волна — звери! — и ситуация сразу изменилась в худшую сторону. Воевать с ними у людей было почти нечем.

— Все сюда! — рявкнул Илья, поднимая свой факел — еловый сук с тряпкой на конце, облитой бензином. — Становитесь спина к спине!

Они образовали круг, лицами к лесу. Грохнул карабин Серафима, несколько раз выстрелил из пистолета Гнедич, Анжелика успела разрядить арбалет, а затем воющая, рычащая, визжащая волна накрыла их, и началась битва не на жизнь, а на смерть между пятью людьми и зверями разных видов, объединившимися в странную стаю.

Как потом выяснилось, в атаке на лагерь участвовали практически все живущие на острове звери: волки, лисы, зайцы, белки, полевые и лесные мыши, ежи, собаки, еноты и медвежья семья в полном составе — глава семьи, медведица и три молодых медведя, затоптавших немало более мелких соратников. Выстрелы в упор их не остановили, и людям пришлось отбиваться оружием, применяя его в качестве дубинок, а также ножами, поленьями, руками и ногами. Илья к тому же использовал свой факел, а также ракетницу, дважды запустив ракеты в массу животных. Не принимала участия в общем сражении только Владислава, одной рукой держась за амулет бабы Марьи, а вторую выставив вперед ладонью к рычащей, шелкающей зубами стае. Звери ее не трогали, и девушка успешно защищала спину Илье, не испугавшись даже вставшей на дыбы медведицы.

Неизвестно, чем закончилась бы эта невиданная по составу участников битва, не вмешайся в нее иная сила. Во всяком случае, отступив к озеру и сев в лодки, люди скорее всего уцелели бы, но лагерь был бы разгромлен напрочь.

Илье пришла в голову идея вылить из канистры бензин и поджечь, чтобы образовалось огненное кольцо вокруг отряда, но воплотить эту идею в жизнь он не успел.

Поляна озарилась вдруг мягким переливчатым светом: налились золотистым свечением стволы деревьев, кусты, трава и даже земля, стал виден каждый участник сражения, — будь то зверь или человек, затем в стаю животных ударила ветвистая фиолетово-зеленая молния, и атака лесного воинства на лагерь прекратилась. С визгом и поскуливанием бросились врассыпную мыши, собаки, белки и лисы, чуть позже отступили понесшие серьезные потери волки, и последними поля боя покинули медведи, которые пострадали больше всех, в соответствии с их вкладом в битву.

Но и людям досталось крепко. Лицо Серафима превратилось в кровавую маску, исполосованное медвежьими когтями, одежда повисла лохмотьями, из прокушенных волчьими зубами икр сочилась кровь. Гнедич тоже был исцарапан и ис-

кусан со всех сторон, лоб и щеку его пересекала глубокая рана, куртка на плече была порвана и в прореху была видна еще одна рваная царапина. Илья защищался удачней, хотя, конечно, не избежал ни укусов, ни царапин. Анжелика, закусив губу, держалась за голову, хотя особых следов на ее лице и одежде от когтей и зубов видно не было. У Владиславы на лбу появилась тройная царапина, но это был след нападения волрона, звери ее не тронули.

Люди все еще сжимали в руках оружие, озирались, не веря, что все кончилось, когда на поляне, свечение которой пошло на убыль, появилась высокая фигура в плаще с капюшном. Серафим направил на нее карабин, но Илья отклонил ствол, узнав деда Евстигнея, шагнул навстречу неслышно приближавшемуся волхву.

— Вы?!

— Слава Создателю, успел! — Старик оглядел помятую гвардию Пашина, улыбнулся Владиславе, подошел к потухшему костру, и тот вдруг снова вспыхнул, будто в него плеснули бензину и подожгли.

Илья приблизился к деду, остановился рядом.

— У нас беда, дедушка...

— Знаю, сынок. Хотя до беды еще далеко.

— Антона завалило в подземелье...

— Не завалило, он сейчас в храме, в плену у верховной жрицы.

— Правда?! — вырвалось у Пашина.

— Пелагее захотелось потешиться, повеселиться, как в былые времена, вот она и приказала захватить Витязя и его даму.

— Валерия... тоже у нее?!

Евстигней оглянулся на подходивших мужчин, внимательно посмотрел на приотставшую Анжелику, зашагал к берегу озера. Илья махнул рукой Гнедичу:

— Ставьте палатки, приводите себя в порядок. Анжела, полечи и перевяжи всех, я сейчас.

Он поспешил за дедом.

Ветер все еще гнал по озеру волны, гнул камыш и тростник, но буря уже стихала. Лодки экспедиции, заранее вытасщенные на берег, не пострадали.

— Вам надо выручить женщину и помочь Громову найти Лик Беса раньше, чем в храм прибудет эмиссар Морока, — продолжил разговор волхв. — В храме готовятся к выходу своего черного бога, и охрана его ослаблена.

— Но... мы не знаем, где находится камень. Там, где бабушка Савостина указала, лежит другой камень, не Лик Беса.

— Да, Пелагея здесь перехитрила нас, камень тот не является Вратами, на нем просто стоит печать Морока. Вы молодцы, что выдержали его в з г л я д. Настоящий же лежит в озере у стен храма, хотя достичь его непросто.

— Вы знали... где он на самом деле?

Старик покосился на Илью, в глазах его, невидимых в темноте, загорелись зрачки, погасли. Илья вздрогнул.

— Если бы я знал, не посылал бы вас в западню. Но теперь знаю. Камень сторожит одна древняя тварь, изверг Ягья, оружием против которого является только душа человека в состоянии магического «зеркала», полная чистоты замыслов и любви. Поэтому я и пришел сегодня предупредить о риске. Если вы наткнетесь на Древнего, пистолеты и ружья вам не помогут, а научить тебя входить в состояние «зеркала» я уже не успею. Еще не поздно отказаться от участия в этом деле. Найдите Витязя, его женщину и уходите.

Илья наклонился к воде, плеснул в лицо, стряхнул капли с ладони.

— Разве у вас есть еще кто-то, кто может уничтожить Врата? Или мы должны отвлечь на себя силы охраны храма, чтобы основная группа смогла проникнуть под его стены и завершить операцию? Я угадал?

Евстигней сгорбился, долго молчал, одетый темнотой, ставший вдруг таким одиноким и подавленным, что у Ильи защемило сердце.

— Нет никакой основной группы, Илья Константинович, — глухо проговорил старик. — Нет запасного варианта. Но ваш отряд не первый, кто пытается преградить путь Мороку.

— Простите... — пробормотал пристыженный Пашин.

— Каждому человеку в этом мире, каждой вещи предписана своя судьба, изменив которую можно изменить всю реальность. Но сделать это очень трудно, потому что за каждым потенциальным с т р о и т е л е м своей судьбы следят контролеры Морока, мешающие человеку стать повелителем Яви. Так, например, они помешали твоему другу реализовать свой потенциал, отправив его в тюрьму. Тебе они тоже не один раз пытались помешать. И пугает их даже не столько угроза потерять Врата — это всего лишь пассивное изменение реальности, а ваша активная позиция жить по справедливости, для

чего вы оба готовы изменить План бытия. Врата можно изготовить новые, хотя их материалом является вовсе не камень, а демоническое психополе, свернутое в своеобразный модуль энергоинформационного воздействия на реальность, который и поддерживает переход в реальность Нави.

Теперь минуту молчал Илья, обдумывая признание волхва. Ему стало жарко, несмотря на пронизывающий холодный ветер, он набрал в ладонь воды и сделал глоток.

— Как же мы сможем уничтожить Лик Беса, если он совсем не камень... а психополе?

— Он боится живого огня, — усмехнулся старик, — поэтому всегда лежит в воде. Но смотреть на него больше нескольких секунд нельзя, иначе он внедрится в вашу психику и превратит в своих рабов. Запомните это, если надумаете идти дальше.

Из лагеря прилетел голос Серафима:

— Илья, долго тебя еще ждать?

Пашин очнулся, вытер ладонь о пылающий лоб, сказал торопливо, но твердо:

— Мы пойдем дальше. К утру разберем завал и...

— Пусть этим, не торопясь, занимаются твои друзья. К храму есть другой путь. Он заговорен, простому человеку не виден, но вдвоем с девкой вы пройдете.

— Как?

— В полукилометре отсюда из озера Нильского начинается протока в другое озеро, которого нет ни на одной карте. На его берегу и стоит храм Морока, не видимый ни со стороны, ни сверху. Увидеть можно только его отражение в воде, да и то лишь на восходе солнца или при полной луне. Мой оберег поможет вам достичь цели и предупредит о близости Древнего.

Илья виновато кашлянул.

— Талисмана... то есть оберега... больше нет. В него попал разряд, такая странная молния, когда я отбивался от сторожа Владиславы. У него была палка, мечущая молнии...

— Жезл Силы. — Старик полез под плащ, снял с шеи какой-то тяжелый кружок на цепочке, протянул Илье. — Это цата, старославянский амулет Рука Бога, символ Свентовита, он обеспечит тебе защиту от любого нападения с четырех сторон света. Не потеряй и доверяй его подсказкам.

— А как же вы?

— Я обойдусь.

Илья надел цепочку, спрятал амулет на груди под футболку, прислушиваясь к себе: под кожей на груди, которой касался быстро теплеющий диск амулета, побежали электрические струйки, приятно щекотавшие тело.

— Весьма забавно...

— Не мешает?

— Нет, но... щекочет. Такое ощущение, будто это клемма аккумулятора. Дедушка, что нам делать с Анжеликой? Мы пришли к выводу, что она... обманывает нас.

— Ничего с ней делать не надо, хотя ваша врачиха стала агентом эмиссара Морока в Москве. Не по своей воле, конечно. Она и сейчас не понимает, что делает. Потом я освобожу ее от чужой программы, а пока делайте вид, что ни о чем не догадываетесь. Жаль ее...

Илья снова зачерпнул воды в ладонь, жадно выпил, выпрямился, чтобы поблагодарить волхва, но его рядом не оказалось. Илья чертыхнулся в душе, но тут же с усмешкой позабывал способностям Евстигнея. Старику не нужен был никакой вид транспорта, так как он владел тем способом преодоления пространства, который люди называли телепортацией, одновременно не веря в ее существование.

— А где дед? — встретил Пашина вопросом Серафим, уже переодетый в запасную рубашку и штормовку, с замотанной бинтом головой. На его лицо в шрамах и царапинах, обработанных йодом, страшно было смотреть.

— Ушел по делам, — меланхолично отозвался Илья, отвечая на тревожный взгляд Владиславы успокаивающим жестом, поискал глазами Анжелику. — Где наш врач?

— Зачем она тебе? Или тоже хочешь получить укол в задницу от столбняка?

— В лес пошла, — добавил Гнедич, также разрисованный пятнами йода, — по надобности.

— Ах ты, мать честная! — Илья двинулся было к лесу, но опомнился, медленно вернулся к костру, протянул к нему руки и закрыл глаза, наслаждаясь входящим в ладони теплом. Прием этот назывался аарти и служил для повышения энергетики организма человека. Действовал он безотказно в любых условиях, и Илья еще помнил, как он удивился, когда узнал, что для срабатывания аарти достаточно даже пламени свечи.

— Она сейчас придет, чего волноваться, — сказал Серафим, озадаченный поведением начальника экспедиции. — Позвать? Могу и сходить, если тебе неverteпуж.

— Не надо. — Илья подержал ладони над костром еще немного и налил из котелка себе в кружку ароматного чаю. Все молча смотрели, как он это делает: не торопясь, основательно, сосредоточенно.

— Ты уже никуда не спешишь? — не выдержал Серафим.

Гнедич тоже смотрел на Илью внимательно, с беспокойством в глазах, но молчал. Только Владислава понимала своего друга и смотрела на него иначе, с заботливой нежностью и верой.

— Завал начнем разбирать завтра, — проговорил наконец Илья. — Возможно, у нас появятся помощники.

— Кого ты имеешь в виду?

— Часов в семь мы с Владиславой попробуем поискать помощников в деревне, — не ответил на вопрос Тымко Илья, — а вы начнете работать в подземелье. Вернемся — присоединимся к вам.

— Дед не подсказал, где надо искать Валерию? — с любопытством поинтересовался Юрий Дмитриевич.

— Подсказал.

— Давай не темни, говори, — рассердился Тымко. — Не тяни кота за хвост.

Илья допил чай, чувствуя, как по телу разливается волна приятного тепла, глянул на ждущих ответа товарищей.

— Она в храме.

Ответом ему было изумленное молчание, затем фонтан красноречия Серафима, смысл которого сводился к сакраментальному вопросу: откуда ты знаешь?

— Правда, что это тебе сказал дедушка? — тихо спросила Владислава.

Илья кивнул.

— Тогда Валерия Никитична действительно находится в храме. Дедушка никогда не говорит того, чего не знает.

— Дед-всевед, — фыркнул Серафим. — Как он может знать то, свидетелем чего не был? Но допустим, что он прав. Где стоит этот хренов храм? Где вы будете его искать? А Грома кто выручать будет — Пушкин? Может, он уже тоже сидит в храме?

Илья промолчал, не желая раньше времени раскрывать тайну исчезновения Антона. Сам того не ведая, Серафим угадал ситуацию, но Анжелика этого не должна была знать. Ее следовало держать в неведении относительно планов Паши-

на до последнего момента, чтобы она не смогла предупредить тех, на кого работала.

Илья вздохнул. Было противно и тягостно думать о том, что придется и дальше вести себя с Анжеликой так, будто ничего не случилось. Не помогало даже понимание всей подоплеку происшедшего: Анжелика, по сути, была ни в чем не виновата, ее нашли и запрограммировали слуги Морока вопреки желанию и воле.

— Ложитесь спать, — сказал Илья непререкаемым тоном. — Я подежурю до утра.

— В три часа ночи я тебя сменю, — заявил Гнедич, направляясь к палаткам, и в этот момент Илья почувствовал «электрическое» шевеление амулета на груди, глянул на Владиславу и по ее беспокойному взгляду понял, что к лагерю приближаются чужие люди.

«Лодки!» — осенила его догадка. Илья поманил Юрия Дмитриевича пальцем, сказал вполголоса, ворочая угли костра веткой:

— Возьмите карабин, инфраочки, звуковой сканер и лесом обойдите поляну. Выйдите к берегу и ждите.

Гнедич достаточно времени проработал в службе безопасности, чтобы оценить обстановку правильно, поэтому вопросы задавать не стал и отреагировал как надо. Широко зевнул, потянулся и побрел к палаткам, громко проговорив:

— Разбудите меня, когда придет время дежурить.

Тымко, не поняв, что происходит, хотел было, как всегда, бурно прояснить ситуацию, но Илья его опередил:

— Молчи! Возьми второй карабин и сделай вид, что ищешь Анжелику. На поляну не выходи, следи за лесом и жди сигнала.

Серафим понимающе оскалился, до него дошло, что начинается какая-то боевая игра. Он несколько раз позвал Анжелику, потом взял карабин под мышку и направился к лесу, ворча под нос угрозы в адрес неосторожных врачей. Илья проводил его взглядом, вылил из ведра остатки воды и подал Владиславе.

— Иди к лодкам, не торопись. Набери воды и возвращайся. От костра не отходи, что бы ни происходило. Поняла?

Девушка кивнула, сжимая кулачки и отвечая на взгляд Ильи храбрым взглядом. Он не удержался и поцеловал ее в губы, с дрожью в душе понимая, как она ему дорога. Владислава улыбнулась, взяла ведро и, напевая что-то под нос, зашагала к берегу озера. Илья дождался, пока она скроется за

кустами на спуске к отмели, пересек поляну следом за Серафимом, но далеко углубляться в лес не стал, вошел в состояние боевой пустоты и неслышимой тенью метнулся в обход поляны, к берегу озера, чтобы подойти к лодкам с другой стороны.

Он успел застать Владиславу, прекрасно игравшую роль беззаботной девчонки, посланной за водой, на берегу, прячась за кустарником, бесшумно приблизился к песчаной косе, на которой лежали лодки, и замер, обращаясь в слух. Надо было снять моторы, пришла здравая мысль, потом все мысли отступили, и Пашин стал частью тишины, частью природы, ощущая каждый ее вздох, каждое живое шевеление, каждый звук.

Владислава ушла, сгибаясь под тяжестью ведра с водой, уселась у костра на стопку хвороста и притихла. В лесу ворочался Серафим, изредка подавая голос, но вскоре замолчал. Гнедича нигде не было видно и слышно, однако Илья был уверен, что подполковник уже вышел на исходную позицию и теперь сидит в засаде на берегу и ждет, вооруженный электронной техникой. И вот через несколько минут Илья услышал на озере тихий, на грани слышимости, плеск. Еще через минуту стало ясно, что плывут четверо, выставив над водой только головы.

Они не сразу вышли из воды на берег, долго высматривая лодки, тростник, заросли ольхи слева от лодок, где должен был находиться Гнедич, пока не получили сигнал: из леса за поляной ухнул филин, затем там началась возня, затрещал валежник, что-то с шумом рухнуло на землю, раздался сдавленный крик и выстрел. Илья понял, что не зря послал Серафима искать Анжелику, инструктор был опытным бойцом и толк в засадах знал. Те, кто хотел напасть на лагерь со стороны леса и отвлечь защитников экспедиции от берега, направились на Тымко и получили отпор.

Пловцы тем временем начали приближаться к лодкам, вооруженные суковатыми дубинками, и Пашин с удивлением обнаружил, что плыли они одетыми. Цвета одежды, естественно, увидеть было невозможно, однако не оставалось сомнений, что на пловцах надеты плотные рубахи, штаны, сапоги и фуфайки.

Они подкрались к лодкам, прислушиваясь к шуму в лагере: к звукам борьбы добавились звериное рычание и вой, чьи-то крики, плачущий женский голос, — подняли свои ду-

бинки, и в то же мгновение из-за кустов в тридцати шагах от лодок раздался выстрел из помпового ружья. Юрий Дмитриевич разобрался в ситуации и открыл огонь в самый нужный момент.

Выстрел произвел эффект разорвавшейся бомбы.

Четверка террористов буквально подпрыгнула от неожиданности, один из них вскрикнул, хватаясь за плечо, и в это время на оставшихся налетел Илья, благодаря состоянию транса прекрасно видевший в темноте.

Первым делом он сбил с ног самого здорового из пловцов, способного в одиночку утащить лодку. Отобрал у него сук и обработал им второго пришельца, коренастого, заросшего волосом до бровей, так что тот взвыл от боли и на карачках побежал к воде. Третий боевик оказался расторопней всех.

Он выстрелил из своей дубинки (жезла Силы — по словам деда Евстигнея) в направлении Гнедича, тут же метнул молнию в Илью (разряд прошел воздух в сантиметре от шеи Пашина) и попытался отразить атаку Ильи в стиле морского спецназа, двумя руками крест-накрест и головой в лицо, причем в левой руке у него оказался нож; вероятно, он тоже владел длинноволновым диапазоном зрения, так как махал руками не просто перед собой, а вполне прицельно. Однако Илья не стал демонстрировать противнику знание приемов кунг-фу, дзюцу или русбоя, он просто врезал своей дубинкой, очень удобно лежавшей в руке, по колену мужика, затем по руке с ножом и по уху, так что тот кувыркнулся через голову и скатился в воду.

И схватка в ночи закончилась. Пловцы дружно попрыгали в озеро, нырнули, замахали руками, переплывая заливчик, скрылись в камышах по ту его сторону. Илья взвесил в руке дубинку, направил ее острый конец на тростниковую стену, сказал, прищулив глаз и делая усилие, как при нажатии на курок:

— Кх!

С острия сука с шипением и свистом слетела длинная зелено-голубая искра, ширкнула по тростнику, прожигая в нем дыру, и погасла. Илья выронил сук, оторопело посмотрел на свою руку, сведенную словно от электрического тока, почувствовал волну холода и с дрожью в желудке понял, что неизвестно каким образом заставил чужой жезл Силы разрядиться.

— Мама родная! — сказал он вслух.

Послышались шорох тростника, шаги, у лодок появился возбужденный Гнедич с очками прибора ночного видения на

голове и с футляром подслушивающего устройства в одной руке. В другой он нес какой-то бесформенный предмет, оказавшийся карабином, вернее, тем, что от него осталось.

— Смотри, что они сделали с помпушкой! Молния прямо в ствол ударила!

Илья потрогал ледяной на ощупь металлический волдырь, в который превратилось дуло помпового ружья, покореженное цевье, оплывший магазин, треснувший приклад и бросил остатки карабина на песок.

— Повезло тебе, Юрий Дмитриевич. Попади молния чуть выше...

В лесу за поляной раздался выстрел, и они, не сговариваясь, бросились на помощь Серафиму. Однако помощи никакой не потребовалось. С этой стороны к лагерю подкрадывались всего двое ночных гостей, и Тымко справился с ними вполне в своем стиле, сломав руку одному, а второго подстрелив, как он уверял, исключительно в целях воспитания, в мягкую часть тела.

Взъерошенные, разгоряченные новой схваткой, опьяненные победой, мужчины собрались у костра и только теперь расслабились, понимая при этом, что отдых им после столь славных ратных успехов абсолютно не гарантирован. Илья подошел к Владиславе, они обнялись и застыли так на короткое время. Серафим, бурча и клопоча, сходил на берег к лодкам, снял моторы и принес к палаткам. Гнедич просто сел у костра с отрешенным видом и уставился на тлеющие угли, вдруг ощутив навалившуюся усталость.

А спустя несколько минут в лагерь вернулась тихая и виноватая, с опущенной головой, Анжелика, не смеющая поднять взгляд от земли. Торопливо попросив прощения, сказав, что она испугалась и пережидала шум, сидя в кустах, подруга Валерии ушла в палатку. Поверил ей только Серафим.

Глава 25

ЗАЛОЖНИКИ СТРАСТИ

Темнота и тишина... Неподвижность...

Ни холодно, ни жарко, вообще никаких ощущений, и мысли текут вялые, бледные, рахитичные, не мысли, а призрачные тени...

Где я?..

Что со мной?..

В ответ все та же застывшая тишина и мрак, и глыбистая твердость со всех сторон, будто он замурован в каменном склепе глубоко под землей.

Но вот где-то скрипнула дверь — именно такой звук коснулся слуха, потом послышался тихий детский плач и вслед за ним успокаивающий женский голос...

«Мама, — подумал он безучастно, — меня успокаивает...»

Звук разбившейся об пол чашки, чей-то всхлип... Тишины больше нет, хотя он понимает, что все эти звуки живут лишь в его памяти, а не доносятся сквозь накинутое на голову толстое покрывало мрака.

Потом в этой абсолютной темноте загорелся огонек... свеча... приблизилась... стал виден абрис человеческого лица за ней... женщина несла свечу сквозь туман, и лицо ее расплывалось, будто видимое сквозь слезы...

Зеркало! Огромное зеркало во всю стену, свеча перед ним, а в глубине зеркала череда застывших фигур, внимательно разглядывающих человека перед зеркалом. Вот череда дрогнула, фигуры стали увеличиваться, приближаться, человеческие лица, мужские и женские, сначала молодые, потом все старше и старше, и вот уже не лица, а черепа смотрят из зеркала и улыбаются, растут, стремятся загипнотизировать, открывают безгубые рты...

Антон напрягся, хотел закричать: нет! — и в тот же миг мощная серая лапа зверя ударила по зеркалу, разбивая его на кривые кинжаловидные осколки. На мгновение перед Антоном мелькнула морда волка с умными горящими глазами, и он очнулся.

Он лежал абсолютно голый на огромной, как аэродром, роскошной кровати под балдахином. Тело казалось пропитанной водой губкой, и чтобы пошевелиться, требовалось сделать титаническое усилие. Антон с трудом повернул голову и с внутренним трепетом обнаружил, что кровать с балдахином расположена в сказочно красивой, сверкающей драгоценными камнями, хрусталем, золотом, серебром и фарфором комнате, озаренной пламенем четырехметровой высоты светильен в форме фаллоса.

Светильни распространяли тонкие ароматы цветущего лука, к которым примешивался незнакомый, сладковатый, дурманящий и будоражащий запах какой-то смолы. От него са-

ми собой напрягались мышцы живота и хотелось ощущать под руками упругие округлости женского тела.

Антон попытался приподняться. Голова закружилась, свет в глазах померк, но ему все же удалось справиться с приступом слабости, сесть, а затем сползти на пол и встать на ноги. В голову пришла дикая мысль, что он находится в психлечебнице, что экспедиция на остров Войцы ему пригрезилась, а все предшествующие события существовали только в его воображении.

Он сделал шаг, другой, раздвинул кисейные занавеси балдахина и вышел на середину комнаты, разглядывая ее интерьер. Голова продолжала кружиться, но все же он заметил, что предметы спальни не появляются из ничего и не пропадают, стоят на месте незыблемо и твердо, до них можно дотронуться рукой, ощутить их неподатливую твердость, гладкие холодные поверхности, что указывало на реальность происходящего.

Антон осмотрел драпировки на темно-серых стенах без единого окна, ковры, огромное — во всю стену — зеркало в золотой окантовке в форме переплетенных змеиных тел, низкий пузатый шкаф на резных ножках в форме звериных лап, такой же столик в углу с набором бокалов и рюмок, кресло, несколько пуфов и деревянный пюпитр с раскрытой книгой. Пол комнаты представлял собой сплошной ковер, в котором ноги утопали по щиколотку, потолок же напоминал черное зеркало с узором серебристой паутины, завораживающей взор. Антон смотрел бы на него долго, если бы не раздавшийся за спиной насмешливый мужской голос:

— Эй, мечтатель, очнись!

Антон обернулся. На него из проема не замеченной им двери смотрели двое: суровая старуха в фиолетово-черном одеянии и клобуке, накинутом на голову, с узкими, синевато-бледными губами, крючковатым носом и светящимися прозрачными глазами, и крупный, похожий на борца, широкий в плечах и в талии мужчина, чернобородый, с густой шевелюрой, одетый в черный костюм. Лишь две детали в его наряде были светлее остальной одежды: поясок на талии, обнимавший черную атласную рубашу навыпуск, и мерцающий желтыми искрами перстень на указательном пальце. И еще одну деталь отметило сознание Антона помимо его воли: на поясе чернобородого борца висели три чехла, из которых выглядывали рукояти ножей.

— Очухался, гостенёк? — тем же насмешливым тоном проговорил мужчина. — Сейчас тебя накормят, и все будет в ажуре. — Он повернул голову к старухе. — Неплохой экземпляр, Хозяйка, даже у меня слюнки текут.

— Дурак! — низким голосом, не повышая тона, ответила старуха, продолжая внимательно оценивать пленника.

Под ее взглядом Антон подошел к кровати, сорвал одну занавеску и обмотал вокруг чресел.

Чернобородый здоровяк засмеялся. Антон представил, как берет на прием весельчака, бьет ногой в горло, и смех тотчас же захлебнулся. Мужик в черном отшатнулся, прекратил смеяться, с изумлением схватился за горло.

— Ч-черт!..

Старуха усмехнулась.

— Витязь зубки показал... нехороший мальчик... Постереги его, я сейчас.

Она исчезла.

Бородач исподлобья оглядел фигуру Антона, который постепенно набирал силы, помассировал горло и криво улыбнулся.

— Спасибо за предупреждение, Витязь. Буду знать, на что ты способен. Говорят, ты хороший боец, если выживешь — потанцуем в спарринге, проверим, на что ты годишься. А сейчас тебя ожидает баальшой сюрприз! — Он снова выдавил кривоватую улыбку. — Советую подзаправиться, так как скоро придется потратить много энергии.

В комнату неслышно вошла монашка в низко надвинутом платке, внесла поднос с какими-то горшочками и пузатыми плошками, поставила на столик в углу и шмыгнула обратно. А следом за ней в спальню вошла голая, если не считать кисейной накидки, девушка поразительной красоты, держащая в руках необычной формы сосуд — бутылку темно-зеленого стекла с двумя горлышками. Она была стройна и изящна, хотя ступала как-то странно, скованно и тяжело, и при каждом шаге высокая грудь с тугими сосками прыгала вверх-вниз, широкие и крутые бедра вздрагивали, а прозрачные глаза сияли и притягивали, звали, манили, обещая небывалое блаженство.

— Иди, сотник, — хрипловатым, каким-то шипящим голосом проговорила незнакомка, приближаясь к Антону. Поднесла ко рту бутылку и хлебнула из двух горлышек по очереди. Глаза ее стали огромными, абсолютно пустыми и

прозрачными, затем стали расширяться зрачки, пока не заполнили собой чуть ли не все глаза, и протаяла в них вдруг такая откровенная звериная страсть, бешеное вожделение, что Антон невольно отступил, ощущая, как в него вливается чужая зовущая сила.

— Осторожнее, Хозяйка, — низко поклонился бородач, пятясь к двери. — Он кое-чем владеет в потенциале. На всякий случай я подожду в коридоре. — Он вышел.

— Иди ко мне, Витязь, — протянула руки к Антону красавица, облизнув ярко-алые губы; глаза ее помутнели, подернулись легким флером безумия. — Никто не узнает о нашей любви, даже если ты захочешь уйти. Но ты не захочешь. — Она сделала два глотка, протянула бутылку Антону. — Выпей и почувствуешь, что такое райское наслаждение...

Ее грудь уперлась в грудь Антона, губы призывно полуоткрылись, руки сомкнулись на талии, прижимая бедра к бедрам. Волна желания ударила в голову Антона, спазматически сократились мышцы живота, по жилам заструилась не кровь — жидкое пламя, но кто-то холодно-рассудительный внутри него окунул сердце в ледяную воду, создал в груди чуть ли не физически ощутимую пустоту и ударом презрения загнал в эту пустоту вожделение плоти.

Голова стала ясной и звонкой, будто он вдохнул нашатыря. Колдовское головокружение прекратилось, наваждение прошло, сознание преодолело водопад эмоций и обрело способность анализировать положение. Антон разжал руки колдуньи, развел в стороны и шагнул назад. Сказал, окончательно успокаиваясь:

— Прием почти безотказный, но работает не всегда. Я человек идеи и никогда не играл роль героя-любownika. — Антон подумал и добавил хладнокровно: — Да и заразиться боюсь... Хозяйка.

— Как ты смеешь?! Ты... отказываешься?! — Изумлению девицы не было границ. — Ты... смеешь... насмехаться надо мной?!

— Боже упаси! — вытянул вперед ладони Антон. — Просто не люблю оборотней. Как вы это делаете? Я имею в виду метаморфозы с телом. Ведь это вы только что оставили нас вдвоем с этим вашим сотником?

Глаза красавицы метнули молнии, волосы ее вздыбились, распушились одуванчиком вокруг головы, спина выгнулась,

пальцы растопырились, вместо ногтей выросли когти, соски на груди налились багровым свечением.

— Пей, дурак! — прошипела она, снова протягивая Антону бутылку с двумя горлышками. — Это эликсир бессмертия. Не отказывайся от своего счастья!

Антон почувствовал давление на виски, сознание начало мутиться, в груди снова шевельнулась змея желания. Он попытался волевым усилием прояснить сознание, не смог и отступил к стене.

— Предлагаю успокоиться, одеться и сесть за стол переговоров, как цивилизованные люди. Душ с холодной водой у вас есть?

Колдунья, зашипев, прыгнула на него, попыталась вцепиться в волосы, но Антон увернулся, и когти девицы процертили четыре параллельные царапины на плече. Она снова кинулась, стремительная и гибкая, как пантера, ухватила Антона за руку и с нечеловеческой силой рванула на себя, повалила на пол, придавила всем телом, внезапно увеличившим вес, так что Антон не мог пошевелиться, впиалась губами в его губы. Черты лица ее исказились, поплыли, сквозь прекрасную маску с чувственными губами проглянул лик старой ведьмы, и это отрезвило Антона, заставило сопротивляться, хотя силы убывали с каждым мгновением, сознание меркло, а возбужденное страстным напором тело начинало жить самостоятельно, отдельно от сознания, принимать ласки и отвечать на них.

С трудом увернувшись от губ колдуньи, Антон заставил руки оторваться от ее груди, ужом вывернулся из объятий, стряхнул девицу и перекатился под стену, почти не осознавая, что делает. Ведьма, визжа, бросилась на него снова, уже не обращая внимания на метаморфозы лица, он отбил ее ударом ноги, потом еще раз и еще, пока не собрал силы и не бросил колдунью через всю комнату, так что она врезалась в пузатый комод и разнесла его в щепки.

В комнату ворвался чернобородый сотник, окинул ее взглядом, поднял дубинку, направляя острие на сидевшего на корточках Антона, но хозяйка спальни, превратившись окончательно в высохшую костлявую старуху, остановила его. Не стесняясь своего вида, подняла бутылку с двумя горлышками, сделала несколько глотков, проливая зеленоватую жидкость на тощую грудь, вытянула вперед руку ладонью

вверх, подождала, пока на ней соберется дымный шарик, и метнула в Антона.

Шарик на лету превратился в зеркальную плоскость, которая ударила в сидящего человека, подняла его в воздух и буквально прилепила к стене с ковром.

— Подержи его на стеночке, — бросила старуха, подавая бутылку сотнику, и вышла из комнаты.

Бородач с опаской принял бутылку, вытянул ее по направлению к Антону, с сочувствием разглядывая содрогавшееся тело: неизвестная сила продолжала держать пленника за горло и за руки в положении распятого, — и вполголоса проговорил, качая головой:

— Ну ты и кретин, Витязь! Что тебе стоило ублажить Хозяйку? Глядишь, и уцелел бы. А теперь жди экзекуции. Жаль, что мы уже не встретимся.

В спальню вошла старуха, одетая в прежний монашеский наряд, повела рукой.

— Иди, сотник, больше ты мне не нужен.

Бородач кинул на Антона еще один сочувственный взгляд и вышел. Старуха подошла ближе, смерила пленника взглядом, усмехнулась.

— Может, передумаешь, соколик? Жить-то небось хочется? Или ты надеешься на помощь волхва? Не надейся, никто тебе не поможет, ни Евстигней, ни друзья твои, да и баба твоя у нас. Ею сейчас сотник займется, он большой любитель женского полу. Не хочешь ли спасти ее? Одно твое слово, и она на свободе.

— Сука! — обозначил слово Антон онемелыми губами.

— Как знаешь. — Старуха замахнулась второй рукой с перстнем в виде змеи, глазки-камни которой вспыхнули фиолетово-зеленым светом, раздался свист, и Антон почувствовал удар плети, образовавший багровый рубец на груди. С трудом удержался от крика.

Старуха еще раз махнула рукой. Свистнула невидимая плеть, удар потряс тело Громова, на животе вспух еще один рубец. Жгучая боль ударила в голову, пресекла дыхание.

— Не надумал, Витязь? Какой-то ты вялый, недотемканный, али не научил дед, как сопротивляться черной магии?

— Отпусти... Валерию... ведьма! — прохрипел Антон.

— Это уж мне решать, соколик. Я вас сюда не звала, вы на моей территории, тут моя власть, мои законы. Будешь вы-

пендриваться, скормлю зверям. А пока запомни, что пересчитать мне не след.

Свист — удар — рубец, свист — удар — рубец, невидимая плеть била сильно и точно, боль огненными всплесками входила в тело, отзывалась судорогами мышц и провалами сознания, и на восьмом ударе Антон окончательно ушел в спасительную темноту беспамятства, уже не видя, как в спальню вошел сотник, и старуха прекратила порку.

— В чем дело, сотник?! Я что тебе велела?!

— К нам гость.

Пелагея опустила руку, тело Громова сорвалось со стены и рухнуло на пол безжизненной массой.

— Кто?

— Здорово ты его разукрасила, Хозяйка. Он готов? Куда его, в озеро?

— В молельню. Очухается — сто раз подумает, стоит ли погибать за идею. Кого еще черт принес?

— Меня, — появился в спальне громадный, как шкаф, гость, в котором Пелагея с изумлением узнала Клементьева. — Славно вы тут развлекаетесь, господа. — Виктор Иванович бросил взгляд на окровавленное тело Громова. — Прямо образцово-показательные выступления святой инквизиции.

— Этот человек...

— Знаю, — махнул мощной дланью Клементьев. — Где мы можем побеседовать?

— Как ты прошел в храм, гость неожиданный? И почему без предупреждения? Я этого не люблю!

Клементьев тяжело посмотрел на сотника, тот поспешно поднял тело Громова и вынес из спальни.

— Я имел встречу с Господином...

Старуха нахмурилась, пожевала губами, но продолжать в том же духе не стала, с кислым видом повела гостя в соседнюю комнату, отличавшуюся от спальни только отсутствием кровати.

— Чему обязана столь неожиданным визитом?

— Господин устал и хочет домой. — Клементьев шелкнул пальцами, одно из мягких низких кресел с пушистой обивкой скользнуло к нему, он сел. — Но главное не в этом. Собор волхвов, кажется, успел-таки создать один из божественных эгрегоров. Надо срочно решать, чем мы можем ответить.

Верховная жрица медленно повернулась к эмиссару, не дойдя до своего «царского» кресла. Тот криво усмехнулся.

— Кончай свои забавы, Хозяйка, пора заниматься делом. Если мы провалимся, Господин нам не простит.

— Да придет Тот, чье имя будет произнесено! — глухо проговорила Пелагея, сжимая крест на груди обеими руками.

Валерия очнулась в небольшой комнате с каменными стенами и окошком под потолком, забранном решеткой с толстыми прутьями. Она лежала в углу комнаты на охапке несвежей соломы. В другом углу стоял светильник из темно-желтого металла, форма которого привела Валерию в содрогание. Она поднялась, ощупывая гудящую голову, не понимая, почему и как оказалась в этой низкой каменной темнице, похожей на тюремную камеру. В памяти всплыла прогулка по лесу с Анжеликой, спуск в подземелье с фонарем в руке, нарастающее ощущение тревоги, смех подруги, уверявшей, что у нее приступ клаустрофобии, и... полный мрак! Больше ничего Валерия не помнила.

— Анжела! — позвала она автоматически.

Звук голоса застрял в стенах, практически не давая эха, словно женщина оказалась глубоко в недрах горы под километровой толщей земли и скал.

Валерия оправила одежду, обнаружив, что ее куртка и кофта на груди расстегнуты, подошла к деревянной двери, создающей впечатление монолита, забарабанила по ней кулачками.

— Эй, кто-нибудь, откройте, выпустите меня!

Никто не ответил, не раздалось ни скрипа, ни шороха, ни звука шагов. Подождав немного, она снова заколотила по двери кулаком, потом ногами, но результат был тот же. Тогда Валерия подошла к стене с окном, привстала на цыпочки и стала кричать, звать на помощь. Сорвав голос, вернулась к двери, некоторое время лупила по ней пятками, а когда поняла, что никто не придет, заставила себя успокоиться, села на солому и сосредоточилась на восприятии действительности.

Когда через час за ней пришли, она уже представляла, где находится, способности ведуньи, которыми она владела в заточном состоянии, все же позволили ей определиться.

Она действительно находилась под землей, но не глубоко,

примерно на глубине десяти метров. Рядом располагался ряд таких же камер, что и у нее, ниже просматривались еще какие-то помещения, подземные этажи, коридоры, вверху над головой шла анфилада комнат размером побольше, а еще выше располагался большой зал, отгороженный от надземного мира многослойными стенами.

Валерия поняла, что находится в храме Морока. Ужас темной волной поднялся в глубине души, и она едва не закричала, когда дверь камеры распахнулась без звука и на пороге выросла черная фигура в монашеском одеянии с капюшоном на голове. В руках она держала деревянную доску, выполняющую роль подноса, на которой стояли кувшин и обыкновенный стакан.

Неслышно ступая, гостья приблизилась к сидящей с широко раскрытыми глазами Валерии, протянула поднос.

— Выпей, голубушка, сил прибавится.

Голос был женский, мягкий, и Валерия приободрилась.

— Где я?

— В храме Господнем, голубушка, а больше мне ничего не велено говорить. Выпей водички, полегчает.

— Не хочу.

— Как знаешь. — Гостья, не открывая лица, поставила поднос на пол и неслышно удалилась. На вопрос Валерии: как я здесь оказалась? — она не ответила.

Снова тишина завладела камерой, превращая ее в омут равнодушия и обреченности, затягивающий в свои бездонные глубины душу пленницы. Валерия зябко передернула плечами, начала заниматься гимнастикой, слегка разогрелась и почувствовала жажду. Бросила взгляд на кувшин, однако заставила себя отвлечься от желаний, села подальше от соблазна, спиной к подносу, и принялась медитировать. Но долго не продержалась.

Жажда с каждой минутой увеличивалась, горло и губы пересохли, лицо горело, будто под лучами солнца в пустыне, стало жарко и душно, и в конце концов Валерия уговорила себя просто смочить лоб и губы, не отдавая отчета, что ее жажда может иметь внешние причины.

Кувшин до половины был наполнен прозрачной жидкостью, не отличимой от обыкновенной колодезной воды, она и пахла, как вода, и на вкус казалась водой. Валерия смочила губы, лоб, щеки, потом не удержалась и сделала глоток, чувствуя невыразимое облегчение. Подождав немного и не ощу-

тив отрицательных реакций организма, допила воду в стакане и села на солому, решив с достоинством ждать своей участи. Попытка в состоянии медитации связаться с Антоном через пси-поле не удалась, Громов не откликнулся, хотя почему-то у Валерии сложилось впечатление, что ему плохо.

Сколько она просидела в таком положении, подогнув ноги под себя, Валерия не помнила. Очнувшись от звука голоса, подняла голову и вздрогнула, обнаружив посреди камеры великана в черной одежде. Он стоял, бородатый, громадный, расставив ноги и засунув пальцы рук за пояс, и с усмешкой рассматривал пленницу, раздевая ее глазами.

— Поднимайся, красавица, — сказал он густым басовитым голосом. — Пришла наша очередь веселиться.

Валерия хотела ответить отказом, но вместо этого покорно встала, с удивлением сознавая, что мужчина в черном вовсе не такой уж великан. От его сверкающего взгляда ей стало холодно и жарко одновременно, захотелось опереться на чью-нибудь сильную руку. Голова закружилась, сердце в груди забилось часто и сильно. Понимая, что ее гипнотизируют, Валерия попыталась сопротивляться, но организм отказывался бороться, сломленный какой-то силой, и она с ужасом подумала, что вода все-таки была не простая.

— Почем дрожь продаешь? — улыбнулся гость. — Не бойся, ничего я с тобой не сделаю, побалуюсь только. Ты ведь не девственница, отбоялась свое. А я покажу тебе такое, чего никто из твоих мужиков не покажет, тебе понравится. Пошли.

— Не трогайте меня... — прошептала Валерия, дыша тяжело и часто, и... как во сне протянула ему руку.

Бородач заглянул в ее глаза, удовлетворенно кивнул, взял за руку и повел из камеры.

— Порядок. Бабка Феофания знает толк в зельях.

Они вышли в коридор, повернули налево, миновали несколько дверей из потемневшего от времени дерева, спустились по узкой каменной лестнице вниз и вошли в более высокую и просторную комнату, освещенную четырьмя светильниками знакомой фаллической формы. Половину комнаты занимала огромная низкая кровать, сияющая белизной простынь, возле нее стоял столик с фруктами и напитками, стены комнаты были увешаны коврами, а пол представлял собой один большой ковер темно-бордового цвета.

Бородач закрыл за собой дверь, подтолкнул Валерию впе-

ред, стал раздеваться, разглядывая застывшую женщину маслеными глазами.

— Что стоишь? Раздевайся. У меня мало времени.

Валерия, чувствуя в груди нарастающее противоестественное томление и волнение, борясь с волной желания, прикусила до боли губу, отступила к двери. Ее колотила дрожь, борьба воли и внешнего воздействия почти ослепила, вспышки противоречивых желаний бросали ее то в жар, то в холод, хотелось вонзить нож в сердце насильнику и одновременно броситься к нему в объятия. Руки сами начали расстегивать пуговицы на куртке, потом на кофте, слезы лились из глаз, она ненавидела себя и х о т е л а раздеться, беззвучно молила о помощи и жаждала отдалиться и не могла окончательно сбросить с себя путы чужой воли...

Затем что-то изменилось вокруг: перестали приходить токи обессиливающего психического воздействия. В душе созрел и лопнул нарыв гнева и ярости. Валерия выхватила из кармана джинсов нож, приставила к сердцу и крикнула, ничего не видя перед собой:

— Не подходите!

Кто-то сильно ударил ее по руке, нож вонзился в тело над грудью, боль иглой просверлила сердце, ужалила мозг, и Валерия потеряла сознание, мягко оседая на пол.

— Вот дура! — пробормотал сотник, держа в руке нож и прислушиваясь к звукам, долетавшим в келью через окно под потолком. Еще до того, как Валерия сделала отчаянную попытку сопротивления, он явственно услышал чье-то угрожающее рычание, а теперь чувствовал и в з г л я д. Впечатление было такое, будто за окном, представлявшим собой люк вентиляционной шахты, прятался в темноте какой-то огромный зверь, готовый броситься на хозяина кельи в любой момент.

Полураздетый сотник взял в углу суковатую дубинку, направил одним концом на решетку окна и произнес с л о в о. В келье резко похолодало. Из отверстия донеслось удаляющееся ворчание, стихло. Сотник некоторое время прислушивался к наступившей тишине, потом стал одеваться. Перенес лежащую без сознания женщину на кровать, бегло оглядел ее рану и движением руки остановил кровотечение. Проворчал:

— Мы с тобой еще не закончили знакомство, красавица. Мне нравятся такие несговорчивые. Но хотелось бы знать,

кто тебе помогает. Не могут же, в самом деле, по храму бродить волки.

В дверь кельи постучали.

Сотник оглянулся, дверь открылась сама собой, на пороге выросла дюжая фигура монаха-адъютанта.

— Вас зовет к себе Хозяйка, господин.

— Иду, — бросил сотник, с сожалением разглядывая груди женщины. — Чего ей еще понадобилось?

Он не удержался, сорвал с Валерии бюстгальтер, погладил грудь, лизнул соски, секунду раздумывал, не плюнуть ли на «добровольную» любовь и не взять ли красавицу, пока она в беспамятстве, но все-таки решил не лишать себя удовольствия борьбы и победы не только над телом, но и над духом и волей красивой женщины.

— До вечера, красавица. — Он вышел из кельи. — Стереги ее. Никому ни слова, что она здесь.

— Слушаюсь, господин, — низко склонился угрюмый монах.

Глава 26

ВСЕХ УНИЧТОЖИТЬ!

Рация Гнедича запищала, когда он в очередной раз вылез на поверхность из подземного хода с камнем в руках: они с Тымко и Анжеликой продолжали разбирать завал, в то время как Илья с Владиславой якобы направились в деревню за помощью. О том, куда они намеревались отправиться на самом деле, Юрий Дмитриевич своим напарникам не сказал, помня просьбу Пашина.

Работу начали в начале восьмого, хотя Серафим порывался поспать еще часок после бурно проведенной ночи. Узнав, что Илья с Владиславой уже отплыли на одной из лодок, он поворчал, но к подземелью на кладбище все же идти не отказался, за что Юрий Дмитриевич, вставший в дурном расположении духа, был ему благодарен. Ночные события не то чтобы выбили его из колеи, но заставили еще раз оценить создавшееся положение, и в результате размышлений он пришел к выводу, что изначально неправильно определил масштаб сделанного Ильей открытия. Храм Морока существовал, в этом не было сомнений, а его защитники во избежа-

ние новых утечек информации действовали нетрадиционными методами, тихо, незаметно, однако предельно жестко.

Услышав сигнал, подполковник покосился на встрепенувшуюся Анжелику, присоединившуюся к мужчинам всего полчаса назад, и отошел на десяток шагов за деревья, доставая пенальчик рации и чувствуя невольное облегчение. Появления новой группы из Управления он ждал давно и надеялся с ее помощью разобраться в происходящих на острове событиях.

— Слушаю, Гнедич.

— Подполковник, где вы находитесь? — заговорила рация тонким вибрирующим голосом.

— Кто это? — осведомился Юрий Дмитриевич, не узнавая голос. — Сергеев?

— Майор Лукьянов, группа «Рысь». Мы с пяти утра не можем высадиться на остров.

— Почему?

— Чертовщина какая-то! Оружие начинает греться, в лес войти не удастся никому. Двое ребят пошли на разведку, вернулись очумелые, без оружия, порезанные, а вспомнить, что произошло, не могут.

— Понятно.

— Что вам понятно?! — В голосе неведомого майора слышалась злость. — Что здесь у вас творится?!

— Приду — объясню. Где вы пытаетесь высадиться?

— Южнее деревни, в километре.

— Ждите.

Гнедич вернулся ко входу в подземелье, размышляя, почему он не слышал гула мотора катеров — если группа добиралась до острова на них, либо гула двигателя самолета — если десант сбрасывался с воздуха, но главное недоумение вызывал тот факт, что группа «Рысь» не принадлежала УИБ, это был оперативный отряд спецназначения, руководимый, по слухам, самим «папой».

— Ковыряйтесь потихоньку, — сказал Гнедич выползшему из-под земли Серафиму. — Мне надо на полчаса отлучиться.

— Здравсьте, я ваша тетя, — рассвирепел Тымко. — Я один вытаскивать Грома не нанимался! Что вообще происходит? Где Пашин? В какие игры вы с ним играете?

Гнедич вздохнул. Он и рад был бы рассказать, в какие иг-

ры играет Управление информационной безопасности ФСБ, но не имел права.

— Приду, расскажу. Можете пока отдыхать.

— Большое спасибо, — язвительно поклонился Серафим. — Я и сам в состоянии решить, что мне делать.

— Действительно, Юрий Дмитриевич, поделились бы своими планами, — вмешалась Анжелика. — Куда делся Илья?

— Я уже говорил, они с Владиславой поплыли в деревню за подмогой, скоро вернутся и все расскажут. Я тоже приду через полчаса.

Гнедич повернулся и быстро зашагал к лагерю, исчезая в лесу. Тымко посмотрел на Анжелику и поразился ее сосредоточенному мрачному виду. Пробормотал:

— Темнят что-то наши начальники... Что будем делать? Может, действительно посидим у костерка, чаю попьем? Сдается мне, Грома не завалило в склепе, и Илья это знает, иначе не бросил бы копаться в завале.

— Я тоже так думаю, — отозвалась Анжелика. — Иди в лагерь, я скоро к тебе присоединюсь. — Она исчезла в кустах.

— Обалдеть можно! — хмыкнул Серафим, глядя ей вслед, почесал в затылке. — И она туда же... Что здесь, черт возьми, происходит, хотел бы я знать?..

Юрий Дмитриевич вышел из леса на берег озера в сотне метров от десанта ФСБ, рассредоточившегося вдоль береговой линии у опушки леса, подступавшего к озеру вплотную. Правда, сначала он этого не заметил, с первого взгляда побережье казалось пустынным, однако стоило ему выглянуть из леса, в спину уперся ствол автомата.

— Стоять!

Чьи-то руки обшарили карманы, забрали пистолет и нож, затем повернули Гнедича на сто восемьдесят градусов. Напротив стоял человек в камуфляже, плохо различимый в сумраке лесной чащи, с автоматом под мышкой, направленным в грудь Юрия Дмитриевича. На нем был специальный маскировочный костюм новейшего образца «хамелеон», оставляющий открытым лишь глаза, рот и нос. Костюм был покрыт специальной краской, почти полностью поглощающей световые лучи, а кроме того, его ткань на основе особо прочных карбоновых нитей не боялась удара ножа и выдерживала удар девятимиллиметровой пули с расстояния в двадцать метров.

Из-за спины спецназовца, обезоружившего Гнедича, вы-

ступила еще одна плотная фигура в таком же комбинезоне, но с откинутым капюшоном. Лицо человека, загорелое, обветренное, с волевой складкой губ и жестким взглядом, было Юрию Дмитриевичу незнакомо.

— Майор Лукьянов, — представился он. — Подполковник Гнедич?

— Отдайте оружие, — потребовал Юрий Дмитриевич, которому очень не понравилось выражение глаз командира группы «Рысь». — Мне оно полагается по штату.

— Не могу, — покачал головой майор. — Оно все равно вам в ближайшее время не понадобится, да и нам будет спокойнее. Где ваши люди?

Гнедич набычился.

— Майор, не перебарщивайте, здесь я старший...

— Ошибаетесь, с этого момента вам придется подчиняться мне. Итак, где ваши люди?

— Я уже сообщал начальству — погибли, — хмуро опустил голову Гнедич. — Как — не знаю, я нашел трупы только двух человек, вернее, скелеты...

— Понятно. Где члены экспедиции?

Гнедич исподлобья глянул на Лукьянова.

— У нас возникли кое-какие проблемы. Мы нашли подземный ход, и одного человека завалило...

— Где остальные?

— В лагере, — подумав, ответил Юрий Дмитриевич. — А в чем дело? Почему это вас интересует?

— Потому что у меня приказ — очистить территорию острова.

— То есть как это — очистить? Что вы имеете в виду?

Майор усмехнулся.

— Очистить — это значит убрать всех людей отсюда максимально оперативным порядком. Покажете, где находится лагерь. Но сначала объясните мне, что это за хренация.

Он махнул рукой солдату с автоматом, тот зашел сзади и подтолкнул Гнедича в спину. Сбитый с толку словами майора «убрать всех», Юрий Дмитриевич вынужден был последовать за ним, ломая голову, как понимать его двусмысленную усмешку.

Майор сделал всего несколько шагов и остановился, пропуская Гнедича вперед. За кустами ольхи и молодыми березками начиналась небольшая полянка, посреди которой высился высокий — не менее двух метров высотой, но тонкий,

как столб, муравейник. И лишь приглядевшись, Юрий Дмитриевич понял, что это не муравейник, а настоящая живая колонна из сцепившихся в плотную массу шевелящихся насекомых.

— Черт побери!

— Вот именно, полковник. Что это за конструкция? Мы пробовали подойти, не смогли, ноги ребят сами в другую сторону несут. И оно... смотрит!

Юрий Дмитриевич и сам почувствовал странный, угрожающий, враждебный взгляд, от которого потела спина и хотелось убратъся отсюда подальше.

— Может, поджечь эту дрянь?

— Советую не связываться, — отступил Гнедич. — На острове много таких загадочных феноменов, на нас и змеи нападали, и звери, и птицы. Я подозреваю, что моих ребят тоже сожрали муравьи.

— Хорошо вы тут устроились! Ладно, разберемся. Что посоветуете делать? С оружием через лес нам не пройти, пробовали. Кстати, а вы как прошли с пистолетом?

— Лес меня уже признал, — усмехнулся подполковник. — Если хотите пройти к лагерю экспедиции, идите берегом, стоянка расположена на другой стороне острова. Напрямик — с километр, вдоль берега — километра два с половиной.

— Матвеев, бери отделение и рысью вдоль берега, — приказал командир отряда вынырнувшему из-за кустов еще одному спецназовцу. — Второе отделение — в деревню. Я с подполковником попробую пройти напрямик.

Матвеев исчез, где-то послышалась негромкая команда, и все стихло, будто спецназовец увел с собой не живых людей, а отряд привидений, не производящих никакого шума. У Гнедича засосало под ложечкой. Снова в голове зародились сомнения в принадлежности десанта его ведомству. Группу «Рысь» не бросали куда попало для прогулок по островам и озерам, для обычного патрулирования или эвакуации населения. И слово «очистить» в терминологии спецназа могло иметь совсем другое значение, нежели то, что имел в виду командир десанта.

— Ведите, подполковник, — проговорил майор, передавая свой автомат еще одному бойцу группы. — Мы возьмем с собой только пистолеты. Щербак, пойдешь со мной.

Боец с автоматом сгинул, на его месте вырос еще один,

также вооруженный пистолетом и ножом, выжидательно застыл.

— Майор, — сказал Юрий Дмитриевич, пристально глядя в ледяные глаза Лукьянова, — какой приказ на самом деле вы получили?

— Не усложняйте себе жизнь, подполковник, — растянул тот в ухмылке сухие губы. — Вы же умный человек и должны понимать, какие задачи решает спецгруппа «Рысь». Экспедиция наткнулась на секретный объект, свидетелей надо «зачистить», чтобы не произошло дальнейшей утечки информации, обычная практика с грифом «совсем секретно». Еще вопросы есть?

— Нет, — глухо ответил Гнедич, чувствуя гнев, и горечь, и душевную опустошенность, и унижительное чувство обмана и предательства, к которым его приговорили чиновники конторы, заботившиеся лишь о ликвидации утечки информации. Судьбы людей их никогда не интересовали, главным всегда оставалось выполнение боевой задачи.

— Что будет с моей женой? Она тоже находится здесь. — Юрий Дмитриевич не стал уточнять, что Валерия исчезла, равно как и другой участник экспедиции — Антон Громов.

— О жене мне ничего не известно, — пожал плечами майор, кинул взгляд на циферблат часов. — Ее мы вам оставим под вашу ответственность. Все, время пошло, поторопитесь.

Юрий Дмитриевич постоял немного, ссутулившись, глядя под ноги, зябко поежился, успокоил дыхание и принял наконец решение.

— Следуйте за мной.

Он повел обоих спецназовцев не прямо к лагерю, а левее, туда, где была расположена поляна с вывалом леса, которую Илья назвал «выходом черных сил». Поляна соседствовала с болотом, и здесь можно было попробовать оторваться от сопровождающих, первым прибежать в лагерь и предупредить Анжелику и Серафима. Как предупредить Илью, Юрий Дмитриевич не знал, но надеялся что-нибудь придумать.

Его план сработал на все сто процентов.

Преодолев больше половины пути, Гнедич остановился недалеко от просматривающейся впереди поляны и поднял руку.

— Тихо!

Призракоподобные в своих зеленоватых камуфляж-комбинезонах спутники, двигавшиеся по лесу гораздо легче и

бесшумнее, чем подполковник, послушно замерли, привыкшие исполнять приказы, от кого бы они ни исходили. И Юрий Дмитриевич поспешил воспользоваться этим обстоятельством.

— Стойте здесь! Без меня — ни шагу!

— В чем дело? — не понял майор.

— Минное поле! — бросил Гнедич и торопливо пошел вперед, чувствуя замешательство провожатых. Он успел обойти поляну краешком болота, когда спецназовцы опомнились. В их воображении слова «минное поле» ассоциировались с конкретным и осязаемым понятием «мина», поэтому они не сразу бросились за Гнедичем, заподозрив неладное, а лишь в тот момент, когда тот скрылся за деревьями. Но было уже поздно.

Пробежав полсотни метров, они провалились в яму с водой, скрытую толстым слоем мха, и сбавили скорость.

— Дьявол! — охнул Лукьянов, останавливаясь. — Болото!

— Он побежал вокруг поляны, — быстро сказал телохранитель майора сержант Шербак. — Давайте напрямик, мы его достанем.

Майор, ни слова не говоря, повернул налево и выскочил на поляну с черно-коричневым и кое-где ржавым слоем стогревшей почвы, на которой вершинами к центру лежали такие же почерневшие скелеты деревьев, образуя своеобразную многолучевую звезду.

Бежать было удобнее через центр, но майору почему-то не захотелось этого делать, своеобразная гнетущая атмосфера этого места подействовала на него, как ушат холодной воды, вылитой на голову. Перепрыгивая через стволы сосен с торчащими во все стороны высохшими сучьями, он взял правее и миновал свободное от растительности пространство в центре поляны, а вот сержант помчался напрямик, и это стоило ему жизни.

Как только он, поднимая ботинками облачка рыже-серого праха, влетел на голый пятачок посреди поляны, раздался короткий металлический стон, будто оборвался стальной трос, затем рыдающий всхлип, и весь центр поляны провалился куда-то вниз. Раздался вскрик, тяжелый и широкий всплеск, гулкий удар, земля вздрогнула, закачалась, как на рессорах. Майор споткнулся, едва не упал, но удержался на ногах, выругался сквозь зубы и оглянулся.

Сержант исчез. В центре поляны зиял многометровый

глубокий дымящийся провал. Подбежав к нему на цыпочках, готовый к появлению трещин и ям, майор заглянул в образовавшийся котлован и на трехметровой глубине увидел озерцо маслянисто-серой пузырящейся жижи...

Гнедич услышал последний крик преследователей, но не остановился. Он понимал, что командир спецназа ему не простит маневра и попытается «зачистить» вместе с остальными членами экспедиции, поэтому ни о чем не жалел и жаждал только одного: успеть прибежать в лагерь раньше всех и предупредить Серафима.

Показались кресты и могильные плиты кладбища. Юрий Дмитриевич запетлял между ними, как заяц, держа курс на побережье, и едва не налетел на Анжелику, стоявшую за одним из крестов.

— От кого это вы так бежите, подполковник? — ровным голосом спросила она.

— Тьфу ты! — сплюнул Гнедич. — Напугала! Бежим! Надо срочно уходить отсюда! — Он пошел вперед, но остановился, видя, что Анжелика не спешит идти за ним. — Где Серафим? Илья еще не вернулся? Что стоишь?

— Что случилось?

— Здесь появились очень опасные люди. Необходимо предупредить всех наших и бежать с острова. Да быстрее ты... — Юрий Дмитриевич не договорил, видя, как в руках Анжелики появляется ружье. — Ты что, Анжела? С ума сошла?! Где ты достала ружье? У нас же остался один карабин?

— Что за люди высадились на острове? Какое вы к ним имеете отношение?

Гнедич шагнул было к женщине и снова остановился, услышав шелчок скобы предохранителя. Ствол карабина глянул ему в лицо.

— Анжела, ты понимаешь, что делаешь?..

В глазах врача зажглись зловещие огоньки.

— Отвечайте! Что за люди появились на острове?

— Спецназ службы безопасности, — глухо сказал Гнедич, стискивая зубы. — Чего-то я не понимаю, Анжелика Петровна. Что за вопрос? Что за тон?

— Зато я начинаю кое-что понимать, — раздался неподалеку чей-то насмешливый голос, и в просветах между кустами появилась фигура Серафима с опущенными вдоль туловища руками. Инструктор Школы выживания приблизился, не обращая внимания на движение Анжелики, направившей

на него ствол помпового ружья, мельком посмотрел на взволнованного бледного Юрия Дмитриевича, перевел взгляд на подругу Валерии.

— Кажется, дед Евстигней был прав, — продолжал Серафим тем же тоном, — наша не поддающаяся соблазнам врачиха не просто красивая женщина, но и чей-то агент. На кого работаете, Анжелика свет Петровна? Явно не на ФСБ, двух чекистов на один экспедиционный отряд многовато, не так ли?

— Что еще говорил Евстигней? — шипящим, не свойственным ей голосом проговорила Анжелика.

Серафим ответить не успел.

Гнедич услышал недалекий треск валежника под чьей-то ногой, взмахнул рукой, желая обратить внимание собеседников на этот звук, но лучше бы он этого не делал. Дальнейшее произошло в течение двух-трех секунд.

Анжелика отреагировала на взмах Юрия Дмитриевича мгновенно, выстрелив в него с расстояния в десять шагов и попав в грудь. Перевела ствол карабина на Серафима, но выстрелить в него не успела, Тымко метнул в нее нож, который он держал особым образом под рукавом куртки. Анжелика вскрикнула, роняя ружье — нож попал ей в руку, — и юркнула в кусты, проявив неженскую реакцию, будто всю жизнь только и делала, что без колебаний стреляла в людей и убегала с поля боя, выполнив свою миссию.

Серафим поднял карабин, подошел к упавшему подполковнику, увидел его невидящие глаза, наполненные чернотой, струйку крови, появившуюся из уголка губ, опустился на колено, расстегивая куртку, но Гнедич остановил его слабым движением руки:

— Уходи...

— Я вас сейчас перевяжу и отнесу в...

— Уходи... они... сейчас... будут... здесь...

— Кто — они?

— Охотники... киллер-команда... предупреди Илью... и скажи Валерии... я ее...

— Хорошо, хорошо, молчите.

Сзади раздался тихий металлический щелчок, Тымко замер, хватаясь за карабин, но понял, что не успеет. Медленно повернул голову. В нескольких шагах от него стоял коренастый человек в маскировочном комбинезоне и держал Сера-

фима на прицеле пистолета с длинным рубчатым стволом. Он прижал палец к губам и тихо произнес:

— Где остальные?

Серафим, прошедший за свою боевую жизнь все круги ада и знавший все тонкости оперативного мастерства, перевел глаза за спину незнакомца, и этот прием сработал. Человек покосился через плечо, пистолет в его руке дрогнул, и Серафим, оттолкнувшись ногой от тела Гнедича, прыгнул в кусты и одновременно выстрелил из карабина, вывернув ствол из-под себя.

Выстрелил и майор Лукьянов, интуитивно почувствовав опасность еще до прыжка Тымко, но попал лишь в лежавшего Гнедича, в то время как заряд дробы двенадцатого калибра снес майору полчерепа, и Лукьянов так и не успел покомандовать своей группой «зачистки», посланной выполнить приказ «папы» «убрать причины шума» на озере Ильмень.

Серафим разоружил убитого, хотел снять с него спецкомбинезон, но передумал. Подошел к Гнедичу, убедился, что тот не дышит, сказал сквозь зубы: «Ну, с-суки!..» — и нырнул в кусты.

Глава 27

ВЕЗЕТ СИЛЬНЕЙШЕМУ

На этот раз Антон очнулся не в дивных апартаментах с роскошной кроватью, а на полу крохотной каменной кельи, заполненной тишиной и глубоким мраком. Ныли суставы рук, гудела голова, но больше всего болели, дергали и зудели рубцы на теле, исполосованном невидимой магической плетью хозяйки спальни. Теперь Антон знал, что такое ярость женщины по отношению к мужчине, который не оправдал ее ожиданий.

Он попробовал пошевелиться и понял, что вдобавок ко всему связан по рукам и ногам и лежит на боку, на охапке дурно пахнущей соломы. Голый!

Хоть волком вой, хоть караул кричи, пришла сверхостроумная оценка ситуации. Антон хихикнул и тут же охнул от боли в груди, шепотом выругался:

— Чтоб тебя в три погибели!.. Как она меня отделала!..

Полежав немного, он сосредоточился на пустоте, орга-

низирующей высокую точность движений, попытался проигнорировать ощущения и освободиться от пут, скручиваясь жгутом, выгибая руки в обратную сторону, и в конце концов сошел с позвоночника, превратив тело в подобие манной каши. Но все было тщетно. Узлы не ослаблялись, веревки с рук не соскальзывали, как живые ползали по телу и занимали то же положение, что и прежде. Антон понял, что путы его заговорены, с трудом восстановил целостность и работоспособность организма, ощущая болезненный дисбаланс между физическим и психическим состоянием, между желанием и возможностями, и некоторое время отдыхал, гоня от себя все раздражающие психику мысли. Потом вспомнил слова истязательницы о том, что «сотник займется Валерией», и начал медленно переводить нервную систему в состояние медитативной пустоты, не обращая внимания на усилившиеся боли.

Через несколько минут он стал более или менее видеть в темноте, хотя диапазон зрения при этом сместился в инфракрасную полосу и краски преобладали коричневые, фиолетово-красные, бордовые и вишневые.

Камера действительно представляла собой каменный склеп длиной два метра, шириной полтора и высотой чуть больше полутора метров. Толстая деревянная дверь с поперечными брусками больше напоминала дверцу погреба или крышку люка. Под потолком склепа располагалось квадратное отверстие величиной с пару кирпичей — выход вентиляционной трубы. За стены камеры паранормальное зрение Антона заглянуть не позволяло, но все же он чувствовал пустоты и мог оценить расположение коридоров храма — в том, что он находится в храме Морока, сомневаться не приходилось — и его полостей. В конце концов он пришел к выводу, что тюрьма находится глубоко под землей, у основания здания храма, ниже ничего нет, только слой горных пород, образующий нечто вроде гигантского зеркала, а все хозяйственные и служебные помещения располагаются выше. И еще одно открытие сделал Антон в своем состоянии «резонирующей струны»: Валерия была где-то недалеко и звала его на помощь.

Скрипнув зубами, Антон снова начал извиваться на полу, пытаясь освободить руки от пут, и вдруг в отверстии вентиляционной трубы заметил два огонька, похожих на чьи-то глаза. Замер, прислушиваясь к тишине подземелья, напряг зрение и увидел смазанный мраком силуэт какого-то кро-

шечного, размером с кулачок, существа с конскими ушами. У существа были малюсенькие ручки, вывернутые коленцем ножки с конскими копытцами и острая, звериная и одновременно похожая на человеческое лицо мордочка.

В своей трезвости Антон не сомневался, в существование «нечистиков» верил, поэтому не стал комплексовать, искать причину галлюцинации в себе и тихо позвал:

— Эй, там, наверху, ты кто?

Существо замерло, поблескивая глазенками, потом приблизилось к краю отверстия и ловко, как паук, несмотря на свои вывернутые ножки с копытцами, спустилось по стене в камеру. Стараясь не шевелиться, чтобы не испугать неожиданного гостя, Антон с любопытством разглядывал существо, с опаской обследующее камеру. Оно так забавно шевелило носиком, принюхиваясь к запахам, замирало, ощупывало камни и дверь, что Антон невольно улыбнулся, преисполнившись доверия.

— Ты кто? — повторил он вопрос.

Существо застыло напротив лица пленника, глаза его увеличились, наполнились кошачьим светом, и в голове Антона всплыло слово «вазила».

— Понял, — кивнул Антон, — тебя так зовут. А кто тебя послал, если не секрет?

Снова тот же поразительный эффект со вспыхнувшими глазами, и в сознании Антона сам собой сложился ответ: Евстигней. Странное маленькое создание из русского фольклора, вопреки мнению большинства людей существующее на самом деле, владело телепатической связью и могло «разговаривать» с теми, кто в него верил.

— Понятно, — прошептал Антон. — Кажется, не все так плохо, как я себе представлял. Ну, что тебе велено передать?

Вместо ответа вазила обнюхал веревки, стягивающие тело пленника, повозился пальчиками в узлах, и Антон с удивлением почувствовал, как путы слабеют, перестают вести себя как живые, соскальзывают с лодыжек и запястий. Через несколько мгновений руки стали свободными, а остальные узлы Антон развязал уже сам. Сел на полу, ощущая задницей промозглый сырой холод камня, ощупал на груди вспухшие рубцы и покачал головой, испытывая от отсутствия одежды непривычное раздражение и неудобное чувство незащищенности. Спихватился:

— Спасибо, малыш. Что тебя еще уполномочил пере-

дать... — Антон замолчал, не видя своего спасителя, поднял глаза и успел заметить, как в отверстии окна в углу камеры мелькнули копытца вазины. Посланец деда Евстигнея сделал свое дело и поспешил убраться отсюда, не дожидаясь благодарности. Как волхву вообще удалось заставить это дитя шелей и нор проникнуть на территорию храма, наверняка усевшую магическими ловушками, было непонятно.

«Что ж, двинемся, благословясь, — подумал Антон, вставая на четвереньки. — Начало положено, спасибо волхву. Может, и дальше повезет. Первым делом надо найти одежду, потом вызволить Валерию, а над остальным поразмышляем позже».

Он подергал дверь за брусья, толкнул от себя и усмехнулся, довольный результатом, когда толстенная, в три ладони, дубовая дверь приотворилась. Счастье снова улыбнулось пленнику, настроенному на решительные действия, а как бы сказал Илья: «Такие авансы даром не даются, их надо отрабатывать». Подождав реакции местных сторожей и не услышав шума — то ли охрана понадеялась на неспособность связанного пленника к сопротивлению, то ли была совсем не нужна из-за применения заклинаний, удерживающих веревки, — Антон ужом выскользнул в коридор и снова замер, привыкая к новым условиям освещения и прислушиваясь к долетавшим из глубин подземелья звукам.

Коридор был узок, но достаточно высок, чтобы в нем можно было стоять, не пригибаясь. Кроме того, он освещался светильником все той же стандартной формы мужского детородного органа. Дверь камеры, в которой держали Громова, располагалась в тупике коридора, и кроме нее здесь еще было несколько дверей такого же размера, что указывало на специфическое предназначение данной части храма в качестве местного «следственного изолятора», а может быть, тюремно-пыточного бункера. Валерия вполне могла находиться в одной из соседних камер, но Антон прислушался к своим ощущениям и по реакции сердца определил, что ее следует искать в более комфортабельных помещениях храма. Если слова Хозяйки храма следует понимать буквально, то искать Валерию надо было в келье сотника.

«Нужен «язык», — подумал Антон хладнокровно. — И не мешало бы подкрепиться. Надеюсь, у них тут нет телекамер».

Он шагнул вперед, намереваясь погреть ладони над огоньком светильника, чтобы слегка повысить энергетику орга-

низма, и замер с поднятой ногой, обострившимся слухом поймав какой-то шорох в своей камере. Присел на корточки, позвал еле слышно:

— Эй! Ты вернулся, малыш?

Но это был не вазила. В темной щели за дверью загорелись два янтарно-желтых глаза, а затем из камеры высунулась лобастая голова волка. Антон от неожиданности шарахнулся, встретил умный, настороженный, изучающе-насмешливый взгляд зверя и прошептал:

— А ты что здесь делаешь, сын лесов? Тебя тоже дед прислал?

Волк бесшумно выпрыгнул в коридор, обнюхал одну за другой двери и тенью метнулся в конец коридора, оглянулся, как бы приглашая человека за собой. Антон снова подумал о везении, хотя случайным оно не бывает никогда, и на цыпочках догнал зверя, задержавшись только для минутного сеанса аарти — подзарядки энергосферы.

— Я готов, — наклонился он к наблюдавшему за ним волку. — Ты знаешь, где искать Валерию?

Волк оскалился, показав острые белые клыки, и свернул в новый коридор с рядом дверей по обе стороны, который привел их к узкой каменной лестнице, ведущей на верхние горизонты подземелья. Лестница не охранялась, однако тут у Антона возникли проблемы.

Волк перемахнул первый пролет свободно, а вот человека встретил необычный прозрачный барьер, который он не смог преодолеть. Впечатление складывалось такое, будто тело уперлось в упругий отталкивающий слой, напоминающий невидимую резиновую пленку. По мере продвижения вперед она растягивалась и начинала все сильнее давить на тело, пока совсем не останавливала идущего. Антон пробовал идти задом, боком, на четвереньках и даже ползком, но все его попытки преодолеть преграду закончились ничем. На четвереньках он прошел больше всего, до третьей ступеньки лестницы, но сил идти дальше не хватило, «резиновый» барьер был сильнее.

Волк вернулся, понаблюдал сверху за усилиями партнера и спустился в коридор, к сидящему с бурно дышавшей грудью Антону. Заглянул ему в глаза, повернулся к лестнице, снова оглянулся.

— Я уже пробовал, — сквозь зубы проговорил Антон, однако заставил себя подняться, встал на четвереньки, обнял

зверя и направился к прямоугольнику выхода. И чуть не зашвистел от избытка чувств, когда невидимая преграда, посопротивлявшись немного, пропустила обоих, окончательно убедив пленника, что везет не только дуракам и пьяницам, согласно старой поговорке, но и бывшим эзкам.

Коридор верхнего уровня был шире и выше того, где располагались кельи-камеры подземной тюрьмы. Дверей в его стенах было поменьше, а светильников побольше, и, как и в первом коридоре, никого здесь беглецы не встретили. Волк не стал его обыскивать и обнюхивать, а сразу поскакал по лестнице выше и остановился, оглядываясь, когда до двери в коридор следующего этажа подземелья осталось сделать лишь один прыжок. Антон понял, что впереди их ждут не только чудеса магии, но и люди, служители или охранники храма.

— Подожди здесь, — прошептал он волку на ухо, придерживая его за холку. Осторожно выглянул в коридор и увидел медленно вышагивающую взад и вперед мрачную фигуру во всем черном: черная рубаха навывпуск, черные штаны, безрукавка, сапоги. Примерно так одевались когда-то заводские приказчики, насколько помнил Антон историю России, но видеть подобную моду двухсотлетней давности в современную эпоху было неестественно и странно, будто перед глазами разворачивался какой-то костюмированный спектакль. Но при всем этом Антон знал, что спектакль может закончиться гибелью действующих лиц, и иллюзий насчет нереальности происходящего не строил. Подождя, пока страж (ну и бугай, где только таких выращивают?!) начнет удаляться, он тенью пересек коридор и остановился за спиной бородатого, как и все слуги храма Морока, мужика, не желая бить его в спину, и едва не поплатился за это жизнью. Несмотря на свои габариты и тупой вид, монах учуял чужого и ударил первый, внезапно, как это делают самураи в фильмах, вонзая меч в противника за спиной. Только у этого «самурая» вместо меча была суковатая палка, стреляющая молниями неизвестной энергии.

Если бы Антон не находился в состоянии боевой п у с т о - ты, разряд вошел бы ему в живот, но за мгновение до этого Антон почуял опасность и отклонился влево, ровно настолько, чтобы фиолетово-зеленая искра проскочила мимо, слегка задев бок под локтем. Боль при этом была необычной: кожу словно обожгло огнем и одновременно сковало жутким холо-

дом, мышцы на боку свело, шипящая молния пронзила весь коридор и с треском расколола один из грубо обработанных каменных блоков стены.

В тот же миг Антон ухватил выглянувший из-под мышки монаха конец дубинки, рванул на себя, не обращая внимания на волну холода, побежавшую от пальцев к плечу, и опустил дубинку на голову гиганта, успевшего повернуться вполоборота. Раздался глухой хриплый возглас: ох! — гигант схватился одной рукой за голову, второй потянулся к Антону, и тот вынужден был ударить его дважды — по руке и еще раз по круглой, неожиданно маленькой по сравнению с телом голове. От последнего удара дубинка сломалась, испустив сноп ядовито-желтых искр, монах покачнулся и грохнулся на пол во весь рост, так что вздрогнули стены коридора, а по всему подземелью пошел гул, вызывая отголоски эха.

— Извини, братец, — прошептал Антон, отбрасывая обломок палки, — не надо было начинать разговор со мной в таком тоне.

Мерцая огненными глазами, в коридоре появился волк, обнюхал тело монаха, перегородившего чуть ли не весь коридор, и ткнулся носом в дверь в тупике коридора, более светлую, чем остальные двери, обитую пахнувшими смолой планками. Антон подошел ближе, чувствуя, как заколотилось сердце, наклонился к волку.

— Она здесь? Ты точно знаешь?

Зверь оскалится, поскреб дверь лапой, и Антон, не видя ручки, попытался открыть дверь пальцами. Помучившись с минуту, вспомнил о дубинке монаха, подобрал все еще холодный как лед обломок и, напрягаясь так, что заныли незажившие рубцы на теле, подсунул под край двери, используя обломок как рычаг. Дверь с тихим стоном — будто лопнула струна — отворилась, волк шмыгнул в образовавшийся проем, а вслед за ним в помещение проник и Антон.

Эта комната на тюремную камеру не походила. Она была копией спальни хозяйки храма, хотя и убрана попроще, победнее, чем спальня, и не приходилось сомневаться, что здесь жил какой-то высокопоставленный служитель храма, а скорее всего сам сотник.

По углам кельи горели светильники, источая сладковатые возбуждающие запахи. Рядом с одним из них стояло странное дерево, на которое невольно обратил внимание Антон. Ствол этого дерева высотой в полтора метра представлял со-

бой толстый гладкий деревянный столб, а ветвями были десятки ножей самой разной формы и длины, с рукоятями из рога, кости, дерева, металла, пластмассы и керамики, воткнутые остриями в столб. Кроме дерева ножей в комнате находились еще кресло, низкий, вполне современный стеклянный столик и огромная кровать.

Кровать стояла не посередине комнаты, а у стены, отгороженная кисейной занавеской, и на ней без движения лежала Валерия с голой грудью; куртка и кофта на ней были расстегнуты, лифчик отсутствовал, над правой грудью виднелся небольшой плохо заживший шрам.

Волк сразу же подскочил к кровати, зарычал на столик с фруктами, вспрыгнул на мягкое ложе и лизнул женщину в лицо. И произошло чудо: Валерия вздрогнула, открыла глаза, увидела над собой волчью морду, но не закричала от страха, как можно было ожидать, а просто снова зажмурилась, считая, что все это ей снится. Волк спрыгнул на пол, кругами заметался по комнате, обнюхивая все углы, Антон подошел к роскошному ложу, утопая в толстом ковре по щиколотку, и, лишь когда Валерия открыла глаза, вспомнил, что он все еще не одет.

— Антон?! — В глазах женщины протаяли изумление и радость, сменившиеся недоверием, недоумением, озабоченностью и испугом. — Ты... здесь?! В таком... — она хотела закончить: в таком виде?! — но не закончила.

Антон опомнился, отступил, ища глазами, чем бы прикрыть наготу, и увидел брошенную на кресло атласную черную рубашку. Быстро накинул ее на себя, с облегчением обнаруживая, что подол рубахи достает до бедер.

— Что случилось? — Валерия заметила, что она лежит почти раздетой, торопливо застегнула кофту, покраснев под взглядом Громова. — Как ты здесь оказался? — Она приложила руку ко лбу и вдруг вспомнила, глаза ее наполнились ужасом. — Я... меня... здесь был один... но как ты меня нашел?!

— Потом, — подошел к кровати Антон, протягивая Валерии руку. — Вспоминать и анализировать все будем потом, сейчас надо убираться отсюда. Идти можешь?

Волк вдруг застыл на месте, подняв морду вверх, прислушался к чему-то и стрелой метнулся под кровать. И тотчас же дверь в комнату распахнулась шире, и порог переступил высокий, широкий в плечах и талии мощный бородач, одетый

по законам храма во все черное, с дубинкой в одной руке и пистолетом в другой.

— Кого это видят мои красивые глаза? — насмешливо воскликнул он, оглядывая застывших пленников глубоко посаженными черными глазами, в которых то и дело вспыхивали искры злорадства, ненависти и бешеного желания командовать. — Поздравляю, Витязь, тебе удалось то, что не удавалось еще никому — освободиться от заклятия «неволи» и покалечить моего телохранителя. Но я даже рад этому. Я видел, как ты сражался с моими людьми в тоннеле, это впечатляет. Не хочешь показать свое искусство мне? А дама пусть посмотрит и рассудит, кто из нас больше достоин ее любви. Когда я уложу тебя, она, возможно, станет сговорчивей. А пока почувствуй силу того, с чем тебе придется иметь дело.

С острия дубинки в руке бородача слетела неяркая синяя искра и вонзилась в плечо Антона, отбрасывая его к стене. Оглушенный ударом и всплеском боли, он не сразу сориентировался и получил еще один разряд, оставивший в теле огненный след, будто в это место вогнали раскаленный гвоздь. Кожа в местах попадания искр дымилась и чернела, распространяя запах жженой плоти.

— Не смей! — закричала Валерия, бросаясь к хозяину кельи с кулаками. — Негодяй, что ты делаешь?!

Бородач небрежно отмахнулся рукой с пистолетом, и Валерия отлетела в угол комнаты, растянувшись на ковре. Антон ожидал, что в схватку вмешается их мохнатый союзник, но волк не подавал признаков жизни, что говорило о недюжинных способностях и уме зверя. Он ждал удобного момента для нападения.

— Слабак и сволочь! — бесстрастно сказал Антон, пытаясь подавить боль и перевести организм в состояние «железной рубашки»; надо было заставить противника разозлиться, вывести его из себя, уязвить, чтобы он хотя бы на несколько секунд забыл о магическом разряднике и принял бой на физическом плане. — Тебе только с женщинами сражаться. Слабо без оружия, один на один?

Бородач насмешливо скривил губы, ткнул дубинкой в сторону Антона, новая искра с шипением разрежала воздух и укусила Громова в колено. Однако на этот раз вспышка боли была не столь сильной, как раньше, а место ожога лишь покраснело. «Железная рубашка» постепенно набирала силу,

увеличивая сопротивляемость тела физическому воздействию.

— Трус и подонок! — тем же ровным, ничего не выражающим тоном продолжал Антон. — Хозяйский холуй! Тебе только туфли той старухи лизать да бахвалиться, а не командовать парадом. Недаром она назвала тебя сотником. До генерала тебе вряд ли удастся дослужиться.

Лицо бородача исказила злобная гримаса. Видимо, слова Антона задели его гипертрофированное самолюбие.

— Сейчас ты сдохнешь, Витязь! — прошипел он. — Я тебя испепелю, в пыль сотру, в грязь, в дерьмо! Тогда узнаешь, до расту я до генерала или нет.

Острые дубинки глянуло в лицо Антону, он приготовился прыгнуть, но в это время Валерия снова с пронзительным криком «не смей!» бросилась на сотника, вцепилась в руку с дубинкой и, получив удар по голове рукоятью пистолета, рухнула на пол. И время для Антона замедлило свой ход. В нем вдруг проснулась неведомая дремлющая сила, наполнила тело горячей п л а з м о й энергии, укротила боль, обострила все чувства и даже открыла новые; так, например, он начал предугадывать намерения противника, видеть б у д у щ е е движение и опережать его. И ситуация сразу изменилась в его пользу. Из хозяина положения, властелина чужих судеб сотник превратился в жертву собственной спеси, самонадеянности и мании величия. Выиграть бой у разгневанного Витязя он уже не мог.

В тот момент, когда сотник направил свой жезл Силы на прыгнувшего к нему через всю комнату Антона, в руку ему вцепились волчьи челюсти, и ветвистая молния магического разряда миновала Антона, вдребезги разнося дерево ножей. А затем последовал удар, отбросивший сотника к двери, заставивший его выпустить оружие из обеих рук. Но Антон не воспользовался ни пистолетом, ни магической дубинкой. Холодная ярость двигала им, помноженная на внутреннюю силу и знание законов боя, поэтому концовку схватки он провел на одном дыхании, не давая исключительно мощному противнику, который благодаря магической защите прекрасно держал удар, ни секунды передышки.

Сотник только хекал и акал, получая сыпавшиеся на него со всех сторон удары: в живот, в селезенку, в почки, — пытался отмахиваться, надеясь на свою геркулесову силу — один его удар мог бы, наверное, переломать Антону все кос-

ти, — но сопротивлялся удивительно долго, пока Антон наконец не нанес два сокрушительных удара, прекративших схватку: «клювом орла» в переносицу и «лапой тигра» в область сердца.

Последний удар был настолько мощен, что пробил безрукавку, рубашку, майку и сломал ребра сотнику, но и после этого он остался жив, лишь отлетел к кровати и осел на пол, держась за грудь, не сводя с противника свирепого взгляда.

Антон остановился, унимая внутри себя автоматiku боя с ее правилами «контрольного» добивания, и поклонился выведенному из строя сопернику. Надо было отдать ему должное: у сотника была покалечена волчьими зубами кисть руки, сломаны несколько ребер, переносица, отбиты внутренние органы, а он не терял сознания и все еще жаждал борьбы.

— Как только выберусь отсюда, вызову врача, — сказал ему Антон и подошел к Валерии, лицо которой облизывал волк. — Отойди, зверь.

Волк еще раз лизнул женщину в ухо, и та открыла глаза, обвела склонившиеся над ней фигуры затуманенным взглядом.

— Где я?.. Что со мной?..

Антон подал ей руку, помог подняться, и только теперь, увидев сидящего на полу с окровавленным страшным лицом сотника, она вспомнила, где находится.

— Ужас! Он... ты его все-таки... Что нам теперь делать?

— Погостили, пора и честь знать. Хозяин объяснит нам сейчас, как лучше всего по-английски уйти из храма, и мы покинем этот гостеприимный уголок. Ты ведь скажешь, сотник? — Антон подошел к бородачу, присел перед ним на корточки. — Будь пайнкой, расскажи, как нам попроще миновать охрану, и мы расстанемся почти друзьями.

Глаза сотника метнули пламя, покалеченная рука поднялась вверх, пальцы скрючились, с губ сорвалось одно странное слово, смысл которого Антон не уловил, и тотчас же на него упала душная волна тьмы, удар, потрясший тело изнутри, был страшен, и, теряя сознание, понимая, что сотник произнес заклинание, он представил, что его кулак входит в горло колдуна, и отключился.

В себя он пришел от теплого влажного прикосновения к щеке: кто-то его облизывал длинным шершавым языком. Антон открыл глаза, увидел над собой волчью морду. Зверь заметил его взгляд, оскалился, отступил, над Антоном склонилась Валерия, по щекам которой текли слезы.

— Ты живой!.. Я думала... ты уже не дышал...

— Живой я, живой, — проворчал Антон, привставая на локтях, и увидел невдалеке сотника с остекленевшими глазами, державшегося обеими руками за горло. Антон понял, что его последний мысленный посыл сработал как физический прием. Сотника поразила «отдача» заклатья, своеобразный «рикошет», а Громова спасло состояние «железной рубашки», включившее глубокую психическую защиту, уровень которой был ему прежде недоступен.

«Кто-то мне помог», — без особого удивления подумал Антон, отсеивая посторонние шумы в голове и боль в избитом теле, и снова не удивился, когда это ему легко удалось. Посмотрел на волка, рыскающего кругом, поглядывающего на всех по очереди, подмигнул ему и мысленно произнес:

«Кто же тебя послал, дружище?»

Он ожидал «услышать» мысленную подсказку: Евстигней, — но вместо этого перед глазами на мгновение возник образ юной красивой девушки, и Антон с некоторым запозданием узнал ее: это была Владислава. Волк был ее посланцем. Правда, возникал вопрос, почему он не остался с хозяйкой, чтобы помогать ей, а не кому-либо другому, но ответа у Антона не было, и он не стал долго размышлять на эту тему.

— Поможешь выйти отсюда? — заглянул он в ярко светящиеся волчьи глаза.

Волк ответил красноречивым оскалом, означающим то ли улыбку, то ли согласие.

Глава 28

БЕЛАЯ ПЕЧАТЬ

Раннее утро не помешало Илье и его спутнице отплыть от стоянки на одной из лодок: оба хорошо видели в темноте и при посадке не произвели ни малейшего шума. О том, что они якобы решили сплавать в деревню за помощью, Илья сообщил только Гнедичу, не ставя в известность ни Серафима, ни Анжелику. Он надеялся, что у них будет достаточно времени, чтобы успеть достичь цели до того, как Анжелике станет известен их истинный маршрут.

Кроме карабина и арбалета, Илья взял с собой на всякий случай ракетницу, комплект «кузнечика» — высотного ра-

диомаяка, подслушивающее устройство, которым недавно пользовался Юрий Дмитриевич, и прибор ночного видения, хотя надеялся обойтись без всего этого хозяйства. Он уже начинал привыкать к новым возможностям, просыпающимся в нем помимо воли и сознания, и жалел только об одном: что дед Евстигней не успел раскрыть ему тайны биоэнергетики и магической защиты. Обладание состоянием «зеркала» избавило бы его от многих проблем при контактах с колдунами храма.

Горизонт на востоке едва начал светлеть, когда лодка преодолела залив озера Нильского и подплыла вплотную к зарослям тростника и камыша, скрывающим низкий восточный берег. Илья, бесшумно опуская весла в воду, прошел вдоль берега около полукилометра, как советовал старый волхв, и остановился, всматриваясь в густой мрак подступающего к воде, настороженно разглядывающего лодку леса. Никаких следов протоки в этом месте видно не было, несмотря на применение инфракрасной оптики, и Илья почувствовал мимолетное разочарование, хотя тут же постарался подавить все эмоции. Состояние медитационной пустоты не терпело ни волнения, ни суеты, требуя полной самоотдачи.

Владислава подвинулась ближе, тронула Илью за руку и разжала кулачок, поднося ладонь к его глазам. Он увидел темный кружок на ладони — талисман бабы Марьи и вспомнил о своем амулете, который дед Евстигней назвал «рукой Бога». Благодарно сжал пальцы девушки, достал из-за пазухи нагретый кружляш амулета, сжал в кулаке и сосредоточился на своих переживаниях, просеивая сквозь пустоту внутри тишину и темноту окружающего мира. И уже не удивился, когда мир вокруг просветлел, раздвинулся, стал объемным и цветным, понятным, наполненным неслышимыми звуками и вибрациями. Протока открылась впереди за тростником более темной, густо-фиолетовой, с темно-зелеными и синими струями рекой, ведущей в царство абсолютного мрака. Илья даже вздрогнул, почуввав на себе недружелюбный взгляд черной бездны, ощутив исходящую от нее волну угрозы, но сжал зубы и заставил себя не отвечать тем же, не бросать вызов недобрым силам, стерегущим подходы к храму, а постараться убедить их, что они с Владиславой мирные путники, слабые существа, готовые покорно подчиниться воле хозяев или удрать от малейшего шороха.

Прием удался.

Эмоционально-мысленный посыл разведчиков, поддержанный силами талисманов, произвел на заговоренную природу благоприятное впечатление, и психологическое давление бездны леса на сознание людей стало уменьшаться. Духи леса, встревоженные поначалу появлением неожиданных гостей, приняли их за малосильных и неопасных обитателей озера и не отреагировали на нейтрализацию заклятия, не пускавшего до этого никого из смертных на запретную территорию.

Илья, не выпуская амулета из руки, заработал веслами, лодка, цепляя бортами перья тростника, углубилась в протоку, окунувшись в угрюмую тень заколдованного леса.

Однако уже через несколько минут стало светлеть, над водой появился туман, сгушавшийся по мере продвижения вперед, Илья начал грести сильнее, радуясь туману, и вскоре по увеличению водного пространства слева и справа понял, что они выплыли в озеро.

Дальше плыть в том же направлении становилось опасно, надо было искать пристанище, и разведчики свернули к левому берегу, держась у стены тростника, пока не появились первые признаки твердой почвы: кустарник, высокая трава, кочки, коряги, упавшие в воду стволы деревьев, а за ними — стена леса. Тогда Илья выбрал просвет между куртинами травы и топляками, удивляясь, что их здесь так много, и повел лодку к берегу. Вскоре он смог пристать к полузатопленному стволу высохшей сосны с десятком растопыренных ветвей и по нему выбрался на пружинящий под ногами берег — слой слежавшегося, почерневшего от времени мха. Владислава, не задавая вопросов, храбро последовала за ним, и Илья не удержался, обнял ее и поцеловал, получив в ответ улыбку. Она шла за ним так же спокойно и просто, как испокон веков шли за мужчинами и разделяли их судьбы все любящие женщины, и осознание этого наполняло душу Ильи уверенностью и силой.

Стараясь двигаться бесшумно и медленно, они выбрали выдающийся в озеро мысок, с которого открывался вид на обширное водное пространство, и устроились таким образом, чтобы их не было видно ни с глади озера, ни со стороны леса за спиной. Илья налил в колпачок термоса горячего настоя из одолень-травы, предложил Владиславе и с удовольствием напился сам, потом поднес к глазам бинокль и стал рассматривать акваторию озера, пытаясь определить местопо-

жение храма. То же самое сделала и Владислава, разве что не пользовалась биноклем, не рассчитывая ни на что, кроме интуиции и ясновидения. И все же с первого сеанса наблюдения определить координаты храма Морока им не удалось. Было еще слишком темно и очень мешал туман, ведущий себя как живое существо. У Ильи то и дело возникало ощущение, что туман не является природным явлением, а создан искусственно, уж очень высоко поднимались его струи, образуя странные белесые сгущения, напоминавшие фигуры невиданных животных. Возможно, он и в самом деле поддерживался службой охраны храма специально, чтобы никто, даже случайные гости не могли увидеть отражение храма в водах озера.

— Там что-то есть... — едва слышно проговорила Владислава, разглядывая туман. — Что-то жуткое... чужое... — Она поежилась.

— Крокодил, — пошутил Илья, внезапно ощущая чей-то взгляд, идущий из белесых уплотнений тумана. Вспомнил о предупреждении деда Евстигнея и посерьезнел. Владислава, очевидно, почувствовала присутствие у стен храма Древнего — реликтового существа, сохранившегося на Земле со времен войны богов.

Через час рассвело, туман понемногу разошелся, и взору разведчиков предстала панорама озера, окруженного удивительным черно-золотым, без единого пятна зелени, лесом. Пейзаж был исполнен такой необычной торжественно-мрачной красоты, создающей впечатление поздней осени, что душа замирала в ожидании странных и страшных событий и чудес, скрывающихся в серо-свинцовых, с пятнами ржавчины и полосами сизой ряби водах озера. Даже встающее солнце не могло оживить этот пейзаж, вызывающий в памяти картины гибели природы на Крайнем Севере, в местах нефтелобчи, где не раз бывал Илья.

— Он там... — шепнула Владислава ему на ухо, показывая пальцем на противоположный берег озера. — Я его не вижу, но чувствую...

Илья хотел ответить, что он тоже чувствует гнетущее присутствие храма, но в этот момент солнце прорвалось сквозь пелену утренних облаков на горизонте, солнечные лучи упали на озеро, превратив его в чашу с густо-синим расплавом, и в этой чаше появилось опрокинутое изображение тяжеловесного прямоугольного здания с буро-коричневыми стенами, похожего на мавзолей непохороненного мертвеца на Крас-

ной площади. Единственным отличием этого здания от мавзолея был эллипсоидальный купол розового цвета, выражавший все ту же отвратительную, извращавшую смысл человеческих отношений символику Морока — фаллос.

— Храм!.. — прошептала Владислава с изумлением и ужасом, невольно придвигаясь ближе к Илье.

— Бордель... — проворчал он, внезапно ощущая дыхание опасности. Оглянувшись, собираясь предложить девушке поменять место наблюдения, но было поздно. Сквозь кусты ивняка на него угрожающе смотрело бородатое лицо незаметно подкравшегося человека. Илья подвинул руку к карабину, но разглядел выглянувшую пониже бородатого лица суковатую палку и замер.

— Спокойно, Слава, нас нашли... отвлеки его, я дам сигнал...

— Выходите сюда, — прогудел бородач, раздвигая ветви кустов своей палкой — жезлом Силы, по словам деда Евстигнея, и Пашин узнал в человеке охранника Владиславы, с которым ему пришлось драться возле деревни.

— Ба, знакомые все лица, — проговорил он с улыбкой, поднимаясь, следя за концом палки и одновременно настраивая себя на режим энергетической отдачи. — Дормидонт, если не ошибаюсь? Кажется, мы уже выясняли отношения.

Палка уперлась в грудь Ильи. Он остановился. Из-за кустов вышел еще один бородач, сноровисто обыскал его, отобрал ракетницу, нож, прибор ночного видения. Потом обшарил место, где лежали разведчики, обнаружил карабин, бинокль и арбалет, толкнул в спину Владиславу.

— Шагайте.

Пленников вывели на открытое пространство, и Илья с облегчением увидел, что сторожей всего двое. Надо было срочно, не дожидаясь появления других хха, освободиться от опеки мужиков, знающих колдовские приемы. Вполне вероятно, что они следили за гостями со времени их входа в протоку и ждали только удобного случая для нападения с тыла. Засада им удалась, Илья признался себе в этом с досадой и сожалением, понимая, что слишком увлекся пейзажем «вечной осени» и созерцанием отражения храма, но и охранники озера, легко захватив разведчиков в плен, вряд ли рассчитывали на ответное нападение.

Пока выходили на более высокое и сухое место на берегу, Илья успел просчитать варианты боя, оценил возможности

противника и понял, что первым следует вывести из строя бывшего сторожа Владислава по имени Дормидонт. Он владел жезлом Силы и бойцом был серьезным. Второго бородача в расчет можно было пока не брать, он не имел дубинки и обе его руки были заняты имуществом пленников.

Илья сделал вид, что споткнулся, кинул косой взгляд на безропотно шагавшую следом Владиславу, и девушка тут же сообразила, что от нее требуется. Она ойкнула, присела, хватаясь за ногу, и жалобно посмотрела на конвоиров.

— Я ногу подвернула...

Бородач с оружием путешественников остановился, глядя на девушку с угрюмым недовольством, буркнул:

— Вставай!

— Не могу! — вскинула голову Владислава, в глазах ее блеснули слезы. — Больно!

Дормидонт, шагавший сзади Ильи, повернулся к девушке вполоборота, его стреляющая молниями палка отклонилась в сторону, перестав гипнотизировать спину пленника, и Пашин стремительно атаковал бородача, с натугой толкнув себя в пространство боя.

Он не мог сразу применить приемы «смертельного касания» диммак или да-цзе-шу, противник был буквально наглухо запакован в плотную одежду (телогрейка, рубаха, полотняные штаны) и уколов в нервные узлы не боялся, поэтому пришлось бить его в полную силу, используя арсенал русбоя, приемы которого были основаны на прерывании тока энергий по нервным каналам и поражении жизненно важных точек тела.

Первым ударом — ребром ладони сверху вниз — Илья перебил мышцы руки Дормидонта, державшей жезл Силы. Второй удар — стопой в голень — заставил бородача согнуться. Третий удар — костяшками пальцев в висок — поставил точку в этом сверхкоротком и жестоком бою. Дормидонт беззвучно лег на землю и затих.

Его напарник отреагировал на происшедшее недостаточно быстро, ошеломленный внезапной атакой пленника. Он бросил все, что нес в руках, выхватил откуда-то длинный нож, но воспользоваться им не успел. Илья направил на него дубинку Потапа, холодную и скользкую, будто шкура змеи, напрягся, мысленно представляя, как с острия палки срывается молния, и эффект выстрела не заставил себя ждать: дубинка сработала!

Оранжевая искра сорвалась с острия, прошла воздух и с каким-то странным чавканьем вошла в живот мужика. Тот утробно хрюкнул, прижал руку к животу, медленно перевел взгляд вниз и в таком положении повалился на землю. Конвульсивно дернувшись два раза, успокоился.

Владислава, побледнев, смотрела расширенными глазами то на Илью, то на дубинку в его руке и молчала. Илья опомнился, отбросил суковатую палку прочь, криво улыбнулся.

— Я хотел его только попугать... а эта штука заряжена...

— Дело не в ней, — покачала головой девушка. — Жезл только проводник Силы...

— Ты хочешь сказать, что во мне... что я — генератор этой Силы?

Владислава кивнула.

— Дедушка был прав, бабушка Марья тоже, у тебя есть Сила, ты — Витязь...

Илья подал спутнице руку, помог подняться, отвернулся, чтобы скрыть замешательство и некоторую растерянность. Сказать по правде, он не ожидал, что у него второй раз получится «выстрелить» из обыкновенной сосновой палки, используя ее в качестве энергоразрядника, хотя и желал этого.

— Боюсь, по берегу озера нам к храму не подойти.

— Но и на лодке нас сразу заметят, — тихо сказала Владислава.

— Лодка — это наша страховка на случай отступления. Нет, я подумал о другом варианте. Если камень Лик Беса лежит в озере под стенами храма...

Владислава тревожно заглянула в глаза Пашина.

— Что ты задумал?

Илья улыбнулся как можно уверенней.

— Попробуем добраться до камня вплавь. Ты под водой умеешь плавать?

— Умею. Но ведь... холодно?

Илья улыбнулся, подобрал с земли выпавшее из рук охранника оружие и снаряжение, кинул взгляд на скрюченные тела хха и двинулся в лес.

— Давай отнесем все это хозяйство в лодку и подумаем, что делать дальше. Дед обещал помочь... — Он не договорил.

Впереди в густой коричнево-желтой траве мелькнула стремительная серая тень и перед замершими людьми возник волк с яркими золотыми глазами. Он склонил голову набок, глянул на Владиславу и раскрыл пасть, показывая зубы и

язык, как это делают собаки при виде хозяев. Разве что хвостом не завилял.

— Огнеглазый! — прошептала девушка, наклоняясь и запуская руку в шерсть зверя на затылке. — Куда же ты пропал?

— Наверное, выполнял задание деда, — хмыкнул Илья. — Раз он оказался здесь, он должен знать, где находятся Антон и Валерия. Отведешь, серый?

Волк шелкнул челюстями, повернулся, бесшумно нырнул в траву. Разведчики переглянулись и заторопились следом. Время работало против них, а до стен храма еще было идти и идти.

Когда они исчезли за деревьями, направляясь вдоль берега к оставленной в тростнике лодке, к лежащим без движения на жухлой траве хранителям храма вышел еще один мужчина в маскировочном комбинезоне, но без шлема и шапочки. Он был средних лет, без бороды, с гладко выбритым, по-мужски красивым лицом с прямыми губами и волевым подбородком. Двигался незнакомец с хищной грацией тигра, совершенно бесшумно и стремительно, так что иногда как бы пропадал в воздухе, чтобы проявиться уже в двух-трех метрах дальше. Нагнувшись на мгновение над неподвижными телами, он покачал головой и скользнул в кусты, держа курс в том же направлении, что и люди до него...

Арбалет Илья все же взял с собой. Подумав, заткнул за пояс ракетницу, а вот карабин и остальную спецтехнику оставил в лодке, решив полагаться в дальнейшем только на свои природные данные.

— Стрелять из арбалета умеешь? — передал он Владиславе изящную машинку для метания стрел. — Стрелку вставляешь вот сюда, отводишь пальчиком этот рычажок — арбалет взводится, затем целишься, нажимаешь на скобу, и так далее. Справишься?

— Справлюсь, — отважно заявила девушка.

— Тогда вперед. Держись за моей спиной и не отставай, да назад поглядывай. Нам понадобится все наше везение, чтобы вызволить Антона и Валерию, и вся сила талисманов. Чувствуешь, как здесь основательно загрязнена магией атмосфера? Так и кажется, что кто-то дышит в затылок.

Илья перебрался по топляку на берег, Владислава с готов-

ностью шагнула за ним, и горячая волна любви и нежности омыла сердце Пашина. Эта девушка была настоящим сокровищем, за нее стоило не только бороться, но и посвятить всю жизнь до капли, и он еще раз поклялся в душе, что не отдаст ее ни слугам демона, ни самому Мороку. Повернувшись, Илья обнял Владиславу, постоял так несколько мгновений, ни слова не говоря, и, чувствуя ее ментальную поддержку, зашагал за волком, терпеливо дожидавшимся их в лесу.

Идти пришлось около полутора километров.

Волк вел их не прямо, а зигзагами, обходя какие-то препятствия и ловушки, западни и ямы. Некоторые из них Илья чувствовал, находясь в состоянии медитативной пустоты, а однажды даже заметил луговичка — маленького зеленого человечка в одежде из травы, сидевшего за пнем. Волк пробежал мимо, даже не посмотрев на пень, а Илья остановился, прислушиваясь к своим ощущениям. Луговичок сидел, не двигаясь, рассматривал людей глазами-бусинками с какой-то горестной и унылой печалью и убежать не торопился.

Владислава тоже увидела лугового нечистика, прошептала еле слышно:

— Он не опасен... и, по-моему, болен...

Илья кивнул. Наряд на луговичке не имел чисто зеленой окраски, его желтизна и серость говорили о плохом самочувствии лугового духа.

Однако кроме присутствия луговика Илья чувствовал еще и дыхание какого-то таинственного преследователя, но определить, человек это или зверь, не мог.

— За нами кто-то идет, — шепнул он на ухо Владиславе.

— Я слышу, — отозвалась девушка. — Это навьи... духи прежде замороженных мертвых... они еще далеко... но их очень много... и они знают, что мы здесь.

— Я предполагал нечто в этом роде. Вся территория вокруг храма должна контролироваться охраной, а так как телекамерами охранники не пользуются, то должна работать какая-нибудь чувствительная магическая сеть, реагирующая на проникновение в запретную зону чужих. Мы вошли в зону, и сеть просигналила, что появились гости. Те двое не выслеживали нас, иначе я бы почуял слежку, они знали, куда надо идти и где нас искать.

Владислава промолчала. Она думала примерно так же.

— Пойдем до конца? — посмотрел ей в глаза Илья.

Девушка смущенно улыбнулась, в который раз перевора-

чивая душу Пашина. Дальше они шли, не разговаривая, став элементами чувствительной человеческой системы, безошибочно реагирующей на любое изменение внешних полей. Волк тоже вошел в эту систему, добавив к ней звериное чутье и тончайший нюх, и тот, кто следовал за людьми в отдалении, вдруг почти перестал их слышать и ощущать.

До храма, продолжавшего оставаться невидимым, было уже недалеко, по расчетам Ильи, когда волк наконец остановился перед огромным, наполовину вросшим в землю камнем в окружении засохших сосен, и оглянулся.

— Куда ты нас привел, волчара? — вполголоса осведомился Илья, разглядывая камень высотой в два человеческих роста.

На одной из плоских граней камня был выбит знак — трезубец, а чуть ниже шла какая-то полустертая иероглифическая надпись, которую трудно было прочитать с ходу, хотя некоторые иероглифы и напоминали буквы русского алфавита.

— Направо пойдешь — коня потеряешь, — пробормотал Илья, вспоминая известную сказку. — Прямо пойдешь — голову потеряешь. Как ты думаешь, что здесь написано?

— Это заклятие «замка», — с дрожью в голосе сказала Владислава. — Но оно сведено на нет белой печатью.

— Ты хочешь сказать, заклятие нейтрализовано этой самой печатью? Вот этим трезубцем?

— Да. Печать совсем свежая, она еще светится...

Илья пригляделся к трезубцу и внутренним зрением увидел золотистое ментальное свечение знака, стекающее на буквы-иероглифы заклятия, размывающее их, делающее буквы тусклыми и стертыми.

— Интересно, кому понадобилось ставить здесь эту печать? Не самим же охранникам? И вообще странно... зачем заклятие «замка» вырезать на камне?

Словно в ответ на вопрос Пашина серый проводник разведчиков нырнул в траву под камень и пропал, и лишь тогда Илья понял, что под камнем начинается подземный ход.

— Ах ты, мать честная! Мне следовало бы догадаться. Твой Огнеглазый, наверное, уже был в храме и знает, как оттуда выбраться. А это означает, что он встречался с нашими друзьями. Ну что, полезем?

Илья встретил ясный взгляд девушки и прочитал в ее глазах ответ: что нам остается? Успокаивающе погладив ее по руке, он раздвинул космы травы у подножия камня и полез

в темноту подземного хода, в глубине которого светились прозрачно-желтые глаза зверя.

Когда под землей скрылась Владислава, к камню подошел тот самый человек в камуфляжном комбинезоне, присел на корточки над входом в тоннель, прислушиваясь к долетавшим оттуда звукам, потом разогнулся и одним ударом ребра ладони снес каменную пластину с выбитым на ней трезубцем. Поднял над головой сухой прут, застыл на короткое время, пока с неба к нему не спикировал обыкновенный воробей, уселся на плече. Мужчина посадил его себе на палец, поднес к глазам, проговорил коротко:

— Мы готовы.

Воробей слабо чирикнул в ответ, сорвался с пальца и скрылся в кронах деревьев, в большинстве своем пожелтевших и высохших. Мужчина проводил его взглядом, замаскировал вход в подземелье и направился к озеру, превращаясь в почти невидимую человеческому глазу тень.

Глава 29

ПЁС ПРЕИСПОДНЕЙ

Одежда сотника оказалась великоватой, однако выбирать не приходилось, в одной рубашке передвигаться по храму было бы непрактично. Сначала Антон, преодолевая брезгливость, попытался снять с потерявшего сознание предводителя хха штаны и куртку, потом решил осмотреть апартаменты сотника вместе с волком и был вознагражден, обнаружив хитроумно запрятанный в стену шкаф. Вскоре он стал похож на одного из хранителей храма, не хватало только бороды и усов.

Для Валерии нашелся черный плащ, напоминавший монашеский шушпан, который скрыл ее мирской наряд, так что и она не сразу бросалась в глаза, особенно издали, встретиться им на пути служитель храма. Но обошлось. Коридоры огромного здания были на удивление безлюдны, будто его население вымерло, однако обострившееся чутье Громова подсказывало ему, что это далеко не так.

Храм жил своей размеренной, таинственной, мистической, мрачной жизнью и не обращал внимания на то, что творилось в его отдельных помещениях, оставаясь при этом

опасным и зловещим, скрывая в неведомых глубинах дремлющие или занятые своим делом недобрые силы. Одну из этих сил Антон чувствовал как натянутую до предела дымящуюся струну, готовую вот-вот лопнуть, но понять, что означает эта «струна», не мог. Скорее всего это был луч внимания какого-то местного колдуна, обитающего в храме, и будь Антон один, он, может быть, и решился бы проверить свое предположение, но рядом была Валерия, поверившая в избавление от кошмара, и все мысли Громова занимала проблема побега.

Пока что им везло.

С момента выхода Антона из темницы прошел всего час времени, а он уже нашел Валерию и избавился от главного охранника обители, демона, возмнившего себя великим мастером боя. Однако фортуна, как известно, богиня ветренная и капризная, не позволяющая успокаиваться на достигнутом, ее интерес следовало подогревать все время, и Антон принялся искать выход из создавшегося положения, мгновенно прокручивая в сознании все возможные альтернативы и безжалостно отбрасывая их одну за другой. В конце концов остался только один вариант — положиться на инстинкты и чутье волка, посланца Владиславы или деда Евстигнея.

— А там — как получится, — вслух подвел итог своим размышлениям Антон. — Удача — удел смелых. Ты согласна?

Валерия, удивительно похожая на прекрасную молодую монашку с сияющими голубыми глазами, подошла к нему, не опуская взгляда, положила руки на плечи, медленно проговорила:

— Что бы ни случилось... ты должен знать... я тебя люблю, Гром!

— Я знаю, — кивнул Антон серьезно. — Ничего не случится, мы будем вместе, обещаю.

— Всегда?

— Всегда!

Поцелуй был недолог, но чрезвычайно сладок и приятен обоим, размыкать объятия никак не хотелось, однако время уходило.

Антон заташил в келью сотника его великана-телохранителя, закрыл за собой дверь и поспешил за волком Владиславы, проникновенно объяснив ему задачу:

— Веди к выходу, дружище. И постарайся пройти так, чтобы нас никто не заметил. Ферштейн?

Понял ли зверь слова человека, было неизвестно, однако сразу побежал вперед, к лестнице в тупике коридора, и это можно было расценивать как ответ.

Горизонт здания, где находилась келья сотника, явно лежал ниже поверхности земли, Антон это чувствовал, поэтому не сомневался в устремлении волка выбраться из подземелий наверх, однако серый союзник пленников миновал один, второй, третий этажи и продолжал подниматься, пока Антон не остановил зверя тихим свистом.

Освещение лестницы с поперечными площадками не менялось при подъеме с этажа на этаж, внутри храма царил вечный полумрак, подчеркиваемый редкими светильниками в коридорах, но все же у людей появилось ощущение раздвигающегося горизонта, и Антон понял, что они вышли в надземную часть здания.

— Ты куда нас ведешь, зверюга?

Волк, оглянувшись на свист, по привычке показал зубы и снова начал подъем. Антон посмотрел на Валерию, чье лицо смутно белело в сумраке лестничного пролета, пожал плечами и полез вверх, веря и не веря, что волк знает дорогу и ориентируется в помещениях храма. Он насчитал пять уровней здания, ни на одном из которых лесной хищник ни разу не остановился, когда наконец лестница закончилась, и они вышли в коридор верхнего этажа.

Этот коридор был кольцевым, охватывая какое-то круглое помещение в центре здания. Антон на короткое время превратился в п у с т о т у, включившую его «третий глаз», и внутренним зрением определил, что перед ними основание купола, венчавшего здание храма, расположенного над центральным молельным залом, превращавшимся во время прихода Морока в зал мистерий и «посвящения» послушниц в жрицы.

— Где мы? — одними губами прошептала Валерия, зябко вздрагивая от волнения.

— Это скорее всего апартаменты хозяйки храма, — так же тихо ответил Антон. — Я был здесь... вернее, внутри. Не понимаю, зачем он привел нас сюда.

Волк тем временем потрусил по коридору влево, принюхиваясь к следам на плиточном полу, и остановился у двери вполне современного вида, обитой деревянными дощечками с какими-то выжженными знаками, складывающимися не то в геометрические узоры, не то в письма. У двери была металлическая ручка, но братья за нее не хотелось. По внут-

ренным ощущениям Антона, дверь светилась изнутри угрюмым сиреневым светом. Она явно была закрыта с помощью заклятия «замка».

— Что будем делать?

Антон и сам хотел бы задать этот вопрос, но не успел, поймав своим «третьим глазом» сигнал тревоги. Кто-то большой и сильный поднимался по лестнице вверх, по-хозяйски уверенно и целеустремленно, и от каждого шага, казалось, вздрагивал не только пол коридора, но и воздух, его наполнявший.

Выход в коридор с лестницы со стороны двери в келью верховной жрицы виден не был из-за скругления коридора, но Антон не стал ждать, когда неведомый великан появится в пределах видимости и обнаружит сюрприз в виде троицы пришельцев. Шепнув: «Ждите меня здесь», — он толчком воли приобрел саматву — состояние спокойствия, ясности мысли и полного отсутствия раздражения, и легким ветром переместился в точку, откуда становился виден выход с лестничной площадки.

Человек, шагнувший с лестницы в коридор, оказался обычным монахом, хотя и без рясы; Антон уже привыкал называть про себя монахами служителей храма, носивших черную одежду и бороды. Но монах был не один. За ним в коридор вышел не слишком высокий, но чрезвычайно широкий, как бульдозер, и такой же могучий с виду человек, одетый в тот же «монашеский» наряд. Лицо у него было плоское, с огромной нижней челюстью и расплюснутым носом, заросшее редким черным волосом. Такое лицо мог бы иметь гигантопитек или снежный человек, сойди он с гор Тибета или Памира и появившись в центре среднерусских равнин. Но не челюсть привлекла внимание Громова, а глаза «гигантопитека», не просто пустые — мертвые, полные неодолимого равнодушия смерти. Таких глаз Антон не встречал ни у одного человека, даже у бандитов или «отморозков». Живые люди таких глаз иметь не могли.

Навыи, пришла на ум догадка. Владислава предупреждала Илью о возможной встрече с навьими воинами, это один из них.

Монах, первым ступивший на плиточный пол коридора, почуял Антона сразу и даже успел выставить перед собой острый сук жезла Силы, однако и Антон не потерял драгоценных мгновений, несмотря на интеллектуальный шок, овла-

девший сознанием при виде самого натурального зомби-солдата, которого в здешних местах называли — навья. Инстинкты, отточенные состоянием боевой пустоты, сработали без участия сознания.

Нож, брошенный Антоном с расстояния в десять метров, вонзился в руку монаха, поднимавшую жезл Силы, заставив его выпустить суковатую дубинку, и хотя он тут же перехватил ее другой рукой, послать разряд не успел, Антон был уже рядом и ударом в переносицу отправил пожилого хха в глубокий нокаут... и еле успел увернуться от могучего удара, нанесенного идущим за монахом «гигантопитеком» с неожиданной, буквально противоестественной быстротой! Если бы не состояние пустоты, переводившее энергетику организма на более высокий уровень, позволявшее адекватно реагировать на любое нападение, делавшее это нападение ожидаемым, Антон не смог бы сознательно отразить такой удар. Не смог бы он в течение долей секунды и разработать стратегию и тактику боя с человеком, который давно был мертв, хотя и действовал со скоростью компьютера. Теперь стратегию рассчитывало подсознание мастера, способное предвосхищать события, и ответ Антона был точен и единственно верен.

Гигант успел сделать еще два удара, каждый из которых мог пробить тело человека насквозь, промахиваясь на какие-то доли миллиметра, затем в один глаз его вошел второй метательный нож Антона, а голову от виска до виска пробил рэмбо — нож выживания. И несчастный навья, замороженный колдунами храма до полуживого состояния, тихо осел на пол коридора, потеряв способность видеть и рассчитывать свои действия разрушенным теперь уже не только биологически, но и механически мозгом.

Постояв над ним немного, с содроганием понаблюдав, как он пытается «понять», что произошло, слепо ощупывая голову, Антон вернулся к спутникам. Сказал в ответ на вопросительный взгляд Валерии:

— Все в порядке. Есть идеи, как открыть эту дверь?

Валерия, поняв его состояние, покачала головой.

— Если дверь заговорена, дотрагиваться до нее нельзя.

Антон вспомнил о нокаутированном монахе.

— Подожди-ка, есть идея...

Он вернулся к лестнице, где поверженный навья все еще шевелился, напоминая наколотого на булавку огромного жука (смотреть на него было неприятно до спазма в желудке), и

привел в чувство бородатого хха, не сразу сообразившего, что от него требуется. Антон помог ему встать и подвел к маявшейся от неизвестности Валерии и охранявшему ее волку. Монах немного оклемался, пораженный присутствием зверя, и даже попытался сопротивляться, но затих в железных руках Громова.

— Можешь открыть дверь?

Бородач посмотрел на Валерию, на волка, покосился на Антона. Глаза его недобро сверкнули. Но говорить он ничего не стал.

— Повторить вопрос? — слегка нажал ему на предплечье Антон.

Лицо хха перекошилось, однако и на этот раз он не издал ни звука.

— Он ничего не скажет, — покачала головой Валерия. — Отпусти его.

— Чтобы он поднял тревогу? Что ж, не хочет общаться, будем действовать по-другому, у нас мало времени.

Антон вдруг толкнул монаха к двери с руническими письменами на ней, и тот от неожиданности, выставив вперед ладони, коснулся ручки и деревянных планок. В следующую секунду произошло нечто необычайное.

Дверь вспыхнула неярким зловещим зеленовато-сиреневым пламенем, это пламя перекинулось на руки монаха, на все тело, он закричал, дернулся несколько раз, словно попал под высоковольтный разряд, и упал на пол окостенелой скульптурой со сведенными судорогой руками. Звук удара от падения его тела на плитки пола напоминал стук деревянного бревна.

Похолодало. Дверь перестала светиться во всех диапазонах, монах своим прикосновением разрядил колдовское заклятие, охранявшее покои верховной жрицы.

Антон на всякий случай подцепил ручку двери суковатой дубинкой — оружием хха — и потянул к себе. Дверь с тихим стоном приоткрылась, и волк тотчас же юркнул в образовавшуюся щель, почуяв, что опасности уже нет.

Антон подтолкнул вперед замешкавшуюся Валерию, со страхом смотревшую на тело монаха, и они вошли в знакомые Антону апартаменты хозяйки храма, состоящие из трех комнат, одной из которых была спальня, и пока Валерия, ошеломленная великолепием и роскошью интерьеров, рассматривала покои верховной жрицы, Антон и волк отыскивали в спальне то, к чему стремился огнеглазый помощник лю-

дей, — вход в глубокий колодец, пронизывающий все здание храма сверху донизу и уходящий в неведомые глубины земли. Вход был замаскирован под зеркало, им давно не пользовались, но все же Антон чувствовал (в и д е л) его ментальное свечение и в конце концов обнаружил бы колодец, но волк сделал это быстрее, он з н а л, что и где надо искать.

Подошла Валерия.

— Такого богатства я еще не видела. Обрати внимание на кровать!

— Обратил, — пробормотал Антон, вспоминая свое пробуждение на огромном мягком ложе. — Старуха любит комфорт.

— А это что? Колодец?

— Вероятно, спуск в подземный ход. Нам придется туда лезть. Видишь скобы?

— Неужели хозяйка лазила вниз по скобам?

— Может быть, и не лазила, она колдунья и вполне способна использовать какую-нибудь хитрость.

— Ковер-самолет?

— Может быть, и ковер, только без самолета. Или деревянный поддон — в качестве лифта. Ну что, двинулись? Терять нам нечего.

— А где волк?

Антон огляделся, позвал:

— Ты где, серый?

Из соседнего помещения выглянула морда волка, скрылась, затем послышался какой-то стеклянный стук. Антон поспешил к выходу и увидел зверя, склонившегося над бутылкой с двумя горлышками. Волк пытался дотащить ее в зубах, но у него плохо получалось, бутылка была скользкой.

— Брось ее, — строго сказал Антон. — Это бяка!

— Что это такое? — подошла Валерия.

— Какое-то колдовское зелье, старуха все время его глотала, когда...

— Когда — что?

— Когда пыталась меня соблазнить, — нехотя закончил Антон.

Глаза Валерии стали круглыми.

— Старуха пыталась тебя... соблазнить?!

— Она превратилась в девицу... весьма сексапильную, между прочим. В общем, это неинтересно. И ты все равно красивее.

— Как же ты вышел из положения? Неужто отказался от райского наслаждения?

Антон нахмурился, посмотрел в глаза женщины, и та сразу перестала шутить.

— Извини, глупая я. Представляю, что тебе пришлось пережить. Давай возьмем с собой эту бутылку, вдруг пригодится. Возможно, в ней действительно какой-нибудь эликсир молодости или бессмертия или мертвая и живая вода. За чем-то ведь понадобилось делать у бутылки два горлышка?

Антон подумал, подобрал бутылку, на треть заполненную мерцающей искрами темно-зеленой жидкостью, и сунул в объемистый карман сотниковой безрукавки. Решительно двинулся в спальню.

— Пошли. Время не ждет.

Спуск в колодец по скобам не занял много времени и закончился благополучно глубоко под зданием храма. Первой, со свечой в руке, запас которых Антон обнаружил в одной из комнат жрицы, спускалась Валерия, за ней с волком на плечах двигался Громов, не чувствуя тяжести зверя, словно тот ничего не весил.

Тоннель, в который врезался секретный колодец хозяйки храма, уходил в обе стороны, довольно широкий — в нем свободно могли разойтись два толстяка — и высокий, так что даже Антон со своим ростом не доставал макушкой потолка. Стены тоннеля были сложены из грубо обработанных каменных блоков, изредка сменявшихся потемневшими от времени древними кирпичами, пол был вымощен деревянными плахами, сухими и твердыми, будто уложили их совсем недавно, а потолок представлял собой арочное перекрытие, с виду сделанное из пористого чугуна. Однако, постучав по нему костяшками пальцев, Антон понял, что это тоже дерево, только обработанное особым образом.

— Куда теперь? — спросила Валерия шепотом. Тайнственная атмосфера коридора, уходящего в темноту, заставляла ее нервничать.

— Наш проводник должен знать, где выход, раз уж он так целеустремленно рвался сюда.

— А где он?

Как получилось, что они потеряли волка, ни Антон, ни Валерия не поняли. Он скользнул вперед, в темноту подзем-

ного хода, и не вернулся. Не хотелось думать, что он просто бросил спутников, посчитав свою миссию законченной. Еще большее неприятие вызывала мысль, что волк наткнулся на одну из колдовских ловушек, которые так любили мастерить все создатели тайных тоннелей и ходов, и погиб.

Прошла минута, другая, третья, волк не появлялся и на свист Антона, а также на тихий зов не отвечал. Глубокая тишина, царившая под землей, не нарушалась ни одним звуком, кроме дыхания людей, к тому же тоннель не освещался, как коридоры храма, заполненный плотным мраком до потолка, и ни в один его рукав идти не хотелось.

Антон попытался с помощью медитативной пустоты сориентироваться в пространстве, проследить, куда ведет подземный ход, но больше чем на полсотни метров его психозрения не хватало. Тоннель был весь пропитан магическим полем и тайн своих раскрывать не хотел. Тогда Антон вспомнил расположение комнат хозяйки храма, прикинул, как здание может быть расположено на земле, и решил, что если пойти влево, тоннель выведет их за пределы храма. Правый конец тоннеля, наверное, тоже вел куда-то в леса или под озеро, на берегу которого стояло культовое сооружение Морока, но оттуда чувствовался слабый ток уныния и тоски, и дышать этим мертвым воздухом было противно.

— Идем сюда, — сказал Антон, поворачивая налево. — Если определились неправильно, зверь нас догонит.

Он не был уверен в своем утверждении, но его слова успокоили Валерию.

По-прежнему в подземелье царила могильная тишина, ни одно движение не нарушало мертвого спокойствия камня, настроенная на поиск опасности нервная система Антона не подавала тревожных сигналов, и все же двигался он медленно, бесшумно, осторожно, чуть ли не ощупывая ногой каждую плаху пола. За полчаса они преодолели едва ли более ста метров пути, пока не уперлись в стену: коридор здесь сворачивал вправо под прямым углом.

Постояли, прислушиваясь к тишине и к своим ощущениям, снова двинулись вперед в круге тусклого света, отбрасываемого свечой, шли так некоторое время, чувствуя, как сжимается некая взведенная пружина неведомой западни, потом Антон погасил свечу и далеко впереди увидел слабый отсвет в форме косой полосы. Валерия придвинулась ближе.

— Что это?

— Там какая-то полость, я чувствую, но меня, честно говоря, больше беспокоит другое: почему нас не преследуют? А ведь наверняка давно обнаружили наш побег.

— Почему ты так думаешь?

— Охрана храма — та же спецслужба, она должна все время контролировать положение дел на объекте, а сотник, между прочим, — ее руководитель. К тому же он знает кое-какие колдовские приемы и скорее всего уже пришел в себя. Хорошо бы, конечно, ошибиться, но что-то мне подсказывает, что нас ждут сюрпризы.

Антон оказался прав.

Пройдя около двухсот метров, они обнаружили приоткрытую толстую деревянную дверь: светлая полоса оказалась щелью, через которую в коридор сочился сероватый свет, — а за дверью начинался грот с искрящимися от инея стенами, с озером посредине, освещенный все теми же светильниками фаллической формы. Озеро в центре грота диаметром около сотни метров обегала ровная дорожка явно искусственного происхождения, имевшая необычную насечку, похожую на отпечаток протектора гигантского, толщиной в несколько метров, автомобильного колеса. Чуть правей от того места, где пленники вышли в грот, дорожка расширялась и переходила в приподнятую над озером площадку, напоминавшую каменный подиум. И на этой площадке, освещенной яркими факелами с обеих сторон, стояла группа людей, среди которых Антон узнал свою недавнюю истязательницу, верховную жрицу храма.

Самым странным во всем этом было то, что, заглядывая в дверь, Антон никого из людей не увидел! Они словно выросли из-под земли, дождавшись момента, когда беглецы войдут в гостеприимно распахнутую дверь. Конечно, Антон догадывался о причинах своей «слепоты»: сработало, очевидно, одно из заклятий этого зала, подчинявшееся хозяйке храма, но понимание ситуации уже ничего не решало, и он принял предлагаемые правила игры.

— А вот и наши диверсанты, — с иронией сказала старуха, обращаясь к одному из спутников, одетому в серый костюм с ярким желтым галстуком, огромному, кряжистому, с большой круглой головой и тяжелым мясистым лицом. — Я же говорила, что сотник с ними не справится.

— Не похож он на Витязя, — проговорил мужчина скрипучим голосом, разглядывая Антона. — Тот не попался бы в столь примитивную мышеловку.

— Я и не говорила, что он Витязь. Хотя кое-какие задатки у него есть. Пожалуй, его можно будет оставить в команде хха, в качестве навья, к примеру. А дамочку я могу на время одолжить вам, Виктор Иванович. До посвящения.

Оценивающий взгляд здоровьяка переместился с Антона на Валерию.

— В принципе я не возражаю, она действительно хороша. Приведите ее ко мне через пару часов.

— Вы будете довольны.

— Надеюсь.

Антон и Валерия переглянулись. Женщина покраснела, понимая смысл сказанного, закусил губу.

— Эй, вы там, — негромко произнес Антон, делая шаг вперед. — Может быть, соблаговолите поинтересоваться, хотим мы быть вашими подопытными кроликами или нет?

Атлет с круглой головой, заросшей редким коротким волосом, посмотрел на него как на пустое место, приподнял бровь, повернулся к верховной жрице.

— Мальчик жаждет отличиться перед девочкой. Развлекайся, Хозяйка, а я пройду по территории. Что-то мне неуютно. Боюсь, твой сотник действительно запустил дела. Береги Врата.

— Не волнуйся, депутат, здесь моя вотчина.

Здоровяк зашагал прочь, скрылся из глаз, затерялся на фоне стен грота, будто растворился в воздухе, стал невидимым. Верховная жрица строго посмотрела на застывшую у двери пару, усмехнулась.

— Не ожидал меня здесь встретить, соколик? Неужели решил сбежать, не попрощавшись? Не понравилось мое угощение? Али я сама? Кстати, что вы все-таки искали на острове? Неужто и в самом деле камень?

Антон сделал еще один шаг, оценивая противника. Могучий мужик с внешностью борца и вальяжными манерами депутата Госдумы ушел, но рядом со старухой стояли еще четверо, монахи в черном, скорее всего — охрана жрицы, и небольшого росточка серенький незаметный человечек, внутри которого, по ощущениям Антона, kloкотала и бурлила грозная сила. Он был здесь опаснее всех, если не считать колдовские возможности верховной жрицы. И еще один очаг опасности чувствовал Антон всей своей ошетилившейся психикой — в озере. Кто-то огромный и глубокий, как черная бездна, затаился на дне и ждал только приказа, чтобы всплыть и уничтожить всех, кто попытается его остановить.

— Что молчишь, воин, язык проглотил? — продолжала старуха. — Я же знаю, что вы искали камень с Ликом Беса, да не там искали, к сожалению. Здесь он лежит, — кивнула она на подземное озеро, гладь которого не тревожила ни одна морщинка. — Даже не у стен храма, как вас ориентировал этот старый пень Евстигней. Хочешь посмотреть?

— Хочу, — сделал еще один шаг Антон, не обращая внимания на торопливый шепот Валерии: не ходи туда!..

Старуха внимательно глянула на него с высоты «подиума», покачала головой.

— Э-э, да ты никак лелеешь надежду спасти свою краю? Весьма благородно.

Она повела рукой, и вокруг Антона образовалась огненная окружность. Вскрикнула в испуге Валерия. Языки фиолетово-синего пламени поднялись на полметра, но огонь был холодным, от него стыла в жилах кровь и ноги отказывались повиноваться. Антон попытался бороться с гипнотическим влиянием заклятия, понял, что даже из этого положения может метнуть нож, и сделал вид, что сломлен.

Пламя опало, потом и вовсе исчезло.

— Теперь понял, касатик, в чьей ты власти?

— Понял, понял. Покажи камень.

Старуха дернула подбородком, косо глянув на чернобородых охранников.

— Уведите ее в келью гостя.

Двое монахов сошли с возвышения, направились к пленникам. Антон напрягся, понимая, что отдавать Валерию в руки хха нельзя.

— А мне можно взглянуть на камень? — вдруг громко заявила Валерия. — Хоть одним глазком? Любопытно все же, что это такое — Врата демона. Или ты боишься, старая?

Пелагея смерила женщину взглядом, нахмурилась, пожала губами, кивнула своим слугам.

— Приведите их сюда.

Антон и Валерия в сопровождении молчаливых бородачей поднялись на площадку, подошли к краю, нависавшему над озером, где уже стояла верховная жрица. Маленький человечек с неприметным лицом посторонился, пропуская их вперед, и Громов снова почувствовал дремлющую внутри него силу. Это был не простой человек, а маг, и его следовало принимать в расчет в первую очередь, хотя Антон понимал, что шансов победить колдунов у него почти нет.

— Ну, глядите, — усмехнулась Пелагея, складывая пальцы определенным образом и взмахивая рукой. — Свет!

Воды озера посветлели, засветились изнутри. Впечатление было такое, будто его дно превратилось в один большой фонарь. Стали видны каждый бугорок, каждая трещина или яма, каждый камешек на дне огромной чаши, и среди россыпи камней, образующей какой-то сложный причудливый узор, Антон увидел пятиугольную зеленоватую плиту, с которой на него глянуло искаженное яростью лицо, человеческое и драконье одновременно. От него невозможно было отвести глаз, так оно было отвратительно и прекрасно, и если бы не голос верховной жрицы, раздавшийся над ухом, Антон, наверное, не смог бы самостоятельно выйти из транса, освободиться от гипнотического воздействия Лика Беса.

— Похоже, тебе нравится портрет нашего Господина. А вот ты ему не нравишься, видишь, гневается камень? Твоя энергетика слишком светла для него. А теперь я покажу тебе того, кто этот камень стережет, дабы у тебя не возникло желание его украсть.

Пелагея достала из-под черной мантии большой медный крест, напоминавший несимметричную свастику, левой рукой вытянула его вперед, правую сжала в кулак, так что перстни на ее пальцах соприкоснулись и образовали нечто вроде кастета, и, выбросив кулак в сторону озера, громко произнесла какое-то трескучее слово. Камни перстней испустили тонкие алые лучики, в воздухе резко похолодало, откуда-то из-под купола грота на озеро посыпались снежинки. Воды озера вдруг вспучились, приобрели форму рогатой головы без глаз и рта, эта прозрачная водяная голова два раза повернулась вокруг своей оси, словно пытаясь разглядеть того, кто ее беспокоил, и бесшумно поплыла к людям, постепенно вырастая и темнея.

Антон почувствовал болезненный удар по всей нервной системе, кипение крови, желание убить кого-нибудь, стереть в порошок, превратить в пыль, в ничто. Дыхание его прервалось. Лишь гигантским усилием воли ему удалось справиться со своей взбунтовавшейся от ментального взгляда жуткого существа психикой.

— Приветствую тебя, Ягья! — нараспев, гортанным голосом проговорила верховная жрица. — Тебе нужна жертва? Я привела двух влюбленных дураков, нежных и сладких, ты останешься доволен. Бери их.

Старуха оглянулась на своих слуг, те выставили вперед дубинки, подталкивая Антона и Валерию в спины к краю площадки. Дальнейшее произошло в течение нескольких секунд.

Монах, подталкивающий Громова, вдруг выронил палку и сунулся головой вперед. В спине его торчала короткая металлическая стрела. Спустя мгновение упал и второй охранник со стрелой в шее.

— Держись, мастер! — послышался чей-то знакомый голос, вызвавший множественное эхо, и в гроте появился Илья в сопровождении волка и Владиславы, с арбалетом в руках.

Свистнула еще одна стрела, находя висок последнего чернобородого служителя храма. И одновременно с его падением Антон прыгнул к человечку за спиной жрицы, понимая, что он — ее главная ударная сила и защита.

Атака длилась доли секунды, старуха с крестом и светящимися перстнями еще только отворачивалась от вызванного ею демона, чтобы посмотреть, что происходит, казалось, никто не сможет отреагировать на такое сверхскоростное нападение, которое предпринял Громов в состоянии боевой пустоты, но хрупкий с виду человечек успел отскочить, нанося Антону точный и звонкий удар-тычок в лоб, который оглушил его на мгновение.

— Не меня, мастер, — услышал он тихий шепот, вернее, беззвучный ментальный шепот. — Её!

Антон снова попытался атаковать противника, не сразу сообразив, что тот обращается к нему, и в это время напротив них над краем площадки выросла водяная, быстро приобретающая плотность голова демона.

— Помогай! — Руки маленького человечка уперлись в спину верховной жрицы.

Антон присоединился к нему, чувствуя так, будто его руки окунулись в кипяток, и толкнул старуху изо всех сил к бликующей, переливающейся всеми оттенками голубого и фиолетового цвета голове демона.

Раздался страшный крик. Верховная жрица окунулась в приближавшееся слепое лицо того, кого она назвала Ягья, вызвав метаморфозу формы головы, перстни на ее руке взорвались, крест вспыхнул ослепительным малиновым светом, и тотчас же голова демона заколебалась, превратилась в клуб дыма и растаяла.

Озеро погасло. На краю обрыва осталось лежать то, во что превратилась старуха, — сморщенная мумия в потерявшей цвет монашеской мантии.

Антон ошеломленно посмотрел на человечка, не веря тому, что произошло, только теперь начиная осознавать роль неожиданного союзника. Прохрипел:

— Ты... вы... почему? Кто вы такой?!

— Меня зовут Безымень, — отозвался тот тихим тусклым голосом, дернул уголок губ, обозначая улыбку. — Хотя до смерти меня звали иначе.

— Почему вы помогли нам?

Еще один бледный намек на улыбку.

— Скажите спасибо деду Евстигнею. Года полтора назад он вдохнул в меня душу, с тех пор я, как это принято говорить, его агент. Хотя работаю на Хозяина.

— Морока?

— Морок — не живое существо, энергоинформационная система, хотя может внедряться в любого человека. Я служу его эмиссару. Кстати, у вас, кажется, появилась вещь жрицы? — Безымень с улыбкой показал пальцем на карман безрукавки Антона, где лежала бутылка с двумя горлышками. — Поосторожнее с ней. Это ниргуна, субстрат жизненной силы и страшное оружие. Передайте бутылку Евстигнею.

Подбежал Илья, держа на прицеле арбалета фигуру слуги Морока, быстро оглядел поле боя.

— Вовремя мы успели, однако. Кто это? Познакомь нас.

— Его зовут Безымень. Он помог мне...

— Я видел. Старуха вызвала древнего демона, изверга Ягья, но тот предпочел сожрать ее саму, а не вас. Так, господин Безымень? Не скажете, почему он это сделал?

— Желания демонов неисповедимы, — меланхолично ответил маленький человечек.

— Кто-нибудь мне объяснит, кто такой изверг Ягья? — сердито сказал Антон. — Почему он — изверг?

— Демон Ягья, по древним поверьям, персонифицирует мгновенно возникающую и мгновенно уходящую страшную силу, — пришла в себя Валерия. — С ним нельзя вступать ни в какое общение без вреда для себя.

— И это все?

— Я всего лишь историк, знаток фольклора...

— Могу добавить, — вмешался в разговор Безымень. — Во время последней битвы богов Ягья и его собратья были и з - в е р г н у т ы Чернобогом как самостоятельные «программы разрушения», закодированные с л о в о м Чернобога, то есть соответствующим заклинанием, которое стало известно чер-

ным магам благодаря Мороку, слуге Чернобога. Но до нынешнего времени Древние дожили не все, а Ягья, питающийся жизненной силой и душами людей, — с санскрита его имя переводится как жертвоприношение, — был и вовсе единственным псом Преисподней на Земле. Когда-то он сторожил Башню в царстве мертвых, служил Мороку, но иногда «кусал» и своих, за что Морок перенес его на Землю и усыпил. До поры до времени. Верховная жрица храма не предполагала, что заклятие, пробуждающее демона, не гарантирует ей собственной безопасности.

— Как все просто и понятно. Классный финал!

— Еще не финал, — покачал головой Безымень. — Надо выловить со дна озера Врата и вынести из храма.

— Зачем? Мы уничтожим его здесь.

— Весь объем храма, по сути, одна большая магическая формула, охраняющая Врата. Камень можно уничтожить огнем только вне защитной зоны. Забирайте его и уходите, волк вас проводит. За стенами храма вас встретят.

— Кто?

— Еще один Витязь, ученик деда Евстигнея. Он контролирует территорию и отвлечет эмиссара. Если за час вы не успеете унести Врата, мой хозяин вызовет свой спецназ и тогда...

— Понятно. — Илья посмотрел на приблизившуюся к ним Владиславу. — Но ведь в озере сидит Ягья.

— Он сыт. Прощайте.

— Почему бы вам не остаться с нами? Вместе будет легче пробиваться на свободу.

— Вы и так справитесь. Мне же надо закончить одно дело. В храме живет советник верховной жрицы, черный маг Хрис, его надо нейтрализовать хотя бы на полчаса.

Илья и Антон переглянулись.

— Мы поможем.

— Не надо, каждому свое. Занимайтесь камнем.

Безымень отступил на шаг, пошевелил пальцами рук и исчез.

— С ума можно сойти! — вскрикнула вдруг Валерия.

Мужчины посмотрели на нее, Антон обнял женщину, погладил по спине и отстранился.

— Все будет в порядке, родная. Нам осталось самое простое — выбраться отсюда. — Он повернулся к Илье: — Как вам удалось нас найти?

— Потом расскажу, это целая история. Надо поторопиться, мне кажется, что я слышал выстрелы в стороне лагеря, как бы на наших не напали хранители храма.

— Кто полезет в озеро?

— Старший по званию, — ответил со смешком Пашин, снимая с себя одежду. — Ты на подхвате. Женщинам в случае чего придется нас защищать. — С этими словами он прыгнул в озеро, где жил пес Преисподней, древний демон по имени Ягья, не разбиравший ни своих, ни чужих.

Глава 30

Я БЫЛ ДО, Я ВУДУ ПОСЛЕ...

Несмотря на размеры, каменная плита с изображением Морока действительно весила не более десяти килограммов. Илья с ней легко справился один, вытянув ее из воды на берег, а потом на плечах дотащив из грота к выходу из тоннеля в лес. Лик Беса обладал огромной гипнотической силой, поэтому на него накинута безрукавку Антона, чтобы кто-нибудь ненароком не глянул и не превратился в зомби.

У выхода Илья отдал плиту Антону и вслед за волком выполз на поверхность земли под камнем с руническими письменами. Ему показалось, что он при этом продавил какую-то упругую пленку, лопнувшую с тихим костяным хрустом, но не обратил на хруст внимания, доверяя волку, который выскользнул из лаза без всяких колебаний.

В лесу царил солнечный нежаркий день, напоенный ароматами трав, древесной коры и грибов, к которым примешивались гнилостные болотные запахи, а также запахи ржавого железа и прелой листвы. Деревья вокруг, наполовину сбросившие рано пожелтевшую листву, несмотря на то, что осень еще, по сути, и не начиналась, стояли безмолвно и обреченно, будто ждали неминуемой смерти, не щебетали птицы, не шуршали в опавших листьях и траве мелкие зверюшки, зато в нескольких шагах от камня Илья заметил знакомую живую колонну из муравьев и понял, что пройти «минное поле» — заколдованную территорию вокруг храма будет очень непросто.

Волк куда-то исчез. С минуту Илья разглядывал «пограничный столб» роящихся муравьев, прислушивался к звукам,

долетавшим из чащи леса, чувствуя нависшую над головой гору — так психика воспринимала опасность, хотел было уже звать остальных, как вдруг боковым зрением заметил движение за кустами волчьих ягод. Метнулся в сторону — и вовремя: в то место, где он только что лежал, впилась извилистая голубая молния, с треском разбросав во все стороны пласт слежавшихся листьев, еловых иголок, шишек и мха.

Новая молния, слетевшая с острия жезла Силы, которым манипулировал охранник территории, прошла впритирку к спине Ильи, заставив его вжаться в землю, зато он успел в ответ выпустить стрелу из арбалета, не слишком надеясь на результат. Еще раз перекатился в траве, метнулся за камень, увертываясь от очередной молнии, и вдруг, преисполнившись гнева, направил на противника, показавшегося в просветах между деревьями, арбалет и представил, как из него вылетает не стрела, а огненный факел.

Результат превзошел все ожидания, ошелобив самого стрелка, все же он еще не привык к своим экстраординарным возможностям: с ложа арбалета сорвался целый веер оранжевых искр и накрыл чернобородого монаха, неосторожно высунувшегося из-за ствола сосны. Раздался вопль, шум свалившегося тела, и все стихло.

Илья подождал секунду, высунул голову из-за камня, на всякий случай нырнул на землю, перекатился под защиту валуна поменьше, выставляя вперед арбалет, сыгравший роль жезла Силы, и замер, когда кто-то сказал ему в спину:

— Отличный выстрел, сударь!

Илья оглянулся.

В десяти шагах от него из-за колючих кустов малины выглядывал высокий мужчина в маскировочном комбинезоне, с непокрытой головой, русоволосый, сероглазый, лобастый, вооруженный бесшумной снайперской винтовкой LR-300 с барабанным магазином на сто восемьдесят патронов. Он был буднично спокоен и уравновешен, с цепким взглядом уверенного в себе сильного человека, и думать о нем как о противнике не хотелось.

— Их было трое, — продолжал незнакомец. — Выводи отряд, я покараую. Только пошустрей, здесь начинает становиться горячо.

— Значит, это ты — дедов ученик, Витязь?

— Я, — усмехнулся мужчина.

— Имя есть?

— Есть, да лучше его в этих местах не произносить. Зови меня пока просто Другом. Выберемся — познакомимся, как положено.

— Волка не видел?

— Он тут неподалеку, уводит за собой еще одну группу хха.

— Понятно. — Илья бросил заинтересованный взгляд на винтовку в руках Друга. — Где ты добыл такую красивую стрелялку?

— Где добыл, где добыл... купил.

— Понятно. А вот мы вооружены хуже, да и по здешним лесам с огнестрельным оружием ходить невозможно из-за всяких колдовских эффектов.

— Мое оружие заговорено. — Мужчина в камуфляже шагнул к Илье и внезапно исчез, буквально испарился в воздухе, чтобы оказаться в нескольких метрах левее с винтовкой на изготовку.

— Не стреляй, — быстро сказал Пашин, — это мой напарник.

Из-за толстого ствола вяза вышел Антон, вооруженный суковатой палкой, острие которой смотрело на парня в камуфляже.

— Все в порядке, мастер, — сказал Илья, — это наш друг по имени... Друг. Где женщины?

— В пещере.

— Выводи их сюда, начнем отступление.

Антон кивнул, смерил парня взглядом и бесшумно метнулся за камень. Посланец деда Евстигнея посмотрел на Илью, задумчиво прищурился.

— Похоже, вас недооценили здешние деятели.

— Скорее, нам повезло.

— Везение, сударь мой, в данном случае есть результат усилий целой спецслужбы. Мы прикрывали вас, как могли. Хотя и вы, конечно, были на высоте.

— Какой... спецслужбы? — обалдел Илья.

Парень с винтовкой улыбнулся.

— Ну, скажем, службы безопасности Внутреннего Круга России. Можно еще назвать ее службой Равновесия. Вообще об этом должен вам рассказать дед, но ты спросил — я ответил. Что тебе не нравится?

Илья медленно пригладил волосы на затылке, сглотнул слюну, разглядывая спокойное лицо ученика Евстигнея.

— Значит, наш поход был задуман... как отвлекающий маневр? Основные исполнители — не мы?!

— Наоборот, именно вы, а вот наша служба отвлекала силы храма на себя. Расчет деда оказался верен. Но не будем забегать вперед, нам еще предстоит вынести отсюда Врата и уничтожить. Кстати, вся операция может считаться вашим Посвящением в Витязи.

— Благодарю, — глухо проговорил Илья, ощущая горечь, внутреннюю опустошенность, злость и одновременно облегчение. — Рискаю жизнью, мы могли бы как-нибудь обойтись и без Посвящений.

— Ты просто еще не знаешь, что это такое, — качнул головой парень. — Посвящение означает не только введение подготовленного человека в круг новых идей, но и подключение к божественному эгрегору. Но я, кажется, превысил полномочия, заговорив на эту тему. Не обижайся, Витязь. Морок — страшная сила, одни вы с ней не справились бы, да и вся наша служба тоже. На его стороне тысячи зомбированных исполнителей, десятки черных магов, эмиссаров, разрушителей языка, истории, этики и культуры, и чтобы совладать с ним, с результатами его многотысячелетнего воздействия на Русь, нам необходимо объединить все творческие личности в один созидающий эгрегор. Хотя задача эта почти невыполнимая.

— Почему?

— Потому что для этого люди должны прежде всего изменить себя, свои привычки и уклад жизни, мечты и желания. Много ты знаешь таких, кто согласится изменить себя и свой быт?

Илья молча покачал головой.

— Вот видишь, — усмехнулся посланец деда Евстигнея. — Нам еще идти и идти к совершенству, к Идеалу, имя которому — духовность. Может быть, даже дед не представляет, какую ношу взвалил на себя. Но ведь тот, кто ничего не делает, ничего и не достигает?

— А вы... достигли?

— Не знаю. — Друг прислушался к чему-то, закрыв на несколько мгновений глаза. — Я могу судить лишь о «сегодня и здесь». Если сегодня нам удастся хоть не надолго приостановить служителя Ада, уставшего от «тяжелой» работы в нашей реальности, собравшегося отдохнуть в своем царстве смерти, это уже достижение.

Илья молчал. Потом неожиданно для себя самого спросил:

— Ты давно знаешь деда?

Парень собрал лучики морщинок у глаз в вопросительной гримасе, не сразу поняв, к чему клонит собеседник, затем кивнул.

— Десять лет. В этой жизни. — Он слегка улыбнулся. — Время общения с такими, как он, не имеет значения, дед пришел в нашу реальность из Духовного Мира Правы, и цель его жизни на Земле — пробудить в людях самосознание новой расы, из инстинктивного сделать его явным. Власть волхва велика, но власть для него не привилегия, а ноша.

— Это я знаю, — расправил плечи Илья, окончательно успокаиваясь. — А ты хороший философ и психолог. Или этому Витязей обучают специально?

— Витязи такими рождаются, — ответил не без иронии ученик деда Евстигнея и сгинул в кустах, откуда долетел его тихий голос: — Идите к берегу озера за волком, я за вами.

Появился Антон в сопровождении женщин. Под мышкой он нес камень, завернутый в безрукавку, а в левой руке держал нож. Валерия и Владислава шли молча, поддерживая друг друга, и по бледным лицам обеих можно было судить, насколько они устали.

— Дойдут? — кивнул на них Илья, понижая голос.

— Напереживались, но должны прийти, — так же тихо ответил Антон. — По-моему, нам повезло со своими половинами.

— О-о, поздравляю, ты уже считаешь Лерку своей половиной?

— Не иронизируй, — нахмурился Антон. — Мы с ней...

— Можешь не продолжать, это и так заметно. Выбраться бы отсюда живыми...

— Вот и я думаю: не слишком ли нам везет? Почему за нами нет погони? Почему в храме так тихо? Ведь здесь тьма охранников! Где они все?

— Мы только что с Другом уложили тройку хха, но, насколько я понимаю, система тревоги пока не запущена. Возможно, это следствие деятельности наших невидимых друзей, того же Безыменя к примеру, может быть, нам помогают волхвы. Не суть важно. Главное, что нам надо доделать начатое, и за это мы в ответе.

— Согласен. Где твой Друг или как там его?

— Он посвященный Витязь, ученик деда Евстигнея, и,

оказывается, имеет задачу подстраховывать нас. Велел двигаться к озеру.

— А где наш волчара?

Илья оглянулся на Владиславу, и та мгновенно ответила ему быстрым полувопросительным взглядом.

— Слава, Огнеглазый куда-то убежал, можешь его позвать?

Девушка кивнула, сложила пальцы левой руки определенным образом, приложила ко лбу и округлила рот, словно собиралась крикнуть, но не издала ни звука. Постояв так некоторое время, расслабилась.

— Он сейчас прибежит.

— Ждать некогда, придется идти без него. Антон, пойдешь впереди, женщины за тобой, я замыкающим. Будьте внимательны. Вперед!

Отряд двинулся прочь от камня с дырой подземного хода под ним, обогнул муравьиную колонну, почему-то не рискуя напасть на людей, и углубился в лес. Обострившиеся чувства всей четверки представляли происходящие вокруг изменения полевой обстановки таким образом, будто со всех сторон двигались невидимые массы холодного и теплого воздуха, лопались воздушные пузыри, шевелились ожившие деревья, дышала под ногами земля, а уже через несколько минут напряжение, охватившее всех, превысило некий порог понимания, и беглецам стало ясно, что, несмотря на отсутствие внешних признаков: воя сирен, тарактения моторов машин и вертолетов, криков, команд, выстрелов, — в лагере противника поднялась тревога. Сотник верховной жрицы наконец очнулся и привел систему охраны в полную боевую готовность.

Результаты этого включения не заставили себя долго ждать.

Сначала беглецы едва не свалились в замаскированную магическим заклинанием яму: издали она казалась твердым бугорком, поросшим свежей зеленой травкой. Именно эта травка, отличавшаяся по цвету от жухло выцветшего ландшафта, и заставила Антона свернуть в сторону в самый последний момент, когда нога его уже ступила на краешек зеленой возвышенности.

Тотчас же раздался глухой подземный стон, будто оборвалось что-то металлическое, трос или проволока, и весь зеленый бугор провалился сам в себя, превращаясь в рыхлый ко-

тел грязи и пены. Антон еле успел выдернуть из трясины ногу и на четвереньках, держа одной рукой плиту Врат, отбежал от образовавшегося котлована.

Следующая «мина» сработала почти сразу же за первой.

Они были уже недалеко от озера, просматривающегося сквозь частокол осин, берез, ив и сосен, как вдруг недалеко раздался вой, треск ветвей, шум и рычание, будто в кустах сцепились в жестоком бою хищные звери. Впрочем, так оно и было. Подобравшись к источнику шума, Илья увидел двух рвущих друг друга волков и узнал в одном из них Огнеглазого, хранителя Владиславы. Недолго думая, выцелил противника Огнеглазого и выстрелил из арбалета, всаживая стрелу в бок зверя. Подскочил к хищникам, принадлежащим разным «службам», поближе, собираясь выпустить вторую стрелу, добить раненого волка, и едва не поплатился за нерасчетливость.

За волком, стерегущим территорию храма, следовала группа хха, и лишь торопливость одного из них, выскочившего на поляну сбоку чуть раньше, чем следовало, спасла Илье жизнь. Он изменил направление броска, выпустил в монаха стрелу и тут же метнулся в другую сторону, уходя от разряда жезла Силы другого бородача. Однако больше охранники ничего сделать не успели. Раздались два негромких щелчка, и оба монаха в черном попадали на землю с дырами в головах. Снайпер стрелял с расстояния всего в два десятка метров и промахнуться не мог.

— Друг? — окликнул его Илья и услышал удаляющийся голос:

— К лодке! Быстрее!..

Илья потрепал подбежавшего Огнеглазого за ушами, шепнул: «Догоняй наших», — и побежал следом, чувствуя, что впереди его ждет еще один сюрприз.

На этот раз сюрпризом оказалось появление сотника с отрядом хха в десять человек. Как он вычислил местонахождение беглецов, было не важно, это была его территория, контролируемая множеством живых датчиков — от насекомых до зверей и птиц, но выбрал он момент не совсем удачно, так как беглецы успели подготовиться к нападению, а Илья и во все оказался вне круга западни.

Если бы сотник сразу начал атаку (в его распоряжении находились трое колдунов, вооруженных жезлами Силы, остальные монахи — бывшие спецназовцы — кроме ножей и метательных снарядов имели еще и вполне современные

пистолеты-пулеметы), то, естественно, Антон не смог бы оказать сопротивление, защитить женщин и сохранить Лик Беса. Но Лиховский, уже зная о гибели верховной жрицы, в предвкушении власти — он теперь становился главным хозяином храма — решил продлить удовольствие и всласть позиздеваться над тем, кто мог его убить, но пожалел.

— Вот мы и снова встретились, Витязь, — с кривой улыбкой вышел он из-за спин дюжих сторожей храма, окруживших Антона со спутницами со всех сторон на небольшой полянке с зеленым бугорком посредине. — Недалеко ты ушел, надо признаться. Я думал, ты давно мчишься по Ильмень-озеру домой. Правда, я и там бы тебя достал, но, к счастью, ты задержался, чтобы доставить мне радость. Теперь ты останешься здесь... навсегда, и баба твоя достанется мне. Жрицей я ее сделаю, не возражаешь? А Врата верни, не нужны они тебе, господин хороший.

Антон оглянулся на Валерию и Владиславу, ответивших ему испуганно-отчаянными взглядами, и, почти не шевеля губами, чтобы не услышал сотник, промолвил:

— Как только прыгну — бегите! Не попадите на зеленую плешь — это «мина»! Вас эти уроды не тронут.

— Что ты там бормочешь? — осведомился Лиховский брюзгливо. — Инструкции давать поздно. Не тяни время, Гром. Так ведь тебя прозвали? Дай мне эту штуку, которую ты держишь под мышкой, одни неудобства от нее.

— Вам упаковать или как? — с иронией произнес Антон.

Сотник поднял сук, направляя острие жезла Силы в лицо Грому.

— Давай, не шали.

Антон перешел в состояние боевого транса, почувствовал ментальный «шепот» подкравшегося вплотную к отряду хха Ильи и, мгновенно сорвав с плиты Лика Беса безрукавку, выставил ее перед собой:

— На!

Сотник, не ожидавший подобного поворота событий, отшатнулся, цепь монахов дрогнула, отступая, и в то же мгновение Илья выстрелил из арбалета в ближайшего к нему бородача с дубинкой жезла Силы. Антон метнул нож, целя в монаха за спиной. Валерия и Владислава, выполняя его команду, бросились бежать в образовавшуюся брешь, и Илья вынужден был заняться теми подчиненными сотника, которые устремились за беглянками. Одного он достал последней

стрелой, во второго «выстрелил», используя арбалет в качестве жезла Силы, а двух других, уже поднимавших пистолеты-пулеметы, нашли пули Друга, как всегда появившегося в самый необходимый момент.

Антону досталось больше.

Сотник успел метнуть в него молнию Силы, но попал прямо в почерневшую на воздухе плиту Врат с изображением Морока. Плита сработала, как щит, отразив молнию, попавшую в одного из монахов, раскалилась, с шипением стала плеваться искрами, и Антон бросил ее на парня справа от себя, надеясь остановить его хотя бы на миг. И прыгнул к сотнику, ногой выбивая у него из руки жезл Силы.

Послышалась недлинная, в семь-восемь патронов, очередь: один из еще живых охранников открыл стрельбу из пистолета-пулемета и упал с дырой во лбу. Но одна из пуль все же отыскала цель: Антон почувствовал толчок в правое плечо, слегка развернувший его влево, острую боль, но не остановился, видя, что сотник достает из-под ремня пистолет и направляет ствол ему в живот. Ударил. Сотник выстрелил, но пуля ушла в небо, и тогда Антон в подкате отбросил противника ногами на зеленую травку в центре поляны.

Раздался знакомый рыдающий всхлип, холмик с яркой зеленой травой просел сразу на полтора метра вниз, превращаясь в грязевой котел, мелькнуло перекошенное лицо главного хранителя храма с выпученными глазами, послышался тяжелый всплеск, крик, и сотник исчез в трясине, взорвавшейся множеством воздушных пузырьков.

Антон, чувствуя, как немеет рука и по локтю ползет горячая струйка, смотрел на успокоившийся котлован с толстым слоем зеленоватой пены и думал лишь о том, что идти им еще далеко, а сил почти не осталось. Смотрели с ужасом на огромную яму и Валерия с Владиславой, и Илья, и ангел-хранитель экспедиции, посланец деда Евстигнея, и даже волк, также принимавший участие в схватке. Потом Друг сказал негромко:

— Мы на шумели. Уходите немедленно. Сейчас здесь появится враг посерьезней.

— Идем с нами.

— У меня своя задача. — Друг с усмешкой подмигнул Илье, ответил на его рукопожатие и показал пальцем на карман пашинской куртки. — Ты не забыл, что у тебя талисман Хозяйки?

— Какой талисман? — не сразу сообразил Илья. — Тот, что дед мне дал?

— Нет, перстень. Он снимает заклятия, открывает замки, сигнализирует о ловушках. Защиита, конечно, слабенькая, но какая ни есть, не назад же несть?

— Я не знал...

— Теперь знай. Вам туда. — Ученик Евстигнея показал на озеро. — Садитесь в лодку и попытайтесь отбиться от погони, я задержу эмиссара. Этого парня я оставляю себе. — Он прижал к ноге волка, и они один за другим исчезли в зарослях лещины.

— За мной! — скомандовал Илья, но его остановила Валерия:

— Громов ранен!

Илья повернулся к Антону.

— Ты ранен? Куда? Что ж молчал?

— Ничего, потерплю. Пуля застряла в плече.

— Ну-ка, покажи.

— Не стоит, у нас нет времени...

— Снимай рубаху, у тебя весь рукав в крови.

Антон отвел руку Ильи, сказал твердо:

— Я потерплю! Мы должны убраться отсюда как можно быстрее..

— Я могу остановить кровь, — тихо предложила Владислава.

— Это и я могу делать, — отстранила всех Валерия. Осторожно прижала ладони к раненому плечу Громова, закрыла глаза, пошевелила губами, словно читала молитву, и отняла руки.

— Ну, как?

— Ты волшебница! — улыбнулся Антон. — Ей-богу, даже болеть перестала!

— В путь, — коротко бросил Илья, подобрал остывший Лик Беса, и отряд поспешил к берегу озера, надеясь, что драться больше не придется.

Обратный путь до спрятанной в тростнике лодки не занял много времени. Все мчались как на крыльях, уже не заботясь о скрытности передвижения и маскировке, хотя не забывали и об осторожности, огибая подозрительные холмики и ямы на приличном расстоянии. Лишь однажды им пришлось задержаться, когда впереди вдруг стали ни с того ни с сего валиться

громадные деревья, создавая нечто вроде искусственного завала. Однако Илья сориентировался правильно, и беглецы обошли полосу вывала леса по колено в воде, вдоль берега озера, весьма топкого, но выдержавшего тяжесть людей. И все же совсем без инцидентов убежать из владений храма не удалось.

Они уже садились в лодку: Антон первым, затем женщины, Илья подстраховывал их, стоя на берегу лицом к лесу с арбалетом в руках, — как вдруг на берег из леса хлынула волна муравьев. Вернее, насекомых, большую массу которых составляли муравьи. Но были здесь и жуки всех форм и размеров, кузнечики, лесные жужелицы и медведки, пауки и какие-то многоногие козявки, а также летающие виды — осы, шершни, пчелы, слепни и комары. Запоздай беглецы с посадкой хотя бы на полминуты, агрессивная волна насекомых захлестнула бы их с головой, а так пострадали только Илья и немного Антон, искушенные летающими «штурмовиками» — осами и слепнями. Женщины отделались легким испугом.

К счастью, мотор завелся сразу, как только Илья дернул за рукоятку дросселя. Лодка отошла от топляка, набитая пассажирами под завязку, едва не черпая бортами воду. Илья, загружавший в нее плиту с Ликом Беса, первым отметил, что плита потяжелела. Если в начале пути она весила около десяти килограммов, то теперь уже не меньше двадцати, и похоже было, что с каждой минутой ее вес возрастал. Илья видел это по увеличивающейся осадке лодки. Но остановить этот процесс они не могли, поэтому Пашин всецело предался управлению лодкой, предоставив Антону право следить за обстановкой и обороняться в случае неожиданного нападения.

Валерия и Владислава скорчились на дне моторки, полагаясь на мужчин, молясь в душе, чтобы все их приключения наконец закончились, и все-таки девушка первой почувствовала погоню, подергала за рукав Антона:

- Они где-то рядом!..
- Кто?
- Плохие люди...

Затем и Антон увидел этих существ; людьми назвать их не поворачивался язык.

С двух сторон протоки, куда уже вошла лодка, вдоль ее берегов с огромной скоростью мчались звероподобные гиганты с плоскими лицами, похожие на того «снежного человека», с которым имел честь сражаться Антон возле покоев верхов-

ной жрицы. Их было десятка полтора, и мчались они так, будто бежали по ровной асфальтовой дорожке, а не по топкой пересеченной местности, заросшей уремой и раменьем — густым дремучим неухоженным лесом.

— Навьи воины! — вскрикнула Владислава, побледнев.

— Чем они опасны, кроме силы и неуязвимости? — быстро спросил Антон.

Словно отвечая на его вопрос, у бортов лодки вдруг начали вырастать фонтанчики дыма, что, как уже знали путешественники, означало стартовую фазу какого-то недоброго заклинания.

— Держитесь! — рявкнул Илья, увеличивая скорость и поднимая над головой тускло блеснувший перстень в форме змеи.

Лодку тряхнуло, и тотчас же в кильватерной струе воды в нескольких метрах от кормы моторки совершенно бесшумно поднялся в воздух огромный водяной столб, напоминающий фонтан от взрыва подводной мины. Впрочем, это и в самом деле был взрыв мины, только не обыкновенной, а магической. Перстень верховной жрицы «сбил настройку» заклинания, и мина взорвалась на мгновение позже, чем следовало.

Затем водяной пузырь лопнул впереди, но лодка пронеслась над ним до того, как он превратился в пароводяной столб. И наконец еще два «взрыва» догнали моторку уже на выходе из протоки в озеро, причем один из них произошел почти под лодкой. Корму моторки подкинуло вверх, пассажиры едва не повывлетали из нее, мотор заглох, и в наступившей тишине стало слышно, как вдоль берегов протоки трещит валежник под ногами навьих воинов.

— Весла! — не потерял самообладания Илья.

Антон вытащил весла, вставил в уключины и начал грести, не обращая внимания на боль в простреленном плече. Владислава сжала в руке оберег бабы Марьи, глаза ее сузились, взгляд стал враждебным, физически отталкивающим: она пыталась остановить навьев справа по борту своими методами. Валерия, глядя на нее, взялась за карабин, направляя ствол на левую сторону протоки. Ширина русла здесь была небольшой, метров пять, и до моторки можно было дотянуться палкой, не говоря уже об оружии посерьезней.

— Стреляй только в тех, у кого в руках острые сучья, — посоветовал Илья, все еще держа над головой перстень Пелагеи.

В ту же секунду Валерия выстрелила.

Один из мужиков в черном, приблизившийся к берегу на расстояние броска, кувыркнулся через голову, врезаясь в ствол осины, и хотя он почти сразу же поднялся, но двигался уже медленнее и неувереннее. Валерия выстрелила еще раз и еще, отбрасывая сующихся к воде навьев одного за другим, и в это время лодка наконец вырвалась из протоки в озеро.

— Горите вы все синим пламенем! — пробормотал Илья, бросая перстень через плечо, в начало протоки.

И произошло чудо! Навьи, выбежавшие на берег по обеим сторонам протоки, готовые кинуться за лодкой вплавь, вдруг взвыли, заметались между деревьями и загорелись! Взметнувшиеся языки огня охватили каждого со всех сторон, превращая давно умерших людей в живые факелы, и цвет пламени был действительно синим, с голубым просверком.

Антон начал грести медленнее, плечо у него болело все сильнее, и Пашин сам сел на весла. Валерия, бледная от пережитого, но с решительно сжатыми губами, опустила карабин, перебралась к Громову, стала греть ему плечо ладонями. Улыбнувшись, он поцеловал ее пальцы, чувствуя облегчение.

— Неужели ушли?

— Еще нет, — сквозь зубы проговорил Илья. — Боюсь, в запасе у хха еще есть сюрпризы.

— Куда ты гребешь, в лагерь?

— Туда нельзя, — торопливо сказала Владислава. — Там... недобрые люди... много... камень лучше всего сжечь на поляне жизни, где есть выход Сил...

— С родником, что ли? — сразу понял Илья. — Я знаю, где это место. — Он начал грести к берегу. — Высадимся здесь. Девочки, вам придется помогать, плита становится все тяжелее.

Лодка действительно осела в воду так, что каждый гребок заставлял нос моторки нырять, но все же они успели продраться сквозь заросли тростника и осоки, преодолели тину и водоросли болотистого края озера и пристали к берегу, прежде чем лодка начала тонуть. Антон попытался вытащить из нее плиту с изображением беса, но с трудом приподнял лишь ее край.

— Ого! Да она теперь весит килограммов сто!

— Чует демон, что конец приходит его набегам в наш мир!

Илья присоединился к Антону, вдвоем они перекатали камень на кучу валежника, примериваясь, как удобней нести

его дальше, и в это время Владислава издала приглушенный возглас:

— Илья! Сюда кто-то...

— Стоять, господа Витязи! — раздался из-за кустов чуть выше по откосу берега резкий женский голос, и к лодке вышла Анжелика с карабином в руках, направила ствол на поднимающих головы мужчин. — Опустите Врата! Руки за голову! И два шага назад! Быстро!

Илья и Антон переглянулись.

— Ты что, Анжела? С ума сошла? Что за шутки?

— Руки за голову! — Врач экспедиции потянула спусковой крючок карабина, целя Илье в лоб. Глаза у нее были черные, равнодушные и пустые и от того еще более страшные. — В воду!

Мужчины повиновались, прикидывая свои возможности и не решаясь начинать активные действия, зашли в воду по колено.

— Анжел, ну что ты в самом деле, — попытался уговорить женщину Илья. — Какая муха тебя укусила? Ведь это же мы, твои друзья...

— Молчать! — без выражения бросила она, повернула голову к разглядывающим ее женщинам. — Теперь ваша очередь. В воду!

— Ох ты ж и стерва! — очнулась Валерия. Изумление в ее глазах уступило место возмущению и гневу. — Значит, и в самом деле это я по твоей милости попала в храм! Ах ты ж змея!..

Ствол помпового ружья глянул на жену Гнедича, и Антон поспешил вмешаться:

— Лера, она не виновата, успокойся. Кто-то из слуг Морока ее запрограммировал...

— Молчать! — Анжела посмотрела на Громова и снова угрожающе повела стволом в сторону женщин. — Я кому сказала! Вылезайте из лодки!

И в этот момент Владислава, вытянув вперед руку с амулетом бабы Марьи, сошла на берег и медленно начала подниматься к Анжелике, глядя на нее ставшими огромными и яркими глазами.

— Стой! — сдавленным голосом проговорила Анжелика. — Застрелю! — Но слова она произносила с трудом, и было видно, что женщина борется с собой, а может быть, с невидимой внешней силой. — На колени, ведьма!

До выстрела оставались какие-то мгновения, палец Анже-

лики побелел на спусковом крючке карабина, и тогда Илья сорвал с шеи амулет деда Евстигнея и прыгнул на берег с криком:

— Берегись!

Анжелика вздрогнула, выстрелила. Заряд дробы пролетел между Владиславой и Ильей, изрешетил лодку. Несколько дробинок досталось Валерии, она вскрикнула. Антон метнулся к ней, чтобы загородить собой, но из-за кустов за спиной Анжелики поднялась рослая фигура, и врач экспедиции нырнула головой вперед от мощного удара в спину, пролетела по воздуху несколько метров и вонзилась головой в затянутую ряской, поросшую кубышками и водорослями поверхность озера. Человек — это был Серафим — сплюнул, мрачно посмотрел на застывших товарищей.

— Что рты разинули, давно не видели? Вылезайте быстрее, сейчас сюда прискачут киллеры подполковника, я тут с ними маленько воюю.

— С кем ты воюешь? При чем тут подполковник?

Серафим глянул на Валерию, отвел глаза.

— Потом объясню, сматываться надо. Пошевеливайтесь, черт бы побрал все спецслужбы вместе взятые!

— Тогда помоги тащить эту плиту, — опомнился Илья. — Антон, возьми у... м-м... врачихи карабин и давай на берег, пойдешь сзади всех. Слава, Лера — на берег, пойдете за нами.

Тымко приподнял плиту с изображением демона, чертыхнулся.

— Зараза! Это и есть ваш Лик Беса? Как вы его волокли?!

— Он был гораздо легче. Берись.

Илья и Серафим подняли завернутый в безрукавку камень, продрались сквозь кусты, не обращая внимания на ворочавшуюся в грязи Анжелику, будто ее не существовало во все. Валерия с брезгливой жалостью протянула бывшей подруге руку, но Владислава оттащила ее от воды.

— Не трогайте ее! Она заморочена, и в ней еще осталась черная Сила.

Валерия отдернула руку, отошла назад, опираясь на локоть Антона, благодарно обняла Владиславу, и они поспешили за ушедшими вперед мужчинами, уже не беспокоясь о судьбе несчастной, ставшей агентом Морока.

Но до места назначения отряд не дошел, успев преодолеть всего около двухсот метров. Возле маленькой ложбинки, окруженной березами и соснами, их ждала засада.

Цепь пятнистых фигур выросла вокруг них в мгновение ока, совершенно неожиданно, так что никто из мужчин не успел занять позицию для отпора, и лишь несколько мгновений спустя Илья почувствовал ш е в е л е н и е насекомых в траве по всей поверхности ложбины и понял, что они направились на еще одну «мину» хранителей храма, рассеивающую внимание и поддерживающую недобрые замыслы.

На какое-то время все замерли, будто кто-то нажал на кнопку стоп-кадра видеоманитофона и картина остановилась. И лишь когда пауза затянулась, превращаясь в колдовской столбняк, в неестественное оцепенение, в состояние почти полного бездумья, на край ложбины вышел громадный, тяжелый, похожий на борца человек с толстым и острым суком в руке. Антон узнал в незнакомце гостя верховной жрицы, покинувшего подземный грот под храмом до гибели Пелагеи.

«Борец» мельком глянул на застывших спецназовцев, поманил к себе пальцем Илью и Серафима.

— Подойдите.

Серафим с готовностью шагнул к нему, Илья же замешкался, пытаясь сопротивляться ментальному приказу, плита с Ликом Беса упала на траву, зашипев, как рассерженный кот.

Зашевелился Антон, на мгновение сбросив с себя путы гипнотического воздействия, поднял карабин, но снова замер, когда Клементьев с некоторым недоумением перевел взгляд на него. Шевельнулась и Владислава, также нашедшая силы сопротивляться гипноатаке, и Клементьев вынужден был обратить внимание на нее. Но тут же очнулся Илья, потом Антон, Валерия и опять Владислава, эмиссару Морока пришлось напрягаться, чтобы заставить противников не двигаться, и когда разозленный сопротивлением Клементьев собрался расправиться с каждым по очереди, в центре ложбины объявился высокий седой старик в плаще и сапогах, с посохом в руке. Это был дед Евстигней.

Клементьев замер, поворачивая к нему крупную, как котел, голову. Наступила короткая пауза, полная невыносимого напряжения. Потом Клементьев и волхв одновременно направили друг на друга свое оружие — посох и суковатый жезл Силы. Сверкнули две молнии, золотая и фиолетово-зеленая, столкнулись в воздухе, сверкнула яркая радужная

вспышка. Людей качнула странная, искажающая перспективу воздушная волна, кое-кто из них упал.

Клементьев произнес какое-то к и п я щ е е слово, поднял руку и метнул в противника туманный шарик. Волхв отбил его посохом, но шарик растекся по земле огненным пунктиром и образовал полукруг, охвативший старика сзади. Повеяло холодом, в воздухе заплясали снежинки. Клементьев снова поднял руку, собираясь д о с т р о и т ь заклятие, но в этот миг Илья «выстрелил» в него разрядом собственной Силы, воспользовавшись валявшейся под ногами сухой веткой, Владислава добавила своей Силы, держась за оберег бабы Марьи, а Валерия прошептала:

— Изыди, Сатана!..

И Клементьев не смог закончить атаку на волхва, вынужденный сражаться на два фронта. Преисполненный ярости, он ударил группового противника в полную силу, но неожиданно его психоэнергетическая атака натолкнулась на м а с с и в н у ю «гору» ментального ответа, и эмиссар Морока со страхом почувствовал, что стоит на краю гибели.

Однако его удар по сознанию путешественников был достаточно силен, чтобы они не смогли продолжать сопротивление. Зато вышел из-под контроля эмиссара Антон.

— Держите, дедушка! — крикнул он, бросая волхву бутылку с двумя горлышками, которую завещал передать Евстигнееву Безымень.

Старик не сплеховал. Поймал бутылку, почти не двигаясь с места, поднял ее над головой.

— Остановись, фарварши!

Клементьев замер. Языки огня, пляшущие на половинке окружности вокруг деда, стали уменьшаться, втягиваться в землю, погасли. Стало тихо. Команда Ильи начала приходить в себя. Серафим и спецназовцы из команды «зачистки» ФСБ так и продолжали стоять на своих местах, не в силах побороть оцепенение.

— Уходите, — сказал Евстигней, глянув на Илью. — Забирайте Врата и уходите на поляну жизни. Бросьте Врата в костер.

— А вы?

— За меня не беспокойтесь. Я поговорю с этим господином и догоню вас.

На лбу Клементьева выступила испарина, лицо его стало п л ы т ь, меняться, сквозь него проглянул Лик Беса, такой же, как высеченный на плите Врат.

— Отдай модуль, старик! Иначе я уничтожу весь остров! Я вызвал Господина... да придет Тот, чье имя будет произнесено!

— Его имя не будет произнесено, фарварши. Он нарушил Равновесие, и мы просто ограничим ему доступ в нашу реальность. Без всяких условий и соглашений. Мы считаем, это справедливо.

Клементьев увеличился в размерах, костюм на нем лопнул, в прорехи стала видна чешуйчатая зеленоватая кожа, хотя лицо еще оставалось наполовину человеческим.

— Верни Врата, старик! Ты тоже смертен!

Евстигней нахмурился, посмотрел на Илью.

— Уходите!

Пашин очнулся, махнул Антону.

— Помоги.

— Серафим...

— Он в ступоре, потом догонит.

Они подняли еще больше потяжелевшую плиту и, преодолевая сопротивление ставшего вязким и густым воздуха, потащили в лес. Уронили. Снова подняли. Женщины подбежали к ним, стали помогать, похожая на похоронную процессия исчезла за деревьями. В ложбине остались стоять друг против друга эmissар Морока и Евстигней, окруженные живыми манекенами бойцов спецназа.

— Я... тебя... уничтожу! — прохрипел Клементьев уже почти нечленораздельно.

— Попробуй, — усмехнулся волхв. — А я тебя, может быть, и помилую. Я здесь хозяин, а ты пришлый, я был до и буду после, а о тебе забудут уже завтра. Что мне смерть? Переход. А для тебя она — смерть! Чем ты меня испугать собрался, нелюдь? За моей спиной — вся Русь! Неужели не чувствуешь? А за тобой что? Навь?

— Они... не успеют... уничтожить... Врата...

— Ошибаешься, фарварши. — Евстигней рассмеялся, щедро тратя свою немалую, но не бесконечную Силу. — Они — успеют!

Он поднял голову, и волосы его в лучах солнца стали золотыми.

ИСХОД ЗВЕРЯ

Глава 1

ШАВАШ БРАТ

Ветер стих, и островом завладела тревожная противоестественная тишина. Лес замер, словно прислушиваясь к ней и вглядываясь в поляну с поваленными и давно высохшими деревьями, как один лежащими вершинами к центру. Полная луна вышла из-за туч, высеребрила мрачный пейзаж, не избалованный разнообразием красок даже днем. Теперь же в его палитре присутствовали всего два цвета — черный и прозрачно-желтый.

Однако тишина длилась недолго.

В протоке, отделяющей небольшой озерный остров от материка, появилась вереница лодок, послышался скрип уключин, журчание воды, плеск. Лодки пристали к пологому песчаному берегу, из них начали выпрыгивать люди в черных плащах с остроконечными капюшонами. Их было много, не менее полусотни, и каждый нес в руке крест со странным образом загнутыми концами. Затем из лодок выгрузили на берег два мешка. Один положили на носилки, и четверо мужчин в черном взялись за ручки. Судя по их усилиям, мешок был очень тяжел. Второй мешок взвалил на плечи последний из прибывших и понес за остальными, направившимися к поляне в лесу, упавшие деревья на которой образовывали своеобразную многолучевую звезду.

Прибывшие окружили центр поляны — черную плешь с невысоким бугром. Они сняли с носилок мешок, вынули из него содержимое — плоскую каменную плиту поперечником в метр и толщиной в три десятка сантиметров — и водрузили на вершину бугра, создавая нечто похожее на алтарь. Плита была темной, при дневном свете скорее всего буро-коричневой, цвета запекшейся крови, с высеченным на ней изображением какого-то апокалиптического лика.

Носилки унесли. Монахи взялись за кресты с изогнутыми концами, подняли их над головой. В лунном свете стали видны выбитые на верхних концах крестов пятиконечные звезды, самый длинный луч которых смотрел вниз.

Последний монах принес мешок с шевелившимся внутри живым существом, развязал и вытряхнул на землю козла с длинными витыми рогами. Козел ударился о камень, вскочил, очумело затряс головой и заблеял.

К алтарю приблизился высокий горбатый монах, вытянул к каменной плите свой крест и заговорил на неизвестном языке, слова которого состояли почти из одних согласных. Звезды на крестах налились мрачным багровым свечением. Воздух всколыхнулся, поднялся ветер. Горбатый предводитель церемонии прокричал еще несколько трещащих слов, хлестнувших пространство поляны. Откуда-то снизу, из недр острова, послышался тяжкий рокочущий гул. Вокруг недрогнувшей цепи черных монахов завывало и загрохотало. С небес сорвалась яркая зеленая молния, вонзилась в каменную плиту, которая на несколько мгновений засветилась изнутри призрачным зеленоватым светом.

В тот же миг монах, принесший козла, ножом вспорол ему горло, схватил за ноги и перевернул вниз головой, так что струя крови брызнула на камень. Зашипело. Раздался громовой удар. Снизу, из-под плиты, вырвался сноп фиолетово-зеленых молний, пронзил камень, ставший прозрачным, как стеклянная глыба. Голова демона, высеченная на нем, приобрела объем, как бы высунулась из плиты, выросла над поляной, доставая макушкой вершин деревьев, ожила. Однако глаза демона остались пустыми, мертвыми, и голова полудракона-получеловека, повернувшись пару раз в разные стороны, втянулась обратно в почерневший, словно обуглившийся камень. Раздался еще один удар, грохот, гул. Земля задрожала. Вершинами к центру поляны упало еще несколько деревьев. Казалось, сейчас разверзнется бездна и поглотит все и вся: монахов, деревья, алтарь, главного колдуна.

Но через некоторое время грохот прекратился, а ветер стих. Концы крестов перестали светиться. Монахи молча спрятали их в складках плащей, потянулись назад, к лодкам. Четверо обернули погасший, дурно пахнувший камень в черную ткань, уложили на носилки и с трудом понесли к берегу. Впечатление складывалось такое, что плита резко потяжелела.

В центре поляны остался только один горбатый монах, со-

гнувшийся под тяжестью неудачи, опиравшийся обеими руками на суковатый посох. Мерзкий запах — все, что осталось от убитого и сожженного черной энергией козла, — его, казалось, вовсе не беспокоил.

— Ритуал устарел, — глухо пробормотал он. — Модуль сгорел и не откроется... Да придет Тот, чье имя будет произнесено!

Из бугра в центре поляны с визгом вынеслась в небо длинная фиолетовая искра, расплылась дымной светящейся струей, погасла.

Горбатый монах не пошевелился, глядя куда-то сквозь землю как зачарованный. Потом прошептал какое-то каркающе-свистящее слово и побрел с поляны в лес. В лодку он сел последним. Заработали весла, лодки направились по протоке к озеру, скрылись за стеной тростника. Некоторое время был слышен скрип уключин и плеск воды. Стих.

Луна высветила серебристо сверкнувшую в воздухе птицу, парящую над островом. Это был гигантский альбатрос. Покружив над поляной, где состоялась таинственная мистерия, он взял курс на юг, затерялся в небе, исчез.

Вернувшись в свою скромную келью, запрятанную в недрах храма Морока и недоступную не только простым смертным, но и мало кому из посвященных магов, горбатый устроитель черной мессы, которого звали Хрисанфом или чаще Хрисом, сбросил плащ-сутану и остался в черном кафтане с атласными отворотами и обшлагами, украшенными вязью геометрических фигур, которая была видна только при определенном угле зрения. Походив из угла в угол неуютного тесного помещения с единственным стулом и кроватью у стены, он вышел из кельи и направился по коридору нижнего уровня в ту часть храма, где располагались покои верховной жрицы Пелагеи, сожранной год назад Древним. Ее пост до сих пор оставался незанятым, так как не находилось достойной приемницы.

Пройдя первую и вторую кельи, соответствующие двум уровням бытия: отшельнически покаянному, монашескому — для работы с послушницами и жрицами храма, и уровень го-стхи, уровню общения с теми, кого желала лицезреть Пелагея, Хрис сотворил заклинание и вошел в третью келью, келью с б р о с а эмоций. В этой комнате, больше напоминаю-

шей номер люкс в пятизвездочном отеле, верховная жрица отдыхала и занималась плотскими утехами.

Оглядев келью, Хрис открыл неприметную дверцу в стене за громадной кроватью жрицы, понюхал воздух и закрыл дверцу. Она вела в комнату Ю, где хранился когда-то запас юаньшэньши — дыхания Морока, его мистической энергии. Однако запас юаньшэньши Пелагеи давно закончился, и подзарядиться энергией Господина было уже невозможно.

Вздохнув, Хрис открыл дверцу упрятанного в другую стену бара и долго копался в его содержимом, пытаясь отыскать сосуд с ниргуной. Не нашел, плюнул в сердцах, достал бутыл темно-коричневого стекла и сделал из горлышка бутыл большой глоток. Замер, закатив глаза, шумно выдохнул, прослезился. Сделал еще один глоток, поменьше, и поставил бутыл обратно.

— Старая стерва! — выговорил он сквозь зубы. — Это же чистый стрихнин, а не ром!

Подойдя к кровати, маг храма представил лежащую на ней восемнадцатилетнюю красавицу, в которую могла превращаться верховная жрица. Глаза его на несколько секунд стали масляными. Он потрогал роскошное стеганое атласное покрывало, присел на край ложа, и в этот момент что-то произошло.

Воздух кельи наполнился невидимым темным светом и жизнью. Стены комнаты вздрогнули. Кровать шатнуло. И тотчас же вычурно-зализанный «трон» домашнего видеотеатра в углу кельи вздохнул как живой, стал зыбким, текучим, меняющим очертания и объем. Двухметровый экран его засветился синим накалом, выпятился, превратился в бельмо жуткого глаза.

Хрис вскочил и тут же сел обратно на кровать на ослабевших ногах.

— Господин!..

В костях черепа мага раздался скрипящий холодно-равнодушный г о л о с:

— Ты не открыл Врата!

— Да, Господин, — склонил голову вспотевший маг. — Модуль выхода был обработан с и л о й противоположного знака и закрылся. Я не в состоянии его разблокировать. Не хватает в л а с т и. Нужна ниргуна. Необходима верховная жрица, имеющая выход на эгрегор творительниц. Нужны послушницы, готовые стать Вашими проводницами.

— Дай мне связь с Черным Веем. Я не слышу его.

— Черный Вей... у ш е л... его нейтрализовал волхв Евстигней.

Телевизор разгневался.

— Почему ты не помешал этому?!

— Агент Черного Вея по особым поручениям Безымень отвлек меня. Он переметнулся на сторону волхвов. Пока я возился с ним, Черный Вей...

— Мне нужен другой чемор! Эмиссар!

— Могу предложить кандидатуру...

— Ты стар и слаб!

— Д-да, Господин, — заикнулся Хрис, действительно собираясь предложить себя. — У меня собрано досье на всех чиновников и олигархов Руси. Есть отличные экземпляры. Например, глава энергетической компании. Или мэр стольного града.

— Нужны люди с властью, но т и х и е.

— Понимаю, «серые кардиналы». Есть и такие. К примеру, глава администрации президента Калошин. Замминистра МВД. Некоторые руководители депутатских фракций Госдумы. Люди, связанные с бизнесом и криминалом. К примеру, председатель Госкомимущества, вице-премьер, министр экономического развития и торговли, генсек Национального олимпийского комитета, заместитель гендиректора ВВЦ и другие. Всего около ста фамилий.

— Твои рекомендации?

— Э-э-э...

— Только не ошибись! Ты и так наделал ошибок, как и Пелагея и Черный Вей. Вы почти провалили дел о! Еще одна ошибка, и...

Голову Хриса пронзил укол дикой боли. Однако он удержался от крика, только согнулся, покрылся испариной, закрыл глаза, не выдерживая черного в з г л я д а ожившего телевизора, в который вселилась «пси-проекция» Морока. Слуга Чернобога все еще бродил по Земле в поисках «сверхудовольствий», не имея возможности вернуться в свой адский мир через свернутые Врата.

— Я понял, Господин.

— Почему ты медлишь с выбором Привратницы?

— Нет достойных кандидатур, Господин. Нужна добровольца...

— Найди!

— Ищу, Господин, — согнулся в поклоне маг. — Есть одна на примете, руководительница секты «Лилит» в Санкт-

Петербурге, колдунья четвертого уровня Посвящения. Ее поддерживает Черное Братство. Называют ее Черной Графиней Евангелиной, мирское имя — Марина. Сорок лет. Богата, имеет собственный остров недалеко от Флориды, исключительно хороша.

— Сходи к ней, предложи пост верховной жрицы.

— Боюсь, Черная Графиня не согласится. Она и так имеет все, что пожелает.

— Предложи, там посмотрим.

— Слушаюсь, Господин. — Хрис ослабел, чувствуя плывущий в ушах звон, но не решаясь прервать беседу, отнимающую много энергии.

— И воссоздай мне Врата! Пора возвращаться. Неуютно мне тут у вас, скучно, нет достойных соперников.

— Я пытался три раза...

— А не пора ли на покой, колдун? Чтобы добиться максимального духовного воздействия на модуль, черной с и л ы недостаточно, необходима Жертва. Не жертва вроде козла или кошки, и даже не жизнь мученика или мученицы — этого мало. Нужна гекатомба! Только гибель множества чистых невинных юниц способна возродить Врата! Начинай собирать гарем.

— Слушаюсь, Господин. У меня есть сведения, что волхв Евстигней, владеющий древними манускриптами п о в е л е в а н и я, работал над составлением рун Свентовита, чтобы вызвать своего белого Бога.

— Белобогу сейчас не до разборок с земными проблемами.

— Тем не менее, если мы найдем рунный гримуар, это поможет нам восстановить модуль входа.

— Так ищи!

— Уже ищу. Но мне нужна помощь... и защита. Волхвы еще имеют с и л у и способны помешать.

— Помощники будут. Я выберу тех, кого ты предложил, они вскоре свяжутся с тобой. Что касается защиты — разве Ягья не охраняет храм? Разве не с его помощью ты спрятал храм в невидь?

— Ягья перестал откликаться. Он проглотил Пелагею и, похоже, подчиняется остаткам ее личности. Уже дважды он самовольно выходил за пределы храма, что грозит утечкой информации.

— Я успокою его, хотя это уже не имеет большого значения. Возможно, ты получишь другого хха. Жди. И с л у ж и!

— Да, Господин.

Хрис привстал, кланяясь «живому» телевизору. Экран телесистемы налился багровым свечением и плюнул в него сгустком алого тумана. Маг отшатнулся, упал на кровать и на некоторое время потерял способность видеть, слышать и думать. Когда он очнулся, телевизор уже «не дышал», возвратившись к прежнему состоянию электронного агрегата. Черная душа Морока покинула его.

Чувствуя возбуждение и непривычный прилив сил, маг пошевелил членами, встал, подпрыгнул, едва не достав макушкой сводчатого потолка кельи. Засмеялся от неожиданности, ощущая горячий ток крови и силы по жилам. «Тень» Морока одарила его порцией юаньшэньши, и он сразу сбросил с плеч полтора столетия. Исчезли мешки под глазами, морщины, кожа на лице перестала казаться пергаментной, глаза засияли, наполненные энергией. Из глубокого двухсотлетнего старика Хрисанф превратился в пятидесятилетнего мужчину, вполне способного понравиться женщине.

— Благодарю, Господин! — Маг низко поклонился телевизору. — Я отслужу.

Он взял колокольчик на стеклянном столике в углу кельи и позвонил.

Открылась неприметная дверь, в келье возник угрюмого вида мужик, заросший волосом до бровей, одетый во все черное. Бывший сотник, предводитель хха, доверенное лицо верховной жрицы Потап Лиховский. Он был мертв, когда его нашел Хрис, и после процедуры воскрешения стал навьем, воином-зомби, а также слугой мага.

— Приведи мне послушницу, — приказал Хрис. — Из новеньких.

Мужик молча повернулся, не удивляясь преображению хозяина, исчез.

Хрис потерял руки, чувствуя сладостное возбуждение...

Глава 2

ИНДИКАТОР СИСТЕМЫ

Всеволод Марьевич Калошин производил впечатление тихой канцелярской крысы и в жизни ни на кого никогда не повысил голос. Он как никто другой умел слушать собеседника и молчать с умным видом, что, естественно, способст-

вовало его продвижению по служебной лестнице. Невысокий, не плечистый, но жилистый, он ходил бесшумно и упруго, что говорило о его неплохой спортивной подготовке, хотя он никогда не демонстрировал свои физические возможности и навыки.

Красавцем он не был: голова огурцом, с обширной лысиной — плешь у Всеволода Марьевича появилась еще в двадцать лет, — реденькая бородка, бледные впалые щеки, бесцветные глаза, манера никогда не смотреть прямо на собеседника — все это, конечно же, не красило Калошина, поэтому тем более удивительным казался тот факт, что жена у начальника аппарата президента России была красавицей. Каким образом ему, пятидесятилетнему тихоне, удалось произвести впечатление на двадцатилетнюю топ-модель идаш-кинского Дома моды, оставалось тайной для всех, кто его знал.

Родился Всеволод Марьевич Калошин в тысяча девятьсот пятьдесят втором году в городе Красногорске Московской области. В тысяча девятьсот семьдесят пятом окончил Калининградское высшее военно-инженерное училище, в семьдесят девятом — Всесоюзный заочный инженерно-строительный институт. Работал в Институте космических исследований, занимал руководящие посты в объединении «Мосинжремонт». В тысяча девятьсот восемьдесят восьмом году ушел сначала на комсомольскую, а потом на партийную работу. Был замечен партийными кадровиками ЦК и встроен в бюрократическую систему как один из перспективных проводников линии партии. Работал в администрации Горбачева, потом Ельцина. Возглавил Фонд экономических и социальных реформ, но потом снял с себя полномочия распорядителя фонда, хотя и остался в совете директоров. В начале двадцать первого столетия он был назначен главой администрации президента.

В принципе, в карьере Всеволода Марьевича, как и у других подобных ему чиновников госаппарата, не было ничего поражающего воображение. Будучи винтиками скрытой системы управления государством, такие люди никогда прямо не выражают своего мнения, ни с кем не спорят, не повышают голос, не конфликтуют, но всегда добиваются своего. Отличие Калошина от коллег крылось в том, что он был не простым винтиком существующей реальной системы

власти, а «индикатором», высвечивающим пожелания властных структур. Ему удалось поработать с тремя президентами страны, и одно это говорило о многом. О том, к примеру, что реальная власть в стране принадлежит не президенту и парламенту, а мощной финансовой группировке, всегда остающейся в тени.

И вдруг что-то произошло. Всеволод Марьевич Калошин изменился. С президентом он по-прежнему вел себя тише воды ниже травы, но с подчиненными заговорил высокомерно, грубо, пренебрежительно и в полный голос. Буквально за месяц, с середины мая по середину июня, он подмял под себя все кремлевские чиновничьи структуры и стал полновластным хозяином Кремля, решая такие вопросы, которые раньше были только в компетенции президента.

Впрочем, его лично это не смущало. Он знал, что делает и ради чего все делает, ибо добровольно стал Черным Веем, эмиссаром Морока, не ошибавшегося в таких людях.

Восемнадцатого июня Всеволод Марьевич принял в своем рабочем кабинете, расположенном на втором этаже Дома Советов — здания администрации на территории Кремля, молодого черноволосого мужчину «кавказской» наружности. Этим мужчиной был Халил Магомедович Савагов, заместитель генерального директора ВВЦ. Разговор двух проводников воли Морока был недолгим и проходил без свидетелей.

— Долго возитесь, уважаемый. — сказал Калошин, не приглашая посетителя сесть; на него он по обыкновению не смотрел. — Где грамоты Евстигнеев?

— Ищем, — пожал плечами Савагов.

— Долго ищите. Неужели так сложно найти всех, кто был связан с волхвом, допросить и выяснить, кому он передал грамоты и рунный володарь?

— Двоих мы уже нашли, они ничего не знают. Осталось еще четверо. Процесс поисков займет не больше недели.

— Даю три дня. Найдите всех причастных к нейтрализации Врат и уничтожьте! Но прежде отыщите володарь!

— Я делаю все от меня зависящее, но... мне мешают...

— Так уберите всех мешающих! Чего вам не хватает?

— Финансирования... и людей.

— Люди будут, деньги тоже. У нас мало времени. Хозяин долго ждать не будет, и если мы оплошаем...

— Я все сделаю, — кивнул Савагов, вытирая вспотевший лоб платком. — Мне бы хотелось в первую очередь убраться директора...

— Это ваши проблемы. Но сделайте это не топорно, а с переносом вины, подставьте кого-нибудь. Хорошо бы сделать так, чтобы он сам ушел с поста директора. Прямая ликвидация нам пока невыгодна. Уровень этого человека довольно высок, и у него есть союзники, которые вполне способны раздуть дело. Придумайте что-нибудь.

— Слушаюсь, Всеволод Марьевич.

— Теперь о ритуальном материале. Сколько девиц вы уже отловили?

— Двадцать пять.

— Мало, нужно не менее пятидесяти. Хозяину необходим взрыв страстей, а не плач нескольких жертв. Набирайте еще. Но не на ВВЦ. Вы уже порядком наследили там, встревожили милицию, а если к исчезновению девок подключится ФСБ, скандала не миновать, и дело сорвется. Ищите в глубинке, Россия велика, красивых целок в ней много.

— Я подготовил одну беспроектную комбинацию, — торопливо проговорил Савагов. — Кастинг. Под видом отбора девушек для съемок фильма на ВВЦ найти еще непробованных и...

— Ни в коем случае! Это сразу насторожит спецслужбы.

— Мы не будем хватать девиц на территории ВВЦ. Выясним адреса...

Калошин хмыкнул, кинул острый взгляд на собеседника, пригладил лысину.

— Хорошо, действуйте. Но в первую очередь займитесь окружением волхва. Гримуары Евстигнея должны быть у меня!

— Слушаюсь!

— Свяжись с Хрисом, подключи его к операции. Колдун уже почти отжил свое, но еще послужит маленько... до ухода Господина. А потом мы его уберем. Пусть только переправит девиц в храм.

— Слушаюсь. Да придет Тот, чье имя будет произнесено!

— Иди.

Савагов с лицом, блестевшим от пота, поклонился и вышел из кабинета Калошина. Хозяин кабинета посмотрел ему вслед и проговорил бесцветным голосом:

— Если уж и этот не справится...

Зазвонил красный безномерной телефон.

Всеволод Марьевич снял трубку, и взгляд его изменился, стал подобострастно-раболопным: звонил президент.

Глава 3

ДАЙ МНЕ ТО, НЕ ЗНАЮ ЧТО

Раз в неделю, преимущественно по субботам, он ходил с приятелями в сауну на Ленинградском шоссе, у Речного вокзала. С момента жутких и невероятных с обывательской точки зрения событий на озере Ильмень прошел год, подробности стали подзабываться, но страх все еще жил в душе инструктора по рукопашному бою Российской школы выживания Серафима Альбертовича Тымко, пережившего встречу со слугами демона Морока и чудом оставшегося в живых. О том, что произошло на озере, он не рассказывал никому, понимая, что ему никто не поверит. А также помня уговор с теми, кто был с ним у стен чудовищного храма Морока.

Пути их разошлись.

Антон Громов женился на Валерии Гнедич и подался в какое-то частное охранное агентство.

Илья Пашин сложил с себя полномочия президента Российской школы выживания, женился на юной Владиславе, которую спас от монахов храма, и отправился с ней в очередную экспедицию на север страны. Вернувшись, он созвонился с Серафимом, поинтересовался здоровьем, спросил — не беспокоят ли? Тымко понял, ответил: все тихо. Пашин пожелал ему удачи и снова убыл в экспедицию. Куда именно — не сообщил.

Таким образом, Тымко, закончивший Днепропетровский институт физкультуры, поучаствовавший в войнах в Афганистане и в Чечне, сменивший множество профессий, а потом устроившийся в Школу выживания инструктором по «барсу», остался один.

Правда, это обстоятельство его не особенно беспокоило. Могучий телом, сильный, с покатыми плечами борца, способного свалить быка ударом кулака, бородатый Тымко никого не боялся, дружбу ни с кем не заводил, будучи индивидуалистом, и был уверен, что ведет единственно правильный образ жизни. То, что знакомые женщины не торопятся вый-

ти за него замуж, Серафима не волновало. Он считал, что еще слишком молод для семейной жизни, хотя пошел ему уже сорок второй год.

В субботу двадцать второго июня он отправился в сауну вместе с Николаем Кудрявцевым, также инструктором школы, но — по экстремальным ситуациям. Николай был на десять лет моложе Серафима, но выглядел старше и походил на родного брата Тымко, такой же кряжистый, здоровый и волосатый, разве что менее шумный.

В двенадцать часов дня они уже сидели в парилке, обливаясь потом, рассказывали анекдоты и ржали. Потом купались в бассейне и ели шашлыки, запивая их пивом. В два часа приехали знакомые девочки, и началось настоящее веселье с общим подогревом — в прямом и переносном смыслах — и купанием. Длилось это веселье до шести часов вечера, пока окосевший Николай не вспомнил, что его ждут дома родственники. Через полчаса он уехал, пребывая в блаженном состоянии уставшего лесоруба.

Тымко позанимался с оставшимися девочками кое-какими физическими упражнениями, отправил их обеих, порывающихся продолжить вечер где-нибудь в других местах отдыха, и с час блаженствовал в джакузи, отходя от нагрузки и жары в парилке. Поплавал, с удовольствием съел еще один шашлык, хотел было пойти собираться домой, как вдруг обнаружил, что он в зале с бассейном не один. У бортика бассейна стояли и молча наблюдали за ним двое мужчин: высокий, хотя и горбатый, в черном плаще, напоминающем монашескую рясу, и пониже ростом, но плечистей, в черной рубаше, безрукавке и штанах без складки. Оба носили бороды и усы, но горбатый был седой, а у его кряжистого спутника волосы были черные как смоль, без единого седого волоска. Кроме того, у горбатого висел на груди странный крест из тусклого желтоватого металла в форме недокрученной свастики.

— Какого хрена вам надо? — обрел дар речи Серафим, запахивая вокруг чресел простыню; он принял гостей за хозяев сауны.

— Он? — глухим насморочным голосом спросил горбатый.

— Он, — ответил черноволосый мужик в безрукавке. — Да придет Тот, чье имя будет произнесено!

— Веди допрос.

Серафим перевел взгляд с одного гостя на другого, нахмурился.

— Вы кто?

— Ходоки, — усмехнулся горбатый. — Пустишь погреться?

— А ну выкатывайтесь отсюда подобру-поздорову, пока я добрый!

Глаза горбатого вспыхнули, и Серафим отшатнулся, получив сильный удар по голове: не физический, а скорее физиологический. Сосуды сжались, перекрывая кровоток, в глазах потемнело. Тымко с изумлением глянул на монахов, помассировал затылок, пытаясь восстановить кровообращение.

— Вот сволочь! Да я же вас...

— Погодь грозить, паря, — пробасил черноволосый. — Напрасное это занятие. Мы знаем, что ты был знаком с дедом Евстигнеем из деревни Парфино, что на Ильмене-озере расположена. Посему у нас к тебе есть два вопроса.

— Да пошли вы со своими вопросами! — рассвирепел Серафим, справляясь с головокружением, и двинулся на пришельцев, разворачивая плечи. — Ну-ка валите от...

Глаза горбатого монаха снова полыхнули черным огнем, и Тымко замолк, словно в рот ему забили кляп, схватился за горло, осел на пол на враз ослабевших ногах. Просипел:

— Вот с-сволочи!..

— Вопрос первый, — продолжал равнодушным голосом черноволосый мужик. — Куда Евстигней подевал свои книги: Волхварь, Скобарь и другие?

— Не знаю, — огрызнулся Серафим. — Я у него в гостях не бывал. Спросите лучше у...

— Спросим, — кивнул здоровяк. — Спросим и у Пашина, и у его дружков. Значит, о книгах ты ничего не знаешь.

— Даже не слышал, что они у него имеются.

— Допустим. Вопрос второй: твой друг Илья Пашин не говорил тебе о тетраграмматоне?

— О чем? — вытаращил глаза Серафим, с трудом поднимаясь с пола.

— Евстигней занимался подбором и сшивкой рун, символов, чтобы составить Имя своего Бога. Он его составил и кому-то передал. Кому? Не Пашину ли?

— А я почему знаю? У Пашина и спрашивайте. Только ничего такого я не слышал. Илья никогда со мной на эту тему не говорил. Траграммон... Чушь какая-то!

Гости переглянулись.

— Может, я открою его? — предложил черноволосый. — Он выложит все, что знает.

— Ничего он не знает, — вздохнул горбатый монах. — Они ему не доверяли свои секреты. Ищи остальных из команды Пашина и его самого.

— Слушаюсь, хозяин. А с этим что делать?

— Он мне не нужен. — Горбатый повернулся спиной к Тымко, направился к стене зала с бассейном, а не к двери. Его рука вошла в стену как в бесплотный слой тумана.

— Ах вы паразиты! — Серафим с воплем прыгнул к мужику, нанес ему мощный удар ногой... и не попал! Промаяхнул! Проскочил по инерции два шага и свалился в бассейн.

Горбатый оглянулся, бросил на барахтавшегося в воде инструктора страшный черный взгляд, и Серафим вдруг перестал колотить руками по воде, пошел ко дну, вытаращив глаза. Горбатый колдун вошел в стену, за ним тем же манером исчез его кражистый спутник.

В зал через несколько секунд ворвались чернявый охранник и служительница сауны, услышав вопль своего клиента, оторопело усталились на бассейн глубиной всего в полтора метра, не понимая, что происходит. Затем бросились вытаскивать клиента из воды. Но было поздно. Тымко уже не дышал, и откачать его спасители не смогли.

Глава 4

ЕСТЬ ТАКАЯ ПРОБЛЕМА

Всероссийский выставочный центр (ВВЦ) в Москве был основан первого августа тысяча девятьсот тридцать девятого года как Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. В тысяча девятьсот пятьдесят девятом году ВСХВ стала называться ВДНХ — выставкой достижений народного хозяйства. Всероссийским выставочным центром ВДНХ стала уже после распада СССР, в тысяча девятьсот девяносто шестом году.

Площадь территории ВВЦ насчитывает свыше двухсот сорока гектаров, на которых размещены шестьдесят восемь выставочных павильонов. Кроме того, на территории находятся сорок шесть памятников истории и культуры, а также открытые выставочные площадки, теплицы и пасека.

Бюджетная эффективность всего комплекса Государственного акционерного общества ВВЦ «зашкаливает» за

три-четыре миллиарда рублей, что не может не волновать чиновников всех уровней, желающих «порулить» столь высокодоходной организацией.

Структура ГАО ВВЦ такова.

Его учредителями являются Российская Федерация в лице Мингосимущества и город Москва в лице Комитета по управлению имуществом. Стратегическими органами управления являются: попечительский совет, общее собрание акционеров, совет директоров, ревизионная комиссия. Тактические органы управления: гендиректор, правление, заместители генерального директора, руководители структурных подразделений, дочерние хозяйственные общества.

Доля Мингосимущества РФ в капитале ВВЦ составляет более шестидесяти девяти процентов, доля Комитета по управлению — около тридцати процентов.

Генеральным директором ВВЦ к моменту описываемых событий являлся Виктор Михайлович Курыло.

Родился Виктор Михайлович в тысяча девятьсот сорок седьмом году в Донецке. Трудовую деятельность начинал после окончания Днепропетровского университета механиком на «Южмаше». Дошел до начальника технического отдела завода. Затем работал первым секретарем райкома комсомола, главным инженером «Южмаша», переехал в Нижний Новгород, стал работать на заводе «Точмаш», дошел до директора объединения. В начале девяностых годов двадцатого века был избран председателем районного Совета народных депутатов. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации, получил степень доктора технических наук и звание профессора. Имеет двадцать научных и методических трудов, награжден медалями за вклад в науку и управление государственной собственностью.

Проработав пять лет заместителем и вице-губернатором Нижегородской области, Виктор Михайлович перешел на работу в Госкомимущество России, стал его председателем, затем заместителем министра госимущества РФ. С тысяча девятьсот девяносто восьмого года он — генеральный директор ГАО ВВЦ, успешно развернувший деятельность этого выставочно-ярмарочного предприятия, крупнейшего в стране.

Одновременно с Виктором Михайловичем в структуре ВВЦ появился и заместитель гендиректора, молодой и амбициозный кандидат сельскохозяйственных наук Халил Магомедович Савагов, закончивший сперва медицинское учили-

ще по курсу акушер-гинеколог, а затем Российскую сельскохозяйственную академию. Несмотря на молодость — Савагову исполнилось тридцать четыре года, — он успел пройти горнило комсомольской работы — от заместителя секретаря райкома ВЛКСМ в Махачкале до секретаря ЦК ВЛКСМ Москвы, стал исполнительным президентом Приватизационной комиссии, приобрел огромное количество н у ж н ы х связей и благодаря этому был назначен первым замом Виктора Михайловича.

Свою деятельность на посту заместителя Халил Савагов, высокий красавец-брюнет с тонкими усиками, черноволосый, черноглазый, гибкий, пользующийся огромным успехом у женщин, начал весьма активно, постепенно прибирая к рукам — ради «более рачительного использования» — структурные подразделения Центра и увеличивая площадь арендуемых угодий. Имея покровителей в чиновничьих структурах правительства Москвы и России, многие из которых тоже были выходцами с Кавказа, Савагов добился большого влияния на деятельность ВВЦ в целом и начал реорганизацию Центра, добиваясь единоличной власти.

Решение «О неотложных мерах по коренной реорганизации ВВЦ» было принято правительством Москвы еще в девяносто седьмом году, для чего была разработана целая программа преобразования Центра, которая и началась со сменой руководства ВВЦ. Однако Савагову этого было мало. Под видом того, что он печется о передаче государственного пакета акций, закрепленного за федеральной собственностью, в собственность Москвы — «для улучшения работы ВВЦ и увеличения коммерческой отдачи», Савагов начал атаку на гендиректора и его окружение. Масла в огонь подлило предложение правительства Москвы провести на ВВЦ в две тысячи десятом году универсальную выставку ЭКСПО-2010.

В две тысячи первом году правительство Москвы издало постановление «О мерах по продвижению кандидатуры Москвы в качестве организатора Всемирной универсальной выставки ЭКСПО-2010». В нем Главному управлению памятников города Москвы предписывалось представить обоснованные предложения о возможности исключения из числа памятников истории и культуры федерального значения всех объектов на территории ВВЦ. Целью распоряжения являлось лишить Выставочный центр статуса объекта Федерации, уве-

личить долю правительства Москвы в его уставном капитале и прибрать ВВЦ к рукам с его финансовыми потоками и прибылью. Естественно, активное участие в этом процессе принял и Халил Савагов, усиленно лоббирующий продвижение своих друзей и знакомых в состав Комитета по выдвижению Москвы в качестве устроителя ЭКСПО-2010. Естественно также, что генеральный директор ВВЦ Виктор Михайлович Курыло, человек государственных масштабов и устремлений, сильно мешал Савагову в реализации его наполеоновских планов. Поэтому он начал сначала тихую — бумажную и наушническую, а потом и явную войну с ним, особенно после того, как Виктор Михайлович отказался наделить Савагова полномочиями гендиректора «в связи с новым направлением деятельности». В конце концов дело дошло до угроз физической расправы с гендиректором, о чем Виктор Михайлович по совету друзей официально сообщил в Управление ФСБ по Москве и Московской области.

Курыло вызвали в Управление и долго беседовали с ним, выясняя обстоятельства заявления. Чекисты тоже понимали, что сложная система земельно-имущественных отношений, наличие огромного количества торговых точек, широкий спектр выставочно-ярмарочных и культурно-массовых мероприятий, собирающих большое количество посетителей ВВЦ, привлекают к нему внимание многих криминальных структур. Но Выставочный центр до сих пор не входил в круг интересов ФСБ, и чекисты ничем не могли помочь генеральному директору, несмотря на подозрения, что Савагов принадлежит к так называемой дагестанской преступной группировке.

— Единственное, что мы можем сделать, — сказал ему на прощание начальник Управления генерал Пивоваров, — это издали аккуратно понаблюдать за ВВЦ. Вам же надо позаботиться о своей личной охране.

— Да есть у меня охрана -- вневедомственная, — отмахнулся Виктор Михайлович.

— Это чепуха. Нужны профессионалы. В Москве достаточно частных охранных агентств, могу порекомендовать лучшее из них — БОКС. Там работают профи из бывшей «девятки» КГБ, они знают свое дело.

— БОКС — это...

— Бюро охраны коммерческих структур. Его начальник,

Петр Петрович Васильев, мой друг, мы с ним в свое время хорошо... э-э... поработали в разных местах.

Виктор Михайлович с грустью кивнул. Он никогда не думал, что ему понадобятся телохранители, но дело поворачивалось таким образом, что надо было принимать предлагавшиеся условия игры. Появившиеся в последнее время у Савагова бронированный «Мерседес», джип сопровождения и круглосуточная охрана указывали на реальность угроз. Савагов боялся ответных акций гендиректора, и одно это уже говорило о его принадлежности к преступной группировке. Только главари таких организаций первым делом окружали себя «шестерочным» аппаратом и крутой охраной.

Однако и после разговора с главой УФСБ Виктор Михайлович не сразу решил привлечь к охране комплекса и себя лично частные охранные фирмы. Ему казалось стыдным прятаться за спины телохранителей и вообще чего-то бояться. Он не делал ничего дурного и радел за интересы страны и вверенного ему объекта, а не за личные интересы. Надо было работать, а не строить бастионы и ждать выстрела в спину.

В июне Савагов предложил привлечь к разработке концептуального проекта развития ВВЦ французскую фирму «Пари-Шато», якобы являющуюся мировым лидером выставочной индустрии. Виктор Михайлович не согласился, предложив привлечь отечественных дизайнеров и разработчиков. Взбешенный Савагов покинул совещание в кабинете гендиректора, посвященное возможному превращению ВВЦ в один из крупнейших выставочных комплексов мира. Но потом, когда оно закончилось и руководители подразделений разошлись по рабочим местам, Савагов вернулся в кабинет директора в сопровождении двух рослых телохранителей.

— Значит, вы принципиально отказываетесь передать мне полномочия для реструктуризации Центра? — осведомился он с характерным кавказским акцентом.

— Не вижу смысла, — сухо ответил Виктор Михайлович, досадуя, что отпустил второго заместителя, ближайшего друга и помощника. — Реконструкция комплекса — прерогатива гендиректора, а не его заместителей.

— Но в Комитет избран я, а не вы!

— Это не меняет существа дела. Предложенная вами схема управления проектом подготовки ЭКСПО представляется мне сомнительной. Да и не только мне, но и независимым

экспертам. В расчетах эффективности проекта вы приняли явно заниженную ставку дисконтирования.

— Какое это имеет значение? — повысил голос Савагов. — Вы не сможете довести до конца начатую перестройку! Только я превращу ВВЦ в город-парк с неповторимой ландшафтной архитектурой! Уходите на пенсию, здоровее будете!

— Вы мне угрожаете? — нахмурился Виктор Михайлович.

— Вот именно! — рявкнул Савагов. — Не стойте у меня на пути! Это может плохо закончиться! Если через два дня вы...

В кабинет заглянул секретарь Курыло, обеспокоенный просочившимися сквозь двери криками.

— Проводи уважаемых гостей, Костя, — обратился к нему Виктор Михайлович. — Им надо отдохнуть и успокоиться. Предложи кофе и соки.

— Я т-тэбэ п-прэджоу! — выговорил Савагов, направляясь к выходу. — Т-ты у мэнэ з-запомнышь!..

Телохранитель плечом сбил секретаря с ног, вышел вслед за боссом, саданув дверь так, что она едва не слетела с петель.

— Что это с ним? — растерянно посмотрел на директора щуплый секретарь, держась за плечо. — Какая муха его укусила?

— Эта муха — жажда власти, — вздохнул Виктор Михайлович, переживая неуютное чувство обреченности. Зам не собирался уступать и явно шел на конфликт, чувствуя за спиной поддержку своего криминального клана. Надо было что-то предпринимать.

— Там женщина к вам на прием просится, — вспомнил секретарь, поднимаясь с пола.

— Зови, — кивнул Курыло, пытаясь настроиться на рабочий лад. Визит заместителя выбил его из колеи, работать не хотелось, хотелось бросить все и уехать куда глаза глядят.

Костя вышел. Через минуту в кабинет робко вошла милостливая женщина лет сорока, худенькая, сероглазая. Стиснув руками сумочку, она сделала вперед два шага и остановилась.

— Слушаю вас, — проговорил Виктор Михайлович. — Проходите, присаживайтесь.

Женщина помотала головой, судорожно вздохнула.

— Извините, что отрываю вас от дел. Но у меня... пропала дочь...

Курыло вздернул брови.

— Вы, наверное, ошиблись адресом. Вам следовало обратиться в милицию. Где пропала ваша дочь, когда?

— Здесь, на ВДНХ... то есть на ВВЦ... пошла с подружкой, у вас сейчас выставка художественных ремесел... и не вернулась... еще вчера. Я думала, она у подружки осталась, позвонила, а Лиля — так зовут ее подружку — тоже домой не пришла.

— Сколько же лет вашей дочке?

— Восемнадцать...

— А вы уверены, что они были на территории ВВЦ?

— Конечно, Маша позвонила, сказала, что они еще зайдут в кафе и покатаются на аттракционах... и не пришла!

В глазах посетительницы набухли слезы.

— Помогите, пожалуйста.

— Та-ак, понятно, — протянул Виктор Михайлович в некоторой растерянности. — И все же вы пришли не по адресу. Я сейчас позвоню начальнику отделения милиции, он вас примет, и вы расскажете все, что знаете. Успокойтесь, найдется ваша дочь, не маленькая уже. ВВЦ — не тайга, тут невозможно потеряться. Хотя я думаю, что она просто гостит у друзей.

— У нее нет друзей, только подружка Лиля.

— Ничего, все будет хорошо. — Виктор Михайлович вызвал секретаря. — Костя, проводи женщину в отделение, я позвоню Карпову, он ее примет.

Посетительница вышла, прошептав «спасибо».

Директор снова остался один, не придав особого значения визиту. Восемнадцатилетние девочки-девушки запросто могли преподнести сюрприз родителям, заночевав у знакомых мальчиков, и только для матерей и отцов это всегда являлось неожиданностью, громом среди ясного неба.

Отвлекая Виктора Михайловича от горестных размышлений звонок телефона. Поговорив с начальником отделения милиции, располагавшегося на территории ВВЦ, Курыло занялся делами, увлекся и до вечера уже не вспоминал о тяжелом разговоре с заместителем. В начале девятого он позвонил жене, предупредил, что голоден, и поехал домой.

Жил Виктор Михайлович в доме улучшенной планировки на улице Островитянова, куда переехал совсем недавно из Мытищ, где у него была двухкомнатная квартира в старой пятиэтажке. Новый дом был построен в форме шестигранной башни со стеклянными верандами и являл собой послед-

нее слово в градостроительной архитектуре. Въезд на его территорию охранялся, кроме того, в подъезде дежурил сторож-консьерж, поэтому попасть в дом человеку с улицы было непросто. И тем не менее посторонние люди прошли охранные кордоны дома свободно и встретили Виктора Михайловича на лифтовой площадке, у двери в жилую секцию, куда выходили двери пяти квартир; квартира Виктора Михайловича располагалась на двенадцатом этаже дома.

Что эти двое — молодой мужчина и женщина — ждут именно его, Курыло понял слишком поздно.

— Виктор Михайлович? — обратилась к нему высокая крупная блондинка в джинсах и футболке с изображением крокодила на плече.

— Да, — приостановился удивленный Курыло, — а в чем дело?

— Да ни в чем, — усмехнулась девушка и ударила Виктора Михайловича коленом в пах.

Охнув, Курыло согнулся, прикрывая руками низ живота, закатил глаза и получил еще один удар — ребром ладони по затылку. Упал, теряя сознание от боли, и от боли же пришел в себя. Его били ногами с двух сторон, причем удары блондинки, обутой в остроносые туфли, были существенно больнее, несмотря на то, что ее спутник бил сильнее.

Спасло Виктора Михайловича появление соседей: пенсионеры напротив в это время всегда выгуливали собаку — кроткого и флегматичного спаниеля.

— Живи пока, засранец! — процедила сквозь зубы блондинка, направляясь к лифту. — Это тебе предупреждение. Будешь кочевряжиться — покалечим так, что из больницы не вылезешь до конца жизни!

Лифт пошел вниз, увозя пару, избившую Виктора Михайловича. Кое-как перевернувшись на бок, он увидел испуганно-недоумевающие лица соседей и подумал, что так долго продолжаться противостояние с заместителем не может. Надо или уходить с работы по собственному желанию, или...

— Нанять телохранителя! — пробормотал он вслух.

— Что? — наклонился к нему толстяк-сосед, в то время как спаниэль лизал Виктору Михайловичу руку. — Что вы сказали?

— А вот черта с два! — попытался встать Курыло, опираясь на протянутую руку. — Не уступлю! Не на того напали!

В коридор выглянула жена, привлеченная шумом, бросилась к нему.

— Витя, что с тобой?!

— Успокойся, ничего страшного, упал с лестницы, — сказал Виктор Михайлович, твердо решив последовать совету начальника УФСБ — нанять телохранителя.

Глава 5

ЧЕЛОВЕК БОКСА

Антон со вздохом отбросил в сторону книгу, которую читал, и поднял глаза к потолку, переживая состояние раздраженной неудовлетворенности. Валерия, сидевшая у компьютера в соседней комнате в одном летнем халатике, заметила его жест, встала, гибко потянулась и подошла к лежащему на диване в гостиной мужу.

— Чем расстроен?

Антон нехотя кивнул на книгу.

— Да вот, нашел. Этот парень считается чуть ли не главным специалистом по воинскому образованию, но, судя по всему, не знает ни наших воинских, ни культурных традиций, ни духовного наследия. Либо элементарный невежда. Хотя вполне допускаю, что пишет он по заказу.

Валерия с любопытством перевернула книгу. Это был энциклопедический справочник «200 школ боевых искусств Востока и Запада». Автор — А. Е. Тарас, проживающий в Белоруссии.

— Ты считаешь, он не прав?

— Это он считает, что у русских и вообще у славян не было ни боевых традиций, ни школ воинских искусств. И побеждали мы лишь числом, а не умением. Так вообще можно договориться до того, что русский народ никогда не существовал.

— Не принимай все эти писания близко к сердцу, дорогой. Авторы подобных утверждений, как правило, люди неславянского происхождения, пусть их заявления остаются на их же совести.

— Да я не особенно переживаю, хотя, с другой стороны, обидно. Парень-то вроде славянин, должен знать истоки.

— Возможно, он действительно выполняет чей-то заказ,

пусть даже неосознанно. Все это следствия продолжающегося морочения людей. Морок хочет убить, растоптать душу нашего народа и использует все доступные ему методы.

Антон кивнул.

Прошел год с момента битвы со слугами Морока на берегах озера Ильмень, но помнилось все как происшедшее вчера, хотя о том, что было, они предпочитали не говорить.

— Значит, ты считаешь, что господин Тарас заморожен? А ведь должен был бы знать, что русский ратник одинаково владел топором, мечом, молотом, кистенем, булавой, пикой и сулицей. Это еще хронисты Средневековья отмечали. А как можно было овладеть оружием и приемами боя без школы? Что, Тарас этого не понимает? Я читал, как убили Евпатия Коловрата в тринадцатом веке. Многочасовая рукопашная сеча складывалась в нашу пользу, хотя отряд Коловрата был в семь раз меньше по численности, и наши воины не спрашивали у противника, какие стили воинского искусства те представляют. Коловрата смогли победить только тогда, когда начали издали стрелять по отряду из пороков, то есть из пушек, ядрами.

— Не горячись, ты прав. Я не великий знаток боевых искусств, но, изучив десятки, если не сотни, исторических документов, тоже уверена, что воинское искусство русского народа в тотальном бою превосходило воинскую традицию и Востока, и Запада. Иначе Русь не устояла бы. Что же касается школ боевых искусств, то они, конечно же, были, а серьезный удар по ним и по системе воинского воспитания вообще нанесла даже не столько христианская церковь, сколько всеобщее и полное закрепощение крестьян. Правда, мудрый русский народ и тут нашел лазейку: приемы воинских искусств стали ритуальными, потешными, фольклорными. Без кулачных боев и борьбы, без боев на палках не обходился ни один праздник. Но об этом я могу говорить долго.

— Знаю, — улыбнулся Антон, обнимая жену. — Это твой конек. Я у тебя один манускрипт нашел — китайские хроники восемнадцатого века, в переводе, разумеется. Так там говорится о пленных русских казаках, которые впервые в истории Китая предстали перед очами императора Поднебесной. Последний приказал им продемонстрировать воинское искусство и был весьма удивлен, когда «светловолосые дьяволы» уложили в рукопашке лучших телохранителей императора.

— Вот видишь, — промурлыкала Валерия на ухо мужу, — даже азиаты признаются в приоритете наших традиций.

— Илья говорил, что и в наши дни сохраняются семейные воинские школы. Он где-то встречался с клановыми воинами и даже учился у одного из них.

— Естественно, такие школы существуют. Но доступны они далеко не каждому смертному. Многие Витязи прошли такие школы, если верить деду Евстигнею. Если бы не красный террор, организованный сначала троцкистами и продолженный «верными сталинцами», который уничтожил всю российскую аристократию, носительницу вековых традиций духовности и культуры, сейчас во всем мире говорили бы о «русских стилях», а не о японских. Русская арийская «борьба пяти стихий» положила начало и даоскому направлению воинского образования Китая, и старошаолиньскому, традиции которого, кстати, пришли в Китай из Индии.

— А говоришь — небольшой специалист по боевым искусствам.

— Так ведь я филолог и историк, много чего прочитала и изучила. А история воинских искусств неразрывно связана с историей народов. Так что не драматизируй трагедию, как сказал поэт.

Антон засмеялся, отстранил жену, поцеловал ее в глаз.

— Мне повезло, что ты классный специалист. Нет, правда. Никогда не думал, что женщина может быть не только красивой, но и умной, и знающей.

— Лысец, — пожурила его Валерия, направляясь в комнату с компьютером. — Подожди, сейчас закончу работу, и мы пойдем ужинать. Не возражаешь?

— Ни в коем разе. А ты снова сидишь в Интернете?

— Приходится. Польский писатель-фантаст Станислав Лем, конечно, прав, утверждая, что Интернет стал вместилищем глупости, пошлости, воровства, порнографии, злобных выходок, но лучшего хранилища знаний человечество пока не придумало. И, к сожалению, людей, стремящихся к знанию, гораздо меньше, чем ищущих легких развлечений и диких игр, служащих лишь для того, чтобы убить время.

— Тут я с Лемом согласен, — хмыкнул Антон. — Интернет действительно плодит идиотов, способных разве что быстро нажимать кнопки на клавиатуре. Над чем ты сейчас трудишься? Вчера допоздна торчала у экрана, позавчера.

— Тестирую Ветхий и Новый Заветы.

— Зачем? — удивился Антон. — Кому это понадобилось?

— Во-первых, анализ библейских текстов — моя тема в институте. Во-вторых, ты не представляешь, насколько это интересно. И страшно! Во внешне привлекательную информационную программу, которой является Библия, как патрон в обойму, вложена ядовитая начинка, которую очень трудно распознать.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты хорошо помнишь основные Христовы постулаты?

— Это «не убий», что ли?

— Всего их десять, но основных — пять: возлюби врага своего; я пришел разделить человека с отцом его и дочь с матерью; кто ударит тебя по правой щеке, подставь левую; не заботьтесь о завтрашнем дне; не прелюбодействуй, ибо кто смотрит на женщину с вожделением, тот уже прелюбодействует с ней в сердце своем.

— А «не убий»?

— О заповеди «не убий» разговор особый. В Библии он усечен, а раньше звучал так: не убий б р а т а с в о е г о во Христе. Понимаешь, о чем речь?

— То есть брата своего, единомышленника, не убий, а остальных можно?

— Совершенно верно.

— Хороша заповедь!

— Остальные не лучше. Первый постулат лег в основу так называемого христианского интернационализма, лишившего нас чувства национального достоинства. Второй внес разлад в семью. В нем дети натравливаются на родителей, родители на детей и на родственников.

— Ну, третий, понятно, что делает: обезоруживает и духовно ослабляет человека в тот момент, когда нужно дать врагу решительный и адекватный отпор. А как насчет пятого — о женщине?

— Пятая заповедь вообще заставляет мужчину стыдиться естественного, природой заложенного, влечения к женщине. Любовь между мужчиной и женщиной имеет космическое происхождение и значение, а в Новом Завете она сводится к примитивному «вожделению» и «греху». Не зовет к гармонии отношений, а сеет «смятение чувств», ведет к извращению смысла тяготения мужчины к женщине.

— То есть налицо самая настоящая диверсия?

— Громов, ты лапидарен, как сама природа! Но! — Вале-

рия погрозила ему пальцем. — Если ты вздумаешь бросить косой взгляд на другую женщину!..

— Понял. — Антон поднял вверх руки. — Мало не покажется! Постараюсь сдерживать свое мужское начало.

Валерия не выдержала тона, засмеялась.

— Сдерживай, но только не в отношении меня. Так что христианство — жуткая религия, убивающая в человеке человека. В то время как Высшему Разуму, создавшему нашу Вселенную и нас самих, не нужен ни «Сын Божий», ни другие посредники, ни Библия.

— Ну, я думаю, другие религии не сильно отличаются в этом смысле от христианства. Всем им нужны вождь и толпа, которую можно доить ради ее же «спасения». Однако я проголодался, Валерия свет Никитична. Давай на время отвлечемся от философских бесед и сходим повечерять.

— Я тоже хочу есть, — призналась Валерия, выключая компьютер. — Потом доделаю расчет. Куда пойдем?

— Предлагаю пойти в японский ресторан «Саппоро». Это недалеко от офиса фирмы, которую мы охраняем. Я там был дважды и рекомендую попробовать суси с хреном.

— Может быть, суши?

— Нет, сами японцы говорят — суси. Знаешь, что это такое? Рисовый колобок, а сверху...

— Кусочек филе сырой рыбы. Пробовала — не понравилось.

— Тогда можешь взять сасими. Это та же рыба, но с овощами и японским редисом — дайконом. Очень полезная вещь.

— Может быть, и полезная, но я предпочитаю русскую кухню или в крайнем случае прибалтийскую. Пойдем лучше в клуб «ЭКС-мобил», там очень прилично готовят фламбэ и салаты. И рыбу можно заказать.

— Как прикажете, — с готовностью встал с дивана Антон. — Надеюсь, в этот твой клуб не нужно надевать фрак?

— Это клуб для деловых встреч, так что выбор одежды демократичен. Надень летний белый гольф и серые брюки, мне очень нравится этот твой прикид.

Антон засмеялся, скрываясь в ванной комнате. Крикнул оттуда:

— Ты почту смотрела? Там на твое имя пришел конверт из «Ридерз дайджест».

— Надо было сразу его выбросить, — отозвалась Вале-

рия. — Моя подруга Катя целый год играла с этим сволочным издательством в его игры: заказывала книги, журналы, видеокассеты — в надежде выиграть миллион.

— И что же, выиграла?

— Ни копейки. Зато потратила около десяти тысяч рублей, глупая. Что характерно: с каждым ответом ей сообщали, что она все ближе и ближе к выигрышу, что претендует на спецпризы, на всякие дополнительные призы, стала чуть ли не единственным финалистом, а закончилось все пшиком.

— Это нам знакомо. В советские времена я тоже играл в лотерею.

— Игра «Ридерз дайджест» намного эффективнее и злее, так как рассчитана психологами на дураков и на тех, кто жаждет выиграть, не прикладывая никаких усилий. Доверчивый народ всюду несет свои рубрики на почту и в сбербанк. Так что издательство не бедствует. К тому же оно изредка издает приличные книжки, хотя и очень дорогие.

— Почему же они прислали письмо нам?

— Наверное, Катя сообщила им наш адрес. Там у них хитрая завалялочка: пошлешь полсотни адресов друзей для вовлечения в игру — получишь приз.

— Ясно. Молодцы, ребята, прекрасно разбираются в человеческой натуре.

Антон вышел из ванной комнаты с влажными волосами, быстро переоделся.

— Ты скоро?

— Сейчас.

Валерия вышла из спальни через минуту в вечернем платье с вырезом, и Антон некоторое время разглядывал ее с неприкрытым лицом.

— Что-нибудь не так? — забеспокоилась она, пытаясь поправить прическу.

— Иногда я не верю, — сказал он медленно, — что ты моя жена. Даже вздрагиваю и просыпаюсь по ночам в испуге — здесь ты или нет?!

— Лыстец, — с облегчением вздохнула Валерия. — Никак не привыкну к твоей манере говорить комплименты. Хотя, если по-честному, мне она нравится и заставляет держать себя в форме.

Антон обнял жену взглядом, потом не удержался, обнял «в натуре», поцеловал в шею.

— Ты такая красивая, Лерка! Аж самого себя зависть бе-

рет! Помнишь, как мы встретились в поезде? Когда ты вышла из вагона, я чуть не бросился следом. Кстати, не подумать ли нам о ребенке?

Валерия автоматически проговорила:

— Осторожнее, медведь, помаду сотрешь, — и замерла. — Ты... серьезно?!

— Более чем. Пора озаботиться демографической обстановкой в стране. Я даже не возражал бы против двух детей. — Антон подумал. — Или трех.

Валерия глубоко вздохнула, поцеловала его и подтолкнула к ванной.

— Иди, смой помаду.

— Я не понял реакции.

Женщина посерьезнела, закинула ему на шею руки, заглянула в глаза.

— Я так рада, что нашла тебя, Гром! Ты не представляешь!

— Но ты все-таки против или нет? — попытался он прояснить ситуацию.

— Конечно, нет. Я люблю детей. Я хочу детей. А еще я люблю тебя!

Она поцеловала его, еще и еще раз, и в конце концов дело едва не закончилось раздеванием. Потом Валерия взяла себя в руки, уединилась в ванной, и Антон, пробормотав, что можно было бы и остаться, вынужден был подчиниться и поменял гольф, испачканный в помаде, на рубашку «от Рус-льна» с маленьким, летящим, вышитым серебристой гладью соколом на груди.

В начале восьмого они уже ехали в машине, принадлежавшей когда-то капитану Гнедичу, первому мужу Валерии, погибшему в болотах на берегу озера Ильмень. Поскольку у Громова не было своего жилья в Москве, он, естественно, переехал к Валерии, имевшей квартиру в Старопанском переулке Китай-города. Первое время он чувствовал себя неловко, скованно и неудобно, словно украл что-то или обманул кого, но потом постепенно привык к своему положению, хотя и продолжал мечтать о переезде в какой-нибудь из новостроящихся домов, подальше от шумного, загрязненного выхлопными газами автомобилей, центра.

Продолжая начатый дома разговор, Антон свернул к набережной и, глянув на башни Кремля, вспомнил о приглашении. Его непосредственный начальник Юрий Петрович Горячко, бывший зам начальника штаба Девятого управления

КГБ, полковник в отставке, был верующим человеком, часто ходил в церковь и посещал монастыри. Вчера он пригласил всех сотрудников БОКСа в Андроников монастырь, где проходил Всероссийский фестиваль колокольного искусства.

— Я слышала об этом мероприятии, — кивнула Валерия. — В монастырь съезжаются полсотни звонарей со всей Руси, чтобы посоревноваться в искусстве «красного» звона. Конечно, сходим, я люблю слушать колокольный звон.

Машина свернула на мост, запетляла по узким переулочкам возле Пятницкой, остановилась у здания «Юго-банка», рядом с которым располагался клуб «ЭКС-мобил».

Чей-то пристальный цепкий взгляд мазнул спину Антона, вылезающего из кабины старенькой «Мицубиси», и он мгновенно привел себя в дежурное состояние. Подавая руку Валерии, незаметно огляделся. Притормозившая неподалеку черная «Волга» с затемненными стеклами тут же отъехала, и взгляд словно втянулся в асфальт улицы, исчез. Но Антон уже понял, что за ним ведется слежка. Кем и зачем — было непонятно, однако интуиция его никогда не обманывала, а это означало, что неведомый наблюдатель существует, причем наблюдатель опытный, судя по его реакции: он лишь раз остановил взгляд на объекте и тут же отвернулся, не акцентируя внимания, зная, что Громов — человек с навыками, обладающий тонкой нервной организацией и способный видеть ситуацию.

Своими открытиями и размышлениями Антон с женой, однако, не поделился, не желая пугать ее раньше времени. Она и так совсем недавно отошла от переживаний, связанных с гибелью мужа и событиями на Ильмень-озере. В памяти еще свежи были воспоминания о походе в храм Морока, о пленении, о бое с хха — монахами-охранниками храма, о встрече с наместником Морока, который едва не уничтожил весь отряд Пашина, переносивший камень с Ликом Беса — Врата Морока — к месту выхода светлых с и л. Надо было разобраться с появлением слежки — если только он не ошибся — самому, выяснить, кто ее устроил и с какой целью, а уж потом поднимать тревогу. Хотя в одном Антон не сомневался ни капли: так смотреть мог только профессионал-наблюдатель, оценивающий возможности и направление движения объекта.

Но вы приятно удивитесь, узнавши, кто вас заказал, вспомнил он слова поэта. Усмехнулся про себя. Возможно,

ни о каком «заказе» речь не шла и все его страхи не стоят и выеденного яйца. Было бы славно, если бы так все и обстояло на самом деле.

— Ты меня не слушаешь! — рассердилась Валерия. — О чем я сейчас говорила?

— О том, как ты была в Музее космонавтики, — нашел ответ Антон; часть его сознания контролировала все, что происходило вокруг, и не упускала ни одной мелочи.

— Правильно, — смягчилась Валерия. — Я думала, ты обо мне забыл. Стоишь с видом сомнамбулы и грезишь с открытыми глазами. Так вот, мы с подружкой были в шоке: эти детки не знали, кто первым полетел в космос, наши или американцы! Гид спрашивает: как звали первого космонавта планеты? И знаешь, что они отвечали? Брюс Уиллис!

Антон невольно засмеялся.

— Нынешнее поколение выбирает американские боевики.

— Но ведь это ужасно! Дети не знают истории своей страны!

— Можно подумать, что взрослые знают.

— Ты это приветствуешь?

— Согласен, это плохо. Так мы потеряем все корни и превратимся в буратин, закапывающих ум на «поле дураков». Но давай поговорим о чем-нибудь более приятном. Хочется отдохнуть, а не решать мировые социальные проблемы.

— Хорошо, — легко согласилась Валерия. — Ты, как всегда, прав. Будем получать маленькое, но удовольствие. А как было бы здорово встретить здесь Илью и Славу!

— Они сейчас далеко отсюда, — отозвался Антон со вздохом, оглядываясь на пороге клуба. — Я тоже по ним соскучился.

Илья Пашин с женой Владиславой в данный момент находились в Рязанской губернии и в Москву собирались приехать только в конце лета.

Во дворе банка появилась еще одна машина — серая «двенадцатая» «Лада», остановилась у «Мицубиси-Харизма» Громоных, но тут же отъехала. Антон проводил ее настороженным взглядом, потом тряхнул головой, сбрасывая оцепенение — он готов был подозревать все и вся, — и поспешил вслед за женой в гостеприимно распахнутую дверь клуба «ЭКС-мобил».

На следующий день его вызвал к себе Горячко.

Офис БОКСа располагался на Ленинском проспекте, и поехал туда Антон не на машине, а на метро.

Бюро охраны коммерческих структур возникло в июне тысяча девятьсот девяносто третьего года. Создали его бывшие офицеры и сотрудники КГБ, оставшиеся не у дел после известных событий девяносто первого года. В те времена частные охранные предприятия только начинали появляться, и БОКС оказался в числе первых, проявивших себя с самой лучшей стороны частных охранных агентств. Его учредителями стали Российская национальная служба экономической безопасности, Центр специальной подготовки и Государственная инвестиционная корпорация, руководитель которой когда-то работал на Кубе послом.

Первыми объектами БОКСа стали банк «Опцион», «Трактороэкспорт», Инженерный центр и АО «Алмазный берег». К моменту поступления в Бюро Антона Громова — с подачи Ильи Пашина — БОКС охранял более пятидесяти объектов, в том числе и турфирму «Глобус», которая досталась Антону в качестве «испытательного полигона». Однако вписался он в систему «боксерских» отношений быстро и уже через полтора месяца стал своим в коллективе, признающем только опыт, профессионализм и позитивные человеческие качества, такие, как прямота, честность, отзывчивость, смелость, самоотверженность и готовность прийти на помощь.

Юрий Петрович Горячко, похожий больше на бухгалтера, чем на боевого полковника, жестом пригласил Громова подсесть к столу, закончил писать какую-то бумагу, снял очки и посмотрел на сотрудника рассеянным взглядом озадаченного делами человека.

— Как настроение?

— Нормально, — пожал плечами Антон; о замеченной слежке он решил начальнику пока не говорить. — Вот собрались в субботу и воскресенье сходить с женой в Андроников монастырь, послушать колокола.

— Хорошее дело, — слегка оживился Горячко, снова надел очки, и взгляд его стал острым, прицеливающимся. — Я тоже пойду, и тоже с женой. Она у меня хоть и молодая, но больше любит ходить по музеям, чем по ресторанам и тусовкам с участием эстрадных звезд.

Антон промолчал, так как по ресторанам ходил с Валерией довольно часто, хотя и не ради встреч со звездами.

— Вот что, Антон Андреевич, — продолжал начальник Бюро. — Ты на ВДНХ давно не был? То есть на ВВЦ. — Горячко досадливо поморщился. — Никак не привыкну к новой аббревиатуре.

— В прошлом году навещал, — осторожно сказал Антон, не понимая, куда клонит Горячко. — На международной книжной ярмарке. И в этом году собираюсь на очередную книжную ярмарку.

— А с гендиректором ВДНХ... э-э... ВВЦ ты не знаком?

— Нет.

— Что ж, это даже к лучшему. Дело в том, что Виктор Михайлович Курыло — генеральный директор ВВЦ — обратился к нам за помощью. Просит дать ему личного телохранителя. И мы решили послать тебя и Колю Шебаршина. Будете дежурить по очереди, двое суток ты, двое он. Предупреждаю: дело это серьезное, подойти к нему надо со всей ответственностью. За тебя я спокоен, ты огни и воды прошел, поэтому напарника можешь выбрать сам, если Шебаршин не подходит.

Антон проглотил вертевшиеся на языке возражения, помолчал немного. Бывший десантник — старлей Николай Шебаршин работал в БОКСЕ давно и слыл человеком сильным и уравновешенным, несмотря на молодость: ему стукнуло всего двадцать семь лет.

— Справится, — сказал наконец Антон. — Парень правильный и умелый. А что случилось? Почему гендиректору ВВЦ вдруг понадобился телохранитель? Разве он не охраняется собственными сотрудниками безопасности?

— Охраняется, но в рамках формальных отношений. А между тем дело непростое, можно сказать, политическое. Заместитель Курыло, некий Халил Магомедович Савагов, начал войну против гендиректора, хочет занять его кресло. ВВЦ, сам понимаешь, лакомый кусок, всякому хочется поручивать таким предприятием, в том числе криминальным структурам. Тем более что на правительственном уровне решено предложить ВВЦ в качестве хозяина международной выставки ЭКСПО в две тысячи десятом году.

— Савагов — человек криминала?

— Вероятнее всего.

— Он дагестанец, абхазец, ингуш?

— Аварец, по слухам — принадлежит к дагестанской нацгруппировке. Ты присмотрись к нему, понаблюдай за связями, эта информация никогда не будет лишней. Но и на рожон не лез! Твое дело — сопровождение гендиректора от порога квартиры утром и до порога вечером, предупреждение нападений и конфликтов. Отношения директора и зама зашли в тупик, дошло до прямых угроз, так что придется смотреть в оба и реагировать адекватно.

— Понял, Юрий Петрович.

— А коли понял, вот, ознакомься. — Горячко подвинул к Антону большой серый конверт. — Это кое-какие материалы по ВВЦ, Курыло передал. Структура, бухгалтерия, финансы, кадры, отношения подразделений. Изучи внимательно и приступай к работе.

Антон взял конверт.

— Когда?

— Сегодня пятница, начни с понедельника, я предупрежу Виктора Михайловича.

— Особый режим?

— Режим пока обычный, работай четко по инструкции. Оружие применять только в пределах обороны клиента и только в случае прямой угрозы.

— Слушаюсь, Юрий Петрович.

— Документы на проведение клиента оформи прямо сейчас. Вечером в понедельник доложишь о первых впечатлениях.

Антон встал, пожал руку начальнику и вышел, еще не совсем разобравшись в своем отношении к новому поручению. С одной стороны, ему было лестно, что выбор пал на него — это говорило о признании Громова специалистами БОКСа, с другой — работа телохранителя требовала большого расхода нервной энергии и знания специфических навыков охраны живого человека. В свое время Антону пришлось охранять высших армейских чинов, и он знал, какая это сложная и неблагодарная работа.

Ничего, справимся, успокоил он сам себя, выходя из офиса на улицу, ВВЦ — не чеченская «зеленка» и не джунгли Мадагаскара, не особенно-то засаду устроишь. Придется покрутить головой... как локатором.

Кто-то посмотрел на него издали.

Антон быстро схватил взгляд и увидел отъезжавшую серую «двенадцатую» «Ладу». Сомнений не оставалось: его продолжали пастить.

Глава 6

МЕСТО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ

Капитану Управления оперативно-поисковой работы ФСБ Ратникову Терентию Георгиевичу двадцать первого июня исполнилось двадцать девять лет. Поскольку дата была некруглая, праздновал он день рождения в узком кругу друзей и сослуживцев, заказав на восемь часов вечера в подмосковном Доме творчества литераторов Голицыно отдельный кабинет в ресторане, принадлежащем Дому. Всего присутствовали на чествовании юбиляра шесть человек: трое сотрудников Управления, друг детства Гера — Герман Алексеев, сын известного писателя, и две девушки — Валя и Вера.

Среднего роста, но широкоплечий, мускулистый, гибкий, кареглазый, очень спокойный, с густой шапкой светлых волос, Ратников нравился женщинам, однако сам был к ним не то чтобы равнодушен, но с романами не спешил. Сослуживцы знали его как сильного, уверенного в себе человека, мастера рукопашного боя, быть может, излишне импульсивного, но всегда готового протянуть руку помощи. В жизни ему не доставало, пожалуй, только одного — умения завязывать теплые, дружески-снисходительные отношения.

Отучившись в Новгородском машиностроительном институте и прослужив два года в десантных войсках, Терентий закончил Высшие курсы госбезопасности и был приглашен в Управление военной контрразведки ФСБ. Через год подающего надежды лейтенанта перевели в оперативно-поисковое управление, где он и остался, получив через два года звание капитана и должность начальника отделения; в его подчинение была передана группа быстрого реагирования. Ему предлагали закончить Академию Генштаба или в крайнем случае Школу ФСБ, и в конце концов Ратников согласился на школу, хотя и без особого энтузиазма. Оперативная работа сыскаря-перехватчика, охотника за преступниками и торговцами государственными тайнами, ему нравилась, и бросать ее

ради карьеры не хотелось. С другой стороны, он понимал, что надо идти дальше, думать о будущем и учиться.

Тем не менее занятия в школе начинались в начале октября, работать с хорошо знакомыми людьми, профи своего дела, оставалось все меньше времени, и этим временем надо было дорожить.

Конечно, Терентий мог справить день рождения и в Москве, где жила мама. После внезапной смерти отца в девяносто девятом — от сердечного приступа — она осталась одна в трехкомнатной квартире, расположенной в девятиэтажке в Старопетровском проезде, напротив стадиона «Авангард». Мама давно предлагала сыну переехать из Голицына к ней. Но, во-первых, Терентий любил свободу, во-вторых, имел хорошую квартиру в Голицыне, в-третьих, база Управления также располагалась в Голицыне, и добираться от дома до места дислокации было удобно. Правда, теперь, после поступления в школу, Ратникову предстояло вскоре переехать в мамину квартиру, так как ездить из Голицына на занятия и обратно было бы чересчур накладно.

День двадцать первого июня выдался жарким, поэтому Терентий надел все легкое и белое — рубашку с короткими рукавами и брюки. Примерно так же выглядели и приглашенные, словно одевались все в одном бутике. Это обстоятельство вызвало смех и массу шуток, так что праздник начался весело и приятно, хотя привыкшие сдерживать свои чувства парни вели себя и здесь достаточно скромно и тихо.

Ратникову подарили часы, губную гармонику, плеер, две футболки, кроссовки, две коробки конфет и цветы. Девушки обцеловали его со всех сторон, и, когда он с помощью Германа удалил с лица остатки помады, был произнесен первый тост: за новорожденного!

Выпили шампанского, заказали вина: оказалось, что из всех приглашенных водку пьет только Валя, подруга Славики, лейтенанта из команды Терентия. Остальные алкоголь если и употребляли, то лишь совсем легкий — от пива до сухого вина. Сам же Ратников не пил вовсе, разве что позволял себе два глотка шампанского по большим праздникам.

Заговорили о вине, и тут выяснилось, что Гера Алексеев большой знаток французских вин. Работал он в торговом доме «Русьимпорт» менеджером и хорошо знал предмет разговора.

— Я лично знаком с президентом винодельческого дома

«Луи Жадо», — с гордостью заявил Герман, — Пьером Анри Гаже, а также с директором по экспорту Марком Дюпенем. Так вот, могу доложить, что «Луи Жадо» — одна из самых известных в мире марок бургундских вин. Я пробовал, наверное, чуть ли не все сорта вин Франции и готов доказать, что бургундские вина — это вещь!

— Докажи, — потребовала Вера, девушка Германа.

— Я так и знал, что мне придется отвечать за свои слова, — ухмыльнулся Гера, — и заранее побеспокоился. Сейчас принесу.

Он встал и вышел из небольшого, но уютного зальчика, где всегда веселились известные литераторы и их гости.

— А я люблю все-таки молдавские вина, — сказал Славик, голубоглазый атлет с ямочками на щеках. — Может, потому, что не часто удастся выпить настоящего французского сухаря на халяву.

Все засмеялись.

— А куда это он пошел? — поинтересовался Жора Пучков, коренастый и бородатый, похожий на молодого монаха.

— За бутылкой вина, — пояснила Вера. — В машине оставил. Гера действительно фанат своего дела и достал где-то жутко благородное вино, очень старое.

— Какой марки?

— Кажется, «Кортон-Шарлемань Гран Крю».

— Ух ты, звучит как песня. Что ж, попробуем, раз командир не возражает. Командир, ты как настроен, не возражаешь?

— По одному глотку! — сурово сказал Ратников, снова вызвав взрыв смеха.

— Правильно, — согласилась Вера. — Такое вино — дорогое удовольствие.

— А удовольствия и должны быть дорогими, — заметил Славик. — Чтобы не было девальвации чувств. Вон в Америке любое удовольствие можно купить задешево, а какой в этом кайф?

— По уровню жизни и кайф, — меланхолически проворчал Жора Пучков. — Я где-то видел рейтинг ООН по уровню жизни в мире, так вот Россия там занимает аж семьдесят второе место. Вот и получается, что нам, русским, даже глоток вина на халяву — великий кайф!

Девушки прыснули.

Славик пожал могучими плечами.

— Уровень жизни надо мерить не по количеству потребления мяса и хлеба, а по творческому потенциалу, а уж здесь нам равных нет. И благополучных идиотов, как на Западе, у нас на два порядка меньше.

— Это как тебе удалось подсчитать? — прищурился молчавший до сих пор Венья Дорофеев.

— Тут и считать ничего не надо, достаточно послушать Евроновости. О чем можно говорить с людьми, на полном серьезе сочинившими трактат об опасности обрушения унитазов? И получившими за него, между прочим, альтернативную Нобелевку! Или, к примеру, как можно относиться к людям, на «ура» принимающим математическое обоснование процедуры обмакивания печенья в чай?!

— Дурдом! — недоверчиво проговорил Венья. — Неужели такие вещи могут обсуждаться серьезно? Может быть, это у них такой юмор?

— Юмор у них такой же тупой, как они сами, — проворчал Жора, на дух не переносивший американцев и европейцев. — Я иногда захоживаю в Интернет по надобности и читаю западные анекдоты — чушь сплошная! Редко удается улыбнуться. Наши анекдоты удачнее и сочнее. Однако где же наш винодел? Может, помочь ему дотащить бутылку?

Ратников прислушался к начавшемуся за дверями кабинета шуму, рывком открыл дверь и увидел потасовку: четверо каких-то татуированных юнцов избивали ногами лежащую на полу девушку в белом фартуке и уворачивающегося Германа, прижимающего к животу бутылку с вином. Тут же суетился худенький милиционер в форме, пытаясь утихомирить компанию.

Терентий мгновенно оценил ситуацию и принялся действовать, в считанные доли секунды прекратив драку.

Одного юного драчуна с бутылкой пива в руках он вырубил ударом ребра ладони по носу. Второй улетел к стене помещения от удара в ухо. Третий получил по копчику, взвыл дурным голосом и сел на пол с перекошенным лицом, держась за сидалище. Четвертому парню, самому здоровому, накачанному, с золотой цепью на шее, Терентий вывернул руку, уложил амбала вниз лицом, ласково проговорив:

— А вас я попрошу упасть ничком.

Кивком подозвал ошалевшего сотрудника милиции:

— Наручники есть?

— Н-нету, — проблеял страж порядка; он побледнел, глаза забегали. — Отпустите его... меня же уволят...

— За что? — удивился Терентий, останавливая жестом подоспевших товарищей.

Вспотевший сержант облизнул губы, кивнул на скулящего здоровяка:

— Это Серый... Сергей Кустарников, сын депутата Думы...

— Ну и что? Разве у него карт-бланш на избивание людей?

— Н-нет, н-но... депутат... у них же... все...

— Не все. Делайте свое дело. — Терентий отпустил драчуна, помог встать плачущей женщине, потом Герману. — Ничего не сломали? Что здесь произошло?

— Ну, падла, я тебя живьем в землю закопаю! — вскочил белобрысый бугай, бросаясь на Ратникова с ножом... и осел на пол от незаметного удара Славика, закатил глаза.

— Я вошел, а они ее бьют, — проговорил Герман, держась одной рукой за бок; у него была разбита губа и под глазом наливался лиловым цветом синяк. — Ну, вступился, понятное дело... а они начали метелить меня. Хорошо, бутылку не разбили.

— Они попросили водки, — заговорила сквозь слезы буфетчица, — а мы здесь водкой не торгуем... вот они и взбесились, ироды проклятые! Уйду с работы, почти каждый день эти балбесы сюда ходят, жить спокойно не дают. А эти слюнтяи их покрывают!

Буфетчица бросила на милиционера уничтожающий взгляд, залилась слезами и вышла, держась за голову.

Страж порядка заискивающе улыбнулся, развел руками.

— Я, что ли, их привел сюда? Я не виноват, что у них такие родители. Я бы тоже на их месте...

— И что же, вы их так и отпустите? — поинтересовался Славик.

— Н-нет, но... вы же не знаете, что здесь происходило на самом деле. Может, она на них начала ругаться...

— Допустим, и что? Они в ответ стали ее бить?

— Так и было, — скривил губы Герман. — Я своими глазами видел и вступился... за что и получил! Могу подтвердить это в письменном виде.

— Что тут происходит? — раздался чей-то брезгливо-недовольный уверенный голос.

В помещение буфета вошли несколько вальяжных, хоро-

шо одетых мужчин: двое постарше, лет пятидесяти, двое помоложе и помассивнее. Один из них, самый толстый, с тремя складками под подбородком, как две капли воды походил на здоровяка, который кидался на Терентия. По-видимому, это и был депутат Кустарников, отец оболтуса.

— В чем дело? — напористо продолжал толстяк, окидывая компанию Ратникова нехорошим взглядом, подошел к сыну. — Ты чего здесь разлегся? Что за шум?

— Эти пидорасы меня избили! — просипел здоровяк, кивая на присутствующих. — Прямо звери!

Толстяк, выпитив губу, глянул на Терентия, на его товарищей, нахмурился, перевел взгляд на сотрудника милиции.

— Вы подтверждаете заявление моего сына?

— Э-э... я-а-а... п-понимаете...

Терентий шагнул вперед, приблизил лицо к отшатнувшемуся депутату:

— Вам хочется справедливости? Их есть у меня. Ваш сын с друзьями загремит на нары лет на семь, если вы не найдете способ смягчить наказание. Вам понятно, господин хороший?

Двое молодых мужчин, спутников Кустарникова, попытались подойти к Терентию с двух сторон, — это, очевидно, были телохранители депутата, — но им навстречу выдвинулись Славик и Жора, и клеветы Кустарникова затевать бузу не захотели.

Лицо депутата налилось кровью, он хотел что-то сказать, но наткнулся на заледеневший взгляд Ратникова и передумал. Снова обратился к сыну:

— Что ты здесь опять натворил? Я же запретил тебе... — Он осекся.

— Я не виноват, они первые напали! — огрызнулся младолетний бугай, одетый в джинсы и черную майку с черепом на груди.

— Неправда, — не выдержал Герман. — Девушка что-то тебе сказала, тебе не понравилось, и ты сбил ее с ног, а твои дружки начали ее пинать ногами. Потом я подошел...

— Тогда все зависит от вас, — проговорил Терентий. — Надо писать заявления, вызывать следователя, а далее все по закону. Свидетелей достаточно, так что никуда эти крутые молокососы не денутся.

— Ты понимаешь, с кем связался?! — двинулся к нему спутник депутата, бледнолицый, с обширной плешью, в хо-

рошо сшитом костюме с бриллиантовой заколкой на галстуке. — Мы же тебя в порошок...

— Подожди, Семен Иванович. — Депутат раздвинул толстые губы в пренебрежительной усмешке. — Этот молодой человек не понимает ситуации. Если понадобится, я найду любых свидетелей...

— Если понадобится, я вызову сюда спецназ, — вежливо ответил Терентий, — и он доставит всех вас в ближайшее отделение милиции как соучастников и вдохновителей нападения на женщину и сотрудника одной уважаемой фирмы. — Ратников повернулся к Герману. — Ты как настроен, Гера? Поможем господам понюхать парашу?

Глаза Кустарникова сузились.

— Ты кто такой, малый?

— Я не малый, а капитан ФСБ Ратников. — Терентий показал издали свое удостоверение. — Сержант, делайте свое дело. Вызывайте наряд, пока я не вызвал своих.

— Может быть, не стоит? — нерешительно произнес Герман. — Ну их к лешему! Только праздник себе испортим.

— Он уже испорчен, а урок этим уркам дать надо, — пробурчал Жора Пучков.

Кустарников и его свита обменялись взглядами. Мужчина с бриллиантовой заколкой шагнул к Ратникову, понизил голос, попытался улыбнуться:

— Ну что вы, право, сами в молодости не дрались? Ребята пошалили, согласен, но ведь не со зла, энергии много. Пять тысяч отступного вас устроит? И мы кончаем весь этот базар.

Терентий переглянулся со своими подчиненными. Их служба не рекомендовала своим сотрудникам «светиться», вступать в щекотливые ситуации, но, с другой стороны, оставлять без наказания наглецов, надеющихся на связи папаш, означало лишний раз дать им повод считать себя исключительными людьми, повелителями жизни.

— Вызывай патруль, Веня, — решил Ратников скрепя сердце. — Буфетчица говорила, что эти бандиты постоянно здесь ошиваются, хулиганят и безобразничают. Пора положить этому конец.

Лицо депутата Кустарников снова налилось кровью.

— Да я тебя!.. В три погибели!.. Из органов вылетишь!

— Вы слышали? — повернулся к свидетелям — их набралось уже человек десять — Терентий. — Он мне угрожал!

— Даже запись есть, — сказал Веня Дорофеев, показывая свой рабочий диктофон.

— Отлично! — Терентий повернулся к милиционеру. — Начинайте же работать, сержант! Иначе я и вас привлеку к ответственности за бездействие!

Взмокший, выглядевший жалко блюститель порядка развел руками, заискивающе глянул на депутата, проговорил фальшето:

— Гражданин Кустарников... э-э... и остальные... вы задержаны... Прошу оставаться в помещении до выяснения... э-э... обстоятельств...

— Зае...ся меня задерживать! — грубо оборвал его депутат. — Я лицо неприкосновенное! И мой сын тоже. Пошли, парни.

Он дернул юного бандита за руку, направился к выходу и наткнулся на Терентия. Остановился, с недоумением вздернул реденькие брови.

— Парни, уберите это говно с дороги!

Двое громил, сопровождающих Кустарникова, двинулись к Ратникову и в течение трех секунд оказались лежащими на полу с вывернутыми за спину руками. Одного скрутил Славик, второго Жора Пучков.

— Прошу свидетелей отметить нападение на сотрудников Федеральной службы безопасности, — хладнокровно проговорил не двинувшийся с места Терентий, остро глянул в бесцветные поросячьи глазки депутата. — Не усугубляйте своего положения, господин законотворец, это может очень сильно отразиться на вашей карьере.

— Наряд будет через двадцать минут, — доложил Веня. — На всякий случай я сообщил дежурному.

— Хорошо, подождем. Разыщите пострадавшую, успокойте, кончили ее переживания. Эти мальчишки больше никогда здесь не появятся.

Ратников поглядел на притихших девушек, на Германа.

— Прошу прощения, дорогие мои, светлый праздник по поводу дня рождения раба Божьего Терентия отменяется ввиду форсмажорных обстоятельств. Приглашаю всех тем не менее после того, как закончится процедура, ко мне домой на кофе.

— Это ж надо было нарваться на засранцев! — в сердцах сказал Жора Пучков. — Как говорится, и летом каждый третий отморожен.

Терентий усмехнулся. Настроение было испорчено, и даже мысль о том, что он поступил правильно, не приносила удовлетворения.

Через четверть часа приехал наряд милиции, затем следователь прокуратуры, и разбирательство инцидента завершилось только через два с лишним часа.

Депутата Кустарникова и его свиту, естественно, отпустили, а также его сына, несмотря на показания свидетелей. Он тоже подпадал под статью закона о неприкосновенности народных избранников и их семей. Приятелей девятнадцатилетнего молокососа задержали, хотя едва ли им светило что-либо серьезнее, чем наложение административного взыскания в виде штрафа за «дебош в общественном месте без отягчающих обстоятельств».

Уходя, спутник депутата с бриллиантовой заколкой процедил сквозь зубы:

— Ты еще пожалеешь, что затеял эту бодягу, капитан. Я тебе обещаю такие неприятности, что... — Он замолчал, увидев в руке Вени диктофон.

Терентий кивнул на диктофон.

— Надеюсь, вы все поняли, господин Карачаев? Помощником депутата вы будете недолго, это уж я вам обещаю. Каковы бы ни были ваши связи. Как говорил юморист: хорошее я помню, это плохое не забываю, а хорошее помню. Ничего, что я намекаю? А теперь пошел вон!

Спутник Кустарникова позеленел, пожевал губами, бросил на Терентия и его друзей злобный взгляд и вышел вслед за своим господином.

— Это называется — средь шумного бала набили хлеба-ло! — мрачно проворчал Жора Пучков, сплюнул. — Ни черта им не будет, сволочам, помяните мое слово! Дерьмократия в действии — круговая порука. А нас полковник Федотов по головке не погладит за этот инцидент.

Терентий промолчал. Он думал о том же.

— Мальчики, да ну их всех! — воскликнула Вера. — Бог им судья! Давайте все-таки посидим, расслабимся, поужинаем, выпьем за Терешу. Мало ли придурков на свете? Что ж, из-за каждого расстраиваться? Гера, открывай свое вино.

Мужчины посмотрели на нее, друг на друга и решили остаться на часок, сбросить негативные эмоции. Вскоре они почти забыли о конфликте, пытаясь развеселить именинника, за что Ратников был им благодарен. Он понимал, что стычка с депутатом еще аукнется ему каким-то образом.

В понедельник утром его вызвал к себе начальник Управления генерал-майор Приймак.

Валерий Павлович Приймак родился в Донецке в тысяча девятьсот сорок девятом году, закончил Луганский машиностроительный институт и Высшие курсы КГБ СССР в Минске. В органы госбезопасности был приглашен сразу после учебы в институте. Работал на оперативных и руководящих должностях в региональных и центральном аппарате КГБ, в Ворошиловградской области, на Камчатке, на Урале. С тысяча девятьсот восемьдесят второго года он возглавил управление Министерства безопасности по Новосибирской области, затем работал во втором Главном управлении КГБ (контрразведка) и, наконец, в тысяча девятьсот девяносто пятом году был назначен начальником Управления оперативно-поисковой работы ФСБ.

Человеком Валерий Павлович был жестким, требовательным, умным и дальновидным. Работать с ним было нелегко, но интересно, так как генерал Приймак много знал, многое умел и мыслил оригинально.

— Садись, — кивнул он Терентию, изучая какие-то фотографии в папке. Потом закрыл папку, снял очки и недовольно посмотрел на подчиненного. — Что там произошло в Голицыне, капитан? Мне звонили из аппарата Думы.

Терентий, внутренне поежась, кратко рассказал генералу историю с дракой в голицынском Доме творчества.

— Я так и думал, что они упустили самые важные подробности, — покачал головой Валерий Павлович. — Хотя все равно история противная и абсолютно не нужная. Нельзя было избежать скандала?

— Нельзя, — твердо сказал Ратников. — Уж очень нагло вел себя господин Кустарников, не говоря уже о его сынке.

— Неудивительно, у него такие связи в аппарате президента и в правительстве, что любой на его месте почувствовал бы себя императором. Инцидент мы, конечно, замнем, но будь осторожен, Терентий Георгиевич, депутат Кустарников злопамятен и мстителен. Его даже вывеска нашей конторы не пугает. Но к делу. Ты давно не был на ВВЦ?

— Где? — удивился Ратников.

— На бывшей ВДНХ.

— Да, в общем-то, давно. Честно говоря, я редко хожу по выставкам и ярмаркам. Больше по музеям.

— Музеи — дело хорошее, помогают поддерживать культурный уровень. Понимаешь, капитан, на ВВЦ стало неспокойно. Нам сигнализируют о весьма настораживающих вещах. Во-первых, в руководстве Центра возникли трения, особенно после выдвижения кандидатуры Москвы в качестве организатора международной выставки ЭКСПО-2010. Зам генерального директора яростно лезет во власть, начал войну с генеральным, не считаясь ни с чем.

— По-моему, это стандартное явление, — осторожно вставил слово Терентий. — Такие случаи нередки.

— Согласен, обычное явление. Да только сопровождается оно необычными происшествиями. Говорят, зам генерального сильно переменялся в последнее время и из заурядного криминального авторитета, опирающегося на дагестанскую группировку, вырос в фигуру, имеющую большие связи и возможности. К примеру, его часто видели в компании с Калошиным.

— Начальником администрации президента?!

— А также с нашим «папой».

Терентий невольно присвистнул.

«Папой» генерал и все сотрудники службы называли директора ФСБ.

— Кстати, встречался он и с твоим крестником, господином Кустарниковым. Я не знаю, что их объединяет и что означает этот альянс, но кое-кого в окружении президента это настораживает.

Терентий промолчал. Он знал, что Приймак дружит с начальником президентской Службы безопасности генералом Золотовым, и инициатива возбуждения оперативной разработки ВВЦ скорее всего исходила от него.

— Кроме того, на ВВЦ начали исчезать молоденькие девушки, — продолжал Валерий Павлович. — За последние две недели, по предварительным данным, исчезли четыре восемнадцатилетние девицы.

— То есть как — исчезли? — не понял Ратников.

— Это значит, что они пришли на выставку, а домой не вернулись. Возможно, число пропавших девиц больше, но в местном отделении внутренних дел лежат пока только четыре заявления. В связи со всеми этими непонятками возникает некий неясный пока ф о н ситуации. Надо понаблюдать за работой Центра. Тихо, скрытно, без шума и огласки. Особое внимание обратить на господина Савагова и его окружение.

— Кто это?

— Это и есть заместитель генерального директора Халил Магомедович Савагов. Следует также обратить внимание на юных посетительниц ВВЦ, попытаться оконтурить наиболее посещаемые ими объекты и определить п о т о к и внимания к девушкам со стороны неких сил. Если, конечно, такие силы существуют.

— Понял, товарищ генерал. Но для контроля такой огромной территории моих ребят недостаточно.

— Возьмешь в подчинение группу Завьялова и технарей. Посвящать их в задание не надо, но сориентировать стоит. Докладывать обо всем будешь лично мне.

— А Валерий Васильевич в курсе?

Полковник Федотов Валерий Васильевич был непосредственным начальником Ратникова.

— В курсе, — сказал Приймак. — Но у него много других дел, поэтому работать будешь один.

— Слушаюсь, товарищ генерал. Разрешите идти?

— Иди. — Валерий Павлович сложил фотографии в папку, передал папку Ратникову. — Здесь все материалы по ВВЦ. Информацию по исчезновению девушек получишь у Малахова.

Терентий встал, щелкнул каблуками и вышел, не ощущая особого волнения по поводу нового задания. Происходящее на ВВЦ показалось ему не слишком значительным, но генерал Приймак никогда зря не направлял своих работников просто п о н а б л ю д а т ь за объектом, и если он вдруг заинтересовался обстановкой на Всероссийском выставочном центре, это говорило о какой-то т е н д е н ц и и.

Разберемся, подумал Ратников, выходя из Управления. Хотя с чем ему придется столкнуться, он еще не представлял.

Глава 7

БРЫКИН ВОР

Илья развернул спальник, поправил надувную подушку и вылез из палатки.

Солнце зашло, и лесом овладели сумерки. Река притихла, лишь изредка шевеля волной осоку. На заводи проявилась кисея тумана. Костер у палатки стрельнул искрой, но Илья не оглянулся, глядя на реку. И вот из воды на берег вышла фея.

Прекрасное лицо с огромными серо-зелеными зовущими глазами...

Тонкий стан...

Длинные ноги...

Прилипший к бедрам и груди сарафан — купалась она только в платье, не признавая купальников...

Фея по имени Владислава. Желанная и единственная...

Он спустился с откоса, подхватил ее на руки и вынес к палатке, прижимая мокрое тело жены к себе, бережно опустил на траву. Она закинула ему руки на шею, прижалась мокрой щекой к щеке, и так они стояли некоторое время, дыша друг другом, чувствуя удивительное умиротворяющее и одновременно согревающее единение. Потом Владислава поцеловала его холодными после купания губами — нежно и трепетно, обещая, стащила платье и быстро завернулась в махровое полотенце, под села к костру, начала сушить волосы. Умолкший лес смотрел на юную женщину — ей исполнилось всего девятнадцать лет — с отеческой заботливостью, словно знал Владиславу давно, хотя по Брыкину бору Рязанщины она путешествовала впервые. Впрочем, Илья привык к этому феномену: куда бы ни попадала его жена, какие бы уголки ни посещала, всюду она была своей. Не избалованное цивилизацией дитя природы, дитя земли, она жила по ее законам, относилась к ней с уважением и любовью и получала в ответ такую же любовь и признание.

Илья тоже считал себя сыном земли, человеком стихий, постигшим душу природы, но Владислава вписывалась в картину природы естественней и проще и сама буквально олицетворяла душу мира, живущего по божеским законам мудрого долготерпения.

По Мешерскому краю Рязанщины молодая пара — относительно молодая, в том смысле, что женаты они были еще меньше года, хотя самому Пашину исполнилось уже сорок лет, — путешествовала уже вторую неделю. На турбазе «Мешера» под Спас-Клепиками Илья взял лодку, палатку и все необходимое для долгого похода, и они направились сначала вверх по течению Пры, чтобы дойти до Ялмы, посетить церковь Покрова на Пре и несколько дней провести в сосновом бору с корабельными, высокими и светящимися янтарной корой соснами. Затем вернулись на турбазу, сутки отсыпались в «нормальном» гостиничном номере и снова ушли по Пре, только теперь вниз, по направлению к Оке, в которую

полусотней километров ниже и впадала лесная, насыщенная соками торфяников, извилистая речка Пра, воспетая еще Паустовским. Илья хотел, во-первых, показать Владиславе природу родного края: в Рязанской губернии родился отец и жила вся его родня. Во-вторых, побывать на курганах, где недавно начала работать этноархеологическая экспедиция Академии наук во главе с профессором Мухинским, которого Пашин хорошо знал. В-третьих, от родичей он совершенно случайно узнал, что в Брыкином бору тоже есть курган, о котором ходила в народе дурная слава: якобы в этом месте раз в год собираются на шабаш все злые силы, пропадают коровы и собаки и даже люди. Курган пробовали раскапывать, но уже на вторые сутки все археологи дружно заболели — кто гриппом, кто ветрянкой — и от затей отказались. Естественно, столь необычные события не могли оставить равнодушным знаменитого путешественника и исследователя Пашина, не один раз обогнувшего Землю кругом и сделавшего немало открытий.

Восемнадцатого июня лодка с двумя гребцами (Владислава любила грести наравне с мужем) пристала к берегу небольшого островка, образованного старицей и новым руслом Пры всего в пяти верстах от древнего славянского городища, сохранившегося с первого века нашей эры. Два дня молодые провели в компании археологов, раскапывающих городище, а потом снялись и поплыли к Брыкину бору, чтобы найти курган, о котором Илье рассказывал его дальний родич дед Ерема.

Двадцать первого июня они разбили лагерь на правом берегу Пры, недалеко от кордона Старый, выбрав место повыше и посуше, хотя сделать это было трудно. Здесь начиналось знаменитое Бабье болото, труднопроходимое даже зимой. Однако Илья хорошо знал эти места и не боялся мешчерских болот, прекрасно разбираясь в их топологии.

Кроме болот, на территории заповедника располагалось множество небольших озер. Вода в них из-за близости торфяников имела своеобразный светло-коричневый цвет. Единственное озеро с совершенно прозрачной водой по природе своей было карстовым и называлось Свято-Лубяницким. Именно возле него и располагался «запретный» курган, известный своим недобрым отношением ко всему живому. А от того места, где поставили палатку Илья и Владислава, до кургана по прямой через лес и болото было всего три с не-

большим километра. Пашин намеревался выйти к кургану «с тыла», со стороны болота, изучить подходы к нему, наметить шурфы и вернуться к реке. Основную же экспедицию по изучению заинтересовавшего его объекта Илья собирался организовать в середине июля, когда мешчерские болота подсохнут, чтобы легче было перетаскивать необходимое снаряжение.

— Расскажи, почему лес называется Брыкиным бором, — попросила Владислава, замороженная язычками огня.

— В здешних краях прятался в девятнадцатом веке разбойничий атаман Брыкин, — с готовностью ответил Илья, подбросил в костер заранее нарубленных веток. — Грабил мужик проходившие по Оке пароходы, а скрывался в бору. Отсюда и название. Километрах в десяти ниже по течению Пры — если по прямой — стоит поселок с таким же названием. В нем находится центральная усадьба Окского биосферного заповедника. Я там останавливался несколько раз. Это вотчина помещицы Беклемишевой Елизаветы Федоровны, мои деды ей служили в давние времена. Хотя усадьба помещицы располагалась в Лакаше, есть такой поселочек в шести километрах от Брыкина бора, там теперь стоит известная лакашинская больница. Парк там очень красивый.

— Сам видел или рассказывали?

— Я гулял по этому парку. Помещица была женщиной современной и неглупой, даже оранжерею с экзотическими деревьями построила. А вообще она занималась развитием молочного животноводства. В те годы крестьянам жилось при ней вольготно. Пахотной земли у Беклемишевых было сравнительно немного, но поля хорошо удобрялись и давали немалые урожаи. Да и управляющие рассчитывались за работу в тот же день, так что крестьяне охотно работали на полях и в усадьбе. При ней же началось строительство стекольного завода, ставшего потом знаменитым своим зеркальным стеклом. Правда, проработал завод недолго, всего два года.

— Почему? Атаман этот напал, Брыкин?

— Нет, он раньше здесь промышлял. Закрыли завод конкуренты из Екатеринославля. Кстати, утверждают, что атаман Брыкин зарыл где-то на Пре лодку с золотом.

Владислава оторвалась от созерцания костра, с любопытством посмотрела на лицо мужа, освещенное мятущимся пламенем.

— Ты не пробовал искать?

— Были планы, — смущенно признался Илья. — Лодка с золотом мне не помешала бы. Но потом нашлись более интересные маршруты.

— Какие?

— Не поверишь — я увлекся степями Сибири и Приморья.

— Чем же они тебя заинтересовали?

— Ты что-нибудь слышала о чжурчженях?

— Ничего, — покачала головой Владислава. — Кто это?

— Тысячи лет назад империя чжурчженей располагалась на территории Китая, Монголии и Приморского края России вплоть до Северного Ледовитого океана. Ее предшественница — Бохайская цивилизация вообще занимала всю Сибирь до Урала и юг Азии до Индийского океана. От нее почти ничего не осталось, только ровные как стол низины. Природа такие безупречно ровные поверхности создавать не научилась, это дело рук бохайцев и чжурчженей, потомков гиперборейцев, спустившихся по материку с севера, когда их собственный материк затонул.

— Ты хочешь сказать, что степи Сибири и Приморья — искусственные сооружения?

— Не все, только идеально ровные и защищенные горами. Но это такие же мегалитические сооружения древности, как Стоунхендж в Англии, пирамиды Египта и Южной Америки, гигантские статуи острова Пасхи и другие.

— Великая Китайская стена.

— Великих Китайских стены две. Ту, которую знают все, с башнями и дорогой поверху, делали не так давно, как это пытаются доказать китайские историки. Более древняя Китайская стена охраняла Китай от чжурчженей с севера, но она плохо сохранилась. Теперь это в основном длинные извилистые увалы и гребни, напоминающие Змиевы валы в Закарпатье.

Илья снял котелок, заварил чай и разлил ароматно пахнувший напиток по кружкам.

Владислава нырнула в палатку, переделась и вернулась к костру уже в джинсах, майке и ветровке. Взяла из рук мужа кружку, пряник и села рядом на валежину, прижавшись к нему плечом.

— Ты так много знаешь, прямо ужас! Я тобой горжусь.

— Глупости, — отмахнулся Илья, — я знаю лишь самое необходимое. Вот кто действительно много знает, так это...

— Ученые?

— Ну, в какой-то мере они действительно информированы, хотя все они в большинстве своем узкие специалисты, разбираются лишь в своей области знания. Но есть люди универсального знания, хранители тайн древних цивилизаций.

— Волхвы?

— На Руси волхвы, ведуны, в других странах — держатели Внутреннего Круга человечества.

— А Витязи?

— Витязи — это сотрудники службы безопасности Внутреннего Круга, в некотором роде чекисты, они поддерживают Равновесие Круга и охраняют его порядки. Один из них помог нам тогда, на озере.

Владислава вздрогнула, потрогала висящий на груди амулет в форме девятилучевой звезды — талисман Святого Духа, символ чистоты и непорочности.

— Не вспоминай...

Рад бы, да не могу, хотел было ответить Илья, но сдержался. Обнял жену, успокаивающе провел ладонью по влажным распущенным волосам.

— Да я и не вспоминаю. Вернее, вспоминаю только тех, кого потеряли. До сих пор мучает вопрос, куда делся Евстигней. Не хочется верить, что он погиб, он же волхв, большой силы человек.

— Может быть, он еще напомним о себе...

— Дай Бог!

Помолчали, прихлебывая чай и глядя на костер.

— Я по Валерий соскучилась, — призналась вдруг Владислава.

— Да и я тоже, — отозвался Илья. — Давно с Гроном не беседовал. Интересно, как они там устроились? Вернемся, сразу в гости позовем.

— А телевизор разрешишь смотреть?

Пашин засмеялся. Его юная жена выросла в глухой деревне, куда цивилизация так и не успела заглянуть, и, впервые увидев у мужа в квартире плоский экран «Панасоника», преисполнилась детского восторга и уважения. Телевизор она готова была смотреть с утра до вечера.

— Разве я тебе запрещал это делать? Просто ты должна помнить, что телевидение, да и вообще средства массовой информации не просто сообщают о неких фактах и событиях, но часто так препарируют информацию, что она изменяется до неузнаваемости. Сознание и память зрителя и читате-

ля наполняются ненужными второстепенными знаниями, не дающими ни полноценного счастья, ни ответов на запросы духовного порядка.

— Но ведь ты смотришь телевизор?

— Очень редко. Для меня он не полезный информатор и приятный собеседник, а вампир, питающийся энергией человеческого внимания, интеллекта и эмоций. Он буквально выкачивает умственную и душевную энергию людей, навязывая более низкие энергии и возбуждая звериные инстинкты и эмоции страха, агрессии, секса, вожделения и злобы. Я не рекомендовал бы тебе смотреть все подряд.

— Я не смотрю все подряд, только путешествия и концерты. И моды...

Илья снова засмеялся, чмокнул жену в щеку.

— Смотри, что хочешь, детеныш, я верю, что ты сама отличишь ложь от правды и добро от зла. Ну что, пойдем спать? Поздно уже.

— Я еще хочу посидеть, люблю смотреть на пламя.

— Хорошо, посиди. Я схожу в лес, посмотрю на звезды.

Владислава улыбнулась, устроилась поудобнее: легла животом вниз на плащ-накидку и утвердила подбородок на сжатые кулачки. На огонь она могла смотреть, не мигая и не отрываясь, очень долго, что, как знал Илья, способствовало энергетической подпитке и очищению души.

Он накинул на плечи ветровку — к ночи похолодало — и направился за палатку в лес. Однако далеко заходить не стал. Вдруг показалось, что деревья вокруг, доброжелательно смотревшие на человека в мирном оцепенении вечера, буквально по е ж и л с ь и по их ветвям пробежал бестелесный шепоток. Илья замер, прислушиваясь к ставшей настороженной тишине, и метнулся назад, к палатке, где у него лежал зачехленный охотничий карабин «тайга» двенадцатого калибра. К лагерю с востока, со стороны Бабьего болота, приближались гости, причем гости опасные, судя по реакции леса, с которым Пашин умел разговаривать почти как с человеком.

Его встретила обеспокоенная Владислава, дотронулась до своего амулета на цепочке.

— Свентик с в е т и т с я. Ты кого-нибудь не...

Илья прижал палец к губам, подтолкнул жену к палатке.

— Спрячься, возьми ружье и жди.

Владислава, понимавшая мужа с полуслова, послушно скрылась в палатке, зашелестела чехлом, вынимая карабин.

Илья вернулся к костру, сел на валежину, подбросил в огонь веток. Рассредоточив внимание, он перешел в состояние «сторожевой паутины» и — не услышал — почувствовал приближение людей. К лагерю шли трое, очень тихо, не поднимая ни малейшего шума, не наступая на сухие ветки и не шелестя одеждой о кусты. Все трое были абсолютно закрыты — Илья не видел их аурного свечения — и очень опасны, особенно тот, что шел последним.

Сама собой сработала защитная система организма, переводя сознание в особое измененное состояние ПАО, состояние предбоевого транса.

Незнакомцы остановились в двадцати шагах от костра, прячась за деревьями.

Илья повернул в их сторону освещенное пламенем костра лицо, сделал приглашающий жест.

— Присоединяйтесь, гости нежданные, погрейтесь у живого огонька, чайку испейте.

Некоторое время было тихо, потом зашевелились ветки ольховника, и на поляну с палаткой вышли двое, одетые не по-летнему тепло. Один — в плотную серую рубаху и черную безрукавку, в штаны, заправленные в сапоги, плотного сложения, черноволосый и чернобородый. Второй, опиравшийся на суковатый посох, — в длинный черный плащ до пят, напоминающий рясу, с необычным медальоном на груди в форме «недокрученной» свастики. Он был горбат, но высок, с длинной бородой, в которой серебрились седые пряди, и с такими же полуседыми волосами. Судя по сухому лицу, это был глубокий старик. Хотя глаза его сверкали молодо и прятали брезгливо-высокомерную с и л у.

Они подошли к костру, остановились напротив спокойно сидевшего с веточкой в руке Пашина, разглядывая бивуак и его владельца.

— А третий-то что ж не выходит? — простодушно поинтересовался Илья. — Неужели стесняется? Или боится? Один я, чего бояться-то?

Гости переглянулись, однако смолчали, продолжая всматриваться в хозяина лодки и палатки. Не вышел к костру третий визитер, только бесшумно переместился на другое место, огибая открытое пространство, прячась за деревьями. Показалось Илье, что он слышит еще одного человека в глубине

леса, но в это время горбатый монах заговорил низким голосом:

— Не страшно одному-то в наши времена по диким местам бродить, Илья Константинович?

Гости знали Пашина, а это означало, что искали они именно его.

— Не один он, — хриплым басом отозвался чернобородый угрюмый спутник горбуна, производивший странное впечатление ожившего мертвеца. — Баба в палатке прячется.

— Так ведь дикие эти места только для тех, — безмятежно произнес Илья, — кто природу не любит. Для меня они — открытая книга. Да и кого бояться? Лихие люди по лесам да по болотам редко шастают, к тому же против них у меня оружие имеется. А звери — братья мои меньшие, с ними я всегда договориться могу.

Горбатый усмехнулся.

— А ну как врази твоя настигнут? Вряд ли оружие поможет. Даже если ты посвятишься в Витязи.

Илья остался с виду невозмутимым и спокойным, только «взвел курок» тем па, готовясь к действию. Он уже понял, кто перед ним: хха — охранники храма Морока, целый год не подававшие о себе весточки. Илья знал, что после боя с охраной и жрецами храма особая команда ФСБ прочесала весь остров Войцы и окрестности озера Нильского, на берегу которого стоял храм, но ничего не нашла. Храм как сквозь землю провалился, а вместе с ним и его владельцы, служители дьявольского культа Морока. И вот они появились за сотни километров от озера Ильмень, в дремучем лесу, безошибочно определив местонахождение одного из тех, кто украл у них каменную плиту с Ликом Беса — Врата Морока — и нарушил все их планы.

— Откуда вы знаете о посвящении? — тем же индифферентным, обманчиво-простодушным тоном осведомился Илья. — Разве мы встречались с вами... господин колдун?

Брови горбатого старика прыгнули вверх.

— Неужель признал?

— У вас на лбу написано, — усмехнулся Илья. — Да и кто другой может с такой легкостью пройти по здешним болотам?

— Это надо понимать так, что колдунов ты тоже не боишься?

— Боюсь, — признался Пашин. — Хотя точно знаю, что они тоже с м е р т н ы.

Старик нахмурился, сверкнул глазами.

— Зело ты остер на язык; Илья Константинович, как бы это не отразилось на твоём здоровье.

Принахмурился и Пашин.

— Вот что, господа хорошие, или говорите, зачем пожаловали, или убирайтесь подобру-поздорову. Лес велик, везде остановиться можно.

— Не груби, невежа, — покачал головой чернобородый мужик, чей облик стал казаться Илье знакомым. — Мы ведь можем и осерчать.

— Так ведь и я могу рассердиться, — совсем холодно проговорил он, раздумывая, как поступить с гостями, добавил с иронией: — Я тебя сюда не звал, сотник.

Гости снова переглянулись, озадаченные не столько спокойствием Пашина, сколько его осведомленностью.

— Я из него душу вытрясу! — мрачно пообещал чернобородый.

Илья узнал его — это был Потап Лиховский, командир хха и слуга жрицы Пелагеи.

— Сначала пусть ответит на пару вопросов, — медленно проговорил старик, пытаясь взглядом загипнотизировать Пашина. — Скажи-ка нам, молодец, кому Евстигней передал свою последнюю р у н о в я з ь? А тако ж цату, знак волховской власти?

— Это ты у него спроси, колдун, — посоветовал Илья, слыша поплывший в ушах звон; горбатый визитер был очень сильным магом, знал повеление, и бороться с ним в пси-поле на равных было невозможно.

Старик взялся рукой за перекладину засветившегося креста-свастики.

— Не тебе ли он завещал свой консуетал?

— Консуетал у каждого свой, — качнул головой Илья, не понимая, почему он продолжает сидеть на бревне, вместо того чтобы встать и отогнать странных гостей. — У вас ко мне все?

— Говори, где этот старый дурень спрятал руновязь и цату? Иначе на всю оставшуюся жизнь сделаешься немым! Ну?!

Илья с невероятным трудом заставил себя подняться на ослабевших ногах.

— Шел бы ты своей дорогой, несвятой отец! Убирайся вон!

Глаза горбуна полыхнули черным огнем. Он поднял посох, направляя острие в грудь Пашина, и в это мгновение из палатки выскочила Владислава с карабином в руках.

— Прекратите сейчас же! Уходите! Я буду стрелять!

Посох повернулся к ней, метнул извилистую зелено-фиолетовую молнию, вонзившуюся в карабин. Девушка вскрикнула, отшатнулась, роняя оружие, и упала на палатку.

Илья кинулся было к ней, потом уловил краем глаза движение горбуна и изменил направление, ныряя на траву и пропуская над собой новый энергетический разряд. И все же справиться с разъяренным его сопротивлением магом он, наверное, не смог бы, если бы не вмешательство другого действующего лица.

Что-то просвистело над плечом Пашина, и в руку горбатого монаха вонзилось льдисто мерцающее лезвие ножа. Старик гортанно вскрикнул, выронил посох.

Илья бросился к нему, наткнулся на чернобородого Потапа и вынужден был некоторое время отбивать его вполне профессиональные атаки, пока не поймал его на прием и не бросил противника боковым хватом через бедро прямо в костер. Бывший сотник Пелагеи ошалело подхватился на ноги, начал сбивать искры с бороды и с рубахи на груди, кинулся было на Пашина, и в этот момент раздался гулкий, разорвавший тишину леса на каркающие отголоски выстрел. Пуля попала в другую руку колдуна, дотянувшуюся до посоха, — нож из правой руки он уже успел вытащить, — и старик вторично уронил свое неказистое с виду, но грозное оружие, представляющее собой разрядник черной с и л ы.

Костер, разметанный по сторонам телом сотника, почти погас, однако на фоне темно-синего неба шевельнулся человеческий силуэт с карабином в руке, раздался сильный уверенный баритон:

— Мужчина, вы стрельбу-то прекратите!

Горбатый монах вытянул в сторону незнакомца руку, сжатую в кулак. С перстня на указательном пальце сорвалась пронзительно голубая искра, но в человека не попала, с треском пробила полог палатки и погасла. В ответ раздался еще один выстрел — совсем не с того места, где только что стоял неожиданный союзник Пашина. Пуля звучно вошла в ствол сосны за спиной горбуна.

— Не мечи икру, Хрис, — посоветовал тот же голос. — Ты нынче не в форме, пожалей ниргуну, чай, запасов-то мало осталось. Не следовало тебе расхотеть юаньшэньши на женщин.

— Кто ты? — прохрипел горбатый монах.

— Витязь, знамо дело, — отозвался незнакомец весело. — Да и не и с к р и так сильно м ы с л ь ю, не придет на помощь твой засадник, урезонил я его.

Монах подобрал посох, но стрелять из него не стал, сгорбился, отступил к деревьям.

— Уходим, сотник.

Чернобородый заковылял к нему, оглянулся.

— Я тебя еще навещу, паря, сам цату и руну отдашь. Дружок твой тоже несговорчивый оказался, пришлось его...

— Потап!

Чернобородый умолк и скрылся за кустами лещины. Исчез и колдун. Лишь через полминуты со стороны болота прилетел его свистящий н а п р а в л е н н ы й шепот:

— Я вас найду, Витязи!

Затем лесом снова овладела тишина.

Илья опомнился, подбежал к лежащей навзничь без движения Владиславе, прижал ухо к груди, с облегчением выдохнул. Девушка была жива, только находилась без сознания. Незнакомец, спасший Пашина и его жену, подошел к ним, положил руку на лоб Владиславы, подержал немного и разогнулся.

— Ничего страшного, скоро очнется. Талисман спас ее, отвел ручей черной с и л ы. А тебе, Илья Константинович, следовало бы действовать побыстрее и порешительней. Слуги Морока шутить не любят и появляются не зря. С ними нельзя долго разговаривать — з а м о р о ч а т.

— Спасибо, друг, — сказал Илья глухо, чувствуя головокружение. — Кто вы?

— Меня зовут Георгий. И мы уже встречались.

Костер в трех шагах от палатки внезапно выбросил язычок огня, и в этом зыбком прыгающем свете Пашин увидел лицо неожиданного спасителя. Он узнал его: этот молодой с виду, лет тридцати пяти, мужчина помогал им бежать из храма Морока год назад.

Через несколько минут все трое сидели у вновь разведенного костра и беседовали. Владислава пришла в себя, но зябла и сидела закутанная в одеяло, прижимаясь к плечу Ильи.

Поначалу и он чувствовал себя неуютно, прислушиваясь к лесной тишине, то и дело переходя на «внеглазное» зрение, потом заметил веселый огонек в глазах Георгия и расслабился. Колдун по имени Хрис и его свита покинули Брыкин бор, владея, очевидно, легкоступом, и были далеко отсюда.

Выпили по кружке чаю, подсластив его ягодами земляники, которую насобирала днем Владислава.

— Спасибо за помощь, — сказал Илья, погладив вздрагивающие на его локте пальцы жены. — Без вас нам пришлось бы туго. Как говорил один поэт: я думал, нас пришли лечить, а нас приехали мочить.

Георгий усмехнулся.

— Хрисанф постарел и потерял большую часть своей черной с и л ы, но все еще очень опасен. С ним нельзя вести беседу, он владеет у с т р о е н и е м р е ч е н и я, то есть умением морочить голову и отводить глаза.

— Гипнозом.

— Можно сказать и так.

— Вы за нами следили?

— Зачем? — не понял сотрудник ведической службы безопасности. — Достаточно знать линию ваших намерений, чтобы найти координаты местонахождения. Вам пора научиться блокировать свои мысленные целеустановки. Хрис боялся, что вы посвящены в Витязи и знаете методы маскировки, поэтому шел к вам извилистым путем. Я же шел напрямик.

— Вовремя появились, еще раз спасибо.

— Не за что, обретенник.

— Как-как? Кем вы меня назвали?

— Вы еще не Витязь, Илья Константинович, только ученик или скорее куколка Витязя. По-старорусски — обретенник.

— Я думал, обо мне забыли... после Ильмена. Ни слова, ни взгляда, ни письма, ни намека.

— Всему свое время, да и забот у наших копных правил (он сделал ударение на последнем слого) много, не поспевают они за всем. Однако времени у меня мало, поэтому перейдем к делу, с вашего разрешения.

Илья покосился на жену.

— Может, поговорим вдвоем?

— Зачем? Она тоже обретенница-ведунья, пусть знает. Нельзя вас отделять друг от друга, такая уж планида на двоих.

— Карма?

— Пусть будет карма, термин не суть важен, главное — внутреннее наполнение. Раньше на Руси говорили — судьбина, реже — юдоль или перст Божий. А пришел я к вам вот с каким замыслом. Евстигней Поликарпович в последнее время занимался руноплетением...

— Этот колдун требовал, чтобы я отдал ему некую руну о-в-я-з-ь.

Георгий кивнул.

— Они знают, что существует Руна Света, вызывающая белых богов. А Евстигней нашел к ней ключ. Но никто не знает точно, удалось ему связать Руну Света или нет. В связи с этим тебе первое задание.

Георгий перешел на «ты», и Пашин отметил этот факт про себя, хотя возражений на сей счет не имел.

— Надо попытаться найти володаря с Руной.

— Что такое володарь?

— Руны вырезаются либо на деревянной доске, либо на бересте, эта основа и называется володарем. Грамоты и всея-светные книги Евстигнея мы нашли и передали кому следует, а вот володарь — нет. Попробуй теперь ты.

Илья хотел спросить: где же я его найду, не будучи ни родственником волхва, ни посвященным? — но вовремя прикусил язык. Возможно, задание было тестом для инициации посвящения. Его надо было выполнить самостоятельно.

— Что еще?

Георгий понял заминку собеседника, дернул уголком губ.

— Этого вполне достаточно. Но хочу предупредить. В разных районах центрального региона России начали исчезать молоденькие девушки.

Владислава вздрогнула.

Илья успокаивающе прижал ее к себе, пристально взгляделся в смуглое невозмутимое лицо Витязя.

— Вы хотите сказать, что...

— Началась подготовка к и с х о д у Морока. Он и так задержался на Земле, породив неисчислимые бедствия, а теперь собрался домой, на отдых. Все его холуи активизировались, в том числе и бывший маг-опорник храма Хрисанф. Они хотят восстановить модуль выхода.

— Врата с Ликом Беса? Но ведь мы их сожгли.

— Модуль действительно можно восстановить. Либо с помощью Руны Света, как ни странно, либо с помощью гека-томбы — глобального жертвоприношения девственниц.

— Вот почему исчезают девушки! Их ловят слуги Морока! Вы знаете, кто этим занимается?

— Пока нет. Есть подозрения, что место Клементьева занял новый Черный Вей, эмиссар Морока. Но кто он, где окопался, точных данных нет. Мы подключили к этой проблеме кое-кого из обретенников, но результата еще не видно. Так вот, Илья Константинович...

— Можно просто Илья.

— В связи с активизацией черных обавников возникает проблема защиты всех, кто год назад нанес ошутимый вред делу з в е р я. То есть Морока. Сегодняшний визит Хриса подтверждает мои предположения. На вас началась самая настоящая охота. Предупредите всех соратников об опасности. Берегитесь в с е л е н и й. Пси-матрица Морока способна внедряться в любой предмет и вселяться в любое живое существо.

— Понятно, — кивнул Илья.

— И мой тебе совет: узришь о б а в н и к а или хх — не вступай с ними в вербальный контакт, бей первым, на уничтожение!

— Понял.

— Разве это обязательно — уничтожать людей? — не выдержала Владислава. — Даже если они бандиты — они все равно люди.

Мужчины переглянулись.

— Люди, которые ставят себя вне рамок человеческого общества, — мягко сказал Георгий, — уже не люди. Задача защиты от них первична, все остальное, включая понимание и профилактику, вторично.

— Все равно меня учили, что никого нельзя убивать.

— Ситуация выбора неизбежна: или бандиты, или невинные люди. В тот момент, когда бандит, конечно же, имеющий право на индивидуальную свободу, покушается на свободу или жизнь другого индивидуума, он сразу выходит за грань божественного закона. Мне, например, далеко не все равно, кто останется в живых в результате конфликта: бандит, убийца, террорист или мой друг, жена, брат, сестра, дочь или сын. Однозначно бандит жить не должен!

— Но ведь прежде надо понять причины... — с меньшей уверенностью сказала Владислава.

— Понимание причин агрессивности и целеустановок бандитов не должно означать прощения агрессии. Если мы не будем защищать себя, своих близких, свой род — мы по-

гибнем. К сожалению, у меня нет времени на долгую дискуссию. Возможно, мы еще встретимся и вернемся к этому разговору.

Георгий встал.

Илья поднялся тоже, глядя в глаза гостя.

— Возьми, — протянул ему тот какой-то тускло блеснувший кругляш с тонким муаровым рисунком, напоминающим мандалу.

— Что это?

— Цата, амулет Белобога, символ власти белого волхва. Он принадлежал Евстигнею.

— Значит, Евстигней все-таки... погиб?

Георгий отвернулся, подержал руки над костром.

— Все мы смертны. Волхвы тоже. Хотя он был моим учителем и мне его будет не хватать. Прощай.

— Пойдите, — засуетился Илья, — зачем мне цата, символ власти? Я не волхв и даже не посвященный...

— Посвящение бывает разным. одно из них ты уже прошел. Теперь ты — п р е д р е ч е н н и к. Цата защитит тебя, если твои внутренние помыслы отвечают духовной печати Белобога. Я верю, что это так. До встречи, друг. Желаю счастья, милая барышня.

Георгий поклонился и зашагал к лесу, не оглядываясь, исчез в темноте. Илья попытался проследить за его движением, но ничего не услышал. Скорее всего Витязь тоже владел легкоступом и мог перемещаться на большие расстояния мгновенно.

— Что все это значит? — тихо проговорила Владислава, прижавшая кулачки к груди.

Илья посмотрел на тяжелый холодный кругляш из серебристого металла, похожего на серебро, спрятал его в карман ветровки и сказал со вздохом:

— Это значит, милая барышня, что экспедиция к кургану откладывается на неопределенное время. Надо срочно ехать в Москву, искать наших друзей: Грома, Валерию, Серафима, — и предупредить их о новом появлении з в е р я.

— Я... боюсь! — зябко вздрогнула Владислава.

Илья молча обнял жену, понимая, что их спокойная мирная жизнь закончилась.

Глава 8

ПРОГУЛКИ ПО ВВЦ

Система технических средств по обеспечению оперативно-розыскных мероприятий (СОРМ), открывающая возможность съема служебной и личной информации, передаваемой и принимаемой любым пользователем Интернета, была внедрена в начале две тысячи первого года. Спецслужбы России получили уникальное средство перлюстрации электронной почты и получения данных о конкретных пользователях компьютерной техники. Конечно, существовали юридические ограничения на просмотр передаваемой по сети информации, да и криптографическая защита часто не позволяла желающим подсмотреть частную жизнь интернетчиков и скачать нужную им информацию. Однако для специалистов-электронщиков ФСБ никаких ограничений не существовало, взламывать коды защиты компьютерных сетей они умели не хуже любого хакера-любителя, и если появлялась необходимость оперативной разработки подозреваемого в противоправной деятельности лица, СОРМ включалась независимо от того, есть на это разрешение компетентных органов или нет.

Естественно, получив задание начальника Управления, Ратников подключил к своей группе бригаду компьютерщиков майора Завьялова, и они накрыли колпаком СОРМ Всероссийский выставочный центр.

Всего на территории ВВЦ располагалось шестьдесят восемь павильонов и около тридцати вспомогательных объектов разного уровня сложности и необходимости, но лишь двадцать три из них имели компьютерные центры и были подсоединены к Интернету, в том числе — рабочие кабинеты гендиректора и его заместителей. Внедрившись в эти системы, спецы СОРМ установили круглосуточное дежурство в соответствии с целеполаганием задания, и уже на второй день Ратников получил пакет данных о деятельности всех хозяйственных служб ВВЦ. Однако Терентия интересовали только два человека — сам генеральный и его заместитель Халил Савагов, а также сведения о посещении ВВЦ девушками в возрасте от шестнадцати до двадцати лет. Выяснив места наиболее вероятных скоплений этих в высшей степени приятных «объектов внимания», Ратников сориентировал

своих орлов на поиски «странного поведения» мужчин относительно этих объектов и принялся составлять социально-математическую модель происходящих на ВВЦ исчезновений молодых девиц. К субботе к четырем пропавшим на территории Центра девушкам добавилась еще одна, и стало ясно, что случайным стечением обстоятельств здесь не пахнет. На ВВЦ работала какая-то система похищения девушек, не допустившая пока ни одного промаха. Анализируя ситуацию, Ратников нашел лишь одну зацепку: все пропавшие без вести девушки имели один и тот же возраст — восемнадцать лет. Это не намного сужало диапазон информационного поиска, но давало возможность оперативникам сосредоточить внимание на тех «злачных» местах ВВЦ, которые могли заинтересовать только таких юных посетительниц.

Вероятных объектов набралось семнадцать, не считая открытых площадок и торговых рядов и палаток. Среди этих строений ВВЦ оказался и павильон под номером пятьдесят семь, в котором нынешним летом располагался торгово-выставочный комплекс «Европейская мода». Не было ничего удивительного в том, что основную массу посетителей павильона составляли молодые женщины и девушки, в том числе совсем юные — восемнадцатилетние.

Поскольку командовать группой из здания Управления было невозможно, Ратников загнал на ВВЦ, к выводному кругу между пятьдесят шестым и сорок седьмым павильонами машину технического обеспечения и поселился в ней, подключившись к сети оперативной связи сотрудников, рассредоточившихся по огромной территории Центра. Каждый из них имел спецрацию и слышал переговоры товарищей и указания начальства.

Сидеть в металлической кабине, набитой аппаратурой, в летнюю жару было тяжело, несмотря на кондиционеры и наличие холодных напитков в баре, но Ратников терпел, изредка вылезая из машины (с виду — обыкновенной «Газели» с надписью «Продукты» на борту), чтобы размять мышцы.

В одиннадцать часов, когда он таким образом прогуливался по асфальту вдоль коробки пятьдесят четвертого павильона, рация заговорила голосом лейтенанта Славика:

— Шеф, здесь начинается интересное представление, не хочешь подойти?

— Что и где? — коротко осведомился Терентий.

— В пятьдесят седьмом на втором этаже организовали

кастинг. Какая-то капитал-группа «Модус вивенди» собирается снимать телефильм и отбирает девушек. Что характерно: требуются девушки возрастом от восемнадцати до девятнадцати лет.

Ратников размышлял недолго.

— Иду. Ты где?

— Буду у аптеки на первом этаже.

— Где остальные?

— Обижаешь, командир, на местах, разумеется. Жора в двадцатке, Веня в шестьдесят девятом, там тоже наблюдается концентрация молодежи в связи с выставкой французского парфюма.

— Что-нибудь заметили?

— Пока нет, командир, — в один голос отозвались Жора Пучков и Веня Дорофеев.

Терентий спрятал пенальчик рации в карман (для работы на ВВЦ они были вынуждены взять рации, замаскированные под мобильные телефоны, так как человек с усиком микрофона у губ смотрелся бы в толпе с п е ц и ф и ч е с к и — как пастух в стаде) и мимо памятника «Востоку» зашагал к пятидесяти седьмому павильону, одному из самых больших на ВВЦ, где уже третий день проходила выставка-ярмарка европейской моды.

Славик, одетый в джинсы и голубую рубашку с короткими рукавами, с эмблемой КВН на груди, ничем не выделялся из толпы. Впрочем, как и Терентий, одетый во все белое плюс белая жилетка — последний писк моды; этим летом было модно ходить в жилетках без пиджаков, даже вечерами в театры и рестораны.

Они обменялись рукопожатием, с улыбками похлопали друг друга по плечам, будто встретились здесь случайно. Со стороны они выглядели абсолютно обыденно, как и десятки и сотни других встречающихся молодых людей, и только опытный взгляд профессионального наблюдателя отметил бы их скупые движения, цепкие внимательные глаза и г о т о в н о с т ь действовать. Эти двое р а б о т а л и, в отличие от праздношатающейся публики.

Через центральный вход прошла группа молодых людей, расталкивая всех желающих попасть в павильон. Они все были одеты в серые костюмы с торчащими из карманов на груди усами антенн и вели себя с броской выразительностью. Это были телохранители какого-то крутого бизнесмена или

же депутата Думы, вальяжно шагавшего в окружении своих шестерок с видом бога, уставшего от творения очередной вселенной.

Охрана входа пропустила процессию, не спрашивая документов, и Славик сказал с философской индифферентностью:

— Они живут, как хотят. — Подумав, добавил: — А мы живем, как можем.

— Не переживай, — усмехнулся Терентий. — Это типичный кжи.

— Кто? — не понял лейтенант.

— Ты не читал «Час быка» Ефремова? Там у него бандиты и подобные этому надутому индюку люди называются кжи — короткоживущие.

— Метко, — согласился Славик. — Ну что, пойдем полюбуемся на цветник фигурок, ножек и сисек?

Ратников покачал головой, оценивая сомнительную остроту, и Славик, заметив его жест, виновато улыбнулся.

— Я без всякой задней мысли.

— Ну естественно, — проворчал Терентий, — мысли у тебя были самые что ни на есть передние.

Они поднялись на второй этаж здания и увидели толпу девушек самых разных возрастов, осаждающую вход в один из отгороженных боксов с плакатом: «Модус вивенди. Кинокомпания Т-34». Ниже висело объявление: «Конкурс на участие в съемках телесериала «Сестра брата».

Ратников и Славик обменялись взглядами.

— По-моему, чистейшей воды лажа, — заметил лейтенант.

— Подойдем поближе.

— Там дежурят Федор и Анна.

— Может, запустим туда Анну?

— Мы уже подумали об этом, но охранник на входе, колоритный такой мужичок в черном, спросил возраст и Анечку не пустил. Да и выглядит она не на восемнадцать.

— Выход из бокса тут же?

— Нет, с другой стороны, сразу на лестницу и на улицу. Там дежурит Вадик.

— Ничего подозрительного не заметили?

— Пока все тихо. Сколько зашло народу, столько же и вышло.

Терентий оглядел шумную толпу девиц и наткнулся на

взгляд изумительно красивой шатенки с большими лучистыми серыми глазами. Она была в белом шелковом платье чуть выше колен, с размытыми акварельно-цветочными композициями, вызывающими ощущение полета. Платье обтекало тело и подчеркивало достоинства фигуры. На ногах девушки красовались белые босоножки, в руках она держала серебристую сумочку. Лицо у нее было овальное, пунцовые губы исключительно четкого рисунка — сердечком — улыбались. Прямой носик, брови крыльями, широкий лоб и длинные, до талии, волосы. В общем-то, все как у всех. И в то же время облик незнакомки так конкретно выражал вкус Терентия и его понимание слова «красота», что у него оборвалось дыхание и в ушах поплыл звон как от удара по затылку.

— Ты чего, командир? — покосился на него Славик, заметив изменившееся лицо Ратникова.

— Там, у двери, видишь? Принцесса...

— Красивая девочка, согласен. Стройняшка и не без прелестей. Но тут и красивше были.

Незнакомка с серыми глазами заметила красноречивый взгляд Терентия, вопросительно изогнула брови, но тут ее позвали, и она зашла в помещение, где проводился кастинг.

Ратников опомнился.

— Пошли!

— Куда?

— Посмотрим, как она выйдет.

— Зачем? Там же Вадик на стреме, сообщит, если что обнаружит.

— Пошли, я сказал.

Славик посмотрел на потрясенное лицо капитана, понял его состояние и безропотно зашагал следом.

Они вышли из павильона, обогнули здание и остановились на аллее в тени тополей, поглядывая на простенькую белую дверь с крылечком, на которой висела табличка: «Посторонним вход воспрещен». У крылечка скучал милиционер в летнем мундире, поигрывая резиновой дубинкой. Охрана здесь была выставлена не зря, ушлые молодые люди запросто могли просочиться в павильон через служебные входы, будь они не закрыты на замок, чтобы не платить за входной билет.

Чуть поодаль, у шеренги машин маялся Вадик — лейтенант Вадим Шагурин, худой и вихрастый, в застиранных джинсах, похожий на бедного студента.

Мимо проехал милицейский «Форд» с двумя стражами

порядка. Вообще на территории ВВЦ в связи с пропажами девушек был введен особый режим несения службы органами внутренних дел, и число мобильных патрулей, контролирующих территорию, увеличилось вчетверо. Но Ратников сомневался, что это даст положительный результат. Таинственные похитители девиц — если только они существовали в действительности и если исчезновения не имели других причин — действовали до сих пор исключительно грамотно.

— Бдят, — кивнул Славик на машину коллег. — Ребятам не позавидуешь. Случись что — навешают всех собак и накажут. Ты слышал о вчерашнем «мокром» деле?

Ратников кивнул.

В подмосковной Балашихе были жестоко убиты парень и девушка. Парню исполнилось всего девятнадцать лет, он был внуком председателя совета директоров нефтяной компании «Астойл». Его двадцатилетняя подруга была дочерью декана исторического факультета МГУ. За что их убили, было не совсем понятно. Подозревали, что из-за машины: парень ездил на подаренном дедом японском внедорожнике «Акура», — и машина эта исчезла.

— Какой-то жуткий всплеск преступлений с летальным исходом, — продолжал Славик. — Причем режут и стреляют уже не бандиты бандитов, а нормальных людей, честных коммерсантов, артистов и даже издателей. А мы все обсуждаем — отменять мораторий на смертную казнь или нет. Конечно, отменять! Убийцы должны знать, что ответ будет адекватен — секир башка!

Ратников промолчал. Он имел примерно такое же мнение, но думал в этот момент о другом.

Дверь открылась, пропустила двух девушек. Одна казалась довольной и веселой, другая имела убитый горем вид.

— Одной повезло, — с улыбкой кивнул на них Славик.

Ратников снова промолчал, с нетерпением ожидая появления сероглазой красавицы, запавшей в душу. Однако он был на работе и продолжал автоматически сканировать пространство вокруг сферой служебного внимания. Он и заметил первым некое движение в пределах зоны видимости, сосредоточенное на той же самой двери с лениво прохаживающимся вдоль крылечка стражем порядка.

Движение представляло собой, во-первых, появившийся и тихо подкативший к шеренге автомашин минивэн «Мицубиси» темно-вишневого цвета, с темными стеклами,

во-вторых, двух мужчин в черном, жующих бутерброды и запивающих еду минералкой, не спускающих с двери глаз. Наконец, эти два разнородных, казалось бы, явления соединились: один мужчина, молодой, с усиками и гривой черных волос, подошел к минивэну, задержался на мгновение у опустившегося стекла со стороны водителя и вернулся к парнику.

У Ратникова сработало чутье на события, и он тихо сказал, почти не шевеля губами:

— Внимание всем! Вижу фигурантов!

— Двое у поворота? — тотчас же откликнулся Славик; он тоже следил за обстановкой и бдительности не терял, несмотря на внешне беззаботный вид.

— Плюс микроавтобус «Мицубиси» вишневого цвета.

— Вижу, мне он тоже показался подозрительным. Ты думаешь?..

— Разошлись. Ты с Вадиком берешь на себя микроавтобус, я этих чернорубашечников. Надо же, в такую жару вырядиться в черные штаны и рубахи с длинными рукавами!

— Я пошел.

Славик, широко улыбаясь, стукнул Терентия по плечу и зашагал к Вадиду, который слышал все, о чем говорил командир группы.

Терентий неторопливо двинулся в другую сторону, к перекрестку, вглядываясь в заросли кустарника и стараясь не выпустить из поля зрения двух клиентов в черном. И в это время отворилась дверь и на крыльчке появилась давешняя сероглазая незнакомка с изящной серебристой сумочкой через плечо. На лице у нее лежала печать задумчивости и легкого беспокойства, будто она получила какое-то безрадостное предложение. Хотя, по мнению Ратникова, организаторы кастинга не могли не обратить внимания на такую красавицу и должны были пригласить ее сыграть в фильме главную роль.

Девушка кинула взгляд на милиционера, у которого вдруг сработал мобильник, направилась мимо шеренги автомашин к асфальтовой дорожке, ведущей к соседнему павильону под номером шестьдесят, где располагалось хозяйство потребкооперации. Милиционер в это время поднес к уху телефон, сказал: сейчас проверю, — и скрылся за дверью.

Терентий быстро передвинулся к перекрестку аллеи и приготовился, нагибаясь и делая вид, что завязывает шнурки на штиблетах.

Интуиция его не подвела.

Сероглазая обогнула стоявшие впритык машины, сделала еще несколько шагов, поравнялась с темно-вишневым микроавтобусом, и произошло то, чего подспудно ожидал Терентий. Случайно или нет, но он странным образом оказался в самом эпицентре похищения, разработанного скорее всего слишком торопливо, без учета последствий, так как похитители не имели права начинать операцию в столь густонаселенном месте, чреватом внезапными свидетелями. Возможно, они надеялись на скорость проведения операции, а возможно, их начальнику так понравилась претендентка на роль в фильме, что он решил рискнуть и не стал ждать более благоприятного случая.

Как только ни о чем не подозревающая девушка оказалась в двух метрах от микроавтобуса, двое мужчин в черных рубашках и брюках, жующие бутерброды, бросились к ней с такой скоростью, что не ожидавший от них такой прыти Ратников опоздал с рывком. Дальнейшие события разворачивались в течение нескольких секунд.

Дверца салона микроавтобуса скользнула в сторону как бы сама собой.

Мужчина с усиками добежал до сероглазой красавицы первым и толкнул ее в плечо так, что она с тихим изумленным возгласом отлетела к открывшемуся входу в салон.

Однако в то же мгновение навстречу мужчинам вывернулся подоспевший вовремя Вадик и удержал девушку за руку, поэтому протянувшиеся из салона руки не успели подхватить ее и втащить в микроавтобус.

Рядом с водителем возник Славик с удостоверением в руке.

— Спокойно! Вы задержаны! Руки на лобовое стекло!

Одновременно с этим похитителей догнал Ратников и с ходу пнул второго мужика, постарше, с курчавой бородой, в копчик, так что тот врезался в борт микроавтобуса и ошале-ло затряс головой. Но первый оказался половчее и попроворнее и атаку Терентия буквально с н я л, то есть выкрутился в спирали из-под удара... и метнулся внутрь салона «Мицубиси». За ним с не меньшей быстротой прыгнул второй похититель, получивший пинок в зад. А водитель, не обращая внимания на Славика, наводившего на него пистолет, с визгом шин рванул микроавтобус с места и погнал между павильонами в сторону Центра народной помощи «Благовест».

Через несколько секунд он повернул налево и скрылся за углом здания хозяйственного управления ВВЦ.

Славик было рванулся следом, но опомнился и вернулся к застывшей от изумления и неожиданности девушке. Вадик умчался к месту своего дежурства. Работа еще не закончилась, надо было доводить дело до конца.

Ратников уже передавал ориентировку на машину и ее пассажиров сотрудникам ДПС, понимая, что догнать похитителей не удастся, связался с машиной техобеспечения и только после этого спрятал рацию и повернулся к потрясенной незнакомке.

— Все в порядке? Травм нет?

— Нет... ой! — спохватилась девушка. — Что здесь происходит?! Кто вы?!

Терентий посмотрел на Славика, и тот показал ей удостоверение сотрудника ФСБ.

— Мы ловим преступников, похищающих девушек. Я Станислав Николаев, это капитан Ратников Терентий Георгиевич. А вас как зовут?

— Ира... Хвостова. Я вас помню, вы были там, на втором этаже, где проходил кастинг.

— У вас хорошая память, Ира.

— Мы доставим вас домой, если не возражаете, — сдержанно сказал Терентий, хотя сопровождение девушки вовсе не входило в обязанности команды. Славик посмотрел на него с легким недоумением, но Терентий не обратил на это внимания. — На кастинге у вас спрашивали домашний адрес?

— Спрашивали, — подтвердила Ира. — Телефон записали, адрес, где учусь. Спасибо за помощь, но я сама доберусь домой. А вы серьезно из милиции?

— Мы сотрудники Федеральной службы безопасности. Эти люди хотели вас захватить и...

— Зачем?!

— Этого мы пока не знаем. Но одной вам ходить по ВВЦ небезопасно, какое-то время придется потерпеть наше присутствие.

— Ну, если это необходимо... — с сомнением пожала плечами девушка. — Можно, я позвоню папе?

— Можно. Кто он у вас?

— Сотрудник МИДа. Дементий Романович Хвостов.

— А мама?

— Маму зовут Надежда Петровна, она руководит фирмой «Гермес», которая торгует спортивными костюмами и формой для футболистов. Но почему все-таки они хотели похитить именно меня?!

— Потому что вы красивая, — вырвалось у Ратникова, и он поспешил поправиться: — И вам восемнадцать лет, что для них по каким-то причинам немаловажно. Где вы учитесь?

Ирина покраснела под его взглядом, смущенно улыбнулась, но глаз не отвела.

— На втором курсе иняза... Ничего не понимаю!

— Все в конце концов разъяснится, — успокоил ее Славик, с любопытством поглядывающий на командира.

Вернулся Вадик.

— Кастинг закончился, как только уехали эти бандиты на «Мицубиси». Аня с Федором зашли туда, а там только нанятые охранники. Так называемые «представители телекомпании Т-34» и сотрудники «Модус вивенди» успели сбежать.

— Ищите.

— Пытаемся.

— Что с микроавтобусом? — связался Ратников с машинной техобеспечения.

— Только что обнаружили темно-вишневый минивэн у здания фирмы «Ремстрой», — доложил координатор связи старлей Степан Савостин. — Недалеко от совхозной проходной. Внутри никого.

— Ушли, гады! — покачал головой Славик. — Я иду туда, командир, попробую поискать следы, подключу ребят Завьялова.

— Иди, — решил Ратников. — Остальные продолжают работать в соответствии с планом. Федор, займись выяснением фактажа по этой псевдотелекомпании Т-34 и добудь сведения о капитал-группе «Модус вивенди».

— Понял, командир, — ответила рация.

— Вадик, отвези Ирину домой. — Ратников с удовольствием сделал бы это сам, но покинуть территорию ВВЦ не имел права. — Возьми дежурную машину.

— Слушаюсь, командир. — лейтенант посмотрел на девушку, еще не совсем пришедшую в себя. — Идемте, сударыня. Не бойтесь, мы вас в обиду не дадим.

Ира бросила на Терентия нерешительный взгляд, заколебалась, но возражать все-таки не стала.

— Может быть, вы сами все папе расскажете? Объясните, чтобы не волновался?

— Хорошо, — кивнул Ратников, обрадовавшись возможности «легально» увидеться с понравившейся ему девушкой, но не подал вида. — Созвонимся, и я подъеду к вам вечером. А пока ничего никому не говорите, договорились?

Она кивнула, задержала на лице Терентия вопросительного-небезразличный взгляд, в глубине ее глаз проскочила искорка понимания. Затем она отвернулась и зашагала прочь от места нападения, не замеченного практически никем из многочисленных посетителей ВВЦ. Вадик вскинул вверх сжатый кулак и поспешил за ней.

— Да-а... — протянул Славик, глядя им вслед. — Неужели врезался, командир? Хотя, если честно, если бы не Валька, то и я бы не выдержал. Как говорится, женщина должна принадлежать тому, кто ее любит. Особенно — красивая женщина.

— Дурак, — беззлобно буркнул Ратников. — Иди займись делом.

— Слушаюсь! — вытянулся лейтенант.

— Командир, мы тут кое-что любопытное отыскали, — сообщил по рации капитан Меладзе, обслуживающий СОРМ. — У зама гендиректора Савагова в корзине лежало отправленное кому-то письмо. Читаю: «Хрис, забери девок. Адрес тот же».

Терентий встретил заинтересованный взгляд Славика, и обоим пришла на ум одна и та же мысль: «?!»

Глава 9

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Первый день работы на новом месте прошел спокойно.

Клиент — генеральный директор ВВЦ почти не выходил из своего кабинета и телохранителя не беспокоил, проведя с ним десятиминутную ознакомительную беседу. Неизвестно, какое впечатление произвел на него Антон, но самому Грому Виктору Михайловичу Курыло понравился. Он умел слушать, вопросы задавал прямые и по делу, разглагольствовать не любил и к собеседнику относился уважительно и даже с долей смущения, признавшись, что никогда прежде не пользовался услугами личного телохранителя.

После беседы Антон познакомился с секретарем директора, сублильного вида молодым человеком в очках по имени Костя, и тот поделился с ним своим видением ситуации. Затем дал почитать Громову кое-какие документы, в том числе — о работе ВВЦ, добавил несколько листочков сведений о генеральном директоре и его заместителях, и Антон получил неплохой объем информации для размышлений, более ясно представляя себе суть происходящего. Но этого для решения поставленной задачи ему было мало, поэтому он попросил Костю предоставить ему схему выставки и описание важнейших объектов, что и получил через несколько минут.

Так этот день и прошел.

Виктор Михайлович сидел в кабинете, изредка принимая своих работников, Антон сидел в приемной, листая документы, пил чай и кофе, сваренный секретарем, и изучал подходы к административному зданию, расположенному неподалеку от продуктовой ярмарки. Лишь один раз он вышел из приемной, чтобы визуальнo оценить маршруты движения директора по зданию и расположение «факторов беспокойства» на этих маршрутах, особенно — от места парковки автомашин до входа в здание. После этого до самого вечера Громов неотлучно находился в приемной, ожидая появления «возмутителя спокойствия» — первого зама директора Халила Савагова. Но тот так и не появился.

Проводив Виктора Михайловича до дверей квартиры, Антон поехал домой, пребывая в состоянии легкого сожаления, что не удалось показать директору свои возможности и кондиции. Валерия, когда он поделился с ней своими мыслями, только посмеялась, сказав, что она была бы рада, если бы его служба и в дальнейшем протекала так же скучно и без эксцессов.

Второй день работы разительнo отличался от первого.

Виктор Михайлович все время находился в движении, и Антону пришлось напрячь все силы и нервную систему, чтобы, во-первых, не ударить лицом в грязь, следя за окружением охраняемого лица, а во-вторых, не создать впечатления навязчивого и надоедливого, суетливого слуги, торопящегося показать свою профпригодность и преданность и ловящего каждый взгляд хозяина.

Сначала они посетили три объекта на территории ВВЦ: центральный павильон — павильон номер один напротив главного входа, девяностo седьмой павильон, в котором рас-

полагалась фирма «Ремстрой», и восьмидесятый — хозяйственно-управление. Затем поехали в Кремль, на прием к первому заместителю главы администрации президента. Пробыв там больше часа, охраняемый и его телохранитель зашли в кафе в Доме Советов и пообедали, после чего поехали в «Белый дом», где Курыло встретился с вице-премьером по науке и культуре Людмилой Петриченко.

В начале четвертого они вернулись на ВВЦ, посетили выставку «Монастыри и паломничество», организованную Московской Патриархией, Домом народов России и обществом «Узорочье» в двадцатом павильоне, и уже окончательно остановились в резиденции гендирекции.

Антон вздохнул с облегчением, получив передышку, и с удовольствием выпил предложенную секретарем Курыло чашку кофе.

— Устал? — с улыбкой спросил его секретарь, глянув на застывшее лицо Громова.

Антон расслабился, слабо улыбнулся в ответ.

— Есть немного.

— Виктор Михайлович вопросами не мучил?

— Мы вчера все выяснили: где родился, учился, работал, женат ли, есть ли дети и так далее. Сегодня он больше молчал.

— Проблем много. А если бы еще не... — Костя оглянулся на входную дверь, понизил голос, — если бы не этот чертов кавказец, было бы намного спокойнее.

— Он не заходил?

— Еще зайдет. Сразу увидишь, что это за птица. Будь осторожен, он злопамятен и никогда нигде не появляется без своих горилл.

— Ты его не любишь?

Костя криво улыбнулся.

— Ты лучше спроси, кто его любит из сотрудников Центра. Хам первой степени! Не понимаю, как ему удалось устроиться сюда первым замом. Я как-то попытался его остановить...

— Ну и что?

Костя порозовел.

— Один из его мордоворотов прижал меня к стене и сказал, что сделает из меня «девочку».

— Вполне возможно, что он представляет собой сексуальное меньшинство.

— Но я-то принадлежу к сексуальному большинству!

Антон засмеялся.

— Не переживай, нам такие уроды не страшны. Теперь ни один телохран господина Савагова не рискнет угрожать ни тебе, ни шефу.

— Ты думаешь? — засомневался Костя.

— Уверен.

— Хорошо бы. — Секретарь включил телевизор, стоявший на тумбе в углу приемной, пощелкал каналами, кивнул на экран, истекающий очередной блевотиной рекламы. — Совсем обнаглели рекламотворцы, такое фуфло гонят!

— Рекламщики ни при чем, виноваты во всем этом безобразии заказчики рекламы.

— Ну, может быть. Вчера на ночь включаю телик, а там полураздетая девочка звонит по сотовому телефону: «Мамуля, ты ложись спать, я у подружки переночую». А рядом с ней лежит голый отрок! Это как понимать? Реклама умения врать?

— Сотового телефона, наверное.

— Естественно, телефона. Только я стопроцентно уверен, что никто этот телефон не купит, зато все уяснят, что ложь и разврат — это норма!

Антон с любопытством посмотрел на Костю. Совсем молодой двадцатидвухлетний парень реагировал на безнравственность исключительно точно и видел главное — попытку зомбирования молодежи внешне красочным, но абсолютно антиморальным способом.

— Или вот еще, — продолжал Костя мрачно, выключая телевизор. — Видел детский журнал «Кул»? Его начали рекламировать по телику. Но это же страшно! Там пропагандируется образ жизни как сплошная цепь животных удовольствий! Бери от жизни все! — Секретарь фыркнул. — Что же нормальным людям останется, если детки научатся брать все?!

— Согласен, — кивнул Антон, пряча улыбку. — Честных и умных людей на экране увидишь редко, зато любителей пива, извращенцев всех мастей, доморощенных магов и знахарей — хоть отбавляй. Один мой приятель — социолог посчитал, что больше всех рекламируются спиртные напитки и особенно пиво у нас в России.

— Словно это цель государства — вырастить поколение пивных дебилов.

— Но только мы открыто показываем по ТВ массовой аудитории фильмы, пропагандирующие наркоманию, насилие

и порнографию, которые даже в странах, где их делают, идут лишь по кабельному телевидению и поздно ночью.

Они посмотрели друг на друга, как люди, внезапно нашедшие общую тему для обсуждения, но продолжить в том же духе не успели. Ожил динамик селектора:

— Костя, зайди.

Секретарь встряхнулся, выскользнул из-за стола удивительным гибко-змеиным движением и скрылся за дверью директорского кабинета. Вернулся он с озабоченным видом, начал копаться в бумагах, искать что-то, отбирать и складывать в отдельную папку документы.

— Получил трепку? — поинтересовался Антон.

— Да нет, — сказал Костя, — у нас тут новая проблема. Есть такое общество с ограниченной ответственностью «Престиж-Профит», которое в обход закона получило от правительства Москвы разрешение построить в зеленой зоне ВВЦ теннисные корты. А это означает, что парк надо будет вырубать, один павильон переносить, второй вообще сносить, а дорогу прокладывать в другом месте за счет сужения торговых площадей. Какому-то дяде придется отдать два гектара территории в почти безвозмездное пользование! Савагов, кстати, рьяно поддерживает этот проект, а Виктор Михайлович пытается сопротивляться.

— Очевидно, в этот проект вкладываются немалые средства, часть которых идет на подкуп чиновников.

— Ну конечно! Это же повсеместная практика.

Антон посмотрел на часы.

— Шеф никуда больше не собирается?

— В шесть у него совещание, а потом деловая встреча в Экспоцентре.

— Тогда я успею сбежать по малой нужде.

Костя улыбнулся, хотел что-то сказать, и в этот момент в приемную стремительно вошел смуглолицый высокий мужчина с гривой блестящих черных волос, с усиками, черноглазый, с брезгливо поджатой нижней губой. За ним ввалились два крупногабаритных молодых человека в серых костюмах с оттопыривающимися бортами, без галстуков. Один имел явно черты кавказца, второй был блондином с подбритыми висками и коротким ежиком волос на круглой голове.

Костя вскочил, сунулся было навстречу гостям, но был бесцеремонно отодвинут в сторону. Смуглолицый гость, не глядя на вставшего Антона, прошествовал мимо него к двери

в кабинет директора, рывком открыл ее и вошел. Его спутники вознамерились проследовать за ним, но на их пути возник Громов.

— Прошу прощения, парни, охране там делать нечего.

Атлеты переглянулись. Тот, что шел впереди, — блондин попытался отбросить его в сторону, но не преуспел в этом и вынужден был остановиться. Процедил сквозь зубы:

— С дороги!

Его напарник сунул руку под мышку.

— Посторонним вход в кабинет генерального директора воспрещен, — бесстрастно сказал Антон. — Ведите себя пристойно, иначе я буду вынужден выставить вас вон.

— Чего?! — изумился блондин. — А ну, с дороги, тля, тебе говорят!

Он снова попытался оттолкнуть Громова и в течение двух секунд был впечатан лицом в дверь и обезоружен. Держа его выкрученную руку правой рукой, Антон направил отнятый пистолет (новый «макаров-П2») на второго телохранителя Савагова — он уже понял, что за гости пожаловали, — и проникновенно произнес:

— Дернешься — получишь дуру в лоб! Я при исполнении. Вынь руку, только медленно. Ну?!

Кавказец сверкнул волчьими глазами, но послушался.

— Костя, обыщи его.

Секретарь с готовностью подошел к парню, ловко вынул у него из подмышечной кобуры такой же пистолет, с интересом повертел его в руках, передал Антону.

— Вызови охрану.

— Может, не надо? Это телохранители Савагова.

— В таком случае обойдемся пока предупреждением.

— Отпусти, с-сучара! — просипел блондин. — Я из тебя ремней нарежу!..

— Не хвались, идучи на рать, хвались, идучи с рати. Боюсь, приятель, до своих похорон ты не доживешь, если будешь себя вести подобным образом и дальше.

Антон отпустил блондина.

— А теперь сядьте в уголок тихонечко и подождите своего пахана без базара.

— Крутой, да? — не выдержал кавказец. — Мы таких крутых...

Антон навел на него пистолет, и парень умолк.

— Может, вы не владеете русским языком? Могу перевести на английский, арабский, фарси и тюремный.

Телохранители Савагова переглянулись, отступили к стульям у стены, но не сели.

— Отдай оружие.

— После визита.

Открылась директорская дверь, из нее высунулся смуглолицый красавец с усиками.

— Что вы там застряли?

— Они подождут вас здесь, — с вежливой твердостью успокоил его Антон.

Савагов нахмурился, окинул Громова нехорошим взглядом.

— Ты кто такой?

— Охранник.

Савагов потерял к нему интерес, глянул на гарантов своей безопасности.

— Заходите.

Телохранители двинулись было к нему и остановились, увидев жест Антона, качнувшего стволом пистолета.

— Они побудут здесь!

Савагов с высокомерным недоумением посмотрел на Громова, уловил его ответный холодно-предупреждающий взгляд, сдержал проклятие.

— Ладно, малый, я с тобой потом разберусь.

Дверь закрылась.

Антон снова открыл ее, заглянул в кабинет.

— Виктор Михайлович, помощь нужна?

Курыло отрицательно качнул головой, в глазах директора мелькнуло удивление.

— Нет, спасибо.

Антон прикрыл дверь, вынул из обоих пистолетов обоймы и вернул оружие владельцам.

— Патроны отдам, когда будете уходить.

Атлеты спрятали пистолеты под полами пиджаков, слегка оживились, но качать права не стали, признав себя побежденными. Хотя вполне могли впоследствии попытаться отомстить обидчику. Впрочем, этого как раз Антон не боялся, зная, что закон на его стороне и что он всегда может ответить адекватно.

Костя, все это время простоявший столбом у стола, очнулся и вернулся к своим бумагам, изредка поглядывая то на Антона — с уважением, то на охранников Савагова — с опаской.

Заместитель гендиректора вышел из кабинета своего начальника через несколько минут, причем в скверном настроении. Очевидно, договориться с Виктором Михайловичем ему снова не удалось.

— Пошли, — бросил он коротко, не глядя на парней, потом вспомнил об инциденте, приостановился, наставил палец на Антона. — Чтоб завтра я тебя здесь не видел, малый! Увижу — сядешь на нары по полной программе, понял?

— Я уже сидел, — усмехнулся Антон, бросая обои парням. — А за предупреждение спасибо, господин заместитель, приятно было познакомиться. В следующий раз вам придется ждать в приемной, пока вам разрешат войти. А теперь будьте добры покинуть помещение. Добровольно. Ибо в принудительном порядке это будет выглядеть неэстетично.

Савагов потемнел, некоторое время сверлил Антона недобрым взглядом и направился к двери, выдохнув:

— Ну, смотри!

Дверь приемной глухо бухнула. Наступила тишина.

— Зря ты с ним так, — сказал Костя с сожалением. — Он очень завистливый, злопамятный и мстительный и постарается найти способ расквитаться.

— Пусть попробует, — равнодушно пожал плечами Антон. — Я вроде бы с ним был достаточно вежлив.

Костя хихикнул.

— Ох и рожа у него была, когда ты не пустил его джигитов! Прямо как лимон съел.

— Просто он привык действовать прямо и нагло, таких надо вовремя останавливать, чтобы не зарывались. И он мне совсем не понравился.

— Ты ему тоже.

— Переживу.

Они обменялись понимающими улыбками.

— Костя, зайди, — проговорил динамик.

Секретарь скользнул в кабинет директора.

Антон расправил плечи, выглянул в коридор и со вздохом облегчения сел в уголке приемной в кресло напротив журнального столика с газетами и журналами. Упрекнуть себя вроде было не в чем, и все же на душе скребли кошки, будто он упустил из виду что-то важное.

Вернулся Костя, подмигнул ему.

— Ты произвел на Виктора Михайловича большое впечат-

ление. У него даже настроение улучшилось. Но все же будь осторожен, Халил тебе этого не простит.

— Отобьемся, — махнул рукой Антон, подумав, что придется докладывать о стычке главному «боксеру». Тот мог и не одобрить действия своего сотрудника, но должен был знать все.

А еще очень хотелось посоветоваться с Ильей. Жаль, что его мобильник не отвечает, пришла мысль. Где он сейчас, интересно? В рязанских болотах или все-таки в Сибири? Неплохо было бы встретиться...

До конца дня Виктор Михайлович работал в кабинете. Провел совещание руководителей подразделений — без Савагова, принял делегацию торгового люда, требующего справедливости в связи с захватом их рабочих мест некими структурами. Около часа он совещался с главным бухгалтером Центра, пил черный кофе и гонял Костю по территории ВВЦ. Лишь в семь часов вечера он вызвал Громова, словно вспомнил о его существовании.

— Извините, Антон Андреевич, — сказал он, надевая пиджак. — Завертелся. Спасибо за помощь. Мне Константин рассказал, как вы действовали.

— Это моя работа.

— Я понимаю. Если бы мог, я давно уволил бы Халила Магомедовича, но у него слишком много высоких покровителей, вот он и чувствует себя вольготно, ни с чем и ни с кем не считается.

— Таких, как он, я на дух не переношу, — признался Антон. — К сожалению, бандиты и чиновники у нас в стране считают себя хозяевами жизни, отличаясь лишь отношением к закону: первые закон нарушают, вторые им прикрываются, а действуют одинаково.

— Согласен с вами. Раньше люди ценили порядок в государстве и спокойную совесть, теперь же приоритеты сместились в сторону частной собственности, личного успеха и предприимчивости. Для большинства государство представляется второстепенным элементом, на первом месте стоят собственные проблемы и желания. Все бы ничего, да на этой почве криминал чувствует себя вольготно и растет как на дрожжах. Если бы мой зам радел за интересы государства, интересы Федерации, я бы ему все простил и отдал бы кресло. Но он, к сожалению... — Курыло пошевелил пальцами, подыскивая формулировку.

— Просто хочет единоличной власти, — подсказал Антон. — Хотя, с другой стороны, он, по моим сведениям, является человеком некой криминальной структуры, для которой деньги — все, человек — ничто.

— Да, — кивнул Виктор Михайлович, с легким удивлением глянув на телохранителя: он не ожидал от него строгих философских обобщений. — С вами приятно разговаривать, Антон Андреевич.

— Как сказал бы поэт, — улыбнулся Антон, — иметь со мной приятно даже дело. Что касается вашего заместителя, то мне кое-что непонятно. Почему он угрожает вам открыто? Ведь в наши времена это чревато судом.

— Я тоже подумываю над этим вариантом. Не хочется выносить сор из избы, да и доказать будет трудно. Но если угрозы будут продолжаться и дальше, придется что-то предпринимать. А вообще вы правы, Халил Магомедович в последнее время резко изменился. Раньше так нагло он себя не вел. Словно получил приказ — действовать именно подобным образом, давить на психику, постоянно провоцировать столкновения и конфликты. А тут еще эта дурацкая проблема...

— Строительство теннисных кортов?

— Нет, с этой проблемой мы как-нибудь совладаем. Я имел в виду пропажу молодых девчат на территории Центра. За неделю пропали пятеро, бесследно, как сквозь землю провалились. Милиция с ног сбилась.

У Антона екнуло сердце.

— Пропали девушки?! Я не знал... И никто ничего не видел?

— Абсолютно! Теряюсь в догадках, что это еще за явление. Уж не Савагова ли провокация, чтобы при удобном случае инкриминировать мне захват заложников?

— Или просто заявить, что вы не справляетесь со своими обязанностями, — пробормотал Антон, думая о другом.

Виктор Михайлович криво улыбнулся, потушил сигарету, глянул на часы.

— Однако у меня еще одна важная встреча. Можете быть свободны, Антон Андреевич, я теперь и без вас обойдусь, с Костей поеду.

— Прошу прощения, — встал Антон. — Сопровождать вас — моя работа, мне за это деньги платят. Я с вами.

— Ну хорошо, — с заметным облегчением сказал Курыло, тяжело поднимаясь. — Я думаю, к девяти мы освободимся, и я вас отпущу.

— Еще раз прошу прощения, но освобожусь я, только сдав вас на руки жены.

Виктор Михайлович развел руками.

— Я уже понял.

Они спустились на стоянку, сели в белый директорский «Фольксваген Бора» и поехали в Экспоцентр на Бережковской набережной.

Освободился Антон только поздним вечером, в начале одиннадцатого, проводив Виктора Михайловича до дверей квартиры. Никто косо на них не смотрел, за машиной не следовал, в подъезде не встречал, хотя у Антона изредка и возникало ощущение, что за ними кто-то наблюдает. Но вычислить этого наблюдателя не удалось.

Зато как только он вышел из подъезда дома с квартирой Курыло, сработавшая интуиция указала Антону на серую «двенадцатую» «Ладу», стоявшую во дворе. Он уже видел ее, причем не один раз, но лишь теперь понял, что таких совпадений не бывает. Пассажиры в этой машине следили именно за ним, а не за гендиректором ВВЦ.

Антон повернул налево, направился к серой «Ладе» с плохо читаемым номером, обдумывая, как выманить из нее наблюдателей. Но, когда до машины оставалось несколько шагов, она сорвалась с места, объехала старенький джип и скрылась в арке. Показалось ему или нет, но он явственно услышал прозвучавший во время этого маневра язвительный смех.

Продолжая держать себя в состоянии «резонансной готовности», Антон поймал на улице такси и поехал к себе домой, в Старопанский переулок Китай-города.

Дома его ждали гости: Илья Пашин и его юная, милая, изумительно непосредственная жена Владислава.

Глава 10

ГРОМ С ЯСНОГО НЕБА

Мужчины обнялись.

— Ты очень кстати, — сказал Илья с веселой искрой в глазах. — Тут у нас разврат.

Антон поцеловал в щеку Владиславу и сказал искренне:

— Ну и повезло твоему муженьку, Слава! В его компании

ты как солнышко на фоне темных небритых туч. Надеюсь, он тебя не обижает?

— Нет, — улыбаясь, ответила юная женщина.

— Но-но, — строго сказал Илья, — ты мне ее не балуй! Жена должна бояться мужа, об этом даже в Библии сказано.

— Библия — лживая книга, — махнул рукой Антон. — У нас в семье все наоборот.

— Матриархат, что ли?

— Он самый. — Антон посмотрел на жену. — Ты их покормила?

— Конечно, милый, — поклонилась Валерия с нарочито смиренным видом. — Ужин готов, милый, прошу на кухню. Руки сам помоешь или мне прикажешь, милый?

Все засмеялись.

— Я не голоден. — Антон обнял и поцеловал жену. — Свари кофе, любимая.

— Слушаюсь и повинуюсь. У тебя все в порядке? А то ты выглядишь как задумчивый коммерсант, собравшийся уклониться от налогов.

— Неужели так плохо? — улыбнулся Антон. — В принципе, все идет, как должно идти, хотя без инцидента обойтись не удалось. Сейчас умоюсь и расскажу.

Он вымыл руки, плеснул водой в лицо, переоделся в домашний спортивный костюм и вернулся в гостиную. Валерия принесла кофе. Все четверо, даже Владислава, не привыкшая к этому напитку, взяли по чашке, и Антон поведал историю своего конфликта с телохранителями Савагова.

— Правильно сделал, — сказал Илья, покосившись на жену. — С такими уродами цивилизованными методами действовать нельзя, они признают только силу. Моя добрая женушка предпочитает мирный путь решения подобных проблем, и я ее вполне понимаю, но в некоторых случаях надо давать решительный отпор негодяям, иначе станешь очередной жертвой.

— Примерно так же думаю и я, — кивнул Антон. — А с чего это тебя задело? И при чем тут Слава?

Илья и Владислава переглянулись.

— Нам пришлось вернуться домой... после одной встречи в лесу... Наш общий знакомый помог нам, а потом попытался доказать Славе, что нельзя подставлять врагу другую щеку, если тебя ударили по первой.

— Я тоже на его стороне, — поддержала Пашина Вале-

рия. — Слишком часто хорошие слова и хорошие чувства бывают исторически и психологически неуместны, глупы и попросту преступны. Слишком легко они становятся приметой обывательской слепоты и демагогии. Не обижайся, Слав, это не в твой огород камешек.

— Я понимаю, — кивнула Владислава.

— Однако теперь ваша очередь рассказывать, — произнес Антон. — Где были, что видели, с кем встречались? Кто был тот общий знакомый, который помог вам?

Пашин бросил на жену вопросительный взгляд.

— Легче рассказать, где мы не были с апреля по июнь. К примеру, собрались было в Вологду на праздник плотницкого мастерства, но не попали. Хотели приехать в Москву на фестиваль колокольного искусства, который проходил в Андрониковом монастыре, однако не успели.

— Мы с Антошей ходили, — заметила Валерия. — Провели чудесный день. Нашим звонарям нет равных в мире! Это было чудо! Кстати, ни в одной ТВ-передаче об этом событии не было сказано ни слова, а ведь фестиваль — событие мирового значения, на него съехались звонари со всего света.

— Ничего удивительного, — покачал головой Илья. — Система промывания мозгов, созданная Мороком, продолжает работать в полную силу и не допускает появления в сетке вещания светлых событий. Программы новостей экстремальны, они на восемьдесят процентов состоят из сведений о бесчинствах, драках, убийствах, катастрофах, коррупции в высших эшелонах власти, о беспределе террористов, формируя у людей чувства безысходности и страха, массовые фобии. Редко промелькнет сообщение о чем-то хорошем, об открытии, о добром поступке, о празднике.

— Все плохо, а будет еще хуже.

— Совершенно верно. На месте президента я бы такие негативные новости убрал в спецканал, да и рекламу туда же. Кто хочет — пусть смотрит. А по остальным каналам давать только позитивные новости.

— Это недостижимо.

— Да сам знаю, — махнул рукой Илья. — К тому же такая дифференциация новостей не спасет мир от влияния Морока и его холоуев.

— Кто-то сказал: мир спасет конец света.

Илья и женщины рассмеялись. Затем Пашин стал серьезным.

— А теперь поговорим о вещах не столь оптимистических. Убит Серафим.

В гостиной стало тихо.

— Что?! — не поверил ушам Антон, осознав новость. — Как, где, когда?!

— По официальной версии — утонул в бассейне в сауне в субботу. Но, зная Тымко, я склонен в эту версию не верить.

— Невозможная вещь! Он способен переплыть Байкал!

— Тем не менее это факт. Ты вокруг себя не замечал подозрительных людей? Странного ничего не происходило?

Антон вспомнил о своих недавних ощущениях.

— Кажется, за мной кто-то следит. — Он рассказал о встречах с таинственной серой «Ладой» двенадцатой модели.

— Я тоже видела эту машину, — наморщила лоб Валерия. — Сегодня она сопровождала меня до института.

Все посмотрели на нее.

— Плохо дело, — помрачнел Илья. — Похоже, нас взяли под колпак.

— Кто?

— Не догадываешься?

Антон помолчал, вспомнил об исчезновении на территории ВВЦ молодых девушек, в сомнении потер подбородок пальцем.

— Ты имеешь в виду, что это... не спецслужбы?

— Правильно догадался. Это хха.

— Но ведь храм Морока исчез, ты сам говорил...

— Я знаю только, что чекисты обыскали весь восточный берег Ильменя и ничего не нашли.

— Может быть, они не там искали?

— Теперь я ни в чем не уверен. Возможности жрецов храма по отводу глаз велики. Но, может быть, они просто перенесли храм на другое место?

— Разве это возможно?

— Не знаю.

— Надо проверить.

Илья и Антон одновременно посмотрели на своих подруг.

— Нет! — в один голос воскликнули они.

— Успокойтесь, — усмехнулся Илья. — Мы просто прикидываем варианты событий. К тому же вы должны понимать, раз уж началась такая суматоха, нас в покое не оставят. Надо действовать быстрее и умнее, диктовать свои условия, а не участвовать в чужой игре в качестве пешек.

— Я понимаю, — вздохнула Валерия, умоляюще взглянула на Антона, потом на Илью. — Но так не хочется снова окунаться в это мерзкое болото стычек с холоуями Морока, все время ждать удара в спину, бояться собственной тени...

Словно в ответ на ее слова вдруг с гулким треском и звонком лопнул кофейник на столе. Все вздрогнули, глядя на расползающееся по столу коричневое кофейное пятно. Валерия передернула плечами, на мгновение приникла к плечу мужа. То же самое сделала Владислава, взявшись за свой амулет.

— Спасибо, дьявол, что предупредил, — со смешком сказал Илья.

Валерия сбежала на кухню, принесла салфетки и вытерла пятно, унесла кофейник.

— Что это было?! — прошептала Владислава.

— Внедрение. Сработала безадресная система защиты храма Морока. Георгий был прав, за нами началась охота.

— Какой Георгий?

Илья рассказал Антону о встрече с колдуном храма и его служителями — хха в лесу возле Бабьего болота Мещеры и о том, как им помог Витязь.

В гостиной наступило молчание.

— Значит, по-твоему, Морок готовит путь отступления? — проговорил наконец Антон.

— Это слова Георгия, а он наверняка знает, что говорит. Морок ищет выход из нашей реальности в свой ад. Его надо остановить.

— Как?

Илья посмотрел на притихших женщин, погладил руку Владиславы, встал.

— Пойдем-ка погуляем, свежим воздухом подышим.

— Я с вами, — вскочила Владислава.

Валерия обняла подругу.

— Пусть мужчины поговорят без нас, у них должны быть свои тайны. А мы тут посидим, покалякаем. У нас тоже есть свои секреты.

Антон прижался щекой к щеке жены и вышел вслед за Пашиным из квартиры. Они спустились во двор и сразу увидели невдалеке от подъезда серую «Ладу» двенадцатой модели. Пашин заметил, как сбился с шага его друг, приостановился, кидая косой взгляд на шеренгу машин.

— Она?

— Она!

— Ты справа, я слева!

Они одновременно кинулись к «Ладе», заходя с двух сторон, вцепились в дверные ручки, но и водитель отреагировал на их маневр блестяще, тут же утопив педаль газа. Двигатель взревел, завизжали шины, машина рванулась вперед, и Антон успел лишь ударом кулака разбить стекло со стороны водителя. Затем «Лада» ударилась о бордюр, ее мотнуло, но все же водитель удержал машину и вывел со двора.

— Догоним?! — предложил Антон, делая шаг к своей старенькой «Харизме», доставшейся ему в наследство от первого мужа Валерии.

— Не стоит, — остановил его Илья. — Даже если мы их догоним, какое обвинение предъявим?

Антон остыл, пососал оцарапанную костяшку пальца.

— Номер они специально замазали, мерзавцы.

— Водителя разглядел?

— За рулем сидела женщина.

— Да ну? — удивился Илья. — А водит она тачку как мужик! В салоне там еще двое сидели, но сквозь темное стекло я их не разглядел.

— Женщины?

— Нет, мужики. — Илья оглядел стоящие во дворе машины, махнул рукой. — Пойдем, раз уж вышли, пройдемся до церкви.

Они вышли на улицу и не спеша двинулись вверх по ночному безлюдному тротуару, прислушиваясь к долетавшим издали звукам ночной жизни столицы.

— Ты хотел поговорить, — напомнил Антон.

— Да, конечно, — очнулся Илья. — Интересно, кто это был?.. А информация такова. Клементьев — Черный Вей — исчез, но его место занял кто-то еще. Где окопался этот очередной эмиссар Морока, Георгий не знает, идет поиск. Одно известно точно: помогает новому Черному Вею заместитель твоего нынешнего клиента Савагов.

Антон невольно замедлил шаг, присвистнул.

— Вот это номер! Как все хитро сплелось! То-то Курыло признался, что его зам в последнее время сильно изменился: обнаглел, ничего не боится, угрожает... Но тогда, может быть, похищение девчонок на ВВЦ — его рук дело?

— Тебе придется разобраться с этим самостоятельно. И чем быстрее, тем лучше. Мы должны работать на упрежде-

ние, а не следовать в кильватере планов Морока и его слуг. Надо попытаться найти Лик Беса и окончательно его уничтожить. А вместе с ним и храм Морока.

— Где же мы его найдем, если храма на прежнем месте нет?

— Во-первых, никто не знает точно, даже Витязи, стоит он на Ильмене или перенесен в другое место. Надо проверить. Во-вторых, все равно храм надо найти, так как Лик может храниться только там.

Антон покачал головой.

— Вдвоем мы не справимся.

— Нас не двое, нас четверо. Наши жены — берегини, нам без них нельзя. Слов нет, риск большой, но иначе мы действительно не справимся с воинством Морока. Но я надеюсь, что нам помогут.

— Волхвы?

— Прежде всего Витязи. Конечно, если бы Евстигней был жив...

— Да, он нам тогда здорово подсобил.

— Однако рассчитывать на волхвов нечего, у них другие приоритеты, цели и области ответственности. Я думаю, они давно рассчитали меру нашего участия в этом деле и знают, что мы не подкачаем.

— Мне бы их уверенность... и твою тоже.

Илья усмехнулся.

— Не плачь, мастер, нам ли жаловаться на судьбу? Мы уже однажды выиграли жизнь. Носители светлых сил всегда одиноки, это носители темных сбиваются в стаи...

— И побеждают.

— Согласен, они побеждают чаще, а самое страшное — в глобальном масштабе, убивая ростки духовности и доброты в душах людей. Население Земли растет, а духовная база — величина постоянная.

— На мой взгляд, она сокращается как шагреновая кожа. Подлецов рождается все больше и больше.

— Давай не будем о грустном, дружище, иначе проиграем. Давай работать, искать соратников, выходить на врагов и давать их беспощадно! Иначе они задавят нас.

— Жаль Серафима. Я его, честно говоря, не любил, но союзником он был мощным.

— Да, жаль. И Гнедича жаль. И других, кто погиб. Светлая им память!

— Два вопроса. Первый: как мы будем искать врагов? Технически и психологически?

Илья хмыкнул, проводил внимательным взглядом медленно проехавший мимо милицейский «Форд» с мигалкой, вдруг засмеялся. Антон с удивлением посмотрел на него.

— Что смешного я сказал?

— Нет, это я вспомнил законы Мерфи насчет определения принадлежности явления к конкретному классу явлений. Если оно зеленое или дергается — это биология. Если воняет — это химия. Если не работает — физика. Если непонятно — математика. И, наконец, если это бессмысленно — это либо экономика, либо психология.

Антон улыбнулся.

— С такой точкой зрения я еще не сталкивался. Наш случай, очевидно, относится к последнему заключению?

— Искать врагов будем логически и психологически. Одного наши друзья уже вычислили — Халила Савагова, вычислим и остальных.

— Может, попросишь помощи у наших приятелей из ФАПСИ?

Илья с минуту не отвечал, прикидывая что-то в уме, остановился.

— Пошли назад. Я уже думал над этим, возможно, придется идти на поклон к Сергею Артуровичу. Без профи полковника нам, наверное, не обойтись. К сожалению, я тебе сейчас не помощник. Мне позарез нужно найти володарь деда Евстигнея, и я этим займусь.

— Что такое володарь?

— Евстигней в я з а л руны и, по свидетельству Георгия, изготовил володарь — доску с Руной Света для вызова Белобога. Кстати, эту доску искали и хха вместе с колдуном храма. Вот почему они взялись за нас: хотят, во-первых, выйти на след володаря, во-вторых, нас нейтрализовать. От Серафима они ничего не добились, да и не знал он о существовании Руны Света, вот они его и убили. Теперь примутся за остальных.

— Те, в машине, ты думаешь — храмовники?

— Честно говоря, не очень верится. Колдун может следить за нами иным способом, через внедрение и вселение, через вещи и через людей, не подозревающих об этом. А наблюдатели в «двенадцатой» — это другой уровень. Хотя кто знает? Ничего и никого нельзя сбрасывать со счетов.

Они дошли до подъезда, осмотрели двор, машины, стены домов, но ничего подозрительного не заметили.

— Итак, ты все понял?

Антон пожал плечами.

— Я понял, что начинается война.

Илья сделался грустным.

— Страшно не хочется ее начинать! Так нам со Славой этот год хорошо жилось — не передать!

— Мне с Леркой тоже. До сих пор удивляюсь, что она моя жена. Что она во мне нашла?

— Мужчину, — усмехнулся Илья. — Береги ее, такие женщины, как наши жены, — это дар небес. В глубине души я понимал, что нас не оставят в покое, но все же хотелось оттянуть этот миг. Теперь пришла пора покончить с Мороком раз и навсегда. Чтобы и духу его не было на земле! Чтобы он никогда не смог сюда вернуться.

Илья вынул из-под рубашки сверкнувший серебряный кругляш на цепочке, поцеловал его и спрятал обратно.

— Что это?

— Цата, старославянский амулет Рука Бога, символ Свентовита. Мне передал его Георгий. Когда-то он принадлежал Евстигнею.

— Значит, ты теперь его преемник?

Илья покачал головой, скривил губы.

— Я всего лишь имаго Витязя, куколка или предреченник, как сказал Георгий. Но сделаю все, что в моих силах, чтобы очистить нашу землю от нечисти.

Антон молча сунул ему ладонь. Илья пожал ее.

— Женщинам все говорить не обязательно.

— Ясное дело.

— Кстати, почему бы нам не сходить послезавтра вместе в ресторан? Или ты занят?

— Как раз на ближайшие два дня я свободен, мы с напарником работаем через двое суток.

— Тогда замечано. Я знаю одно место — клуб «Европа», у него прекрасная кухня. Завтра вечером созвонимся.

Они вернулись в квартиру, где женщины с увлечением рассматривали журналы мод, которых у Валерии было несметное количество. Посидели еще немного, выпили по чашке чаю, и супруги Пашины ушли. Антон и Валерия, проводив их, остались одни. Некоторое время изучали друг друга, стоя

в прихожей, словно увиделись после долгой разлуки, потом Антон шагнул к жене, и она прижалась к нему, ничего не говоря. Она все прекрасно понимала.

Глава 11

ДОРОГОЙ РЕСТОРАН

Ратников выслушал доклад подчиненных внешне спокойно. Думал он не о разбитом стекле машины, а о последствиях случившегося. Объект заподозрил, что за ним следят, и почти вычислил наблюдателей, а это означало, что группа едва не провалила задание и потеряла возможность вести объект и дальше.

— Это я виноват, — шмыгнул носом Федор — сержант Паламарчук. — Я настоял на том, чтобы сидеть у него на хвосте плотно. Анна ни при чем.

— Громов оказался опытнее нас, — виновато проговорила Анна — сержант Талий. — Мы этого не учли. Наверное, придется снимать меня с дела.

— Придется привлекать «наружку» Завьялова, — подвел итог своим размышлениям Ратников. — Нам нужен не сам Громов, а его связи и встречи. Вы с Анной полностью переключаетесь на ВВЦ.

— Есть, командир! — воскликнули Паламарчук и Анна, допустившие непростительный промах при наблюдении за Антоном Громовым и ждавшие выволочки.

Однако ее не последовало. Ратников еще не докладывал генералу о результатах бдения группы на ВВЦ и мнения вышестоящих начальников на сей счет не знал, хотя оценивал деятельность своих подчиненных и себя лично на троечку.

— Идите. И чтобы проколов больше не было!

— Есть, командир! — Обрадованные члены группы выскочили за дверь помещения; для оперативного управления всеми приданными Ратникову подразделениями он нашел пустующую комнату в недрах двадцатого павильона (с помощью генерала, имеющего на ВВЦ доверенных людей) и мог теперь не мучиться в тесном салоне машины техобеспечения.

Вошел Славик, принял официальную позу.

— Разрешите, товарищ капитан?

— Садись, — кивнул на стул Ратников, не обратив внимания на тон лейтенанта.

В комнате стояли стол, три стула и тумбочка с телефоном. Комната была чистая, маленькая, без окон, на стенах висели странные картины, и, вполне возможно, это был запасник какого-то музея или художественной выставки. Ратников подолгу рассматривал картины, напоминающие мандалы, но с русской символикой и древнеславянскими письменами, и ловил себя на мысли, что картины навевают грустные размышления об ушедших временах.

— Докладывай, — спохватился Терентий, ощутив затянувшуюся паузу.

Славик расслабился, сел, начал рассказывать о своих похождениях, а Терентий снова отвлекся, вспомнив свое знакомство с Ириной Хвостовой и ее семейством.

В тот же вечер после попытки захвата Ирины неизвестными похитителями (найти их так и не удалось, несмотря на все принятые меры) Ратников заявился к ней домой и был встречен так тепло, что у него до сих пор голова шла кругом. Хотя никаких намеков на развитие отношений Ирина не делала и вела себя как примерное любознательное дитя, продукт классического гимназического воспитания, но ее взгляды на гостя к концу беседы прошли гамму оценок от благодарно-вежливой до заинтересованно-озадаченной, и Терентий поблагодарил в душе отца и маму, вложивших в сына тягу к знаниям и любовь к стихам и философскому осмыслению жизни.

Ратников просидел у Хвостовых до позднего вечера, сначала с Ирой, потом с ней и с матерью — Надеждой Петровой, изумительно похожей на дочь и почти такой же молодой, и наконец в компании с отцом Иры, задумчиво-рассеянным, лысоватым, молчаливым, любившим слушать, а не говорить. Дочь рассказала родителям, при каких обстоятельствах она познакомилась с капитаном Федеральной службы безопасности, но если Надежда Петровна отреагировала на это соответствующим образом, всплеснув руками, с испугом глядя на дочь, и долго не могла успокоиться, то старший Хвостов выслушал историю спокойно, лишь меланхолично заметив, что существующая система защиты граждан не справляется с криминалом и что ее надо менять.

С заявлением Дементия Романовича — насчет «менять» — Ратников был согласен, так же, как и с тем, что случай с по-

хищением девушек на ВВЦ явно выбивается из ряда обычных криминальных намерений. Но свои умозаключения он с хозяевами обсуждать не стал. С трудом ему удалось перевести разговор в другое русло — о работе матери Иры, и опасная тема о преступниках и о тех, кто с ними борется, отошла на второй план.

— Ира сказала, что вы руководите крупной фирмой, — проговорил Ратников. — Как вам удастся сочетать образ топ-модели с образом суровой хозяйки фирмы?

— Вы умеете подбирать комплименты, Терентий Георгиевич, — засмеялась Надежда Петровна, погрозив ему пальчиком. — Мне далеко до топ-модели, да и фирма у меня не такая уж и крупная, всего семьдесят человек работают, причем большинство, как ни странно, мужчины.

— Они вас слушаются?

— Еще бы, — с усмешкой вставил слово отец Иры, глянув на жену с ироничной нежностью; было заметно, что он обожает ее и готов согласиться с любой ее точкой зрения. В связи с чем стоило подумать, что она — действительно красивая и эффектная женщина — нашла в нем, какие особые достоинства.

— Меня окружают мужчины, женатые на своей работе, — улыбнулась Надежда Петровна, уловив косой взгляд Терентия. — Они удачливы, умны, самоуверенны, в большинстве своем не стеснены в средствах, исключительно циничны и расчетливы, хорошо разбираются в людях, которых, правда, недолюбливают, зато все — профессионалы и понимают меня с полуслова. С ними мне работаете легко, в отличие от женщин. Поэтому в фирме последних втрое меньше. Муж первое время ревновал (Дементий Романович смущенно почесал затылок), но потом понял, что дефолт ему не грозит, и перестал.

— Я понял, что главный добытчик в семье — жена, — сказал Дементий Романович с лукавой искрой в глазах, — и решил, что зря нервы жечь не стоит.

— Папа убежден, что мама все равно не найдет мужчину умнее его, — вставила Ира.

Ратников засмеялся.

— Нормальная мужская самооценка. А как у вас с этим на работе в министерстве, Дементий Романович?

— С чем?

— С отношениями между мужчинами и женщинами.

— Примерно так же, хотя тех и других в МИДе поровну. По моим наблюдениям, высокопоставленные мужчины любят женщин привлекательных, циничных, остроумных, самоуверенных и успешных, не обремененных никакими комплексами.

— Но ведь мама не такая, — с той же отцовской лукавинкой заметила Ира.

— Я — приятное исключение, — показал ровные белые зубы Хвостов.

Все засмеялись, а Ратников, чувствуя себя легко и непринужденно, будто давно был знаком с семьей Хвостовых, подумал, что отец и мама Иры, похоже, до сих пор любят друг друга.

Заговорили о характерах, о том, кто и как из присутствующих относится к обстановке в стране и в мире, о расплзающейся по стране волне терроризма, и тут Дементий Романович снова удивил Ратникова, заметив, что нельзя жить, все время думая только о плохом, вспоминая только недоброе и ожидая проявления зла.

— Надо мыслить позитивно, — с неожиданной твердостью добавил он, — иначе мы сами подготовим почву для свершения преступлений. Не секрет, что там, где образуется эгрегор тревоги, страха, ожидания неприятностей, чаще всего и реализуются негативные последствия наших же собственных умонастроений. Любая проблема, какой бы трудной она ни казалась, в конечном счете разрешима. Если настраивать себя в соответствии с этим постулатом, только так и можно достичь положительного результата для себя лично и установить власть добрых отношений во всем мире. Человек добивается стабильного успеха только тогда, когда его действия не наносят ущерба кому-то другому.

Дементий Романович выдохся, виновато глянул на жену.

— Философ ты мой доморощенный, — с улыбкой произнесла Надежда Петровна.

— Разве я не прав?

— Прав, конечно. Вот если бы твои слова дошли до людей и поменяли их образ мышления. Так редко это случается. А вы как относитесь к проблеме позитивного мышления, товарищ капитан?

Никак, едва не брякнул Ратников, потом подумал и ответил:

— Вообще-то я тоже считаю, что, создавая в уме образ че-

го-то нежелательного, мы тем самым способствуем фиксации этого нежелательного состояния. Поэтому я — за добрые мысли. Хотя при этом всегда готов ответить адекватно, особенно если кто-то намерен изменить мое состояние в худшую сторону.

— Браво! — пробормотал Дементий Романович, впадая в ступор, так до конца встречи и не сказав больше ни слова.

Говорили больше Надежда Петровна и Ратников, да Ира изредка вставляла словцо, в основном провоцируя капитана на нестандартные ответы и объяснения, хотя делала это не из меркантильных соображений и не для того, чтобы подчеркнуть свой ум. Она просто изучала гостя, доброжелательно, очень мило и тонко, так что ему все время приходилось держать себя собранно и серьезно. Однако больше всего впечатлило хозяек не его остроумное видение жизни и не рискованная работа, а знание таких вещей, как современная мода, шейпинг, боулинг, кастинг (при упоминании этого термина Ира поежилась) и стихи — от классиков до современных поэтов. Когда Ратников в доказательство прочитал с выражением несколько стихотворений, Ира и ее мама захлопали в ладоши. Даже Дементий Романович оживился и с некоторым удивлением посмотрел на гостя, демонстрирующего интеллигентность и начитанность. Особенно всем понравилось стихотворение Грина «Сон»:

На границе вод полярных, средь гигантских светлых теней
Где в горах, среди гранита, гаснут призраки растений,
Реют стаи птиц бессонных; улетают, прилетают,
То наполняют воздух свистом, то вдали беззвучно тают.
Им в пустыне нет подобных ярким блеском оперенья;
Дикой нервности полета нет средь птиц иных сравненья;
А они живут без пищи, никогда гнезда не строя;
И пустыня их волнует грозной вечностью покоя.
Если льдины раздвигает киль полярного фрегата —
Стаи бережно проводят и напутствуют собрата
И, его снастей коснувшись драгоценными крылами,
Средь гигантских светлых теней исчезают с парусами.

— Никогда бы не подумала... — задумчиво проговорила Ира, когда он закончил.

Ратников улыбнулся.

— Никогда бы не подумали, что служака-капитан читает стихи, так?

— Извините, — порозовела девушка под его взглядом. —

Я о другом... Но вы действительно отличаетесь от моих знакомых, среди которых есть и чекисты с папиной работы. Никто из них не знает столько стихов.

— Увы, молодежь нынче все больше увлекается компьютерами, — добавила Надежда Петровна. — Ирочкин друг Арик тоже не читает ничего, зато дни и ночи напролет просиживает перед экраном.

— Ну почему, мама? — запротестовала Ира, снова краснея под взглядом Терентия. — Аркадий много читает... хотя и не стихи. Между прочим, он мастер по карате. — Она поспешила перевести разговор: — А вы, товариш капитан, только классиков читаете?

Ратников с грустью подумал, что, во-первых, зря надеялся, что у такой красивой девушки нет парня, а во-вторых, что пора уходить.

— Нет, почему же, — сказал он. — У меня масса знакомых и приятелей — поэтов и писателей. К примеру, я очень люблю стихи Виталия Сундакова и Коли Игнатенко. Сережа Андреев тоже неплохой поэт.

— Прочитайте что-нибудь.

— Может, в другой раз? — попыталась Надежда Петровна остановить дочь.

— Хорошо, только одно четверостишие, — согласился Терентий. — Поздно уже, пора домой.

— Понимаю, жена ждет, дети.

— Я не женат, — улыбнулся Ратников, понимая подтекст речи девушки, и прочитал:

Всходят руны! Стеблем нежным рвут бетон и мнут металл.

Неужели мир расчуял, что не ведал то, что знал?

Воспарю на Сивке-Бурке. Над крестом. Одним-одним...

Наконец-то, как и прежде, я богам не раб, а сын.

Ира удивленно вскинула брови, уловив ч у в с т в а гостя, вложенные в стихи, и стала задумчивой, а Надежда Петровна сказала:

— Вы замечательно читаете, Терентий Георгиевич, а главное — умеете выбирать д у ш у стиха. А за Ирку спасибо. Я не знала, что она решится пойти на этот никому не нужный кастинг. И заходите к нам еще, будем рады.

С тем Ратников и ушел, унося три разных по значению, но одинаково задумчивых взгляда, отметив мимолетно, что эти взгляды запрограммированы генетически. Семья Хвостовых,

вопреки его ожиданиям — он знал, что семьи высокопоставленных чиновников, как правило, далеки от идеальных человеческих отношений, — оказалась очень т е п л о й семьей. С ней хотелось дружить...

— Что? — очнулся Ратников.

— Все, — ответил Славик, выжидательно глядя на капитана.

Ратников потер лоб ладонью, ответил лейтенанту кривой улыбкой.

— Что-то я сегодня не в форме...

— А ты пригласи ее в ресторан, — предложил проницательный Славик. — Если откажется, значит, не судьба. Если нет — смело иди в атаку.

— Любишь ты все упрощать, — буркнул Ратников. — У нее уже есть парень, какой-то супер по компьютерам.

— Нам ли бояться каких-то там парней, даже суперов по компьютерам? Ты тоже не лыком шит, мастер по рукопашке, шахматист, преферансист, вязать умеешь и все такое прочее.

— Она сказала, что Арик каратек.

— Арик?

— Ее парня зовут Аркадием.

— Подумаешь, каратек. А ты мастер по русбою. Каратеки и рядом не стояли. Ты что же, боишься? — удивился Славик.

Ратников сделал непроницаемое лицо.

— Отставить разговоры. Не хватало мне только твоих дурацких советов. Итак, давай еще раз пройдемся по фактам. Что мы имеем на сегодняшний день?

А имели они, к великому сожалению, немного, несмотря на удачное пресечение попытки неизвестных похитителей умыкнуть после кастинга на территории ВВЦ Ирину Хвостову.

Похитителям удалось скрыться. Брошенный ими микроавтобус «Мицубиси» подчиненные Ратникова обнаружили возле административного корпуса ВВЦ, но в нем никого не оказалось. Четверка нападавших, включая водителя, как сквозь землю провалилась. растаяла в воздухе, никто их не видел, даже те отыскавшиеся свидетели, которые заметили подъехавший темно-вишневый минивэн.

Ничего не дал и поиск его владельцев. Принадлежал микроавтобус хозяйственной службе Центра, где сотрудникам ФСБ сообщили об угоне автомобиля, происшедшем аккурат

«этим утром». Начальник гаража ВВЦ якобы «только собрался клакладывать об угоне в милицию».

Также ничего не выявил и поиск таинственной капитал-группы «Модус вивенди» и телекомпании Т-34. Таких организаций попросту не существовало в природе. По сути, это были сформированные для одноразового действия, в данном случае — для отбора девушек определенного возраста, подставные лжефирмы, создатели которых, получив сигнал тревоги, тут же смылись. Допрос оставшихся на месте охранников и нанятых секретарш позволил выяснить лишь одно: они не знали нанимателей по именам и фамилиям и смогли описать только двух человек, поиск которых закончился безрезультатно. Хотя маленькая зацепочка все же осталась. Один из тех, кто как будто являлся «директором» телекомпании Т-34, по описанию — огромный бородатый черноволосый мужик в черном костюме, был замечен в компании замдиректора ВВЦ Савагова.

И еще один факт не давал покоя воображению Ратникова — письмо, отправленное Саваговым по электронной почте некоему Хрису с требованием, чтобы он забрал каких-то «девок». Терентий смутно подозревал, что похищения восемнадцатилетних девушек на ВВЦ и это письмо взаимосвязаны. Вот только доказательств этого у капитана не было никаких. Только интуиция.

— Не густо, — вздохнул Ратников, оттянув нижнюю губу. — Начальство нас по головке не погладит за отсутствие результата. А тут еще Федор с Анной прокололись.

Славик оживился.

— Этот новый телохран гендиректора ВВЦ — крутой малый! Я навел справки: он бывший инструктор ГРУ по рукопашке, отсидел за что-то четыре года в Шантарской колонии, вернулся, устроился в частной охранной фирме и вообще — профессионал. Естественно, он не мог не заметить слежку. Между прочим, его дружок — известный путешественник и экстремал, бывший президент Российской школы выживания Илья Пашин.

— Та-ак! — протянул Терентий, снова тронув себя за губу. — Это любопытно. Ты знаешь, что три или четыре дня назад в сауне на Ленинградском проспекте обнаружен труп некоего Серафима Тымко, инструктора этой самой Школы выживания?

— Не слышал.

— Вот и потяни за ниточку. Возможно, Илья Пашин что-то знает о нашем деле. Уверен, все трое знакомы, надо выяснить все их связи, а главное — как это увязывается с ВВЦ.

— Могу понаблюдать за ними тихонько.

— Нет, спасибо. Они действительно профессионалы и способны вычислить слежку, я попрошу понаблюдать за ними ребят Завьялова с соответствующей аппаратурой. Твое дело — Савагов, его связи, встречи, планы, цели, мысли.

Славик меланхолически заметил:

— Мысли я еще читать не научился.

— Это очень большой недостаток, лейтенант. Придется компенсировать его активной работой головного мозга.

— Так и инсульт получить недолго. — Славик помолчал и ехидно добавил: — Это вам положено активно использовать головной мозг, товарищ капитан, а мое дело — исполнять, что приказано.

— Распустил я вас, — покачал головой Ратников. — Если каждый младший офицер начнет давать советы старшим...

— Дело от этого только выиграет, товарищ капитан. — Славик вдруг сделался печальным. — Я деда три дня назад похоронил. Классный был мужик — фронтовик, минер, девяносто лет прожил вопреки всему. Так вот он любил говорить, что дело мастера боится, и все, за что ни брался, делал на совесть. — Славик вздохнул. — А с кладбища возвращались, увидели целый взвод одинаковых холмиков и палок с ржавыми табличками — штук пятьдесят! Оказалось, здесь хоронят стариков из дома престарелых. Никто к ним на могилки не ходит.

Ратников выжидательно уставился на подчиненного.

— Ну, и к чему ты мне об этом поведал?

— Сам не знаю, — пожал плечами лейтенант. — Вспомнилось.

— Тогда иди работай. Вечером пойдем в ресторан.

— Куда? — удивился Славик.

— По сообщению Федора, наши подопечные Пашин и Громов идут сегодня с женами в боулинг-клуб «Европа» на Земляном Валу. Вот мы за ними и понаблюдаем, посмотрим, что за люди.

— Это же закрытый клуб, туда только депутатов и членов правительства пускают.

— Ничего, прорвемся. Возьми с собой Валентину.

— А ты с кем пойдешь?

— Не знаю, поглядим.

— Предложи той девочке, Ире, думаю, она не откажется.

Ратников сделал строгое лицо.

— Все, лейтенант! Свободен!

— Есть! — вытянулся Славик, подмигнул Ратникову и вышел.

Терентий невольно улыбнулся. Лейтенант ему нравился, работать с ним было легко, он все прекрасно понимал, несмотря на вид спортсмена-качка.

* * *

К удивлению и радости Ратникова, Ира согласилась пойти с ним в клуб «Европа». Похоже, капитан все-таки заинтересовал ее нестандартностью образования и аурой тайны, окружавшей романтическую, по ее мнению, профессию чекиста. Хотя чем занимается Ратников на самом деле, она не знала.

В начале девятого они вошли в центральный вестибюль клуба, одетые в соответствии с требованиями заведения: на Ире было темно-синее, в блестках, вечернее платье-бюстье, открывающее спину, обтягивающее и подчеркивающее фигуру, Терентий надел свой единственный «торжественный» костюм — темно-серый, в полоску, с жилеткой, под которой хорошо смотрелась ослепительно белая рубашка и галстук «от кутюр», с жемчужным отливом. Увидев его в этом костюме, Ира подняла брови, и по ее глазам он понял, что девушка не ожидала от сотрудника ФСБ такого прикида. С одной стороны, было приятно наблюдать за реакцией дочери высокопоставленного сотрудника МИДа, привыкшей выходить в «высший свет», с другой же, было обидно за имидж коллег, мнение о которых у Иры явно складывалось невысоким.

О цели визита в клуб он, конечно, ей не сказал, о чем впоследствии пожалел.

По клубным карточкам, которые раздобыл снабженец Управления майор Альтмас, они прошли в заведение, разглядывая посетителей «Европы». Узнали двух известных артистов кино, политиков с женами, часто выступающих по телевидению, погуляли по залам клуба и вернулись к дорожкам боулинг-зоны. Подопечные команды Ратникова были уже здесь: Антон Громов с женой, умопомрачительно красивой брюнеткой, похожей на гречанку с голубыми глазами, и зна-

менитый путешественник Илья Пашин с юной девушкой, судя по всему, не намного старше Ирины, и тоже очень красивой. В этом вопросе вкусы Ратникова и подопечных мужчин совпадали почти полностью.

Четверка гостей клуба вела себя непринужденно, весело, хотя и без лишнего шума, заняла одну из дорожек и с увлечением бросала шары.

Ратников, переглянувшись с одним из посетителей клуба в другом углу зала — это был Славик, предложил Ире покидать шары, и она согласилась. Заняли соседнюю с компанией Громова дорожку, Ира со знанием дела первым же шаром разбила пирамиду кеглей, и Терентий понял, что «современная золотая молодежь», не знающая дефицита финансов, живет в другом мире и что подобные заведения являются для дочки мидовца «своими».

Однако провести вечер тихо и мирно, с удовольствием, совмещая приятное с полезным, точнее, с необходимым, им не удалось. Ровно в девять часов начались события, которых ни Ратников со своей командой, ни объекты его внимания предусмотреть не могли.

Клуб «Европа» навещали не только высокопоставленные чиновники, политики, деятели искусств, служители столичной богемы, но и их отпрыски. Именно такая компания и появилась в боулинг-зале, сразу наполнив его шумом, визгом, хохотом и суетой.

Их было восемь человек: четверо хорошо одетых молодых людей и столько же девиц, одетых с вызовом, на грани фола, то есть, по сути, почти в неглиже, выставяющих напоказ все свои шикарные прелести. Впрочем, никого их одежда не шокировала, многие посетительницы клуба, пришедшие пораньше, одевались примерно так же. А вот вела себя компания не в пример шумнее и наглее. Мало того, она не признавала никаких норм поведения: парни лапали девиц, целовали, задирались и не обращали никакого внимания на остальных гостей клуба. Так как все дорожки боулинг-зоны были заняты, молодые люди начали вслух обсуждать играющих, швырять на дорожки пустые пивные банки, а когда охранники клуба вежливо попытались остановить их, парни решили просто согнать кого-либо с места. По-видимому, Громов и Пашин с женами показались им наиболее подходящими для демонстрации мускулов, и четверка подвыпивших парней решила оттянуться на них.

— Эй, вы, — развязно сказал один из молодых людей, с узким лицом и глубоко посаженными глазами, — это наше место, мы здесь постоянно играем, так что линияйте отсюда.

Громов и Пашин переглянулись и, не ответив на вызов, продолжили кидать шары, разговаривая со своими дамами так, будто подвыпившей компании не существовало.

— Эй, ты, борода, — нахмурился узколицый, задающий тон всей компании, — к тебе обращаются. Глухой, что ли?

Впоследствии Терентий, вспомнив недавнюю свою стычку в голицынской Доме творчества писателей с компанией таких же зарвавшихся недорослей, выяснил, что это был сын-ок одного из вице-премьеров правительства. А его спутниками были детки не менее высокопоставленных чиновников московской мэрии, среди которых неожиданно оказался и личный телохранитель Савагова, первого зама гендиректора ВВЦ.

Пашин продолжал спокойно беседовать с другом, повернувшись спиной к задире.

— Ну, бычара, ты сам напросился! — прошипел узколицый отрок и толкнул Пашина в спину, норовя свалить на дорожку боулинга. И промахнулся!

В следующее мгновение напарник Пашина одним движением перехватил руку узколицего, вывернул так, что тот вынужден был согнуться в полуприседе, и повел из зала. Ошалевшие собутыльники парня смотрели на него, открыв рот, затем бросились за ним... и были в течение трех секунд скручены Пашиным и самим Громовым. Все произошло так быстро, точно, изящно и тихо, что большинство присутствующих в зале даже не поняли, что происходит.

Пашин и Громов довели — каждый своих, по двое — молодых людей до выхода и вытолкнули за дверь.

— Не пускайте их сюда больше, — хладнокровно сказал Пашин подоспевшим охранникам клуба, — выпили, отдыхать мешают.

Вернувшись к ожидавшим их женам, Громов и Пашин снова начали бросать шары, беседовать, пить кофе и напитки, и прервавшееся было в этом уголке зала веселье покати-лось дальше как ни в чем не бывало.

— Здорово они их! — кивнула на соседей Ира; глаза ее заблестели. — Это случайно не ваши сотрудники?

— К сожалению, нет, — покачал головой Ратников, поразившись интуиции девушки; в клубе находились почти все

сотрудники группы Ратникова, хотя Ира вряд ли догадывалась об этом.

Но, как оказалось, инцидент на выдворении буянов не закончился. Позже Ратников выяснил, что главным инициатором скандала стал именно телохранитель Савагова, уязвленный той легкостью, с какой с ним справились двое не крутых на вид мужчин.

Не успели Ратников с Ирой обсудить проблему хамского поведения «повелителей жизни» — точки зрения обоих на эту проблему совпадали в главном — «пресекать!» — как в клуб ворвались какие-то вооруженные люди в камуфляже. Они сразу же целенаправленно подскочили к Пашину и Громову, навели на них и на их подруг пистолеты-пулеметы, заставили лечь на пол лицом вниз.

Ратников видел, что оба объекта наблюдения несколько мгновений колебались, прежде чем выполнить требования спецназа (это был ОМОН Центрального административного округа Москвы, Терентий знал некоторых его офицеров), и в душе у него шевельнулось чувство досады, так как, на его взгляд, ни Пашин, ни Громов ни в чем виноваты не были. И, наверное, могли бы справиться с шестеркой спецназовцев, несмотря на невыгодность положения и отсутствие оружия.

Шум в клубе стих.

— По какому праву? — поднял голову со скрещенными на затылке руками Пашин. — Я могу позвонить адвокату?

— Ты сейчас кровью умоешься, пидор! — приглушенно рявкнул омоновец в маске, ударив его прикладом пистолета-пулемета по затылку. — Лежать!

Вскрикнула красивая девушка, спутница Пашина, попыталась встать и броситься к нему, но второй омоновец толкнул ее в спину и снова заставил лечь.

— Еще раз тронешь — покалечу! — тихо пообещал ему Пашин. — Кто командир? Пусть подойдет.

Омоновец в маске снова ударил его прикладом, и в то же мгновение пистолет-пулемет чудесным образом вылетел у него из рук, а сам он грохнулся на спину от незаметного неопытному глазу, но сильного и точного удара. Пашин перехватил автомат второго омоневца, а вскочивший Громов выкрутил оружие у третьего и направил ему же в лоб.

— Стоять! — звучным голосом, от которого вздрогнули все гости клуба, выговорил Пашин. — Кто командир?!

Из-за спин согнувшихся омовцев вышел командир подразделения со звездочками старлея, огромный, мощный, в черном берете. Автомат он держал в руке как игрушку.

— Опустите оружие! — продолжал Пашин. — Произошло недоразумение. Я Илья Пашин, президент Школы выживания и журналист, а также путешественник, если кто меня еще не знает. В чем дело?

— Отпусти его! — мрачно потребовал в ответ старший лейтенант. — За сопротивление я буду вынужден...

Ратников уловил взгляд придвинувшегося ближе Славика, отрицательно качнул головой, но вдруг, поддаваясь внутреннему голосу, шагнул к старшему омовцу и негромко, скороговоркой, произнес, показывая ему свое удостоверение:

— Отзови своих волкодавов, старшой! Это мои люди. Ты срываешь мне операцию. Узнаю, кто эту кашу заварил, башку отверну! Сделай вид, что это все разыграно!

Несмотря на дебильно-атлетический вид, командир ОМОНа думать умел. Помолчав мгновение, он вскинул вверх кулак и зычно скомандовал:

— Отбой! Учебное задание выполнено. Прошу прощения за некоторые неудобства и грубость моих ребят, они отрабатывали вводную по заданию «захват террористов». Приятного всем отдыха.

Омовцы расслабились, попятились и исчезли так же неожиданно, как и появились.

— Извини, капитан, я не знал, — буркнул их командир, лицо которого осталось угрюмовато-тупым. — Нас вызвали по тревоге, дали наводку, ну, мы и пошли.

— Кто вызвал?

— Таких вопросов мне задавать не положено.

— Ладно, я сам разберусь. Эх, служба, все-таки изгадил ты мне сегодня вечер.

— Я лицо подневольное, так что извиняй, чекист.

Лейтенант козырнул и ушел вслед за своими подчиненными. Зал клуба наполнился шумом, смехом, возгласами, посетители отходили от шока и начинали обсуждать происшествие.

К Ратникову подошли Пашин и Громов, их жены.

— Спасибо, добрый человек, — сказал Пашин с тонкой усмешкой. — Кажется, вы здесь далеко не случайно. Эти болваны действительно испортили вечер не только нам, но и вам. Хотелось бы знать, кто их вызвал.

— Мне тоже, — сказал Терентий. — Хотя я догадываюсь, кто именно. Извините за доставленные неприятности. Но вы сами виноваты, не надо было демонстрировать свои возможности тем молокососам.

— Вы правы, — смущенно огладил бородку Пашин. — Можно было решить проблему иным путем. А вы случайно не из Управления «А» ФСБ? Мне кое-кто оттуда знаком.

— Нет, — качнул головой Ратников.

— А книжечка у вас такая же... Давайте познакомимся. Илья. А это мой друг Антон. Моя жена Владислава. Жена Антона Валерия.

— Терентий. — Ратников пожал руки всем четверым, чувствуя себя в глупейшем положении; они не знали, что он здесь находится ради новых знакомых. Подозвал спутницу. — Это Ира, моя невеста.

— Может, присоединитесь к нам? Вместе приятно проведем вечер.

— К сожалению, мне пора уходить. — Ратников уловил удивленный взгляд Ирины, но остановиться уже не мог. — Приятно было познакомиться. Однако будьте осторожны. Ваши доброжелатели, очевидно, дети каких-то очень больших шишек, коль вызвали ОМОН, и могут доставить массу неприятностей.

— Мы учтем, — пообещал Пашин.

— До свидания.

Ратников взял Иру под локоть и повел к выходу, отмечая боковым зрением д в и ж е н и е группы.

— Мы уже уходим? — с понимающей гримаской проговорила Ира.

— Извини, — тихо сказал Терентий, поворачивая ее к себе. — Так получилось. Не сердись. Я не могу остаться.

— Вы пришли сюда... из-за них? — догадалась девушка.

— Да, — признался он, не отводя взгляда, ожидая негативной реакции спутницы, презрительного взгляда и даже, может быть, пощечины. — Мы следим за этими людьми. Это моя работа. Прости, что я тебе не...

— Мы уже перешли на «ты»?

— Есть возражения?

— Нет. А невестой вы... ты назвал меня тоже для конспирации?

Он смутился.

— Если честно, то...

— Лучше не честно.

Ратников засмеялся.

— Тогда давай больше не будем на эту тему. Пошли, я отвезу тебя домой.

— Я бы хотела погулять по набережной. Или тебе надо остаться здесь?

— Не надо. Гулять так гулять.

Ратников движением брови подозвал прогуливающегося неподалеку с индифферентным выражением лица Славика.

— Посмотрите тут за ними.

Славик прошествовал мимо по коридору и скрылся в боулинг-зале клуба.

— Я помню его, он был с тобой тогда, на ВВЦ, — прищурилась Ира.

— Никому не говори, — прижал палец к губам Ратников, снова беря девушку под руку и радуясь, что не ошибся в ней. Она все поняла и не обиделась.

Глава 12

Я НЕ МАЛЬЧИК ДЛЯ БИТЬЯ

Понедельник начался хлопотно, суетно, напряженно.

Курыло за два часа успел нанести три визита в разные конторы, находившиеся в разных концах Москвы, и Антон отвлекся от размышлений о происшествии в боулинг-клубе «Европа». Ему, как и Илье, было понятно, что вмешательство симпатичного молодого мужика, представившегося Терентием (редкое имечко в наше время), явно не случайно, что он скорее всего представляет собой оперативную службу Министерства внутренних дел или даже ФСБ, а в клуб появился, вероятнее всего, по служебной надобности, а не для того, чтобы провести время с красивой девицей. А вот для чего — оставалось тайной. Илья предположил, что парень следил за ними и вмешался, имея какие-то непонятные резоны, однако вопрос — почему он следил за друзьями? — остался открытым. Не хотелось верить, что работает он не только на контору, но и на жрецов храма Морока, устроивших охоту на тех, кто победил их год назад в схватке за Лик Беса.

Явная слежка, которую Антон заметил за собой несколько дней назад, прекратилась, но его не покидало ощущение, что

кто-то продолжает контролировать каждый его шаг. Это угнетало, заставляло искать наблюдателей и гадать, в чем заключается смысл такого надоедливости контроля. Но Пашин из Москвы уехал, посоветоваться было не с кем, и Антон решил просто ждать, чем все закончится, подготовив себя ко всем неожиданностям.

В начале третьего Виктор Михайлович предложил ему пообедать вместе, Антон согласился, и они направились в столовую административного корпуса ВВЦ, где у гендиректора был отдельный кабинет.

Курыло, как всегда, был рассеян и неразговорчив, но, заметив вопросительный взгляд телохранителя, вдруг заговорил, будто внезапно обнаружив благодарную аудиторию:

— Антон Андреевич, вы случайно не знакомы с разработкой специалистов ООН под названием «Индекс человеческого развития»?

Громов удивился, но не подал вида.

— ООН — масонская организация, как МВФ, ЕБРР и другие им подобные, вряд ли стоит изучать их разработки.

— Стоит, — с кривоватой улыбкой кивнул Виктор Михайлович. — Надо знать своего противника, чтобы отвечать ему своевременно и достойно. Однако я о другом. Иногда спец таких контор выдают весьма ценную информацию, сами того не осознавая. Я просто анализировал состояние России для докладной записки в правительство и наткнулся на «Индекс». В нем ооновские эксперты отразили четыре коэффициента зрелого общества: реальный доход на душу населения, продолжительность жизни, грамотность населения и показатель состояния внешней среды. Так вот по этой оценке Россия занимает семьдесят первое место. К примеру, Украина — на девяносто первом месте, а впереди нас не только вся Европа, но даже Китай и Корея. Понимаете?

Антон,ковырявший вилкой в салате, осторожно сказал:

— Наверное, это объективно?

Виктор Михайлович вздохнул.

— Более или менее. Но ведь обидно! Россия по-прежнему является самым большим источником творческих личностей, талантов и гениев, а занимает всего лишь семьдесят первое место! У нас даже бандиты «гениальней», чем в других странах, если можно так выразиться. Пример тому — Халил Магомедович. Как же умело орудует, подлец!

Антон помолчал, не понимая, почему Курыло затронул

эту тему. Разве что Савагов так «достал» его, что захотелось кому-нибудь «поплакаться в жилетку».

— Вы знаете, как вывести страну из тупика?

— Это сущая неправда, что страна в тупике, не верьте оголтелой пропаганде купленных телеведущих. Страну с п е ц и а л ь н о загнали в эту яму, в которой она сейчас находится. Конечно, трудно найти рецепты для бедной — не ресурсами и людьми, а нормальными руководителями — страны для ускорения созревания, в первую очередь — духовного. Но выход есть. Просто его надо видеть.

— Монархия? — наугад предположил Антон. — Или все-таки «справедливый коммунизм»?

Виктор Михайлович отложил ложку, усмехнулся.

— Всего лишь власть, Антон Андреевич. Первая правда: нужна с и л ь н а я власть. К сожалению, наш президент слаб, разве что в трубу дудеть умеет хорошо да на лыжах кататься, и потому им манипулируют далеко не светлые силы. Вторая правда: затраты на социальную сферу должны соответствовать уровню экономики. У нас же на коррумпированный чиновничий госаппарат тратится половина дохода страны! Вдумайтесь в эти слова — половина дохода! Когда в других странах, даже самых развитых, — не более двадцати процентов. И третья правда: быстрый рост экономики невозможен без эксплуатации. Понимаете?

— Не очень, — поразмыслив, честно признался Антон.

Виктор Михайлович погрустнел, взялся за грибной суп.

— В переводе это звучит так: до получения богатства народу придется пережить бедность. Надо научиться просто работать! А не кричать на каждом углу о правах человека. Кто у нас в стране захочет работать после демократических воплей о правах человека?

— Мало кто, — согласился Громов.

Курыло сторбился над столом, начал есть суп. Через минуту поднял на собеседника сосредоточенный взгляд.

— Не обращайтесь внимания на пожилого брюзгу, Антон Андреевич. Просто я не вижу выхода из создавшейся ситуации, а людей, сочувствующих моим идеям, почти что и нет. Вполне возможно, что я скоро сойду с дистанции.

— Я сочувствую.

— Спасибо. Мне повезло, что вы... такой...

Антон дернул уголком губ.

— Не совсем безнадежен?

Курыло улыбнулся.

— Не обижайтесь. Вы мне действительно помогли и успокоили. Во всяком случае, господин Савагов перестал слать угрозы и занялся делом.

— Я бы все равно ему не доверял, — пробормотал Антон, вспомнив недавнюю стычку в боулинг-клубе с одним из телохранителей Савагова.

— Я и не доверяю. Просто делаю то же самое в параллели, чтобы исключить неприятные сюрпризы, как уже было не однажды. К сожалению, Халил Магомедович — восточный человек, а как говорил персонаж «Белого солнца пустыни»: Восток — дело тонкое.

— Савагов — мусульманин, исламист?

— Наверное. А что?

— Фанатики-исламисты презируют человеческую жизнь. Как чужую, так и свою собственную. Они не боятся умереть и потому спокойно убивают неверных. Каждого, кого сочтут неверным. Я встречался с ними и знаю, что это за люди. Точнее — нелюди. Теперь только они отвечают за сам факт нашего существования на Земле в качестве биологического вида. Поэтому с такими, как Савагов, нельзя договориться, их можно только уничтожить.

Виктор Михайлович хмыкнул, ощупывая лицо Громова прищуренными глазами, покачал головой.

— Да вы философ, Антон Андреевич. Хотя кое в чем я с вами не соглашусь. На сегодняшний день все-таки не исламский фундаментализм — главная деструктивная сила на Земле.

А какая главная — сила Морока? — чуть было не ляпнул Антон, но вовремя удержался. Вряд ли Курыло знал о существовании ре а л ь н о вмешивающегося в жизнь человечества древнего бога северного ветра, войны, хищников и всего, что связано с насилием. Но тогда что он имел в виду?

Курыло поднял взгляд на собеседника.

— Да, Антон Андреевич, это факт: нами управляет некая античеловеческая с и с т е м а, отнимающая у людей разум и волю, и я не вижу другой с и с т е м ы, которая способна справиться с ней. Подумайте над этим на досуге, может быть, найдете ответ?

Ответ уже есть, подумал Антон, эта с и с т е м а — честные и сильные люди. Хотя их, может быть, и мало. Вслух же он сказал только одно слово:

— Обещаю.

А в голове продолжала ворочаться «встопорщенная» мысль: что Курыло имел в виду под с и с т е м о й, отнимающей у людей разум и волю?..

Пообедав, они вернулись в приемную гендиректора. Виктор Михайлович скрылся за дверью своего кабинета, а Громов устроился в углу приемной, берясь за журналы и газеты, которые не забывал менять секретарь Костя. Остаток дня так и прошел в привычном бдении, чтении и беседах с Костей, успевающим выполнять все поручения шефа, болтать, работать с компьютером и готовить кофе. Лишь к вечеру в приемную заглянул молодой парень смуглой наружности, оказавшийся телохранителем Савагова, окинул помещение быстрым взглядом и тут же исчез. И Антон сразу понял, что неспешное, мирное, ламинарное течение событий дня чревато неожиданной турбулентностью вечера. Назревали какие-то перемены обстановки, и к ним надо было подойти в полной боевой форме.

В семь часов вечера Виктор Михайлович спустился к стоянке машин и поехал в мэрию столицы, где пробыл около двух часов. В начале десятого он попросил штатного водителя ВВЦ Кучереню отвезти его домой и, пока «Волга» петляла по улицам Москвы, разглядывал на коленях какие-то бумаги. Антон, сосредоточившийся на отслеживании потоков внимания к их машине, не пытался завести разговор, привычно анализировал обстановку и вышел из трансового состояния лишь при появлении девятиэтажки, где располагалась квартира Курыло.

— Остановись, Миша, — попросил он.

Водитель оглянулся на директора и послушно прижал машину к тротуару. Он уже знал, что советы телохранителя следует исполнять неукоснительно.

— Подождите меня здесь, Виктор Михайлович. И никуда не выходите, пока я не приду. Миша, увидишь что-либо подозрительное — гони к ближайшему отделению милиции.

— Что случилось, Антон Андреевич?

— Хочу проверить одну догадку, — уклонился от прямого ответа Громов.

Он вышел из машины, снова перевел организм в особое охотничье состояние и нырнул в арку дома, просеивая сквозь нервную систему все шорохи вокруг и незаметные глазу тенденции, намеки на движение.

Интуиция не подвела и на этот раз.

Их ждали.

Во дворе стояла лишняя машина — темно-зеленая «БМВ» последней модели. Номера ее в темноте Антон не видел, но точно такая же машина иногда сопровождала и «Мерседес» Савагова. А так как однажды Виктора Михайловича уже встречали в подъезде некие «неизвестные» бандиты, появление саваговских шестерок могло означать только одно: о нем решили «позаботиться» посерьезнее.

Несколько мгновений Антон прикидывал последствия своего шага. Потом пришла решающая мысль: если действовать быстро и нестандартно, они не успеют понять, что происходит, и в темноте не узнают, кто их о г р а н и ч и л.

Он перешел на рассредоточенное зрение, взял т е м п и скользнул к «БМВ» вдоль стены дома, по узкой асфальтовой ленте бордюра.

В машине гостей не ждали. В ней сидели двое — водитель и пассажир в спортивном костюме и в кепке с длинным козырьком. Антон рванул на себя дверцу со стороны пассажирского сиденья, ударом в горло обезвредил сначала спортсмена в кепке, а потом и водителя — лбом о баранку руля. Прихватил кепку, натянул на уши и метнулся к подъезду.

Дверь приоткрыта, домофон то ли сломан, то ли отключен. Плохо, если заскрипит. Однако ждать нельзя, могут прийти в себя парни в машине либо появится местный житель, способный поднять панику. Вперед, рэкс, они не ждут нападения, они ждут ж е р т в у!

Дверь таки скрипнула, но он уже влетел в подъезд и сразу обнаружил двух охотников, притаившихся за второй дверью перед выходом на лестницу, ведущую к лифту. Здесь было темно: лампочку, очевидно, разбили специально или вывинтили, но Антон находился в резонансе с энергетическими потоками дома и отлично видел в темноте.

Удар, вскрик, еще удар — всем телом о стену.

Первый готов!

Второй поднял пистолет, еще ничего толком не увидев, начал разворачиваться.

Удар по руке, удар в нос, еще один — ребром ладони по шее. Всклип, шорох сползающего по стене тела. Тишина.

Антон нагнулся к затихшим засадникам, быстро обыскал обоих, нашел нож, кастет, пистолет, бумажники, документы. Взвесил в руке пистолет — «сталкер» с глушителем, однора-

зовая машинка, хотя и мощная. Парни явно шли на «мокрое» дело, и ждали они скорее всего Виктора Михайловича Курыло. Во-первых, потому, что один из них — здоровяк славянской наружности был из команды телохранителей Савагова, Антон его помнил, а во-вторых, таких совпадений — чтобы киллеры ждали кого-то еще в доме, где живет гендиректор ВВЦ, — не бывает.

Антон несколько мгновений прислушивался к муравьиной жизни девятиэтажки, сканируя пространство подъезда «третьим глазом», никого больше не обнаружил и взвалил на плечи одного из членов засады. Быстро отнес к «БМВ», свалил в салон. По пути съездил по морде водителю, чтобы полежал в отключке еще несколько минут. Перенес второго, вложив в руку саваговского охранника пистолет, поблагодарил судьбу, что никто из жителей окрест лежащих домов во время перетаскивания тел не вышел во двор, и тут же по мобильнику позвонил по 02:

— Срочно пошлите наряд во двор дома номер одиннадцать по улице Островитянова! Я видел, как в «БМВ» зеленого цвета сажались двое мужчин с пистолетами!

— Кто говорит? — отреагировал дежурный. — Фамилия, адрес?

— Я тут живу, Иванов моя фамилия, приезжайте быстрее!

Антон отключил телефон и направился на улицу, к машине Курыло, прикидывая, что минут пять у них есть до появления патруля. Если ему, конечно, поверили.

— Все в порядке, Миша, можно ехать.

«Волга» заехала во двор, Антон вышел первым, кивнул водителю:

— Свободен, Миша, я доеду сам.

— Меры предосторожности? — усмехнулся Виктор Михайлович.

— Работа такая, — спокойно сказал Антон. — Я вас очень прошу, не открывайте двери незнакомым людям. И не выходите из квартиры без меня и моего напарника, договорились?

— Не слишком ли вы перестраховываетесь, Антон Андреевич? Вряд ли Халил Магомедович решится на какие-то крайние меры.

— Кто знает, — философски заметил Антон, провожая Курыло до дверей квартиры; никто им по пути не встретился, засаду устраивали явно не профессионалы, хотя, вполне возможно, в их задание не входила ликвидация гендиректора

ВВЦ и его телохранителя и они собирались только напугать обоих или ранить.

Попрошавшись с Виктором Михайловичем, Антон спустился во двор и стал свидетелем налета группы спецназа на «БМВ». Его пассажиры только-только оклемались и сопротивления оказать не смогли, но они были вооружены и получили то, чего заслуживали: били их сильно, со знанием дела. Потом заковали в наручники, погрузили в подъехавший милицейский «УАЗ» и увезли.

— Как часто мы складировем не тех, — пробормотал Антон, выходя на улицу. — Спокойной ночи, отморозки.

Дома он оказался в половине двенадцатого.

Жена еще не спала, читала книгу, забравшись с ногами в любимое кресло под торшером. Подняла голову, шурясь, когда он прошел в гостиную и присел у ее ног на корточки.

— Почему не звонишь? — строго сказала она. — Я же переживаю.

— Извини, склероз, — покаялся он легкомысленно. — Ничего существенного не происходило. Хотя шеф часто таскает меня по таким учреждениям, откуда звонить неэтично. Что у нас на ужин?

— Ростбиф по-саксонски.

— Я же не ем мяса на ночь.

— Поэтому ростбиф овощной. Плюс творожная запеканка.

— Отлично! — Он поцеловал Валерию в голую коленку. — Ты выглядишь божественно! Точнее, так соблазнительно, что на первое я предпочту тебя.

— Всеу свое время, — не поддалась она его намеку. — Кстати, тебе звонили.

— Кто? Мужчина или женщина?

— Мужчина. Сказал, что ты должен отдать ему какой-то там володарь и что он будет ждать тебя завтра в двенадцать часов дня у главного входа на ВВЦ.

Антон замер.

— Когда он звонил?

— Час назад. Не знаю, кто это был, но голос у него противный, медленный такой, скрипучий, будто он сквозь рыбы кости говорит.

— Он не представился?

— Нет. Что такое володарь?

Антон помолчал немного, переживая неприятное чувство сосущей пустоты в желудке, встал, направился в ванную.

— Потом расскажу.

Он умылся, размышляя над известием, подумал, что Илья прав: их не оставят в покое служители храма, и что надо начинать действовать на опережение. Переделался, вернулся в гостиную.

— Лер, ты не хотела бы уехать куда-нибудь на время? Хотя бы на пару недель? Сможешь взять отпуск?

Валерия отложила книгу, внимательно посмотрела на мужа прозрачно-синими глазами.

— Отпуск взять не проблема. Но с чего это ты предлагаешь мне уехать? Что случилось?

— Пока ничего, — качнул он головой. — Но мне было бы спокойнее, если бы ты уехала. В Сочи, например, к морю, или на Кипр.

— Если я куда и поеду, то только с тобой. Кстати, еще Пришвин говорил, что в будущем доктора не станут всех посылать на южные воды и виноград, а только в ту сторону, в ту среду, где человеку все понятно, близко и мило. Вот в деревню к бабке Устинье я бы съездила. Ну-ка, давай колись, что произошло. Как сказал бы поэт: ну все, любимый, руки на капот! Если твое предложение навеяно встречами с Ильей, то это дело касается и меня. Я не собираюсь отдыхать где-то на морях, пока вы будете воевать с колдунами и прислужниками храма.

— Воевать мы не собираемся, — солгал Антон. — Но они запросто могут напасть на вас — я имею в виду тебя и Славу в любой момент. Ведь мы с Ильей не можем все время быть рядом.

— Не беспокойтесь за нас, мы тоже можем за себя постоять. А лучших помощников, чем мы, вам не сыскать.

Антон не нашелся, что ответить жене. Она была права. Год назад помощь женщин пришлась как нельзя кстати, но, с другой стороны, само их присутствие давало в руки хха сильный козырь, заставляя мужчин защищать своих подруг, а то и выручать их из беды.

Валерия заметила его колебания, подхватила с кресла, закинула руки за шею мужа.

— Ты не все мне говоришь. Я чувствую, что произошло какое-то нехорошее событие.

Антон хотел отшутиться, но заглянул в потемневшие тревожные глаза жены и вздохнул.

— Ничего-то от тебя не скроешь, Валерия Никитична.

Однако и ты должна понимать, что существуют объективные вещи, которые женщинам знать не положено, равно как и мужчинам — некоторые женские секреты.

— Дипломат, — улыбнулась она. — Я согласна. Хотя на самом деле было бы лучше, если бы ты чаще делился со мной своими «мужскими» тайнами. Советы женщин хороши тем, что выполнять их можно с точностью «до наоборот».

Одно мгновение Антон вглядывался в ставшие дерзко зовущими, глубокими, влекущими глаза Валерии, потом поцеловал ее и подхватил на руки.

— Господи, как давно ты меня не носил на руках, — выдохнула она, замирая. — Целые сутки!..

Глава 13

КРЕПОСТЬ

В Парфино, где жили родственники Ильи: дядька Федор Ломов, его жена Елена Кондратьевна и двое детей — повзрослевший на год Данила и семнадцатилетняя Леночка, — Пашины прибыли к обеду во вторник. Чтобы не привлекать к себе особого внимания, добираться решили на общественном транспорте, поэтому сначала доехали из Москвы до Новгорода на поезде, из Новгорода до Белой Горы — на автобусе, а оттуда до Парфино — на попутках. Получилось вдвое дольше, чем если бы они ехали на своей машине, зато сторожевая система храма Морока не смогла вовремя засечь их, и чудеса БАЗы начались лишь после прибытия Ильи в деревню. Но к этому он был готов, зная, что «помечен» черными колдовскими силами, реагирующими на его помыслы и действия, угрожающие безопасности храма, где бы он ни находился. Спасало отсутствие у хранителей храма спецподразделения, реагирующего на «магическую пеленгацию», работающую как бы сама на себя, а также защита цаты, этого мощного амулета, поддерживающего связь с русскими богами. Илья знал, что Евстигней был посвящен в волхвы Силичем, или Сильнобогом, одним из светлых богов-защитников древнерусского пантеона, и его канал связи с Силичем через цату все еще работал. Хотя вызвать по нему самого Сильнобога было невозможно: с течением времени информационно-пропускная способность канала заметно снизилась.

Тем не менее цата, или Рука Бога, как назывался талисман, действовала и успешно отводила от Ильи потоки злого внимания БАЗы. За время путешествия из Новгорода в Парфино она срабатывала дважды — Илья чувствовал это по резкому изменению температуры медальона: цата вдруг то нагревалась, то превращалась в кусок льда. В первый раз они с Владиславой, спеша на автобус, успели перебежать дорогу перед мчавшимся сломя голову «Москвичом», вывернувшимся из-за угла, хотя еще мгновением назад его не было! Во второй раз цата предупредила Илью за несколько секунд до столкновения автобуса с вырулившим на встречную полосу самосвалом. Илья успел рывкнуть водителю автобуса, чтобы он сбросил газ, тот от неожиданности послушался и смог отвернуть в сторону, хотя едва не свалил при этом автобус в кювет. И все же, если бы не подсказка Пашина, произошло бы столкновение, чреватое многими жертвами.

После этого БАЗа притихла, и супруги добрались до дома Ломовых, стоящего на краю деревни Парфино (рядом располагался городок Парфино), на берегу озера Ильмень, уже без приключений.

Встретили их радушно, даже радостно, не спрашивая, каким ветром занесло сюда родственника и его юную жену. Поговорили о том о сем, посмотрели семейные фотографии, вспомнили родичей, рассказали друг другу о житье-бытье. Старший сын Федора двадцатилетний Никита по-прежнему жил в Москве, изредка навещая родителей, учился в Московском государственном университете и одновременно подрабатывал в фирме по продаже компьютеров. Леночка Ломова закончила школу и готовилась к экзаменам в институт. Тринадцатилетний Данила закончил седьмой класс школы, занимался со школьным учителем русским стилем рукопашного боя и прекрасно рисовал.

— Горюет Данила, — посетовал Федор, — что деда Евстигнея нет. Когда дед был жив, он к нему часто заходил, помогал вырезать разные фигурки, на деревянных дощечках рисовать. Одну такую картину Никита в Москву забрал. Говорит: думать помогает.

— Он у нас такой самостоятельный, — покачала головой Елена Кондратьевна. — Все сам норовит сделать, до всего дойти.

— Мужик растет, — сказал Илья одобряюще.

Поговорили о заботах старшего Ломова, потом, ближе к вечеру, Владислава предложила хозяйке помочь по дому, и женщины пошли на подворье, где у Ломовых содержались две коровы, лошадь, хряк, куры и сторожевой пес неизвестной породы по прозвищу Крутой. Мужчины же остались за столом на веранде, накрытой тенью сосен и берез и потому прохладной даже в летний зной.

Илья выслушал жалобы дядьки на жлобство торговцев и беспредел автоинспекции, отбиравшей мед у производителя, — Ломов, как и обещал год назад, купил пасеку недалеко от городка Пролетарий, Федор посетовал, что рыба уходит из тех мест на Ильмене, где артели свояка отведен район лова, затем похвастался успехами Данилы и показал его последние акварели, на взгляд Пашина — действительно великолепные. Особенно мальчишке удавались пейзажи и сказочные композиции на мотивы древнерусских сказаний и былин в манере Константина Васильева. Илья с уважением заметил, что из Данилы проглядывает настоящий художник, и обрадованный его оценкой Федор от избытка чувств хватанул целый стакан водки. Но не окосел. Он был из той редкой породы мужиков, на которых алкоголь не оказывал почти никакого влияния, и мог на спор выпить чуть ли не ведро самогона.

— Ну а вообще-то, как тут у вас, тихо? — спросил Илья. — Евстигней не объявлялся?

— Целый уж год как не появляется, — махнул рукой Ломов-старший. — Бают, уехал он в какой-то староверческий скит в Сибири, за Урал. А хата его стоит, и дверь не на замке. Значит, вернется.

— Неужели к нему никто не навевывался за это время?

— Почему не навевывался? Заходили какие-то люди днем, давно, зимой еще, Ленка их видела, а что делали — неведомо. Я на всякий случай потом проверил — все вроде на месте, ничего не взято. Да и что у старого брать? Иконы разве что, дак их у него и не было. А сундуки целехоньки стоят.

Федор задумался, вспомнил какое-то событие.

— С месяц назад, в конце мая, тоже кто-то заходил к деду в хату, почитай, ночью. Я как раз из центра возвращался, услышал голоса, потом дверь стукнула. Обрадовался, думал, старик вернулся, покликнул — тишина в ответ. И свет не зажегся в хате. Может, никого и не было, слышалось все. А ты по делу к нам или так, проездом?

— Да как тебе сказать...

— А так и говори. Подсоблю чем, если надо. А жена у тебя славная, красавица, аж светится вся. Где добыл такую?

— На болоте нашел, — улыбнулся Илья, почти не кривя душой. — У тебя Елена тоже красавица, каких свет не видывал. Дай бог всякому!

— Всякому не надо, — ухмыльнулся, в свою очередь, дядька, — только умному, доброму да сильному, такому, как я. Так что там у тебя за проблема? Говори смелее, чай, не чужие вы мне.

— Проблема одна, забот две, — помедлив, сказал Илья. — Мне в доме Евстигнея побывать надобно, поискать одну вещь. А потом на Стрекавин Нос сходить. Но это позже, через неделю-две, когда я подготовлюсь получше. Сегодня мне важнее изба деда.

— Что ж тут страшного, едрена корень? — удивился Ломов. — Давай вместе сходим.

— Нет, мне одному надо. Извини.

Федор наморщил лоб, хотел что-то сказать, и в это время со стола сам собой упал на пол веранды стакан. Звякнуло, полетели осколки. Федор вытаращил глаза, непонимающе глянул на то, что осталось от стакана, перевел взгляд на Илью:

— Ты видел?!

Пашин усмехнулся.

— Это нечто вроде предупреждения. Кто-то очень сердит на меня и не хочет моего присутствия в деревне.

— Опять колдовство?

— Судьба, наверное, у меня такая — со злым колдовством сражаться. Снова один супостат зашевелился, приходится вот готовиться к встрече.

— Не Морок ли?

Илья с интересом посмотрел на могучего телом родственника, потом вспомнил, что Федор присутствовал при разговоре о Мороке год назад и помнит об этом.

— Он самый, Федор Петрович. Окопался он тут у вас, недалеко от Стрекавиного Носа, людишек под себя подмял, заморочил, бояться его и служат за разные посулы да сребреники.

— Честно говоря, не верю я в вашего Морока, хотя и помню, что вы еле живыми оттуда вернулись.

— А в дьявола веришь?

Федор почесал темя.

— И в дьявола не особенно верю. Все беды — от жадных и злых людей, стремящихся нахапать, ничего не делая. Это они дьявола придумали, чтобы мы боялись и не прекословили.

— Это верно, — улыбнулся Илья, вспоминая чье-то изречение: самая большая победа дьявола состоит в том, что он заставил людей поверить, что его не существует.

— Ладно, к хренам они все сдались, — махнул могучей дланью Федор. — Давай-ка еще чайку с медком махнем. Мед сборный, только привез, чуешь, как пахнет? Лепота!

— Изумительно пахнет, — согласился Илья.

— А к деду Евстигнею мы все-таки вместе пойдем, — добавил хозяин, — когда стемнеет. Я снаружи покараулю, а ты в избе пошаришь. Ежели, конечно, она тебя не выплюнет. — Федор хихикнул. — Те-то гости, коих я в мае встретил, зашли туда и тут же обратно выскочили, перепуганные, волосы дыбом, и пар от них валит столбом. Будто кипятком ошпарили.

Федор снова хихикнул.

Улыбнулся и Пашин.

— Заговоренная изба у Евстигнея, не любит чужих. Что ж, посмотрим. Может, она и меня не впустит...

Но она впустила.

Уже ночью, в начале первого, выпив по кружке ягодного морса собственного приготовления, Илья и Федор зашли к соседу со стороны садового участка. И Пашин, потрогав цату, толкнул входную дверь избы, пробормотав про себя: «Давно я тут не плавал баттерфляем...»

Цата на груди нагрелась.

Илья остановился, прислушиваясь к теплой — вопреки ожиданиям — тишине Евстигнеевой избы. Кто-то смотрел на него из-за подволоки, пристально, настороженно, опасливо, но беззлобно. Затем что-то прошумело, невидимая струйка не ж и т и протекла сквозь щель второй двери — из сеней в горницу, и Илья понял, что его пропустили. Скорее всего встречал его *востуха*, близкий родич домового, живущий за печкой и караулящий воров. По народным поверьям, там, где живет востуха, ничего плохого приключиться не может и ничто в доме не пропадает.

— Спасибо за доверие, — прошептал Илья, открывая дверь в горницу.

В нос пахнуло сложным сочетанием травяных и ягодных запахов, кожей, войлоком и сухой древесиной. Обычно, если

в избе долго никто не живет, это чувствуется сразу, здесь же, в хате Евстигнея, сохранились все тонкие признаки жилья, словно хозяин вышел на минутку и сейчас вернется.

Илья вздохнул, продолжая вслушиваться в тишину и привыкать к темноте. Старый волхв в свой дом так и не вернулся.

В углу за громадой русской печи сгустился мрак, надвинулся мохнатой глыбой.

— Тихо, тихо, не шали, я свой, — пробормотал Илья, снова дотрагиваясь до талисмана.

Глыба тьмы взмахнула длинными лапами, расплзлась струями, исчезла. Скорее всего это был *шерстнатый* — ночной демон, давящий спящего человека во время сна, Евстигней, очевидно, держал его в качестве сторожа избы. Неудивительно, что ночные гости деда, которых видел Федор, выскочили из хаты как шальные. Они сначала наткнулись на востуху, а потом на шерстнатого, а может быть, и еще на какую-нибудь древнюю форму нежити, почти исчезнувшую на земле.

Илья встал у стола посреди горницы и огляделся, вспоминая свое первое посещение владений волхва. Наверняка избу Евстигнея обшарили от подпола до крыши, кроме Витязей, еще и служители храма, но обнаружили они искомое — володарь — или нет, было неизвестно. Впрочем, если даже Георгий со товарищи ничего здесь не нашли, то вряд ли Пашину стоило надеяться на благополучный исход поисков, поэтому он и не рассчитывал на удачу. Хотя подспудно верил, что ему обязательно надо было побывать здесь.

Интересно, подумал он, где они нашли цату? Ведь она, вероятнее всего, была на шее Евстигнея во время боя с Черным Веєм. Не мог же он оставить дома такой мощный амулет, поддерживающий его в трудную минуту...

Тишина, темнота, неподвижность... ощущение взгляда... Востуха и шерстнатый продолжали наблюдать за гостем, хотя и признавали его право быть в доме хозяина и свободно передвигаться по комнатам.

Так... это коник, лавка... за ними два сундука, оба закрыты. Вряд ли Евстигней прятал в них что-нибудь ценное, сундуки всегда на виду и предназначены для складирования обуви и одежды. Хотя, с другой стороны, в сказках про Бабу-ягу в таких вот сундуках старая ведьма и хранила всякие волшебные вещи: шапку-невидимку, сапоги-скороходы, скатерть-самобранку и прочее.

Илья усмехнулся. Ему бы оченьгодились эти вещи, да только в реальной жизни, несмотря на сохранившиеся с допотопных времен магические ритуалы, волшебные предметы отражали лишь память о былом магическом прошлом человечества.

Он открыл один сундук, второй, закрыл оба. В первом действительно лежала сваленная комом одежда: видимо, в нем кто-то рылся и побросал потом Евстигнееву рухлядь в сундук без разбора. Второй был почти пуст, если не считать кучи порванной и смятой бумаги.

В избе был подпол...

Илья обошел горницу, заглянул в спальню за печкой, затем вернулся на кухню, где стоял огромный дубовый стол, и у стены под лавкой обнаружил откинутую крышку люка. Присел над ней, вглядываясь в еще более мрачную темноту, потом осторожно полез по деревянной лестнице вниз, в подпол. Перешел на «внутреннее» зрение и увидел небольшое помещение со стеллажами, заставленными глиняными горшками, банками и деревянными баклажками самого разного размера и формы. В углу стояла наполовину опорожненная бочка квашеной капусты, чуть ближе — бочка поменьше, с медом. На полу расположились два разломанных ящика, из которых вывалилось содержимое — картошка, морковь, лук и кочаны свежей капусты.

Илья понюхал воздух, наполненный запахами ж и в о й природы, попробовал квашеной капусты, покачал головой. Капуста была вкусная, пропитанная соком, ее можно было есть, не опасаясь за желудок. И вообще все овощи, хранившиеся в подвале, выглядели так, будто их только что собрали или заквасили. Старый волхв знал секреты долговременного сохранения пищи.

Ничего я здесь не найду, трезво подумал Илья.

Постоял еще немного, просеивая сквозь нервную систему шелестящую ожиданием хозяина тишину, и вылез в горницу. Взялся за цату. Ну, выручай, Рука Бога, помоги найти то, чем занимался дед Евстигней. Где он мог спрятать володарь с Руной Света?

Талисман остался нем и недвижим. Мысли владельца он читать не мог. Может быть, его надо спрашивать иначе?

Илья достал серебряный кругляш с рисунком «мандалы», подумал и сунул обратно под рубаху. Георгий уже был здесь,

имея цату, и ничего не нашел. Значит, дед Евстигней спрятал володарь в другом месте, не в своей хате, иначе цата указала бы на место схрона.

И все же... и все же попытка не пытка. Илья вспомнил, как называл учитель подобную ситуацию: человек в логове тигра. Жилище волхва, конечно, называть «логовом» было не совсем правильно, однако для непрошенных гостей оно действительно представляло собой весьма опасное магическое «болото».

— Эй, востуха, — позвал Илья родственника домового, — вылезай, не бойся, я тебе ничего не сделаю. Покажи, где хозяин прятал самое ценное.

Никто не откликнулся.

Илья усмехнулся, расслабляясь, понимая, что его зов равнозначен детской надежде на чудо. И в этот момент что-то мелькнуло у стола в горнице, словно по полу бесшумно пробежала вереница тусклых огоньков. Илья напряг «третий глаз» и увидел струение светящегося воздуха над одним из сундуков. Возникло и пропало прозрачное личико гнома, мелькнула призрачная ручка, и движение прекратилось.

— Спасибо! — пробормотал ошеломленный путешественник, не веря, что нечистик ответил ему.

Но ведь в сундуке ничего не было...

Илья подошел к сундуку, откинул крышку и увидел — не глазами, внутренним зрением — все ту же кучу обрывков газет и бумаги. Пошарил рукой в куче — ничего. Странно... может, востуха неправильно его понял? Или сундук с секретом? Скажем, у него двойное дно...

Илья присел возле сундука, ощупал его со всех сторон, прикинул размеры снаружи и внутри. Двойного дна у метровой длины короба не было. Илья поднял и опустил крышку и вдруг сообразил, что она толстовата на вид и довольно тяжелая. Постучал по ней костяшкой пальца, оглядел, ища отверстия, щели или выступы. Нет, все доски пригнаны плотно и ровно. И все же почему в душе зреет убеждение, что тайник — в крышке? И пахнет она иначе, не так, как сам сундук. Запах свежей древесины...

— Пойди найди тут ножичек... — вспомнил Илья старый отечественный мультфильм. — Али-Баба и сорок сундуков... А ну, крышка, откройся!

Что-то хрустнуло под рукой. Илья от неожиданности выронил тяжелую крышку, та ударилась о верх сундука... и рас-

сыпалась на дощечки в две ладони длиной и в ладонь шириной!

— Мать честная! — прошептал он в изумлении. — Да это же...

Евстигней вырезал руны на березовых дощечках и спрятал свою работу удивительно просто — сделал из дощечек новую крышку сундука! И скрепил их не клеем и не гвоздями, а скорее всего заклинанием. И теперь на дне сундука лежала груда дощечек с вырезанными дедом рунами — р у н о в я з ы! Правда, порядок связи рун был нарушен, однако это в данный момент не казалось главным. В руках Ильи находился володарь, ключ к каналу связи с Белобогом, и его надо было немедленно уносить отсюда, так как в ы п а д е н и е володаря в реальность Земли из-под скорлупы магического тайника наверняка отметили все, кто умеет различать магические поля и силы.

Последняя мысль подстегнула Илью.

Он быстро начал рассовывать дощечки по карманам, но их было много, около двух десятков, пришлось искать тару, и в конце концов он уместил березовые досточки в холщовый мешок для крупы, найденный в соседнем сундуке. Через минуту Илья выскользнул из хаты Евстигнея во двор и услышал недовольный шепот Федора:

— Наконец-то! Я уж волноваться начал: тебя нет и нет, в хате ни огонька, а время идет. Хотел уж идти за тобой, тем более что на улице кто-то уже давно к Евстигнеевой хате присматривается.

— Кто?

— Почем я знаю? Двое, чужие. Подойдут, посмотрят, отойдут, пошепчутся, потом снова подойдут... Нашел чего?

— На вот мешок, отнеси домой. Я посмотрю, кто это. Похоже, вовремя мы с тобой к деду в гости сходили. Чует мое сердце, эти гости пришли сюда за тем же, что и я.

— Что тут в мешке?

— Потом объясню.

Поблагодарив судьбу, что ночь выдалась темная, безлунная и беззвездная — небосвод затянуло тучами, — Илья бесшумно подкрался к углу избы и выглянул, готовый действовать соответственно обстановке. Фонари, освещающие этот уголок Парфина, давно не горели, свет из центра деревни сюда не достигал, но обострившееся чутье позволяло Илье видеть в темноте почти так же хорошо, как и днем. Он увидел

двух мужчин в темных костюмах, бородатых, темнолицых, молчаливых и ощутимо опасных. Цата на груди кольнула кожу холодом.

Темнота и бороды не позволяли разглядеть лица мужчин, но и без этого Илья определил, что перед ним — хха, хранители храма Морока. И пришли они сюда скорее всего в надежде отыскать володарь Евстигнея.

Опоздали, родимые, проговорил про себя Илья, раньше надо было этим заниматься.

Они наверняка приходили сюда не раз, возразил внутренний голос. Просто не знали, где надо искать, да и востуха с шерстнатым не давали им возможности сосредоточиться. Тебе просто повезло.

А везет всегда целеустремленным, ответил сам себе Илья. Хотя я еще не уверен, что нашел володарь. Уж очень все просто получилось. К тому же Георгий утверждал, что он тоже искал руны у деда и не нашел. Почему? Ведь он ученик Евстигнея и в и д и т больше, чем я.

Разберемся, заявил внутренний голос. Возможны варианты. Либо Георгий сказал неправду...

Это исключено!

Хорошо, вот еще объяснение. Твой супермен-Витязь просто не смог договориться со сторожами дедовой хаты и не снял заклинание, оберегающее крышку сундука.

Ну да, а я, такой умный и красивый, пришел и сразу разблокировал заклинание... не имея понятия, что оно скрывает тайник.

Внутренний голос помолчал.

Тогда остается последнее: все было рассчитано заранее. Володарь изначально предназначался именно тебе.

Илья и так, и эдак повертел собственное предположение, не нашел в нем изъяна, но, поскольку в данный момент ни подтвердить, ни опровергнуть его не мог, отложил мысль на потом.

Гости тем временем посовещались беззвучно и решили-таки войти в избу. Можно было возвращаться в дом Ломовых. Но Илья решил поступить иначе. Он достал мобильник, нажал кнопку проверки сигнала и, когда телефон пискнул (мужики у двери хаты замерли, вытянув шеи), проговорил придушенным сиплым голосом:

— Внимание! Брать обоих живыми! Иванов, заходи слева!

Петров, стреляй по ногам, если будут сопротивляться! Сидоров, начинай со своими!

Одновременно Илья бросил камень в ворота справа от избы Евстигнея, затопал ногами, и результат его демонстрации превзошел все ожидания. Гости и в самом деле решили, что их ждет засада спецназа, и дружно бросились наутек, не рискуя проверить свои догадки. А так как они, по всей видимости, владели техникой сверхскоростного передвижения (сродни т е м п у), то перемахнули штакетник и растворились в темноте улицы в течение буквально трех-четырёх секунд.

— Ату их, ату! — крикнул Илья, засвистел вслед убежавшим. Подождал немного, прислушиваясь к удалявшемуся в сторону озера топоту, рассмеялся и направился к дому Федора, уже не скрываясь. Провокация удалась. Представ представ светлые очи начальства, хха расскажут, что дом Евстигнея охраняется не то милицией, не то спецназом, и тот, кто ими командует, вряд ли еще раз рискнет направить в Парфино своих агентов.

Владислава с глазищами на пол-лица бросилась к Илье на грудь, как только он переступил порог.

— Я так боялась за тебя! Молилась даже! Дядя Федя сказал, что там чужие люди...

— Все в порядке, любимая, они ушли, — успокоил жену Илья. — Где Федор?

— Здесь я, — вошел в гостиную Ломов-старший с холщовым мешком в руке. — Что ты с ними сделал? Я видел, как они ломанулись по улице к пристани.

Илья поймал испуганный взгляд Владиславы, улыбнулся.

— Я слово заветное знаю. Больше они здесь не появятся. Дай-ка.

Он взял мешок и вывернул содержимое на диван. С тихим стуком посыпались светлые гладкие дощечки, образовалась небольшая горка. Илья взял одну из них, повертел в пальцах. На дощечке был аккуратно вырезан некий знак в форме двух треугольников, соединенных острыми углами и образующих нечто вроде восьмерки. Кроме того, в уголке дощечки была вырезана махонькая буковка с завитушками, похожая на букву «к».

— Что это? — хмыкнул Федор.

— Руна, — сказал Илья, чувствуя странный ветерок, подувший от дощечки.

— Что еще за руна?

— Я не шибко большой специалист по древней символике, но кое-что читал и видел, так что не ошибусь, если скажу — это руна *кийг*.

— Никогда не слышал о таком знаке.

— Руна *кийг* символизирует Любовь и Волю, то есть именно то, на чем держится Мироздание. Искажение этих понятий ведет к неудачам, неприятностям и болезням, в том числе — на уровне социума. Руна помогает восстанавливать их. У меня есть рукописное описание этой руны, приедем, я уточню.

Он взял в руки еще одну дощечку. На ней был вырезан другой знак — ромб, опирающийся острым углом на горизонтальную черточку. В уголке дощечки был вырезан «паучок» буквы «щ».

— А это что за хреновина с морковиной?

— По-моему, это руна *ша*, руна завершенности Пространства и Времени. — Он подергал себя за нижнюю губу. — Или руна выхода и убыли. Не помню точно, как это интерпретируется. Однако, друзья мои, поздно уже, пора спать. Утром посмотрим на свои находки свежим глазом.

— Данила как-то прошлым летом рисовал такие закорючки, — сказал Федор. — Ну или почти такие, как орнамент. Может, это его Евстигней научил? Никита приезжал, забрал с собой в Москву.

— Орнамент — это хорошо, — пробормотал Илья, считая дощечки: их было ровно двадцать две, но лишь на восьми были вырезаны символы. Четырнадцать дощечек оказались гладкими и пустыми.

— Восемь... — пробормотал Пашин, не зная, радоваться или печалиться этому обстоятельству. — Только восемь... Что можно выразить восемью рунами? Какое понятие?

— Имя, — тихо проговорила Владислава.

— Чье?

— Имя Бога...

— Лишь бы не черта! — фыркнул Федор, направляясь к двери. — Я спать пошел. Спокойной ночи.

Илья посмотрел на дощечки, на жену, протянул к ней руки.

— Ты гений, Слава!

Женщина зарделась, спрятала лицо у него на груди.

— Ты доволен?

— Не то слово! Мы не зря сюда приехали. Сначала я даже

не надеялся что-либо найти, но теперь уверен, что наш поход в Парфино — часть плана.

— Чьего?

— Кто знает? — усмехнулся он. — Может быть, Витязей. Может быть, волхвов. А может, богов. Я имею в виду даже не наш приезд сюда, а нашу встречу год назад на Стрекавином Носу. Ты — судьба моя!

Владислава подставила губы, и он поцеловал ее и целовал долго... а потом они любили друг друга и ни о чем не думали, оберегаемые талисманами и самой Любовью...

Глава 14

ДЬЯВОЛ ВО ВЛАСТИ

Всеволод Марьевич Калошин редко показывался на людях, предпочитая тихое закулисное управление своим аппаратом и вызывая подчиненных к себе в кабинет, запрятанный в недрах здания кремлевской администрации. В нынешнем своем состоянии — состоянии вселения, когда им руководила «проекция» Морока, он мог свободно командовать не только администрацией президента, но и им самим, мог бы даже вызывать его к себе «для доклада». Но это ему было не нужно. Он и так, по сути, руководил государством, используя всю его финансовую и техническую мощь для своих нужд. Одного он не мог, не привлекая внимания спецслужб: убирать неугодных ему людей физически, быстро и без следа. Времена изменились, и теперь даже в России исчезновение любого человека, а в особенности — известного общественности, было чревато прокурорским расследованием и гласностью. И хотя многие «мокрые» дела последних лет так и не были раскрыты, несмотря на добытые спецслужбами улики и сведения, действовать прямо Калошин — Черный Вей не мог. Приходилось изворачиваться, разрабатывать цепочки «случайных происшествий» (с летальным исходом) и использовать тот человеческий материал, который был у него под рукой. К сожалению, профессионалы и сильные люди редко поддавались морочению и отказывались служить Господину добровольно, а запрограммированные, они теряли способность мыслить логически и годились разве что по-

служить в качестве «пушечного мяса», то есть в качестве навых воинов — солдат Морока, не боящихся смерти.

В девять часов утра, очень рано по кремлевским меркам, Всеволод Марьевич прибыл на свое рабочее место в состоянии крайнего раздражения и первым делом позвонил новому директору канала ТВС Кисловскому, чтобы напомнить о достигнутой договоренности. Кисловский должен был составить сетку теле вещания на полгода вперед таким образом, чтобы канал стал безусловным лидером показа боевиков и сцен насилия. Это была цена победы Кисловского, получившего финансы и выигравшего долгую битву за кресло директора канала. Калошин поддержал его и теперь требовал отдачи.

После разговора с Кисловским Всеволод Марьевич глотнул кедрового бальзама, сел за стол, взялся за свастикообразный крест, который носил в кармане пиджака, а не на груди, и в ы з в а л сферу *магадха*, которая пронзила пространство и создала канал р е ч е н и я с нужным человеком. Кроме всего прочего, крест — среди жрецов Морока он имел название у м о р ь — мог служить не только генератором и излучателем с и л ы, но и своеобразным магическим «телефоном». Тысячи лет назад уморь имел другую форму, но Морок сумел изменить, извратить, перевернуть смысл с в е т л о г о символа — свастики, точнее — русского коловорота, и взять его себе на вооружение. Отчасти этим и объяснялись неудачи российских националистических организаций, взявших свастику в качестве символа, а также их аморализм и жестокость. В нынешние времена свастика-коловорот работала на дьявола.

Перед Всеволодом Марьевичем возник столб струящегося воздуха, внутри которого сформировалась полупрозрачная текучая фигура человека в сутане.

— Приветствую наместника Господина, — склонился перед Калошиным человек; это был Хрисанф, штатный колдун храма Морока. — Чем могу быть полезен?

— Пользы от тебя пока мало, — скривил губы Всеволод Марьевич, — как от козла молока. Ты до сих пор не можешь найти володарь Евстигнея.

Хрис отвел глаза, переживая приступ глухой злобы. Калошин — Черный Вей был сильнее и полномочия имел на порядок выше, поэтому маг вынужден был ему подчиняться безоговорочно.

— Мы подобрались к решению этой проблемы вплотную, наместник, — соврал он. — Осталось проверить кое-какие попутные идеи...

— Определили хотя бы, у кого сейчас володарь?

— Он может быть только у двух человек: у Витязя, ученика Евстигнея, начавшего проявлять активность, и у Ильи Пашина, который год назад...

— Не утруждай себя объяснениями. Захвати Пашина и допроси.

— К сожалению, сделать это непросто. Он посвящен в Круг и очень осторожен.

— Напусти на него порчу, отними силу... не мне тебя учить, что делается в таких случаях.

Хрис пожевал губами.

— Он умеет защищаться... а у меня уже истощился Ю-запас. Вы обещали пополнить...

— Обратись к новой верховной жрице, она даст. Господин одарил ее щедро.

— Благодарю, наместник, — снова поклонился колдун. — Но у меня еще одна проблема — не хватает профессионалов для проведения операций. Оставшиеся хха не справляются со своими обязанностями, ошибаются и путаются. Тот же Пашин легко справляется с ними, хотя его и нельзя назвать воплощением невозможного.

— Хорошо, я возьму это дело под контроль. Директор ФСБ хоть и не наш человек, но он проиграл Клементьеву крупную сумму и сделает все, что я попрошу. Профессионалы у тебя будут. С их помощью посади эту компанию во главе с Пашиным под клош и ликвидируй.

Хрис покачал головой.

— На их стороне Витязи...

— А на нашей стороне сам Господин! — рявкнул, не сдержавшись, Всеволод Марьевич так, что лопнуло стекло картины на стене. Вытер лысину, успокоился. — Надо направить их по ложному пути... и там уже уничтожить. Без следа. Нам бы месяц продержаться до прихода Господина. Есть соображения?

— Я запустил слух о переносе храма в Псковскую губернию, на берег одного из озер в северных болотах.

— Неплохая мысль. Можно будет сотворить обманку или, как теперь модно говорить, виртуальный храм. Пожалуй, я

займусь этим. Однако слухов мало, надо еще, чтобы им поверили.

— Можно выпустить Безыменя.

— Яснее. Разве Безымень еще жив?

— Я сохранил ему дыхание... на всякий случай. Дадим ему информацию о новом местонахождении храма и устроим побег. Кроме как к Пашину, бежать ему и не к кому.

— Отлично, старик! Голова у тебя еще варит. Я сделаю дорогу к «храму» и заминирую озеро, а ты устрой так, чтобы Пашин и Витязи клюнули на эту легенду. И продолжай искать володаря!

— Слушаюсь, наместник, — сверкнул глазами Хрисанф, опуская голову. О том, что его псы-хха напали на след, он говорить не стал. Этот козырь следовало приберечь до лучших времен.

— Теперь о Савагове. Он оказался глупее, чем я думал, наделал ошибок, занимается больше своими делами, нежели нашими. Устроил охоту на девок прямо на ВВЦ, «засветился», обнаглел... Короче, приставь к нему кого-нибудь из своих шестерок половчее, пусть попробует подчищать за ним следы. А если этого окажется недостаточно — не й т р а л и з у й Савагова! Он приносит больше вреда, чем пользы.

— Я сам им займусь, наместник.

— Хорошо, не возражаю. Сколько вам удалось набрать девок?

— Тридцать четыре.

— Мало! Надо еще десятка полтора. Но уже не на территории ВВЦ. Там сейчас сидят люди из ФСБ, копают под Савагова. Я попробую убрать их оттуда, но все же пусть Савагов больше никого не трогает.

— Слушаюсь, наместник. — Хрис помолчал. — У меня только что родилась идея...

— Говори.

— Что, если выкрасть женку Пашина? Год назад она сильно порушила наши планы, сбежав к нему. Надо бы примерно наказать...

— Она уже не девственница... хотя, возможно, это уже не имеет значения. Наш зародыш Витязя странным образом привязан к ней...

— Любит, видать. — Хрис позволил себе пренебрежительно улыбнуться.

— Любовь — великая сила! — не поддержал тон колдуна

Всеволод Марьевич. — Если бы мы ею владели... — Он преврал себя, хлопнув ладонью по столу. — Все, занимайся делами, старик. За неудачи ответишь ты, а не Савагов и не новая жрица! Ищи володарь быстрее и храни Врата! Они не должны попасть в руки наших врагов.

— Никогда! Будьте уверены. Да придет Тот, чье имя будет произнесено!

Изображение колдуна растаяло.

Калашин некоторое время задумчиво барабанил пальцами по столу, потом снял трубку телефона прямой связи с директором ФСБ.

Глава 15

ПЕРВАЯ ПОТЕРЯ

Если бы не постоянное дневное бдение на ВВЦ, отнимающее много энергии и душевных сил, Ратников, наверное, встречался бы с Ириной и днем. Во всяком случае, наверняка нашел бы лишних полчаса-час, чтобы сходить с ней пообедать в кафе. Девушка нравилась ему все больше, он прекрасно отдавал себе отчет, к чему это может привести, и... не мог и не хотел себя сдерживать. К тому же он понимал, что такие яркие, красивые и неглупые девушки — редкость и что он будет последним кретином, если позволит кому-либо перейти ему дорогу.

В пятницу они встретились вечером в четвертый раз, сходили в «Табакерку» — в московских театрах выступали приезжие артисты, как и всегда летом, но пьеса на современную тему под названием «Посланник», привезенная Днепропетровским театром оперетты, была хороша, и молодые люди не пожалели, что потратили вечер на поход в театр. А в субботу утром Ира позвонила сама и предложила Терентию провести день на пляже.

— Куда поедем? — только и спросил обалдевший от неожиданности Ратников, собираясь как раз ехать на ВВЦ.

— В Строгино, на залив, — предложила Ира. — Я была там с подружкой несколько раз, мне понравилось. На берегу сделали зону отдыха, можно и купаться, и на водных мотоциклах погонять, и на серферах.

— Х-хорошо, — махнул рукой на работу Ратников. — Жди, я заеду через час.

— Лучше подхвати меня по пути, чтобы не тратить время. В половине одиннадцатого я буду у метро «Щукино».

— Слушаю и повинуюсь!

Ира повесила трубку, а Терентий с минуту таращился в пространство, силясь сообразить, что бы это значило: он стал своим или для Ирины поход на пляж ничего особенного не представляет? — потом очнулся и начал торопливо переодеваться. Мама уехала к родственникам в Казань, и он уже почти неделю пользовался сомнительной свободой холостяка, испытывая некоторый дискомфорт от того, что никто не заставляет его по утрам пить травяные настои. Оглядев себя в зеркале и оставшись довольным внешностью, он позвонил Славику:

— Привет, лейтенант. Тебе придется сегодня взвалить на свои широкие плечи мои командирские обязанности. Режим тот же, расстановка сил без изменений. Если что — свистни, я приеду.

— Слушаюсь, командир, — ответил Славик, озадаченный перспективой. — У тебя проблемы со здоровьем?

— В самую точку, лейтенант.

— А что мне ребятам сказать?

— Так и скажи — у командира поехала крыша.

Славик хмыкнул.

— У меня уже такое было, когда я с Валюхой познакомился. Все боялся, что отобьют. Молодежь нынче ушлая пошла, подметки на ходу рвет. У нее за спиной институт и аспирантура, а у меня — школа милиции. Чуешь разницу? Не сочувствую, командир, наоборот, завидую. Удачи тебе.

— Умный ты больно, — проворчал Ратников.

— Не беспокойся, справимся, — добавил лейтенант.

— А вот я почему-то беспокоюсь. Будьте внимательней. Приеду, как только освобожусь.

Терентий прихватил спортивную сумку с ластами и маской, бросил туда махровое полотенце, волейбольный мяч, пару журналов и спустился вниз, к гаражам. Вывел свою видавшую виды «Харизму» и поехал в Строгино.

Ира ждала его на тротуаре возле выхода из метро, одетая в нечто сверхмодное — не то сарафан, не то комбинацию с маленьким облегающим лифом и глубоким V-образным выре-

зом. На ногах у нее были белые босоножки с ремешком, обвивающим лодыжку. В руке она держала пляжную сумочку. На голове шляпа, волосы уложены.

Девушка сняла очки, и Терентий задохнулся от прилива ошеломляющей радости, еще раз пережив мгновения гордости — за то, что она ждала именно его, и одновременно ревности — так как он еще не имел права называть ее «своей» девушкой.

— Долго ждала? — распахнул он дверцу машины.

— Только подошла, — весело отозвалась Ира, усаживаясь. — Подруга уже на пляже, место нам заняла.

Ратников огорчился, не слишком горя желанием знакомиться с подругами Ирины, но сделал вид, что все идет нормально.

— Ну и отлично, не будем выбирать, где прилечь. А денек сегодня хороший.

Машина пересекла Строгинский мост, Терентий поставил ее у тротуара недалеко от заправки, втиснув «Харизму» между старым «меринком» и новенькой «Ладой» четырнадцатой модели, и молодые люди, захватив сумки, двинулись к заливу в потоке других таких же любителей позагорать и отдохнуть в черте города.

— В следующий раз поедем в Подмоскowie, — сказал Ратников. — Я знаю в двадцати километрах от МКАД прекрасное место: песчаные карьеры с чистой водой, со дна ключки бьют, а кругом еловый лес.

— Поедем, — согласилась она легко, и Ратников снова пережил окрыляющее чувство мимолетного счастья, подумав, что ему невероятно повезло. Очевидно, он все-таки нравился спутнице, иначе она не принимала бы его ухаживания столь простодушно и естественно.

Подружкой Иры оказалась рыжеволосая толстушка по имени Ольга, предпочитавшая больше лежать под тентом, а не загорать под жаркими лучами июньского солнца. С любопытством окинув Ратникова взглядом, она шепнула Ире: «А он ничего!» — сняла с двух лежаков свои вещи, и Ратников с Ириной расположились рядом. Разделись и, переглянувшись, побежали купаться.

Несмотря на отсутствие свободного времени, Терентий успел неплохо загореть и ничем не отличался от других парней, поглядывающих на его загорелую подружку с фигурой богини.

Они поплавали, погонялись друг за другом, нечаянно, а иногда и намеренно обнимаясь и касаясь друг друга руками, и вышли на берег вполне довольные установившимся взаимопониманием. Ира не шлепала его по рукам, не отплывала в сторону и не сердилась, когда Терентий случайно дотрагивался до ее груди или бедра, и это чувство обоюдного о ж и д а н и я — хотя о каких-либо фривольных намеках не помышляли оба — согревало его и заставляло бережнее относиться к девушке и к своим поступкам и словам.

Ольга встретила их с бутылкой фанты, и хотя Ратников ни фанту, ни пепси, ни другую х и м и ю не пил, все же ради исключения сделал глоток, чтобы не обидеть толстушку, щебечущую какие-то благоглупости.

Полежали под солнцем, перекидываясь ленивыми фразами, отвечая на вопросы Ольги. Потом Ратникову это надоело, и он предложил всем пойти поиграть в волейбол. И в это время к ним подошли двое парней в шортах, загорелые до бронзового оттенка. Один был типичным блондином с мощным торсом, хотя и слегка заплывшим жирком, второй, в кепочке-бейсболке, был смугл, имел замечательный арабский нос и усы.

— Привет, Ираида, — сказал он, оглядывая Ратникова изучающим взглядом. — Салют, Олена. Кто это с вами?

— Привет, Арик, — не обрадовалась Ира, смутившись. — Это Терентий, он работает... — Она перехватила предупреждающий взгляд Ратникова и нашлась: — В одной охранной конторе. Терентий, это Арик... Аркадий Бычков, мой друг. И Вован.

Ратников шевельнул рукой, сел. Настроение упало. Он знал, что у Иры есть поклонник, к которому мать девушки относилась благосклонно, но понятия не имел, как сама Ирина относится к нему. Под определением «друг» могло прятаться все, что угодно, от друга детства до любовника и жениха. Эйфория от кажущейся н а р а с т а ю щ е й близости улетучилась, а собственные надежды и оценки вдруг показались Ратникову смехотворными.

— Я тебе звоню-звоню, — продолжал Арик, небрежно подав Терентию вялую руку, — а ты вся в мечтах. Надежда Петровна говорит: то ты на ВВЦ, то в ресторане, то в клубе, то еще где. Опасно ведь в наше время ходить одной.

— У нее, наверное, охранник появился, — хмыкнул мус-

кулистый Вован, тоже разглядывающий Ратникова. — Не жидковат ли?

Ратников встал, внутренне усмехнувшись, подал ему руку. Не ожидавший этого Вован протянул свою и попал в клещи. Выпучил глаза, попытался сопротивляться, но не выдержал, хрюкнул, позеленел, и Ратников пожалел парня, отпустил руку, хотя вполне мог раздавить ему ладонь. Сказал, приятно улыбаясь:

— Извините, не расслышал, что вы сказали.

Вован потряс кистью, спрятал ладонь под мышку, на широко сонном его лице проступило удивленное выражение. Арик посмотрел на него озадаченно, перевел взгляд на Терентия, сузил глаза.

— Не хочешь пободаться, охранник? Покажи, чему вас там учили в вашей конторе.

— Мой наставник говорил: самое плохое — хорошо делать то, чего вообще не следует делать, — сказал Терентий, все так же улыбаясь. — Пляж — не додзё, где можно демонстрировать свое воинское умение.

— Красиво бубнишь, — покрутил головой Арик. — А как говорил мой предок: кто красиво говорит, тот или больной, или слаб в коленках.

— Мальчики, сейчас же прекратите! — строго сказала Ира. — Арик, не нападай на людей, если не знаешь, чем они ответят.

— Да чем он мне может ответить? — скептически поднял бровь смуглолицый. — Разве что какой-нибудь вычитанной мудростью.

— Спасибо за комплимент, — слегка поклонился Ратников. — Признаюсь, люблю читать умные книжки. Но и ответить могу... адекватно.

— Да ну?! Неужели?! Ну-ка, попробуй.

Аркадий сделал стремительный выпад рукой-клювом, собираясь одним движением снять с Терентия плавки, но он плохо знал принцип «бревна и соломинки», и Ратников успел не только ускользнуть от шипкового захвата, но и ответить не менее быстро и сбросить с головы противника бейсболку.

— Да вы что!.. — рассердилась Ира.

Ольга засмеялась.

Вован-блондин хрюкнул, осознав, что произошло.

Аркадий ошеломленно подхватил кепку, глянул на обман-

чиво расслабленного Ратникова и, видимо, что-то понял. Растянул узкие губы в бледной улыбке.

— Надо же! Оказывается, охранников натаскивают по дзюдо.

— Ну что вы, это всего лишь гимнастика, — мягко поправил Ратников. — «Мягкий» уровень ответного движения, танец, так сказать. Может, не будем все-таки углубляться в практику? Ненароком и травму получить можно. Давайте лучше поиграем в волейбол.

— На попятную пошел, что ли, охранник? — не принял мирного предложения Арик, не обращая внимания на попытки Иры уговорить его. — Всего-то, наверное, и знаешь этот самый «мягкий» танец?

— Предпочитаю игровые виды спорта, — ответил Ратников, не зная, как выйти из положения. Конфликтовать не хотелось, но и пасовать перед пацаном, возмнившим себя суперменом, было бы неправильно.

— Да что ты пристал к человеку? — возмутилась Ольга. — Он же тебя не трогает. Пойдемте действительно покидаем мячик.

— Меня он не трогает, — согласился Арик. — Но он пристал к м о е й девушке как банный лист! — Палец парня уперся в грудь Ратникова. — И терпеть это я не намерен! Пусть убирается, пока цел!

Ира покраснела под взглядом Терентия, шагнула к Аркадию.

— Прекрати! Я не твоя девушка! Какая муха тебя укусила? Зачем ты затеваешь ссору?

— Как это не моя?! — картинно удивился Арик. — А что же тогда целовалась со мной, позволяла даже...

Хлестко прозвучала пощечина.

Арик отшатнулся, схватившись за щеку, глаза его сделались бешеными.

— Вот, значит, как?! Мы знакомы шесть лет, и ты меня — по морде?! А появился этот красавчик, и ты готова прыгнуть к нему в...

Лязгнули зубы: Ратников легонько шелкнул по челюсти парня снизу вверх, так что тот прикусил язык. Его дружок попытался было ударить Терентия кулаком по затылку, но промахнулся и ойкнул, пропустив незаметный укол костяшкой пальца в солнечное сплетение. Присел на корточки, хватая ртом воздух. Арик тоже ударил — в стиле шотокан,

ребром ладони и локтем, но Терентий перехватил его руку особым приемом и повел согнувшегося парня с пляжа, приговаривая:

— Никогда не хами неизвестным тебе людям, шенок! Никогда не хвались своим мастерством! На любого крутого мастера найдется еще более крутой. Никогда не унижай девушку, а тем более ту, которую любишь! И наконец последнее: никогда больше не появляйся в доме Хвостовых! Понял?

— От... пус... ти! — выговорил побледневший Аркадий.

— Понял, я спрашиваю?

— По... понял...

— Вот и замечательно. А теперь — вон отсюда, шенок!

Ратников швырнул парня в кусты и, не оглядываясь, отправился обратно, понимая, что отдых сорван.

Подруги ждали его, привстав на цыпочки среди отдыхающих, не обративших особого внимания на инцидент. Напарника Аркадия видно не было, он успел прийти в себя и гордо удалился.

— Что ты с ним сделал? — в один голос поинтересовались девушки; в глазах Ольги читались удивление, восторг и любопытство, глаза Иры были грустны и задумчивы, но особого осуждения капитан в них не прочитал и слегка ожил.

— Ничего я с ним не сделал, отпустил, велел больше не хамить.

— Не надо было его так... унижать, — заметила Ира.

— Тогда он унизил бы тебя. Да и меня тоже. А я не исповедую принцип непротивления злу.

— Это когда ударили по щеке — подставь другую? — деловито уточнила Ольга.

— Примерно так.

— Ой, я тоже так считаю. А вы, оказывается, сильный, Терентий! С двумя справились!

— Сильные люди всегда соблюдают принцип непротивления, — покачала головой Ира. — Некрасиво получилось.

— Согласен, некрасиво, — кивнул Ратников. — Но, с другой стороны, непротивление злу в любой форме — это смерть человечества! Мой наставник говорил: высший образец непротивления становится добродетелью только тогда, когда человек имеет силы для сопротивления.

— Здорово! — захлопала в ладоши Ольга. — Вы все сделали правильно, Терентий. Ребята, мне жарко, побежали купаться. Хорошо, что Арик ушел, он такой зануда и задира!

— Иди, я не хочу, — отказалась Ира.

— Ладно, я сейчас. — Оля умчалась.

— Я понял так, что в твоих глазах я безнадежно проиграл, — сказал Ратников. — Жаль. Не я начал первым, я бы никогда не позволил себе...

— Не оправдывайся, — улыбнулась девушка. — Он ведь правду сказал. Мы с ним...

— Стоп! — поднял он руку. — Я не хочу знать больше того, что знаю.

— Но ты мог подумать...

— Уже подумал.

— Вот видишь, — огорчилась она.

— Вижу. — Он шагнул к ней, протянул руку. — Пошли окунемся?

Ира заколебалась, взяла его руку.

— Обещай мне...

— Обещаю всегда защищать тебя от подонков! — прервал он ее. — Всеми доступными мне способами.

Несколько мгновений она вглядывалась в него завороненно-тревожно, недоверчиво и вместе с тем с надеждой, затем глаза ее просияли, она поцеловала его в подбородок и потянула за собой.

— Не стой как столб!

И они побежали к воде.

А через полчаса, когда все трое собрались-таки поиграть в волейбол, зазвонил сотовый телефон Терентия. У него екнуло сердце. Звонить мог кто угодно, даже мама, но мысль была — что-то случилось! Он взял трубку.

— Командир, приезжай, — заговорила трубка голосом Славика. — У нас ЧП.

— Что?! — сжал челюсти Ратников.

— Вадик погиб!

Ратников мгновение смотрел перед собой ничего не видящими глазами, потом бросил одно слово: «Еду!» — и начал собираться. Ольга не обратила на это внимания, Ира же посмотрела тревожно и вопрошающе.

— Ты уезжаешь?

— Да, — отрывисто бросил он, сваливая в сумку вещи, натянул брюки, шагнул в сторону от пляжа и вернулся. — Извини, Иришка, мне срочно надо...

— Я поняла. Что произошло?

— Убит мой сотрудник. Вечером созвонимся. Не обижайся.

Она подошла ближе, взяла его за локоть.

— Мне с тобой нельзя?

— Нет.

— Тогда обязательно позвони вечером... или лучше приезжай, я буду ждать. — Девушка внезапно положила руку ему на плечо и поцеловала.

Ратников на миг прижался щекой к ее руке и поспешил прочь, унося сожалеюще-подбадривающий взгляд Иры и вкус ее поцелуя на губах.

Тело Вадика — сержанта Вадима Шагурина обнаружили у ограды ВВЦ, за зданием павильона номер тридцать шесть, в котором традиционно выставлялось оборудование для переработки сельхозпродукции. Как он там оказался, что делал, почему не доложил дежурному о смене района патрулирования — никто не знал. За полчаса до того, как замолчать на час и семь минут — что и послужило причиной тревоги, Славик сразу начал искать сержанта, — тот сообщил, что заметил подозрительно знакомую личность и пошел за ней. Славик попытался уточнить, что это за личность, но Вадик не ответил. Вполне возможно, он наткнулся на одного из похитителей, пытавшихся несколько дней назад захватить Иру Хвостову.

Ратников осмотрел тело подчиненного, на лице которого застыла гримаса удивления и страха, а также виднелись следы удушья.

— Его задушили?

— Никаких следов насилия, — покачал головой врач-криминалист группы подполковник Ройфман. — Следы на шее — следы его собственных пальцев. Парень пытался понять, почему не может дышать. Впечатление такое, будто у него внезапно случился спазм легких. Он действительно перестал дышать.

Ратников недоверчиво посмотрел на подполковника.

— Как это может быть?

— В жизни все может случиться, — философски пожал плечами кряжистый, спокойный, вислоносый Ройфман. — Даже то, чего не может случиться в принципе. Я уже тридцать восемь лет занимаюсь трупами, капитан, и отвечаю за свои слова. Ты когда-нибудь видел, чтобы человек проглотил стоваттную электрическую лампочку?

— Нет!

— А я был свидетелем.

— И все же Вадик... э-э... сержант Шагурин был абсолютно здоров!

— Я и не говорю, что он был болен. Но умер он таки от удушья. Конечно, вскрытие уточнит картину летального исхода, но ненамного.

— Может, это яд?

— Может. Но вряд ли. Яды действуют на организм по-другому.

— Когда он умер?

— Смерть наступила примерно полтора часа назад.

Ратников еще раз глянул на синевато-бледное лицо Вадика, отозвал в сторонку Славика.

— Вы здесь все осмотрели?

— Обижаешь, командир, — угрюмо ответил лейтенант; смерть приятеля подействовала на него угнетающе. — Обшарили весь район. Ничего, никаких следов, ни одного свидетеля. Точнее, есть один свидетель, водитель мусоровоза, который ошивался неподалеку, но он видел только черный «мерс».

— На черном «мерине» ездит Савагов.

— Ну и что? Я тоже подумал, что Вадик пошел за ним и, может быть, что-то заметил, но доказательств никаких.

— Отвратительно!

— Чего уж хорошего. Мы даже ту ниточку — с кастингом не можем прицепить к Савагову, хотя знаем, что заказал его он. Уверен, господин заместитель гендиректора наверняка связан с похищением девочек, но фактов нет.

— И все же гибель Вадима — это его прокол, если только Савагов и в самом деле причастен к похищению восемнадцатилетних девочек. Не спускайте с него глаз! Кому-то же он отправлял приказ по «мылу» — «забрать девок». Вот этот кто-то и должен проявиться.

— Что ты доложишь генералу?

Ратников оглянулся на суетившихся возле тела сержанта экспертов и молча стоявших в сторонке других членов группы.

— Все будет так, как должно быть, даже если будет иначе. Остаешься за старшего, я поеду на ковер.

Славик кивнул и отошел.

Ратников постоял еще немного, ощущая растущую в душе растерянность и неверие в случившееся, тряхнул головой и поспешил к машине. Из кабины позвонил начальнику

Управления. Приймак вопреки ожиданиям оказался на рабочем месте.

— Слушаю.

— Товарищ генерал, это Ратников. Погиб сержант Шагурин.

Короткое молчание.

— Когда?

— Полтора часа назад. Тело нашли недавно.

— Ройфман там?

— Плюс эксперты и представитель прокуратуры.

— Разобрались, в чем дело?

— Официальное медицинское заключение будет после вскрытия. Улик... никаких.

Опять молчание и наконец:

— Жду с объяснениями.

Ратников посидел, сгорбившись, за рулем, вздохнул глубоко и тронул машину с места. Думал он о том, что не должен был идти на пляж с Ирой, несмотря на вполне логическое оправдание: он «защищал девушку от возможных покушений». Окажись он в нужный момент на ВВЦ, гибель Вадика, возможно, удалось бы предотвратить.

Валерий Павлович Приймак ходил по кабинету, посасывая трубку, одетый в обычный гражданский костюм. Оглянувшись на вошедшего капитана, вернулся за стол.

— Докладывай.

Ратников остался стоять у стола, сжато рассказал все, что знал сам, о гибели Вадима и о собранном материале. Замолчал, продолжая стоять по стойке «смирно» и выжидательно глядя на генерала. Тот потер пухлой ладонью лоб, поморщился.

— Одни предположения... и ни одного мало-мальски достоверного факта. Нужны факты, капитан, железные доказательства причастности этого Савагова к похищению девочек. Где эти доказательства? Электронное письмо и заказ на проведение фиктивной телекомпанией кастинга — еще не свидетельство криминальной деятельности Савагова. Кстати, ты уже нашел причины похищений девочек? Если их крадут в качестве заложниц с последующим требованием выкупа, то где эти требования?

Ратников помолчал.

— Может быть, девчат вербуют за границу и увозят негласно?

— Ты у меня спрашиваешь?

Ратников сжал зубы, но глаз не отвел.

Приймак посмотрел на него изучающе.

— Ты работаешь на ВВЦ уже неделю, капитан. Где результаты? Смерть сержанта Шагурина — не результат!

Ратников молчал.

— Короче... — Начальник Управления потер лоб ладонью, достал из стола таблетку, положил под язык. — Я закрываю дело. «Папа» давно интересуется, чем занимается твоя группа, а я не могу прийти к нему и доложить, что мои люди даром едят хлеб. Сворачивайся, капитан. В понедельник положишь на стол подробнейший отчет о работе группы и о причинах гибели сержанта.

— Валерий Павлович, — сказал Ратников просящим тоном. — Товарищ генерал, дайте мне еще неделю. Есть кое-какие соображения, зацепки... Я не хотел говорить раньше времени... Но я попробую потянуть за ниточки и выйти на убийц Вадима... сержанта Шагурина. Похищений на ВВЦ больше не будет, уверяю вас. Тот, кто этим занимался, не станет рисковать, зная о нашем присутствии на выставке. Он будет искать другие каналы и районы...

— Уже нашел, — буркнул Приймак. — Мне доложили, что девушки восемнадцати лет исчезали и в Подмоскowie, и на Псковщине, и в Ярославле, и в Новгороде. Так что это дело крупней, чем мы думали, капитан. Тем не менее по какой-то причине «Папа» требует не вмешиваться... — Валерий Павлович замолчал.

— Директор знает о похищениях?

— Я лично докладывал ему об этом, без подробностей, не сообщая о твоих оперативных разработках, но он мне заявил... Короче, капитан, ты все понял, иди и разбирайся со всеми службами по поводу гибели сотрудника. Потом отзывать своих пинкертонов.

— Это неправильно, — покачал головой Ратников. — «Папа» не может запрещать нам делать свое дело, на него явно кто-то давит.

— А если и так, то что? Наше дело — исполнять приказы.

— Наше дело — честно служить Отечеству.

Генерал усмехнулся.

— Что-то раньше ты не произносил таких высокопарных слов, Терентий Георгиевич. Патриотизм — это хорошо, да

только за ним часто прячется меркантильный расчет. Если бы у тебя был план...

— У меня есть план, Валерий Павлович. Если бы еще знать, кто надавил на «Папу», кто ему звонил...

— Ему многие звонят: президент, министр обороны, премьер, начальник президентской администрации, мали ло кто еще.

Ратников подобрался.

— Савагов встречался с Калошиным.

— Ну и что?

— Но до этого ни один из замов гендиректора ВВЦ и даже он лично не встречались с начальником администрации! Это не их уровень.

— Ерунда! Калошин имеет право вызвать любого...

— В том числе «Папу».

Генерал подвигал языком таблетку во рту, задумался.

— Дайте мне дней пять-шесть, Валерий Павлович. Если ничего за это время не произойдет, я готов понести любое наказание.

— Это за нами не заржавеет, я и так должен буду наказать тебя за допущение гибели сержанта... Ладно, иди работай. К пятнице положишь мне на стол голову того, кто крадет девочек... или свою.

— Есть, товарищ генерал!

— Свяжись с Баграмяном, он даст тебе фактаж о пропаже девочек по другим губерниям и вообще по стране. И держи язык за зубами! На ВВЦ мы проводим расследование деятельности мафии, снабжающей деньгами террористов в Чечне. Никакого передела собственности, никаких намеков на Савагова.

— Ясно, товарищ генерал.

— Тогда ступай, Терентий Георгиевич, и будь осторожен. Не нравится мне возросшая активность Савагова... и его босса...

— Курьёло?

— Догадайся сам.

Ратников наклонил голову, повернулся и вышел. И только в приемной начальника Управления, пустой по причине выходного дня, вдруг удивился собственной горячности и заинтересованности в продолжении расследования на ВВЦ. Идя к генералу на ковер, он и не помышлял об этом, интуитивно предполагая, что группу снимут.

«Что ж, взялся за гуж, не говори, что не дюж», — раздался в голове саркастический голос «Я-второго». «Сам дурак», — огрызнулся Ратников, выходя из Управления. «Ну и что ты будешь делать? — не унимался «Я-второй». — Где твой план, о котором ты трепанул генералу? У тебя же нет никакого плана!» — «Есть», — возразил Ратников, зная, что плана действительно нет. «Ну-ну», — ядовито отозвался внутренний голос, но Ратников его уже не слушал. Сел в машину и поехал на ВВЦ, поглощенный думой о печальной процедуре доставки Вадика в морг и о его похоронах.

Славик ждал его у административного корпуса выставки вместе с Жорой Пучковым.

— Что генерал? Голову не снял? Только погоны?

— Не хаи, лейтенант, — буркнул Ратников. — Продолжаем работать. Что у вас?

— Вадика увезли, стандартная процедура. — Славик помолчал, отвернулся. — Я тут все перерою, но гада, его кончившего, найду!

— А ты что здесь делаешь? — повернулся Ратников к Пучкову.

— Громов сидит дома, никуда не выходит, — ответил Жора. — Пашин с женой был в деревне Парфино, что на Ильмени. Что он там искал, неведомо. Оставил жену дома, поехал в Институт истории, сидит в архиве.

— Какой институт? Их у нас два или три.

— Институт российской истории Академии наук, что на Ульянова, девятнадцать.

— А жена?

Жора пожал плечами.

— За ней Анна присматривает. Да кому они нужны, не понимаю? Они же никакого отношения к ВВЦ не имеют, кроме того, что их приятель работает телохраном директора.

Славик посмотрел на Ратникова.

— Действительно, командир, чего мы их пасем? К окружению Савагова ни Пашин, ни Громов не принадлежат, а их случайное пересечение с телохраном Савагова...

Зазвонил мобильник. Ратников жестом остановил лейтенанта, включил телефон.

— Командир, это Анна. Тут интересное кино начинается. Жена Пашина вышла из дома, по магазинам вроде как решила пройтись. Так вот за ней явно увязался «хвост».

Ратников думал ровно две секунды.

— Где ты?

— Сокольники, на пересечении Большой Тихоновской и Большой Ширяевской.

— Едем! Жди, ничего не предпринимай. — Ратников посмотрел на Славику. — Остаешься за старшего. Жора, поехали.

— В чем дело?

— За женой Пашина следят. Выясним кто и сообщим.

Они сели в машину Терентия, и Ратников снова погнал свою серую «Харизму» по улицам Москвы, чувствуя необычное возбуждение. Интуиция подсказывала, что появился некий след, хотя и неизвестно куда ведущий.

Однако добраться до Сокольников вовремя они не успели. При подъезде к Большой Тихоновской снова зазвонил мобильный телефон:

— Командир, они ее схватили! Я не успела... Зеленый «Мицубиси»-фургон, номер заляпан грязью, едет в сторону Богородского шоссе...

— Мы рядом!

Ратников увеличил скорость, обходя машины по встречной полосе. Анну он увидел на перекрестке с мобильником в руке, но останавливаться не стал, чтобы не терять времени. Выехали на Богородское шоссе, миновали Малую Оленью улицу и перед поворотом на Ростокинский проезд увидели приткнувшийся к тротуару зеленый фургон «Мицубиси». Выскочили из машины, метнулись к фургону и через несколько мгновений убедились, что он пуст.

— Ушли, сволочи! — выдохнул Ратников.

— Пересели, — мрачно отозвался Жора и выругался.

Глава 16

СЮРПРИЗ — В СТУДИЮ!

Поиски похитителей Владиславы ничего не дали.

Как и в прошлый раз на ВВЦ, фургон «Мицубиси» оказался угнанным и предназначался для одноразового использования. Неизвестные террористы бросили его за ненадобностью, пересели в другую машину и спокойно уехали. Свидетелей этой пересадки Ратникову и его людям отыскать не удалось.

— Кто же знал, что все так получится... — проговорил Пучков, не пытаясь особо оправдываться. — Мне в голову не могло прийти, что за нашими объектами идет охота! Ума не приложу, кому и зачем это понадобилось!

— Это я виновата, — мужественно сказала Анна. — Надо было сразу подойти к ней поближе, как только обнаружили филеры, тогда я бы успела им помешать.

— Ваша задача была следить за Пашиным и его женой, — буркнул Ратников, переживая острое чувство досады и обиды. — Никто не рассчитывал на столь дерзкое нападение среди бела дня, на виду у множества людей. Ты их хорошо рассмотрела?

— Двое и водитель, — воспряла духом Анна. — Водителя я не запомнила, а тех двоих узнаю без труда. Один чернявый, плотный, бородатый, кривоногий, второй повыше, бледный какой-то, будто после болезни, и оба — в черных штанах и плотных темно-серых рубашках с длинными рукавами, да еще плюс жилетки!

Ратников вспомнил стычку с похитителями на территории ВВЦ: те тоже были одеты не по-летнему. Приходилось констатировать, что все они были членами одной шайки, охотившейся за молодыми девушками.

— Больше ты никого не заметила?

Анна задумалась, неуверенно дернула плечиком.

— То ли показалось, то ли нет... Когда эта девочка уже проходила мимо фургона, ей вслед посмотрел какой-то старик в темно-фиолетовом не то плаще, не то длинной рубахе. Она отчего-то сразу споткнулась, остановилась, и тут же эти двое подхватили ее под руки... Куда потом этот старик подевался, не помню. Не до него было. Такое впечатление, что он растаял в воздухе.

— Надо дать ориентировку в ГИБДД, — предложил Пучков. — Пусть обратят внимание на фургоны и микроавтобусы «Мицубиси». Похоже, нашим охотникам очень нравятся эти японские тачки.

— Поехали, — сказал Ратников, залезая в машину.

— Куда? — поинтересовался Жора, когда все расселись и Ратников тронул «Харизму» с места.

— К Институту истории. Я хочу поговорить с Пашиным.

— Башню снесло, командир? — с недоумением посмотрел на Ратникова грубый Пучков. — Он же сразу поймет, что мы его пасем.

— Он уже догадался об этом, еще там, в клубе. Пора переходить на нестандартные методы расследования дела. Сдается мне, наш путешественник знает, что происходит.

Анна и Жора переглянулись, озадаченные решением командира, но возражать не решились, понимая, что у него есть свои расчеты и планы. К тому же им было известно, что капитан часто действует интуитивно и никогда при этом не ошибается.

Оставив подчиненных возле центрального входа в Институт российской истории Академии наук, Терентий подошел в вестибюле к Вене Дорофееву и по его указке быстро отыскал архивный отдел, располагавшийся на третьем этаже здания. Предъявил удостоверение и попросил архивариуса найти закопавшегося где-то в недрах архива посетителя по фамилии Пашин. Архивариус — пожилой обрюзгший мужчина с толстым лицом удивления не выразил и через несколько минут привел путешественника, одетого в джинсы и легкомысленную футболку с изображением каких-то веселых монстров. Увидев Ратникова, Пашин сузил глаза, поднял брови и внутренне подобрался.

— Терентий? Что случилось?

Ратников отметил быструю и верную реакцию Пашина, кивнул:

— Отойдем.

Они вышли из приемного отделения архива с турникетом и скользящим охранником.

— Вашу жену час назад похитили неизвестные люди, — сказал Ратников. — Догнать их мне не удалось.

— Откуда вы... — начал Пашин и замер, бледнея. Глаза его превратились в щелочки. — Славу похитили не... — Он шагнул к Ратникову, взял его за ворот рубашки, опомнился, отпустил. — Извините... Рассказывайте! Где она сейчас?!

— Не знаю, — развел руками Ратников, с сочувствием глядя на собеседника, ошеломленного известием, но не испуганного и готового действовать немедленно. — Похитители пересели в другой автомобиль и скрылись. Свидетелей нет. Есть лишь портреты этих мерзавцев.

Лицо Пашина стало жестким и целеустремленным. Было видно, что сдерживается он с трудом.

— Кто вы?

— Капитан Ратников, Оперуправление ФСБ.

— Рассказывайте. Или нет, лучше поедem к моему другу, он тоже должен знать, что произошло. Если, конечно, у вас нет возражений. По дороге поделитесь той информацией, какая у вас есть, о похищении Владиславы.

Он не спросил о причинах, по которым за ним установили наблюдение оперативники Федеральной службы безопасности, и тем самым дал понять, во-первых, что знает об этом, и, во-вторых, что он, бывший президент Школы выживания, является высоким профессионалом.

Ратников было заколебался, не готовый к открытому обмену информацией, потом подумал, что обоюдный обмен будет полезен, и согласился.

— Хорошо, едем.

Они спустились к стоянке машин, Ратников коротко проинструктировал Анну и Жору, что им следует делать, высадил обоих и кивком пригласил Пашина в кабину. Путешественник, не задавая вопросов и не обращая внимания на взгляды подчиненных капитана, сел рядом с ним, достал мобильник.

Ратников тронул машину с места, прислушиваясь к коротким репликам пассажира, понял, что тот звонит какому-то высокопоставленному сотруднику спецслужб, но не удивился. Связи у знаменитого путешественника были широкие, недаром он еще в боулинг-клубе заявил, что знает «кое-кого» в Управлении антитеррора ФСБ.

— Теперь говорите, — сказал Илья, поговорив с абонентом.

Ратников сжато поведал ему историю с расследованием похищений девушек на ВВЦ, добавил случай с Ирой, рассказал о гибели Вадика и закончил поисками связей Савагова и Курьло.

— Так в круг оперативного интереса группы попал сначала ваш друг Антон Громов, волей случая ставший телохранителем генерального директора, потом вы.

Пашин не удивился и не возмущился.

— Надо было предупредить меня, удалось бы избежать потерь.

— Это не в правилах спецслужб, — скептически заметил Ратников. — Да и не мог никто из нас предугадать, во что выльется расследование. Я до сих пор не понимаю, кто похитил вашу жену... да и остальных девчонок. Какой в этом смысл?

— В этом есть смысл, — глухо ответил Пашин.

Ратников подождал продолжения, но его не последовало.

— Куда едем?

— В Китай-город, Старопанский переулок.

Больше они не разговаривали. Пашин замолчал и ушел мыслями в себя. Ратников, чувствуя себя виноватым, будто это он участвовал в похищении жены путешественника, тоже не спешил с вопросами, которые у него появились к пассажиру.

В шесть часов вечера они оставили машину во дворе дома и поднялись в квартиру Громова.

Хозяин молча пропустил их в прихожую, пожал руку Ратникову, также не выказывая удивления. Из гостиной выбежала красавица-жена Громова, поздоровалась, схватила Пашина за плечи:

— Что со Славой?!

— Сейчас, — негромко сказал Пашин, проходя в ванную. Через несколько секунд он вышел с влажными волосами, на ходу вытирая лицо полотенцем.

— Повторите, капитан, все, что говорили мне.

— Проходите, — спохватилась Валерия, прижимая к груди кулачки. — Чай, кофе?

— Кофе, — вежливо попросил Ратников.

Жена Громова ушла на кухню. Мужчины расположились в гостиной, обставленной не роскошно, однако со вкусом. Больше всего Ратникову понравились ультрасовременные стеклянные подставки под живые цветы с воздушными корнями, искусно подсвеченные изнутри. А также мебель и старинные гравюры на стенах в настоящих багетах. Усадив гостей, Громов вопросительно посмотрел на Ратникова. Капитан взял из рук Валерии чашку кофе, поблагодарил и сжато рассказал Громову и его жене о том, что произошло.

В комнате установилась тишина. Лишь из-за стены доносилась тихая музыка.

Громов посмотрел на Пашина.

— Зачем им Слава? Она же...

— Да, — кивнул путешественник, сосредоточенно глядя перед собой потемневшими глазами. — Она уже не девушка, а им нужны только девственницы. Возможен лишь один вариант объяснения: они хотят нейтрализовать меня и приняли превентивные меры.

— Может быть, ты прав. В Москве они оставить Славу не рискнут. Вопрос в том — куда ее повезут.

— В храм!

— Но, по словам твоих знакомых и УИБ, они прочесали все побережье Ильмена и храма не нашли.

— Во-первых, они нашли развалины. Во-вторых, им могли отвести глаза, задурить головы, заморочить. Скорее всего так и было. В-третьих, мы не проверяли истинность заявлений Михаила Юрьевича и его сыскарей.

— Значит, немедленно надо туда ехать.

Пашин поморщился.

— Не пори горячку. Прежде всего надо все обдумать и составить план действий. Мне легче, я не нахожусь на государственной службе, а ты работаешь в БОКСе, и отпустит ли тебя начальство — вопрос.

— Понадобится — уволюсь.

— Э-э, — вежливо перебил друзей Ратников. — Могу я уточнить, о чем идет речь?

Пашин и Громов одновременно посмотрели на него с одинаковой озабоченностью.

— Спасибо за информацию, капитан, — сказал Пашин. — Мы очень признательны вам за участие и за то, что вы не побоялись раскрыться. Но лучше бы вам не знать всех обстоятельств дела. Те силы, которые только что проявили себя, украв Славу... мою жену, могут обратить внимание и на вас, и тогда вся ваша жизнь пойдет наперекосяк. Вы даже не успеете понять, что произошло, не зная о реальности так называемой «мистики» и «магии».

— Ну, я не совсем тупой служака-чекист в португее, как об этом пишут газеты, — улыбнулся Ратников. — Кое-какую эзотерическую литературу почитываю. Спасибо, что предупредили об опасности. Кто предупрежден — тот вооружен. Я уже понял, что вся эта история с похищением девочек весьма неординарна. Даже в последнем случае, когда бандиты захватывали вашу жену, случилось нечто странное.

Ратников рассказал об исчезновении старика в плаще, которого видела Анна. Вспомнив о странной смерти Вадика, он поведал новым знакомым и об этом.

Пашин и Громов снова обменялись понимающими взглядами.

— Хрис, — проговорил Громов.

— Он! — кивнул Пашин, раздув ноздри, посмотрел на Ратникова. — Ваш сержант погиб от того, что колдун наложил на него заклятие.

Ратников скептически поджал губы, но особо возражать не стал.

— Возможно, его отравили? Заклятие — ведь это что-то из области сказок и мифов?

— Проклятие, заклятие, сглаз и порча — такое же реальное оружие, как ножи и пистолеты, только действуют без шума. И владеют им, к счастью, единицы, а к несчастью — жрецы и маги, свободно живущие среди нас. По сути, основа заклятия — это наведение сильных биотоков в генах или прерывание ДНК-проводимости. Но возможно и лечение, то есть восстановление этой самой нервно-клеточной проводимости. Если бы я был рядом в момент смерти вашего сотрудника, возможно, он остался бы жив.

Ратников сделал большой глоток кофе, не чувствуя ни его вкуса, ни температуры.

— Вы... серьезно?

Пашин не ответил. Заговорила Валерия:

— Илья не целитель, но ведун и может снять наговор.

Ратников поставил чашку, поднял вверх руки.

— Хорошо, верю, но ничего не понимаю. Может, вы все-таки введете меня в курс дела? О себе я уж как-нибудь позабочусь.

Пашин покачал головой.

— Если мы все расскажем, поздно будет возвращаться к исходному состоянию. Вам придется: первое — поверить нам, второе — держаться с нами вместе. Третьего, к сожалению, не дано.

Ратников усмехнулся, потер пальцем подбородок, кивнул.

— Согласен.

— Тогда приготовьтесь услышать историю, за которую вас, вздумай вы рассказать ее начальству, запросто могут упечь в психиатрическую лечебницу.

— Но ведь если мы вместе, — прищурился Терентий, — и один за всех, а все за одного, то вы должны будете выручить меня?

Пашин поморщился, встал и вышел в ванную. Послышался плеск воды.

— Он переживает, — тихо проговорила Валерия. — Не обижайтесь на него. А шутите вы напрасно. Существует ма-

гическая сторона действительности, отделенная от традиционного мира незримым энергоинформационным барьером, и эта сторона вполне реальна и может легко отнять жизнь у человека.

С отчетливым треском и звоном чашка Ратникова, которую он поставил на стол, лопнула. Капитан вздрогнул, с недоумением глядя на лужицу кофе, разлившуюся по скатерти.

— Вот вам ответ, — хладнокровно сказал Громов. — Даже упоминание о том «потустороннем» мире вызывает его защитную реакцию.

— Что это значит?

В гостиной появился Пашин с мокрой головой.

— Это значит, что Морок окутал Землю особым полем, которое пеленгует волевые концентрации, представляющие для него опасность.

— Кто такой Морок?

— Антон, давай все по порядку.

Громов помолчал, собираясь с мыслями, и начал рассказывать историю поисков камня с Ликом Беса и столкновения команды Пашина со служителями храма Морока, случившегося на озере Ильмень год назад.

Так Ратников узнал о существовании древнего арктического бога Морока, бога северного ветра, войны и насилия, слуги еще более древнего и сильного владыки черных сил Чернобога, а также о магическом тоннеле, соединявшем мир-ад Морока и Чернобога с реальностью Земли, о Вратах — особом «люке», или «модуле», замаскированном под каменную плиту с изображением Лика Беса — морды Морока, через который этот бог-демон проникал в мир людей, а также о храме Морока, служители которого поклонялись хозяину и приносили ему кровавые жертвы.

— Теперь он снова взялся за нас, — закончил Громов, — чтобы окончательно добить и вернуться в свою адскую вселенную через модуль перехода, который мы сожгли.

— Как же он вернется, если вы сожгли... э-э... Врата? — поинтересовался Ратников с сомнением.

— Его слуги пытаются восстановить модуль, — ответил Пашин. — Для этого им и нужен володарь Евстигней, обладающий силой восстановления любых материальных структур и даже оживления мертвых. Но так как хха не уверены, что смогут воспользоваться Руной Света, они готовят обряд

жертвоприношения, для чего и ловят по всей России восемнадцатилетних девушек, еще не ставших женщинами.

Ратников невольно покачал головой, не зная, как относиться к рассказу друзей. Судя по всему, шизофренией они не страдали и свято верили в то, о чем говорили. С другой стороны, капитан был воспитан в атеистической среде и в богов не верил, равно как и в демонов-чертей.

— Допустим, Морок существует. В чем же ощущается его воздействие на людей, на Россию, на мир вообще?

— Во всем, — угрюмо сказал Пашин. — Смута, конфликты, войны, вспышки терроризма, бессмысленных и жестоких убийств, «крестовые» походы фанатиков — все это его заслуга. Он питается болью и страхом людей, отрицательными эмоциями, энергией ненависти и насилия. Что касается цивилизации вообще, то и тут ощущается его влияние. Запущен процесс целевой деградации человечества с целью получения еще большей энергии насилия и ненависти. Убыстряется процесс регрессии поколений, последующие поколения схватывают и заглатывают ложную информацию все интенсивней, думающих людей все меньше, дураков и равнодушных обывателей все больше, количество рождающихся больными детей из года в год увеличивается... — Пашин махнул рукой и замолчал.

— Есть и другие подтверждения этого процесса, — тихо добавила Валерия после короткого молчания. — Почти три четверти населения Земли говорят на английском языке. Он и так-то на порядок беднее русского, менее вариативен и неудобен, а в последнее время в связи с поголовной компьютеризацией и вовсе упрощается дикими темпами.

— Вы считаете, что это тоже является следствием просачивания в наш мир дыхания Морока?

— Да, — кивнула женщина.

Ратников помолчал, переваривая услышанное и сопоставляя с теми сведениями и умозаключениями, которые имел. По большому счету Пашин и Валерия были правы, хотя, на взгляд Терентия, многие беды человечества, если не все, можно было объяснить, и не привлекая для этого мистического Морока.

Громов присмотрелся к лицу капитана, мрачно усмехнулся, встретил взгляд Пашина, кивнул на Ратникова:

— Нашего чекиста терзают сомнения: не сбрендили ли мы? Не вызвать ли бригаду психиатров?

Ратников порозовел.

— Честно говоря, в Морока я не очень верю... да и в Христа Спасителя тоже. Вообще в религиозные идеи.

— И в Творца?

— Творец, возможно, был, во всяком случае, я читал полемические высказывания известных физиков на эту тему, но в моем понимании это не библейский Бог, а нечто действительно грандиозное и непостижимое. Что касается наших внутренних бед... плевать мне на то, что творится за границами России! Но внутри страны порядок наводить надо! И тут уж кто бы ни пытался подчинить нас — Морок, Чернобог или другая с и с т е м а, я — на стороне тех, кто сопротивляется дьяволу!

— Отлично сказано, капитан! — серьезно проговорил Пашин, хотя в глазах его сквозь тоску и боль на миг всплыла искра иронии. — Мы тоже на противоположной от дьявола стороне. Но к делу. Вы узнали все, чем мы располагаем, теперь наша очередь задавать вопросы. У вас есть какие-нибудь зацепки, детали, наблюдения, которые помогли бы нам вычислить схроны врага?

Ратников попытался привести в порядок мысли, убрать сумбур в голове, покосился на стол, с которого жена Громова уже убрала лопнувшую керамическую чашку. Не то чтобы он поверил в реальное существование Морока и в его козни, но все же проникся настроением и непоказной уверенностью собеседников и понял, что надо идти до конца.

— Мы уже неделю наблюдаем за Саваговым, — сказал наконец капитан. — За это время он дважды встречался с господином Калошиным, начальником президентской администрации, принимал у себя какого-то священнослужителя в фиолетовой рясе и сменил охрану. Из прежней команды у него остались только двое: белобрысый амбал, с которым вы уже знакомы, — Терентий с легкой усмешкой посмотрел на Громова, — и кавказец Нухоев, который, по не проверенным пока данным, является посыльным дагестанской мафии в Москве и доверенным лицом Савагова.

Пашин и Громов обменялись взглядами.

— Калошин... — начал Громов.

— Черный Вей! — медленно, с нажимом, проговорил Пашин. — Вот в кого вселилась проекция Морока... А священнослужитель скорее всего Хрис.

— Кто? — не понял Ратников.

— Штатный колдун храма, работавший еще с Пелагеей, главной жрицей. Возможно, похищение Славы не обошлось без его участия. Ваша сотрудница видела старика в плаще, это мог быть Хрис.

— Что будем делать? — глянул на друга Громов.

Пашин закрыл глаза, выпал из беседы.

— Предлагаю начать с телохрана Савагова, — сказал Ратников. — Взять его, допросить и выяснить, что он знает о похищении девушек, кто этим занимается, куда их увозят.

Громов покачал головой.

— Он — шестерка и может ничего не знать.

— Если в похищениях действительно замешан Савагов, а косвенные данные подтверждают это, его команда наверняка в курсе событий. А потом я бы наведалься к господину Калошину.

Громов и Пашин с недоумением подняли брови, разглядывая Ратникова, и он добавил:

— Домой, разумеется. Мои парни уже подняли досье на него, так что мы знаем, где он живет и куда навевывается чаще всего. Кстати, не поверите: он завсегдатай клуба «Синий попугай».

— Вы хотите сказать...

— Всеволод Марьевич Калошин — «голубой».

Громов фыркнул. Пашин усмехнулся. Валерия поморщилась.

— Если уж и в Кремле извращенцы чувствуют себя спокойно...

— Это я к слову, — сказал Ратников. — С одной стороны, «голубые» вроде бы не виноваты в сдвинутости своей половой сферы, с другой — они перестали прятаться по углам и нагло навязывают народу свои сатанинские игрища, будто это норма. Бог с ними, не о них речь. Просто Калошин оказался одним из геев, и мы знаем, с кем он встречается. А живет он в сталинской башне у метро «Баррикадная». У него пятикомнатные хоромы и собственная сауна с бассейном.

— Неплохо живут слуги народа!

— Вообще-то интересно было бы посмотреть на жилище Черного Вея, — задумчиво сказал Громов.

— Если нам удастся туда войти, — нехотя сказал Пашин. — Но сначала надо решить проблему с Владиславой. Я согласен р а б о т а т ь с телохранами Савагова.

Ратников встал.

— Тогда позвольте откланяться. Я разработаю свой план и представлю завтра утром. Мои парни...

— Мы пойдем вдвоем. Ваша задача — вывести нас на телохранов. Вряд ли ваше начальство одобрит ваши действия, особенно после контакта с нами.

— Генерал дал мне пять дней и контролировать меня не будет, поэтому я имею право форсировать расследование и не спрашивать разрешения на то или иное действие. К тому же в нашей системе легче получить прощение, чем разрешение. Мы с моим помощником присоединимся к вам. Он отличный опер, не сомневайтесь.

— Мы не сомневаемся, но чем меньше людей будет втянуто в это дело, тем меньше риска его провалить.

— Одни вы не справитесь, особенно если ваш Морок бросит против вас все свои силы.

— И все же...

— Он прав, — перебил Громова Пашин. — Нам нужны помощники, соратники, и лучше, если они будут профи боя и сыска. Вы уверены в своем опере?

— С лейтенантом Станиславом Николаевым я знаком уже три года и ручаюсь за него. Он мастер рукопашного боя и очень уравновешенный человек.

— Главное, чтобы он умел держать язык за зубами.

— Будьте уверены.

— Тогда до завтра, Терентий... э-э...

— Терентий Георгиевич, но можно просто Терентий. — Ратников помялся, смущенно потер подбородок. — Илья... э-э...

— Константинович, но можно просто Илья.

— Прошу прощения... ей-богу, любопытство заело... не покажете этот самый володарь, который вы привезли из Парфина?

Хозяева переглянулись.

— Его здесь нет, — сказал Пашин. — Я храню его в другом месте, более надежном, не дома.

— Интересно все же, что это такое — Руна Света...

— Руновязь рассыпана, а порядка расположения дощечек с рунами я не знаю. Всего их двадцать две, четырнадцать чистых и восемь с вырезанными рунами, ничего особенного с виду, дощечки — и все.

— Но в них спит с и л а, — негромко произнес Громов.

И в то же мгновение с тонким певучим звоном лопнул один из жемчужно-стеклянных плафонов люстры в форме кленового листа.

Ратников и жена Громова вздрогнули. Пашин и сам хозяин остались спокойными, только кинули по взгляду на люстру, принимая ее предупреждение как нечто само собой разумеющееся, не выходящее за рамки обыденности.

— До свидания, — сказал Ратников и вышел, унося в душе два этих спокойных и твердых взгляда, подчеркивающих силу друзей.

Глава 17

ДОПРОС

Пружина противостояния команды Морока и объединенной команды Пашина — Ратникова начала сжиматься, поэтому Антон еще раз предложил Валерии уехать. Однако жена снова отказалась, настроенная по-боевому, уверенная в своих силах и в том, что сумеет защитить себя и помочь мужу, и Антон вынужден был согласиться с ее решением, только попросил пореже выходить из дома одной и возвращаться с работы не поздно. Правда, не ставя ее в известность, он попросил капитана подстраховать жену на всякий случай, и Ратников приставил к ней телохранителя — сержанта Савостина. Какое-то время можно было не беспокоиться за жизнь Валерии, понимавшей, что на нее тоже могут начать охоту.

План Ратникова, разработанный им без участия друзей, был принят всеми после часового обсуждения в воскресенье, и мужчины принялись проводить его в жизнь. Подчиненные Ратникова, продолжая работать в соответствии с прежним заданием, быстро установили местонахождение Савагова и его телохранителей. Заместитель генерального директора ВВЦ строил себе дачу в Подмоскowie, в лесу, на берегу речушки Истры, и все воскресенье находился на своем участке, где уже высился трехэтажный коттедж, стилизованный под готический замок с тремя башенками-минаретами. Естественно, при нем неотлучно находились и телохранители — белорус Семен Буслай, обиженный Антоном Громовым уже дважды, и дагестанец Хасим Нухоев. Кроме них, в команду

охраны Савагова входили еще четверо молодых парней, но они не были допущены «к телу» и стерегли подходы к дому, образуя внешнее кольцо защиты. Как ни странно, из них только один был выходцем с Кавказа, остальные оказались русскими, и Антон обратил на это внимание. На что Пашин ответил кратко:

— Семя дьявола дремлет в каждом человеке, независимо от его национальности.

Видимо, он имел в виду волевое начало, отсутствующее у тех, кто соглашается подчиняться черным силам, следуя только за своими желаниями.

К вечеру стало ясно, что ждать случая, когда Буслай и Нухоев по каким-либо причинам отойдут от Савагова, не приходится. Надо было проявить инициативу и выманить телохранителей в лес. Ратников предложил использовать для этого своего помощника — лейтенанта Николаева, и Пашин, прикинув варианты развития событий, согласился.

Славик сел в свою «сто четырнадцатую» белого цвета и направился по засыпанной щебнем дороге в сторону дачи Савагова. Остальные, одетые в камуфляжную форму спецназа (ее привез Ратников), сели в машину капитана и стали ждать.

Славик выехал на взгорок, с которого открывался вид на живописный холм в окружении смешанного леса, вылез из машины, достал бинокль и принялся разглядывать «замок» Савагова в трехстах метрах от него, первый этаж которого был скрыт тесовым забором. Вид был красив, и Славик невольно залюбовался природой, подумав, что он тоже не отказался бы от дачи в этом тихом уголке, разве что дом построил бы поскромней и без восточного колорита.

Солнце почти скрылось за лесной стеной, долину речки, поля и дорогу заполнили тени. Однако машину Славика и его с биноклем в руках заметили, из ворот усадьбы вышел какой-то верзила в черном, поднял к глазам такой же бинокль.

— Ключуло, — сообщил лейтенант по рации.

— Посмотрим, кто за ним пойдет, — проговорил Пашин. — Если парни внешнего кольца — придется уходить, чтобы не «светиться» лишний раз.

— А я бы взял самого Савагова, — сказал Антон. — Вот он-то уж точно знает, куда увозят похищенных девчонок.

— Вряд ли он скажет, — покачал головой Ратников.

— Мне — скажет! — показал ровные белые зубы Громов.

— Еще, может, придется брать и Савагова, — буркнул Илья.

— Едут, — доложили одновременно Славик и Гарик Миндалян, наблюдавший за усадьбой через спецоптику из леса.

— Кто? — замер Пашин.

— Трое в джипе плюс водила, — отозвался Миндалян. — Один из них — кавказец.

— Точно?

— Я видел, как они садились.

— Белобрысого амбала с челочкой среди них нет?

— Аж целых две штуки.

— Значит, и Буслай там. Отлично! Начинаем.

— Не много ли их? — усомнился Ратников. — Еще стрельбу поднимут... потом не отмоешься.

— Справимся, — снова показал зубы Антон, и Ратников успокоился, столько уверенности и силы прозвучало в тоне бывшего инструктора ГРУ. Достал из кармана стручковый перец, откусил, начал жевать. Заметив взгляд Громова, предложил:

— Пожуй, весьма полезная вещь.

— Спасибо, не хочу, — отказался Антон.

— Дай мне, — протянул руку Пашин. — Перец содержит алкалоид пиперин, подавляющий болевые ощущения и повышающий тонус. Так что это действительно полезный овощ.

— Еду к вам, — сообщил Славик. — Похоже, они заинтересовались моей персоной всерьез и жаждут познакомиться.

— Жми до развилки и сворачивай налево, упрешься в болотце, мы там будем ждать.

— Есть, командир!

Ратников выжал сцепление и повел «Лагуну» в лес, на развилке свернул, загнал машину в заросли малины, чтобы не было видно с дороги. Все трое вылезли и скользнули к дороге, прислушиваясь к приближающемуся гулу моторов. Пашин особым образом соединил пальцы на руках: подушечка указательного на основании большого, большой слегка придерживает указательный, остальные пальцы свободны и не согнуты. Это была так называемая *мудра* Ветра, улучшающая восприятие «тонких» энергий.

— Действуем по обстановке. Начинает Антон.

Ратников кивнул, подчиняясь не просто старшему по воз-

расту, а более подготовленному человеку, обладавшему огромным опытом выживания в экстремальных условиях.

— Рассредоточились!

Они спустились к болотцу, в которое упиралась лесная дорога, и укрылись за кустами ольхи и лещины, подступавшими к дороге вплотную.

Показалась машина Славика, развернулась боком, перекрывая путь следующему за ней джипу. Лейтенант вылез из машины и сделал вид, что не решается шагнуть в пропитанную водой дернину. Джип «Лендкрузер» остановился в двадцати шагах, из него выпрыгнули пассажиры, одетые в стандартные пятнистые комбинезоны, используемые как спецслужбами, так и бандитами. Водитель остался в машине, но он не представлял особой опасности, так как сидел за рулем и не мог сразу вмешаться в схватку, даже если бы решился на этот шаг.

— Эй, малый, — окликнул Славика угрюмого вида бородач с рыжевато-соломенными волосами, самый старший из тройки преследователей, — ты чего тут ищешь?

— Грибы, — ответил Славик нагло.

— Чего?! — вылутился бородач. — Какие грибы?

— Маслята, — тем же тоном сообщил Славик. — В лесу растут, под елками, скользкие такие. Их еще мочат.

— Вот падла, он же издевается! — догадался белобрысый сосед бородача, в котором Антон узнал телохранителя Савагова Семена Буслая.

— А ну, иди сюда, придурок! — нехорошо сощурился бородач. — Говори, чего на коттедж пялился?

— Сам иди, — посоветовал Славик, прекрасно играя «придурка». — Тут мокро.

— Семка, выдерни его из машины!

Здоровяк-телохранитель с готовностью двинулся к Славiku, обходя колею, заплывающую водой. Бородач тоже сделал вперед два шага, упирая кулаки в бока. Темнолицый, с волчьими глазами, гибкий и молчаливый дагестанец Нухоев остался на месте, бросил взгляд на кусты. Он явно чуял опасность, и его следовало нейтрализовать в первую очередь.

— Вылезай, грибник! — рявкнул Буслай. — Мы тебе ничего не сделаем. Расскажешь по-хорошему, что ты тут вынюхивал, и мы тебя отпустим.

— Шазз, — ответил Славик и вдруг прыгнул вперед, ока-

зался в метре от здоровяка, ударил его ногой в голень, добавил рубящий *кивамэ* в основание шеи.

В то же мгновение Антон метнулся к отвлекшемуся дагестанцу, зная, что друзья не подведут. Нухоев успел повернуться на звук и ухватиться за рукоять пистолета, но перехватить атаку Громова не смог. Антон нанес два удара: «лапой тигра» — растопыренными пальцами левой руки по тыльной стороне ладони противника, сжимающей пистолет, и «копытом кабана» — костяшками пальцев правой руки в переносицу, — и этого оказалось достаточно, чтобы отлетевший на метр дагестанец упал на спину и потерял сознание.

Напарники в это время успешно закончили каждый свою часть операции.

Пашин легко скрутил бородача, вывихнув ему руку.

Ратников успел достать водителя, прежде чем тот смог включить задний ход и сдать назад.

Связали всех четверых их же собственными ремнями и шнурками кроссовок, натянули на головы майки и уложили в лесу, за кустами, недалеко от дороги.

— С кого начнем? — выжидательно посмотрел на Ратникова Славик.

— Спасибо, лейтенант, — сказал Пашин, похлопав его по плечу. — Отлично сработал! Теперь мы сами.

— Присмотри за ними, — мотнул головой Ратников. — Мы скоро.

— Есть! — козырнул Славик, исчезая в кустах.

— Хорошая подготовка у парня, — похвалил его Антон. — С удовольствием позанимался бы с ним. Из таких вырастают классные мастера.

— Любителей не держим, — ухмыльнулся капитан. — Так с кого начнем?

— С черного, — решил Пашин. — Тащите сюда Нухоева.

Ратников и Громов приволокли дагестанца и усадили спиной к колесу джипа. Антон пошлепал его по лицу, телохранитель Савагова открыл мутные глаза, несколько секунд смотрел перед собой, ничего не соображая, потом дернул связанными руками и попытался вскочить.

— Сиди, — сказал Ратников, припечатав его к колесу. — Ответишь на несколько вопросов — отпустим.

— Я нычэго нэ знаю, — огрызнулся Нухоев, сверкнув глазами; говорил он с явно выраженным кавказским акцентом.

Ратников усмехнулся.

— Позволю себе усомниться. И не зыркай по сторонам, никто на выручку не придет. Напарнички твои лежат в болоте.

— Дай-ка я, — отстранил Терентия Илья, присел на корточки перед телохранителем Савагова, упер светящийся взгляд в его глаза. — У меня нет под рукой детектора лжи и нет времени на вызов адвоката, поэтому я буду краток и груб. Будешь отвечать — отпустим, нам твоя жизнь не нужна, станешь кочевряжиться — будет очень больно.

— Я нэ боюсь смэрти! — презрительно-гордо бросил Нухоев.

— Я знаю, — кивнул Пашин. — Поэтому я и не буду тебя убивать. Но сделаю так, что ты перестанешь быть мужчиной. Вы там у себя на Кавказе поднаторели в этом деле, отрезая яйца у наших ребят, виноватых лишь в том, что они — солдаты. А мы хорошие ученики. Да и долг платежом красен. Ты меня понял?

Нухоев побледнел.

— Ты нэ сможэшь... нэ сделаэшь...

Пашин поднялся.

— Помогите снять с него штаны.

Ратников и Громов с готовностью подступили ближе. Дагестанец вжался спиной в колесо, заскреб ногами, покрылся испариной.

— Нэ надо... я скажу... толко нычэго нэ знаю...

Пашин снова опустился перед ним на корточки, сжав рукой горло, медленно и раздельно проговорил:

— Сосредоточься, шакал! Дважды вопросы задавать не буду! Вопрос первый: ты участвовал в похищении моей жены?

Нухоев замотал головой. Глаза его выпучились.

Пашин отпустил горло дагестанца.

— Нэт, никакой жэна я нэ трогал...

— Мою жену Владиславу похитили ваши люди вчера среди бела дня на улице Большая Ширяевская, в Сокольниках.

В глазах Нухоева мелькнула неуверенность.

— Я нэ видэл, нэ имел отношений к твоя жена.

Пашин хлопнул его ладонями по ушам. Нухоев вскрикнул, ударился затылком о колесо.

— Еще раз попытаешься увильнуть от ответа — уползешь отсюда глухим на всю жизнь! — пообещал Пашин. — В последний раз спрашиваю: ты участвовал в похищении моей жены?

— Нэт, нэт, — заторопился вспотевший Нухоев. — Я нэт, эе брали нэ наши люди... — Он умолк, вытирашив глаза.

— А чьи?

Дагестанец вышел из ступора.

— Они сами... их здэс нэт... они приезжиэ... я нэ знаю... толко Халил знаэт.

Пашин оглянулся на Громова, наблюдавшего за допросом.

— Похоже, он говорит правду. Хорошо, допустим, я верю. Куда ее увезли? Куда вообще увозят похищенных девчонок?

— Нэ знаю...

Удар по ушам, вскрик.

— Я слышал... нэ увэрэн... Халил с кэм-то говорил по тэлэ-фону... их увозят в какой-то храм... Псковье... Поско...

— Псковщина?

Нухоев торопливо закивал.

— Не ослышался? Твой босс точно говорил о Псковщине? Какой район?

— Нэ знаю... — Нухоев заскреб ногами, пытаюсь отодвинуться. — Нэ бей! Я всо сказал, ничэго болше нэ знаю! Чэстно!

— Честно, — усмехнулся Ратников. — Редко встретишь честного бандита, нам невероятно повезло.

Пашин встал.

— Давайте второго.

Антон рывком за локоть поднял Нухоева, повел в кусты и вскоре вернулся с белобрысым верзилой по фамилии Буслай. Белорус вел себя смирно. Он узнал своего обидчика и, помня его боевые возможности, о сопротивлении не помышлял.

— Твой напарник признался во всем, — сказал Пашин, разминая ладони, в упор глянул на телохранителя. — Теперь твоя очередь. Пойдешь нам навстречу — отпустим, начнешь запыраться — утопим в болоте. Подходит такая перспектива?

— Да кто вы такие?! — возмутился Буслай, напрягая плечи. — Развяжите! Халил порвет вас, как Тузик грелку!

— Мы из службы спасения, — сказал Ратников. — Лучше подумай о себе, а не о том, как нас порвет твой хозяин.

— Если бы вы не связали мне руки...

— Развяжи его, — коротко сказал Пашин.

Антон посмотрел на него с недоумением, но возражать не стал, ослабил петлю ремня на запястьях здоровяка, снял ремень.

— Давай, — кивнул Пашин, спрятав руки за спину.

Буслай озадаченно посмотрел на него, помассировал запястья и вполне умело ударил Илью ногой в пах и тут же рукой в голову. Но ни один его удар не достиг цели. Илья вроде бы и с места не сдвинулся и блоки не подставлял, однако атака телохранителя провалилась.

Лицо Буслая налилось кровью, он набылчился и бросился на Пашина как медведь, с поднятыми руками, собираясь схватить его и раздавить. Илья дал возможность заключить себя в объятия и... струей вытек из захвата, вонзил растопыренные пальцы в спину парня. Тот взвыл, разворачиваясь, и Пашин без замаха, тычком большого пальца ударил его в низ живота.

Амбал хрюкнул, схватился руками за живот, глаза его посоловели, он осел на землю, не в силах ни вдохнуть, ни выдохнуть. Пашин звонко шлепнул его ладонью по щеке.

— Дыши, дуб зеленый. Урок закончен. Будешь качать права, долго не проживешь.

— Жизнь вообще так устроена, что иная смерть для самого человека — праздник, а иная — для всех благодать, — назидательно проговорил Ратников.

— Твое изречение? — с любопытством посмотрел на него Антон.

— Максима Горького, — усмехнулся Ратников. — Но я его понимаю.

— Я тоже.

— Будешь отвечать на вопросы? — тихо сказал Пашин, приблизив лицо к лицу Буслая.

— Бу... — с трудом выдохнул он.

— Куда отправляют девчонок?

— К-каких?

Хлесткая пощечина, вскрик.

— Куда твой босс отправил девочек с ВВЦ?

— Мы этим не занимались, мы только сопровождали... — Буслай вскинул руку, защищая лицо от новой пощечины; у него горели щеки. — Это другая команда, чужая... какие-то нездешние мужики... я слышал только, что они работают на какого-то Крыса...

— Может, Хриса?

— А хер его знает! Мне так слышалось.

— Куда увезли мою жену?

Глаза белобрысого амбала вильнули.

— Я к этому не имею отношения...

Палец Пашина уперся под кадык парня, тот судорожно дернулся назад, наткнулся на ладонь Антона.

— Они говорили...

— Кто говорил?!

— Халил и старик, на попа похож... они базарили, что девок отправили куда-то на Псковщину...

— Точнее!

— Не знаю... честное слово!

— И этот честный, — сквозь зубы процедил Громов. — Илья, пора уходить, мы тут уже сорок минут торчим, сейчас их хватятся. Похоже, эти кретины и в самом деле ничего не знают. Надо брать главного — их поганого босса.

Пашин мгновение всматривался в глаза телохранителя Савагова с расширяющимися зрачками, потом вдруг выбросил короткое и тяжелое как камень слово:

— Спи!

Буслай вздрогнул, обмяк, опустился на землю.

Ратников с интересом посмотрел на него, на Илью, качнул головой.

— Однако!.. Что дальше, господа?

— Уходим.

— Понял. — Ратников влез в кабину джипа, загнал его в болотце, вызвал Славика: — Возвращайся, лейтенант.

— А что, если нам прямо сейчас допросить Савагова? — предложил Антон. — Сядем в джип, заедем на территорию дачи, а там — по обстановке.

— Это чревато, — покачал головой Ратников. — У нас нет прямых доказательств участия Савагова в похищении. Меня уволят, а вас посадят.

— Едем ко мне домой, — решил Пашин. — Там покумекаем, что делать дальше.

— Есть другая идея, — сказал Ратников. — Мои ребята присматривают за господином Калошиным. Он сейчас кайфует в своем любимом гей-клубе, почему бы нам не наведаться к нему в гости? Посмотреть, как живет настоящий начальник Кремля, что хранит в компьютере.

Пашин и Громов обменялись взглядами.

— Мы не сильны в компьютерах... хотя идея весьма привлекательная.

— У меня есть парнишка-компьютерщик, он даже «сейфы» Газпрома в свое время взламывал.

— Хорошо, — после недолгих колебаний согласился Илья. — В конце концов не мы объявили им войну. Если уж и чекисты на нашей стороне, то мы непременно победим.

Появился Славик, сел за руль «сто четырнадцатой». Ратников махнул ему рукой:

— Поедешь за нами. Звони Саше Спирину, пусть подъедет к зданию МИДа. Там я его встречу.

Все трое разместились в кабине его «Лагуны» и уехали, оставив телохранителям Савагова возможность самим выходить из положения. Через полчаса показалась эстакада МКАД, машины свернули и помчались на запад, в сторону Кутузовского проспекта. Никто их не догонял и не преследовал. Видимо, команда Савагова все еще не пришла в себя после допроса.

Глава 18

ЛОГОВО ЗВЕРЯ

Если бы не участие в операции подчиненных Ратникова, Пашину и Антону не удалось бы так быстро осуществить задуманное. С их помощью ситуация держалась под контролем, за Калошиным велось скрытое наблюдение, за Саваговым тоже, и группа Ильи беспрепятственно добралась до роскошной пятикомнатной квартиры начальника президентской администрации.

В дом вошли легко: Ратников показал удостоверение консьержу, сказал, что их ждут «нужные» люди (в этой сталинской громаде жили и депутаты, и члены правительства, и генералы Министерства обороны), поэтому трудностей не возникло. Консьерж — пожилой отставник-офицер понял все как надо и не задал ни одного вопроса.

Поднялись на двенадцатый этаж, вышли в коридорчик с тремя дверями, нашли дверь под номером 122. А вот дальше начались чудеса.

Вызванные Ратниковым специалисты — техник Дима и компьютерщик Саша — лишь с третьей попытки смогли открыть замок входной двери квартиры Калошина, однако дверь их усилиям не поддавалась, хотя ни специальных магнитных открывателей, ни засовов аппаратура Димы не обнаружила.

— Чертовщина какая-то! — в сердцах сказал Славик, попытавшись открыть дверь плечом.

— Абсолютно верно, — согласился Пашин, вынимая из-под ворота рубахи серебряный кругляш цаты. — Калошин скорее всего и есть Черный Вей, эмиссар Морока в Москве, а это означает, что он маг. Со всеми вытекающими...

— Ну и что? — не понял лейтенант.

— Его квартира заколдована.

— Шутите!

— Какие уж тут шутки. Он мог оставить какое-нибудь заклятие, срабатывающее при несанкционированном проникновении в дом, а мог специально установить «мины».

— Тогда нам нужны взрывники.

— Эти «мины» — магические. Человек может ничего не почувствовать, а через какое-то время скончаться от инфаркта или от кровоизлияния в мозг. Я пойду первым, остальные пусть ждут.

— Дверь не открывается, будто ее приперли изнутри.

Пашин, не отвечая, приблизил цату к двери, держа ее двумя пальцами, сосредоточился, медленно проговорил:

— Тьма, р а с с е й с я!

Серебряный кругляш метнул прозрачный солнечный зайчик, который скользнул по двери и разбежался по ней световым колечком наподобие волны на воде от упавшего камня. Дверь крякнула, будто по ней ударили невидимым тараном.

Пашин повернул ручку, толкнул дверь, и та открылась.

— Лопни мои глаза! — пробормотал компьютерщик Саша. — Как вам это удалось?

— Колдовство, — пошутил Ратников.

— Сказки... Это, наверное, магнитный нейтрализатор...

— Это Рука Бога, — сказал Громов, — магический талисман.

Пашин скрылся за дверью.

Ратников двинулся за ним, потом вошли остальные.

Илья стоял посреди большого холла с мраморным полом и к чему-то прислушивался. Холл был почти пуст, если не считать книжных полок, кадки с фикусом у стены, большого — от пола до потолка — зеркала и картин на стенах между полками.

Четыре двери из цветного, с бледным рисунком, стекла вели из него на кухню и в комнаты. В потолке виднелись два десятка многогранных линз — источников света, похожих на

глаза гигантских пауков. Впечатление было такое, будто они всматриваются в гостей и сейчас бросятся на них.

— Тьма, р а с с е й с я! — повторил Илья металлическим голосом.

Один из фасетчато-граненых светильников лопнул, на пол посыпались осколки стекла. Ратникову показалось, что вместе с этими осколками на пол упала капля черной жидкости, испарившаяся еще в воздухе. Затем у одной из дверей выпучился мраморный квадрат, испустил быстро растаявший фонтан серого дыма и растрескался.

Люди замерли.

Пашин оглянулся. Он был бледен, на лбу блестела испарина.

— Здесь все «заминировано». Никуда не отходите и ничего не трогайте. Обыск проводить опасно. К тому же, боюсь, какой-нибудь датчик даст хозяину сигнал, что в дом проникли воры, и тогда нам несдобровать. Поэтому всем оставаться у двери. Со мной пойдет только этот молодой человек. — Илья кивнул на компьютерщика.

Саша криво улыбнулся. Он был ошеломлен и напуган реальным проявлением того, что называлось мистикой, и чувствовал себя не в своей тарелке.

Илья открыл одну за другой все двери, оглядел помещения за ними, не входя внутрь, и направился в кабинет Калошина, где стоял компьютер «Эппл» с великолепного дизайна монитором и клавиатурой. Саша боком двинулся за ним, напоминая краба.

— Сможете вскрыть? — слышался голос Пашина.

— Нет такого компа, который нельзя было бы вскрыть, — отозвался приободрившийся компьютерщик. — Как говорит постулат Салливана: искусственный интеллект не имеет шансов в столкновении с естественной глупостью.

Громов с улыбкой в глазах посмотрел на Ратникова. Тот смущенно проговорил:

— Саша у нас философ, любит потрепаться. Но спец классный, фрекает любые «сабжи» как орешки.

— Может, я посмотрю, что у него в гостиной? — сказал Славик, не любивший бездеятельности.

Антон покачал пальцем.

— Не шали, лейтенант. Мы в логове зверя, а в не в гостях у бабушки Красной Шапочки.

Словно в ответ на его слова зеркало, вделанное в стену, вдруг пошло рябью, как водная гладь под дуновением шквального ветра, и плюнуло в людей осколками зеркального стекла.

Антон и Ратников увернулись от этих острых снарядов, Славик успел нагнуться, и ему осколки пробороздили спину, а технику Диме кривой, как ятаган, осколок воткнулся в ягодицу, и его пришлось вытаскивать с большой осторожностью, чтобы не оставить в ране более мелких сколов стекла.

Из кабинета Калошина в холл выглянул Илья.

— Что тут у вас стряслось? — Он увидел на полу груды битого зеркального стекла. — Ясно. Уходите отсюда. Ваше присутствие возбуждает колдовскую защиту квартиры, я не могу гарантировать вашей безопасности.

Зазвонил сотовый телефон Ратникова.

— Командир, — сообщил Жора Пучков, — Калошин выходит из клуба с двумя мальчиками.

— Хозяин возвращается, — сообщил Ратников всем в ответ на взгляд Пашина.

— Немедленно уходим!

Илья скрылся за дверью.

Остальные попятились к выходу из квартиры, ожидая какой-нибудь выходки вроде оживающих зеркал, но ничего не произошло. Заколдованное Черным Веєм жилище не стало задерживать гостей, сосредоточившись на «занозе» оставшихся в кабинете людей. Когда Ратников, выйдя последним, прикрывал входную дверь, из кабинета хозяина послышался грохот, треск и звон, что-то упало, вскрикнул Саша. Ратников остановился, прислушиваясь к доносившемуся шуму, и увидел возвращающихся «взломщиков». Пашин был мрачно-спокоен, сжимая в руках какой-то сверток. Саша держался за щеку окровавленными пальцами и был бледен.

— Взорвался монитор, — коротко пояснил Илья, закрывая за собой входную дверь. — Хорошо еще, парень в этот момент отвернулся, только щеку порезало и ухо поцарапало, а мог остаться без глаз.

— Успели что-либо посмотреть?

Компьютерщик протянул Ратникову дискету.

— Скачал, что мог. У него там секреток понатыкано, что у собаки блох. Я нашел интересную кэш-конфигурацию, но тут монитор гавкнулся.

— Дома посмотрим, — сказал Пашин, глядя на свой сверток.

Они направились к лифту, спустились вниз, сели в машину. Ратников отпустил всех своих подчиненных, в том числе и Славика, приказав им держать язык за зубами, покосился на сверток в руке Пашина.

— Что-то нашел?

Илья помолчал немного, развернул ткань свертка. Внутри оказались два предмета: перстень в виде змеи с крокодилей мордой и черным камнем и тускло блеснувший чешуйчатый крест со слегка искривленными концами, похожий на деформированную свастику.

— Что это?

Пашин аккуратно завернул находки в тряпицу.

— Атрибуты власти Черного Вея. Перстень — это амулет с и л ы, нечто вроде излучателя энергии, а крест... точно не знаю, но, вероятнее всего, это магический талисман, поддерживающий канал связи с Мороком или с его «проекциями».

Ратников хмыкнул, выводя машину на Садовое кольцо.

— Куда?

— Ко мне.

Дальше ехали молча, думая каждый о своем.

В квартире Пашина все умылись, сразу почувствовав облегчение. Потом Илья вставил привезенную дискету в компьютер и вывел файл на экран. Однако открывшаяся директория была так велика, что на ее изучение потребовалось бы несколько часов. А что требуется найти, Илья и сам толком не представлял. Разве что какие-то сведения, подтверждающие планы Калошина—Морока по захвату молодых девушек.

Ратников посмотрел на часы.

— Я, наверное, пойду. Появится интересная информация, позвоните. Наблюдение за Калошиным продолжать?

— Где он сейчас? — поинтересовался Громов.

Ратников вызвал Пучкова:

— Что нового, Жора?

— Объект едет по направлению к Арбату. Высадил вдруг ребят из своего служебного «мерина» и помчался как бешеный, будто шило в задницу воткнули.

— Продолжай работать и докладывай обо всем, что покажется подозрительным.

— Есть, командир!

Ратников посмотрел на друзей.

— Калошин на всех парах летит домой.

— Почуял что-то, — усмехнулся Громов. — Как ты думаешь, он догадается, кто взломал его логово?

Ответить Пашин не успел: сухо протрещал дверной звонок.

— Ты кого-нибудь ждешь?

— Не договаривался, — покачал головой Илья, жестом приказал собеседникам спрятаться. — Если только это не посылный от похитителей Славы.

Он заглянул в дверной «глазок», несколько мгновений всматривался в человека, позвонившего ему, и без колебаний открыл дверь. Отступил в сторону. В прихожую ввалился худой как жердь, бледный, заросший редкой седоватой щетиной мужчина в мятом и грязном спортивном костюме, болтающемся на нем как на вешалке.

Антон не поверил глазам: это был Безымень! Бывший слуга Морока, перешедший впоследствии на сторону Евстигнея.

* * *

Целый час гость отмокал в ванной Пашина, обессилев до такой степени, что сам не смог потом вылезти из нее. Илья дал ему свой халат, и Безымень, в миру — капитан Висковатый, внедренный своим прежним господином больше года назад в Управление информационной безопасности ФСБ, преобразился, превратившись в заболевшего школьного учителя истории — такое сравнение пришло на ум Ратникову, с нетерпением ожидавшему, когда гость заговорит.

Однако прошло еще минут сорок — гость мало ел и жадно пил чай, — прежде чем подоспело время беседы.

— Я думал, ты погиб, — сказал Пашин, пригласив всех из кухни в гостиную.

— Я уже почти мертв, — еле слышным голосом отозвался Безымень, утонув в кресле. — Хрис оставил мне только дышание. Жить мне осталось совсем немного. Ю-запас кончится, и я потухну.

— Как тебе удалось сбежать? И где тебя держали? В храме?

— Я не знаю, где это место. Меня куда-то повезли на машине, она застряла в болоте... и я сбежал...

Пашин и Громов переглянулись. Антон качнул головой.

— Чудеса... Хотя, с другой стороны, он настолько обессилел, что конвоиры могли расслабиться, не предполагая, что

пленник попытается бежать. А по болотам он ходить умеет. Интересно, где в этот момент был Хрис?

— Да, возникают определенные сомнения, — согласился Пашин. — Не подослан ли ты, друг любезный, своими бывшими хозяевами?

Безымень остался флегматически безучастным, будто его замечание Пашина не касалось.

— Меня никто не подсылал... я сам... вы сочувствовали мне... и я решил найти... Хозяин должен вернуться в июле, я слышал, как Хрис беседовал с верховной жрицей...

— С Пелагеей? Она же умерла.

— Пелагея не умерла, она соединилась с извергом Ягьей... А жрица в храме новая — Евангелина... ее еще зовут Черной Графиней... достойная преемница Пелагеи...

— Значит, храм функционирует?

— Да, службы идут...

— Но на прежнем месте якобы остались одни развалины.

— Не знаю... когда я сбежал, то вышел к деревне Дилова Гора...

— Где это?

— Псковская волость, — ответил Безымень. — Храм теперь там, на берегу какого-то неприметного озерка, рядом с озером Большим...

— Откуда ты знаешь?

— Слышал разговоры... я могу слышать все, о чем говорят, сквозь любые стены...

— Допустим, они перенесли храм. — Пашин потер лоб, глянул на Антона. — Телохраны тоже говорили о Псковщине... это не может быть совпадением.

— Все равно надо проверять. Другого пути нет.

— Допустим, все это правда. Зачем ты искал нас? Ради чего?

— Можете не верить... я не в обиде... — Речь Безыменя становилась все более невнятной, он слабел на глазах, иногда замолкая и буквально проваливаясь в себя. — Евстигней оживил часть моей прежней души... она болит... Хрис и жрица разговаривали о приходе Хозяина... он требует гекатомбы... в жертву принесут пятьдесят юных девушек... — Безымень перешел на шепот.

Пашин подошел к нему, тронул за плечо, подождал и быстро вышел на кухню. Принес пузырек с темно-бордовой жидкостью, налил в ложечку и влил в полуоткрытый рот бывшего доверенного Евстигнея. Челюсти старика судорож-

но сжались, остекленевшие глаза ожили на несколько мгновений.

— Крест...

— Что? — склонился ниже Илья.

— Крест... руна... должен быть... перекресток... вре...

Шепот прекратился. Глаза Безыменя остановились, остекленели. И вдруг слабая улыбка тронула его губы.

Пашин разогнулся, провел рукой по лицу Безыменя, закрывая глаза, сказал глухо:

— Ушел...

— Может, вызвать «Скорую»? — неуверенно проговорил Ратников.

— Не поможет. Иссяк его глубинный запас сил. Он не был магом в полном смысле этого слова, но имел способности пси-оператора. Неизвестно, в чем душа держалась, он же буквально высох.

— Что будем делать? — подошел к креслу Громов. — Если вызвать «Скорую» — объяснять придется.

— Давайте отнесем его в мою машину, — предложил Ратников. — Я вызову своих медиков, скажу, что подобрал старика еще живого, но довезти до больницы не успел.

— Хорошо, — согласился Илья после недолгих размышлений. — Не хотелось бы навлекать на себя подозрения в такой ситуации. Спасибо, капитан.

— Что вы предполагаете делать?

— Собираться. Завтра поеду в Псковскую губернию искать храм.

— Один?

— Я поеду с ним, — сказал Громов как о чем-то само собой разумеющемся.

— Предлагаю воспользоваться техникой и экипировкой группы. Возможности у нас весьма широкие.

— Нет, мы поедем вдвоем, — твердо заявил Пашин. — Понадобится помощь, я дам знать.

— Оружие есть?

— Найдется, не беспокойтесь.

— Тогда до связи. — Ратников кинул взгляд на утонувшего в кресле мертвеца, пожал друзьям руки, пошел к двери, но остановился. — Прошу прощения, Илья Константинович. Этот человек говорил о руне... я подумал... вы не пробовали сложить рунный володарь Евстигнея? Воссоздать Руну Света?

— Пробовал, — признался Пашин с виноватой улыбкой. — Но всех вариантов перестановок дощечек не перелопатил, их более тысячи.

— Ясно. Извините. Я выйду, осмотрюсь и вернусь, помогу грузить тело.

Капитан вышел.

Илья встретил взгляд Антона, с силой потер лоб.

— Не понимаю, что он хотел сказать...

— Терентий?

— Безымень. Крест... руна... перекресток вре... Что такое «вре»? Время?

Антон неопределенно дернул плечом. Пашин перестал сверлить его взглядом, отвернулся.

— Черт! Надо было расспросить подробности...

Послышался тонкий хрустальный треск.

Оба оглянулись.

Стоявший в буфете стеклянный колпак над часами с маятником-вертушкой пересекла извилистая трещина.

Глава 19

ЧЕРНАЯ ГРАФИНЯ

Небольшое озероцо Нильское, по сути, представляло собой часть озера Ильмень, отгороженную островом Войцы от основного водного пространства. Протоки, соединяющие озеро, были нешироки и извилисты и поросли тростником и камышом, так что плыть по ним было трудно. Да и найти их в общей стене тростниковых зарослей мог только опытный глаз. Впрочем, даже если бы кто-то обнаружил протоки и решил на лодке пройти по ним в озеро Нильское, он вряд ли добился бы цели. Протоки не только прятались в зарослях кустарника и тростника, но и были заколдованы. Ничего не подозревающий исследователь не ушел бы далеко, нарвавшись на ту или иную ловушку типа ведьминых ям и змеиных мешков. Болотистая местность вокруг озера Нильского пользовалась дурной славой, и стоящий на его берегу древний храм, не видимый ни со стороны, ни сверху, с самолета или вертолета, мог не бояться нашествий людей. Даже такая мощная спецслужба, как ФСБ, имевшая самую современную

аппаратуру и опытных следопытов, не смогла обнаружить этот храм. Вернее, обнаружила она лишь развалины, имевшие такой вид, будто им уже тысячи лет, но подобраться к ним чекисты не смогли: кругом располагались бездонные — на вид и по ощущениям — топи, а само озеро источало такие густые сероводородные запахи, что работать приходилось в противогазах. В конце концов отряду федералов из Управления информационной безопасности надоело проваливаться в трясины и бочаги, и они убрались с озера, ничего, кроме развалин, не обнаружив. Настоящий храм отражался в его водах только в утренние часы, но никто из чекистов этого отражения не увидел. Они видели то, что им внушала видеть магическая защита храма, усиленная штатным магом Хрисанфом после схватки хранителей с командой Пашина.

Старик, стоявший в задумчивости на берегу озера, выглядевшего даже в солнечный день глубокой мрачной бездной, встрепенул, освобождаясь от воспоминаний, бросил взгляд на «развалины» за спиной и спустился к воде, на ровную каменную плиту, напоминавшую причал. Впрочем, это и был причал, которым пользовались хранители и жрицы храма.

Послышался скрип уключин, шевельнулась стена тростника на другом берегу озера, и на чистую воду, минуя топляки, выплыла лодка, в которой находились два гребца и три девушки, жавшиеся на корме друг к дружке. Маг подождал, пока они пристанут к берегу, кивком велел вывести из лодки девушек, пригляделся к одной из них, отличавшейся красотой и гордым взглядом. Это была Владислава, жена Ильи Пашина.

— Ее — ко мне в келью, — приказал колдун угрюмым гребцам. — Остальных накормить и посадить в верхний каземат.

— Там уже нет места, — буркнул один из гребцов, приземистый, кудлатый, с курчавой черной бородой.

— Не царицы, разместятся как-нибудь.

— Отпусти, колдун проклятый! — проговорила Владислава. — Все равно живой я тебе не дамся!

Хрис усмехнулся.

— Люблю строптивых. Ты не знаешь, с кем разговариваешь, красавица.

— А ты не знаешь моего мужа! Он найдет тебя и открутит голову!

Хрис невольно вздрогнул — столько веры и убежденности прозвучало в голосе юной женщины.

— Это мы еще посмотрим, кто кому что открутит. Здесь мои владения!

Маг взмахнул рукой, и над берегом на месте развалин на несколько мгновений возник мрачный, тяжеловесный, сложенный из красно-коричневых каменных блоков храм, напоминающий мавзолей на Красной площади. Отличало эти постройки наличие на крыше храма *куда* — башни в форме фаллоса да размеры: храм Морока был в три раза выше и массивней — снаружи, внутри же он представлял собой и вовсе немыслимый архитектурный объем, развернутый в иномерном пространстве.

Храм возник из воздуха и исчез, но девушки, пораженные видением, продолжали смотреть на то место, где он только что высился горой мрака и угрозы.

— Ну что, и дальше будешь ерепениться? — поинтересовался Хрис.

— Буду! — с вызовом выпрямилась Владислава, дотрагиваясь рукой до груди.

Маг не обратил на этот жест внимания, и амулет Святого Духа остался у женщины под кофточкой.

— Ведите.

Гребцы увели заложниц, подталкивая их в спины.

Хрис проводил жену Пашина задумчивым взглядом, хотел было продолжить прогулку по берегу озера, и в это время уморь-крест на груди дернулся как живой. Колдуна вызвала Черная Графиня, избранная Мороком на роль верховной жрицы храма. Теперь Хрис вынужден был подчиняться ей и выполнять все ее прихоти. Старел он катастрофически быстро, а запасом юаньшэньши владела только эта молодая, сильная, похотливая, исключительно сексуальная баба по имени Евангелина, способная зажечь страсть у любого мужчины. Даже у импотента.

Хрис усмехнулся про себя. Импотентом он не был, просто старика не часто в его годы влекло к женщине, но и он испытывал вожделение, встречаясь с новой верховной жрицей.

В боку огромного камня, вросшего в берег и кажущегося монолитным, протаяла прямоугольная дыра. Хрис нырнул в нее и оказался в сухом склепе с выпуклым щитом посередине наподобие крышки люка. Встал на это вздутие, и механизм своеобразного лифта увлек его под землю, в переходный бункер, из которого начинался подземный ход в храм. Через не-

сколько минут он вошел в одну из келий верховной жрицы, соответствующую уровню го-стхи, то есть уровню общения с теми, кого желала видеть Евангелина.

Черная Графиня сидела на резном деревянном стуле посреди квадратной комнаты без единого окна. Стены комнаты были обиты деревянными планками и покрыты специальным лаком. Когда в келье загорались искусно спрятанные светильники, стены как бы сами начинали сочиться изнутри рубиново-красным свечением и становились похожими на толстые пласты жидкого расплавленного хрусталя.

Потолок кельи был черным, пол покрыт каменными плитами серого, белого и черного цветов. По углам кельи стояли высокие керамические чаши в форме фаллоса, обвитые чешуйчатыми змеиными телами, которые заканчивались не обыкновенными змеиными головами, а скорее крокодилами — с двумя рядами острых зубов. Головы могли поворачиваться и шипеть, а глаза их — светиться, что всегда оказывало сильное впечатление на жриц и гостей храма.

Вдоль стены комнаты го-стхи когда-то стояли простые деревянные лавки, предназначенные для хранителей, слуг верховной жрицы, теперь же вместо них красовались низкие мягкие кресла вполне современного вида. Каждое из кресел могло превращаться в ложе для любви, но одно из них соединялось с подземным бункером и предназначалось для тех, кого верховная жрица желала наказать.

— Я весь внимание, госпожа, — склонился Хрис, ощущая прилив крови к щекам; мужское естество, редко просыпающееся в последнее время, внезапно встрепенулось и заставило забиться сердце.

Евангелина, одетая не в монашеский клобук, а в короткое платье с вырезом, сидела, закинув ногу за ногу, и была так соблазнительно хороша, что смогла бы, наверное, зажечь и более дряхлого старика, нежели Хрисанф. Сама она утверждала, что происходит из рода французской королевы-отравительницы Екатерины Медичи, что ей четыреста лет, что она помнит Наполеона и одно время даже была любовницей графа Калиостро. Но Хрис знал, что Евангелине всего тридцать шесть лет, хотя при этом она являлась магом высших степеней посвящений и действительно могла манипулировать сознанием людей и воздействовать на природу вещей. Теперь же, предоставив свое тело «проекции» Морока, она и вовсе оказывалась недоступной влиянию колдуна храма.

Евангелина поняла значение блеска в глазах гостя, подняла большой бокал с темно-рубиновой жидкостью, улыбнулась двусмысленно:

— Хочешь, старик?

— Спасибо, госпожа, не хочу, — сухо отозвался Хрис. — Прибыла партия материала, не желаете взглянуть?

— Желаю. Мне нужны послушницы. Собери их всех в нижнем зале с бассейном, в котором живет Ягья. А ту, строптивую, с которой ты только что разговаривал...

— Владиславу? Это жена нашего врага Ильи Пашина.

— Ее приготовь для жертвоприношения. Когда послушницы увидят мессу, их рвение быть полезными Господину увеличится. Пусть знают, что ждет отступниц.

— Слушаюсь, госпожа. Но Черный Вей не велел трогать Владиславу, мы должны дождаться, пока Пашин не попытается выволить ее.

— У него своя область ответственности, у меня своя. Пусть не сует свой нос в мои дела. Месса назначена на двадцать второе, в новолуние, и отменять я ее не намерена. Пусть Черный Вей разбирается с врагами сам, это его епархия.

— Хорошо, госпожа.

— Иди, я сейчас приду. — Евангелина в два глотка осушила бокал, потянувшись так, что из выреза платья выскочили ее роскошные груди, и насмешливо погрозила Хрису пальцем.

Буквально ослепший от вспыхнувшего в груди желания, маг с трудом проглотил слюну и, спотыкаясь на непослушных ногах, вышел из кельи. Очнувшись он уже возле каземата с пленницами, успокоил сердце, вытер пот со лба, вернул лицу видимость властной уверенности. Сука! — пронзила голову трезвая мысль — оценка верховной жрицы, вмещающая презрение к ней и восхищение. Все-таки лучшую кандидатуру на должность верховной жрицы найти было бы трудно. С таким потенциалом Евангелина могла не бояться Черного Вея — координатора сил Морока и при случае вполне была способна его заменить.

Вызвав Потапа Лиховского и приказав ему собрать заложниц в нижнем зале, Хрис переоделся и спустился по лестнице северного выхода в зал с бассейном.

Девушки уже были здесь — все тридцать шесть, включая и Владиславу. Они испуганно жались в кучу и поглядывали на бассейн, по глади которого время от времени прокатывались

волны. Это шевелился на дне зверь-изверг Ягья, сын Морока, поглотивший множество невинных душ, но не ставший от этого добрей и симпатичней. Последней его жертвой стала верховная жрица Пелагея, и после этого активность демона повысилась, хотя и не настолько, чтобы предпринимать меры защиты. Возраст изверга достигал не менее миллиона лет, по сути, он давно пережил срок своего существования и был больше мертв, чем жив, в отличие от своего бессмертного отца, продолжающего координировать развитие человечества, питающего его энергией.

Вошла Евангелина. Она была великолепно, хотя и оделась соответственно статусу — в фиолетовый клобук и багровую шаль. Но ее красота была колдовской, а не естественной, как у молоденьких девочек, и это сразу бросалось в глаза.

Заложницы, захваченные охотниками в разных городах России для ублажения своего хозяина, притихли.

Черная Графиня оглядела толпу девушек, на лицах большинства которых читались обреченность и страх, усмехнулась.

— Успокойтесь, дурочки, никто вас не обидит... если не будете проявлять непокорство. Я верховная жрица храма Евангелина, и мне нужны послушницы, которые в будущем могут стать жрицами и иметь большую власть. Кто из вас добровольно согласится пойти в послушницы?

Ответом Черной Графине было молчание и испуганно-опасливые, нерешительные и несогласные взгляды.

— Отпустите нас! — раздался вдруг чей-то возмущенный голос, заставив всех вздрогнуть. — Иначе очень пожалеете!

Евангелина поискала говорившую, встретила ее взгляд, с недоумением приподняла тонко подчищенную бровь.

— Кто это?

Хрис приблизился к верховной жрице, склонил голову.

— Это жена нашего врага Ильи Пашина, который...

— Я поняла, старик, можешь не продолжать. Вот, значит, как она выглядит, отступница. Ничего не скажешь, красавица, своевольная и независимая, одно удовольствие работать с таким материалом. А может, ты пойдешь ко мне в помощницы?

— Никогда!

— Жаль, ты далеко пошла бы, девочка. Ишь, глазищи-то сверкают! Сколько силы в голосе! Твоя мать, или бабка, или кто-то еще в роду случайно не были колдунами?

— Были ведуны и ведуньи. Но не злые колдуны!

— Значит, по-твоему, я злая?

— Какая бы ты ни была, твой век отмерен. Ни хитрому, ни умелому, ни мудрому чародею суда Божьего не избежать!

Глаза верховной жрицы наполнились черным пламенем, но она сдержалась, шевельнула рукой:

— Отведите ее ко мне в келью.

Хрис посмотрел на своего помощника. Потап Лиховский молча вытолкнул Владиславу из толпы девушек и, несмотря на ее сопротивление, вывел из зала.

— Кто еще отказывается мне повиноваться? — оглядела притихшую толпу Черная Графиня.

— Я! — с отчаянным вызовом шагнула вперед полногрудая девица с русой косой. — Вы не имеете права держать нас здесь и приказывать, что делать!

— Имею, милая моя, имею право, — усмехнулась Евангелина. — Люди делятся на пастухов и стадо, так вот я из первых, а вы — из вторых. Мой Бог поддерживает такое деление.

— Ваш Бог — дьявол!

Евангелина принахмурилась, оглядела лица тридцати с лишним девушек, качнула головой.

— Вижу, вам надо преподать урок повиновения, чтобы знали свое место и в будущем не перечили. Бросьте ее в бассейн!

Потап Лиховский и еще один хха подхватили отчаянно сопротивлявшуюся девушку с косой под руки, поднесли к невысокому парапету, окружавшему двадцатиметровый бассейн, и бросили строптивницу в воду. Она хлебнула воды, заработала руками и ногами, вынырнула, подплыла к краю бассейна, собираясь вылезти, и в этот момент в центре бассейна возник водяной бугор, покатился к девушке, превратился в трехметровую, текучую, прозрачную фигуру змеи со старушечьей головой.

Девушки завизжали от страха, отступили подальше от бассейна. Та, что пыталась вскарабкаться на парапет, оглянулась и увидела нависшее над собой прозрачно-водяное чудовище, вскрикнула, подняла руки. Древний демон кровавых жертвоприношений, защитник храма и его черный дух, упал на нее сверху горой и утащил на дно бассейна. Волны, поднятые телом демона, улеглись, бассейн снова стал гладким и прозрачным.

— Надеюсь, вы поняли, красавицы, — проговорила довольная произведенным эффектом Черная Графиня, окидывая толпу плачущих, трясущихся от страха девушек пренебрежительным взглядом. — Так будет с каждой, кто откажется мне повиноваться! Уведите их.

Хха увели пленниц. В зале с логовом изверга Ягьи остались верховная жрица и Хрис, меланхолически размышляющий о наличии у Евангелины таких сильных качеств, способствующих возвышению, как безжалостность и презрение к человеческой жизни. Люди для Черной Графини являлись всего лишь аккумуляторами психической энергии, а не разумными существами, имеющими свои желания и волю.

— Что смотришь? — сверкнула глазами Евангелина. — Не одобряешь?

— Ни в коем случае, госпожа, — прижал руку к груди Хрис.

— Не только твой Черный Вей имеет саккацу и дзидзай. Мне тоже дано такое право.

— Разумеется, госпожа. Просто нам не хватает материала для мессы, охота идет медленно, спецслужбы начали отслеживать наших людей, а Господин торопит.

— Ничего, одна-две девицы не имеют значения, поймаете новых, а мне нужны послушницы для ведения ритуалов, чтобы Господин мог всегда насладиться их плотью. Ты свободен, старик.

Хрис отступил на шаг, низко поклонился.

— Мне неловко напоминать...

— Что еще?

— Мой Ю-запас истощился...

— Не надо было тратить его на молоденьких послушниц, старик. Береги Ю-силу для более важных дел. Зайдешь ко мне через час, я открою зарядную залу.

Хрис склонился еще ниже, пряча глаза, чтобы собеседница не смогла прочитать в них гнев и злобу.

— Благодарю покорно, госпожа. Что-нибудь еще?

— Возвращаясь к себе, я здесь еще побуду немного, побеседую с Ягьей.

Маг попятился назад, не поднимая головы, и в это время один из каменных столбов в форме фаллоса, обвитого змеей, налился призрачным зеленоватым свечением и превратился в зыбкую человеческую фигуру с гипертрофированно увеличенной головой. Фигура выпучила красные глаза, поверте-

ла шеей, словно проверяя ее прочность, и зашипела по-змеиному:

— Приветствую Хозяйку обители, да придет Тот, чье имя будет произнесено!

Это был Всеволод Марьевич Калошин — Черный Вей, точнее, его голографическое изображение, способное внедряться в любую материальную структуру.

— Пусть будет вечна Его власть! — равнодушно отозвалась Евангелина. — Чем обязаны вашему появлению, наместник?

— Произошло нечто из рук вон выходящее! — скривила рожу зыбкая копия Калошина. — Они осмелились проникнуть в мой дом, залезли в компьютер, скачали кое-какие файлы, унесли *уморь* и *магидат*!

— Кто, наместник? — непритворно удивилась Черная Графиня. — Кто посмел взломать ваше имение и как это ему удалось?

Калошин взял в себя в руки, понизил голос, его глаза перестали метать молнии.

— Пашин и его люди. Не знаю, каким образом они обошли все мои замки и ловушки, но это им удалось. Мне надоело ждать очередных сюрпризов, пора их ликвидировать. Всех! Где жена Пашина?

Хрис и Евангелина переглянулись.

— У нас, наместник.

— Она мне нужна. Отправьте ее назад в Москву и подготовьте замысел уничтожения Пашина. Ему надо предложить обмен — жизнь этой девки на его собственную.

— Он не согласится. Это безумие!

— Он согласится! И мы наконец вздохнем свободней.

Евангелина поджала губы. Ее глаза метнули черное пламя.

— Возвращать вам эту юную стерву нецелесообразно, наместник. Во-первых, в Москве у Пашина больше возможностей каким-то образом отбить свою кралю. Во-вторых, вы обещали заманить его в болота под Псковом, и этот вариант еще не исключен, не так ли? Ну и, в-третьих, мне хочется развлечься с женой Пашина, перешибить ее волю, сломать. Судя по всему, она очень сильная и своенравная натура, я таких страсть как люблю обламывать. А потом мы принесем ее в жертву Господину на алтаре.

— Я требую... — повысил голос Калошин.

— Требовать будешь у себя дома, наместник, — перебила его верховная жрица. — Здесь я хозяйка! И будет по-моему!

Девушка останется у меня. Пускай Пашин придет за ней сюда, если захочет. Обратно ему не выйти. Алтарь я ему тоже приготавливаю. Что-нибудь еще, наместник? — сменила тон Евангелина. — Девочку покрасивше не желаете? У меня тут целый гарем. Или, может быть, я подойду?

Черная Графиня вдруг сняла шаль, сбросила с себя монашеское одеяние и осталась в одном белье.

Хрис получил самый настоящий удар по сознанию, возбудивший его плоть до болей в животе. В глазах позеленело. Он с трудом удержался от беспамятства, согнулся, закрывая глаза рукой.

Раздалось короткое ругательство. Призрак Всеволода Марьевича исчез. Евангелина засмеялась, как ни в чем не бывало набросила на себя одежду, посмотрела на Хриса оценивающим взглядом.

— Ты не раздумал полакомиться силой, старик? Что, если я дам тебе глоток ниргуны?

Хрис открыл глаза, недоверчиво посмотрел на верховную жрицу. Она предлагала ему стать любовником! Глоток ниргуны превращал любого деда в добра молодца и старуху — в юную деву. Правда, на очень короткое время. Но кто же откажется стать молодым хотя бы на час, на полчаса, на несколько минут?..

— Согласен! — хрипло выговорил стосорокалетний маг.

— Идем, — поманила его Черная Графиня, увлекая за собой. Вынырнувшая из воды прозрачно-водяная голова старухи на змеином туловище проводила их слепым взглядом и снова скрылась под водой.

Глава 20

ЛИХА БЕДА — НАЧАЛО

Олег Петрачков позвонил в половине восьмого вечера, когда Курыло уже собирался ехать домой.

Сначала Виктор Михайлович не узнал его голос: с Олегом Петрачковым он не виделся уже лет двадцать, с тех самых пор, как они закончили одну и ту же аспирантуру и разошлись в разные стороны. Однако услышав свою кличку — Врыло, сопровождавшуюся знакомым кудахтающим смехом,

Виктор Михайлович сразу вспомнил приятеля и по-настоящему обрадовался.

— Олег?! Петрачков?! Рад тебя слышать! Откуда ты узнал мой телефон?

— Мир не без добрых людей, — хохотнул Петрачков. — Год назад в Москве был проездом Саня Чмут, он встречался с Тонькой Коркиной, она и сообщила о твоём местонахождении. Кстати, я тоже здесь всего на один день, самолет ночью вылетает в Сургут, но пара часов у меня есть. Может, встретимся, вспомним былое?

— С удовольствием! Давай ко мне домой, жена будет рада, с внуком познакомлю.

— Нет, Витя, лучше на нейтральной территории, не готов я к домашним встречам. Да и не поговоришь при жене по душам.

— Хорошо, — не без колебаний согласился Виктор Михайлович. — Тогда подъезжай к гостинице «Космос», прямо к центральному входу, посидим в их ресторане «Млечный Путь», кухня там очень даже приличная.

— Буду через тридцать-сорок минут.

Петрачков повесил трубку, а Курыло еще с минуту сидел, улыбаясь, приятно удивленный звонком старого приятеля, вспоминал прошлые встречи, знакомства, атмосферу мечты и подъема, царившую в СССР вопреки стараниям его поводырей, затем вызвал секретаря:

— Костя, я через полчаса встречаюсь с другом юности в «Космосе», так что можешь быть свободен. Завтра буду не раньше двенадцати, у меня деловая встреча утром с одним из спонсоров. Савагову об этом знать не обязательно.

— Понял, Виктор Михайлович, — кивнул секретарь. — Жену предупредили, что задерживаетесь?

— Позвоню позже.

Курыло собрал в портфель бумаги, которые хотел изучить дома, вышел из кабинета, приветливо кивнул телохранителю; сегодня дежурил Николай, сменщик Антона Громова, молодой, жилистый, с приятной внешностью.

— Коля, проводишь меня до гостиницы «Космос» и можешь ехать по своим делам.

— Но я обязан сопровождать вас до квартиры, — возразил телохранитель извиняющимся тоном.

— Я встречаюсь с приятелем, он и проводит меня до дома. Все будет в порядке, не беспокойся.

— Ну, если вы уверены...

— Разумеется. Нельзя же все время прятаться за чью-то спину, от судьбы, как известно, не спрячешься.

Без двадцати минут девять Виктор Михайлович встретил у гостиницы старого приятеля, полысевшего, располневшего, но энергичного и не потерявшего живого блеска в глазах. Они обнялись, похлопывая друг друга по спине и плечам. Одновременно отодвинулись, критически разглядывая друг друга, засмеялись.

— Располнел, однако, клен ты мой опавший, — покачал головой Виктор Михайлович. — Волосы потерял. А ведь какой стройный был, спортсмен, грива львиная...

— Да и ты, я гляжу, потерял форму, — не обиделся Олег Борисович. — Рожу наел, поседел, животик вон выглядывает. А ведь тоже в волейбол играл когда-то.

— Было дело. — Виктор Михайлович оглянулся на телохранителя. — Все, Коля, отдыхай. До завтра.

Телохранитель нерешительно помялся, потом пробормотал «до свидания» и пошел прочь, оглядываясь. Он не был уверен, что поступает правильно.

— Кто это, секретарь? — поинтересовался Петрачков.

— Нет, телохранитель.

— Вот даже как? Тебя охраняют как VIP-персону?

— Есть тут один доброжелатель, желающий убрать меня с дороги, вот и приходится защищаться. Пошли расскажу.

Через четверть часа они сидели за отдельным столиком ресторана «Млечный Путь», заказали ужин и предались воспоминаниям, переживая удивительное чувство единения с прошлым. Виктор Михайлович рассказал о своей жизни, о семье, поделился рабочими заботами. Потом настала очередь Олега Борисовича.

— Не поверишь, — начал он, поглощая вторую порцию грибного кокота, — не могу истратить пятьдесят миллионов!

— Рублей?

— Долларов, дорогой, долларов!

Курыло с веселым недоумением посмотрел на приятеля. Тот засмеялся.

— Честное слово! И не смотри на меня как на сумасшед-

шего. Я действительно готов вложить большие деньги в ноу-хау, но не могу найти надежную фирму.

— Вложи в ВВЦ. Гарантирую хорошую прибыль, хотя и не сразу.

Олег Борисович погрозил собеседнику пальцем.

— Все так говорят, и я готов потерпеть ради результата, но дело в том, что я хочу вложить деньги не в банковские операции и не в торговлю, а в научные разработки и производство. Понимаешь? И не могу найти надежных партнеров! Владельцами заводов, газет и пароходов все чаще становятся в наше время случайные люди. Или темные. И к тому же бездарь. Получив заводы, почти никто из них не сумел развить и расширить производство, ради чего и замышлялась приватизация, зато они успешно разваливают производство и разворовывают не ими созданное.

— Неужели все так пессимистично?

— Можно подумать, ты этого не видишь. Капиталы, нажитые нашими доморощенными плутократами, сплошь дутые, спекулятивные. Вспомни хотя бы недоброй памяти деятельность Бориса Абрамыча и Анатолия Борисыча. Они сумели х а п н у т ь миллиарды, но не создали главного — производства! А таких — большинство, и в этом трагедия страны. Подлинные богатства создаются не спекуляцией, мой друг, не перераспределением уже созданных ценностей, а прямым созиданием — новыми изобретениями и воплощением их в жизнь.

— Ты так горячо говоришь — прямо как патриот, — с любопытством посмотрел Виктор Михайлович на покрасневшегося приятеля. — Это случайно не тема для диссертации?

Петрачков покачал головой с виноватой улыбкой.

— Я действительно патриот России. А диссер я защитил давно, так что перед тобой сидит доктор экономических наук.

— И чем же занимается доктор? Откуда у него пятьдесят миллионов долларов? Одолжил бы парочку.

— Эх, Витя, все так реагируют на мои слова, а чтобы предложить дело...

— Извини, я пошутил.

— Да я не обижаюсь. Мало кто понимает, что происходит в России в действительности. Мы становимся сырьевым придатком развитых государств Европы и Америки, отстойником радиоактивных материалов и химической дряни, хотя по

потенциалу высочайших и приоритетных технологий могли бы стать первыми в мире!

— Чем же ты занимаешься? Не в Счетной ли палате работаешь?

— Не в Счетной, Витя. Я председатель венчурного фонда «Третье тысячелетие».

— Что это еще за фонд? Впервые слышу.

— Венчурный — от английского слова *venture* — риск. Два года назад несколько наших отечественных бизнесменов скинулись и основали фонд, а я стал его президентом. И теперь мы ищем потребителей новых научных идей и инженерных разработок.

— С ума сошли? Это же авантюра!

— Ничуть не бывало, трезвый расчет. Во всем мире доход венчурных фирм составляет двадцать-тридцать процентов, в то время как у автомобильных гигантов — не более двух! Конечно, из огромного количества научно-технических проектов важно выбрать ту «курицу», которая способна принести золотые яйца. Ошибаться нельзя. Но мы пока еще ни разу не ошиблись.

— Молодцы, — хмыкнул скептически настроенный Курыло. — Что же вам удалось подобрать? Какое «золотое яйцо»?

— Да хотя бы шукинское «летающее блюдо». Слышал о таком конструкторе? Он изобрел принципиально новый летательный аппарат, намного более экономичный, грузоподъемный и безопасный, чем существующие лайнеры. Нам удалось найти фирму, согласную запустить идею в производство. А как тебе удобрение из медленно растворяющегося стекла?

— Будет тебе!

— Я не шучу, Витя. Такое «стеклянное» удобрение способно несколько лет подпитывать почву и не смывается в реки. И подобных изобретений множество, только вот заинтересовать чиновников — великая проблема! Знаешь, какая самая страшная болезнь нашего российского чиновничества?

— Мздоимство?

— Идиотизм! Никто из чиновников, в том числе и в высших эшелонах власти, не понимает, что только мы сами, вложив деньги в перспективные направления науки и техники, можем выйти на передовые позиции в мире.

— А может быть, это не непонимание, а целенаправленный процесс?

Олег Борисович с удивлением посмотрел на Виктора Михайловича, облизал ложку.

— Под таким углом я эту проблему не рассматривал. У нас на Руси все возможно. Плохо только, что мы как встали на кривые рельсы ошибочного пути, так и катим вперед к пропасти.

— Ну, на ошибочный путь развития Россия вступила еще при Петре I. Он настолько деформировал естественный ход развития Руси, что она так и не смогла его выправить. Западная мешанская культура, а тем более американская — тупик человеческой цивилизации. Путь потребительского общества заканчивается либо экологической катастрофой, либо глобальной войной, либо вырождением, превращением человечества в стадо. Но ты прав, конечно, чиновничья рать усугубляет ситуацию в стране. Я иногда задумываюсь над этим, и мне становится страшно: где выход? Нет выхода!

— Один мудрец сказал: «Безвыходных положений нет. Но есть положения, в которые нет входа».

Виктор Михайлович улыбнулся.

— Демагогия.

— Философия!

— Хрен редьки не слаще.

Они посмотрели друг на друга и засмеялись. Потом Олег Борисович погрузился.

— Я часто встречаюсь с высшими сановниками, разрешающими ту или иную деятельность, и после очередного отказа спрашиваю каждого: бываете ли вы когда-нибудь недовольны собой? Мелькает ли у вас хотя бы тень сомнения в своей непогрешимости? Возникает ли чувство вины, когда выясняется, что вы нанесли вред государству или конкретному человеку?

— Ну и?..

— Смотрят на меня белыми глазами, как на дурака, и улыбаются самодовольно. И чем выше пост, тем шире улыбка, тем увереннее и откормленнее выглядит чиновник. Недавно встречался в академии с одним мэтром от науки: седой, породистый, чванливый, вальяжный, не говорит, а вещает. Мне всего-то и нужно было его благословение на эксперимент с торсионным генератором, разработанным молодыми физиками в Томске, — не дал!

— А разве торсионные поля не афера? Я слышал, что это лженаука.

— В том-то и загвоздка, что о лженауке говорят именно те, кто должен заниматься наукой, а не защитой своих академических кресел, отвоеванного места под солнцем. Стоит какому-нибудь самородку, гениальному изобретателю или ученому, занятому поиском альтернативных научных направлений, сделать открытие, как сразу на него начинается атака с воєм: это лженаука, это антинаучно, существует укоренившаяся парадигма, эти опыты опасны для общества, и так далее, и тому подобное! А потом изобретение или открытие всплывает где-нибудь в Америке! Понимаешь?

— Понимаю, — кивнул Виктор Михайлович. — Старое всегда боролось с новым и ненавидело тех, кто затрагивает основы благополучного существования апологетов. Все это, конечно, грустно. Давай выпьем за то, чтобы ситуация в корне изменилась и Россия освободилась от всех насилующих ее структур.

— Отличный тост! — одобрил Олег Борисович, наполняя рюмки «Старокиевской». — Будем!

Они выпили, закусили. Заговорили на более мирные темы, вспоминая товарищей по учебе, преподавателей, смешные случаи из прежней советской жизни. Опомнились, когда уже до вылета самолета Петрачкова осталось всего около двух часов.

— Все, я помчался, — с трудом встал посоловевший Олег Борисович. — Мне опаздывать нельзя, все рассчитано, инвесторы ждут.

— Я тебя провожу.

— Не надо, меня машина ждет с мигалкой, быстро домчусь до аэропорта.

Они вышли из гостиницы, подошли к черной «Волге» с флажком на капоте и мигалкой на кабине.

— Хорошо живешь, — покачал головой Курыло.

— Зам министра по экономике одолжил, — ухмыльнулся Петрачков. — Он с нами в доле, понимающий мужик, так что не все еще потеряно. Рад был повидаться, Витя. Будешь в наших краях, на Урале, заходи в гости.

— Нет уж, лучше вы к нам, — улыбнулся Виктор Михайлович, вспоминая добрый старый фильм.

Они обнялись, Олег Борисович сел в машину, и «Волга»

помчалась прочь от гостиницы, включила мигалку. Проводив ее взглядом, Виктор Михайлович задумчиво направился по пандусу вниз, к стоянке, где его ждала директорская машина.

Давно стемнело, зажглись фонари, хотя сам пандус был освещен плохо. Поток машин по эстакаде напротив гостиницы уменьшился, стало тише. Прохожих возле гостиницы было мало, лишь изредка подъезжали иномарки, высаживая пассажиров. Одна из таких иномарок остановилась вдруг возле Курыло, распахнулись дверцы, из салона выскочили двое парней в черном, с дубинками в руках, бросились к Виктору Михайловичу. Первый ткнул в него концом дубинки, оказавшейся электрошокером, второй подхватил директора ВВЦ, потерявшего сознание, под руки и поволок к «Мерседесу».

И в этот момент на пандусе, ведущем к центральному входу в гостиницу, появилась еще одна машина, осветила «Мерседес» и парней, волокущих Виктора Михайловича. Среагировали они мгновенно: один ударил директора ножом в спину, второй еще раз ткнул ему в затылок дубинкой-электрошокером, затем оба выпустили обмякшее тело Виктора Михайловича из рук и метнулись к «Мерседесу». Стукнули дверцы. Черный автомобиль рванул с места и на крутом вираже съехал с пандуса к эстакаде, влился в поток машин.

Испугавшая бандитов зеленая «Тойота» остановилась возле лежащего ничком гендиректора ВВЦ, из нее выбрались две женщины, осмотрели Виктора Михайловича, и одна из них поднесла к уху мобильный телефон.

«Скорая» приехала через двадцать минут. К этому времени Курыло был еще жив.

* * *

Антон смотрел вечерние новости по ТВЦ, когда в дверь позвонили.

Сработала сторожевая система, учувшая опасность.

— Я открою, — выглянула из кухни Валерия.

— Я сам. — Антон встал, запахнул халат, подошел к двери и заглянул в «глазок».

На лестничной площадке стояли милиционер в форме и субтильного вида пожилой мужчина в сером костюме, с морщинистым, угрюмоватым лицом, на котором выделялся узкий, прямой, словно прорезанный ножом рот.

— Кто? — спросил Антон, делая знак жене уйти в спальню.

— Откройте, милиция, — бляющим голосом проговорил милиционер.

— По какому вопросу?

— Не усугубляйте положение, гражданин Громов, — глухим басом сказал узкогубый. — У нас к вам есть дело.

— У кого это — у нас? Покажите документы.

Узкогубый достал малиновую книжечку с тисненным золотом двуглавым орлом и надписью: МВД России.

— Майор Шулепов, ОМСН МУР.

— А в чем дело, не объясните?

— Откройте, объясним. Сразу предупреждаю: сопротивление бесполезно, дом окружен. В случае осложнений буду вынужден применить оружие.

Антон хмыкнул, оглянувшись на встревоженно выглядывавшую из спальни Валерию:

— Звони Илье, а он пусть позвонит Ратникову. Что-то непонятное происходит.

Он отодвинул задвижку, повернул ключ и открыл дверь.

Тотчас же в прихожую ворвались два спецназовца в камуфляже и в маск-шапочках, навели на Антона пистолеты-пулеметы.

— Руки за голову! Не двигаться!

Антон хладнокровно повиновался, сцепил руки на затылке.

В квартиру вошел мужчина в костюме без галстука, представившийся майором Шулеповым, за ним бочком протиснулся лейтенант милиции.

— В чем все-таки дело? — осведомился Антон ледяным тоном.

— Обыскать квартиру, — бросил майор за спину, глянул на хозяина. — Гражданин Громов, вы обвиняетесь в убийстве генерального директора ВВЦ Виктора Михайловича Курыло. Сами признаетесь, как вы это сделали, или поедем на Петровку?

— Чушь! — выдохнул изумленный Антон. — Виктора Михайловича убили?! Когда?! Где?!

— Полтора часа назад, у гостиницы «Космос». Он в реанимации, но надежд мало. Свидетели видели, как вы селись в «Мерседес» без номеров и уехали.

— Бред! Полтора часа назад я был дома. Господи, не верю! С ним же должен был находиться Николай...

Спецназовцы и милиционер начали обыскивать квартиру, вытолкнули из спальни Валерию.

— Звонила кому-то, — сказал парень в маске, держа отобранный у Валерии телефон.

— Не трогайте меня! — возмущенно дернула плечом Валерия. — Не имеете права! — Она попыталась освободиться, но не смогла.

— Отпусти ее, герой, — внятно произнес Антон. — Она никуда не убежит.

— Кому вы звонили? — не обратил на его реплику внимания майор Шулепов.

Лицо Валерии исказилось от боли — с такой силой сжал ее локоть спецназовец.

— Отпусти, мне больно!

В то же мгновение Антон исчез из поля зрения бойцов группы и возник рядом с женой, ударил торцом ладони в подбородок спецназовца, выхватил у него оружие, загородил собой жену, повернул спецназовца лицом к его опешившим от неожиданности коллегам, сдвинул горло, прижал ствол пистолета-пулемета к виску.

— Одно движение — стреляю!

В квартире прекратилось движение. Наступила тишина.

Бойцы ОМСН переглянулись в нерешительности, посмотрели на командира. Тот некоторое время раздумывал, что делать, поднял руку.

— Хорошо, хорошо, успокойтесь, гражданин Громов, мои парни переусердствовали. Но и вы не перегибайте палку, я ведь могу доставить в Управление и труп. Вы начали сопротивляться — я ответил, вот и все объяснение. Так что совесть моя будет чиста, я выполнял приказ.

— Чей?

— А это уже не ваше дело. Ну, будем т а н ц е в а т ь, или ты отпустишь его?

Антон покосился на дрожащую Валерию, подумал.

— Во-первых, я ни в чем не виноват и готов доказать это. Виктора Михайловича Курыло я, естественно, не убивал. Во-вторых, попрошу не трогать мою жену, иначе я вас здесь всех у л о ж у, несмотря на все ваше вооружение. В-третьих, звонила моя жена знакомому в ФСБ, который тоже подтвердит, что я был дома, а не у гостиницы «Космос». В-четвертых, вы не показали санкцию на арест, майор.

— Мне санкция не нужна, — бледно усмехнулся командир группы ОМСН. — По особо опасным мы работаем оперативно. Ладно, вы меня уговорили, грубить мои парни больше не будут.

Антон отпустил бойца, вернул ему пистолет-пулемет.

Ожившие спецназовцы окружили его, навели свои «кедры», но близко подходить не стали. Зауважали.

— У него пистолет, — вышел из спальни лейтенант милиции, держа двумя пальцами за ствол штатный «барс» Громова.

— Я сотрудник частного охранного агентства, — сказал Антон, — и имею право на ношение оружия. Документы в тумбе стола.

— Все, закончили, — махнул рукой майор. — Гражданин Громов, одевайтесь, пойдете с нами.

— Может, подождем моего приятеля и разберемся?

— В Управлении будем разбираться. Мне приказано доставить вас на Петровку, остальное — не мое дело.

Антон обнял жену, шепнул: не переживай, все выяснится, жди, — и пошел переодеваться. Через несколько минут его вывели во двор и затолкали в отечественный минивэн с синими номерами и мигалкой на крыше, имеющий исторически оправданное название «воронок».

Глава 21

ОСТОРОЖНО: МИНЫ!

Илья приехал к Громовым спустя полчаса после того, как спецназ ОМСН увез Антона. Выслушав сбивчивую, взволнованную речь расстроенной, с трудом сдерживающей слезы Валерии, он хотел было сразу ехать на Петровку, но вовремя одумался и позвонил Ратникову.

— Уже еду, — отозвался капитан. — Не вздумайте без меня разворачивать какую-нибудь силовую акцию по освобождению вашего друга. Вместе покумекаем, как это сделать умно и тонко.

— Золотые слова, — усмехнулся Илья. — Риск ради риска — удел любителей.

Разговор закончился. Илья кругами зашагал по гостиной Громовых, взял из рук Валерии чашку кофе, кивком поблагодарил.

— Ничего не понимаю, — проговорила женщина, зябко кутаясь в платок. — За что его забрали? Он же телохранитель Курыло, сам его защищал.

— Это-то как раз понятно, — отмахнулся Илья. — Система страховки и защиты Морока работает расторопно и пытается нейтрализовать нас любыми путями. Захват Антона — очередная попытка остановить нас. Конечно же, все выяснится, и его отпустят, я ни капли не сомневаюсь, но на это уйдет время, что немаловажно.

— Все равно это глупо...

— Не так уж и глупо. Обычная тактика холоуев Морока, использующая методы смещения правды и лжи. Главное — обвинить, навесить ярлык, измазать грязью, пусть потом человек отмывается, оправдывается, доказывает, что он не слон. Это же самое простое — обмануть, подсунуть дезинформацию, предать, — и человек по уши в дерьме.

— Ненавижу ложь и обман!

— Я тоже, — вздохнул Илья. — Гораздо легче бороться с физически проявленным противником, чем с обманом. Но самое противное, что обман распространяется через людей власти, которые чаще всего становятся добровольными марионетками Морока.

— Значит, их надо убирать, снимать со своих постов!

Илья слабо улыбнулся.

— Убирать властных ублюдков надо с оглядкой. На их места, как правило, приходят полные отморозки. Иногда лучше держать чиновника наверху, зная его слабые стороны и контролируя деятельность, нежели снимать его с должности. Нужны новые методы нейтрализации негодяев.

— Какие?

— К примеру, предупредили такого: будешь продолжать в том же духе — потеряешь здоровье. Он не внял, на всех наплевал, достиг власти, денег, приобрел дачу, машину, гарем — и потерял, скажем, мужскую потенцию.

Валерия невольно засмеялась, но тут же согнала улыбку с лица.

— Это жестоко.

— Это справедливо!

Зазвонил дверной звонок. Валерия открыла дверь.

Вошел Ратников в безрукавке, надетой на джинсовую летнюю рубашку. Прижал к губам платок, кашлянул.

— Что тут у вас стряслось?

— Антона взяли по подозрению в убийстве гендиректора ВВЦ. — Илья кивнул на Валерию. — Она была свидетелем.

Ратников перевел взгляд на Валерию, снова кашлянул. Извинился. Женщина коротко рассказала ему о визите подразделения ОМСН.

— М-да, это не случайно, — заметил капитан, выслушав рассказ. — Мой бывший начальник часто поговаривал: не усматривай злого умысла в том, что можно объяснить глупостью. Но здесь обратный случай.

— Явно злой умысел, — подтвердил Илья. — Надо выручать парня, и чем быстрее, тем лучше.

— Сейчас его все равно никто не выпустит, в двенадцать часов ночи. Все увещанное начальство спит. Завтра утром — самое раннее.

— Я могу позвонить своему приятелю, полковнику Михайлову из ФАПСИ. У него большие связи.

Ратников задумался.

— Возможно, это поможет. Но я попробую позвонить Приймаку.

— Кто это?

— Мой непосредственный босс, генерал-майор, начальник Управления. Во-первых, он мне доверяет, во-вторых, умен и хитер, в-третьих, одного его звонка будет достаточно.

Илья с сомнением почесал кончик носа.

— Как ты ему объяснишь, кто такой Громов и почему его надо вытаскивать из КПЗ?

— Ничего, постараюсь объяснить. — Ратников кашлянул, виновато дернул щекой, достал коричневую таблетку фарингосепта, бросил в рот. — Прошу прощения.

— Заболел, что ли?

— Простудился где-то, ума не приложу, где. Простужаешься быстро, а кашляешь потом долго.

— Могу полечить.

Ратников взял трубку телефона, отмахнулся.

— Само пройдет. — Набрал номер, с минуту ждал соединения. — Товарищ генерал, это Ратников. Прошу извинить за столь поздний звонок. Не разбудил? Произошло ЧП... Нет-нет, все живы и здоровы, слава богу! Я по другому поводу. Милиция замела объект, который я как раз разрабатываю по нашему основному делу, а он мне нужен на свободе для проведения следственных экспериментов. Фамилия Громов, Антон... э-э...

— Андреевич, — подсказала Валерия.

— Андреевич, сотрудник БОКСа, частного охранного бюро, бывший инструктор ГРУ.

Ратников помолчал, выслушивая ответ генерала, прижал к трубке ладонь.

— Сколько ему лет?

— Тридцать шесть.

— Ему тридцать шесть, Валерий Павлович. Последние несколько дней он охранял генерального директора ВВЦ Курыло. Да... да... нет... естественно... А обвинили его в попытке убийства этого самого директора... Конечно, фигня! В момент нападения на Курыло Громов находился дома, с женой, мои люди наблюдают за ним... Нет, сегодня не его очередь сопровождать гендиректора... Конечно, я в курсе... Хорошо... да, отвечаю!

Ратников помолчал еще немного и положил трубку.

— Он позвонит прямо сейчас, но не уверен, что Антона отпустят. Скорее всего придется ждать до утра.

— Подождем, лишь бы отпустили, — тихо, с дрожью в голосе, сказала Валерия.

— Не переживай, ложись спать, — посоветовал ей Илья. — Все будет в порядке. Не возражаешь, если я останусь у тебя до утра?

— Буду только рада.

— А я поеду к себе, — сказал Ратников. — Прополоскаю глотало настоем шалфея и лягу спать.

— Давай я посмотрю твоё горло, — еще раз предложил Пашин.

Терентий неуверенно посмотрел на Валерию. Та кивнула.

— Илья прогреет вам горло, и к утру простуда пройдет.

— Не очень-то я верю в эти дедовские заморочки, но ведь хуже не будет?

— Открой рот, — сказал Илья. — Скажи «а».

— А-а-а-а... — протянул Ратников.

— Горло красное, самое начало ангины. Где тебя только угораздило простыть летом, капитан? Пиво холодное пил? Или молоко?

— Ни то, ни другое.

— Все, закрой глаза и помолчи. Думай о приятном.

Илья потер ладонь о ладонь, левую приблизил к горлу Терентия, правую к затылку. Сосредоточился. Глаза его стали глубокими и светлыми.

Прошла минута.

— Тепло... — шевельнул губами Ратников. — Щекотно...

Прошла еще минута и еще. Затем Илья отнял ладони, потряхнул кистями, словно сбрасывая на пол негативную информацию.

— Все, можешь ехать домой. Как ощущения?

Ратников прислушался к себе, попробовал глотнуть, боли не почувствовал и с удивлением посмотрел на Пашина.

— Не болит, ешкин кот!.. И кашлять не хочется... Ты случайно не волхв, Илья Константинович?

— Он Витязь, — серьезно проговорила Валерия.

Илья покачал головой, но развивать тему не стал.

— Позвони утром, если что выяснишь.

— Будет исполнено, товарищ Витязь!

— И попробуй разобраться, кто все-таки напал на гендиректора ВВЦ.

— Постараюсь.

Ратников козырнул и вышел, все еще сомневаясь, что болезнь его излечена. Но Илья знал, что наутро он о ней и не вспомнит.

— Ложись спать.

— А ты?

— Я посижу за компом, поброжу по Интернету. лягу через полчаса. Свари кофе, если не трудно.

— Черный, со сливками?

— Со сливками.

Валерия удалилась на кухню и вскоре принесла чашку с дымящимся напитком и два небольших кусочка копченого сыра. Она хорошо знала вкусы друга семьи.

Илья зашел в Интернет, увлекся, обнаружил отличную карту Псковской губернии и больше часа изучал ее, намечая маршрут будущих поисков храма Морока. Спать он лег только в два часа ночи, а проснулся в половине седьмого. Тихо направился в туалетную комнату и увидел сидевшую в гостиной с книгой в руке Валерию.

— Ты что же, так и не легла?

— Покемарила в кресле, — виновато ответила женщина, имевшая утомленный вид. — Не могу я спать, пока он там...

— Тогда готовь завтрак. Я думаю, скоро позвонит Терентий.

Валерия потянулась, выгибая грудь, застеснялась под взглядом Ильи и побежала на кухню.

В начале восьмого они завтракали вдвоем: салат из свежих овощей, омлет, кофе с тостами. А без пяти минут восемь заявился Антон, подтянутый, свежий, спокойный, будто он не просидел ночь в камере, а проспал ее на природе, в лесу. Они обнялись с Валерией, и Пашин с тоскливой завистью отвернулся, вспоминая улыбку и объятия Владиславы.

* * *

Из Москвы выехали на машине Пашина в два часа дня.

Валерия долго не соглашалась отпустить мужа без нее, но в конце концов дала себя уговорить — не без помощи Ратникова, пообещавшего присмотреть за женой Громова, и она осталась дома.

Терентий и сам порывался поехать с друзьями на Псковщину искать храм Морока, искренне увлеченный новой для него сферой применения профессиональных навыков, однако не стал спорить с Ильей, согласившись, что экспедиция может затянуться, а гарантий ее благополучного завершения нет. Да и Пашину с Громовым нужен был свой человек в Москве, знающий все обстоятельства дела и способный прийти им на выручку в нужный момент.

Экипировки особой не потребовалось.

Илья взял два камуфляж-комбинезона — для себя и Антона, болотные сапоги, карабин, запас белья и продукты. Поклада Антона и вовсе уместилась в небольшой сумке. Из оружия у него были наборы метательных пластин и нож, а также табельное оружие — пистолет «барс» с двумя обоймами патронов.

Естественно, пришлось перед отъездом сходить на поклон к начальнику БОКСа, докладывать о нападении на Курыло, спасти от наказания Николая, оставившего Виктора Михайловича вечером без защиты, и отпрашиваться на несколько дней «по личным обстоятельствам». Юрий Петрович Горячко был руководителем жестким, требовательным, однако справедливым, поэтому разобрался в ситуации быстро. К тому же генеральный директор ВВЦ все-таки остался жив, несмотря на электрошоковое потрясение и ножевую рану. Состояние его было тяжелым, но «стабильным», как утверждали медики. То есть, по их уверениям, Курыло должен был выжить.

Правда, спасти от наказания Николая это обстоятельство не могло. Он должен был охранять объект, несмотря ни на какие указания подопечного.

— Что за «личные обстоятельства», можешь сказать? — хмуро спросил Горячко Антона.

— Пока не могу, — ответил Антон, настроенный в случае отказа положить на стол начальника удостоверение сотрудника БОКСа. — Но это очень важно для меня.

Юрий Петрович окинул его подозрительным взглядом, наткнулся на ответный твердый взгляд подчиненного и буркнул:

— Надеюсь, ни в какое противозаконное дерьмо ты не вляпаешься. Чтоб тридцатого был на работе. Недели хватит?

— Должно хватить, — с облегчением сказал Антон.

— Тогда иди.

— Не наказывайте строго Николая, просто опыта у парня маловато.

— Разберусь как-нибудь.

На этом аудиенция у начальника закончилась. Теперь Антон был более или менее свободен и мог отправляться хоть к черту на кулички. Однако поехали они в другом направлении, хотя смысл фразы «к черту на кулички» вполне соответствовал цели пути.

Ратников предлагал им оружие и спецтехнику для похода, но Илья согласился взять только бинокль, арминг — компьютеризированный прибор для ориентации на местности, рацию и приборы ночного видения.

— Мы идем не воевать, а на разведку, — заявил он, будучи не совсем уверенным в правоте своих слов. — В случае нужды свяжемся и обрисуем ситуацию.

— Я буду готов, — пообещал капитан. — Поскольку в мою задачу входит обнаружение и пресечение деятельности преступной группы, ворующей девочек, кто бы ни руководил этой группой — торговец людьми, депутат, чиновник, колдун или сам Бог Морок, — он должен быть задержан! Поэтому я полностью на вашей стороне. В случае необходимости мои орлы вылетят к вам по пеленгу на вертолете с базы в Гаврилкове в любое время суток.

На том и порешили.

Антон попрощался с женой, пытавшейся бодриться и выглядеть уверенной, друзья сели в «Хонду» и выехали со двора.

Без четверти три они были уже за МКАД.

Дальнейший путь их пролегал через Вышний Волочек, Валдай, Старую Руссу и Порхов. В Псков решили не заезжать. По словам Безыменя, он сбежал от конвоиров в районе деревни Дилова Гора, а это был северо-восточный район Псковской губернии, и туда можно было ехать напрямую, через Карамышево и Торошино.

Вся дорога до Торошина заняла у путешественников шесть часов с хвостиком. Без двадцати минут девять они миновали окраины Торошина и направились к деревне Крипецкое, от которой до озера Большого было всего ничего — километр с небольшим по прямой. Где-то там, рядом с озером Большим, и располагалось озерцо, на берегу которого, опять же по словам Безыменя, стоял хорошо замаскированный храм Морока.

В Крипецкое решили не въезжать, чтобы не спугнуть наблюдателей, наверняка оценивающих гостей деревни и докладывающих своим хозяевам о появлении подозрительных лиц. Загнали машину с дороги в чащу леса, выключили мотор и с минуту прислушивались к тишине природы, уставшие от долгой гонки и качки. Потом Илья помял лицо ладонями и проговорил невнятно:

— Не понимаю...

Антон промолчал, ожидая продолжения.

— Не понимаю, — повторил Пашин. — Нас никто ни разу не остановил. Даже БАЗа не сработала. Тебе это не кажется странным?

— Кажется, — кивнул Громов. — Храм должен иметь несколько линий охраны, а нас пропустили свободно.

— Это я и хотел сказать. Хотя возможно другое объяснение: сторожевая система храма настроена только на сопровождение подозрительных объектов, разумеется, до каких-то пределов. Стоит нам переступить границу, как начнется атака. Но, может быть, хха не хотят включать активную сферу защиты? Ведь тогда мы сразу поймем, что храм стоит здесь. А так — тишь да гладь да божья благодать. Никакой реакции. И нет здесь ничего.

— Резонно, — согласился Антон после недолгих размышлений. — Едем дальше?

— Нет, дальше мы все-таки пойдем пешком. Если храм стоит в этом районе, нас рано или поздно засекут, не здесь, так у кольца активной защиты, а если его здесь нет, мы спокойно доберемся до озера еще к ночи.

Они переоделись в камуфляж-комбинезоны, укрепили на поясах и рассовали по карманам оружие, боеприпасы, рацию и мобильный телефон, арминг, инфраоптику и аптечку. Попрыгали на месте, проверяя, не звенит ли амуниция. Закидали машину ветками и валежником, чтобы ее нельзя было увидеть сквозь заросли. Посмотрели друг на друга.

— Спецназ выходит на тропу войны, — улыбнулся Антон. — Пленных не брать, убийц не жалеть.

Илья остался серьезным.

— Когда-то в детстве я читал романы Генрика Сенкевича и на всю жизнь запомнил его афористическое суждение: «Смертью никто не волен распоряжаться, но если кто-нибудь станет угрожать твоей Отчизне, жизни твоей матери, сестры или женщины, которую тебе отдали на попечение, то стреляй тому в лоб, не рассуждая, и не мучайся из-за этого никакими угрызениями совести».

Антон перестал улыбаться, помолчал.

— Это справедливо.

— Пошли, — сказал Пашин будничным тоном и бесшумно канул в заросли ольхи, осины и березы, направляясь в обход болотца, на север, в сторону озера Большого.

Антон так же бесшумно двинулся за ним.

Стемнело, когда они обошли деревню Крипецкое стороной и вышли на край болотистой низины, за которой, если верить карте, начиналось озеро Большое. Идти дальше не хотелось. Обоим разведчикам было не по себе. Казалось, на них отовсюду смотрят внимательные недобрые глаза.

Остановились на минуту, чтобы отдышаться. Оба привыкли к темноте, да и владели «кошачьим» зрением, поэтому в приборах ночного видения пока не нуждались. Тем не менее Антон нацепил инфраочки и огляделся, пытаясь обнаружить возможных наблюдателей по тепловому излучению тел.

— Никого? — негромко спросил Илья.

— Никого, — покачал головой Антон, снимая очки, — даже птиц не видно. А впечатление такое, будто нас разглядывают в бинокли нехорошие дяди.

— Очевидно, заработала БАЗа. Все-таки что-то здесь прячется неподалеку, замаскированное лесом и болотом.

— У тебя есть цата, посоветуйся с ней.

— А вот цата почему-то молчит.

— Странно. Талисман должен предупреждать об опасности.

Что-то хрустнуло в холодеющем воздухе, будто сломался сухой сучок сосны. Ощущение стороннего взгляда усилилось.

Друзья автоматически стали спиной к спине, взяли за оружие, вглядываясь в темноту. Нацепили инфраоптические очки.

— Идет кто-то... — едва слышно предупредил Илья.

Антон повернул голову и среди серо-зеленых полос и пятен увидел движущееся двойное оранжево-желтое пятно. Оно то замирало на месте, то продолжало перемещаться мимо замерших разведчиков куда-то на запад, в обход озера.

— Нежить? — шепнул Антон. — Леший или его родственник?

— Нет, человек, — возразил Илья. — Лешего в инфраоптику мы бы не увидели. Пошли, перехватим.

Они направились наперерез неизвестному человеку, выбравшему для прогулки не самое лучшее время и не самую удобную местность. Перешли на быстрый скользящий шаг и вскоре наткнулись на невысокий пологий холмик, поросший сосняком. Незнакомец вышел прямо на них и остановился, освещенный фонарем Ильи. Дернулся было назад, наткнулся на Антона, тихо вскрикнул. Это была молодая женщина в монашеском одеянии, с черным платком на голове. и шла она по тропинке, петлявшей между деревьями и топкими болотистыми низинками.

— Кто вы?! Что вам надо?! — испуганно заговорила она, крестясь.

— Монашка, — удивился Антон.

— Не бойтесь, матушка, — приблизился Илья, — ничего плохого мы вам не сделаем. Путешественники мы, ищем тут один монашеский скит. Нам сказали, что стоит он на берегу небольшого озерца. Не знаете, где это, в какой стороне?

— Не знаю, — замотала головой монашка, загрозявая ладонью от света фонаря. Илья опустил луч на землю. — Нет здесь никаких скитов, только церковь Николая Угодника стоит в версте отсюда, я туда иду из Сабижей.

— А почему так поздно? Полночь уже. Не страшно в темноте одной? Вдруг волки нападут?

— Чего ж страшного? — простодушно удивилась женщина. — Волков у нас отродясь не было. Змей много, это верно, но я слово знаю, они меня не трогают.

— А лихие люди встретятся?

— Да тут окрест мужиков давно нет, — обрела уверенность монашка. — В деревнях одни старики да бабы остались, молодежь в города подалась. А скита здесь нет, неправду вам сказали.

— Что ж, все может быть. Вы подскажите нам хотя бы, как к тому озерцу подойти, которое рядом с Большим находится.

— Кривое, что ли? Или Шарицкое?

Илья достал арминг, включил, ногтем указал голубую точку на засветившейся на экране карте.

— Вот, видите?

Женщина сдвинула платок на затылок, с любопытством глянула на экранчик прибора.

— Какой маленький телевизор...

— Это не телевизор. Вот озеро Большое, а рядом...

— Так это Лихов Колодец посреди болота, к нему и подойти нельзя, топи кругом, хлябь, тростник. Этим летом сухо, дождей мало, может, и подберетесь. Только все равно никакого скита там нету.

— Спасибо, матушка. Вот посоветуемся с друзьями, да и не полезем туда. Всего вам доброго.

— И вам того же. — Монашка перекрестилась и зашагала по тропинке дальше, оглядываясь, пока не скрылась за деревьями.

Друзья подождали немного, глядя ей вслед, потом Илья спохватился, выключил фонарь, надвинул инфраочки, поворачивал головой туда-сюда и тихо выругался.

Антон поспешно натянул свой инфравизор, но ничего не увидел. Монашка словно под землю провалилась, хотя должна была быть еще видимой, успев отойти от места встречи всего метров на сто.

— Ты думаешь?..

— Ничего я не думаю. Эта встреча не случайна. Началась игра. Хха знают, что мы недалеко от озера и храма, и подстраховываются, подсовывая нам дезу.

— Но она же... монашка... живая...

— Колдуну храма ничего не стоит сделать нагуаль — видеопризрак.

— Но ведь мы видели ее через инфраоптику как тепловое пятно.

Илья задумался, махнул рукой.

— Черт его знает, может, это была настоящая монашка, а я просто нервничаю. Не догонять же ее... Итак, недалеко от-

сюда есть болотное озеро Лихов Колодец. Проверим, что это такое в натуре?

— Ничего другого нам не остается. Похоже, если храм и спрятан здесь, то, кроме как на берегу этого Лихова Колодца, ему и стоять негде. Не провалиться бы в трясину. Я думаю вот о чем: к любому скиту, монастырю или храму должна быть проложена дорога. Поищем?

— К храму на Ильмене никакой дороги не было.

— Там она была не нужна, служители и жрицы добирались до своей обители водным путем, на лодках. А это озеро торчит среди болот, к нему на лодке не подплывешь, нужны гати, тропы, мосты.

Илья снова задумался. Свернул арминг, упрятал в клапан-карман на боку комбинезона.

— Сделаем кружок вокруг озера и посмотрим.

Они снова двинулись в путь, зорко всматриваясь в лесные дебри, вслушиваясь в звуки ночной жизни местной природы и обходя болотистые поляны. Ориентировались по звездам, выходя на открытые участки. Перешли на состояние «биорезонанса» с окружающей средой, ощущая лес и болото как единую живую систему, отвечающую на их мысли и желания. Именно поэтому они не заблудились и ни разу не попали в бочажину или скрытую травами трясину.

Озеро Большое, ощущаемое током прохлады и покоя, осталось в стороне. Разведчики нашли тропку, ведущую в нужную сторону, и вскоре выбрались на край болота с редкими деревцами и кочками, с густой щетиной осоки и камыша. Направились в обход болота и тут же наткнулись на ров со стоячей гнилой водой, скрытый кустарником и тростником, забитый упавшими и сгнившими стволами осин.

— Пошли назад, обойдем с другой стороны, — предложил Антон.

— Подожди, — остановил его Илья.

Он долго всматривался в кустарник, прислушиваясь к чему-то, хмыкнул, достал цату.

— Тьма, р а с с е й с я!

По кустарнику словно шарахнула невидимая молния, прошумело, где-то недалеко взвыл какой-то зверь. В недалеких деревьях залились лаем собаки.

Илья шагнул сквозь кусты, пропал в темноте.

— Ты чего? — приглушенно спросил Антон.

— Иди сюда, — позвал Пашин.

Антон продрался за ним сквозь колючие заросли крапивы и кустарника и оказался на самой настоящей лесной дороге! Прошипел сквозь зубы:

— Ни фиги себе! А ров куда подевался?

— Он маскировал дорогу. Это была наведенная галлюцинация, я снял заклинание.

— Значит, храм таки здесь? Безымень не обманул?

— Проверим.

Они зашагали по дороге, удвоив осторожность, ожидая появления скрытых ловушек или сторожей храма, и через несколько минут вышли на берег небольшого озера, окруженного со всех сторон кустарником, редкими осинами и огромными кочками. Дорога, утоптанная с виду многолетним хождением башмаков по ней, не доходила до берега метров на двадцать и исчезала, будто отрезанная ножом. А за ней виднелась белесая, как клуб пара, полупрозрачная фигура, похожая на гигантский гриб-сморчок.

— Что это? — едва слышно выговорил Антон, борясь с внезапно навалившейся дремотой.

— Болотняк, — так же тихо ответил Илья.

Глава 22

ЛОВУШКА

Это действительно был дух болота, поджидавший гостей в самом центре топи и попытавшийся их усыпить. Если бы разведчики прошагали по дороге еще с десятков метров, они неминуемо провалились бы в болото. Но их спасли цата, снявшая заклятие, и реакция Ильи.

— Сюда! — сдавленным голосом произнес он и прыгнул с дороги в кусты.

Антон тотчас же прыгнул за ним, не задумываясь, и в то же мгновение дорога, на которой они только что стояли, превратилась в ложбину жидкой пузырящейся грязи!

Кусты спружинили. Антон кубарем перекатился через голову, чувствительно приложился затылком о торчащий из влажного дерна ствол сломанной почти у основания ольхи, подхватился на ноги, сделал еще два прыжка и наткнулся на Илью.

— Жив?

— Кое-как... хряпнулся башкой о пенек... у меня теперь сотрясение кости...

— Тихо!

Антон замер, обращаясь в слух.

Там, откуда они сбежали, что-то происходило. Раздавались хлопающие звуки, чавканье, чмокание, всплески, будто по болоту мчалась толпа людей. И этот неприятный шум приближался.

— Бежим!

Они снова пустились наутек, полагаясь только на интуицию и счастливый случай. Илья достал цату, сжал ее в кулаке, взмолился: помоги!

Сзади Антона ухнуло, словно упало огромное дерево. В спину шибануло порывом холодного сырого ветра. Не оглядываясь, он продолжал мчаться вслед за Пашиным, понимая, что они попали на «минное поле» магии и что останавливаться нельзя. Ловушка была подготовлена на совесть и ждала именно их.

— Быстрее! — рывкнул Илья.

Антон перешел на темп, включил «третий глаз». Сразу стали видны колдобины, кочки, обломанные деревья, пни, валежины. Илья мчался чуть левее и быстрее, направляясь к появившемуся на горизонте (на горизонте сверхчувственного видения) взгорку. Антон поддал.

И в это время за спиной словно упала целая гора: весь участок болотистой местности вдруг разом просел на два метра, превращаясь в чашу жидкого торфяного месива. Из центра чаши ударили вверх струи пара. Людей окатила волна сероводорода и углекислого газа. Если бы не их умение задерживать дыхание и переходить на использование кислорода тканей, они задохнулись бы!

Но вот и пригорок.

Антон взбежал на пологий склон поднятия, полез по примеру Ильи на толстую ель, не обращая внимания на колючие иголки и острые сучки. Взобрался на сук потолще, торчащий в пяти метрах над землей, остановился. Сердце колотило в груди, как насос, требуя кислорода, легкие судорожно сокращались и вздрагивали, ожидая команды начать дышать, глаза застлала кровавая пелена, в ушах поплыл тоскливый звон...

— Можешь дышать, — донесся с соседней ели голос Ильи.

Антон открыл рот и сделал глоток воздуха, насыщенного сернистыми запахами, но уже не ядовитого. Волна углекислоты, окиси углерода и сероводорода растеклась по земле, ушла в ямы и колдобины, заполнила низины, начала рассеиваться.

Через несколько минут разведчики отдышались, слезли на землю, однако тут же были вынуждены забраться на деревья снова: на холмик со всех сторон ползли змеи!

Их было несметное количество! Казалось, сюда собрались змеи со всех болот Псковщины, и все они целенаправленно устремлялись к елям, на которые взобрались друзья, пытаясь даже следовать за ними.

— Герпетоатака... — процедил сквозь зубы Илья.

— Это мы уже проходили.

— Странно, почему она началась только сейчас, а не парой часов раньше, когда мы только-только подходили к озеру?

— Не пришлось бы отбивать и атаку зверей. Тогда придется стрелять, а патронов мало.

— Не каркай.

— У тебя же есть талисман, — вспомнил Антон, стряхивая с ветви шипящую тварь, пытавшуюся взобраться на ель.

— Не хотелось бы тратить энергию цаты на мелочи.

— Во-первых, это не мелочи. Укусит такая гадюка — мало не покажется. А во-вторых, у тебя есть змеиный перстень и крест-свастика, что мы нашли у Калошина. Не хочешь испытать?

Илья помолчал, также сбрасывая упорную гадину, ползущую по стволу ели, достал перстень, надел на средний палец и вытянул кулак с перстнем к шипящему змеиному войску.

— Убирайтесь прочь, твари!

Из черного камня на голове змейки перстня вырвалась тусклая зеленоватая молния. В темноте под елью вспыхнули отсветы в сотнях змеиних глаз. Погасли. Шипение внезапно стихло. А затем змеи стали расползаться, отступать, исчезать, словно потеряв интерес к людям. Через минуту земля под деревьями очистилась, болотом снова завладела ночная тишина. Лишь в стороне озера Лихов Колодец еще продолжала вздыхать образовавшаяся трясина, все реже и реже, да слабый ветерок приносил собачий брех из деревень по обе стороны озера Большое.

— А ты говоришь — павлины... — пробормотал Антон. — Оказывается, амулеты Черного Вея не только ему подчиняются.

— Это амулеты с и л ы, а она индифферентна к владельцу и подчиняется тому, кто знает приемы включения.

Антон вспомнил, что год назад во время схватки с командой Пелагеи он сам заставлял разряжаться посохи — излучатели с и л ы, которыми были вооружены хранители храма. Все зависело от воли человека и тех чувств, которые им владели.

— Слезаем?

— Наверное, уже можно.

Они спустились на землю, настороженно прислушиваясь к звукам ночной жизни леса и болота. Все было тихо. Разбуженный злым колдовством катаклизм закончился.

— Пошли назад?

— Подождем здесь до утра. Тронемся в путь, когда рассветет.

Антон вдруг ощутил, как ноют натруженные мышцы ног. Болели все суставы, дергало пальцы рук, изодранные о сучки и ветки, пульсировали болью ушибы и порезы, голова превратилась в тяжелую бетонную глыбу, которую с трудом удерживала шея. Это была реакция организма на стрессовый режим.

— Да, не мешало бы отдохнуть... но здесь неуютно, я не хотел бы оставаться в этом гнилом кармане.

Илья помолчал, продолжая сканировать местность внутренним зрением.

— Ладно, попробуем дойти до озера Большого. Думаю, зоонападений больше не будет.

— Почему?

— Это была спланированная магическая засада, а не войсковая операция с эшелонированной подстраховкой.

— Интересно, кто ее устроил? Не твой ли «доброжелатель» Хрис?

— Вряд ли, это не его уровень. Хотя, наверное, без его участия не обошлось. Безымень сбежал из храма, это ясно, только храм этот стоит не здесь.

— А где?

— Думаю, на прежнем месте.

— Почему же Безымень назвал деревню на Псковщине? Солгал?

— Все было заранее рассчитано. Он говорил правду. В том смысле, что ему действительно удалось сбежать от конвоиров

в этих местах. Но храма здесь нет. Нас просто завлекли сюда, чтобы ликвидировать без помех.

— Если не Хрис, то кто? Верховная жрица?

Илья долго не отвечал, вертя в пальцах змеиный перстень, с помощью которого удалось остановить змеиную атаку.

— Вероятнее всего, ловушку устроил Черный Вей. Верховная жрица храма отвечает за соблюдение ритуалов и связь с Мороком, защита храма не в ее компетенции.

— Тогда нам надо срочно возвращаться. Господин Калосин не остановится, особенно после нашего визита к нему, а возможности у него большие. Я боюсь за Леру.

Илья снова погрузился в молчание.

— Что замолчал? — не выдержал Антон.

— Мечтаю...

— О чем?

— Чтобы однажды проснуться, а вся мразь: киллеры, бандиты, террористы, подонки, завистники, предатели, обманщики, нищие духом, — исчезла! Как было бы здорово!

— Здорово, — согласился Антон со вздохом. — Но это избыточная мечта.

— Пошли к машине, — прежним трезвым голосом сказал Илья. — Ты прав, надо торопиться.

Они сориентировались на местности, включив арминг, и направились на юго-восток, в обход озера Большого, к деревне Крипецкое. Озеро Лихов Колодец и бездонная топь, образовавшаяся на его берегу в результате черного колдовства, остались позади. Однако идти в темноте по незнакомой болотистой местности было нелегко, и незадачливые искатели храма Морока потратили на обратный путь более четырех часов. К машине они вышли только в начале шестого утра, когда уже рассвело. Начали было сбрасывать с нее ветки и вдруг осознали, что куча веток стала как бы вдвое ниже. Переглянулись.

— Дьявол! — вполголоса выругался Илья.

Очистив верх машины, они устали на нее, не узнавая. Темно-зеленая «Хонда» Пашина по стеклу утонула в земле! Будто ушла в жидкую грязь! Хотя еще вечером, когда они укрывали ее, эта ложбинка была сухой и твердой.

— БАЗа... — пробормотал Антон.

— Нет, н а в е д а, — раздался неподалеку чей-то негромкий голос.

Илья и Антон схватились за оружие.

Из-за кустов выступил городского вида мужчина в замшевой зеленоватой куртке и серых брюках со стрелкой, в летних туфлях и кепке с длинным козырьком.

— Приветствую путешественников, — продолжал он сдержанно.

— Георгий! — глухо проговорил Илья. •

* * *

Машину Илья вытащить не удалось. Для этого потребовался бы экскаватор или джюжина землекопов с лопатами. Илья хотел было использовать для освобождения «Хонды» пату или волшебные талисманы Черного Вея, но Георгий отсоветовал.

— Не стоит тратить с и л у ради второстепенных деяний. Расходуящий ее направо и налево рискует получить адекватный ответ природы и потерять здоровье. К тому же любое сотрясение магических полей будет тотчас же зафиксировано следящими системами Морока. Пусть все пока думают, что вы погибли.

Илья задумался, оценивая совет, и согласился.

— Хорошая идея. Хотя машину жалко.

— Машин много, отыщите другую. До Пскова я вас подброшу на своей, а там уж сами до столицы доберетесь.

Разведчики достали сумки, переоделись, забрали из машины все вещи, какие смогли уместить в сумках, забросали «Хонду» ветками и сели в кабину серенькой отечественной «Лады» сто двенадцатой модели, которую Георгий спокойно оставил на окраине деревушки Сабижи.

— Рассказывайте, — сказал он, когда пассажиры разместились на заднем сиденье автомобиля.

Илья скупно, без подробностей, поведал Витязю историю похищения жены и похода к озеру Лихов Колодец в поисках храма Морока. Рассказ длился пять минут, и после него еще несколько минут длилось молчание. Потом Георгий окинул пассажиров сочувственным взглядом и сказал:

— Вам очень повезло, парни, что вы остались живы. Обычно русичам не хватает везения и прямых дорог к цели, вечно у них кривые стежки, окольные дорожки, ямы да канавы, да еще и заминированные при этом разного рода препятствиями и соблазнами. Мы всегда должны доказывать свое превосходство сразу, за явным преимуществом, чтобы ни

у кого не возникло сомнений в нашей силе и правоте. Примеров приводить не буду, их полно, что в жизни, что в спорте, что в других видах деятельности. Одна надежда на наш талант и упорный труд. Однако я советовал бы вам не надеяться на везение. Это может сыграть с вами злую шутку.

— Мы не надеялись на везение, — сухо проговорил Илья. — Мы надеялись на себя, на свои силы...

— И на Руку Бога, не так ли? — Георгий имел в виду цату, талисман Евстигнея.

Илья хотел было возразить, но только сцепил челюсти, понимая, что собеседник прав.

— Мы хотели вызволить Владиславу, — вступился за друга Антон. — Судя по всему, хха увезли ее в храм. Мы пытались найти его.

— Я не осуждаю вас, — качнул головой Георгий. — Владиславу надо спасать, как и остальных девушек. Но расчет ваш был неверен. Начинать поиски надо было не с этого.

— Мы начали...

— Подожди, — перебил Антона Илья. — Мы, конечно, обманулись, но я действительно не вижу другого пути.

— У вас есть вещи Всеволода Марьевича Калошина — уморь и магидат. Можно было попытаться предложить ему обмен: предметы с и л ы — на Владиславу.

— Еще не поздно.

— Боюсь, уже поздно. Он з а к а з а л вас и на переговоры не пойдет.

Некоторое время в кабине пылящей по грунтовым дорогам «Лады» было тихо. Проехали Торошино, в Патрове повернули направо, выехали на трассу Луга — Псков.

— Как вы нас нашли? — поинтересовался Антон. — Ведь наша встреча не случайна?

— Мне сообщили о вашем вояже слишком поздно, — сказал Георгий сожалеюще. — Поэтому я опоздал. Хотя дел не впроворот, и любое отвлечение чревато последствиями и нежелательно.

— Чем же вы занимаетесь, как Витязь? Какие важные проблемы решаете? И разве ликвидация гнезда Морока не является важной проблемой?

— Отвечаю не по порядку, — едва заметно усмехнулся Георгий. — Несомненно, ликвидация храма — очень важная задача. Но не приоритетная, как бы вам не обидно было это слышать. Есть более насущные и трудные задачи, входящие в

общую проблему нейтрализации сил Морока. Христианство боролось с язычеством, а по сути — с ведической религией десять веков, вобрав в себя многие верования и традиции нашего народа. Надо восстановить ведический образ жизни почти полностью, вернуть то, что мы потеряли, — мягкую, оберегающую русскую культуру. Лично я занимаюсь у с т р о е н и е м обретения веры, способной противостоять человеконенавистнической идеологии Морока.

— То есть созданием новой религии?

— Ни в коей мере. Моя область ответственности — р а д е н и е, или Ра-деяние, то есть духовное просветительство, обучение, воспитание у детей и взрослых веры в себя, в лучшее человека. Этот Путь требует терпения и душевных сил больше, чем любое другое деяние.

— Но вы занимаетесь и, так сказать, оперативной работой, помогаете нам, деретесь, воюете с силами зла...

— Только вынужденно. Нас мало, каждый настоящий человек на счету, и ошибаться нельзя. Вы же, к сожалению, еще не научились обходить кривые стежки и часто ошибаетесь.

— Понятно... — пробормотал Антон, переживая досаду и неудобное чувство вины. — А что такое н а в е д а?

— Наведенное магическое д е л а н и е. За вами следили слуги Черного Вея, указали место, и он навел заклинание.

— Вы это точно знаете или предполагаете?

— Предполагаю, — покосился на Громова водитель. — Но я редко ошибаюсь.

— Что вы посоветуете делать в связи с создавшимся положением? — заговорил Илья.

— Искать храм, — сказал Георгий. — Аэрофотосъемка и даже спутниковое сканирование показывают, что на берегу озера Нильского стоят лишь развалины какого-то сооружения. Храма там как будто нет. Но мы не уверены в этом до конца.

— Хорошо, мы проверим. К нам присоединился капитан ФСБ со своей группой, он нам поможет.

— Вы его хорошо знаете?

— Достаточно, чтобы доверять.

— Не ошибитесь. У Черного Вея в Федеральной службе безопасности полно своих людей.

— Он не из них, это абсолютно точно. Что еще?

— По всем нашим данным, Морок появится в храме в

конце июня — начале июля. К этому времени Лик Беса должен быть найден и обезврежен. Вы нашли володаря Евстигнея, попробуйте восстановить Руну Света.

— Откуда вы знаете?

Георгий дернул уголком губ.

— Информацией мы владеем не хуже своих врагов.

— Я пробовал — не получилось, — признался Илья.

— Знаю, вариантов креста пространства и времени много, но мы должны во что бы то ни стало успеть воссоздать Руну Света и вызвать Белобога.

— Как вы сказали? — медленно проговорил Илья. — Крест пространства и времени?

— Ну да, в символическом значении наш мир тоже представляет собой скользящий крест пространства-времени, и таких миров-перекрестков несметное количество. Или вы имели в виду нечто другое?

— Безымень, умирая, тоже упомянул о кресте! — вспомнил Антон.

— Да, он сказал: «Крест... руна... перекресток вре...» Теперь я понимаю, что он говорил о Руне Света, которую надо складывать крестом! Приедем домой, попытаюсь сложить крестовые комбинации.

— Запомните одно: внизу креста должна находиться так называемая «Руна защищенности» в виде стрелы, вверх — руна *ша*, «Руна выхода». Это я знаю точно, слышал от учителя.

— Спасибо, Витязь, это уже кое-что.

— И еще совет, — добавил Георгий, ведя машину с лениво-небрежной грацией профессионала. — Не пользуйтесь чужими магаидами.

— Чем-чем?

— Магическими талисманами. Последствия могут быть самыми печальными.

— Например? — поинтересовался Антон, вспомнив, как Илья отогнал змей с помощью перстня.

— Через них в вас может вселиться часть черной души владельца. Вы и не заметите, как поменяется ваше мировоззрение, изменится ценностная ориентация, ну и так далее.

— Я понял, — сухо сказал Илья. — Мне это не грозит.

Показались пригороды Пскова. Машина проехала Белый Мох, Любятово, свернула направо, к центру города, остановилась на Вокзальной площади, напротив автовокзала.

— Здесь я вас высажу, — сказал Георгий. — Доберетесь?

— Спасибо, без проблем. Как вас найти?

— Меня искать не надо, я сам вас найду при необходимости. Удачи вам, други.

Машина Георгия уехала, исчезла в ближайшем переулке.

— Мог бы и подбросить нас до Москвы, — проворчал Антон, ставя сумку на тротуар. — Ничего бы с ним не стало.

— Он и так потратил много времени, пытаюсь остановить нас и предупредить. Ничего, сядем на автобус и через пять часов будем в Москве.

— Дальнейшие наши планы?

— Посоветуемся с капитаном и предложим господину Калошину обмен: перстень и крест — на Владиславу.

— А если он откажется?

— Тогда будем искать другие пути, поедem на Ильмень. Храм, наверное, все-таки остался там, никуда не делся, просто его закрыли плотнее, чем раньше, и пустили слух, что он перебазировался на новое место.

Мимо медленно проехала черная «Мазда» с затемненными стеклами, остановилась неподалеку. Илья и Антон с одиноким подозрением посмотрели на нее. «Мазда» тут же отъехала, скрылась в потоке машин.

— Пошли.

Илья подхватил свою объемистую сумку и зашагал через площадь к зданию автовокзала. Антон молча двинулся за ним, чувствуя неуютное стеснение в груди, будто забыл нечто важное и никак не может вспомнить. Снова навалилась усталость. Все-таки они чудом остались в живых, наравшись на «минное поле» магии.

Глава 23

ВОЗЬМИТЕ, ЕСЛИ СМОЖЕТЕ

Этот вечер запомнился Ратникову на всю жизнь.

Из кинотеатра «Октябрьский», где он с Ирой смотрел новый мистический боевик «Исход зверя», они направились домой к Ратникову, и девушка вдруг заявила, что остается у него ночевать. Как громом пораженный, Терентий только хлопнул глазами и попытался сделать вид, что ничего особенного не происходит. Однако ни его, ни Иру этот вид не обманул. Их отношения достигли критической точки даль-

нейшего узнания, и оба желали этого, хотя подходили к новым ощущениям с разных жизненных позиций, опыта и нравственных критериев. Ратников был влюблен и не скрывал этого. Ирина относилась к нему прекрасно и доверяла во всем, а вот любила ли — он не знал. Надеялся. Сомневался. Верил. Молчал. И вдруг это тихое: «Я останусь у тебя, не возражаешь?»

В глазах потемнело.

— Нет, конечно, — ответил он охрипшим голосом. — У нас две спальни, разместимся как-нибудь.

Ира улыбнулась, подошла вплотную, закинула руки ему за шею. Глаза ее потемнели, в них зажегся дразняще-призывный огонек. Губы приоткрылись. Несколько мгновений они смотрели друг на друга, ощущая, как ломаются, испаряются, исчезают все моральные, этические и прочие барьеры, сдерживающие их. Затем Ратников наклонился, осторожно поцеловал ее, прижал к себе. Их руки, словно живущие отдельно от тел, начали блуждать по костюму и платью, искать пуговицы, крючки, застёжки... Упал на пол пиджак Терентия, с плеч Иры соскользнуло платье... Вздрагивая, продолжая целовать ее и раздевать, он подхватил девушку на руки, отнес в спальню, упал с ней на кровать...

И единственные слова, которые он услышал чуть позже, были:

— Люблю... ты у меня первый...

Потом был тихий вскрик... и долгие стоны... жаркое, безумно вкусное дыхание, соединение и полет тел, и долгие-долгие ласки, открывшие им еще неизведанную вселенную взаимопроникающей нежности, сладкой боли, желания обладать друг другом и наслаждаться этим обладанием...

А утром его нашел по мобильной связи начальник Управления:

— Капитан, немедленно ко мне!

— Что случилось? — вяло удивился уставший за ночь, невыспавшийся, осоловелый Ратников, сел на кровати.

— Это ты мне доложишь, что случилось! — рявкнул Приймак и бросил трубку.

Терентий озадаченно посмотрел на трубку телефона в руке, перевел взгляд на проснувшуюся Иру.

— Или он с утра принял, или одно из двух...

— Кто звонил? — сонно потянулась Ира, покраснела под его взглядом, натянула на себя простыню.

— Генерал... Ничего не понимаю! Какая муха его укусила? — Ратников вдруг окончательно проснулся, глаза его расширились. — Елки-палки! — Он набрал номер Славика. — Лейтенант, ты не в курсе?..

— Беда, командир! — перебил его Славик. — Убит Савагов!

— Кто?!

— Замначальника ВВЦ. Час назад его «Мерседес» обнаружили в районе Крымского моста. Водитель и телохраны находятся в обморочном состоянии, но живы. Савагов же...

— Как это произошло?! В него стреляли? Или взорвали машину?

— Нет, не стреляли и не взрывали. С виду все цело. На теле Савагова ни одной царапины. Эскулапы разводят руками. Предположительная версия — не выдержало сердце.

Ратников вспомнил странную смерть Вадика.

— Вадик тоже умер загадочно...

— Я подумал об этом, но доказательств...

— Почему вы сняли наблюдение?

— В том-то и дело, что мы продолжали следить за ним. Вечером он встретился с Калошиным и поехал с ним в клуб «Синий попугай». Оттуда в три часа ночи — домой. Ребята подумали, что до утра ничего не произойдет и...

— Расслабились!

Славик кашлянул.

— Вроде того.

— Мне генерал голову снимет!

Славик виновато шмыгнул носом.

— Кто же знал, что Савагов сам не застрахован от нападения.

— Кто мог его ликвиднуть?

— Ума не приложу! Он был такой крутой, что круче только вареные яйца бывают! Может, не поладил с партнерами? А может, его решили убрать за то, что не смог чисто нейтрализовать директора ВВЦ. Хотя возможен и другой вариант: его убрали те, кто заказывал девочек. Он прокололся и...

Ратников помолчал, окончательно приходя в себя.

— Разбирайся, потом свяжемся. Боюсь, на этом наша работа на ВВЦ закончится.

Он выключил телефон, посмотрел на встревоженную Иру.

— Кого-то убили? — спросила она.

Ратников обнял ее, поцеловал в ухо, стал торопливо одеваться.

— Мне надо срочно на работу. Если хочешь, оставайся здесь, поспи, посмотри телик, в общем, будь как дома. Я позвоню. Вот второй комплект ключей.

— Нет, я, наверное, домой поеду. — Ира села на кровати, придерживая на груди простыню. — Ты теперь будешь... думать обо мне...

Он застегнул рубашку, оглянулся, понял ее сомнения и присел рядом. Положил руки на плечи.

— Я не хотел бы торопить тебя, но все же как ты смотришь на то, чтобы стать моей женой?

Глаза Иры раскрылись шире, сквозь удивление и недоверие в них вспыхнул свет радостного ожидания.

— Ты... серьезно?!

— Более чем! — Свои слова он подтвердил поцелуем.

— Но ты меня совсем не знаешь...

— Ты меня тоже. Однако, еще увидев тебя на кастинге, я понял, что ты — моя! Так как? Возражения по существу есть?

— Нет... — прошептала она, протягивая к нему руки. Простыня соскользнула, открывая безупречной формы груди девушки, но она уже перестала стесняться наготы, закрыла глаза...

Из дома Терентий ушел только через сорок минут. Прямо из машины связался со Славиком:

— Кто из наших вчера вечером сидел на хвосте у Савагова?

— Жора, Анна и Роман.

— Они ничего необычного не заметили?

— Перед тем как поехать домой — это было в четвертом часу ночи — Анна заметила у дома Савагова какого-то старика, похожего, по ее словам, на того, которого она встретила в момент похищения жены Пашина. Но проследить за ним не удалось, он исчез.

Ратников сжал зубы. Илья предположил, что в захвате его жены принимал участие Хрис, колдун храма Морока, и появление старика, похожего на колдуна, у дома заместителя директора ВВЦ говорило о связи его необычной смерти с этим появлением.

— Что говорят телохраны Савагова?

— Ничего не помнят и ничего не понимают.

— Надо спросить у них, видели они старика или нет.

— Этим делом занялась Генпрокуратура, меня с ребятами не допустят.

— Хорошо, я сейчас приеду.

Ратников включил двигатель и повел машину к набережной, размышляя над вопросом: за что убили Халила Савагова? Предположение Славика, что его ликвидировали те, кто заказывал девочек, имело все основания быть верным. Но беда была в том, что капитан не знал этих заказчиков, а доказательства того, что ими являются жрецы храма Морока, у него не было.

Движение автотранспорта в районе Крымского моста все еще было перекрыто, машины пускали в объезд. У черного «Мерседеса», принадлежавшего Савагову, стояли машины милиции, «Скорой помощи» и прокуратуры. Возле них хлопотали эксперты МВД и следователи. Ратников нашел старшего группы, представился, попросил разрешения поучаствовать в работе своим специалистам. Старший следователь, худой, темнолицый, с мощными брежневскими бровями, поморщился, но все же не запретил капитану действовать самостоятельно, и тому удалось лично поговорить с телохранителями Савагова, с которыми он уже встречался в подмосковном лесу, возле дачи убитого.

Ничего нового, однако, выяснить не удалось. Телохранители — белобрысый Буслай и дагестанец Нухоев — сообщили только, что в шесть утра они заехали за боссом и доставили его под Крымский мост, где он должен был с кем-то встретиться. А потом кто-то подошел к машине — откуда он взялся и кто это был, парни не поняли, — и больше они ничего не помнили.

Ратников отвел в сторонку Славика.

— Давай-ка бери ребят и быстро смотайся на квартиру Савагова, обыщи ее аккуратно. Особых шансов найти криминал у нас нет, но лучше перебдеть, как говорил Козьма Прутков, чем потом мучиться сознанием упущенных возможностей.

Славик кивнул, подошел к Жоре Пучкову, поговорил с ним, они отошли к Диму с Сашей и уехали.

Ратников же провел на месте происшествия еще несколько минут, наблюдая за работой экспертов и слушая их разговоры. Затем подумал, что хорошо было бы послать Анну и Николая на ВВЦ, чтобы те осмотрели кабинет Савагова, и без промедления дал им задание. Только после этого он поехал в Управление.

Генерал разговаривал в своем кабинете с начальником отдела информационного обеспечения майором Земанским и

со своим заместителем полковником Сватом. Увидев Ратникова, он жестом отпустил подчиненных, подождал, пока за ними закроется дверь, и сказал ничего хорошего не обещающим тоном одно слово:

— Ну?

— Дело о похищении девочек принимает загадочный оборот, товарищ генерал, — уверенно и бодро доложил Ратников, ни бодрости, ни уверенности не испытывающий. — У нас есть доказательства причастности Савагова и его людей к похищениям. Мало того, мы выходим на секту, которая и занимается непосредственным захватом восемнадцатилетних и транспортировкой их в некий храм.

Брови Приймака задвигались, в глазах протаяло сомнение.

— Храм? Секта? Что еще за херня, капитан?!

«Как всякий академик и герой — «Что за херня?!» — я сетую порой», — вспомнил Терентий слова поэта.

— Никак нет, товарищ генерал, это не... гм-гм... не херня. Оперативные данные. Да, мы упустили убийц Савагова, но могу заверить совершенно определенно, что найдем их и распутаем весь клубок. Дайте только срок.

Валерий Павлович хмыкнул, потер пальцем переносицу. Весь его праведный гнев улетучился. Он понял, что капитан имеет кое-какую информацию, позволяющую ему держаться независимо и твердо.

— Срок даю не я, а суд. — Он кивнул на стол. — Присаживайся, рассказывай.

Ратников сел и лаконично поведал историю храма Морока, упустив мистические эпизоды и объяснения. В истории этой Калошин — Черный Вей фигурировал в качестве руководителя «секты Морока», а колдун храма Хрисанф — начальника службы безопасности секты.

— Бред! — крикнул генерал, оттянув воротник рубашки и ослабляя узел галстука. — Никогда не слышал о такой секте! А уж тем более не верю, что ее возглавляет начальник президентской администрации! На кой это ему надо?

— Пути отморозков неисповедимы, — пожал плечами Ратников.

— А ты уверен, что секта существует не только в твоём воображении, капитан?

— На сто процентов! — подтвердил Ратников. — Скоро у меня будут прямые доказательства существования храма.

— Ну и ну! Всякое слышал, но такое... Секта! Морок... м-да! Это существенно меняет дело. А я хотел было отстранить тебя от расследования и дать другое задание. Что ж, поработай, может, через дражайшего «голубчика» Калошина выйдем на интересных людей, заправляющих всеми этими дестабилизирующими процессами. Сект у нас в России развелось как сорняков, и всякая норовит прибрать к рукам молодежь. С этим надо кончать. Но! — Валерий Павлович поднял палец. — Работать будешь негласно. «Папа» не должен знать, чем ты занимаешься. Я сильно подозреваю, что он связан какими-то обязательствами перед хорьками в президентском окружении и выполняет их пожелания. Недаром же он по два раза на дню бегаёт к Калошину. Вчера он приказал закрыть дело ВВЦ, а также спустить на тормозах несколько других дел, связанных с коррупцией на ВВЦ.

— Возможно, он тоже член секты, как и Калошин.

— Это еще надо доказать. Официально будешь работать по националам с их «Тайной доктриной». Главари объединения после очередного погрома в бегах, будешь его искать. Вот, ознакомься.

Генерал подвинул Ратникову папку под номером 119 и надписью: «Доктрина».

Терентий раскрыл папку, с любопытством глянул на вложенный в нее бювар темно-вишневого цвета с золотым тиснением: «Тайная доктрина. Контрлиберализм». В бюваре лежала объемистая пачка глянцево-белых листов. На первом было напечатано:

Auctoritas. Основоположники

Сунь Цзы
Шан Ян
Цинь Ши-Хуанди
Платон
Макиавелли
Чезаре Борджиа
Гегель
Карл Маркс (Гиршель)
Иван IV Грозный...

Всего список основоположников насчитывал шестнадцать фамилий, а заканчивался он фамилией Сталина.

Здесь же, на этой странице был приведен чей-то афоризм:

«Лучше действовать и раскаиваться, чем бездействовать и все равно раскаиваться».

Ратников полистал странички текста, наткнулся на заинтересовавшие его строки:

«Власть как таковую мы ценим, любим и уважаем, ибо она обуздывает ненасытные претензии разного рода сволочи: от уездных царьков — мэров и губернаторов — до привокзальных кидал. Когда власть исчезает, мы сиротеем».

И ниже:

«Таким образом, ДОКТРИНА контрудара (освобождения) должна выстраиваться просто и ясно: *следует преданно любить близких и свирепо ненавидеть Врага, ибо он может наших любимых либо уничтожить, либо растлить. Горячее сердце и кинжал за пазухой — вот подлинные атрибуты, необходимые нам в повседневной жизни. Нужно уметь охранять того, кого любишь, и стремиться к тому, чтобы защищать их жизнь от посягательств всякой нежити. Если мы не научимся до беспамятства любить и ненавидеть, мы не сможем дорасти до Человека. Никакие политические программы не нужны до тех пор, пока мы не сплотимся и не начнем помогать друг другу выжить в таком прекрасном и таком жестоком мире*».

— Потом будешь изучать, на досуге, — буркнул Приймак, усмехнувшись в ответ на озадаченно-удивленный взгляд Ратникова. — Что, нравится?

— Тут есть рациональное зерно, — признался капитан. — Особенно насчет «преданно любить своих близких».

— Там много рациональных и здравых мыслей. Идеологи наших наци не дураки. А главное, они правы, когда призывают нас перенять опыт некоторых малых народов, умеющих спланироваться и держаться друг за друга во имя выживания. Русским давно пора объединиться и начать отстаивать свои права, отнятые другими в родном же государстве. Там дальше найдешь интересный анализ того, чем мы не владеем в России. К примеру, какой народ в мире не имеет своего национального правительства?

— Русский, — пробормотал Ратников, не ожидавший от начальника Управления таких откровений.

— Какой народ не имеет национального телевидения? Национальных средств массовой информации? Тоже русский. А какой народ в России самый униженный?

Ратников молчал.

Валерий Павлович усмехнулся.

— Что, думаешь, крыша поехала у генерала? На старости лет националистом сделался? Не сделался. Я им был! Но не оголтелым, как черносотенцы, казаки и мальчишки из РНЕ. Кстати, тебе тоже не мешало бы стать националистом — умеренным, здоровым и умным. Свой род тоже надо уметь защищать.

— Но если создатели этой «доктрины» правы...

— А нас заставляют ими заниматься, то о чем это говорит? Ты это имел в виду? К сожалению, «папа» выполняет чью-то волю, а мы вынуждены ему подчиняться. Хотя все не так просто на самом деле. Некоторые руководители нацформирований настоящие отморозки, тоже выполняющие чьи-то приказы, поэтому их надо ограничивать, ловить и сажать.

— Понял, товарищ генерал.

— Тогда свободен. Чтобы через пару дней дал мне версию убийства Савагова: кто и за что.

— Постараюсь, товарищ генерал.

Ратников пожал протянутую руку начальника Управления, взял папку и вышел, не зная, радоваться ему или огорчаться, что Приймак не стал выяснять подробности его отношений с подследственным Антоном Грозовым и его другом Пашиным.

В машине он снова раскрыл папку, собираясь полистать документы, и в это время зазвонил телефон.

— Капитан, мы вернулись, — заговорил в трубке голос Ильи Пашина. — Ты сильно занят?

— Не очень, — ответил обрадованный Терентий.

— Есть разговор.

— Так вы уже в Москве? Нашли что-нибудь?

— Подъезжай ко мне, поговорим.

— Еду. — Ратников бросил папку на заднее сиденье и включил двигатель.

Через час — из-за пробок ехать пришлось медленно — он оставил «Лагуну» во дворе дома Пашина и поднялся к нему в квартиру.

* * *

Обмен информацией длился долго.

Смерть Савагова ни Пашина, ни Грозова не удивила. Они высказали ту же гипотезу, что и Славик: замдиректора ВВЦ

убили заказчики похищений восемнадцатилетних девушек. А ими могли быть только слуги-агенты Морока: Черный Вей, верховная жрица храма и колдун Хрис.

В свою очередь, рассказ друзей о походе к озеру Лихов Колодец произвел на Ратникова большое впечатление. Не верить друзьям он не мог, но удивлялся откровенно, хотя и ни разу не прервал собеседников.

— Что ж, этого следовало ожидать, — сказал он, когда Илья закончил. — Слава богу, что вы остались живы! Однако мы зашли в тупик, парни, давайте думать, как из этого дерьма вылезать. Генерал подтвердил карт-бланш на поиск и нейтрализацию похитителей девчонок, так что я имею право привлечь к работе весь наш технический арсенал.

— Весь не потребуется, — сказал Пашин. — И чем меньше людей будет знать об истинном положении вещей, тем лучше. Но мы, конечно, воспользуемся твоим предложением. У меня есть план, послушайте и выскажите свое мнение.

План был такой.

Позвонить Калошину и предложить обменять его магические вещи на Владиславу. В случае, если он согласится, совершить обмен и продолжить работу по храму, чтобы не дать свершиться преступлению — не допустить жертвоприношения. Если же Всеволод Марьевич откажется — попытаться захватить его, выяснить координаты храма, вызволить из неволи Владиславу и остальных девушек, а затем взорвать храм и портал Морока — каменную плиту с его изображением.

— Ко всем чертям! — закончил Пашин с прорвавшейся в голосе ненавистью.

— Годится, — одобрил план Ратников. — Вот только Калошину я бы не звонил и обмен не предлагал. Он сейчас уверен, что вы погибли, поэтому ослабит бдительность и не станет посылать за вами своих филеров. А мои ребята последят за ним, послушают телефонные и прочие переговоры. Авось да проговорится Черный Вей!

Пашин и Громов обменялись взглядами. Мнение капитана совпадало с мнением Георгия, что говорило о правильности предложенного варианта.

— Вообще-то выбор у нас невелик, — покачал головой Антон. — Но действовать надо быстро. Если бы знать, что храм остался на озере Ильмень...

— Мне кажется, все слухи о переносе храма — полная ерунда, — заметил Ратников. — Деза. Стены ведь не перене-

сешь? Он должен стоять там, где стоял. Готов возглавить экспедицию на Ильмень-озеро. Возьмем вертолет, десант-группу и через два часа высадимся в нужном месте.

Пашин слабо улыбнулся.

— Не лезь поперек батьки в пекло, капитан. Надо хорошенько подготовиться, прежде чем брать вертолет. Кстати, было бы неплохо в самом деле подскочить туда по воздуху, на бреющем, чтобы не добираться сутки.

— Хха услышат и поймут, что появились нежелательные гости, — сказал Антон.

— Их можно обхитрить, — махнул рукой Ратников. — Я договорюсь с авиаторами, и они в момент нашего десантирования затеют над озером тренировочные полеты на «вертушках».

— Кажется, наш капитан умеет не только погоню носить, — хмыкнул Антон.

— Голова! — поддакнул Илья.

Ратников засмеялся, погрозил обоим пальцем.

— Ох и нравится мне ваша манера разговора.

— Не обижайся, мы так шутим.

— Я уже понял, все нормально. Итак, когда начнем?

Ответить Илья не успел. Зазвонил мобильный телефон Терентия. Он включил его, поднял брови:

— Что случилось, Надежда Петровна? — Прикрыл ладонью микрофон, шепнул: — Это мама Иры... Да, да... нет, не знаю... не возвращалась? Хорошо, я попытаюсь найти ее и перезвоню. — Он выключил телефон. — Беспокоится, где ее дочь.

— А где ее дочь? — поллюбопытствовал Громов.

Ратников смущенно дернул себя за мочку уха.

— Да, в общем, тут такое дело... она у меня ночевала... Хотя могу признаться...

— Не надо ни в чем признаваться, — улыбнулся Антон. — И стесняться. Мы все понимаем. Ты когда говоришь о ней, у тебя лицо меняется.

— Да?... — пробормотал Ратников. — Надо же... не замечал. Надо будет последить за собой.

— Давно ты ей звонил? — вдруг спросил Илья, сузив глаза.

— До обеда, часов в одиннадцать, а что?

— Звони!

— Зачем?

— Если мама начинает беспокоиться о дочери — это знак.

Ратников изменился в лице, набрал номер своей квартиры, подождал с трубкой возле уха.

— Не отвечает... Наверное, только вышла, поехала домой...

— Но ведь она должна была позвонить родителям, чтобы те не беспокоились. Почему не позвонила?

От щек Ратникова отлила кровь.

— Неужели ты предполагаешь...

— Ты стал одним из нас, то есть врагом эмиссаров Морозка. Они вполне способны применить превентивные меры воздействия. Иди ищи Ирину, потом созвонимся.

Ратников молча надел туфли и выскочил из квартиры, не сказав больше ни слова.

Но Иру он так и не нашел. Она ушла из его квартиры, заперев за собой дверь, но до родительского дома не добралась и ни матери, ни отцу, ни подругам не позвонила.

К вечеру стало окончательно ясно, что ее скорее всего перехватили ловцы девушек из команды Хриса.

Глава 24

БАЗА

Семнадцатая комбинация володаря, сложенная крестом, как советовал Георгий, оказалась самой удачной. Рунные дощечки вдруг зазвучали — очень тихо, на грани слышимости, мелодично, тонко, шелестяще, словно ветерок тронул листья деревьев и чаши лесных цветов, но этот звук дошел до сердца и слуха Ильи и заставил его замереть и прислушаться к пространству сакрального трансцендентного смысла, разбуженному рунами деда Евстигнея.

По кабинету прошла струя прохладного воздуха, насыщенного озоном, завилась спиралью над столом с крестом володаря, взвихрила волосы Илье и сдвинула дощечки.

Голос рун истончился до писка, пропал. Разлившаяся по комнате прозрачная световая вуаль втянулась в *трикветру* — центральную руну с изображением трилистника, пронизанного окружностью. Володарь перестал быть единой композицией рун, как бы погас. Илья ощутил вдруг такую тоску, что едва не заплакал, с трудом заставил себя успокоиться, унял

сердце, сгорбился над столом, закрыв глаза. Через минуту открыл, оглядел сдвинутый строй дощечек, прошептал:

— Ну, где же ты, Белобог? Выходи...

Володарь молчал.

— Чего тебе не хватает? Какой малости? Какая руна должна располагаться в центре? Может быть, *коловорот*?

Илья поменял местами *трикветру* и *тетраскеле* — свастику.

Ничего не изменилось.

— Или, может быть, так?

Он поменял свастику на «крест опоры», состоящий из четырех тау-крестов. Покачал головой.

— Нет, не то...

В центре должна быть руна покоя, база всего мира, пришла вдруг трезвая мысль. Что может быть опорой мира? Либо Древо, либо Гора. Попробуем?

Илья поместил в центр креста *махамеру* — «руну Священной Горы», сдвинул дощечки плотнее. И тотчас же центр володаря метнул прозрачный язычок света, зайчиком вонзившийся в глаза. Илья отпрянул, защищая глаза ладонью, но больше ничего не произошло, руны продолжали молчать и световых зайчиков больше не пускали. Володарь просто дал понять, что связыватель рун на верном пути.

— Не вижу... — прошептал Илья. — Не вижу! Слава, где ты? Помогите...

Шевельнулась на груди цата, отзываясь на мысленно-энергетический посыл. Возможно, это и был ответ Владиславы на его зов, уловленный талисманом Святого Духа, однако нынешний владелец талисмана еще не научился понимать его сигналы.

— Все равно я тебя разгадаю! — стукнул кулаком о ладонь Илья. — Евстигней смог, и я смогу! Потерпи немного, любимая, суженая моя, скоро я вызволю тебя, а врагов накажу!

Илья накрыл разложенный на рабочем столе володарь листом фольги, глянул на часы: шел пятый час ночи, вернее, утра. Начался рассвет. Он просидел над рунами больше четырех часов, не заметив этого! М-да... А впечатление такое, будто сел за стол минуту назад. Чудеса! Или это руны силы придают, поддерживают, энергетически подпитывают?..

Илья залез под душ, постоял под ледяной водой, испытывая наслаждение, и вдруг вспомнил свой разговор с Федором

Ломовым во время последнего посещения Парфина. Дядька сказал тогда, что Данила нарисовал русского богатыря (глаз не отвести!), а орнамент ему подсказал Евстигней. Что, если этот орнамент и есть р у н о в я з ь?! Не мог ли старый волхв закодировать в орнаменте Даниловой картины Руну Света?

Илья вылез из-под душа, не замечая, что с тела на пол стекает вода. Провел ладонью по лицу.

— Надо найти картину! А она где-то здесь, в Москве! Федор говорил, что ее забрал старший сын, Никита, студент МГУ. И живет он, кажется, в студенческом общежитии на Шверника, недалеко от метро «Академическая».

Он быстро вытерся, оделся, подбрил усы и бороду. Хотел было позвонить Антону, чтобы сообщить о своей идее, потом вспомнил, что Громовых в Москве нет: Антон повез Валерию в деревню, к ее тетке, и должен был вернуться только к обеду. После всех нападений на женщин он решил не рисковать и отправить жену подальше от театра военных действий, в который превратилась Москва.

За это же время Ратников должен был подготовить все необходимое для похода на Ильмень. Поэтому Илья оказался предоставленным самому себе. Душа рвалась в путь, на поиски Владиславы, жаждала действия, и неожиданная возможность занять себя с пользой для дела пришлась как нельзя более кстати.

В семь часов утра он был уже возле университетского общежития на улице Шверника.

Общежитие еще только начинало просыпаться, редкие заспанные студенты выходили из здания и брели в полубессознательном состоянии по каким-то своим ранним делам. Проводив взглядом одного такого местного аборигена в майке и шортах, на лице которого было написано полное безразличие к жизни, Илья подошел к дежурной на проходной, показал свое журналистское удостоверение.

— Простите, пожалуйста, за ранний визит, нужда заставила. Не подскажете, в какой комнате проживает студент третьего курса Никита Ломов? Сессия у них еще не закончилась, насколько я знаю, и он должен быть здесь.

— Не подскажу, милоч, — качнула головой средних лет женщина, читающая какой-то детектив в мягкой обложке. — Вам к коменданту надо, а он так рано не принимает.

— Меня примет. Вы только дайте номер его апартаментов. Или он здесь не живет?

— Вообще-то Александр Борисович живет на Пречистенке, но иногда остается. По-моему, сегодня он здесь. Поднимитесь на второй этаж, в конце коридора увидите прозрачную перегородку, а за ней две двери. Та, что без номера, обитая красным дерматином, ведет в комендантскую.

— Спасибо, — поблагодарил Илья словоохотливую дежурную, направляясь по указанному адресу.

Нужную дверь он нашел сразу.

На полу за стеклянной перегородкой валялся разодранный, весь в рыбьей чешуе, журнал «Если», возле двери с номером 202 стояли рядком пивные бутылки, а дверь, обитая красным дерматином, была изрезана ножом. На ней висела бронзовая дощечка с гравировкой: «А.Б. Шильганов, комендант». Буква «е» в слове «комендант» была переправлена на букву «у», буквы «н» и «т» заменены буквой «к», а первая буква «н» и вовсе отсутствовала.

Илья покачал головой. Студенты явно недолюбливали своего начальника, властителя продавленных кроватей, матрацев, простыней, одеял и хозяйственных удобств. А его пренебрежение к филологическим изыскам жильцов, подправивших наименование должности, говорило о меланхолическом характере этого человека либо о полном безразличии к творчеству подопечных.

Не найдя кнопки звонка, Илья постучал.

Тишина.

Он постучал еще раз, уже не костяшками пальцев, а кулаком. В ответ та же унылая тишина.

Не уследила бабуля за господином Шильгановым, подумал Илья с разочарованием, смылся комендант, наверное, она и не заметила. Где же искать Никиту? Спрашивать всех студентов подряд?

Илья стукнул в дверь ногой, повернулся, чтобы уйти, и услышал за дверью тихую возню. Затем раздался хриплый мужской голос:

— Кто там в такую рань? Эдик, ты?

— Откройте, Александр Борисович, — обрадовался Илья. — Прошу прощения, неотложное дело. Но я вас долго не задержу.

В замке заскрежетал ключ, дверь приоткрылась. На Пашина уставился невысокий, полный, лысый человечек в пижаме, с толстым, в складках, равнодушным лицом. Глазки

у него были бесцветные, ничего не выражающие, глядящие сквозь собеседника, и Илья почувствовал себя маленьким и ничтожным.

— Что вам надо? Кто вы такой?

Илья раскрыл удостоверение, показал коменданту.

— Я веду журналистское расследование и разыскиваю студента третьего курса филфака Никиту Ломова. Будьте добры, скажите мне номер его комнаты.

— Он что-нибудь натворил?

За спиной Александра Борисовича мелькнуло ослепительное видение в пеньюаре. Возможно, это была жена коменданта, хотя Илье показалось, что женщина в ночной рубашке слишком молода для этой роли.

Комендант оглянулся, прикрыл дверь, оставив небольшую щель.

— Мы не даем таких справок посторонним людям.

— Я не посторонний, он мне внучатый племянник. Его отец — Федор Ломов — мой родной дядя по маминей линии. А дело очень важное, смею вас уверить.

— Все равно я не имею права. Вообще не понимаю, как вас пропустили в общежитие. Сделайте официальный запрос, мы рассмотрим и решим.

«Три дабл ю, дурак, «собака», точка, ру!» — произнес про себя в сердцах Илья, вспомнив афоризм «Русского радио». Вслух же он сказал другое:

— Время идет на минуты, господин комендант. Никита мне нужен сейчас, иначе я не пришел бы так рано.

Дверь начала закрываться.

Илья всунул носок туфли в щель, толкнул дверь, так что толстяк-комендант отшатнулся. Проговорил проникновенно:

— Если вы сейчас же не назовете номер комнаты, в которой проживает Никита Ломов, я напишу в газету такую статью о вашем нежелании сотрудничать, что не отмоетесь потом всю жизнь!

Реденькие брови коменданта взлетели на лоб.

— Вы мне угрожаете?

— Ну что вы, Александр Борисович, только предупреждаю. Если бы я захотел по-серьезному наказать вас, уж поверьте, сделал бы это самым наглядным образом. Хотите рискнуть? Я вижу, у вас ночует некая молодая особа...

— Хорошо, — сдался комендант, — я сейчас посмотрю.

Илья вынул ногу из щели. Дверь закрылась, но через минуту приоткрылась вновь.

— Никита Федорович Ломов?

— Он самый.

— Комната номер пятьсот пять, это на пятом этаже второго корпуса.

— Спасибо, найду. Будьте здоровы. Живите богато.

Илья спустился к проходной, вышел из первого корпуса, нашел второй, предъявил все тот же документ и поднялся на пятый этаж здания. Постучал в обшарпанную, изрезанную ножом дверь с номером 505.

За дверью что-то упало, закрипело, послышались шлепки тапок по полу. Дверь открылась, из нее выглянул длинноволосый худой парень в очках, с бледным заспанным лицом. Из одежды на нем были только трусы в клеточку.

— Вам кого?

— Никиту Ломова, — сказал Илья.

— А его здесь нет.

— То есть как нет? Разве он живет не в этой комнате?

— В этой, но он сейчас в больнице.

Илья подобрался.

— Почему? Что случилось? Заболел?

— Нет, его избили какие-то подонки, очень сильно. Руку сломали, чуть глаз не выбили.

— За что?!

— Не знаю, я там не был. Говорят, он вступился в баре за какую-то девчонку, ну и получил. — В голосе молодого человека прозвучало осуждение.

— Когда это произошло?

— Позавчера вечером. Мы к нему сегодня всей группой пойдем, проведем.

— Где он лежит?

— В тридцать четвертой больнице, в травматологии, тут недалеко, на Винокурова.

— Понятно, спасибо. — Илья повернулся, собираясь уходить, но решил довести дело до конца. — Можно, я посмотрю, как он живет?

— Пожалуйста, — отступил в сторону очкарик, не спросив, кто интересуется его соседом и зачем.

За дверью оказалась крохотная прихожая с выходами в две отдельные комнатки, в туалет и ванную. Дверь в одну из комнат была открыта, виднелись угол стола и кровать. Длинно-

волосый отрок пошарил за трюмо, ключа не нашел, озадаченно подергал себя за волосы.

— Ключ пропал... всегда здесь лежал...

Илья толкнул дверь в комнату Никиты, та отворилась.

— Не понимаю, — пробормотал озадаченно очкарик. — Вчера еще закрыта была...

Илья шагнул в комнату и по разгрому, царившему в ней, понял, что здесь прошел самый настоящий обыск. Все вещи из шкафа были разбросаны по полу, одеяло и матрац также лежали на полу, стол был сдвинут к окну, ящики из него выдвинуты, везде виднелись в беспорядке брошенные книги, учебники, тетради, листы бумаги, ручки и карандаши.

— Ё-моё! — проговорил за спиной Ильи сосед Никиты. — Кто это сделал?!

— Я тоже хотел бы это знать, — пробормотал Илья, разглядывая разгром.

Было ясно, что в жилище младшего Ломова побывали какие-то люди, но что они искали и связан ли был обыск с избиением Никиты, было неизвестно. Хотя Илья склонен был полагать, что данное происшествие не случайно. Он догадывался, кто мог затеять обыск и с какой целью.

Внимание привлек уголок акварельного рисунка, торчащий из-под подушки у кровати. Илья нагнулся, вытащил смятый лист, вернее, часть листа с изображением воина в кольчуге с поднятым мечом.

Глаз не отвесть! — вспомнились слова дядьки.

Это был русский богатырь-дружинник, нарисованный Данилой. Вся нижняя часть рисунка была оторвана, сохранилась только верхняя половина — торс богатыря, голова и рука в кольчужной перчатке с поднятым мечом. Лицо воина действительно несло печать силы и величавой гордости, хотя в нем легко угадывались знакомые черты Федора Ломова, отца мальчика. Но Илью больше интересовал орнамент картины, в котором явно были заложены рунные древнерусские мотивы. Илья узнал стреловидную «руну потока», трицветру, тетраскеле, *махамеру*, символы «небесной воды». Но рисунок был оборван, и орнамент не складывался в единое целое.

Илья сложил сохранившуюся часть картины, спрятал в карман. Поискал оторванную часть, понимая, что скорее всего она уничтожена неизвестными грабителями. Сосед Никиты смотрел на беспорядок в комнате, открыв рот. Он дей-

ствительно ничего не понимал и вряд ли был причастен к обыску и разгрому.

— Вы никого подозрительного не видели? — на всякий случай спросил Илья.

— Шарахнуться можно! — опомнился длинноволосый. — Конечно, нет. Вот гады! Кому это понадобилось? У Ника ничего особо ценного никогда не было, только книги...

— Сообщите в милицию, — посоветовал Илья. — Воры могли унести какие-нибудь вещи. Жаль, картину вот порвали, ее брат Никиты рисовал. Если найдется оторванная часть, сообщите мне, пожалуйста.

— Хорошо, — кивнул очкарик. — Не, ну это ж надо! Вот сволочи! Поймать бы да руки переломать!

С последним пожеланием парня Илья был согласен на все сто процентов. На Руси когда-то за воровство карали сурово, причем независимо от того, кто совершил грех — человек низкого сословия или большой начальник. Двойные стандарты вошли в жизнь уже в нынешние времена. Человека, укравшего килограмм зерна, сажают на пять лет, а тех, кто украл миллионы рублей, — даже не судят! И эти люди продолжают спокойно жить, пользоваться всеми благами цивилизации и чувствовать себя героями.

— До свидания. — Илья написал номер своего мобильного телефона на клочке бумаги, сунул соседу Никиты. — Вот номер. Позвоните, если что узнаете.

Ошеломленный очкарик кивнул, продолжая негодовать по поводу действий неизвестных воров, забравшихся в комнату сокурсника. Окинув взглядом комнату, Илья вышел, ощущая сожаление и досаду. Ему следовало вспомнить о картине Данилы раньше, и тогда у него в руках вполне мог оказаться аналог володаря. Теперь же приходилось довольствоваться фрагментом орнамента, и он подозревал, что исчез как раз самый важный фрагмент, по которому можно было воссоздать Руну Света.

В начале девятого Илья был дома.

Умылся.

Переоделся.

Сел за стол, успокаивая дыхание и унимая дрожь в руках.

Снял с креста володаря лист фольги.

Расправил уцелевший клочок картины и стал рассматривать орнамент, сравнивая его с развернутой композицией рунных

дощечек. Глаз зацепился за *махамеру*. На рисунке этот символ располагался над стрелой «руны входа». У него же *махамеру* занимала центральное положение. Илья поменял местами дощечки и услышал тихий тающий звон, будто кто-то тронул гитарную струну.

Он замер, прислушиваясь к звону.

Показалось, что над столом возник и пропал прозрачный струящийся призрак воина в кольчуге и бармице.

Илья подождал немного, но больше ничего не происходило. Руны дали знать, что он близок к решению проблемы, однако недоставало какой-то малости, чтобы закончить руновязь. Рунные дощечки надо было передвинуть еще раз, но он не знал — как.

Надо ехать в Парфино! — озарило вдруг. Данила может вспомнить, какие символы он нарисовал и в каком порядке расположил. Голова у парня светлая, а память хорошая.

— Да! — выдохнул Илья, расслабляясь. — Это идея!

Зазвонил телефон.

Илья вздрогнул, выходя из трансового состояния рассредоточенности, взял трубку.

— Привет, Константинович, — раздался в трубке голос Ратникова. — Что нового?

— Ничего, — ответил Илья, не кривя душой. Похвастаться ему в принципе было нечем. — Готовлюсь к походу, жду Антона.

— Я практически готов. Жду вас. — Капитан помолчал. — Мне только что позвонили...

— Они?! — мгновенно понял Пашин, имея в виду похитителей Ирины. — Что сказали?!

— Пригрозили, что, если я не перестану им мешать, они пришлют мне сначала пальчик Иры, а потом...

Илья помолчал, переживая туманящий голову приступ гнева.

— Мерзавцы! Что ты им ответил?

— Что я достану их из-под земли! — глухо ответил Ратников. — Будете готовы — позвоните, полетим искать храм. Я думаю, Ира уже там, где и твоя жена.

В трубке раздались гудки отбоя.

— Как я тебя понимаю, капитан!.. — проговорил Илья, стискивая зубы.

Глава 25**ПУСТЬ ПРИХОДЯТ!**

Девушка сопротивлялась молча, ожесточенно, яростно, царапалась, кусалась, выскальзывала из объятий верховной жрицы, норовила ударить ее коленом или локтем, и в конце концов Евангелине это надоело. Она с силой отшвырнула полураздетую Владиславу к стене кельи, грозно вытянула к ней руки с хищно сведенными пальцами, украшенными длинными ногтями зеленого цвета.

— Не хочешь по-хорошему, уступишь силе! Всю жизнь будешь исполнять желания мужиков!

— Никогда! — прошептала измученная борьбой Владислава, сжимая на груди свой талисман.

— Стань не мой и покорной! — выговорила Евангелина; глаза ее метнули молнии. — Да придет Тот, чье имя будет... — Она не договорила.

Чешуйчатый крест на груди верховной жрицы налился призрачным сиянием, кашлянул как живой человек.

Евангелина несколько мгновений не сводила с побледневшей Владиславы страшные черные глаза, вызывающие самый настоящий морозный ветер, потом взмахнула правой рукой. Из ее ладони выскользнул туманный шарик, ударился в стену над головой девушки, лопнул с грохотом, проделав в стене шестилучевую дыру.

Владислава вздрогнула, но головы не опустила, продолжая с вызовом и бессильной ненавистью смотреть на свою мучительницу. Талисман Святого Духа, подаренный бабушкой Марьей, придавал ей силы и бодрости, поэтому угрозы верховной жрицы, а также ее плотские устремления разбивались об этот барьер и бессильно гасли.

— Я тебя все равно покорю, ведьма! — проговорила Евангелина грудным голосом, приводя крест-уморь в состояние речения.

Напротив верховной жрицы сформировалась сотканная из световых вуалей, корчащаяся в судорогах фигура Черного Вея с огромной лысой головой.

— Выражаю мое почтение, Хозяйка, — шелестящим голосом произнесла голова Калошина, живущая как бы отдельно от тела; голова повернулась дважды на оси шеи, заметила забившуюся в угол Владиславу. — Развлекаетесь, Графиня?

— Это мое дело, — пренебрежительно отрезала Евангелина, подошла к кровати, накинула на себя кисейно-прозрачный халатик. — С чем пожаловали, наместник?

— Я вас не обрадую, дорогая Графиня. Я не смог уничтожить наших врагов. Не знаю, как им удалось выбраться из западни, но они остались живы и, насколько мне известно, собираются нанести вам визит. Я предупрежу Господина, пусть поторопится с выходом, но и вы будьте готовы.

— Пусть приходят, — отмахнулась верховная жрица. — Я их встречу... хлебом-солью.

— У них есть помощники. Их деятельность курирует служба волхвовской безопасности — Витязи, а это племя очень сильно потеснило наши ряды в последнее время. Боюсь, как бы и в самом деле не пришлось перебазироваться.

— Отправим домой Господина и подумаем над этой проблемой, наместник, а пока не мешайте мне заниматься... э-э... подготовкой встречи.

— Я вижу, как вы готовитесь. Но остерегитесь, Хозяйка. Может быть, эта девица — единственный козырь в ваших руках, не трогайте ее. Если не удастся нейтрализовать Пашина, она станет неплохим объектом выкупа.

— Я сама знаю, что мне делать, — нахмурилась Евангелина. — Пашин до храма не дойдет.

— Что ж, я вас предупредил. Да придет Тот, чье имя будет произнесено!

Призрак Черного Вея растаял.

— Лысая обезьяна! — процедила сквозь зубы Евангелина, разглядывая Владиславу прищуренными прицеливающими глазами. — Ну что, красавица, продолжим наши сердечные игры?

— Мой муж тебя убьет! — с потрясающей уверенностью сказала Владислава. — Лучше отпусти!

Верховная жрица усмехнулась, прошлась по келье, роскошь не уступавшей будуарам королев. Кинула взгляд на судорожно сжатые на груди девушки кулачки. Подняла брови, подошла, попыталась разжать. Владислава снова начала сопротивляться, и тогда Евангелина ударила ее в висок с такой силой, что девушка отлетела к стене и потеряла сознание. Руки ее разжались.

— Ах ты, дрянь! — проговорила верховная жрица, срывая с ее шеи цепочку с девятилучевой звездой талисмана. — Печать Святителя! Как же я сразу не догадалась... и этот старый дурак не предупредил.

Звезда в ладони Евангелины вдруг вспыхнула золотым светом. Верховная жрица вскрикнула, выронила талисман, со злобой наступила на него ногой, снова вскрикнула, обжигаясь.

— Вот стервец! Кусается! Ну, погоди!

Она отошла к трюмо, дернула за шнурок.

В келью вошел крутоплечий Потап Лиховский, склонил голову с пышной черной шевелюрой без единого седого волоска. В груди жрицы шевельнулось желание, но она пересилила себя.

— Приготовь алтарь для этой непокорной гадины, но не трогай ее. Пока. После обряда забереешь ее к себе, если останется жива.

— Слушаюсь, хозяйка.

— И позови своего наставника, нужен он мне.

Лиховский сгреб Владиславу в охапку, вышел.

Через несколько минут порог кельи переступил Хрис. Он выглядел утомленным и безучастным.

— Звали, госпожа?

— Видишь? Что это? — Евангелина кивнула на лежащую на полу звезду талисмана.

Хрис подошел ближе, нагнулся, поднял звезду, с удивлением поднял взгляд на жрицу.

— Амулет Святого Духа! Откуда он у вас?

— Ты его проглядел, старый пень! Он был у этой девки, жены Пашина. Почему ее не обыскали, когда привезли сюда?

Хрис пожал плечами, изучая талисман.

— Прошу прощения, госпожа. Кто мог подумать, что у нее...

— Не оправдывайся, старик! Совсем ты плох стал. Я даже подумываю, не скормить ли тебя Ягье?

Колдун вздрогнул, в глазах его зажегся недобрый огонек.

— Воля ваша, госпожа. Однако никто не застрахован от ошибок. Даже Черный Вей.

— Откуда ты знаешь, что он ошибся?

Хрис растянул бледные губы в поганенькой улыбке.

— Я еще не впал в маразм, госпожа, и кое-что могу.

— Кое-чего уже мало в наше время, нужно идти вперед, развиваться, а не стоять на месте. Сегодня же выпусти изверга Ягью из подземного бункера в озеро. Понял? Кроме того, подготовь свою навью дружину к отражению атаки.

Хрис выпрямился, озабоченно взялся за бороду.

— О какой атаке вы изволите говорить, госпожа?

— Черный Вей не смог ликвидировать Пашина...

— Я знаю.

— ...следует ждать нового нападения этого мерзавца, — закончила Евангелина.

— Вы имеете в виду Пашина? Он не посмеет сунуться сюда один...

— Ты понял?

— Воля ваша, сделаю. Хотя навбев у меня осталось всего трое. Да и с Древним я один не справлюсь, не гневайтесь.

Древним называли изверга Ягью, персонифицирующего мгновенно возникающую страшную силу, которой могли противостоять только светлые боги. По сути, Ягья являлся сыном Чернобога или же представлял собой и з в е р г н у т у ю Чернобогом самостоятельную «программу разрушения», питающуюся жизненной силой и душами людей. Когда-то Древний изверг сторожил Башню власти в царстве Морока, но иногда «кусал» и своих, за что Морок и перенес его на Землю. С тех пор он сторожил храм демона и Врата, через которые Морок просачивался в мир людей, правда, в последнее время Ягья ослаб и уже почти не реагировал на приказы своих хозяев.

— Хорошо, я помогу тебе.

Хрис кивнул, посмотрел на звезду в пальцах.

— Можно, я ее заберу?

— Возьми и уничтожь! Жди у бассейна, я сейчас спущусь.

Колдун поклонился и вышел.

Евангелина прошлась по келье, задумчиво поглаживая свои тяжелые груди, потом улыбнулась.

— Пусть приходят, гости дорогие, посмотрим, насколько они хороши. Я люблю сильных мужиков...

Глава 26

ДЕСАНТНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Авиаторы сработали отменно, с утра затеяв над озером Ильмень «тренировочные полеты» на шумных «Ми-8», и вертолет с десант-группой на борту (одноосный «К-226» с «тихими» двигателями) подкрался к острову Войцы без приключений, идя буквально в метре от верхушек деревьев.

В десант-группу входили пять человек: Илья Пашин, Антон Громов, капитан Ратников, Славик (лейтенант Николаев) и Жора (сержант Пучков). Всего же на борту «вертушки» находились девять человек, не считая экипажа. Четверка спецназа из Управления Ратникова должна была подстраховывать основную группу и в случае необходимости присоединиться к ней.

Все десантники были экипированы одинаково: специальные камуфляж-комбинезоны «Рысь» с наплечными ранцами, защитные шлемы с тепловизорами, рации, аптечки, лазерные подслушивающие устройства, маски для кратковременного плавания под водой. Из оружия: бесшумные пистолеты «гюрза», снайперские винтовки «винторезы», ножи, сюррикэны, плюс специальные блицкобуры «лук», позволяющие выхватить пистолет и сделать выстрел всего за восемь десятых секунды. Плюс «детки» — взрывные устройства с «умными» взрывателями. Плюс терм-пакеты — саморазворачивающаяся водонепроницаемая пленка для герметизации комбинезонов. И ничего лишнего!

Вертолет сел на песчаном берегу небольшой бухточки, знакомой Илье и Антону еще по первой высадке на острове. Отсюда до озера Нильского, на берегу которого стоял храм Морока, было по прямой всего с километр. Но так как решено было подойти к храму с другой стороны, со стороны северного болота, добираться группе предстояло часа три, и легким путь никак не казался.

Над озером по-прежнему тарактели вертолеты, поэтому можно было пока не бояться, что десантников услышат. Но Илья не рассчитывал на внезапность появления группы, так как, если храм продолжал стоять в этих краях, его защитная система рано или поздно должна была засечь десантников, и тогда неминуем бой. Результат же этого боя между хорошо вооруженными, профессионально подготовленными людьми и хранителями храма, поддерживаемыми колдунами, предсказать было трудно. В арсенале последних насчитывалось много таких приемов, с которыми обычный человек справиться не мог. Огневой контакт надо было оттянуть по возможности до проникновения в храм или вовсе избежать.

— Идем след в след, — сказал Илья, обращаясь к группе. — Первым пойду я, Антон — замыкающим. Будьте внимательны! Если увидите какое-то движение или необычное

явление — немедленно останавливайтесь и предупреждайте остальных. Огонь открывать только по моему приказу! Вопросы?

— Надо было идти ночью, — пробурчал Жора Пучков. — Легче подбираться к любому объекту.

— Меня не интересует ваше мнение, сержант. Я хотел услышать вопросы. Если их нет — отправляемся. Что касается ваших умозаключений, то ночь для охранных систем храма не помеха, а вот нам пришлось бы намного труднее.

Он повернулся и зашагал мимо засохшей березы с обгоревшим стволом к лесу. Славик похлопал Пучкова по плечу, подтолкнул вперед. Один за другим они двинулись вслед за проводником, напоминая эпизод одной из последних войн, которые инициировал на Земле — в том числе и в России — демон хищников и насилия Морок.

Первые двести метров преодолели быстро и без приключений. Миновали плиты и кресты древнего кладбища, остановились у последнего креста, верхний закругленный конец которого сильно смахивал на мужской детородный орган.

— Это в самом деле член или мне чудится? — хмыкнул Пучков.

— Храмы Морока исповедуют культ фаллоса, — сухо сказал Илья. — Разве что в особо извращенной форме.

— Не понимаю, — признался Ратников. — Я читал, что культ фаллоса в древности поддерживался многими народами мира и что фаллос — это символ мужской силы, чувственности, любви, наслаждения...

— Плодовитости, продолжения человеческого рода, — подхватил Илья.

— В таком случае он не может быть чем-то изначально безнравственным, плохим, неприятным...

— Морок уже в течение двух тысяч лет пытается исказить, перевернуть смысл, унижить, извратить древние символы любви, света и силы, в том числе — символ фаллоса, который поддерживал бытие наших предков. Это сейчас на куполах церквей, представляющих, по сути, тот же фаллический символ, поставили кресты — как символы ограничения, нейтрализации, урезания жизненных сил, а раньше наши древние святилища — куды — стояли без всяких крестов, рогов и прочих ограничителей. Все, философским отступлениям конец, двинулись. В этих местах начинался когда-то подземный ход, ведущий в храм, но мы им не пойдём.

— Почему? Если так короче...

— Боюсь, он заминирован или обрушен. Потеряем время.

— Я бывший взрывник, — пожал плечами Пучков. — Мог бы разминировать.

— Он имеет в виду магические «мины», — пояснил Антон. — Вы даже не заметите, что влезли в ловушку. Илья, надо переходить протоку и обойти край болота восточней. Сделаем крюк, зато не полезем через трясины.

В кустах за спиной Ратникова вдруг просиял золотом чей-то глаз. Пучков вскинул «снайперку», но Илья схватил за ствол винтовки и пригнул его к земле.

— Спокойно... не стрелять!

— Это всего лишь собака, — прошептал Славик.

Илья сделал всем знак замереть и бесшумно канул в кусты за могильным крестом. Перешел в боевое трансовое состояние, сделал еще несколько скользящих шагов и увидел высывающуюся из-за ствола березы морду зверя. Это был волк, а не собака.

— Не может быть! — почти беззвучно проговорил Илья. — Светлый... это ты? Светлый!

Волк исчез и... появился в метре от Пашина, глядя на него янтарно-горящим взглядом и вывалив язык. Он «улыбался». И это действительно был волк Владиславы, ее лесной друг и защитник, чья помощь оказалась неоценимо великой в прошлом походе к храму.

— Светлый, дружище... — Илья присел на корточки, запустил руку в холку зверя, потрепал его. — А мы считали, что ты погиб... Признал меня? Как здорово! Ну что, поможешь нам отыскать твою бывшую хозяйку? Она тоже здесь... если только храм не перенесли. Отведешь нас к нему?

Зверь перестал «улыбаться», мотнул головой, словно отвечая человеку «да», и нырнул в кусты. Затем высунул голову в десятке шагов из зеленых зарослей, проверяя, идет ли за ним Пашин или нет.

— Сейчас, подожди секундочку, — сказал Илья, — нас тут много.

Он тихо свистнул, подзывая остальных. Волк исчез, но не ушел, Илья чувствовал его присутствие. Появился Антон.

— Чую зверя...

— Это Светлый, волк Славы.

— Да ну?! Неужели он еще жив?!

— Я тоже обрадовался. Он проведет нас к храму.

— Ну, если нам и волки помогают, я перестаю удивляться вообще, — пробормотал потрясенный Пучков.

Илья направился к зарослям лещины и вербы, в которых прятался волк.

— Веди, Светлый.

Отряд быстрым темпом двинулся за зверем, спина которого изредка мелькала из травы и кустов.

Достигли протоки, скрытой зарослями ивняка и тростника, преодолели четырехметровой ширины водное пространство по стволу полусгнившей сосны, подошли к редколесью, за которым просматривалось кочковатое, поросшее высокой травой болото.

Волк, не останавливаясь, скользнул в траву.

— Не завел бы он нас в трясину... — пробурчал под нос Пучков. — Вы уверены, что эта клыкастая зверюга соображает, куда нам надо попасть?

— Соображает, — успокоил сержанта Антон. — К тому же Илья знает язык зверей и понимает их не хуже, чем они сами.

Выбрались на край поляны с сочной зеленой травой. Однако все десантники были людьми бывалыми и умели ориентироваться в лесу. Поляна, встретившаяся на пути, маскировала глубокую болотную топь.

Волк, тенью скользивший впереди, вдруг замер. Остановился и следовавший за ним Илья, поднял руку. Дорогу преградили змеи! Их было очень много, и все стояли на хвостах, обратив головы к появившимся десантникам, готовые в любой момент броситься на людей.

— Первая линия обороны храма, — тихо произнес Илья. — Он таки остался здесь! Охранять пустое место никто не станет.

— Стандартный прием, ты не находишь? — сказал Антон.

— А если это змеиное кольцо создано для отвода глаз? — предположил Ратников. — Под Псковом ваши недруги тоже сварганили пустышку, и вы едва не угодили в ловушку.

— Нет, здесь другое, я чувю...

— Как пройдем сквозь армию этих тварей? — поинтересовался Пучков. — Среди них есть настоящие крокодилы, видите, какие у них морды? Никогда не видел таких змей!

— Это пятнистый полоз, змея редкая и опасная. Их мало осталось, я вообще увидел их впервые только в этих местах.

Илья помедлил немного, потом достал перстень в виде змейки с черным камнем, вделанным в длинную голову змеи,

надел на средний палец. Сжал руку в кулак, направил перстенек на стену змей.

— Тьма, рассейся!

Произошел беззвучный всплеск воздуха, по камышам, тростнику и кочкам хлестнула волна ветра. Змеи вытянулись в струны и... начали расползаться, освобождая дорогу. Через минуту все они попрятались в траве, словно получили приказ пропустить отряд.

— Чтoб я провалился! — выдохнул Пучков. — Как вам это?..

Илья поднял руку. Жора замолчал. Все завертели головами, прислушиваясь к шелестящей тишине. Потом Ратников понял:

— Перестали летать «вертушки»...

— За мной! — махнул рукой Илья, направляясь в обход болота вслед за волком.

С час они пробирались между болотцами, обходя топи и лесные чащобы, не встречая ни змей, ни зверей, ни птиц. Волк Владиславы исчезал, появлялся вновь, терпеливо ждал людей, старающихся идти быстро и тихо, иногда замирал, словно чуял препятствия, нюхал воздух и серой тенью нырял в кусты, оглядываясь на десантников. Остановился он неожиданно, подняв лапу и вытянув вперед морду.

Замерли и люди.

Илья сделал жест, приказывая всем ждать, приблизился к волку, опустился рядом на корточки, едва слышно проговорил:

— Что ты там унюхал, дружище?

Волк никак не отреагировал на его речь, продолжая пристально смотреть вперед горящими глазами. Илье показалось, что на него посмотрел кто-то сверху. Он вскинул голову, но увидел лишь мелькнувший между вершин деревьев крылатый силуэт. Это пролетела ворона. Молча, без обычного карканья...

Илья сосредоточил внимание на «третьем глазе», огляделся, сканируя местность вокруг потоком пси-реагирования. Но ничего подозрительного не увидел и не почувствовал.

— Давай вперед, Светлый. Уже немного осталось.

Волк оглянулся, кинул на него умный светящийся взгляд и скользнул между сосен к свободному от деревьев пространству. Илья поднялся, подозвал спутников.

— Он что-то чувствует, это несомненно. Сдвиньтесь тесней, не отставайте. Скоро появится вторая линия охраны храма, а что она собой представляет, я не знаю.

Они снова двинулись цепочкой вслед за волком и вышли на край небольшой поляны с поваленными — вершинами к центру — деревьями.

— Ведьмина поляна, — вполголоса произнес Антон. — Лучше ее обойти.

— Где волк? — спросил Жора.

Кусты на другой стороне поляны шевельнулись, на миг показалась лобастая голова зверя.

— Он прошел, и мы пройдем.

— Нам туда ходу нет, — покачал головой Илья. — Это геопатогенная зона с отрицательным градиентом, она способна высасывать энергию... — Он не договорил.

Всем одновременно показалось, что солнце внезапно погасло и наступила ночь! Однако никто из десантников не двинулся с места, не запаниковал и не принялся тереть глаза и хвататься за голову. Лишь Жора Пучков тихо выругался сквозь зубы.

— Не шевелитесь! — шепотом приказал Илья. — Это заклятие н е п р о г л я д а! Выберемся из зоны его действия и начнем видеть, как и прежде. Возьмитесь за руки, я вас выведу.

Он подождал, пока Ратников возьмется за его руку, и осторожно зашагал в обход поляны, хорошо запомнив ее конфигурацию и расположение. Однако не успели они пройти и полсотни метров, как случилось неожиданное.

Невидимые руки вдруг вцепились в них, начали щипать, рвать комбинезоны, стаскивать шлемы, а затем на десантников обрушился град тяжелых ударов, заставив их вслепую отбиваться от невидимого противника, защищаться и блокировать мощные затрешины, от которых в головах людей вспыхивали искры и меркло сознание.

— Не отпускайте руки! — яростно рявкнул Илья. — Держитесь! Берегите головы! Это БАЗа... Сейчас все прекратится...

— Они нас забьют насмерть! — прохрипел Пучков.

— Нет никаких «они»! Это бесконтактное психофизическое воздействие! Сопровитляйтесь ему на уровне воли...

Илья потащил за собой Ратникова, тот остальных. Удары продолжали сыпаться на людей со всех сторон, но они пере-

стали тратить силы на защиту и медленно, спотыкаясь, припадая то на одну ногу, то на другую, прикрывая головы свободными руками, шли и шли вперед, пока вдруг атака не кончилась так же внезапно, как и началась.

И сразу же «ночь» в глазах сменилась светом дня. Десантники прозрели. Но еще несколько минут приходили в себя, отфыркивались, ошеломленно оглядывались, сжимая в потных ладонях рукоятки пистолетов, и ждали продолжения атаки. Все вышли из зоны психофизического нападения обалдевшими, но не испуганными, никто не сошел с ума и не струсил. Десантники готовы были встретить врага и дать ему отпор.

— Что такое «база»? — поинтересовался Пучков, восстанавливая дыхание.

— Безадресная защита, — ответил со знанием дела Ратников. — Колдовской прием, нечто вроде невидимой паутины под током: затронул такую паутину — получил разряд.

— Исключительно образное сравнение, — похвалил капитана Антон. — Только вот разряды этой «паутины» могут быть самыми разными. Илья, ты прав, храм никуда не делся, стоит себе на месте и ждет нас. Мы преодолели его вторую линию пассивной обороны, теперь следует ждать активных ответов.

— Если это — пассивная оборона, то что же такое — активная? — проворчал Пучков.

— Узнаем, — усмехнулся Славик, не потерявший присутствия духа; лейтенант нравился Илье все больше и больше. — Надеюсь, местные колдуны не превратят нас в лягушек или змей?

Илья промолчал, имея все основания полагать, что в арсенале Хриса и жриц храма есть и другие виды магического оружия.

— Двинулись, время не ждет.

Они снова направились вслед за волком, на которого черное колдовство, очевидно, не подействовало, как на десантников. Но, как и все профессионалы, они были готовы встретить новые препятствия и ловушки и не рефлексировали по поводу жутковатых проявлений колдовства и магии, не встречавшихся в обыденной жизни. Оглянувшись на них, Пашин вспомнил чье-то изречение: «Профессионал — человек, который берется за любую работу, но только делает ее

честно». Что ж, эта компания вполне оправдывала свое предназначение и заслуживала название «боевой группы».

Лес впереди раздвинулся. А еще через сотню метров над низкими деревцами показавшегося болота стали видны развалины какого-то каменного строения.

— Это он? — шепнул Пучков.

Илья обернулся, приставил палец к губам.

— Переходим на шлемную связь. Смотреть в оба! Начинается самое веселое.

Десантники пристроили у губ усики раций, проверили снаряжение, оружие, сдвинулись теснее.

— Пойдем затылок в затылок, чтобы каждый видел предыдущего. В случае внезапных проявлений не понятно не паниковать! Не кричать! Не шуметь! Все слышали?

Каждый отозвался коротким «да».

— Так это именно те развалины, что мы ищем? — добавил Пучков.

— Развалин здесь никаких не было и нет, это эффект воздействия на нас магического заклинания. Нам внушают то, чего не существует в природе. Храм мы не увидим, он тоже спрятан под колпаком магического поля и виден бывает только по утрам. Точнее, видно только его отражение. До обеда еще два часа, поэтому шанс увидеть отражение храма в озере еще есть. Все, разговорам конец!

Илья нырнул в заросли высокой травы, туда, где скрылся волк-проводник. Четверка соратников безмолвно метнулась за ним, бесследно растворяясь в кустах и траве. Если бы кто со стороны и видел колебания метелок травы, то вряд ли догадался бы, что это идет не зверь лесной, а группа хорошо вооруженных людей. Обладая природным чутьем и звериной интуицией, волк провел отряд мимо большинства колдовских «мин» и ловушек, намного облегчив десантникам задачу.

Через полчаса группа вышла к берегу небольшого — всего метров триста в диаметре — озера, берега которого заросли тростником и кустарником. Угрюмые зубчатые развалины неведомого сооружения стали видны чуть лучше, хотя не приблизились ни на шаг. Одно это указывало на то, что развалины — фикция, голографическая или психоэнергетическая картинка, внедряемая с помощью неведомых операций напрямую в мозг людей, минуя зрительные нервы.

Антон Громов первым увидел в воде отражение храма, стоявшего практически на противоположном берегу озера. Потом увидели и остальные.

Жора Пучков хотел было сказать: «Ну и сарай!» — но встретил взгляд Ратникова и вовремя прикусил язык.

По водам озера бежала легкая рябь от ветерка, и отражение колебалось и размазывалось, но все же легко можно было разглядеть тяжеловесное, угрюмое, увенчанное телесного цвета куполом в виде фаллоса и четырьмя более тонкими башенками такой же формы здание.

— Странно... — тихо произнес Илья.

— Что? — посмотрел на него Антон.

— Что нас подпустили так близко... По колебаниям биополей, а тем более после включения перстня Хрис давно должен был засечь нас и спустить своих псов — хха...

— Может быть, его сейчас в храме нет.

— Будем надеяться. Хотя вполне возможно, что нас заманивают в ловушку.

Из-за расщепленного высокого пня выглянула морда волка. Он отступил в заросли, вернулся, снова отступил, как бы приглашая людей за собой.

— Спасибо, Светлый, — покачал головой Илья. — Дальше мы сами. Жди нас здесь.

Волк несколько мгновений не сводил с него своего исключительно умного горящего взгляда и исчез.

— Дальше пойдем под водой, — сказал Илья. — Надевайте ватер-комплекты.

Они надели маски, достали терм-пакеты, развернули пусковыми скобами вниз и начали натягивать как сапоги, сначала до промежности, потом выше — чулком, после специального съема скоб. Через минуту все были завернуты в пленку по макушку, заклеили отверстия шлепком ладони по липкому канту на шлеме. Теперь у них оставалось всего семь-восемь минут до того момента, как в мундштуках масок кончится воздух. За это время надо было пересечь озеро под водой и тихо вылезти на берег в районе каменной плиты, похожей издали на фрагмент пристани.

— Доложи своим ребятам, что мы дошли, — сказал Илья. — Двигаемся дальше.

Ратников послушно передал сообщение по рации четверке резерва, оставшейся в вертолете.

Один за другим десантники вошли в воду, проверили гер-

метичность комплектов: ни у кого не обнаружилось щелей или случайно пропущенных отверстий, — и Пашин первым поплыл под водой на глубине полутора метров к противоположному берегу озера.

Видимость на этой глубине была плохой, сказывалась близость илистого топкого дна, поэтому пловцы то и дело натыкались на стебли кувшинок и лилий, а то и на топляки, количество которых на один квадратный метр площади дна казалось невероятно большим.

Проплыли между рядами свай; очевидно, здесь когда-то был мост через озеро.

Вода посветлела, дно ушло вниз. Это был центр озера, более или менее свободный от водных растений. Илья прикинул время: они плыли уже четыре минуты — и увеличил скорость. К берегу хотелось подобраться под водой, скрытно, чтобы не поднимать панику среди сторожей храма раньше времени.

И в это время тень тревоги заставила Илью остановиться. Подплывшие спутники замерли рядом, не понимая, почему он медлит.

Граница видимости в толще воды центральной части озера отодвинулась метров на десять, и вот в этой зеленоватой мути обозначилось какое-то движение. Словно людям навстречу медленно скользнула струя более чистой воды, заметная по искривлению и преломлению лучей света, просачивающегося в глубину с поверхности озера.

Сторожевая система организма сработала раньше сознания.

Илья одним движением разорвал пленку на груди, достал из клапан-кармана чешуйчатый крест-свастику, реквизированный у Калошина, и метнул в эту струю с яростной мыслью: *тьма, р а с с е й с я!*

Глава 27

ВИТЯЗИ В ХРАМЕ

В себя они пришли уже на берегу.

После того, как Илья метнул в плавно приближающееся не что волшебный крест-оператор магических сил, принадлежащий Черному Вею, черед удивительных видений про-

мелькнула перед глазами застывших десантников, последними из которых были искаженные лица жуткого демона, старухи и молодой девушки с русой косой. Затем поток более чистой воды остановился, раскрылся цветком лотоса. Крест Калошина вспыхнул пронзительным зеленым пламенем, едва не ослепившим людей, и расплылся черными струйками в стороны, превращаясь в подобие осьминога. В то же мгновение неведомая сила подхватила отряд и вместе с пластом воды выбросила на берег озера, прямо под стену храма, проявившегося на одно мгновение туманной громадой неопределенных очертаний.

Вода схлынула, оставляя на берегу мокрые, бликующие тела десантников, и никто из них не заметил, что в недра храма проскользнула гигантская прозрачно-туманная змея с двумя головами — старушечьей и девичьей. По неизвестной причине Ягья пощадил гостей, хотя сами они так и не поняли, что произошло.

Храм тут же исчез, растаял в воздухе, но не оставалось никаких сомнений, что он находится здесь, на берегу, просто невидим человеческому глазу, словно накрыт гигантской шапкой-невидимкой. «Шапку» эту — мощное магическое поле, отводящее глаза людям, изменяющее их чувственное восприятие, — можно было нейтрализовать только более мощным магическим импульсом, да и то на очень короткое время.

Кто встретился им на пути через озеро, почему не уничтожил, не сожрал, а наоборот — помог определить местоположение храма и вынес из воды на сушу, ни Илья, ни Антон, ни тем более их спутники не знали, но анализировать случившееся им стало недосуг. Хранители храма наконец опомнились и вылезли из своего убежища, чтобы уничтожить отряд, опасно приблизившийся к их обители.

Они появились, как чертики из коробки, — трое мужиков с угрюмыми серыми физиономиями, одетые во все черное, и еще пятеро заросших, бородатых парней в пятнистых комбинезонах российского спецназа. С суковатыми палками в руках, но без оружия. Лишь Илья и Антон знали, что их оружием, причем достаточно мощным и разрушительным, являются именно палки.

— Стреляйте по рукам! — скомандовал Илья, мгновенно

оценив ситуацию. — Не допускайте, чтобы противник направил на вас острия своих посохов! Это излучатели энергии!

Словно демонстрируя справедливость слов Пашина, один из хха-«спецназовцев» вытянул в его сторону свою палку, с ее острия сорвалась зеленоватая молния, и, если бы Илья вовремя не отпрыгнул в сторону, разряд неизвестного излучения пробил бы его насквозь. Но реакция путешественника превосходила скорость движений защитников храма, и молния ширкнула по каменной плите причала, проделав в ней дымящийся черный шрам.

В то же мгновение Илья выстрелил дважды — под ноги противнику, заставив его подскочить, и в дубинку, выбивая ее из руки парня.

На мгновение все застыли: пригнувшиеся десантники, обтянутые бликующей пленкой, успевшие лишь сорвать пленку с лиц и снять маски, и две группы хранителей храма, приблизившиеся к ним с двух сторон. Затем началось общее движение, которое лучше организовали члены группы, обученные тактике боя с превосходящими силами противника. Они в течение двух секунд перестроились, рассредоточились и открыли огонь по хранителям из «винторезов».

Слаженный залп сделал свое дело.

Все пятеро парней в камуфляж-костюмах спецназа одновременно потеряли свои дубинки! Двое оказались ранеными — пули попали им в кисти рук, у троих дубинки вылетели из рук, выбитые силой удара пуль. Лишь один из них успел «выстрелить» до залпа десантников из своего посоха-«излучателя», едва не сразив Жору Пучкова. Молния с ядовитым шипением пролетела в сантиметре от плеча, расплосковала комбинезон и на какое-то время парализовала сержанту руку, оставив в воздухе канал страшного холода.

Однако после секундного замешательства хха снова хватили свои палки, бросились на десантников, один выстрелил, целя в Ратникова, не попал, и последующий залп отряда прервал их атаку, в то время как группа мужчин в черном, с виду не вооруженная ничем, продолжала молча и целеустремленно приближаться к отряду по берегу слева, не обращая внимания на завязавшийся бой.

Парни в камуфляже, также не обратившие внимания на раны, раздробленные пулями пальцы и пробитые ладони,

подняли посохи — и выронили. Снова подхватили — и снова выронили!

— Так мы будем возиться с ними до бесконечности! — бросил сквозь зубы Жора Пучков, рука которого начала потихоньку отходить, двигаться. — Командир, их надо мочить по-взрослому!

— Бейте по ногам и плечам! — скомандовал Илья. — Капитан, разделяемся! Берите эту пятерку на себя! И пусть ваши парни в вертолете готовятся к выступлению. На борту «вертушки» есть какое-нибудь серьезное оружие?

— Только НУРС «пчела».

— Пусть будут готовы к ракетной атаке храма с воздуха.

— Есть! — Ратников метнулся к валуну на берегу, уворачиваясь от змеистого разряда посоха, выстрелил. — А вы куда?

— Мы попытаемся прорваться к храму слева.

— Их только трое, и они не вооружены.

— Это навьи воины. Они были уже убиты когда-то и снова оживлены, они не боятся смерти.

— Зомби, что ли?

— Нечто в этом роде. Если прорвемся — ждите нас здесь, за нами не ходите. Пошли, Антон.

Пашин и Громов перешли на темп и призраками понеслись навстречу мужикам в черном, на лицах которых отражалось тупое равнодушие к происходящему. Они получили приказ уничтожить десант и не сомневались в своем превосходстве. Точнее, они в о б щ е ни в чем не сомневались, так как давно не помнили, что такое сомнения.

Ратников кинул вслед друзьям лишь один оценивающий взгляд, не позволяя себе отвлекаться на задачи, контроль решения которых лежал не на нем. Он привык выполнять команды, как и всякий военный человек, хотя степень вариативности его ответов была выше, чем у армейского командира. К тому же он хорошо чувствовал ситуацию и точно знал, когда и на какие действия противника имеет право не реагировать. Или реагировать немедленно.

А противник ему достался серьезный. Пятерка молодых хранителей храма, несмотря на полученные раны и травмы, упорно лезла вперед, пыталась остановить десантников и не просто остановить, но у б и т ь, и, кроме посохов, стреляющих молниями, владела и другими колдовскими приемами, поэтому бойцам капитана приходилось учиться по ходу боя

избегать прямых контактов с ними, что, естественно, играло на руку защитникам храма. Время работало на них — и против чекистов.

Упал Славик.

Один из раненых охранников вдруг метнул в него камень, разорвавшийся не хуже гранаты, и лейтенант получил множественные «шрапнельные» ранения лица и шеи: осколки камня легко разбили забрало шлема, не пробиваемое пулями!

Загорелся комбинезон Жоры Пучкова, словно его облили бензином и подожгли! Жора прыгнул в озеро, потушил огонь, но, стоило ему вылезти на берег, комбинезон вспыхнул вновь. Пришлось снимать его под обстрелом «шрапнельных камнегранат», получая при этом ожоги, и озлившийся сержант ответил противнику точными выстрелами из «винтореза», сняв сразу двух парней: одному пуля попала в горло, второму точно в лоб.

Однако и тот и другой вдруг встали спустя несколько мгновений, не обращая внимания на смертельные раны и ручьи крови, снова пошли в атаку, стреляя из посохов и швыряя взрывающиеся камни. Это была уже настоящая черная магия, наглядно продемонстрированная защитниками храма, и будь десантники более робкого десятка, бой тут же бы и закончился. Но подчиненные Ратникова никогда не пугались непонятного, воспринимая любые явления природы или технические приемы как дополнительные данные для решения задачи. Условия боя усложнились, к ним надо было приспособливаться, остальные рефлексии и эмоции не должны были помешать решению проблемы.

Славик с трех метров разнес голову ближайшего к нему хха двумя выстрелами из винтовки и вступил в рукопашную схватку с парнем, выскочившим сбоку.

Жора Пучков сбросил наконец дымящийся комбинезон, увернулся от камня-«гранаты» и отхватил ножом кисть «гранатометчику», а затем свалил его ударом в сердце.

Ратников всадил в четвертого охранника всю обойму из пистолета и полоснул ножом по горлу пятого.

Бой закончился.

— Илья! — позвал Ратников, оглядев поле боя и не увидев Пашина с Громовым.

Никто ему не ответил.

— Куда они подевались? — прохрипел Жора Пучков, ворочая головой.

— Ищите вход в храм! — приказал капитан, бегом направляясь к развалинам.

Но ни через минуту, ни через пять они так и не обнаружили никаких дверей, арок или проломов, ведущих в обитель служителей Морока. Для чекистов Ратникова храм был по-прежнему недоступен.

* * *

Навьи воины, не боящиеся ни пули, ни ножа, были серьезным противником и очень опасным. Но против них сражались не просто профессионалы, мастера рукопашного боя, а будущие Витязи, защитники земли русской, и выстоять навьи, умершие уже однажды и возвращенные к жизни силой колдовства, не могли.

Илья поначалу шадил противника, двигавшегося вдвое медленней, поэтому потерял полминуты драгоценного времени, прежде чем понял, что его удары если и достигают цели, то не оказывают на хха должного воздействия. К тому же крижистый, плотный бородач обладал громадной силой и ударом ноги сломал деревце в сантиметре от ноги Ильи, а затем вытащил огромный тесак, увеличивший зону поражения. Лишь на выплеске энергии Илье удалось достать богатыря и сломать ему шею. Но и после этого он, окривевший, обмякший, все еще пытался махать тесаком и ползти за Пашиным, как жуткая машина смерти, киборг, имеющий приказ-программу уничтожить прорвавшихся к храму десантников.

Антон ошибки друга не повторил.

Первым же ударом *тэгатана* он пробил грудь (через плотную черную куртку, рубаху и майку) первого навья, сломал ребро и развалил его сердце надвое, отклонился от кинжала второго зомби, обошел его по спирали схода-закручивания и ударом локтем в спину перебил ему позвоночник.

Сраженные навьи воины еще пытались встать и продолжать бой — смотреть на их движения было жутко и противно, — но друзья не стали отвлекаться на полное контрольное добивание противника и метнулись к стене разрушенного «замка», созданной магическим полем защиты храма. Илья заметил, откуда вырвались им навстречу защитники черной обители, и надеялся быстро отыскать вход в **р е а л ь н о** существующий храм Морока, замаскированный «развалинами».

Однако удалось это ему не сразу.

Ни «третий глаз», ни интуиция, ни экстрасенсорное восприятие, подключенное через трансово-измененное сознание, не помогли. «Каменная выщербленная растрескавшаяся стена замка» так и осталась стеной, хотя Илья точно знал, что это иллюзия, прекрасно сработанная пси-голография.

Тогда он вспомнил о змеином перстне, называемом магидатом, который уже дважды помогал им «размотать» заклинания колдунов Морока. Но и перстень не открыл вход в храм, издав лишь ядовитое шипение, будто чешуйчатая металлическая змейка ожила и осерчала на владельца, собираясь его укусить. Оставался один путь — подключить талисман Рука Бога — цату, хотя Георгий и предупреждал, что делать это стоит лишь в исключительных случаях.

Илья вынул медальон с мандалой, изображавшей Древо Мира — «схему входа во вселенную Белобога», сжал двумя пальцами, направляя талисман на «развалины», и произнес гортанным от клочущей в горле силы:

— Тьма, рас се й ся!

Пространство вокруг содрогнулось!

Волна холодного ветра прынула от руки Ильи во все стороны, буквально сдула стены и полуразрушенные башни древнего строения. На несколько мгновений обнажилась тяжелая громада настоящего храма, окутанная сеточкой змеящихся голубовато-фиолетовых молний. Затем она исчезла, как бы растворилась в воздухе, на ее месте возникли полупрозрачные, кисейные, как туманная дымка, стены развалин — они такими дымчато-прозрачными и остались, — но Илья уже определил местонахождение реально существующего открывшегося входа в храм и бросился туда, все еще находясь в состоянии о з а р е н и я, рожденного струей резонанса светлых с и л.

Антон прыгнул за ним. Задержись он хотя бы на мгновение — пройти в храм ему бы не удалось.

Оба оказались внутри огромного помещения с толстыми витыми колоннами, с куполообразным потолком и крупноблочными стенами, на которых крепились подсвечники в виде все тех же фаллосов, а также барельефы с изображениями жутких клыкастых звериных морд. Помещение напоминало церковный трансепт, но не имело обычного иконостаса и крестов с распятым телом Христа.

Пол этого помещения был выложен серыми и черными плитами в шахматном порядке, и на нем виднелись чьи-то светящиеся следы размером в три человеческие ступни: не то копыта с когтями, не то медвежьи лапы необычной формы. Но Илья почему-то знал, чьи это следы. Их по легенде храма оставил его основатель — сам демон Морок.

Свечи в подсвечниках не горели, но откуда-то сверху в зал просачивался сероватый свет, создающий неуютный зыбкий сумрак. Казалось, в углах зала прячутся привидения, глядящие на людей голодными глазами.

Антон здесь еще ни разу не был, Илья же во время первого посещения храма сподобился познакомиться с планом здания и знал, что они попали в главную молельню храма, где по утрам и вечерам собирались жрицы и хранители, чтобы исполнить древний ритуал причащения к дыханию Господина.

— За мной! — выдохнул Илья, бросаясь за ряд колонн слева. Канал о з а р е н и я — связи со светлыми богами русского пантеона — все еще пульсировал в его сердце и вел вперед.

Цата в руке Пашина метнула золотистый лучик.

Сплошная стена между колоннами покрылась сеточкой змеящихся голубых молний, в ней образовался черный прямоугольник входа.

Десантники миновали короткий коридор, ссыпались по истертым тысячами ног ступеням лестницы вниз, на подземный горизонт здания, где располагался огромный круглый бассейн, окруженный парапетом. В этом бассейне обитал сын Морока и Мары изверг Ягья, и отсюда начинались коридоры в кельи Хриса и верховной жрицы, а также в кельи и камеры, где содержались пленницы служителей храма.

— Разделяемся! — шепнул Илья, снимая шлем. — Я иду вниз, к подземельям, где наверняка томятся пойманные девочки. Ты проверь кельи верховной жрицы. Не забыл, где они располагаются?

— Помню, — сквозь зубы проговорил Антон, также снимая шлем; эта защитная шапка была ему не нужна, так как не столько защищала, сколько мешала прислушиваться к долетавшим сюда звукам и не пропускала т о н к и е псиэнергетические вибрации.

Они разошлись.

Илья тенью проскользнул в арку тоннеля, ведущего к нижним горизонтам храма. Антон, наоборот, поднялся на ба-

люстраду, опоясывающую зал, и метнулся в узкий, как щель, проход, по которому верховная жрица спускалась или поднималась в свои апартаменты.

Однако до келий жрицы он не дошел.

Коридор пошел вниз, вверх — на шесть ступенек, повернул, вывел к небольшой комнате, напоминающей холл с бугристыми, неровными, покрытыми коростой светящейся плесени стенами. Форму холл имел квадратную, по его углам стояли чудища в два человеческих роста с гипертрофированно увеличенными гениталиями. Холл казался пустым и венчал коридор, то есть представлял собой тупик. Но Антон знал, что вход в кельи верховной жрицы находится здесь, поэтому смело шагнул вперед... и замер, увидев появившуюся в центре холла полупрозрачную белесую фигуру.

В течение секунды фигура перестала колебаться, обрела плоть и жизнь и превратилась в черноволосую женщину ослепительной, но какой-то грозной, властной красоты, одетую в кисейно-багровый не то халат, не то монашеский наряд.

— Куда это мы так торопимся, мужчинка? — произнесла женщина приторно-игривым тоном. — Может быть, познакомимся?

— С дороги! — проговорил Антон, прекрасно понимая, что перед ним колдунья. — Мне не нужна твоя жизнь! Отпусти пленниц, и мы расстанемся друзьями!

— Неплохое предложение, мужчинка. В другое время я бы задумалась над ним. Одно плохо: здесь я хозяйка, я имею право приказывать и предлагать, я казню и милую, а все непрошенные гости — всего лишь презренные воры, шудры, парии, просители, не имеющие права называться Витязями.

— Я еще не Витязь, — глухо сказал Антон. — Но презренные воры — вы! Это именно вы крадете наших любимых, жен и детей, именно вы служите дьяволу, именно вы — убийцы и негодяи! Прочь с дороги, ведьма, иначе!..

— Что? Иначе что? Ты посмеешь выстрелить в женщину? Попробуй. — Евангелина презрительно рассмеялась.

— Ты не женщина! Ты бездушная тварь!

— Очень мило! Меня оскорбляют в моем же собственном доме! Что ж, придется дать урок вежливости.

Черноволосая и черноглазая красавица взмахнула рукой, и в Антона полетел туманно-сверкающий шарик величиной с мячик для настольного тенниса. Он с трудом увернулся.

Шарик воткнулся в стену помещения, взорвался языками ядовито-зеленого блескучего пламени и проделал в стене звездообразную дыру величиной с велосипедное колесо.

— Хорошая реакция, — похвалила Громова верховная жрица. — От ниргуны еще никто не уворачивался, ты первый. А что, если я сделаю тебе «темную» — справишься? Если сможешь — возьму в свою свиту.

— Я буду вынужден выстрелить! Где Владислава? У тебя?

Верховная жрица заломила бровь, смерила Антона взглядом.

— Не нравится мне твой тон, не-Витязь. И настроение... Однако предложение остается в силе. Попробуй мне посопротивляться, меня это возбуждает.

Антон вскинул пистолет... и почувствовал, что рука онемела, палец на курке застыл, перестал двигаться. А потом на голову обрушилась темнота.

Это был все тот же **н е п р о г л я д** — заклинание, блокирующее у человека передачу сигналов по нервным стволам от глаз к мозгу, поэтому паниковать не стоило. Заклинание действовало до тех пор, пока оператор держал объект воздействия в поле внимания. Но положение Антона мгновенно ухудшилось, он не видел своего противника и не мог отклониться от броска энергетической «гранаты», уповая только на интуицию и состояние боевого транса.

— Лови! — крикнула колдунья со смехом.

Антон метнулся в сторону, ударился плечом об угол арки. Замер, превращаясь в слух.

Верховная жрица снова засмеялась.

Антон уловил ток холодного воздуха, всегда сопровождавшего проявление магических сил, почуял протянувшуюся к нему струю угрозы и нырнул на пол коридора. Кожу спины свело судорогой, словно ее стегнули электрической плетью. С коротким грохотом взорвалась «граната» Евангелины, выбившая в стене коридора очередную звездчатую каверну.

— Молодец! — снова похвалила она Громову. — Конечно, тебе еще далеко до кондиций Витязя, но кое-что ты умеешь. Давай еще разок сыграем в эту игру.

Антон вскочил на ноги, переходя на кожное зрение, и увидел-почувствовал стремительное движение руки Евангелины. А так как она **о т п у с т и л а** его мышцы, увлеченная

игрой, он принял единственно правильное решение — в течение долей секунды сделал два выстрела из пистолета.

Первая пуля попала в туманный шарик энергетической субстанции, которую сама жрица называла ниргуной.

Произошел необычный — какой-то ватный, глухой, но шатнувший весь объем холла взрыв, сопровождавшийся яркой сиреновой вспышкой света. Ударная волна этого взрыва отбросила Антона в глубь коридора и шмякнула о ребро стойки, так что он едва не потерял сознание.

Вторая пуля попала Евангелине в руку и пробила запястье, а затем снесла ей мочку уха. Жрица вскрикнула от неожиданности и боли. И от этого дикого крика Антон снова едва не потерял сознание, нырнув в дурноту как в омут. Очевидно, колдунья владела магическим р е ч е н и е м и могла звуковыми мантрами воздействовать на психику и физическое состояние человека.

Черная пелена сползла с глаз Антона, зрение вернулось к нему. Однако он вряд ли смог бы долго сопротивляться верховной жрице храма, в которую вселилась «проекция» Морoka, многократно усилив ее природные магические возможности.

Вне себя от ярости и гнева, Евангелина метнула в противника один за другим три шарика ниргуны, заставляя его скакать из стороны в сторону, как зайца, извлекла откуда-то из складок своего необычного наряда клюку с острым концом и направила на пригнувшегося, готового к прыжку Антона.

— Ты меня разозлил, мужчинка! Попробуй, увернись от посоха!

С острого конца палки сорвалась извилистая фиолетовая молния... но за мгновение до разряда Антон разрядил в Евангелину всю обойму... и молния пролетела мимо, унеслась в глубину коридора, выбила брешь в одной из вертикальных каменных стоек. А верховная жрица с визгом завертелась на месте, спасаясь от пуль, как от пчел, три из которых ужалили ее в плечо, в другую руку и в шею. Правда, на этот раз они не причинили жрице особого вреда, так как она успела защититься заклинанием «железной рубашки», тем не менее заставили ее обороняться и тратить энергию и время на поиск уязвимых мест противника.

Она исчезла!

И появилась вновь, но уже в облике драконовидного чудовища с головой женщины.

— Готовься к большой боли, воин! — гулким басом прорычала колдунья. — Ты проклянешь тот день и час, когда родился на свет!

Ее руки, превратившиеся в когтистые лапы, протянулись к Антону, удлиняясь на полтора десятка метров, и, наверное, достали бы его, но в этот момент кто-то с силой отшвырнул Громова в сторону, начертил кончиком ножа окружность, охватывающую Антона и самого незнакомца, и руки-лапы верховной жрицы вдруг наткнулись на невидимую преграду, отдернулись.

Колдунья взвизгнула.

Антон схватился за уши: показалось, что у него лопнули барабанные перепонки.

Человек, спасший его от объятий жрицы, оглянулся. Это был знакомый Антону светлоглазый, не выглядевший ни богатырем, ни мастером боя Витязь Георгий. Однако его взгляд был полон силы, а фигура буквально вибрировала, текуче переливалась, будто слиток живого металла.

— Уходите, я ее задержу!

— Но мне надо найти...

— Знаю, попробую помочь. Уходите. — Георгий не глядя вытянул руку с ножом в сторону чудовища, в которое превратилась жрица, и та, снова взвизгнув, отпрыгнула к двери своей кельи.

Антон только теперь обратил внимание на форму ножа: длинное лезвие было изогнуто, из тупого обушка его выросло еще одно тоненькое лезвие — параллельно главному, а снизу лезвие имело еще один шип. Больше всего нож напоминал наконечник западноевропейского глейва с небольшим отличием в виде третьего дополнительного шипа.

— Уходите же! Помогите своему товарищу! У меня мало времени, долго я ее не удержу!

Антон окончательно пришел в себя, метнулся из холла в коридор, восстанавливая на бегу кондиции боевого транса. Через минуту, уже выбегая в огромный зал храма с бассейном в центре, он был готов к максимальной энергоогдаче, без труда держал темп и расширенной сферой экстрасенсорики мог загодя вычислять появление потоков угрозы и зла.

Пашина в зале не оказалось.

Зато здесь были трое парней в черных сутанах, с черными шапочками-ермолками на головах, безусые, но с курчавыми бородками, и с ними высокий старик в фиолетовом плаще, с тяжелой медной цепью на груди, поддерживающей чешуйчатый крест с загнутыми концами. Это был Хрис, колдун храма, и его ученики. А может быть, охранники.

— Вот и господин Громов к нам пожаловал, — сказал колдун пренебрежительно, — друг господина Пашина, вора и разбойника.

— Вор — ты! — металлическим голосом отозвался Антон. — Мы не крадем молоденьких девочек для ублажения кровавого демона, как ты.

— Придется наказать сего мужа, — продолжал Хрис, не реагируя на реплику. — Позаботьтесь о нем, мои славные дружинники, пока я найду второго.

Колдун шагнул и исчез, владея способом быстрого перемещения в пространстве.

Трое бородачей в шапочках молча двинулись к Антону, доставая из складок одежды деревянные трезубцы.

* * *

— Кто бы ты ни был, сейчас ты умрешь! — прорычала демон Евангелина, заполняя собой чуть ли не весь холл. — Я не потерплю в моем доме...

— Не так грозно, Графиня, — перебил ее Георгий, продолжая контролировать каждое движение верховной жрицы кончиком ножа. — Твои силы не беспредельны, а запасы ниргуны не вечны.

Он вытащил из внутреннего кармана пиджака плоскую бутылочку темного стекла с двумя горлышками.

— Как насчет обмена? Ты отдаешь мне девушку, запертую в твоих апартаментах, я возвращаю аккумулятор.

Глаза Евангелины метнули молнии. Она зашипела, прыгнула к Витязю, поднимая над головой когтистые лапы.

— Я... тебя!..

Кончик ножа Георгия засветился золотистым светом.

— Спокойно, Графиня! — бросил Витязь, сделав движение, будто собирался разбить бутылку об пол. — Я ничего не потеряю, ты потеряешь с и л у. Считаю до трех. Раз... два...

— Ты все равно не выйдешь отсюда живым! — пообещала Евангелина скрежещущим голосом, отступая.

В стене за ее спиной проявилась деревянная дверь, открылась. Оттуда выглянул крутоплечий кряжистый мужчина, черноволосый и чернородый. В глазах его было безграничное равнодушие.

— Убей его, Потап! — прошипела верховная жрица, скрываясь в келье.

Дверь закрылась.

Бывший сотник оценивающе глянул на Георгия и, косолапая, двинулся к нему, доставая из-под полы черного кафтан длинный тесак.

— Лучше бы ты этого не делал, Потап Лиховский, — покачал головой Георгий. — В свое время ты уже один раз ошибся, защищая холуев Морока, и в результате стал зомби. А душу твою давно сожрал демон. Отправляйся к своему господину.

Георгий прыгнул в сторону, исчез из поля зрения Лиховского, объявился сбоку от него и одним ударом — Потап не успел ни отбить удар, ни уклониться — отсек голову бывшему предводителю хха, бывшему математику, бывшему человеку.

Не глядя на бьющееся в агонии на полу тело, Витязь приблизился к двери в келью, как бы раздвоился: плотное тело его осталось у двери, а прозрачный призрак фигуры прошел сквозь дверь, просочился в келью го-стхи, где Евангелина сотворила своеобразный алтарь. На этом сатанинском алтаре длиной в два метра, в форме мужских гениталий, лежала связанная ремнями за руки и за ноги голая Владислава.

На животе юной женщины была нарисована пентаграмма, на лбу — изображение фаллоса. Вокруг алтаря горели шесть огромных свечей, стоявших в подсвечниках той же формы.

Евангелина, утратив облик демона, превратившись в разъяренную фурию с развевающимися волосами, подскочила к алтарю, поднимая обеими руками сверкнувший нож.

Георгий за дверью напрягся, готовый на несколько мгновений материализовать своего энергетического двойника и помешать жрице убить Владиславу. Но Евангелина опомнилась, опустила нож, выговорила хрипло:

— Поживи еще немного, непокорная! Будешь моим подарком Господину! Он тоже любит непокорных. Пожалеешь, что не согласилась стать послушницей добровольно!

Владислава не ответила, глядя перед собой остановившимся взглядом.

— Потерпи еще немного, девочка, — прошептал Георгий за дверь. — Скоро все закончится...

Он вытряхнул из бутылки каплю жидкости себе на ладонь и, когда эта капля превратилась в туманный шарик, швырнул шарик в стену холла.

Раздался грохот, взрыв, стены помещения содрогнулись, из щелей посыпался песок.

Евангелина в келье го-стхи в испуге оглянулась на дверь, пробормотала какое-то заклинание, схватилась за крест на груди. Перед ней возникла бесплотная фигура Всеволода Марьевича Калошина.

— Что там у вас происходит, Хозяйка?

— Немедленно вызывай Господина, наместник! — дрожащим голосом проговорила верховная жрица. — В храме Витязи!

Георгий, услышав эти слова, удовлетворенно кивнул сам себе и поспешил прочь от двери, скрылся в темноте коридора. В холле с несколькими дырами в стенах перед кельей хозяйки храма остался лежать труп ее слуги и защитника, успокоившегося навеки.

Глава 28

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Илья нашел бункер с пленницами быстро — по «свечению» их эгрегорного поля, в котором преобладали «спектральные полосы» страха, обреченности и тоски.

Бункер располагался на самом нижнем уровне здания, на глубине примерно двух десятков метров под землей, и лестница, ведущая в коридоры этого уровня, а также пол и стены коридоров сочились сыростью и были покрыты клочьями светящейся плесени.

В гамме запахов, витавших в коридоре, преобладали запахи гнили, болота, сернистых соединений, среди которых вдруг иногда пробивались тонкие ароматы духов, и Пашин понял, что он на верном пути. По коридору недавно проводили захваченных девушек, оставляющих почти неосязаемые

материальные следы иных жизненных реалий, чуждых этому мрачному подземному миру.

Ни лестница, ни коридор освещены не были, хотя светильники торчали из стен через каждые четыре метра — все те же скульптурные изображения мужских половых органов, выходившие из двух полушарий под углом в сорок пять градусов. Но Илья в освещении не нуждался, находясь в состоянии, называемом адептами эзотерических учений Востока состоянием *саммай*. Он прекрасно видел в темноте и чувствовал все тонкие токи и вибрации пространства, благодаря чему избежал двух ловушек и засады хха, стерегущих пленниц.

Первая ловушка была совсем простой: стоило ступить на плиту пола в коридоре, и та уходила вниз, открывая люк в глубокий колодезь.

Вторая ловушка оказалась похитрей: на человека опрокидывалась плита стены и, как только он отшатывался назад, в спину ему выстреливала из пола упругая рогатина, спрятанная в расщелине между плит.

Обойдя и разрядив на всякий случай обе ловушки, Илья определил местонахождение каменного кармана со сторожами, перешел на темп и появился перед ними неожиданно, как призрак, сгущение тьмы, несущее боль и смерть.

Сторожей было двое, один помоложе, другой постарше, оба бородастые и неуклюжие. Не навьи воины, обычные охранники, принадлежащие к низшей касте служителей храма. Илья не стал убивать их, ранил обоих в ноги и в руки, отобрал суковатые палки с заостренными концами — излучатели черной с и л ы. Один посох забрал с собой и не очень удивился, когда посох по его мысленно-звуковому приказу послушно метнул молнию разряда в заколдованную дверь бункера.

Бум!

Зеленая молния вонзилась в середину двери, возбудила ливень ответных фиолетовых молний, сеточкой покрывших дверь и стены коридора. Что-то хрустнуло, лязгнуло, свистнуло. Толстая деревянная дверь крикнула и приотворилась, испустив множество черных струек дыма.

Илья подождал, пока дым рассеется, толкнул дверь ногой, шагнул вперед и оказался в самой настоящей пещере, маленькой, с неровными бугристыми стенами, невысоким потолком в форме деформированного купола и неровным полом со множеством ложбин, бугров и ям.

Пещера освещалась пламенем толстой свечи, венчающей складчатую колонну в форме фаллоса, установленную посреди помещения. Еще три такие же колонны стояли у стен пещеры с изображениями жуткого рогатого и зубастого страшилища, выполненными не то углем, не то черной сажей.

Пленницы, захваченные слугами верховной жрицы храма в разных городах России, находились здесь. Их было не меньше трех десятков, и, чтобы уместиться здесь, все они жались друг к дружке, заполнив всю пещеру, покорно ожидая решения своей участи. Испуганные грохотом и треском открывшейся двери, они вскочили со своих мест, сбились в кучу, глядя на возникшую на пороге фигуру путешественника.

Илья быстро оглядел их и едва не застонал от разочарования: Владиславы среди них не было. Он сглотнул горькую слюну, сделал вперед один шаг, успокаивающе поднял руки:

— Не пугайтесь, мои милые! Я пришел освободить вас.

Девушки, не веря своим ушам, зароптали, задвигались, переглядываясь, и вдруг с криком и плачем все разом бросились к Пашину, окружили его, пытаясь дотронуться, убедиться, что он не иллюзия, не обман зрения, не бесплотный призрак.

— Тихо! — приглушенным голосом рявкнул Илья. — Сто-рожа услышат! Будете шуметь — брошу!

Угроза подействовала. Пленницы умолкли.

— Кто-нибудь из вас видел девушку по имени Владислава?

Чумазые, зареванные, бледные лица, растерянные глаза. Пленницы начали переглядываться, пожимать плечами, качать головами.

— Нет, не знаем, не видели, — ответила за всех высокая и стройная блондинка в изодранной кофточке. — Может быть, она из новеньких, кого привели эти бандиты? Одну ведьма утопила в бассейне, и ее сожрала какая-то жуткая водяная тварь!

По толпе пленниц прошло движение, шепот, девушки сдвинулись теснее, вспоминая кошмарную сцену.

Илья почувствовал страх, сердце болезненно рванулось в груди.

— Как ее звали?!

— Не знаем... не успели познакомиться, — слышались голоса.

— Как она выглядела?!

— Высокая блондинка с косой, одета в футболку и юбку...

У Ильи отлегло от сердца: Владислава была одета в другой костюм и выглядела иначе.

— А девушка по имени Ира среди вас есть?

Пленницы переглянулись.

— Я Ира... — раздался голос.

— И меня зовут Ириной...

— И меня... и меня...

— Четверо... — пробормотал Илья. — Кто из вас знает капитана Ратникова?

— Терентия? — выступила вперед красивая девушка в вечернем платье. — Что с ним?!

— С ним все в порядке. Он здесь и очень волнуется за вас. Скоро вы встретитесь. — Илья окинул пленниц взглядом. — Идите за мной — и молчок! Попробуем выбраться отсюда. Здесь больше никого нет?

— Тут есть дверь, — указала за спину девушка в изорванной кофточке. — По-моему, отдельная камера. Туда дважды заходили бородатые мужчины.

Илья, не раздумывая, раздвинул толпу девушек и действительно обнаружил неприметную деревянную дверь, узкую и невысокую. На ней висел обыкновенный амбарный замок, создающий впечатление злобного живого существа. Илья жестом приказал девушкам отойти назад, поднял посох и вытянул губы трубочкой:

— Пу!

С острия посоха сорвалась жиденькая зеленоватая искра, вонзилась в замок, и тот, хрустнув, раскрылся сам собой и задымил. Он тоже был заколдован.

Илья дотронулся до него посохом, снял с петель и отбросил в сторону. Толкнул дверь, вошел, согнувшись, включил «третий глаз», так как в помещении за дверью царил полнейший мрак.

— Есть кто живой?

Сначала в небольшой каменной каморке с сырыми стенами было тихо, потом послышались шорохи, вздохи, и Пашин увидел два более светлых на фоне стен пятна. Поднял посох. Но угрозой и злом от этих фигур не пахло, и он опустил свое оружие. Попятился назад.

— Выходите.

Вслед за ним из проема двери вышли две женщины в монашеском одеянии, одна совсем молоденькая, другая по виду

намного старше. У обоих были бледные, обтянутые сухой кожей, изможденные лица, потухшие глаза, и двигались они медленно, поддерживая друг дружку.

— Кто вы? — понизил голос удивленный Илья.

Молчание в ответ. Потом молодая монашка нашла силы:

— Послушницы... нас заперла Хозяйка...

— За что?

— Мы не хотели... ей служить...

— Понятно. И давно вы здесь сидите?

— Давно... счет дням потеряли...

Илья пожалел, что в карманах комбинезона нет ничего съестного.

— Идти сможете? Мы хотим выбраться из храма.

Монашки переглянулись.

— Покажи им дорогу, — тихо сказала молодая.

— Какую дорогу? — не понял Илья.

— Марфа знает подземный бретенъ... ход... который ведет к озеру, на ту сторону.

— Точно? Подземный коридор?! А он не заговоренный? Мы не попадем в ловушку?

— Им пользуется только черведень, — произнесла непонятное слово старшая монашка слабым шамкающим голосом. — Я здесь боле двух десятков лет, знаю...

— Черведень — это случайно не колдун Хрис?

— Вы его знаете? — удивилась молодая послушница храма.

— К большому сожалению, — сжал зубы Илья. — Жажду встретиться и поговорить по душам.

— У него нет души.

— Это уж точно. Ладно, не будем терять времени. Ведите нас, Марфа. Вернее, выведите девушек, мне надо остаться, я еще не все свои дела доделал. Моя жена тоже в храме, буду искать. Вы случайно не слышали о ней? Ее зовут Владислава.

— Нет, не слышали, — сожалеюще качнула головой монашка.

— Тогда идите. — Илья нашел глазами девушку в порванной кофточке. — Как вас зовут?

— Вера.

— Будете старшей. — Он повысил голос: — Всем остальным слушаться ее, как меня! Всем понятно?

— Лучше бы вы с нами... мы не сможем... мы боимся... — раздались голоса.

— Тихо! Отставить панику! Все будет хорошо. Я догоню вас. Слушайте Веру и проводниц.

Илья сжал локти старшей и младшей служительниц храма, сказал проникновенно:

— Спасибо вам! Постарайтесь обойти все западни и охрану, век буду благодарен! Вот, возьмите на всякий случай. — Он протянул старшей свой посох. — В случае нападения направьте острие палки на...

— Я ведаю, — кивнула монашка. — Посохами вооружены все охранители. Я тоже знаю с л о в о.

— Отлично! Стреляйте, не задумываясь.

Илья выглянул из пещеры в коридор, увидел невдалеке сидящих на полу у стены раненых сторожей, не проявляющих признаков агрессивности, и поманил пленниц за собой:

— Выходим!

Девушки боязливо выбрались из своей угрюмой тюрьмы, заполнили чуть ли не весь коридор. Старшая из монахинь повела их за собой, но свернула не к лестнице, ведущей наверх, а в другую сторону. Илья был здесь, однако этот поворот коридора не проверял, ему показалось, что он заканчивается тупиком.

— Бабушка, один вопрос, — догнал Пашин процессию.

— Не бабушка я, — странно улыбнулась монашка. — Мне всего сорок шесть лет.

— Извините, — пробормотал Илья.

— Ничего, милоч, я не в обиде. Жизнь так сложилась. Что за вопрос-то у тебя?

— Где келья Хриса, вашего колдуна?

— Зачем она тебе? Плохое это место, грязное.

— Может, моя жена там находится, у него.

— Об этом я не подумала. Поднимись на третью поветь храма, его келья за подволокой, по узкой лесенке поднимешься до колонны с рогатым фризом и повернешь налево. Там дверь железная будет с ликом Господина. Не смотри на лик — ослепнешь или умом тронешься. Только не войдешь ты к Хрису, вход заговорен, черная паутина падет, и ты схизнешь, усохнешь совсем.

— Не усохну, — усмехнулся Илья. — Меня научили заговоры снимать. Еще раз спасибо и удачи вам. Встретимся у озера.

Махнув рукой девушкам, он метнулся прочь, к лестнице,

переключив внимание на решение новой задачи. Илья не был уверен, что пленницам без потерь удастся выбраться из храма, но и помочь им, в общем-то, ничем не мог. Главная задача — спасение Владиславы — еще не была решена.

До кельи Хриса он добрался быстро, не встретив на своем пути ни одного хха. Двух монахинь, шарахнувшихся от него в сторону, он за противника не считал, хотя и служили они не светлomu Богу, а демонy. По сути, все они были невольницами, обреченными поддерживать гнусные ритуалы Морока и его культ ненависти к роду человеческого.

Дверь в покои Хриса и в самом деле оказалась железной, в заклепках, с ромбической насечкой, и в центре ее красовалось выпуклое изображение отвратительной зверино-человеческой морды с налитыми кровавым свечением глазами. Илья лишь раз взглянул на барельеф и получил такой удар по сознанию, по всей нервной системе, что едва удержался от обморока, успев отвернуться и отгородиться от взгляда идола перстнем Черного Вея. Затем с холодной яростью ударил в дверь ногой так, что она загудела. Направил на нее цату:

— Тьма, р а с с е й с я!

С гулким треском обрушился каменный карниз над дверью. Лик чудовища исказила злобная гримаса, будто оно было живым существом. Тусклая багровая вспышка испарила часть барельефа, он потек, как пластилин, и застыл смолянистыми черными каплями. Из всех щелей повалил сизый дым, струями стекая на пол.

Илья скосил глаза на барельеф Морока, но цата уже нейтрализовала заклинание черной защиты, и морда полузвля-получеловека потеряла былой заряд угрозы, искривилась, расплзлась каменными волнами и была теперь не опасна.

Илья снова ударил в дверь ногой в ботинке, толкнул рукой и вошел в келью Хриса, поддерживая состояние мгновенного адекватного ответа, усиленное сферой экстрасенсорного восприятия.

Келья штатного колдуна храма представляла собой квадратное помещение с высоким готическим потолком, освещенное мерцанием трех свечей, торчащих из фаллосоподобных подсвечников в стенах. Стены были сложены из каменных блоков и разрисованы непонятными символами, кое-где стершимися. В одном углу помещения стояла низкая кровать с горой перин и подушек, имеющих древний вид. На кровать

была выброшена пятнистая шкура какого-то зверя, скорее всего барса. Еще одна гигантская шкура — медвежья — лежала на полу перед кроватью.

В противоположном от кровати углу располагался дубовый стол, потемневший от времени, и на нем стоял самый настоящий современный компьютер с «бабочкой» клавиатуры. В двух других углах кельи высились обезьяньи фигуры из багрово-коричневого камня с гигантскими фаллосами. Глаза их светились изнутри и придавали скульптурам зловеще живой вид.

Посреди кельи на невысоком постаменте из кирпичей лежала неровная каменная плита размерами метр на метр и толщиной в два десятка сантиметров. Она имела фиолетово-синий цвет, с сизоватым отливом, а выбоины и выпуклости на ее плоскости складывались в изображение морды некоего жуткого существа с мертвыми черными глазами, искаженной злобной усмешкой. Илья узнал Лик Беса — Врата Морока, портал входа-выхода, соединявший мир-ад демона и Землю.

Он уже однажды имел дело с этой плитой. Год назад ему с друзьями удалось вынести Врата из храма и сбросить в центр выхода светлых с и л на острове Войцы. Энергетический всплеск почти стер Лик Беса, изменил структуру камня и закрыл канал перехода, но, как оказалось, не до конца. Колдун Хрис перетащил камень в храм и теперь пытался восстановить Врата, чтобы его Господин мог беспрепятственно приходить в мир людей и творить свои черные дела.

— Пора положить этому конец! — глухо проговорил Илья, чувствуя возрастающее давление магических полей кельи на сознание: вся атмосфера жилища мага была пропитана вибрациями черных с и л, и сдерживать этот натиск было трудно.

Он еще раз оглядел келью — Владиславы здесь не было, даже следов ее не было в и д н о — и подошел к алтарю с Ликом Беса. Достал из наплечного ранца взрывное устройство, добытое Ратниковым на складе Управления (где сейчас капитан? как там складывается ситуация?), включил таймер на сорок пять минут, надеясь за это время найти Владиславу и выбраться из храма. Попробовал поднять плиту и удивился ее легкости: Лик Беса весил не более пяти-шести килограммов. Впрочем, и в прошлый раз, когда они добыли плиту, она сначала весила мало, а потом по мере удаления от храма уве-

личивала свой вес, пока не превратилась в свинцовую — по массе — болванку, которую с трудом могли поднять четверо мужчин.

«Может, забрать ее с собой? — подумал Илья. — Сжечь еще раз?»

Но мысль пришла и ушла. Тащить плиту с собой не имело смысла, она связала бы руки и снизила маневренность. Сначала надо было найти Владиславу.

Илья прикрепил ушастую коробочку мины к торцу плиты, метнулся к выходу из кельи... и наткнулся на возникшую у порога фигуру высокого старика с пылающими черными глазами. Отпрянул.

— Хрис!

— Он самый, Витязь. — Маг растянул синие губы в язвительной усмешке. — Не ожидал? Куда это мы так торопимся?

— С дороги, колдун!

— Как невежливо, молодой человек. Ведь это мои хоромы, и не я, а ты проник в них, ако тать в ноши. А теперь хочешь выйти. Не получится.

Илья выстрелил.

Пуля попала старику в плечо и пронзила его как бесплотный клуб дыма, звонко шелкнула в приоткрытую дверь.

В ответ Хрис взмахнул сложенными особым образом пальцами (мудра подчинения) — волна холодного ветра едва не свалила Илью с ног, и он почувствовал, что мышцы рук и ног одеревенели.

— Слаб ты еще, Илья Константинович, — снова показал свою омерзительную улыбку колдун. — Не дорос до настоящего Витязя. Не знаю, каким образом тебе со товарищи удалось пройти озеро, куда я выпустил Ягью, но теперь это вам не поможет. Сам отдашь володарь, по доброй воле, или мне п р и к а з а т ь это сделать? Ведь ты взял его с собой, не так ли?

Внутри ставшего непослушным тела Ильи проклюнулся тонкий стебелек непокорства — это подключился талисман Рука Бога, почуявший беспомощность владельца и протянувший ему жилочку энергии. Илья схватился за эту жилочку, как утопающий за соломинку, пропустил ее сквозь сердце, заставил его работать в прежнем темпе, потом провел канальчик через легкие и позвоночник, подключил к мозгу. Сам собой вспыхнул «третий глаз», сфера видения-чувствования скачком раздвинулась, и стала видна неяркая звездочка в

кармане плаща колдуна. Звездочка пульсировала теплым живым свечением и казалась чуждой мрачной багрово-фиолетовой фигуре Хриса. Она словно подмигивала Илье, звала тоненьким знакомым голоском, пыталась что-то подсказать. Холодея, Илья вдруг понял, что это такое.

— Звезда Святича!

Хрис озадаченно, с удивлением посмотрел на шевельнувшегося противника, которого он «связал» заклинанием «черного покоя».

— Что такое? Ты хочешь посопротивляться?

— Откуда у тебя талисман моей жены?!

— Ах, это... — Хрис небрежно коснулся рукой одежды. — Он теперь служит мне. Итак...

— Где Владислава?! Ты... убил ее?!

— Зачем? Она жива, хотя и находится в покоях Евангелины. Сильная девушка, надо признаться, и очень строптивая. Графине нравится укрощать такие натуры. Но вернемся к...

— Свет не может служить т ь м е! — одними губами выговорил Илья, взялся за цату. — Печать Святого Духа — о с в о б о д и с ь !

Хрис взмахнул рукой, пытаясь сотворить еще одно заклинание, и в этот миг талисман Владиславы в кармане его рясы вспыхнул ослепительным накалом, взорвался как световая граната! Колдун оделся в пленку золотого пламени, завизжал, закрутился на месте, пытаясь сбить пламя, и исчез!

Выстрел из пистолета, сделанный Ильей для усиления эффекта, был уже лишним. Маг переместил себя на берег озера и нырнул в воду, гася волшебный огонь. Вынырнув, он схватился за крест на груди, вызвал Калошина:

— Помогите, наместник! В храме Витязи! Они захватили Врата! Да придет Тот, чье имя...

— Сколько их? — перебил Хриса призрак Черного Вея.

— Много! — соврал маг. — Они собираются уничтожить Врата, и тогда Господин...

Калошин прошипел ругательство.

— Врата еще надо вынести оттуда... у нас есть время... соберу все свои файлы и приду. Вы не оправдали доверия, ни ты, ни эта властолюбивая дура — Графиня! Сделайте все, чтобы задержать их до того, как я воссоединюсь!

Объемное изображение Калошина пропало.

Отплевываясь, мокрый и жалкий, Хрис побрел к берегу озера, чувствуя себя совсем немощным и дряхлым...

Илья в это время приводил себя в порядок и решал в уме проблему, что ему делать с Ликом Беса: взять с собой или оставить в келье мага. Победила первая идея. Но, как только он взялся за плиту, в келье появился человек. Илья схватился было за рукоять пистолета и разжал руку. Это был Георгий.

— Снова вы!..

— Таков замысел моей службы. Но готов признать, что вы неплохо овладели деяниями силы, Витязь.

— Я еще не посвящен...

— Считайте, что уже посвящены, Илья Константинович. Но дело еще не завершено. Берите модуль, надо вынести его отсюда.

— Я установил на нем мину...

— Она не взорвется, здесь слишком плотное магическое поле. Да и если взорвется, не причинит модулю никакого вреда. Его можно уничтожить только прямым ударом белой с и л ы. То есть вызвав кого-нибудь из светлых богов: Святича, Силича или Хорса. Но для этого надо восстановить Руну Света. Володарь у вас с собой?

— В ранце.

— Вы очень сильно рисковали, идя в храм без должной подготовки. Но кто не рискует, тот, как говорится...

— Не пьет шампанского.

— Тот не достигает цели. Пойдемте, я провожу вас. Нужно собрать всех и завершить д е я н и е.

— Уничтожить Врата Морока?

— Уничтожить Врата — всего лишь часть деяния и не самая главная. Восстановление истинных пропорций между Светом и Тьмой, Добром и Злом — вот главная задача. А для этого надо возвысить Силу, которая станет равной силе Морока. Равновесие поколеблено, светлых деятелей мало, древняя русская культура почти заглохла, ведуны вымерли... — Георгий умолк, прислушиваясь к чему-то. — Наши правители сильно постарались, две тысячи лет уничтожая ведическую культуру. Иван Грозный истреблял волхвов, хранителей древнего знания, тишайший Алексей Михайлович вешал скоморохов, ведавших тайны исцеляющего смеха, Петр I резко развернул страну на Запад, окунув в скверну масонских лож и союзов, коммунисты же вообще погубили все надеж-

ды, выпустив на волю демонов властолюбия, подпитываемых Мороком, подменили мягкую, оберегающую русскую культуру агрессивной и захватнической...

Георгий снова умолк, оценивающе глянул на Илью.

— Впрочем, еще не все потеряно, у нас есть шанс выжить и возродиться. Жизнь такова, что надо не только уметь созидать и творить, но и защищать созданное от посягательств всякого рода отморожков. Хорошо, что земля наша продолжает рождать воинов, способных еще ее защитить.

— Воинов мало...

— Воин не тот, кто на государственной службе воюет с оружием в руках, но тот, кто м о ж е т воевать, если надо. А таких людей на Руси — с духом и потенциалом воина — достаточно. Идемте.

Георгий поднял плиту с Ликом Беса на плечо, двинулся к выходу из кельи. Оглянулся, словно почувствовав не высказанный Ильей вопрос.

— Я знаю, где ваша жена, Илья Константинович. Она жива. Мы вызволим ее.

Илья вскинул голову, расправил плечи, сбрасывая усталость, хотел сказать: я готов! — но промолчал. Все было понятно без слов.

Глава 29

СНЕСИСЬ НА ВИХРЯХ, МЩЕНИЙ ЦАРЬ!

Они не знали приемов рукопашного боя, зато владели приемами бесконтактного воздействия и магического манипулирования. Не в той мере, чтобы полностью завладеть инициативой, но все же в достаточной, чтобы не подпускать к себе противника на расстояние прямого удара. Их совсем не грозные с виду деревянные трезубцы плевались не молниями, а потоками холодного воздуха, сбивающими Антона с ног на значительном — до шести метров — расстоянии, и прошло какое-то время, прежде чем он приспособился к манере ведения боя молодых учеников Хриса, теснивших его к бассейну, где обитал древний демон — изверг Ягья.

Патроны для «винтореза» кончились еще во время боя на подступах к храму, в пистолете же осталось всего пол-обой-

мы, и Антон поначалу экономил патроны, считая выстрелы. Однако тройка хха не давала ему возможности взять на прием кого-либо из них, к тому же парни с удивительной легкостью уворачивались от пуль, приходилось все время маневрировать и ждать удобного случая для выстрела.

В конце концов Антон, получивший два десятка полновесных силовых оплеух и затрешин, рассвирепел и придумал способ, с помощью которого подстрелил-таки двоих учеников колдуна. Поймав движение одного из них, он стрелял в него дважды — в голову, заставляя уклоняться и прыгать, и в то место, куда д о л ж е н был отпрыгнуть противник. Одному бородачу он таким образом прострелил шею, второму попал в плечо. Оба тут же выбыли из схватки, перестав ловить Громова остриями своих волшебных трезубцев.

Оставшийся невредимым снизил активность, начал медлить, оглядываться, а когда в зале с бассейном появились Илья с Георгием, он и вовсе увял и бросился наутек, скрылся в дыре коридора, ведущего на верхние этажи храма. За ним уползли и раненные коллеги.

— Слава Богу, ты жив! — с облегчением расслабился избитый Антон. — Нашел Владиславу?

— Мы идем за ней, — сказал Пашин, оглядываясь на спутника. — Георгий знает, где она.

— А камень вы зачем с собой взяли?

— Его надо сжечь окончательно, однако сделать это можно только вне стен храма.

— Если нас выпустят.

— Попробуем прорваться, терять нам нечего.

— Надо бы еще освободить девочек...

— Я их уже выпустил.

— Девушку капитана видел?

— Да, она вместе со всеми, жива, здорова.

— Слава Богу! Тогда вперед и с песней... — Антон не договаривал.

В зале объявились сразу три новых действующих лица: Всеволод Марьевич Калошин — Черный Вей, Хрис и верховная жрица храма Евангелина, успевшая оправиться от ран и одетая на этот раз в джинсовый костюм. В руке она держала красивую трость.

Несколько мгновений члены двух групп глядели друг на друга, оценивая силы и возможности. Потом Георгий снял с плеча Лик Беса, положил на пол и наступил на плиту ногой.

Черный Вей — Калошин — улыбнулся, сделал шаг вперед.

— Кажется, мы уже встречались, господин Кудеяров, не правда ли?

— В прошлой жизни, — коротко ответил Георгий.

— Нет-нет, и в этой тоже. Это не вы случайно возглавляете так называемую Школу возрождения русского искусства в Химках? Я вас как-то видел на приеме у президента.

— Вы не ошиблись, — тем же ровным голосом ответил Георгий.

— Очень приятно, — снова улыбнулся Калошин. — Уходите, вас мы не тронем. Пока. А вот с этими двумя поговорим по душам.

— Твоя душа давно принадлежит дьяволу! — не выдержал Антон.

Брови Всеволода Марьевича сдвинулись, но на реплику Громова он отвечать не стал.

— Или вы предпочтете благородно отдать жизнь за друзей? Но какие они вам друзья? Что они могут? Стрелять, драться? Да таких, как они, можно набрать легион! К тому же, насколько я знаю, в вашу задачу вовсе не входит разработка и осуществление боевых операций. Вы же воспитатель, или, как у вас говорят, р е ч е н н и к.

Георгий покачал головой.

— Вам не понять.

— Что ж, тем хуже для вас. Живыми отсюда вы не уйдете. Впрочем, шанс есть. Если вы добровольно отдадите володарь и Врата, я вас, может быть, и отпущу.

Георгий достал из кармана бутылку темного стекла с двумя горлышками, снял ногу с плиты Лика Беса, вынул из бутылки одну из пробок, наклонил над плитой. Из горлышка упала на плиту капля черной смолы, вспенилась и звучно шлепнулась в выпуклое изображение морды демона. Раздался свистящий гулкий треск, во все стороны полетели струйки пыли и язычки прозрачно-фиолетового пламени. В центре плиты образовалась небольшая ямка. Запахло порохом, серой и сгоревшим пластиком.

Калошин оскалился, оглянулся на Евангелину.

— Как это понимать, Графиня? Откуда у него ниргуна?

— Не знаю, — виновато отвела глаза верховная жрица. — Наверное, кто-то из моих слуг продался, помог ему... У меня еще есть. Убейте его!

Георгий снова наклонил бутылку, собираясь вылить ее содержимое на плиту.

Калошин протянул к нему руку.

— Погоди, Витязь, выслушай деловое предложение. У вас имеется то, что принадлежит нам, — Врата, и то, чего нам не хватает, — володарь. У нас тоже есть объекты для обмена.

Всеволод Марьевич шелкнул пальцами, и двое бородачей вытолкали из-за колонны в дальнем углу зала избитого окровавленного Ратникова со связанными сзади руками и его подчиненных, Славика и Жору Пучкова. Шлемы с них были сорваны, комбинезоны располосованы каким-то сверхострым клинком и висели лохмотьями, на лицах не осталось живого места.

— Итак, предлагаю обмен, — скрипучим голосом сказал Калошин. — Вы отдаете нам Врата и володарь, мы отпускаем вас и ваших друзей. Идет? В противном случае они погибнут.

— Не обращайтесь на нас внимания, — прохрипел Жора Пучков, на котором вовсе не было никакой одежды, кроме плавок. — Эти сволочи не посмеют убивать федералов, наши придут — камня на камне здесь не оставят!

— Во-первых, ваши не узнают о героической смерти коллег, — повернулся к нему Всеволод Марьевич. — Во-вторых, не надо хамить, сержант, я этого не люблю.

Глаза Калошина стали черными, наполнились текучей тьмой, и тотчас же Пучков вспыхнул как факел! Закричал, заметался из стороны в сторону, упал, начал кататься по полу, пытаясь сбить пламя.

Антон и Илья рванулись было вперед, но Георгий остановил их:

— Прекратите! Мы согласны.

Огонь на Жоре погас.

Он еще некоторое время слепо катался по полу, затем перестал стонать, замер, с трудом сел, мотая головой. Кожа на его теле покрылась пятнами копоти и зеленоватого пепла, покраснела, хотя полностью обуглиться не успела. И все же ему было так больно, что он не сдержался, снова застонал. Ратников бросился к нему, но был остановлен ударом по лицу. Выругался:

— С-суки! Будьте прокляты!

— Давайте володарь, — сказал Калошин как ни в чем не бывало. — А Врата оставьте на месте. И уходите.

— Не спешите, наместник, — холодно ответил Георгий. — У вас находится еще одна заложница — Владислава. Без нее обмен не состоится.

Калошин пренебрежительно махнул рукой, вызывая этим движением волну холодного ветра.

— Я и так пошел на беспрецедентные уступки, вместо того чтобы сразу уничтожить вас. К тому же я не знаю никакой Владиславы.

— Сразу уничтожить нас не получится, — глухо заговорил Илья, вытягивая в сторону Всеволода Марьевича палец. С пальца сорвалась длинная оранжевая искра, лопнула с оглушительным звоном, заставив вздрогнуть всех, кто находился в зале.

— Отдай мою жену, дьявол!

Георгий словно невзначай показал свой трехзубый нож с сияющим кончиком.

Калошин глянул на этот нож, хмыкнул, оглянулся на Евангелину.

— Она у тебя?

— У меня! — с вызовом выпрямилась верховная жрица. — И я не намерена...

— Отдай!

— Здесь я... — Евангелина, очевидно, хотела сказать: «Здесь я хозяйка!»

Глаза Калошина метнули молнии. Евангелина отшатнулась, бледнея, отступила на два шага.

— Ты пожалеешь об этом, наместник!

— Это решит Господин, Графиня, которого я жду с минуты на минуту. Не мешай н а м!

Евангелина отступила еще на шаг, не сводя глаз с Калошина, чьи черты вдруг п о п л ы л и, исказились на короткое время. Поманила пальцем одного из слуг:

— Торк, приведи девчонку.

Сутулый бородач молча скрылся в коридоре.

Прошла минута, другая, третья. Напряжение, охватившее десантников, достигло предела. Илья затаил дыхание, прислушиваясь к звукам, долетавшим из глубин здания.

Наконец послышались шаги, и сутулый Торк вывел в зал Владиславу в накинутом на плечи фиолетовом плаще или скорее монашеском платье без рукавов. Лицо ее было бледным, похудевшим, исцарапанным, но глаза горели непокор-

ным голубым огнем и смотрели дерзко и твердо. Евангелине не удалось сломить волю девушки, несмотря на пытки и колдовские приемы.

— Илья! — вскрикнула она, увидев Пашина, и бросилась к нему, путаясь в платье, едва не упала.

Илья в два прыжка преодолел разделяющее их расстояние, схватил жену в охапку, прижал к груди. Все смотрели на них молча, даже Калошин, в глазах которого то и дело вспыхивали зловеющие искры неумолимой воли и угрозы. Это давала о себе знать «проекция» Морока, действия которой вдруг оказались ограниченными «слабыми людишками».

Наконец Черному Вею надоело ждать окончания счастливой сцены.

— Достаточно сантиментов, господа романтики, пора заняться делом. Вы свободны.

Илья оторвался от Владиславы, поцеловал ее в губы, в щеки, в мокрые от слез глаза, отвел к Антону. К ним присоединились ковыляющие Ратников, Славик и Жора Пучков.

— Где гарантия, что они... — начал Терентий.

— Уходите, — перебил его Георгий. — Мы с Ильей останемся, пока вы не выберетесь из храма. Действуйте по обстоятельствам, капитан.

Ратников посмотрел на Пашина.

— Иру не встречал, Илья Константинович?

Илья приблизился к нему, шепнул на ухо:

— Она вместе с остальными пленницами, наверное, уже за пределами храма. Ищи ее там.

Ратников в порыве радости сжал Пашина в объятиях, махнул своим подчиненным:

— Уходим!

Илья подтолкнул Владиславу к ним, сказал сквозь ком в горле:

— Держись, малыш, я скоро вернусь.

— Обещаешь? — прошептала Владислава.

— Обещаю!

Антон взял девушку за руку, и все четверо двинулись к выходу из зала.

— Вот чего у вас, людей, не отнять, — криво улыбнулся Калошин, — так это лицедейства. Вечно вы норовите играть в романтику и благородство.

— Мы так живем, — качнул головой Георгий. — Это вы

лицедействуете, играете живых и настоящих людей, будучи зомби дьявола. Когда-нибудь этому придет конец.

— Непременно, уважаемый человек. Когда мой Господин вернется в ваш благодатный мир как библейский Мессия, всем благим порывам и намерениям действительно придет конец. Да и вам тоже.

— Вы неправильно трактуете Библию, господин наместник, — усмехнулся Георгий. — К сожалению, мы живем во времена, когда сатана — суть ваш Господин, имеющий «мирское» имя Чернобог (Морок — лишь пес его), не сдерживается оковами настоящего — не христианского — Православия. Но в наш мир Чернобог не придет как Высший Судия, чтобы карать и сеять смерть! Мы не пустим его! В нашу вселенную придет Бог Света и Добра, чтобы поправить пошатнувшееся равновесие между Светом и Тьмой. И возмездие всем тем, кто безропотно и добровольно принял печать вашего зверя — Морока, будет не кровавым, но очищающим! Все они получают главную свою боль и муку — совесть! И я им не позавидую, ибо муки совести страшнее любой физической боли!

— Ну-ну, молодой человек, — по-отечески покачал головой Всеволод Марьевич, — это что-то новенькое. А как же предостережения Библии, утверждающие о Втором Пришествии Мессии, Господа Иисуса?

— Он не мой Господь! — твердо ответил Витязь. — Мой бог — Справедливость! И этот бог воспрянет! Недолго ждать осталось.

— Воистину блажен тот, кто верует... но оставим эти философские споры. Ваши люди уже вышли из храма. Давайте володарь и уходите, мы вас не тронем.

Георгий посмотрел на Илью. Тот снял заплечный ранец, вынул из него холщовый мешочек с рунными дощечками, поставил на плиту, отступил.

Калошин покачал головой.

— Это не все. Вам придется составить Руну Силы, чтобы восстановить и открыть Врата.

— Так мы не договаривались, — сжал зубы Илья.

— Составь Руну, — успокаивающе кивнул Георгий. — Не беспокойся, я беру ответственность на себя. Пусть уходят!

Илья уловил некий тонкий намек в тоне речи Витязя и проглотил вертевшиися на языке возражения. Вынул из ме-

шочка дощечки с вырезанными на них рунами, начал раскладывать на полу, но приблизившийся Калошин указал на камень:

— Раскладывай на Вратах.

Хрис и Евангелина тоже подошли ближе, снедаемые любопытством, и даже обитающий в бассейне Ягья, вернувшийся по собственной воле с озера, выглянул из водоема — двухметровая текучая змея из воды с меняющей очертания головой, но это видел только Георгий, от внимания которого не ускользало ни одно движение врагов.

Илья сложил крест из рунных дощечек, завершив его укладкой стреловидной «руны защищенности», отступил от плиты с Ликом Беса. Георгий склонился над плитой, поменял местами две дощечки, и тотчас же над плитой всплыло переливчатое облако прозрачного лунного сияния.

Под зданием храма родился низкий гул, задрожали стены и пол, в воздухе проявились и исчезли паутинки золотого света. Это магическое пространство храма отреагировало на рождение внутри его с ф е р ы иной этики.

Повеяло холодом.

Хрис и Евангелина прикрыли глаза руками, будто свет сложенной руновязи ослепил их.

Плита, на которой Илья разложил рунный крест, налилась алым свечением, стала походить на глыбу раскаленного стекла. Изображение морды демона на ней начало вспучиваться, оживать, кривляться, расти, пока не превратилось в страшную объемную прозрачно-бесплотную фигуру, вобравшую облако свечения.

Затем с гулким ударом «стеклянная» плита почернела, как бы провалилась сама в себя и превратилась в столб черного тумана, прозрачного и непрозрачного одновременно, упиравшийся в потолок зала.

— Вот и все! — с удовлетворением сказал Калошин, обходя столб и потирая руки. — Отличная работа, парни! Честно говоря, я сомневался, что вам удастся восстановить Руну Силы, сложенную Евстигнеем. Слухи разные ходили... Но теперь можно и расслабиться. Начинаем временную эвакуацию.

Он взялся обеими руками за чешуйчатый крест.

Внезапно рядом с ним возник мужчина в сером костюме с галстуком. У него было тяжелое, угрюмое, недовольное лицо

с небольшой бородкой, чем-то похожее на лицо Всеволода Марьевича.

— Вы заставляете ждать, наместник, — недовольно пробурчал он, кинув на Георгия и Илью мимолетный взгляд.

— Кто это? — почти беззвучно спросил Илья.

— Господин министр экономического развития, — усмехнулся Георгий. — Одна из «проекций» Морока. По нашим подсчетам, в руководстве страны окопались около двадцати деятелей этого масштаба, замороженных демоном.

Рядом с мужчиной в сером костюме проявился из воздуха еще один — в сиреновом костюме с желтым галстуком. Илья узнал его — это был российский министр культуры.

Затем в зале один за другим стали появляться другие люди, всего около двух десятков человек, среди них три женщины, — заместители министров, деятели искусств, олигархи, владельцы телевизионных каналов, депутаты Госдумы, члены правительства, советники президента и премьер-министра, известные политологи и журналисты. Последним прибыл совсем молодой замминистра образования, известный своей «реформой» русского языка с выбросом «лишних» букв и правил.

Илья встретил взгляд Георгия, покачал головой:

— Ну и паноптикум! Сюда бы бомбу!

Георгий, в свою очередь, тоже покачал головой:

— К сожалению, всех негодяев и холуев Морока не перебьешь, человечество сократится более чем в два раза. Здесь собрались только главные предатели рода человеческого...

— Соединяемся, господа! — провозгласил Калошин.

Из его головы вылетела струя редкого черного дыма, и Всеволод Марьевич упал.

Из голов прибывших носителей печати Морока также выметнулись струйки дыма, в то время как сами тела падали на пол и замирали. Через несколько мгновений в зале остались стоять только трое: Илья, Георгий и Хрис. Верховная жрица тоже оказалась носителем «проекции» демона и выпустила его из тела, хотя вскоре зашевелилась и села, ворочая головой. Все-таки она была очень сильным магом и могла жить без внедренного в сознание «черного файла».

Струйки дыма начали двигаться как живые, распухать, объединились в одно плотное облако, и в зале образовалась колеблющаяся фигура неземного демона — Морока, соеди-

нявшего в себе черты человека, дракона и жуткого апокалиптического з в е р я, созданного большим воображением знаменитых земных художников вроде Босха и его последователей.

— Не смотри на него! — быстро сказал Георгий, защищая лицо ладонью.

Илья сделал то же самое, потом вспомнил о талисмане, поднял цату перед собой. Рука Бога и теперь защитила его от взгляда Морока, способного подчинить волю большинства людей на Земле.

— Мы еще встретимся, Витязи, — гулко пророкотала энергетическая ипостась Морока, начиная втягиваться в черный столб Врат. — Вы не дали мне насладиться плотью девственниц и будете за это жестоко наказаны!

— До встречи, дьявол! — сказал Георгий. — До встречи у тебя в твоём аду! Мы придем к тебе, обещаю, и вместе с нами придет Закон!

Высверк слепого черного взгляда «проекции» Морока был страшен. Шатнулись стены зала, в бассейне вода покрылась рябью, рухнула одна из колонн, поддерживающих потолок. Илью толкнуло в спину морозным воздухом, так что он вынужден был сделать вперед два шага по направлению к столбу Врат, но Георгий успел удержать его, дернул за руку.

— Отвернись!

Илья послушался.

Зыбкая фигура демона с шипением и свистом влилась в канал перехода из мира Земли в мир Нави, исчезла. С гулким стоном черный столб расслоился на сотни вспыхнувших алых струй и осел жидкой на вид, растекающейся, тающей глыбой. Вскоре от нее не осталось и следа. На полу зала осталась лежать потемневшая плита Лика Беса, а вот крест руновязи исчез, словно испарился.

Евангелина и Хрис, до этого момента находившиеся в ступоре, задвигались, переглянулись, направились было к Вратам, но Георгий направил на них льдисто просиявший кончик своего грозного ножа, погрозил им пальцем.

— Экспонаты руками не трогать! Вам лучше покинуть помещение. Через несколько минут храм будет уничтожен.

— Ты не посмеешь! — прошипела верховная жрица.

— Посмею, — спокойно отозвался Георгий, вытащил

из-под полы пиджака серый холщовый мешочек, подал Илье. — Разложи володарь.

— Что?! — не понял удивленный Илья.

— Это второй экземпляр володаря. Один Евстигней оставил в своей хате, второй передал мне. С помощью того, который достался вам, можно сложить только Руну Силы для энергетической подпитки любого процесса. Что мы и сделали, восстановив Врата. С помощью второго можно воскресить Руну Света и вызвать покровителя волхвов Святича или дарителя русского рода Любича.

— Значит, наш поход... и все наши действия... были рассчитаны заранее?!

— Все, кроме захвата вашей жены, Илья Константинович. Операция подготавливалась сотнями людей, наших помощников, и началась не с вашего похода в храм, а гораздо раньше. Если же учесть, что Евстигней собирал руновязь более пятидесяти лет...

— Все было рассчитано!..

Георгий развел руками, взгляд его стал грустным.

— Служба безопасности рода не должна ошибаться, Витязь. Мы пытаемся жертвовать малым во имя большого, но иногда приходится жертвовать еще большим — жизнью близких. Позже вы поймете, что такое жестокая необходимость, если нужно восстановить справедливость даже ценой...

— Я понял. И все же...

— Простите нас!

Илья посмотрел в глаза Георгия и понял, что этот сильный человек, несущий на своих плечах бремя великой ответственности за судьбы Руси, страдает!

— Хорошо. Что я должен делать?

— Повтори крест «мгновения вечности».

Илья кивнул, понимая, что речь идет о кресте руновязи, имеющем значение Руны Света. Развернул мешочек, высыпал на каменные плиты пола горку пахнущих свежим деревом дощечек с вырезанными на них символами.

Хрис и Евангелина, издали наблюдавшие за Витязями, о чем-то пошептались, и верховная жрица исчезла. Колдун же подошел к бассейну и сунул в него посох.

Георгий снова погрозил ему пальцем, покачал двухголовой бутылочкой с ниргуной.

— Не шали, дедушка, если Ягья проснется — вам тоже не-

сдобровать. Древний пашенок Морока не разбирает ни своих, ни чужих.

— Вас он, однако, пропустил через озеро, — пробурчал колдун.

— Он был сыт. Да и проглоченные им души иногда вспоминают свою прошлую жизнь и вмешиваются в его дела, изменяют целевые установки. Тем не менее лучше его не беспокоить.

Появилась Евангелина с такой же бутылкой, что была и у Георгия. Хрис не успел ничего сказать, как она вытряхнула из бутылки в бассейн сразу из двух горлышек две капли — смолянисто-коричневую и светящуюся чистым изумрудом.

— Глупая! — вырвалось у Георгия. — Вас же ничто не защитит!

Илья тем временем собрал крест, поднялся с колен. Над руновязью тихо встал прозрачно-золотой столб света.

— Цату! — протянул руку Георгий.

Илья с недоумением посмотрел на него.

— Зачем?

— Быстрее!

Илья снял с шеи цепочку с талисманом, Георгий разорвал цепочку и положил цату в центр креста, на дощечку с руной кийг — «руной Любви и Воли».

Столб света над рунной вязью загустел, завибрировал, зазвенел и запел. Послышался далекий удар гонга, будто где-то открылись некие космические врата, предвещающая появление Царства небесного.

Одновременно с этим над бассейном возникла гигантская змея с текуче-прозрачной головой, вылепленная из пульсирующих струй воды. Она одним движением проглотила вскрикнувшую Евангелину, покрылась сеточкой голубых молний, затем поворочила головой и погналась за Хрисом.

Георгий приподнял почерневшую плиту с Ликом Беса.

— Помоги!

Вдвоем они с трудом подняли потяжелевшую, весившую теперь не менее двухсот килограммов плиту и погрузили в поток света, бьющий из креста руновязи. Плита мгновенно посветлела, стала легкой как пушинка, всплыла и стала трескаться, распадаться на стеклянно-кристаллические осколки.

— Бежим! — выдохнул Георгий, бросаясь к выходу из зала, перепрыгивая через начавшие шевелиться тела носителей воли Морока.

Ничего не понявший Илья припустил за ним, оглядываясь на проглотившего Хриса изверга Ягью, который только теперь обратил внимание на людей. Но схватить беглецов он уже не успел.

Илья догнал Георгия в коридоре.

— Почему мы убегает?! А володарь?

— Его нетрудно восстановить, зная все руны и код набора. Но простым смертным недоступны божественные энергии, и когда образуется выход с и л ы — лучше быть от этого места подальше.

— Значит, сейчас здесь появится один из светлых Богов? Кто именно? Святич?

— Никто не появится. Руна Света дает только сигнал Богам, что мы готовы к встрече. Если мы будем достойны этого — они придут.

Беглецы вихрем проскочили коридор, подгоняемые нарастающим струнным гудением, взбежали по лестнице на первый этаж здания, вырвались в молельный зал. Дверь наружу была закрыта, но Георгий на бегу метнул в нее «гранату» ниргуны, и оба нырнули в образовавшуюся дымную дыру.

Каменные плиты, развалины, берег озера...

Зависший над озером вертолет...

Машущий рукой в проеме дверцы вертолета и что-то кричащий Ратников...

Илья не услышал, а угадал, что кричал капитан:

— Все в порядке! Наши все вышли! Сейчас мы вас подберем!..

В иллюминаторе кабины мелькнуло лицо Владиславы.

Илья помахал ей рукой.

Винтокрылая машина клюнула носом, пошла боком к берегу, куда выбежали беглецы.

Илья подпрыгнул, его подхватили сильные руки, втащили в кабину. За ним вскочил Георгий.

— В небо! Быстрее!

Вертолет поднялся выше.

«Древние развалины» — колдовская маскировка настоящего храма — ушли вниз. Горизонт раздвинулся, стал виден остров Войцы с протокой, отделяющей его от материка. На поляну под кладбищем высыпала толпа женщин — монашка-жрица храма все-таки вывела пленниц на свободу через

известный ей потайной ход. Ратников припал к стеклу иллюминатора, пытаясь разглядеть свою любимую.

Илья бережно прижал к себе плачущую Владиславу, и в это время закричали Славик и Жора Пучков:

— Смотрите!

Все приникли к иллюминаторам.

Развалины на берегу озера Нильского, торчащие из болот как гнилые зубы, вдруг заколебались и пропали, а на их месте на несколько мгновений возникла гора чудовищных арочно-стрельчатых, человеческих и нечеловеческих одновременно, гигантских черепов! Это проявился истинный — многомерный храм Морока, спрятанный до поры до времени в «складках» иных пространств и времен. Руна Света «выдернула» его из этих складок, объединила, высветила... и тут же закапсулировала, превратила в ничтожную песчинку!

Какая-то черная точка метнулась прочь от сияющего лучистого столба. Ворона. Или другая птица. Хотя это, возможно, каким-то чудом спасся изверг Ягья.

Столб света, вымахнувший из земных недр, продержался еще несколько долей секунды, погас. На месте храма осталась глубокая дымящаяся воронка, в которую с шумом хлынули воды озера и болота. Вскоре здесь образовалось еще одно озеро необычной — шестилучевой — формы.

— Финита!.. — хрипло прокомментировал случившееся Жора Пучков, грязный, в синяках и царапинах, покрытый волдырями и запекшейся коростой.

Такими же примерно выглядели и остальные десантники.

— Снесись на вихрях, мщений Царь! — пробормотал Илья, крепче сжимая в объятиях жену.

— Надеюсь, эта сволота больше не появится? — хмыкнул Ратников. — Мы его прогнали окончательно?

— Мы перекрыли вход только физическому телу демона, — ответил Георгий с мягкой извиняющейся интонацией, будто это он был виноват во всех бедах людей. — До полного исхода з е р я еще далеко, и зависит это от нас самих. Остается самое трудное.

— Что?! — Все находящиеся в кабине пассажиры посмотрели на Витязя.

— Работать, — со слабой улыбкой ответил Георгий. — Надо просто работать, восстанавливать Закон возмездия, культ добра и света, русские народные песни, обряды, ритуалы, ле-

чить равнодушных и завистливых, открывать глаза слепым, дать знание всем, кто хочет знать, и тем, кто не хочет...

— Но ведь это потребует десятки лет, если не сотни! — пробурчал Ратников.

— А вы хотели изменить мир, а главное — души людей за один день? — прищурился Георгий. — К сожалению, этого не сделает ни одна магия. Зло и Тьма — сильнее, изворотливее, удачливее за счет беспринципности и неразборчивости в средствах, Добро и Свет — уязвимы и ранимы. И пока мы не посеем в душах живых людей — на Земле много душевно умерших — надежду и веру в справедливость, з в е р ю есть чем питаться в нашем мире. Почаще воображайте будущее светлым — и оно станет таковым!

И столько силы и уверенности было в голосе Витязя, что все поверили ему...

СОДЕРЖАНИЕ

ЛОГОВО ЗВЕРЯ. Роман

Глава 1. ПОСЛЕДСТВИЯ ОШИБКИ	7
Глава 2. НАКАЗАНИЕ ЗА ОТКАЗ.	20
Глава 3. ЕНЕ ЗНАЕШЬ, ГДЕ НАЙДЕШЬ, ГДЕ ПОТЕРЯЕШЬ	29
Глава 4. ЕИЛЬМЕНЬ-ОЗЕРО	44
Глава 5. ЕСЛУЧАЙНЫХ ВСТРЕЧ НЕ БЫВАЕТ	67
Глава 6. ЕУИБ	100
Глава 7. ЕТЕМНАЯ СИЛА.	111
Глава 8. ЕБЫЛИ СБОРЫ НЕДОЛГИ	114
Глава 9. ЕХОРОШЕЕ НАЧАЛО.	130
Глава 10. ВПЕРЕД И С ПЕСНЕЙ	145
Глава 11. ЧЕРНАЯ «ВОЛГА»	166
Глава 12. СТАЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ	169
Глава 13. ЖРИЦА	182
Глава 14. ПОСЛУШНИЦА	192
Глава 15. СТРЕКАВИН НОС.	199
Глава 16. ТЫ ВСЕ-ТАКИ ПРИШЕЛ!	212
Глава 17. МИННОЕ ПОЛЕ	224
Глава 18. ВОЛХВ.	233
Глава 19. КАМЕНЬ КОДИРОВАНИЯ.	250
Глава 20. БЕС В ХРАМЕ	266
Глава 21. ЗАБОТЫ ЭМИССАРА.	275
Глава 22. ОДНА ПУЛЯ ДЛЯ ДВУХ СЕРДЕЦ	280
Глава 23. Я БУДУ СКОРО	291
Глава 24. СТАЯ ОПТИМАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ.	294
Глава 25. ЗАЛОЖНИКИ СТРАСТИ.	307
Глава 26. ВСЕХ УНИЧТОЖИТЬ!	319
Глава 27. ВЕЗЕТ СИЛЬНЕЙШЕМУ.	328
Глава 28. БЕЛАЯ ПЕЧАТЬ	339
Глава 29. ПЁС ПРЕИСПОДНЕЙ	349
Глава 30. Я БЫЛ ДО, Я БУДУ ПОСЛЕ...	365

ИСХОД ЗВЕРЯ. Роман

Глава 1. ШАБАШ ВРАТ.	385
Глава 2. ИНДИКАТОР СИСТЕМЫ	391
Глава 3. ДАЙ МНЕ ТО, НЕ ЗНАЮ ЧТО	395
Глава 4. ЕСТЬ ТАКАЯ ПРОБЛЕМА.	398
Глава 5. ЧЕЛОВЕК БОКСА.	406
Глава 6. МЕСТО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ	418
Глава 7. БРЫКИН БОР	429
Глава 8. ПРОГУЛКИ ПО ВВЦ	445
Глава 9. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ.	455
Глава 10. ГРОМ С ЯСНОГО НЕБА	465
Глава 11. ДОРОГОЙ РЕСТОРАН	474
Глава 12. Я НЕ МАЛЬЧИК ДЛЯ БИТЬЯ	489
Глава 13. КРЕПОСТЬ	498
Глава 14. ДЬЯВОЛ ВО ВЛАСТИ	510
Глава 15. ПЕРВАЯ ПОТЕРЯ	514
Глава 16. СЮРПРИЗ — В СТУДИЮ!	528
Глава 17. ДОПРОС	540
Глава 18. ЛОГОВО ЗВЕРЯ	549
Глава 19. ЧЕРНАЯ ГРАФИНЯ	557
Глава 20. ЛИХА БЕДА — НАЧАЛО	566
Глава 21. ОСТОРОЖНО: МИНЫ!	576
Глава 22. ЛОВУШКА	588
Глава 23. ВОЗЬМИТЕ, ЕСЛИ СМОЖЕТЕ	597
Глава 24. БАЗА	608
Глава 25. ПУСТЬ ПРИХОДЯТ!.	617
Глава 26. ДЕСАНТНАЯ ОПЕРАЦИЯ	620
Глава 27. ВИТЯЗИ В ХРАМЕ.	630
Глава 28. ОСВОБОЖДЕНИЕ.	644
Глава 29. СНЕСИСЬ НА ВИХРЯХ, МЩЕНИЙ ЦАРЬ!	655

Литературно-художественное издание
Головачев Василий Васильевич
ЛИК БЕСА

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Е. Самойлова*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Т. Комарова*
Корректор *Л. Гусева*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *А. Дубовика*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16,
многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Подписано в печать 21.09.2005
Формат 84x108 ¹/₃₂. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 35,28. Уч.-изд. л. 36,0
Тираж 6000 экз. Закз 8033.

Отпечатано с готовых диапозитивов издательства
на ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 5-699-13472-7

9 785699 134724 >